

Российская академия
юридических наук

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

24

2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 24

Москва
2024

УДК 34
ББК 67я431
Н 34

Н 34 Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 24. —
М. : ООО «Издательская группа «Юрист», 2024. — 684 с.

Редакционная коллегия:

Блажеев В.В., Бублик В.А., Голиченков А.К., Капустин А.Я., Кропачев Н.М.,
Шахрай С.М., Шерстобитов А.Е., Ястребов О.А.

Ответственный редактор:

Гриб В.В.

В сборнике представлены труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIV Международной научно-практической конференции «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая состоялась в Москве 21 ноября — 24 ноября 2023 г.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Сборник предназначен для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов юридических вузов.

DOI: 10.18572/978-5-94103-523-6-2024-1-684

ISBN 978-5-94103-523-6

© Российская академия юридических наук, 2024
© ООО «Издательская группа «Юрист», 2024

ISBN 978-5-94103-523-6

Уважаемые коллеги!

Российская академия юридических наук представляет очередное издание ежегодных научных трудов.

В этом году сборник издается на базе материалов XXIV Международной научно-практической конференции «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы», состоявшейся в Москве.

Конференция была организована Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права.

Российская академия юридических наук сотрудничает не только с юридическими вузами, научными организациями, но и с институтами гражданского общества, консолидируя юридическую науку и общественность в деле построения правового государства.

Одним из итогов такого сотрудничества являются «Научные труды», которые будут и дальше помогать нашим коллегам в их профессиональной, научной и общественной деятельности.

Голиченков А.К.,

сопредседатель Ученого совета РАЮН,
декан Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
академик Российской академии образования,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Гриб В.В.,

председатель Исполкома РАЮН,
заведующий кафедрой конституционного права
Московского государственного института
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
академик Российской академии образования,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Беляев М.П. Обладали ли имперские чины в Священной Римской империи суверенитетом? 10

Грешнова Н.А. Понятие личных интересов в современных условиях ... 16

Ефремова Н.Н. Восстановление государственного суверенитета Древней Руси в Московской Руси: ретроспективный анализ 24

Имекова М.А. Категория «правовое обеспечение» в теоретико-правовой науке..... 30

Исаков И.Н. Законодательный уровень правового регулирования в субъектах РФ в контексте укрепления суверенитета России 40

Мурсалимов К.А. Раннее кельтское право, по данным эпиграфики 48

Палюлин А.Ю. Опыт идеологических запретов в партийных системах Запада как правовой фактор обеспечения национального суверенитета 60

Почекаев Р.Ю. Действие внутреннего законодательства Российской империи в Бухарском эмирате конца XIX — начала XX в. (к вопросу о суверенитете и протекторате) 66

Прокопович Г.А. Суверенитет как юридическая категория: генезис и эволюция..... 73

Сергеева Т.Н. Суверенитет России — ценность в современном мире..... 80

Триkoz Е.Н. Модель гибридной кодификации права как форма суверенной уголовной политики (опыт Новой Зеландии)..... 85

2. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Акопджанова М.О. Законодательный процесс 92

Балаян Э.Ю. Государственный суверенитет и права человека: проблемы соотношения (конституционно-правовой контекст) 98

Безруков А.В. Конституционные реформы и современное конституционное право России: основные тенденции взаимовлияния и качественное состояние 108

Боярская О.В. К вопросу о правовых механизмах реализации народного суверенитета в Российской Федерации..... 115

Григорьев К.Е. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по охране государственного суверенитета Российской Федерации 121

Денисов С.А. Суверенитет народа в доконституционных государствах.... 126

Ерыгина В.И. Конституционализация доктрины народного представительства и народного суверенитета 132

Иксанов И.С. Гражданство Российской Федерации: традиционные и современные подходы 141

Ильина О.Ю. Социальное партнерство как фактор устойчивого развития российского общества 152

Киреев В.В. Функциональный потенциал Конституции Российской Федерации в сфере обеспечения суверенитета современной России 158

Ключников Н.Г. О некоторых вопросах правового статуса парламентариев: являются ли сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы должностными лицами и/или лицами, занимающими государственные должности164

Кондрашев А.А. Будущее российского федерализма: «советский федерализм 2.0» или новая разновидность территориального устройства?172

Костылева Е.Д. Конституционные гарантии обеспечения социальных прав человека в сфере формирования условий активного долголетия.....179

Кравец И.А. Суверенные права народа и государственный суверенитет в диалогическом конституционализме и информационном обществе185

Макарцев А.А. К вопросу обеспечения недопустимости иностранного вмешательства в выборы (на примере России и Казахстана).....194

Мещеряков И.С. Понятие права на объединение во взаимной связи с конституционно-правовым содержанием суверенитета199

Раздъяконова Е.В. Коммуникативный конституционализм и социальная политика208

Скуратов Ю.И. Суверенитет в Российской Федерации: новые политико-правовые реалии.....211

Федотова Ю.Г. Публично-правовые основы защиты Российской Федерации и обеспечения ее национальной безопасности.....217

Чупилкина А.Ф. Экономический суверенитет и экономический конституционализм: некоторые аспекты взаимного влияния224

Шубина Е.Ю. Лишение гражданства как способ защиты государственного суверенитета230

3. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Барахоева А.Р. Особенности административной ответственности юридических лиц: проблемы и перспективы237

Брежнев О.В. О некоторых тенденциях и проблемах развития законодательства о противодействии коррупции в Российской Федерации.....245

Евсикова Е.В. Модернизация финансового контроля в условиях цифровой трансформации251

Карсюк Д.С. Начало административного процесса как стадия административного процесса (на примере законодательства Республики Беларусь)257

Катаева О.В. О роли публично-правового регулирования института гражданства Российской Федерации в обеспечении государственного суверенитета265

Коновалова З.А. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России270

Кравченко Н.А. Финансово-правовое обеспечение налогового суверенитета Российской Федерации в условиях цифровизации275

Петров И.С. Административно-правовые аспекты цифровизации представления и проверки сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера281

Шевякова П.М. Пробелы в правовом регулировании использования генетических ресурсов как элемента обеспечения продовольственной безопасности.....285

4. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Аббуд Р.Р. Международно-правовое регулирование борьбы в отношении киберпреступлений.....294

Куташевская Я.С. К вопросу об обосновании автономии воли в деликтном статуте304

Максименко С.В. Модели адаптации мигрантов в новом обществе: основные направления государственной политики312

Попович М. Актуальные вопросы правосубъектности в международном праве (на примере Республики Сербии)317

Шулаков А.А. ESG-стандарты и национальные интересы России: детали319

5. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Брюхина Е.Р. Право человека на свободный репродуктивный выбор, репродуктивное самоопределение, свободу и безопасность личности325

Гаймалеева А.Т. Правовые средства охраны интересов заемщика, призванного на военную службу по мобилизации, принимающего участие в СВО, членов его семьи и иных лиц по кредитному договору330

Денисова Е.Л. Столкновение интересов государства и личности в контексте соблюдения принципа неприкосновенности частной собственности338

Ермаков С.Л. Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации — важнейшее слагаемое защиты национальной безопасности Отечества345

Михайлова А.С. К вопросу о важности оптимизации норм, касающихся контроля и надзора в сфере образования, а также о важности принятия федерального закона, регулирующего отношения по оказанию психологических услуг (с учетом необходимости противодействия распространению псевдонаучных теорий и практик, затрагивающих сферу психологической деятельности)356

Мицык Г.Ю. Оценочное понятие «добросовестность» и его сущность362

Роман Е.М. Криптовалюты: понятие, история становления и правовое регулирование их использования в мире368

Сазонов А.И. Семейные правоотношения при смене пола379

Ходырева Е.А. Аксиологический подход к праву на охрану изображения гражданина383

6. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Авдякова В.А. Отдельные аспекты применения принципов добросовестности и недопустимости злоупотребления правом на примере

возмещения судебных расходов
по косвенному иску в арбитражном
процессе.....389

Аргунов В.В. К вопросу
о гражданской процессуальной
право- и дееспособности395

Ахмадиева Г.Р. Правовое положение
лиц, в адрес которых вынесено
частное определение,
в гражданском судопроизводстве403

Грибов Н.Д. Антиисковые
обеспечительные меры, антиисковой
запрет как средство правового
обеспечения суверенитета
Российской Федерации.....412

Загидуллин М.Р. Актуальные
проблемы юридической
ответственности в арбитражном
судопроизводстве.....419

Мазурова А.П. Рассмотрение
арбитражными судами дел
об установлении фактов,
имеющих юридическое значение,
процессуальные особенности428

Смагина Е.С. Оспаривание
прокурором сделок, совершенных
в целях уклонения от обязательных
правил, установленных
законодательством в публично-
правовой сфере434

7. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Ковалев И.П. Особенности
применения норм авторского
права в отношении произведения,
созданного искусственным
интеллектом.....440

Мишуков В.О. Дистанционное
электронное голосование как один

из механизмов реализации принципа
суверенитета: особенности
и проблематика.....446

8. МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Еникеев О.А. Саморегулирование
биобанковской деятельности453

Токмакова Е.П. Законотворческая
деятельность Межпарламентской
Ассамблеи СНГ в области
здравоохранения по созданию
модельных законов.....459

9. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Королькова Д.А. Искусственный
интеллект как новое направление
в гражданском праве.....465

10. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. КОММЕРЧЕСКОЕ ПРАВО

Булгаков В.В. Принципы
современного коммерческого
права: специфика, проблемы
и перспективы развития471

Кирилова Н.А. Реализация
договорной свободы участниками
предпринимательской деятельности
при формировании условий договора
об ответственности476

Федянин Ю.М. Актуальные
проблемы осуществления
иностраннх инвестиций
в Российской Федерации.....487

Шевчук Е.П. Проблемы стандартного
регулирования коммерческой
деятельности в сфере оказания
медицинских услуг494

11. ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Карданова И.В. Актуальные проблемы предоставления ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в России.....498

12. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Арушаньянц А.Н. Содержание принципа свободы конкуренции в правовом обеспечении экологизации экономики и социальной сферы Республики Беларусь в контексте реализации экологической политики государства505

Жочкина И.Н. К вопросу о совершенствовании проведения общественной экологической экспертизы512

Копылов В.П. О важности частной инициативы в ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде519

Мальханова Е.В. Стратегия сохранения уникальной экологической системы озера Байкал в условиях климатических изменений526

Нигматуллина Э.Ф. Российская Конституция и эволюция федеративных отношений в сфере использования природных ресурсов530

Русин С.Н. Правое измерение влияния «зеленого перехода» на суверенные права России на природные ресурсы535

Харьков В.Н. Вхождение в состав Российской Федерации новых

субъектов Федерации как фактор развития земельного законодательства.....539

13. РЕЛИГИЯ И ПРАВО

Абдуллаев Р.А. оглы. Основные виды договора купли-продажи в исламском праве.....546

Алиев Р.Р. Сущность исламского торгового права.....553

Амиров А.Т. Общие принципы договоров в исламском праве557

Артемьев В.Ю. Договорные начала в исламском уголовном праве564

Ерышев В.И. Влияние Кормчей книги на развитие государственного суверенитета568

Луганская С.Л., Чапурко Т.М. Духовные аспекты права и библейский взгляд на философию права575

Палагутин А.А. Партнерское финансирование как вид исламского банкинга и его правовое регулирование в Российской Федерации.....583

14. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Емелина Л.А., Миронов В.А. Медиация как эффективный способ разрешения брачно-семейных конфликтов: сравнительно-правовое исследование595

15. СУДЕБНОЕ ПРАВООТВЕРЧЕСТВО

Гончарова А.А. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ как продукт судебного правотворчества.....601

16. УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Дронова О.Б., Рыжков И.В.

Современные направления
расширения натуральных коллекций
ЭКП МВД России.....608

Колесникова Н.С. Проблемы
назначения судебных экспертиз
с целью обнаружения и проверки
криминалистически значимой
информации о личности
на современном этапе615

Кулаевский А.В. Криминалистическая
алгоритмизация деятельности
следователя при установлении лица,
совершившего преступление.....621

Матвеева А.А. Основы учения
о географии преступности в трудах
профессоров Московского
университета (М.Н. Гернета,
А.Н. Трайнина, Н.Ф. Кузнецовой)626

Пичугин С.А. Криминалистическое
исследование признаков внешнего
облика человека, зафиксированных
на цифровых носителях632

Смоляков П.Н., Рудакова А.И.
Некоторые аспекты применения
в административно-деликтном
и уголовном праве временных
актов.....638

Феокистов М.В. Квалификация
преступлений против здоровья
населения, совершаемых

с использованием информационно-
коммуникационных технологий:
некоторые проблемы теории
и практики644

17. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Пибаев И.А. Установление
условий осуществления деятельности
религиозных служителей в России
и зарубежных странах в целях
обеспечения суверенитета
государства: между свободой
вероисповедания
и национальными интересами650

Романова Г.В. К вопросу
о производстве судебной экспертизы
в уголовном судопроизводстве655

18. ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Городов О.А. Атрибуты генерации
как инструмент достижения
углеродной нейтральности659

Карцхия А.А. Технологический
суверенитет и энергетическая
безопасность.....669

Мельников О.О. Правовое
регулирование технологического
присоединения к электрическим
сетям.....675

Обладали ли имперские чины в Священной Римской империи суверенитетом?

В настоящее время в отношении оценок положений Вестфальского мира о территориальном суверенитете ведется острая дискуссия. Не так давно общепризнанной была точка зрения, что суверенитет, предоставленный имперским чинам¹, был фактически полным, что привело к дезинтеграции Священной Римской империи и трансформации средневековых территориальных ленов в государства современного типа. Она легла в основу концепции Вестфальского суверенитета, т.е. системы организации власти, при которой государство обладает полным верховенством в пределах своей территории, политической независимостью внутри и вне страны и является юридически равноправным в отношениях с иными государствами.

Согласно этому представлению, именно Вестфальский мир заложил основы современного международного права и современной политической картины мира как совокупности суверенных, независимых и равноправных национальных государств. А принципиальное признание территориального суверенитета имперских чинов (помимо их традиционных привилегий) привело к их независимости от власти императора, ограниченной лишь мало значившей оговоркой, запрещающей заключать международные договоры, направленные против императора. В результате Священная Римская империя (далее — Империя) превращалась в союз государств, а император стал среди них первым среди равных.

Такой взгляд на итоги Вестфальского мира в настоящее время подвергается критике: ряд современных исследователей отрицают предоставление суверенитета имперским чинам и утверждают, что договором были лишь систематизированы старые права, привилегии, свободы, прерогативы и рега-

¹ Имперские чины (нем. Reichsstände) — субъекты Империи, за которыми общеимперской конституцией закреплено: место и право голоса в Рейхстаге; определенный набор прав и привилегий (территориальный суверенитет); соответствующее участие в удовлетворении финансовых, военных и других нужд Империи; принадлежность к одному из десяти имперских округов. Под имперским чином, как правило, подразумевается территория, за которой закреплено все вышеперечисленное либо лицо (или группа лиц), владеющее этой территорией, реже — лицо, которому лично были дарованы место и право голоса в Рейхстаге без территории (тогда это лицо пользовалось статусом имперского чина пожизненно и не могло передать его по наследству). См.: Комлева Ю.Е. Государственное устройство Германии в Новое время : учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2007. С. 24–25.

лии, которыми имперские чины пользовались раньше. Никакого права суверенитета в Вестфальских мирных договорах не было, а в них лишь были закреплены сословные свободы, но не делало из имперских князей суверенных правителей². В тексте Вестфальских мирных договоров отсутствует слово «суверенитет» по причине того, что его нет в латинском языке, на котором составлен договор³. Немецкие территориальные княжества оставались по-прежнему в рамках единой конструкции, скрепленной имперской конституцией, а полноправным сувереном продолжала оставаться Империя, а не ее члены⁴.

Между тем слово «суверенитет» происходит от латинского *superanus*⁵. Жан Боден писал в своих «Шести книгах о государстве», что аналогом слова «суверенитет» в латыни является слово *majestatem*⁶. Действительно, в ходе мирных переговоров для Империи делегаты конгресса намеренно исключили термин «суверенитет» из проектов договоров. Однако были использованы скрытые термины. В отношении статуса имперских чинов это *ius superioritas*. Он мог по-разному интерпретироваться после подписания мирного соглашения и, таким образом, давал участвующим в нем державам «пространство для маневра» и свободу действий⁷.

Следует признать, что правовое состояние имперских чинов, установленное в 1648 г., не было эквивалентно суверенитету. Они обладали почти полной внутренней автономией с некоторыми ограничениями, налагаемыми на суверенитет Империей. Французский дипломат У. Обрехт в конце XVII в. в своей памятной записке королю Людовику XIV развивает доктрину о том, что права, осуществляемые в силу *superioritas territorialis*, и права, осуществляемые в силу суверенитета, примерно идентичны. Однако *superioritas territorialis* имеют ограничения. Определенные права суверенитета исключаются из власти территориального правителя и сохраняются за императором. Было невозможно составить их исчерпывающий список, поскольку император всегда тщательно избегал предоставления имперским чинам точного перечня его «зарезервированных прав» (*iura reservata*), что ограничивало бы его власть. Во-вторых, *superioritas*

² Ивонина Л.И. Монополизация власти и государственный суверенитет в эпоху классической Европы // Исторический формат. 2015. № 1. С. 95.

³ Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 16.

⁴ Ивонина Л.И. Указ. соч. С. 95.

⁵ Леонов А.С. Государственный суверенитет: этимология и предыстория развития концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3-2. С. 131.

⁶ Баязитова Г.И. К вопросу о политико-правовых истоках теории Жана Бодена // Вестник Тюменского государственного университета. 2002. № 2. С. 58.

⁷ Heuser P.A. Der Souveränitätsbegriff auf dem Westfälischen Friedenskongress. 1643–1649. Eine Studie zur Geschichte der politisch-diplomatischen Terminologie // Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress. Historische und sprachwissenschaftliche Zugänge / Hg. A. Gerstenberg. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2014. S. 123.

territoralis не является независимым, то есть подчинено суверенитету. Из этого следует, что существует «определенная конкуренция между суверенитетом императора и Империи и superioritas territorialis имперских чинов»⁸.

Однако *ius superioritas* (ст. VIII § 1 IPO), красноречиво переводимое во французских источниках как право суверенитета, было решающим критерием, который делал имперские чины «территориальными государствами». Немецкие территориальные князья пытались определить свой новый статус (*superioritas territorialis*) в смысле неограниченных прав на власть. Это слово составляло сущность абсолютизма, способности и готовности князя править без сословий⁹. В силу этого на практике и в теории абсолютная монархия отождествлялась с суверенитетом государства. Немецкие князья, обладающие правом *ius superioritas* по Вестфальскому договору, пользовались независимостью в области внутренних дел, административного устройства и собственного законодательства. В то же время имперские чины по-прежнему считались вассалами императора и не могли заключать договоры с иностранными государствами, направленные против Империи и императора¹⁰. Кроме того, немецкий государь был обязан принимать участие в органах управления Империи, участвовать в расходах на содержание имперской армии и имперских учреждений, обеспечивать исполнение на территории своего княжества решений Рейхстага и других имперских органов¹¹.

Имперские чины становились субъектами международного права, с оговоркой, что они не будут вступать в союзы против императора и Империи¹². Вестфальский мир предоставил каждому отдельному имперскому чину по крайней мере квазисуверенное положение посредством права союзов и установления *superioritas territorialis* и, таким образом, также открыл потенциальное участие в европейской политике. Политический вес, который сословие имело в имперской системе, не означал автоматически, что он также преуспеет на международном уровне. Курфюрсты Майнца, например наде-

⁸ Braun G. La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756. München : Oldenbourg, 2010. S. 50–51, 494.

⁹ Duchhardt H. Deutsche Verfassungsgeschichte. 1495–1806. Stuttgart, Berlin, Köln : Verlag W. Kohlhammer, 1991. S. 180–181.

¹⁰ Говоря о том, что имперские князья еще до Вестфальского мира могли заключать договоры с иностранными державами, А.В. Куприянов привел неудачный пример: заключение договоров Пфальца и Бранденбурга с Нидерландами еще в 1604 и 1605 гг. См.: Куприянов А. В. Указ. соч. С. 16. Однако в те годы Нидерланды еще вели Освободительную войну с Испанией (1566–1609) и не были независимым государством, а, следовательно, являлись частью Империи.

¹¹ Ивонина Л.И. Указ. соч. С. 95–96, 98.

¹² Ивонин Ю.Е. Священная Римская империя и формирование европейской системы государств // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Вып. 3 (11). URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000381-8-1> (дата обращения: 01.07.2014).

ленные исключительными полномочиями и правами в соответствии с имперской конституцией, так никогда и не стали настоящими партнерами великих держав. С другой стороны, одной только военной мощи было недостаточно для достижения международного признания. Ландграфы Гессен-Касселя, которые последовательно оттесняли местные сословия и создали относительно крупную постоянную армию, так и не превратили свою страну в великую державу. Сочетание военной мощи с высоким княжеским достоинством, которое могло быть увеличено, насколько это возможно, до королевского сана и, таким образом, до паритета с европейскими коронами, требовало участия в международной политике¹³.

В XVIII веке шел процесс укрепления статуса правителей, получивший название «монархизация». Она включала в себя, в частности, превращение территориального или регионального княжества Германии (курфюршества, герцогства и т.д.) в королевство, а их правителей — в королей, а также повышение статуса правителя огромной территории в европейской системе государств¹⁴.

Ярким примером такого возвышения и изменения статуса является Бранденбургско-Прусское государство. Еще во второй половине XVII в. великий курфюрст вытеснил земельные сословия из политической и общественной жизни, превратив свое государство в абсолютную монархию, несмотря на препятствия, чинимые императором и имперским законодательством¹⁵. В XVIII веке курфюрст Бранденбурга, ставший королем Пруссии, не участвовал в окружных собраниях, имперских расходах, не допускал исполнения на территории своих владений постановлений имперского суда и проводил независимую внешнюю политику, за исключением договорных обязательств во время войн¹⁶. Возвышение Пруссии как великой европейской державы произошло при Фридрихе Великом в результате войны за австрийское наследство 1740–1748 гг. Возник так называемый австро-пруссский дуализм, который стал одной из главных реалий и движущих сил европейской системы государств. Теперь уже Франция опасалась ослабления ее роли как гаранта Вестфальской системы. В результате возвышения Пруссии императоры становились главами только одной из великих держав, именно Австрии. Для них Империя начинала играть второстепенную роль, имперская система и роль императора утрачивали свое значение, даже по сравнению со столетием после Вестфальского мира блеск императорской короны потускнел¹⁷.

¹³ Duchhardt H. Op. cit. S. 186.

¹⁴ Ивонина Л.И. Указ. соч. С. 99.

¹⁵ Duchhardt H. Op. cit. S. 182.

¹⁶ Ивонина Л.И. Указ. соч. С. 96.

¹⁷ Ивонин Ю.Е. Указ. соч.

В других крупных имперских княжествах территориальный суверенитет также постепенно эволюционировал в сторону устранения ограничений независимости и расширения прерогатив территориальной власти¹⁸.

По мнению А.В. Куприянова, права большей части князей были дополнительно ограничены властью Рейхстага, который мог лишить князя владений в случае неподобающего поведения и за серьезные нарушения во время правления (в том числе за сношения с враждебным государством). В общей сложности в течение второй половины XVII–XVIII вв. было отстранено от власти минимум полсотни князей. Это демонстрирует, по мнению этого автора, что имперские князья не обладали полноценным суверенитетом ни во внешних, ни во внутренних делах¹⁹. Тем не менее к концу XVII в. закрепленное в Вестфальском мире ограничение на заключение имперскими чинами союзов, направленных против Империи и императора, осталось в прошлом. Еще во время войны за испанское наследство (1701–1714) курфюрсты Баварии и Кельна выступили против императора. Во время Семилетней войны (1656–1763) Ганновер, Гессен-Кассель и маленькое княжество Шаумбург-Липпе участвовали в войне против Империи. Причем ганноверский курфюрст был также английским королем. То же можно говорить и о прусском короле, для которого император был постоянным противником.

В то же время подавляющее большинство имперских чинов, чья перспектива и могущество не выходили за пределы их собственного имперского круга, не могли использовать право союзов и квазисуверенитета, да и не были заинтересованы в этом²⁰.

Таким образом, Вестфальские мирные договоры предоставили права имперским чинам, которые развились уже в определенную независимость по отношению к Империи. Вместе с ничем не ограниченной государственной властью, именуемой абсолютизмом, по отношению к подданным территориальные князья достигли теперь почти совершенного территориального суверенитета (*'ius territorii et superioritatis'*). Крупные территориальные государства Германии во второй половине XVII–XVIII вв. обретали и полный суверенитет в международных делах. Император же, напротив, был привязан во всех своих действиях к участию и согласию имперских чинов в Рейхстаге — как в законодательстве, так и во внешней (война и мир, союзы) финансовой и военной политике (IPO VIII, 2)²¹. Поэтому титул императора к 1790-м годам во многом превратился в номинальный, а Австрия сама пре-

¹⁸ Ивонина Л.И. Указ. соч. С. 96.

¹⁹ Куприянов А.В. Указ. соч. С. 17.

²⁰ Duchhardt H. Op. cit. S. 186.

²¹ Oestreich G. Verfassungsgeschichte vom Ende des Mittelalters bis zum Ende des alten Reiches. München : Deutscher Taschenbuch Verl., 1973. S. 40.

вратилась в независимое государство. Следовательно, Вестфальский мир способствовал приобретению суверенитета крупным территориальным государствам Германии.

Беляев М.П.,

доцент кафедры юриспруденции факультета управления и права
Российского университета кооперации,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Баязитова Г.И. К вопросу о политико-правовых истоках теории Жана Бодена / Г.И. Баязитова // Вестник Тюменского государственного университета. 2002. № 2.
2. Ивонин Ю.Е. Священная Римская империя и формирование европейской системы государств / Ю.Е. Ивонин // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. № 3 (11).
3. Ивонина Л.И. Монополизация власти и государственный суверенитет в эпоху классической Европы / Л.И. Ивонина // Исторический формат. 2015. № 1.
4. Комлева Ю.Е. Государственное устройство Германии в Новое время : учебное пособие / Ю.Е. Комлева. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2007.
5. Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет / А.В. Куприянов // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4.
6. Леонов А.С. Государственный суверенитет: этимология и предыстория развития концепта / А.С. Леонов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3–2.
7. Braun G. La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756 / G. Braun. München : Oldenbourg, 2010.
8. Duchhardt H. Deutsche Verfassungsgeschichte. 1495–1806 / H. Duchhardt. Stuttgart. Berlin ; Köln : Verlag W. Kohlhammer, 1991.
9. Heuser P.A. Der Souveränitätsbegriff auf dem Westfälischen Friedenskongress 1643–1649. Eine Studie zur Geschichte der politisch-diplomatischen Terminologie / P.A. Heuser // Verständigung und Diplomatie auf dem Westfälischen Friedenskongress. Historische und sprachwissenschaftliche Zugänge / Hg. A. Gerstenberg. Köln ; Weimar ; Wien : Böhlau, 2014.
10. Oestreich G. Verfassungsgeschichte vom Ende des Mittelalters bis zum Ende des alten Reiches / G. Oestreich. München : Deutscher Taschenbuch Verl., 1973.

Понятие личных интересов в современных условиях

В современных мировых условиях с учетом угроз, с которыми сталкивается человечество, существенно изменяется конъюнктура общественной и правовой жизни. Угроза распространения новой коронавирусной инфекции внесла свои коррективы как в публичную, так и частную жизнь российского общества, путем введения целого комплекса предупредительных мер, существенное количество из которых носит ограничительный характер. Вследствие чего уже происходит трансформация сложившихся общественных отношений. В период с 2020 г. по конец 2021 г. создавалось впечатление фактического нивелирования роли личных интересов населения, вследствие отсутствия возможности свободного передвижения, не обремененного специальными целями (продовольственными, профессиональными и т.д.), при недостатке определенных медицинских сведений, необходимости вакцинации и ревакцинации всего населения. И до настоящего времени данная проблема, как и многие другие, сезонно выходит на первый план. Однако соответствует ли такое представление о «притесненном» положении личных интересов реалиям? В чем сущность личных интересов и как они соотносятся с ограничениями, вызванными ситуацией общегосударственной профилактики? Эти и многие другие вопросы актуализируют исследование, посвященное современному состоянию личных интересов.

Прежде чем перейти к рассмотрению так называемых «ограничений личного интереса», следует разобраться с самим интересом как самостоятельным феноменом правовой жизни. Представляется, что следует начинать с общего, то есть интереса как такового. С латинского 'interest' означает «важно», «иметь значение», что в общей форме отражает суть данного термина. Однако он приобретает специфическое значение при его применении в юридической литературе. Это обусловлено наложением контекста и соответствующей трансформацией явления, погруженного в конкретные условия.

Важно отметить, что категория «интерес» в юридической науке неразрывно связана с именем Р. фон Иеринга. Именно он впервые показал ее многофункциональность, охватывающую собой роль стимула и мотива в борьбе за право, цели объективного права, следовательно, и сущности субъективного элемента законотворческой техники, а также объекта правовой охраны. Более того, им был сделан вывод о природе права, вытекающей из необходимости регулирования и согласования различных интересов субъектов¹.

¹ См.: Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб., 1881. С. 315.

Однако на этом понимание как права в целом, так и интереса в частности не остановилось. Юридическая мысль динамична, и отображение ее определенного состояния представляет собой только конкретный кадр бесконечного «кинематографа» ее развития.

Тем не менее в юридической науке отчетливо звучат голоса исследователей, указывающих на отсутствие четкого концептуально выверенного подхода к определению интереса². Отсутствует единообразное применение этой категории, и крайне неоднозначно происходит ее дифференциация в юриспруденции. При этом речь идет именно о смысловом и функциональном разделении для определения различий, но не о классификации. Так как последняя требует сначала качественной проработки первой и углубления в предмет познания для выделения соответствующего критерия классификации, позволяющего верно установить самостоятельные виды.

Существуют личные интересы, выражающие частные стремления, направленные на достижение определенного результата. При этом их юридическое значение варьируется в зависимости от отрасли права. Терминологически личным интересам противостоят общественные и государственные, так как обособлены специфическими субъектами. Однако в правовом государстве, где категория «личность» не поглощается обществом или государством, а обеспечивается как относительно автономная от них, возникает некоторая неопределенность в соотношении их значимости. С одной стороны, очевидно признание высшей ценностью человека с его правами и свободами, обеспеченными обязанностями государства. Следовательно, данное положение распространяется и на интересы личности, определяющие его поведение в части указанных прав и свобод. С другой стороны, их осуществление ограничено запретом на нарушение чужих прав и свобод³. Причем личный интерес ограничен такими же интересами других лиц. Важно отметить, что объединение лиц, противостоящих конкретной личности, в ту или иную группу или даже общество не предполагает их юридического превосходства над ней. То же относится и к интересам. Так как объединение не предполагает математического суммирования добровольно предоставленных членами полномочий в отношении третьих лиц. Это обусловлено необходимостью соблюдения баланса интересов личности и общества, то есть соблюдения их формального равенства.

Тем не менее верной представляется позиция ученых, отстаивающих мнение о том, что личные интересы производят общественные. Так как послед-

² См., например: Истратов А.М. Понятие личного интереса как правовой категории по российскому законодательству // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2008. № 4. С. 5; Стихин К.Л. Роль права в согласовании общественных и личных интересов // Юридическая мысль. 2012. № 2. С. 34–35.

³ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Ст. 2, 17 // СПС «КонсультантПлюс».

ние немыслимы без первых в силу потребности в наличии должной опоры, которой и выступает пласт интересов личности⁴.

Относительно государственных интересов справедливо высказался В.Д. Зорькин, указывая на фактическое отсутствие исключительно государственных интересов. Так как государство существует не для себя, а для личности и общества, поскольку оно представляет собой сумму связей политических отношений людей. Из-за чего интересы государства могут полностью совпадать с частными интересами⁵. Но если в конечном счете чисто государственных интересов отсутствуют, так как всегда есть интересы конкретных лиц, то следует определить хотя бы позитивный вектор этих интересов. Что и делает В.В. Субочев, когда приходит к следующему выводу. Интересы личности, общества и государства взаимопроникают и взаимообуславливают друг друга. Государственный интерес включает в себя противоположные начала. С одной стороны, он в конкретных случаях противоречит интересам личности, отстаивая общественное, с другой — противоречит общественному, обеспечивая права каждого, с третьей — исключает интересы общества и личности ради своего блага — блага управленческого аппарата⁶.

Такое диалектическое противоречие между указанными интересами обусловлено объективными причинами и главное — целью правового регулирования, обеспечивающего баланс всех интересов при их реализации⁷. Такую цель сложно не признать положительной.

Впрочем, рассмотренное деление интересов не является единственным в юриспруденции. Особое место занимают категории юридических и законных интересов. В частности, Р.Е. Гукасян высказывал, что для первых характерен более общий характер, вытекающий из того, что они формируются условиями общественной жизни и обладают соответствующими средствами достижения. При этом не раскрывается подробно, что это за средства. Для вторых свойственно любое содержание, ключевое — гарантия их реализации правовыми средствами со стороны государства⁸. В другой своей работе автор раскрывает указанные средства через законные формы защиты⁹. То есть под широкое понятие правовых интересов подводится более узкое понятие законных интересов. Сами же законные интересы понимаются в ши-

⁴ См.: Субочев В.В. Законные интересы : монография / под ред. А.В. Малько М. : Норма, 2008. С. 5.

⁵ См.: Интервью с В.Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ // Законодательство. 2008. № 12. С. 11–14.

⁶ См.: Субочев В.В. Указ. соч. С. 6.

⁷ См.: Черепанова О.С. К вопросу о соотношении интересов личности и государства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2 (10). С. 18.

⁸ См.: Гукасян Р.Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С. 116.

⁹ См.: Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1979. С. 36.

роком и узком смыслах. В широком — как интересы, которые опосредованы в субъективных правах. В узком — как не имеющие указанного опосредования¹⁰.

Несколько иное видение законных интересов представил Н.С. Малеин. Он относит к ним все интересы, которые учитываются государством (материальные и духовные, личные и общественные), получившие выражение в праве, за исключением антиобщественных. Далее он развивает свою мысль, указывая на то, что законные интересы закреплены в нормах непрямого действия, из-за чего возникают правоотношения общего, неконкретного типа. То есть указанные интересы являются правом общего типа, адресованным неопределенно широкому кругу лиц¹¹. Отсюда вновь очевидно деление законного интереса в широком и узком смыслах. Но в этот раз широкое понимание предполагает в качестве такого любой правомерный интерес, а узкое — в качестве правового средства.

Н.В. Витрук считает, что следует различать интересы, которые опосредованы в субъективных правах и юридических обязанностях с не опосредованными, но взятыми под охрану правами¹². Законными же интересами он именует простую правовую возможность, дозволенность, характеризующую как стремление¹³.

Одну из наиболее обоснованных позиций занимают А.В. Малько и В.В. Субочев. Авторы полагают, что существование законных интересов обусловлено невозможностью исчерпывающего нормативного отражения в рамках субъективных прав и юридических обязанностей всего регулятивного потенциала права. Вызвано это его отставанием от существующих общественных отношений. Вследствие чего всегда существуют интересы, которые не получили четкого закрепления в норме, однако соответствующие принципам права. Отсюда определяется законный интерес как стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которые в определенной степени гарантируются государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла¹⁴.

Отметим, что данная позиция коррелирует с установленным ранее пониманием соотношения личных, общественных и государственных интересов.

¹⁰ См.: Цветкова Е.А. Категория законного интереса в юридической науке // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 43.

¹¹ См.: Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес // Советское государство и право. 1980. № 1. С. 32–33.

¹² См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 148.

¹³ См.: Витрук Н.В. Права личности в социалистическом обществе. М., 1981. С. 104.

¹⁴ См.: Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 86–89.

Поэтому можно говорить о пересечении категорий личного интереса с законным и последнего с общественным интересом. Это следует распространить и на государственные интересы в той части, когда они выступают не функцией личных и (или) общественных, а обеспечивают собственное управленческое благо. Отсюда можно выразить соотношение категорий личных, общественных и государственных интересов с законными как пересекающихся, но не тождественных.

Таким образом, рассмотрев различные позиции к определению юридически значимых интересов, правомерно будет заключить, что наличие дискуссии преимущественно обусловлено многообразием возможных подходов к смысловому наполнению категории интереса. Преимущественное положение занимают законные интересы, охватывающие собой те вопросы правовой жизни, которые не получили четкого нормативного отражения, однако взятые под правовую охрану. При этом можно заключить, что происходит данное словосочетание «законные интересы» от наполнения категории «интерес» содержанием принципа законности.

Однако интерес всегда обусловлен своим субъектом. Потому обезличенный законный интерес может существовать только при его теоретическом осмыслении. В правовых реалиях он всегда выражает стремления личные, общественные или управленческие (государственные). Вследствие чего прикладное значение могут иметь только определенные по субъекту интересы. С этой позиции представляется рациональным рассмотреть заявленные в начале исследования «ограничения личных интересов».

Обратимся к содержанию и юридическому значению возникших ограничений, связанных с пандемией. Первые общегосударственные меры профилактики коронавирусной инфекции связаны с Указом Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»¹⁵, который по своему содержанию имеет регулятивную природу. Так как он изменил существующий порядок функционирования, обязав основную часть организаций и предприятий перейти к иному режиму работы. Что в конечном счете отразилось на личных трудовых интересах. Однако если данный указ имел косвенные ограничения для личности, то последующий указ Президента РФ¹⁶ уже напрямую касался ее интересов. В частности, поручением определить в границах субъектов России территории, на которых будут реализовываться ограничительные мероприятия, приостановлением деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей,

¹⁵ См.: СЗ РФ. 2020. № 13. Ст. 1898.

¹⁶ См.: Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2082.

а также установлением особого порядка передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств. Этим указом была запущена организационная деятельность, направленная на реализацию законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, которое фактически ограждает интересы каждого вне зависимости от сферы его деятельности.

Наиболее ярко это выразилось не только в регулятивных отраслях права, позволивших в «ручном режиме» управлять ситуацией в обществе, но и охранительных. Например, 1 апреля 2020 г. федеральным законом¹⁷ был внесен ряд изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, которые направлены на обеспечение соблюдения режима самоизоляции и карантина, а также ограничение распространения заведомо недостоверной информации относительно обстоятельств, представляющих угрозы жизни и безопасности граждан, и (или) принимаемых мер по обеспечению безопасности. Произошло усиление и уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, если оно повлекло массовое заболевание, а также криминализовано публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан¹⁸. Тем самым законодатель легализовал ряд ограничений личных интересов людей. Выпали из разряда дозволенных свободное перемещение, собрание граждан, функционирование торговых непродовольственных заведений; у многих изменилась форма реализации трудовой деятельности и мн. др.

Не ставя целью привести исчерпывающий перечень ограничений, лишений и иных принудительных государственных мер, вызванных опасностью распространения инфекции, были обозначены только конкретные примеры. Тем не менее они позволяют отразить существующую тенденцию. Переходя к оценке влияния ситуации ограничений на личные интересы, важно определить ее критерий. Так как им в конечном счете детерминруются результаты. Представляется, что таковым может выступить целевая установка. Поскольку она позволит оценивать влияние на личные интересы не только с позиции принимаемых мер, лишений, но и перспективы развития.

Касательно действий со стороны государства, следует понимать, что они призваны не создать дополнительные сложности в жизни населения, а обеспечить его наиболее значимые права и законные интересы.

¹⁷ См.: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2029.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2029.

Любое из принятых ограничений нацелено на обеспечение благополучной санитарно-эпидемиологической обстановки. Именно этот вектор принят государством. С позиции интересов он направлен на обеспечение личных интересов в сохранении и поддержании здоровья посредством ограничения социальных контактов и иных профилактических мер. Тем самым была осуществлена комплексная работа, направленная на его удовлетворение. Создавая необходимые условия для реализации наиболее важного в условиях пандемии личного интереса, государство одновременно удовлетворяет и общественный интерес, так как в данном случае и личный, и общественный интересы есть отражение общего интереса, ставшего государственным, — борьбы с коронавирусной инфекцией. То есть сущность деятельности государства состоит в попытке предотвращения и снижения негативных последствий ее распространения для личности и общества.

Таким образом, рассмотрев особенности личных интересов в конкретных жизненных условиях, следует заключить, что под ними можно понимать стремления субъекта в обеспечении безопасных условий для здоровья как социального блага, которое гарантируется посредством закрепления в позитивном и охранительном праве государством, предусматривающим его реализацию. То есть данный интерес рождает общий тип правоотношений, реализуясь не в конкретном субъективном праве, обеспеченном исчерпывающим перечнем обязанностей, а в системе профилактических действий со стороны личности, общества и государства.

Грешнова Н.А.,

доцент кафедры теории государства и права, ученый секретарь
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Саратов)

Литература

1. Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук. Москва : Наука, 1979.
2. Витрук Н.В. Система прав личности / Н.В. Витрук // Права личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук, В.А. Карташкин, И.А. Ледях [и др.] ; ответственные редакторы В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович. Москва : Наука, 1981.
3. Гукасян Р.Е. Правовые и охраняемые законом интересы / Р.Е. Гукасян // Советское государство и право. 1973. № 7.
4. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Р.Е. Гукасян. Саратов : Приволжское книжное издательство, 1970.
5. Зорькин В.Д. Интервью с председателем Конституционного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ В.Д. Зорькиным / В.Д. Зорькин // Законодательство. 2008. № 12.

6. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1 / Р. Иеринг ; перевод В.Р. Лицкого, Н.В. Муравьева, Н.Ф. Дерюжинского ; под редакцией В.Р. Лицкого. Санкт-Петербург : Н.В. Муравьев, 1881.
7. Истратов А.М. Понятие личного интереса как правовой категории по российскому законодательству / А.М. Истратов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2008. № 4.
8. Малеин Н.С. Охраняемый законом интерес / Н.С. Малеин // Советское государство и право. 1980. № 1.
9. Малько А.В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики / А.В. Малько, В.В. Субочев // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2014. № 2 (313).
10. Стихин К.Л. Роль права в согласовании общественных и личных интересов / К.Л. Стихин // Юридическая мысль. 2012. № 2.
11. Субочев В.В. Законные интересы : монография / В.В. Субочев ; под редакцией А.В. Малько Москва : Норма, 2008.
12. Цветкова Е.А. Категория законного интереса в юридической науке / Е.А. Цветкова // Журнал российского права. 2016. № 3.
13. Черепанова О.С. К вопросу о соотношении интересов личности и государства / О.С. Черепанова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 2 (10).

Восстановление государственного суверенитета Древней Руси в Московской Руси: ретроспективный анализ

Обращение к данной теме имеет целью обосновать идею преемственности государственного суверенитета Руси (России). Ее актуальность определяется отчасти тем, что в отечественной историографии недостаточно внимания отводится проблеме обретения государственного суверенитета Древней Русью и его преемственности в период последующего государственного развития от Киевской до Московской Руси (и далее). Этот вопрос весьма важен не только в интересах восполнения некоего пробела, но и для понимания в целом непрерывности развития Русского, Российского государства, независимо от того, какие бы политические катаклизмы оно ни переживало в своей истории. Остроты проблеме прибавляют высказывания отдельных историков и политиков о том, что российская государственность ведет свое начало от Декларации о государственном суверенитете России, принятой Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г., тем самым зачеркивая весь предшествующий многовековой период отечественной истории.

Цель автора — на примере восстановления в полной мере государственного суверенитета в Московской Руси (Русском централизованном государстве), частично ущемленного в период татаро-монгольского ига, обосновать преемственность его от суверенной государственности Киевской и Удельной Руси.

Предварительно следует определить, что в современной юридической доктрине понимается под государственным суверенитетом и в какой мере средневековое его понимание согласуется с ним. **Государственный суверенитет** означает прежде всего **верховенство** и **независимость** государственной власти и, соответственно, выступает одним из существенных политико-правовых свойств или признаков государства.

При этом **верховенство** государственной власти внутри границ территории государства и в отдельных случаях экстерриториально означает ее **универсальность** в распространении на все население, все организации и учреждения, общественные объединения, включая религиозные, и политические партии. **Верховенство** государственной власти проявляется и в **уникальности** ее властных полномочий, в силу которых государственные органы могут признать ничтожным проявление любой другой социальной власти

в случаях нарушения ею закона. Гарантией этого является наличие у государственной власти таких **средств воздействия** на субъектов ее юрисдикции, которыми не располагают другие виды социальной власти (семейной, родовой, общественных организаций и политических партий).

В свою очередь **независимость** государственной власти проявляется в ее монопольном, исключительном **праве самостоятельно и свободно** осуществлять законную деятельность как внутри государства (законодательную, исполнительную, судебную и проч.), так и вне его.

При этом **власть, как первичное, главное и устойчивое явление**, выражает **сущность государства**, то есть его содержание (смысл), назначение и функционирование. Власть — это реальное явление, а не абстракция, она синтезируется из ряда компонентов: человеческого разума и силы, материализованных в элементах государственного механизма, одновременно и воли населения, опосредованной государством и объективированной в правовых нормах.

Государство является политическим, но прежде всего социальным институтом. Акторами государственной власти являются государственные органы и должностные лица, а ее осуществление производится посредством действий (актов) последних. Исторически это может быть одно лицо или коллегиальные по составу органы.

Вместе с тем история свидетельствует, что носителем государственного суверенитета может быть как одно лицо (к примеру, абсолютный монарх), так и коллегиальные органы (к примеру, глава государства и представительные органы), нация или народ. Вне зависимости от состава носителей суверенитета государства он сохраняется до тех пор, пока не нарушены элементы, его составляющие, в целом — верховенство и независимость. При нарушении одного из компонентов можно говорить об ущербности или частичной утрате суверенитета.

Но и в последнем случае государство не уничтожается, и его развитие продолжается в соответствии с закономерностями, такими как: сохранение устойчивых, повторяющихся связей, характеризующих самобытность и целостность, которая может проявляться в цивилизационной, социокультурной, религиозной, правовой и прочих видах идентичности. Общей закономерностью развития всех государств является то, что по мере совершенствования совокупности материальных и духовных достижений общества и демократических начал в управлении им оно трансформируется из примитивного «варварского» организма с превалирующими принудительными методами управления им в универсальную политическую организацию всего общества, что гарантирует уже устойчивое развитие социума и равновесие в нем социальных и политических сил.

Однако этот процесс исторически длителен и включает ряд стадий прогрессивного роста, причем очевидно, что не каждому из известных мировой истории обществ пришлось их пройти до настоящего времени.

Для каждой из таких стадий характерны те или иные типы и формы государственности и, соответственно, те или иные соответствующие характеристики суверенитета.

Древнерусское государство возникло в IX в. как типичное средневековое европейское государство с соответствующим вектором цивилизационного развития. Его суверенитет формировался поэтапно. Учитывая, что оно объединило территории протогосударств Славии, Куявии и Артании, суверенитет на общую, ставшую единой территорию распространялся по мере их вхождения. Так, словене «изгнали варяг за море», перестав платить им дань в 859 г.; а в 862 г. родоначальник первой русской династии князь Рюрик объединил под своей властью не только восточных славян, проживавших в северо-западных землях Восточно-Европейской равнины, но и финно-угорские и балтские племена. Власть наследовалась его потомками, что обеспечивало ее преемственность и, соответственно, стабильность.

Князь Олег завоевал и присоединил территорию Куявии, взяв Киев и сделав его стольным городом. Однако эта территория облагалась данью со стороны Хазарского каганата, что препятствовало установлению на ней верховенства власти русских князей. Как известно, каганат был разбит князем Святославом Игоревичем (первый поход 965 г.), внуком Рюрика, в результате чего суверенитет был распространен и на эту территорию.

При этом важно отметить, что его обретение означало и обретение необходимого признака (свойства) государственности в целом. Также поэтапно приобреталась финансовая самостоятельность Древнерусского государства, без которой нельзя обеспечить верховенства и независимости государственной власти (завершено в ходе реформ княгини Ольги 945–946 гг.).

Вместе с тем необходимым свойством государства является наличие аппарата публичной (государственной) власти, который также выстраивался поэтапно. Первоначально князь в управлении территорией и населением опирался на дружинников, но по мере увеличения территории и населения, а также сфер государственного управления и, соответственно, функций государства из состава дружины стали выделяться специальные профессиональные лица и ведомства. В большей мере формированием государственного аппарата занимался князь Владимир Святославич, получивший в наследство всю территорию Древней (Киевской) Руси и верховную власть над ней, тем самым завершивший процесс построения государства как единого и самостоятельного в ряду других европейских государств.

Однако для признания его равноправным необходимо было обеспечить легальность и легитимность его власти. Внутри государства она в целом признавалась, но для зарубежных правителей Русь оставалась варварским обществом с главой, власть которого не была сакраментальной, да и сам он оставался в их глазах варварским вождем. Личное крещение Владимира, его окружения и жителей крупнейших городов Руси в 988 г., а далее принятие христианства в качестве официальной религии, последующее его распространение на всю территорию государства привели к идейно-культурной консолидации народов и племен Киевской Руси и признанию и усилению ее международного авторитета. Что означало легализацию власти великого киевского князя в международно-правовом пространстве, а не только внутри страны. Но и для внутреннего признания авторитета князя его крещение имело большое значение, власть его стала сакраментальной, а единая церковь обеспечивала ее религиозно-идеологическое обоснование, тогда как прежний политеизм с наличием пантеона богов, покровительствующих различным племенам, не мог обеспечить такого верховенства власти и единовластия.

Таким образом, государственный суверенитет Древней, Киевской Русью был обретен к концу X в. и до второй половины XII в. никак и никем не ограничивался.

На следующем этапе развития древнерусской государственности, продолжавшемся до второй половины XV в., в так называемой удельной Руси обозначились характерные для эволюции средневековых, прежде всего европейских государств центробежные тенденции. Юридическим основанием для них было решение Любечского съезда 1097 г. Русь распадалась на уделы, хотя сохраняла в определенной мере связи между удельными князьями и великим киевским князем как «братьями младшими» и «братом старейшим», однако с установлением татаро-монгольского ига обособление уделов усилилось, в них формировались отдельные ветви Рюриковичей.

С падением Киева и пресечением киевской ветви Рюриковичей, с одной стороны, и перехода ордынцев на сбор дани («выхода») с русских земель (удельных княжеств, городов-республик) посредством передачи этой функции князю, получившему ярлык на великое княжение от ордынского хана, с другой стороны, эта в первую очередь экономическая зависимость Руси от Орды ущемляла определенным образом независимость Руси. И внутри Руси междоусобная война, поддерживаемая и подстрекаемая Ордой, препятствовала государственному единству и приводила к признанию верховенства власти попеременно то одного, то другого русского князя. Тем не менее во внутренних делах, законодательстве, суде, формировании вооруженных сил удельные князья были суверенны. Внешнее единство поддерживалось

единой культурой и религией, а главное — сохранением единства организации Русской православной церкви, сложившимися родственными связями удельных князей, политической традицией и правовой базой, созданной еще в Киевской Руси, прежде всего Русской Правдой, формированием договорных военных союзов, угрозами, требованиями создания общей обороны от западных соседей. Орда же обладала номинальным сюзеренитетом над Русью.

Постоянное противоборство и противостояние с Ордой, приносящей боль и страдания народу, разрушавшей города и селенья, уводившей население в плен и последующее рабство, препятствовавшей развитию русской экономики, и другие деяния, в совокупности определяемые как «иго», требовали большего единения удельных княжеств. В XIV веке начинается процесс реинтеграции удельных княжеств вокруг новых политических центров, образовавшихся на Руси, или так называемое «собрание Русской земли». В борьбе за главенство и приобретений территорий других уделов использовались разные способы, как мирные, так и не мирные: аннексия, территориальная экспансия, наследование (с утратой политической самостоятельности присоединенного княжества), купля (покупка), добровольное вхождение (с утратой статуса удельного князя и признанием подданства относительно великого князя) и др.

С XIV века начинается политическое «возвышение» Москвы, или Московского княжества, постоянная династия в котором берет начало с князя Даниила Александровича, получившего в 1263 г. удел, который тогда входил в Великое княжество Владимирское. Упрочение его политического статуса начинается с Ивана Даниловича Калиты, получившего ярлык на великое княжение от хана Узбека. В его правление были присоединены отдельные княжества, заключен союз с митрополитом Петром, который сделал Москву своей резиденцией (по-видимому, в 1322 г.). Что придало большую значимость и легализацию московских князей в качестве великих (полный титул — князь великия всея Руси). Однако Москве еще предстояло несколько раз бороться за этот статус. До конца XV века Великое московское княжество получило еще несколько территорий удельных княжеств и земли господина Великого Новгорода. Преемники Ивана III продолжали борьбу против удельных князей, и в целом она закончилась при Иване IV, принявшем в 1547 г. титул царя. Бывшие удельные князья, перешедшие в подданство великого московского князя, сохранили титул князей, но утратили политическую и юридическую автономию; оказавшие же сопротивление подлежали репрессии, в частности, и опричнина преследовала такую цель. Таким образом, было окончательно восстановлено верховенство власти в Русском централизованном государстве, но уже московского монарха (великого князя, царя).

В свою очередь, независимость вовне, от Орды, была получена еще Иваном III после «стояния на Угре, отказавшимся платить дань ордынскому хану Ахмету. И, несмотря на последующие набеги на Русь ордынцев, иго было свергнуто окончательно. Политическую самостоятельность Московской Руси признали и зарубежные монархи. Иван III провозгласил себя самодержцем всея Руси, что было поддержано Русской православной церковью. Термин «самодержавие» означает политическую самостоятельность монарха во внутренних и внешних делах, этот статус вошел в титулатуру всех правящих впоследствии русских (российских) монархов. При Иване III были созданы и гарантии суверенности: единое законодательство (Судебник 1497 г.), единый государственный аппарат, единая судебная система, единые государственные вооруженные силы (полки), единая финансовая система (ведомство Приказа Большой казны), единая государственная идеология.

В последующие исторические периоды развития Русского (Российского государства) преемственность единства, целостности и суверенности сохранялась вне зависимости от внутренних или внешних причин.

Ефремова Н.Н.,
 профессор Департамента права
 Института экономики, управления и права
 Московского городского педагогического университета,
 кандидат юридических наук, профессор
 (г. Москва)

Категория «правовое обеспечение» в теоретико-правовой науке

Обеспечение является сложным и многоаспектным понятием. С точки зрения этимологии слова обеспечение призвано создавать условия для достижения определенной цели. Причем эти условия формируются за счет определенных средств.

В зависимости от сферы обеспечения можно условно выделить разнообразные его виды, например, экономическое, социальное, правовое, организационное, информационное.

В юридической литературе понятие «правовое обеспечение» раскрывается в самых разных смыслах. В целом можно выделить следующие подходы. Одни ученые рассматривают понятие «правовое обеспечение» как синоним понятия «правовое регулирование»¹. Другие исследователи² полагают, что правовое обеспечение является более широким понятием, чем правовое регулирование, включая при этом в состав правового обеспечения не только правовые, но и иные средства. Третья группа ученых правовое обеспечение рассматривают либо как систему правил (норм), закрепленных правовыми актами и призванных регламентировать деятельность каких-либо субъектов (органов государственной власти или органов местного самоуправления, должностных лиц и т.д.)³, либо как правовую деятельность таких субъектов⁴.

Прежде всего нельзя согласиться с тем, что в состав правового обеспечения, помимо правовых средств, необходимо включать средства иного характера. Как представляется, такие средства не должны включаться в систему правовых явлений, относящихся к содержанию правового обеспечения,

¹ Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск, 1990; Ашихмин И.М. Международно-правовое обеспечение экологической безопасности в военной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 158–159; Евтушенко С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 86–157.

² Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы // Наука и школа. 2016. № 6. С. 49; Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 31, 68–69.

³ Стахов А.И. Административно-публичное обеспечение безопасности в РФ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 12; Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах — участниках СНГ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 11–12.

⁴ Красинский В.В. Правовое обеспечение защиты конституционного строя России в избирательном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 13; Федотова Ю.Г. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации : учебник для вузов. М., 2023. С. 36.

но они могут выступать элементами более широкого понятия «обеспечение». В связи с этим можно выделить два нетождественных понятия: «средства правового обеспечения» и «правовые средства обеспечения». Первое понятие шире, поскольку включает всю систему средств правового и неправового характера⁵.

Также представляется необоснованным сводить правовое обеспечение исключительно к правовому регулированию (в том числе к системе норм, закрепленных правовыми актами и призванных регламентировать деятельность каких-либо субъектов) или правовой деятельности. Данные явления относятся к различным плоскостям правовой действительности. Правовое обеспечение объединяет эти явления, создавая тем самым условия для достижения своей специфической цели обеспечения.

Все явления правовой действительности можно условно подразделить на 3 частично переплетающиеся и тесно взаимодействующие группы: а) правовые явления-регуляторы или правовые средства (например, нормы права); б) явления правовой деятельности — правотворческая, правореализационная и правоприменительная виды деятельности; в) явления субъективной стороны правовой действительности — правосознание, правовое воспитание, правовое образование, правовая культура, правовая психология, правовое понимание.

Названные группы правовых явлений отражают правовую действительность с разных сторон, а также выполняют различные функции. Правовые явления-регуляторы (или правовые средства) представляют собой идеальную сторону правовой действительности, с помощью них право осуществляет регулирование общественных отношений. Правовая деятельность выступает правовым отражением (одним из социальных аспектов) реальной (фактической) деятельности субъектов права. Назначение такой деятельности заключается в использовании правовых явлений-регуляторов (правовых средств). Явления субъективной стороны правовой действительности отражают представления субъектов права о первых двух группах явлений, формируют их субъективный образ, создают идеологическую базу.

Определяющая роль в правовой действительности принадлежит правовым явлениям-регуляторам. По мнению С.С. Алексеева, они образуют существенную часть правовой материи, то, что может быть названо «веществом», плотью и в этом смысле — субстанцией права, всей правовой системы»⁶. Также субстанциональное значение имеет и правовая форма, в которую

⁵ См. также: Иванова С.В. Правовое обеспечение государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 31–32.

⁶ Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14.

облекаются такие явления, «в силу характерного для права глубокого единства формы и содержания, обуславливающего его высокий уровень объективизации, его институциональность»⁷. Субстанциональный и институциональный характер правовых явлений-регуляторов и та регулятивная сила права, его энергия, которая сосредоточена в них, позволили С.С. Алексееву признать эти явления средствами правового регулирования (далее — правовые средства), т.е. инструментами, при помощи которых право осуществляет регулирование общественных отношений.

Предложенный ученым подход к исследованию права заложил в юридической науке основы инструментальной теории — специально-юридической теории, позволяющей рассматривать его как специфическую систему правовых средств, объединяемых на отдельных участках правового регулирования в своеобразные правовые режимы, механизмы регулирования, по-разному обеспечивающие решение социально-экономических, организационных, политических задач в зависимости от специфики правового регулирования, его типов и способов⁸. Сторонниками данной теории стали советские и современные российские ученые, такие как: Б.И. Пугинский⁹, А.В. Малько¹⁰, В.А. Сапун¹¹, К.В. Шундилов¹², О.М. Родионова¹³ и др.

Среди названных ученых сложились различные точки зрения относительно того, какие явления правовой действительности следует признавать правовыми средствами. Одни из них (Б.И. Пугинский, А.В. Малько) считают, что правовым средством должна признаваться и правовая деятельность, поскольку, по их мнению, только таким образом может быть обеспечено использование правовых средств в правовой деятельности, их взаимодействие¹⁴. Другие (В.А. Сапун, К.В. Шундилов, О.М. Родионова) справедливо полагают, что правовую деятельность необходимо ограничивать от правовых средств.

⁷ Там же.

⁸ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2002. С. 36.

⁹ Пугинский Б.И. Избранные труды. М., 2022.

¹⁰ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005.

¹¹ Сапун В.А. Указ. соч.

¹² Шундилов К.В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

¹³ Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М., 2013.

¹⁴ В частности, А.В. Малько обосновывает свою позицию тем, что «игнорирование в инструментальном подходе средств-деяний (технологии) и упор только на институциональную сторону понимания юридических средств, не позволяет полноценно учитывать все те факторы, с помощью которых можно достичь поставленных целей. Ведь результат невозможно получить только посредством субстанциональных явлений, которые автоматически не приводят к нужному эффекту. Требуются еще деяния, усилия, активность, связанные с использованием предоставленных в законодательстве инструментов» (см. подроб.: Малько А.В. Указ. соч. С. 11, 20).

Во-первых, правовыми средствами могут выступать лишь идеальные явления правовой действительности. «Право — идеальное явление, поэтому все средства, называемые правовыми, не могут быть реальными сущностями, а только порождениями человеческого сознания, хотя и оформленными внешними актами»¹⁵. Как будет доказано ниже, правовая деятельность обладает не идеальной, а двуединой природой, а именно: является правовым отражением (одним из социальных аспектов) реальной (фактической) деятельности субъектов права. По этой причине правовая деятельность не может признаваться правовым средством.

Во-вторых, недопустимо отнесение к числу правовых средств явлений правовой действительности, не носящих регулятивный характер (т.е. не являющихся правовыми регуляторами), в частности правовой деятельности, правоотношения.

В юридической литературе не выработано единого определения понятия «правовой регулятор»¹⁶. В частности, М.Ю. Чельшев предлагал признавать правовыми регуляторами (соответственно, правовыми средствами) правовые явления, содержащие разного уровня (разной правовой силы) правовые предписания, которым должны подчиняться соответствующие субъекты¹⁷.

Как представляется, такое понимание правового регулятора (правового средства) с точки зрения этимологии слова «регулировать» наиболее точно отражает его суть. С.С. Алексеев трактовал данный термин следующим образом: регулировать — это «значит определять поведение людей, их коллективов, давать ему направление функционирования и развития, вводить его в рамки, целенаправленно его упорядочивать»¹⁸.

¹⁵ Родионова О.М. Указ. соч. С. 58.

¹⁶ Термин «регулятор» является достаточно устоявшимся, широко применяемым в учебной литературе по теории права. Правовое регулирование является разновидностью социального регулирования, в связи с этим правовые регуляторы являются не единственными социальными регуляторами. А.Б. Венгеров, например, предлагал выделять нормативные и ненормативные регуляторы. К нормативным регуляторам ученый относил правовой и моральный, а также юридико-технический и нормативно-технический, групповой (корпоративный) регуляторы и регулятор, который определяется как деловой обычай (деловое обыкновение) (см.: Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник. М., 2013. С. 346–362). Категория «правовой регулятор» также широко применяется в юридической науке (см. подроб.: Явич Л.С. Советское право — регулятор общественных отношений // Правоведение. 1958. № 2. С. 19–25; Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России. М., 2004. С. 16; Нефедова Ю.Ю. Общеизвестные принципы и нормы международного права как правовые регуляторы гражданских отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2014; Ершов В.В. Регулирование правоотношений : монография. М., 2021. С. 137–150; 314–350).

¹⁷ Чельшев М.Ю. Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 4. С. 190.

¹⁸ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 31.

Руководствуясь данным определением, можно сделать вывод о том, что правовые регуляторы (правовые средства) призваны прежде всего определять правила (модели) поведения участников общественных отношений. В связи с этим ими могут признаваться лишь те правовые явления, которые устанавливают такие правила (модели) поведения. В этом заключается статическая функция правового регулирования, его средств (правовых регуляторов): они регламентируют общественные отношения путем закрепления моделей поведения. Участникам общественных отношений остается выбрать из всех объективно возможных моделей такую, которая наиболее целесообразна, отвечает их интересам.

Таким образом, правовыми средствами являются такие правовые явления-регуляторы, которые определяют правила (модели) поведения участников регулируемых отношений.

Правовые средства необходимо отличать от других компонентов правовой действительности: явлений правовой деятельности и явлений субъективной стороны правовой действительности.

Что касается явлений субъективной стороны правовой действительности, то они представляют собой, по сути, иные средства правового воздействия. Объектом их воздействия является сознание субъектов (а не внешнее поведение), которое находится за пределами сферы как правового регулирования, так и правового обеспечения. Перечисленные средства правового воздействия создают идеологическую базу для правового регулирования и правового обеспечения. Иначе говоря, такие средства вне правового регулирования и правового обеспечения сами по себе не могут привести к достижению определенной цели, в связи с этим их следует относить к вспомогательным средствам правового регулирования и правового обеспечения.

Категория «правовая деятельность» стала предметом самостоятельного исследования в диссертации Р.В. Шагиевой¹⁹. Ученый определяет такую деятельность как «социально значимую активность (свободы выбора и свободы самовыражения), которая специально предпринимается субъектами как носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни в целях удовлетворения их разнообразных потребностей специфическим духовно-практическим способом (в рамках правоотношений) и которая поэтому признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) правильной, справедливой, а в случае необходимости — дающей возможность вынести решение и вызвать юридически значимые последствия»²⁰.

¹⁹ Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

²⁰ Там же. С. 18.

Р.В. Шагиева в диссертации также определяет соотношение правовой и юридической видов деятельности. По мнению исследователя, юридическая деятельность является разновидностью правовой, которая отличается от последней профессиональным и государственно-властным характером, а именно: осуществляется специальными субъектами; упорядочивается посредством процедурных или процессуальных норм права; имеет своими целями организацию и контроль за всей правовой деятельностью путем принятия государственно-властных решений²¹. По сути, ученый признает правовой деятельностью правореализационную деятельность, в то время как правотворческая и правоприменительная как виды юридической деятельности призваны обеспечивать ее осуществление.

Анализ приведенного понятия правовой деятельности позволяет сформулировать следующие выводы. Во-первых, правовая деятельность обладает двуединой правовой природой: она не является разновидностью социальной деятельности наряду с другими видами человеческой деятельности, выделяемых в соответствии с основными сферами общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной, а выступает дополнительным социальным аспектом экономического, духовного и т.п. способа бытия²². Во-вторых, правовая деятельность не носит регулятивный характер, соответственно, ее нельзя признать правовым средством. В-третьих, способом осуществления правовой деятельности выступает правоотношение. В-четвертых, правовую (правореализационную) деятельность необходимо отличать от таких видов юридической деятельности, как правотворческая и правоприменительная.

С одной стороны, представленные выводы подтверждают выдвинутый выше тезис о том, что правовая деятельность обладает, в отличие от правовых средств, иной правовой природой, поэтому их следует относить к различным плоскостям правовой действительности. С другой стороны, данные выводы не дают ответа на вопрос о том, как правовые средства, обладая идеальной правовой природой, могут использоваться в правовой деятельности? И как обеспечивается взаимодействие между ними?

Как представляется, такое взаимодействие (следовательно, и использование) возможно и допустимо только в рамках правового обеспечения: оно призвано объединять такие явления правовой действительности, как правовые средства и правовая деятельность. При этом связующим (промежуточным, посредствующим) звеном между ними выступает правоотношение, которое совмещает в себе одновременно идеальное и реальное. Другими словами, правоотношение является своего рода средством

²¹ Там же. С. 56.

²² Там же. С. 44.

перевода идеального в реальное, соответственно, выступает правовым средством обеспечения.

Правовое обеспечение, в отличие от правового регулирования, призвано отражать динамику правовой действительности, а именно использование правовых средств в правовой деятельности. Таким образом, оно создает условия для достижения своей специфической цели обеспечения. Причем эти условия осуществляются за счет совместного использования как правовых средств, так и правовых средств обеспечения (правоотношения): закрепленное в правовых средствах правило поведения представляет собой только идеальную модель поведения, которая «не действует» автоматически, и только в процессе ее реализации в правовой деятельности субъектов, осуществляемой в рамках правоотношения, может привести к достижению поставленной цели; правоотношение реализует такую модель поведения в реальном общественном отношении и в то же время опосредует его, облекая в юридическую форму.

Что касается таких видов юридической деятельности, как правотворческая и правоприменительная, то они, как и правовая (правореализационная) деятельность, могут осуществляться только в рамках правового обеспечения: для них разрабатываются свои правовые средства, и они так же, как правореализационная деятельность, реализуются в правоотношении.

Говоря о специфической цели, ради достижения которой в рамках правового обеспечения создаются необходимые условия, принципиально важно, чтобы она соответствовала общей юридической (правовой) цели, поскольку именно к ней сводится все правовое обеспечение.

В юридической науке можно встретить различные точки зрения относительно понятия юридической (правовой) цели²³.

Например, К.В. Шундигов предлагает определять юридическую (правовую) цель как «идеально предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности. Указанным понятием охватывается как цель в праве (официальный ориентир, установленный на нормативном уровне), так и цель в юридической практике (ориентир конкретного субъекта правореализационного процесса), ибо в идеале они совпадают»²⁴. При этом официальным ориентиром, установленным на нормативном уровне, исследователь

²³ См. подробнее: Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1970; Щербинин С.С. Проблема цели в теории государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Коновалова И.О. Механизм действия частного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 43–44; Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011.

²⁴ Шундигов К.В. Указ. соч. С. 18.

признает социально полезные цели, в то время как ориентиром конкретного субъекта правореализационного процесса являются его интересы²⁵.

Если провести глубокий анализ понятия юридической (правовой) цели, предлагаемого К.В. Шундиковым, то можно обнаружить, что ученый под такой целью фактически подразумевает удовлетворение правовых интересов субъектов права (публичных и частных).

Аналогичной точки зрения относительно понятия юридической (правовой) цели придерживается Н.А. Шайкенов. По мнению исследователя, «экономические и иные интересы общества играют определяющую роль по отношению к праву. Известно, что процесс правообразования начинается с формирования или, точнее — генерализации воли, требующей ее юридического оформления. Но, прежде чем стать причиной правообразования, воля является следствием проявления интереса. В процессе функционирования и развития любого общества формируются новые общественные интересы, которые рано или поздно находят свое отражение в общественном сознании. С выявления интересов, собственно, и начинается процесс формирования права»²⁶. При этом Н.А. Шайкенов полагал, что «реализация интересов со стороны их правового обеспечения предполагает, во-первых, нормативное опосредование, организацию отношений, возникающих в процессе удовлетворения потребностей, т.е. юридическую оптимизацию режима обмена результатами деятельности членов общества. Во-вторых, правовое обеспечение означает наделение носителей интересов специальными правовыми средствами их активного поведения в этом взаимообмене»²⁷.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что под юридической (правовой) целью следует понимать удовлетворение интересов субъектов права. Именно данная цель предопределяет всю специфику правового обеспечения, его элементов — правовых средств и правоотношений по их реализации. Государство, выявляя интересы²⁸, которые нуждаются в правовом

²⁵ Там же. С. 9.

²⁶ Шайкенов Н.А. Указ. соч. С. 47.

²⁷ Там же. С. 84.

²⁸ В юридической литературе приводятся различные определения понятия интереса. Например, А.А. Даньков рассматривает интерес как объективно-субъективное явление и предлагает определять его как «ценностную предметно-избирательную позицию лица, отражающую осознанную им потребность в необходимом и реально достижимом благе, на получение или сохранение которого направлена его объективная деятельность» (см. подробнее: Даньков А.А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов в сфере правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 30). Представленное определение интереса позволяет раскрыть взаимосвязь, которая существует между субъектом как носителем интереса, объектом интереса (предметом деятельности) и объективной деятельностью. Дело в том, что именно лежащая в основе интереса потребность лица в определенном благе вынуждает его осуществлять объективную деятельность, выбирать способы ее осуществления. И именно посредством такой деятельности лицо удовлетворяет свои потребности, соответственно, интересы.

опосредовании, разрабатывает и принимает необходимые правовые средства, в которых закрепляются правила поведения — модели поведения, реализация которых в соответствующих правоотношениях позволяет субъектам права удовлетворить такие интересы. Таким образом, интерес приобретает статус правового.

В свою очередь, проведенное исследование позволяет дать правовому обеспечению следующее определение: *правовое обеспечение — это совокупность правовых средств и правоотношений по их реализации, направленных на создание условий, необходимых для удовлетворения правовых интересов субъектов права.*

Имекова М.А.,

доцент кафедры гражданского права Юридического института
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Томск)

Литература

1. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. 1987. № 6.
2. Арзамаскин А.Н. Определение понятия «правовое обеспечение»: постановка проблемы / А.Н. Арзамаскин // Наука и школа. 2016. № 6.
3. Ашихмин И.М. Международно-правовое обеспечение экологической безопасности в военной деятельности : диссертация кандидата юридических наук / И.М. Ашихмин. Москва, 1997. 196 с.
4. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебное / А.Б. Венгеров. 9-е изд., стереотип. Москва : Омега-Л, 2013.
5. Евтушенко С.Г. Правовое обеспечение военной безопасности России : диссертация кандидата юридических наук / С.Г. Евтушенко. Москва, 2000.
6. Ершов В.В. Регулирование правоотношений : монография / В.В. Ершов. Москва : РГУП, 2021.
7. Иванова С.В. Правовое обеспечение государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира : диссертация доктора юридических наук / С.В. Иванова. Москва, 2021.
8. Канашевский В.А. Международные нормы и гражданское законодательство России / В.А. Канашевский. Москва : Международные отношения, 2004.
9. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты) : диссертация доктора юридических наук / В.А. Козбаненко. Москва, 2003.
10. Красинский В.В. Правовое обеспечение защиты конституционного строя России в избирательном процессе : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.В. Красинский. Москва, 2011.
11. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрист, 2005.

12. Нефедова Ю.Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права как правовые регуляторы гражданских отношений : диссертация кандидата юридических наук / Ю.Ю. Нефедова. Пермь, 2014.
13. Пугинский Б. И. Избранные труды / Б.И. Пугинский. Москва : Юрайт, 2022. 522 с.
14. Редкоус В.М. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности в государствах — участниках СНГ : автореферат диссертации доктора юридических наук / В.М. Редкоус. Москва, 2011.
15. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права / О.М. Родионова. Москва : Статут, 2013.
16. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : диссертация доктора юридических наук / В.А. Сапун. Нижний Новгород, 2002.
17. Стахов А.И. Административно-публичное обеспечение безопасности в РФ : автореферат диссертации доктора юридических наук / А.И. Стахов. Москва, 2007.
18. Федотова Ю.Г. Административно-правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации : учебник для вузов / Ю.Г. Федотова. Москва : Юрайт, 2023.
19. Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей / С.Ю. Филиппова. Москва : Статут, 2011.
20. Чельшев М.Ю. Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 4.
21. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе : диссертация доктора юридических наук / Р.В. Шагиева. Москва, 2006.
22. Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1990.
23. Шарифуллин В.Р. Частно-правовое регулирование : диссертация кандидата юридических наук / В.Р. Шарифуллин. Казань, 2006.
24. Шундилов К.В. Цели и средства в праве : диссертация кандидата юридических наук / К.В. Шундилов. Саратов, 2009.
25. Щербинин С.С. Проблема цели в теории государства : диссертация кандидата юридических наук / С.С. Щербинин. Москва, 2002.
26. Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве : диссертация кандидата юридических наук / А.И. Экимов. Ленинград, 1970.
27. Явич Л.С. Советское право — регулятор общественных отношений // Правоведение. 1958. № 2.

Законодательный уровень правового регулирования в субъектах РФ в контексте укрепления суверенитета России

Опыт построения и функционирования федеративных государств показывает, что в ряде из них (особенно многонациональных) время от времени могут остро вставать вопросы о пересмотре действующей модели федеративного устройства, о совершенствовании либо существенных изменениях отношений между федеральными центрами и регионами, расширении полномочий субъектов Федерации в сфере законотворчества и др., что, так или иначе, затрагивает вопросы единства федеративного государства и его суверенитета.

В этом контексте вопросы об укреплении единства российского федеративного государства и обеспечении его суверенитета, поставленные еще в начале XX в., нисколько не утрачивают своей остроты и актуальности в современных условиях. Это наглядно подтверждается закреплением принципов «государственной целостности», «суверенитета», «равноправия», «самоопределения народов» в действующих конституциях бывших республик Советского Союза. В различных модификациях такие принципы действуют и в ранее созданных федерациях (США, Германии, Канаде, Великобритании, Швейцарии и др.). Общую для всех проблему составляет сегодня обеспечение единства федеративного государства и его суверенитета на основе единства воли федерального законодателя с законодательством субъектов Федерации.

С этих позиций разнонаправленные, но диалектически взаимосвязанные вопросы самоорганизации субъектов РФ, местного самоуправления, государственной целостности и государственного суверенитета Российской Федерации относятся к разряду ключевых и вызывают у исследователей заметный теоретический и практический интерес¹. В то же время в связи

¹ См.: Авакьян С.А. А есть ли в России местное самоуправление? // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16; Гуляков А.Д. Американская модель федерализма: становление и основные этапы развития // История государства и права. 2016. № 17; Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю. Пути формирования канадского федерализма (историко-государствоведческое исследование) // Известия вузов. Поволжский регион. Серия: общественные науки. 2015. № 2. С. 5–16; Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю., Малько А.В., Макеева Н.В. Генезис федеративной государственности в мировом измерении (проект сравнительного историко-государствоведческого исследования) // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал. 2016. № 3; Данилов С.Ю. Эволюция канадского федерализма. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 14; Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия

с усилившимися угрозами, посягающими на суверенитет Российской Федерации и военными действиями в Украине, внимание к проблеме суверенитета российского государства многократно возросло.

В настоящей статье актуализируются вопросы о полномочиях субъектов РФ на издание норм первичного правового регулирования, выступающих первоосновой формирования законодательного уровня правового регулирования в регионах и эффективным средством укрепления единства федеративного государства и обеспечения его суверенитета.

В решении поставленных вопросов исходную роль, бесспорно, играют идеи о расширении в российском демократическом, социально ориентированном федеративном государстве круга субъектов правотворчества, наделенных правом издания норм первичного правового регулирования и ориентированных на реальное исполнение конституционного принципа равноправия. Оригинальность названных идей состоит в том, что они, собственно, и предопределяют переход к разноразовному правовому регулированию, получившему сегодня широкое применение на практике. Речь в данном случае идет о том, что в условиях социально ориентированного государства обоснование разноразовного характера правового регулирования в качестве ведущего принципа системы российского права способствует стремительному выдвиганию на передний план идеи реального исполнения принципа равноправия, обладающего интегративными свойствами и потому являющегося крупной теоретической и практической проблемой юридической науки.

По нашему представлению, исполнение названного принципа требует решения, как минимум, трех задач: 1) установления в соответствии с Конституцией РФ и Всеобщей декларацией прав человека государственных стандартов, обеспечивающих минимальные потребности граждан в материальных, духовных и иных благах; 2) закрепления и конкретизации правомочий субъектов РФ, а также муниципальных и легализованных негосударственных образований на их законотворческую и правотворческую деятельность, создающую благоприятные условия для установления и реализации собственных стандартов жизнеобеспечения местного населения, иных субъектов права, превышающих минимальные федеральные стандарты; 3) осуществления замысла законодателя на дальнейшую конкретизацию первичных норм федеральными органами исполнительной власти.

сегодня. Основные черты политической системы, М. : Букинист. 1996. С. 260; Саликов М.С. Сравнительный федерализм США и Россия. Екатеринбург : УрГЮА, 1998. С. 22; Пономарева И.П. Теория федерализма: миссия завершена // Российский журнал правовых исследований. М., 2016. № 1 (6). С. 131–135; Шумилов В.М. Правовая система США. М., 2006. С. 6–7; Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. М., 1995. Т. 1. С. 205; и др.

В целях разработки теории разноуровневого правового регулирования и осуществления ее на практике автором настоящей статьи сформулировано определение понятия «уровень первичного правового регулирования».

Под уровнем первичного правового регулирования предлагается понимать *принятую с санкции государства компетентным органом или социальным сообществом совокупность норм права, закрепляющих первичное регулирование общественных отношений в развитие действующего законодательства и обеспеченных мерами государственного принуждения*.

Если взять во внимание данное определение, то в системе права Российской Федерации можно выделить четыре уровня правового регулирования: 1) федерального законодательства; 2) законодательства субъектов РФ; 3) муниципального правотворчества; 4) легализованного негосударственного правотворчества.

Что касается федерального законодательства, то появление нового самостоятельного уровня правового регулирования в лице субъектов РФ необходимо привело к существенному изменению роли федеральных законодательных установлений в системе нормативных регуляторов общественных отношений.

Как известно, федеральное законодательство всегда занимало и занимает сегодня лидирующее положение в системе нормативных правовых актов Российской Федерации, выражает государственную волю по ключевым вопросам политико-правовой, социальной и иной деятельности и, наконец, традиционно выступает первичным звеном перевода положений Конституции РФ на уровень отраслевого и комплексного законодательного регулирования.

Однако, как уже отмечалось, в условиях высокого динамизма современных общественных отношений, вызванных их демократизацией, социальной направленностью, цифровизацией права и др. в Российской Федерации появляются новые уровни первичного правового регулирования. Помимо федерального законодательства в правотворческую и регулятивную деятельность активно вовлекаются: 1) субъекты РФ вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; 2) местное самоуправление; 3) легализованные негосударственные органы правотворчества.

В изменившихся условиях федеральное законодательство выступает прежде всего в качестве *федерального уровня законодательного регулирования*. По воле федерального законодателя устанавливаются основополагающие

нормы первичного правового регулирования в пределах ведения Российской Федерации и ее полномочий по предметам совместного ведения с субъектами РФ. При этом по инициативе федерального центра периодически происходит передача совместных полномочий Российской Федерации и ее субъектов для их дальнейшего исполнения в регионах. Это значительно сокращает объем правового, в том числе и законодательного регулирования на федеральном уровне и уменьшает предметы ведения Российской Федерации.

Проявляемая тенденция сокращения предметов ведения и в целом объема правового регулирования на федеральном уровне в пользу субъектов РФ поставило перед юридической наукой весьма сложные вопросы: 1) не несет ли указанное сокращение угрозу единству федеративного государства и его суверенитету; 2) не противоречит ли оно системной организации российского законодательства; 3) не снижает ли авторитет и волю федерального законодателя. Поиск ответа на эти вопросы и составляет предмет настоящей статьи.

Итак, принцип разноразовного правового регулирования, ориентированный на реализацию конституционного принципа равноправия, заметно модернизирует роль законодательного регулирования в системе нормативных регуляторов общественных отношений. Так, в новых реалиях, получивших старт в 1993 г., субъекты РФ, ставшие целостными интегративными образованиями, наделяются полномочием формировать собственное законодательство, издавать нормы первичного правового регулирования, на основе которых образовывается самостоятельный уровень законодательного регулирования. Иными словами, субъекты РФ наделяются полномочием осуществлять правовое регулирование нормами *первичного*, т.е. законодательного регулирования, а не вторичного, как это закреплялось на предыдущих этапах нормативного регулирования.

Между тем 30-летний опыт реализации законодательного уровня регулирования в Российской Федерации показывает, что в ряде ее субъектов, имеющих статус республики (государства) — Татарстан, Чечня, Калмыкия, Якутия, в особенности на этапе формирования законодательного уровня правового регулирования, достаточно остро ставились вопросы о закреплении в своих конституциях принципа «суверенитета республики (государства)», «региональной самостоятельности», «природной автономии», «саморегуляции» и др. Как известно, такая позиция диссонировала с принципами «государственной целостности» и «государственного суверенитета», закрепленными Конституцией РФ.

Теоретической основой таких воззрений служили идеи отдельных авторов о том, что структурированные явления (каким, по их мнению, и является

федерализм) представляют собой «изолированные частицы, находящиеся в состоянии беспорядочного движения»². Исходя из этого, ряд авторов полагают, что федерализм, с одной стороны, отражает «механическое сложение частей, образующих федеративное государство», а с другой — «механическое их разделение»³.

Однако многие авторы не разделяют подобные точки зрения. Так, Н.А. Власенко полагает, что федерализм и региональная самостоятельность нуждаются в «новой концепции», укрепляющей единство федеративного государства⁴. Такую позицию разделяет и автор настоящего исследования. В данном случае категории «государственная целостность», «государственный суверенитет», а также «региональная самостоятельность и самоорганизация», «законодательное регулирование в субъектах Федерации» находятся в системном единстве, т.е. не «механическом сложении частей», а неразрывном взаимодействии и единстве элементов между собой и с внешней средой.

Характерно, что Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ст. 2) значительно расширил и закрепил разнонаправленные (смешанные) принципы деятельности органов, входящих в систему публичной власти⁵. Наряду с незыблемыми и целенаправленными принципами государственной целостности и суверенитета Российской Федерации закон закрепил и такие, как единство системы публичной власти, согласованность и взаимодействие ее органов, государственный контроль за деятельностью в сфере разделения предметов ведения и полномочий между уровнями публичной власти. Фактически закон подтвердил, что принцип разнонаправленности федеративного устройства имеет глубокий смысл, работает на укрепление единства федеративного государства, обеспечивает его суверенитет и одновременно развивает внутрифедеральное законодательство, способствует гармонизации федеральных законов в регионах, обеспечивает исполнение принципа равноправия. При этом «самоорганизация» субъектов РФ позволяет им самостоятельно и безболезненно устанавливать нормы первичного регулирования в пределах собственных компетенций.

² См.: Гайденок П.П. Эволюция понятия наука (XVII–XVIII вв.): Формирование научных программ нового времени. М.: Наука, 1987. С. 14–15.

³ См., напр.: Пономарева И.П. Теория федерализма: миссия завершена // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6). С. 134.

⁴ См.: Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3. С. 499.

⁵ См.: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 14.10.2023).

Накопленный опыт законодательного регулирования, в том числе и в сфере обеспечения суверенитета России, позволяет говорить, что в субъектах РФ полноценно выполняется сегодня две функции: 1) конкретизируется федеральное законодательство по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, переданных последним для самостоятельного исполнения на региональном уровне; 2) устанавливаются нормы первичного правового регулирования вне предметов ведения и полномочий Российской Федерации и предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. При этом, как уже отмечалось, во втором случае, т.е. при установлении норм первичного регулирования первоосновой выступает *правомочие* на их принятие, позволяющее не только конкретизировать вопросы исполнения предметов совместного ведения, но и дополнять федеральные законы нормами первичного регулирования, учитывающими специфику региона и особые интересы его жителей. Это, бесспорно, гармонизирует федеральное законодательство в регионах, и, таким образом, конституционные принципы «государственной целостности», «государственного суверенитета», «равноправия и самоопределения народов», «разграничения предметов ведения и полномочий» и др. могут быть наполнены новым содержанием.

Под этим углом зрения в настоящем исследовании развивается идея, что диалектическая разнонаправленность названных принципов создает теоретико-правовую основу формирования в субъектах РФ законодательного уровня правового регулирования, имеющего свои признаки и выступающего эффективным средством укрепления единства федеративного государства и обеспечения его суверенитета. При этом самостоятельность такого уровня правового регулирования должна находиться в системном единстве с волей федерального законодателя, о чем свидетельствуют наиболее значимые признаки исследуемого феномена: 1) закрепление специфики регионов и особенных интересов его жителей в соответствии с волей федерального законодателя осуществляется не всеми нормами регионального правотворчества, а только первичными, принимаемыми в процессе собственного правотворчества субъектов Федерации; 2) закрепление более высоких стандартов удовлетворения материальных и духовных благ граждан регионов развивает федеральные законы, дополняет их новым содержанием; 3) обеспечение исполнения норм первичного регулирования, принятых в субъектах Федерации, осуществляется мерами государственного принуждения, а также актами конкретизации органов исполнительной власти.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Переход субъектов РФ к самостоятельному уровню законодательного регулирования, сопровождаемый сокращением предметов ведения

Российской Федерации и в целом объема правового регулирования на федеральном уровне, не несет в себе угрозу государственной целостности, а, напротив, укрепляет суверенитет России. Находясь в системном единстве с волей федерального законодателя, законы субъектов РФ, принятые в пределах их полномочий, развивают федеральные законы. Несмотря на то что каждый четвертый субъект РФ имеет статус республики (государства) и принимает свою конституцию⁶, все субъекты РФ, независимо от своего статуса, наделены равным правом издавать учредительные акты и принимать собственные нормы первичного правового регулирования, закрепляющие особые интересы жителей своего региона. В частности, за счет средств своего бюджета устанавливаются более высокие стандарты социальной направленности, превышающие минимальные государственные стандарты удовлетворения материальных и духовных благ жителей регионов.

По нашему мнению, это гармонизирует федеральные законы в регионах, повышает их авторитет, что, в свою очередь, позитивно влияет на укрепление единства федеративного государства и обеспечение государственного суверенитета России.

Исаков И.Н.,

доцент Института высокотехнологичного права,
социальных и гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Московский институт электронной техники»,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Авакьян С.А. А есть ли в России местное самоуправление? / С.А. Авакьян // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16.
2. Власенко Н.А. Отклоняющееся государство: учение Аристотеля и постсоветская реальность / Н.А. Власенко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 3.
3. Гайденок П.П. Эволюция понятия наука (XVII–XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени / П.П. Гайденок. Москва : Наука, 1987.
4. Гуляков А.Д. Американская модель федерализма: становление и основные этапы развития / А.Д. Гуляков // История государства и права. 2016. № 17.
5. Гуляков А.Д. Генезис федеративной государственности в мировом измерении (проект сравнительного историко-государствоведческого исследования) /

⁶ Исключение составляет Республика Калмыкия, которая именует свою Конституцию «Степным Уложением».

- А.Д. Гуляков, А.Ю. Саломатин, А.В. Малько, Н.В. Макеева // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал. 2016. Т. 4. № 3 (15).
6. Гуляков А.Д. Пути формирования канадского федерализма (историко-государствоведческое исследование) / А.Д. Гуляков, А.Ю. Саломатин // Известия вузов. Поволжский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 2.
7. Данилов С.Ю. Эволюция канадского федерализма / С.Ю. Данилов. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
8. Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы / К. Зонтхаймер. Москва : Памятники исторической мысли, 1996.
9. Пономарева И.П. Теория федерализма: миссия завершена / И.П. Пономарева // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6).
10. Саликов М.С. Сравнительный федерализм США и Россия / М.С. Саликов // Российский юридический журнал. 1995. № 4 (8).
11. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кетц. Москва : Международные отношения, 1998.
12. Шумилов В.М. Правовая система США / В.М. Шумилов. Москва : Международные отношения, 2006.

Раннее кельтское право, по данным эпиграфики

История права древних народов, населявших Западную Европу в доримское время, к сожалению, представляет собой практически сплошную лакуну. В первую очередь это, конечно, относится к многочисленным кельтским народам, населявшим некогда Галлию, Испанию и Британские острова. И если правовые системы средневековых кельтских государств Ирландии, Шотландии и Уэльса нам известны по сохранившимся письменным источникам, в том числе законодательным текстам и правовым трактатам, то в отношении кельтов античного периода — кельтиберов, галлов, бриттов и гойделов этого сказать нельзя. Тем не менее новейшие данные в указанной области нам дают археология и лингвистика, в первую очередь в связи с открытием эпиграфических памятников в Испании и Франции, в том числе юридического характера, которые хотя бы отчасти позволяют нам реконструировать определенные фрагменты права кельтиберов и галлов.

Древние племена кельтиберов, населявшие Пиренейский полуостров в железном веке, известны прежде всего из античных источников, в большей степени в контексте их длительных войн с Римом, кульминацией которых явились осада и падение кельтиберского города Нуманции в 133 г. до н.э.¹ Кельты мигрировали на Пиренейский полуостров примерно в VI в. до н.э., интегрируясь с ранее существовавшими иберийскими народами неиндоевропейского происхождения. Диодор Сицилийский пишет о том, что в древности иберы и кельты воевали друг с другом из-за территории, однако затем прекратили распри и стали проживать там совместно, заключая между собой браки, и вследствие смешения и получили такое название². О смешении кельтов и иберов упоминает и Аппиан Александрийский³.

Многое из того, что нам известно о политической и правовой стороне жизни кельтиберов, взято из исторических источников, написанных античными авторами, прежде всего Аппианом Александрийским и Диодором Сицилийским, а также Полибием и Страбоном, и археологических свидетельств. Эти источники указывают на то, что кельтиберские государства имели свои системы правосудия и социальные нормы для поддержания порядка и разрешения внутренних споров. Тем не менее, среди различных аспектов жиз-

¹ Симон Г. Войны Рима в Испании. 154–133 гг. до н.э. / пер. с нем., науч. ред. и вступ. ст. А.В. Короленкова. СПб. : ИЦ «Гуманитарная академия», 2008. С. 261.

² Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. IV–VII: Греческая мифология / пер. с др.-гр., вступ. ст. и коммент. О.П. Цыбенко. СПб. : Алетей, 2018. С. 235.

³ Аппиан Александрийский. Римская история : пер. с греч. М. : Изд-во АСТ, Ладомир, 2002. С. 50.

ни кельтиберского общества право является, пожалуй, наименее исследованным предметом в силу отсутствия каких-либо значительных источников, кроме эпиграфических надписей.

Диодор Сицилийский писал, что «в обращении со злодеями и врагами кельтиберы суровы, а с гостями — дружелюбны и человеколюбивы», а «прибывших к ним чужеземцев все стараются принять у себя, споря друг с другом за право оказать гостеприимство, а тех, у кого чужеземцы останутся, восхваляют и считают боголюбезными»⁴. Следует отметить, что подобные традиции гостеприимства характерны и для других древних кельтских народов, например галлов, а также гойделов в Ирландии и Шотландии. В связи с этим Г. Сопенья отмечает, что в Кельтиберии *hospitium* был институтом, имеющим очень глубокие корни. Это традиция, которая зафиксирована примерно в сорока *tesserae hospitii*, переносных документах, содержащих эпиграф с характеристиками сделки и именами подписавших ее людей: каждый гость хранил половину предмета в качестве гарантии. Тессеры были написаны на родном языке, поскольку отражали соглашения, заключенные между кельтиберами, но десять из них, отражающие сделки между кельтиберами и римлянами, были написаны на латыни⁵. Большая часть тессер датируется периодом между II веком до н.э. и принцепатом Августа и имеет форму животных, обладающих символическим значением для кельтов (бык, свинья, кабан и т.д.), либо же греко-римского происхождения (дельфин). Найдены одна тессера в форме человеческой головы и четыре других в форме правой руки (*dextera hospitii*), символа сделки в греко-римском мире⁶. Кроме того, тессера из Контребии Белаиски, относящаяся к I в. до н.э., изображает пожатую руку как ритуальный акт подписания договора⁷.

Подобная практика гостеприимства, призванная укреплять союзы в условиях междоусобных войн, подтверждается часто встречающимися кельтиберскими тессерами, которые гарантировали пакты, защищенные хтоническими божествами, связанными с войной. Тессеры выполняли важную с точки зрения кельтиберов юридическую функцию свидетельств подписания договоров. Кроме того, тессеры гостеприимства указывают на достаточно интенсивные отношения между кельтиберскими городами и племенами, которые иногда находились на большом расстоянии друг от друга. Таким образом, у кельтиберов сформировалось достаточно развитое представление о договорных обязательствах и необходимости их соблюдения,

⁴ Диодор Сицилийский. Указ. соч. С. 235–236.

⁵ Sopena G. Celtiberian Ideologies and Religion // e-Keltoi: Journal of Interdisciplinary Celtic Studies. 2006. Vol. 6. P. 375.

⁶ Ibid. P. 376.

⁷ Almagro-Gorbea M., Lorrio A. J. War and Society in the Celtiberian World // e-Keltoi: Journal of Interdisciplinary Celtic Studies. 2004. Vol. 6. P. 94.

а также о надлежащем оформлении договоров и соответствующих реквизитах, к которым можно отнести, к примеру, тессеры.

В условиях отсутствия каких-либо существенных сведений о праве кельтиберов определенное значение приобретают данные эпиграфических источников, в том числе на кельтиберском языке, до настоящего времени полностью, к сожалению, не дешифрованном.

Так, начиная с 70-х гг. XX в. при раскопках кельтиберского оппидума, носившего имя *Контребия Белауска* и расположенного в *Кабесо-де-лас-Минас-де-Боторрита*, близ Сарагосы, была найдена серия из четырех бронзовых плит с надписями на кельтиберском языке, а также на латыни, которые получили название «бронзы Боторриты». Так называемые «Боторрита I», «Боторрита III» и «Боторрита IV» написаны на кельтиберском языке и письменности. Так называемая «Боторрита II» (*Tabula Contrebiensis*) написана на латыни. Предположительно, эти бронзовые плиты представляли собой архив суда *Контребии Белауски*⁸.

Самой важной из этих находок является, несомненно, первая плита, или *Боторрита I*. Эта бронзовая доска размером примерно 40 x 10 см, датированная примерно 70 г. до н.э., стала предметом многочисленных исследований и споров в научном сообществе. Ее интерпретации варьируются от тех, кто считает, что текст бронзовой плиты является постановлением, касающимся религиозных вопросов, или по крайней мере связан с *lex sacra*, до тех, кто утверждает чисто гражданский характер надписи, посвященной муниципальному закону *Контребии Белауски*⁹.

Приведем здесь предположительный перевод текста на лицевой стороне плиты, выполненный кельтологом П. де Бернардо:

«По поводу дуба каменного трехграничного (*tirikantam percunetacam*). О Токойтисе и Сарникиосе (*tocoitoscue sarnicio*) так и подобает, не дозволено (*ne litom*): ни рубить нельзя, ни жечь, ни пахать (дубовую рощу) не дозволено. А если будет с позволения префекта, и если вообще кто-нибудь поступит вопреки нему, то дадут серебра (*silabur*) чеканного и в монетах: по сто (денариев) по каждой из мер [земли]. Более того, на земле Токойтиса, если кто-либо строит вокруг стойла для коров [быков], или забора, или земляного сооружения, или каменного сооружения, он должен вырыть дорожку: шесть футов (шириной) для хранения навоза [т.е. чтобы предотвратить загрязнение пастбищ и использовать его в качестве компоста для выращивания] он должен срезать. Когда он подрезает, чтобы могли процветать [т.е. кустарники на землях Токойтиса и Сарникиоса], эти же вещи [т.е. ветки] должен он выбро-

⁸ Simon F.M. From the Botorrita Bronze to Peñalba de Villastar: Celtiberian religious epigraphy in a landscape of cultural change // Des mots pour les dieux: dédicaces culturelles dans les langues indigènes de la Méditerranée occidentales / coord. por María José Estarán Tolosa, Emmanuel Dupraz, Michel Aberson, 2021. P. 221.

⁹ Ibid. P. 222.

силь за ограду в течение трех благоприятных дней: к трикантасу (= “переходу”) Нейтоса он должен отнести (их). Кому (из двоих) посеют вспаханную борозду, тому [т.е. будь то Токойтис или Сарникиос], когда они собирают урожай на участке, (то есть) либо возле забора, либо внутри, из урожая, который они собрали, должны дать (*datuz*) соответствующую десятину (*decametinas*); внутри этой земли, как огороженной, так и неогороженной, это было провозглашено (так). Вспаханную землю Сарникиоса орошают жители Акаины; в земле Токойтиса тот, кто черпает воду для пастбищ или для возделываемых полей, должен давать десятину. О Токойтисе и Сарникиосе мы, властители договоров, провозгласили это [для всех, кто] как из чужих земель, так и отсюда, на веки вечные»¹⁰.

На обратной стороне плиты указаны имена членов собрания (сената) Контребии Белаиски: например, *lubos counesicum melnunos bintis* («Любос [сын] Мельмона [из] Кунесикоса») или *letontu ubocum turo bintis* («Летондо [сын] Туро [из] Убокоса»), при этом термин *bintis*, вероятно, указывает на их статус («сенатор»).

С точки зрения Ф.М. Симона, речь в надписи, видимо, идет об общинной земле, на которой находилась посвященная богам дубовая роща, что требовало ее особой защиты с помощью правовых средств. В этой связи, действительно, структуру текста можно вполне интерпретировать в контексте *leges sacrae*, известных в эллинистическом и римском мире. Ф.М. Симон в целом соглашается с точкой зрения австрийского исследователя В. Мейда, который интерпретировал Боторриту I как сборник правил, направленных на предотвращение нарушения или осквернения земель, принадлежащих святилищам двух божеств, Токойто и Сарникио, включая уплату штрафа в серебре, а также условия сельскохозяйственной или пастбищной эксплуатации на определенных условиях и предварительную уплату налогов или услуг (например, десятина урожая пойдет властям религиозного комплекса)¹¹.

Таким образом, боторритская бронза документально подтверждает, что определенная земля, принадлежащая божеству, является частью святилища (кельтский *nemeton*). Также возможно, что эти контребийские правила были выставлены в святилище общины в качестве способа продемонстрировать божественную защиту содержащихся в них положений и гарантировать их строгое соблюдение. Следует заметить, что четвертая бронзовая плита, Боторрита IV, несмотря на фрагментарный характер сохранившегося текста, также, по-видимому, имеет религиозную природу, учитывая совпадения ее содержания с содержанием Боторриты I.

Боторрита II, или *Tabula Contrebiensis*, найденная в конце 1979 г., представляет собой написанный на латыни юридический текст, датированный

¹⁰ Ibid. P. 226–227.

¹¹ Ibid. P. 226.

15 мая 87 г. до н.э., содержащий описание в двадцати строках судебного процесса между жителями близлежащих городов Салдуи и Алавы по поводу канала (водопровода), который первый хотели провести через территорию, купленную ранее у соседнего города Сосинестаны; жители Алавы сочли себя пострадавшими, так как оспаривали это строительство, возможно из-за того, что опасались обмеления реки, из которой сами брали воду, и стороны согласились поручить решение нейтральным лицам (магистратам Контребии Белаиски), которые вынесли решение в пользу народа Салдуи. Судебный процесс проходил с ведома и одобрения римского проконсула Гая Валерия Флакка¹². Следует отметить, что имена ряда магистратов, указанные в латинской надписи Боторриты II, повторяются на обратной стороне Боторриты I на кельтиберском языке, что говорит о том, что члены сената Контребии Белаиски не только участвовали в судебном арбитраже в споре соседних общин, но и являлись законодателями своего города.

Юридический текст Боторриты II, безусловно, соответствует формулировкам и категориям римского права, и мы не знаем, насколько они являлись аутентичными для кельтиберов, тем более учитывая, что судебный арбитраж касался иберийского города Салдуи и баскского города Алавы, то есть не был «внутрикельтиберским». Очевидно и то, что нормы «сакрального права», предусматривающие охрану святынь и священных рощ, присутствующие в тексте Боторриты I, тоже мало чем отличались от аналогичных *leges sacrae* эллинистического и римского мира. Романизация подчиненных римлянам городов Пиренейского полуострова в I в. до н.э. шла полным ходом, поэтому вскоре латынь вытеснила местные кельтиберские и иберские языки, а римское право — обычные правовые системы аборигенных народов Древней Испании.

Хронологически следующим кельтским народом, столкнувшимся с римской экспансией и последовавшей за ней романизацией, были галлы. Большая часть имеющихся у нас сведений о праве галлов в доримский период содержится в трудах античных авторов, прежде всего Гая Юлия Цезаря¹³, и современным исследователям хорошо известна¹⁴. После того как завоеванная Цезарем в I в. до н.э. Галлия стала частью Римской республики, а затем

¹² *Tabula contrebiensis: lawsuit concerning an aqueduct* / P. Birks, A. Rodger & J.S. Richardson // *JRS*. 1984. Vol. 74. P. 45.

¹³ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Гай Юлий Цезарь ; пер. и коммент. М.М. Покровского // *Сочинения* / Гай Саллюстий Крисп ; пер., статья и коммент. В.О. Горенштейна. М. : Ладомир, 2005.

¹⁴ См.: Широкова Н.С. Ранняя государственность и сакральное право у древних кельтов // *IVS ANTIQVVM. Древнее право*. 2001. № 8. С. 52–60; Сайфуллин Э.К. Государство и право галлов в описании Гая Юлия Цезаря // *INTERNATIONAL & DOMESTIC LAW : материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву*. Екатеринбург : Учебно-научная лаборатория 'Apientia', 2020. С. 74–77.

империи, римское право утвердилось повсеместно. Правда, процесс романизации новых территорий был длительным, и древние правовые обычаи галлов могли вытесняться постепенно. Римские правовые тексты допускали, чтобы существующий в той или иной местности давний обычай (*consuetudo*), не нарушающий общественных интересов, сохранялся, если только он не противоречил закону (*Дигесты Юстиниана*, I, 3, 32–41)¹⁵.

Таким образом, какие-то элементы галльского права еще могли наблюдаться в римской Галлии в течение I–III вв. н.э., а может быть, и позднее. Но труды античных авторов указанного периода молчат об этом, оставляя пространство для спекуляций. В этой связи значительную помощь историкам права может оказать галльская и галло-римская эпиграфика.

В 1997 году при раскопках во французском городе Шатобло, недалеко от Парижа была обнаружена черепичная плитка, изготовленная во II в. н.э. и содержащая одиннадцать строк на галльском языке. П.-И. Ламбер, французский кельтолог, осуществил первый перевод документа, что было непростой задачей, так как галльский язык, относящийся к кельтской группе индоевропейских языков, расшифрован лишь частично. Что мы точно знаем, так это то, что в тексте обсуждается супружество. П.-И. Ламбер сначала предположил, что это брачная песня, но указал на частое использование юридических терминов, особенно слова *cor*, что означает «контракт». Слово *cor* в словосочетании *incorobouido* П.-И. Ламбер реконструировал по аналогии с ирландским термином *cor* в значении «договор, соглашение», а также древнеирландским *ecor* «установление, соглашение»¹⁶. В тексте, по мнению С. Кернейс, используются также юридические термины *temegwell* (доказательство девственности), *gubrin* (родственно валлийскому слову *gobyr* «награда»), *eteta* (схожее по значению с латинским термином *dos* «дар, приданое»)¹⁷.

Основываясь в том числе на данных средневаллийского и древнеирландского языков, родственных галльскому, С. Кернейс предлагает следующий перевод этого текста:

«Я предлагаю жениться (*ueíonna*) на женщине, чтобы быть связанным договором через дар коров (*corobouido*, *cor bogwed*). Предлагаю женщине через доказательство ложа [девственности] (*temeuelle*, *temegwell*). Скажите, вы, родители, взамен приданого (*quprin*, *gubrin*), сколько сестер-цieve на дар (*eteta*)? Я говорю по воле связывающих уз, сколько сестер-цieve?

¹⁵ Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М. : Зерцало. 1997. С. 168–169.

¹⁶ Lambert P.-Y. La tuile gauloise de Châteaubateau (Seine-et-Marne) // In : Etudes Celtiques. 1998. Vol. 34. P. 87.

¹⁷ Kerneis S. Legal Pluralism in the Western Roman Empire: Popular Legal Sources and Legal History // Legal engagement the reception of Roman law and tribunals by Jews and other inhabitants of the Empire / K. Berthelot, N. Dohrmann, C. Pekelman. L'École française de Rome, 2021. P. 215–230.

Я говорю за вашу связь с ней, по устному соглашению (*bel*) за... сестерциев [сумма уточняется]. Прошу, батюшка, за меня по договору (*cor*), в аванс. Я говорю о договоре, по устному соглашению (*bel*) за... сестерциев [сумма должна быть определена] в оцененных товарах, услышанному вами в собрании, что она будет моим первым партнером через истинную и законную связь. Посредством свободной помолвки скажи, что ты будешь моей»¹⁸.

Впрочем, существуют и иные переводы и толкования данного текста, например, П.-И. Ламбер видит в нем свадебную песню¹⁹, заказанную профессиональному поэту, записанную на черепице и в день свадьбы выставленную на всеобщее обозрение, а Т.А. Михайлова предлагает в качестве одной из интерпретаций любовный заговор, адресованный божеству (Паписсону?), которое выполнит просьбу заказчика текста и даст ему в жены его возлюбленную²⁰.

В любом случае исследователи сходятся в том, что речь в тексте идет именно о браке или брачной церемонии, а «договор, имеющий отношение к скоту» — это, безусловно, приданое, которое жених (возможно, заказчик надписи) собирается получить. Т.А. Михайлова в этой связи справедливо отмечает, что в древнеирландской традиции тема получения в приданое за невестой какого-то, заранее оговоренного количества быков, коров и телят является более чем распространенной практикой, хотя и не зафиксированной в раннем законодательстве. Возможно, в ирландских сагах сохранилась память о более ранней континентальной (в том числе галльской) брачной традиции, претерпевшей существенные изменения на Британских островах под влиянием реликта матриархата местного населения²¹.

Как считает С. Кернейс, данный документ использовался как определенная юридическая форма, используемая при вступлении в брак. То, что документ был найден в храме, не должно вызывать удивления. Связи между святилищами и местной администрацией в Галлии хорошо известны, и можно предположить, что текст написан не настоящими юристами, как это было бы в государственных учреждениях, а местными жрецами. В Шатобло, как и везде, святилище, по-видимому, было местом хранения письменных документов. Рассматриваемый текст С. Кернейс интерпретирует как попытку преодоления расхождений между римским и местным правом²². При этом обоснованно отмечается, что для римлян брак считался действительным, как только оба партнера давали на него свое согласие (*Дигесты Юстиниана, XXIII, 1, 1–18*)²³.

¹⁸ Ibid. P. 215–230.

¹⁹ Lambert P.-Y. La tuile gauloise de Châteaubateau. Seine-et-Marne. P. 113.

²⁰ Михайлова Т.А. Ранняя кельтская эпиграфика как объект лингвистического и историко-культурного анализа. 2-е изд. М. : Изд. дом ЯСК, 2017. С. 173–174.

²¹ Там же. С. 168.

²² Kerneis S. Op. cit. P. 215–230.

²³ Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. С. 529–530.

Но это не было правилом во многих других обществах, где заключение брака являлось более формализованным процессом. Еще одно отличие касалось супружеских подарков. В Риме приданое (*dos*) дарил отец невесты (*Дигесты Юстиниана, XXIII, 3, 1–7*)²⁴, но в ряде других правовых систем устанавливалось, что подарок делал муж, иногда и жене, и тестю. Но к какой категории римского права относились галльские супружеские дары? Их нельзя было считать *dos*, потому что римское приданое давалось отцом невесты после соглашения, тогда как галльские дары делались обоими супругами.

Как указывает Ж.-Л. Брюно, у галльской женщины был особый статус, характеризовавшийся большей правовой и экономической самостоятельностью, по сравнению со статусом римлянки. Отсюда лучше понятен странный характер брачного договора, разновидности которого освещает Цезарь. Как мы видим, текст на черепице из Шатобло вполне соответствует сведениям Цезаря о брачных порядках у галлов, предусматривающих обязанность жениха выплатить невесте (или ее родителям) сумму, равную полученному за нее приданому²⁵.

Договорные отношения у галлов, конечно, не исчерпывались матримониальными вопросами, однако сведения об этом крайне скупы. В 2017 году в Шатобло была обнаружена новая черепичная плитка с текстом из девяти строк на галльском языке. К сожалению, ее текст значительно разрушен, поскольку плитка использовалась при разработке резервуара для гашения извести в конце II или начале III в. н.э.²⁶

В данном тексте, тяжело поддающемся реконструкции, узнается знакомый термин *core*, то есть договор, или соглашение. Общее значение *uobanu logitu suesanu*, согласно предположению П.-И. Ламбера и Ф. Пилон, может быть следующим: «провозглашено, конкретно установлено» — и будет относиться к конкретным правовым положениям. Слова *logitu*, *logitota* могут быть связаны с глагольной основой **legh* — «располагать, класть, положить». В этом случае *logitu* имеет аналог в латинском языке *locare* — «арендовать», *locatio* — «арендная плата». *Suesanu* и *suesa*, возможно, обозначают «шестую часть» арендной платы²⁷.

В целом, если перевод П.-И. Ламбера и Ф. Пилон корректен, то речь в тексте может идти либо о договоре аренды для производства керамики или черепичной плитки, что является предпочтительным, либо о нормативном распоряжении, касающемся сообщества гончаров — возможно, приема в корпорацию нового члена²⁸. В первом случае галльский договор *logitu*

²⁴ Там же. С. 536–537.

²⁵ Брюно Ж.-Л. Галлы / Жан-Луи Брюно. М.: Вече, 2011. С. 348.

²⁶ Lambert P.-Y., Pilon F. Châteaubleau: la tuile gauloise de neuf lignes // Etudes Celtiques. 2018. Vol. 44. P. 76.

²⁷ Ibid. P. 80–82.

²⁸ Ibid. P. 88.

будет вполне соответствовать договору *locatio-conductio* в римском праве (*Дигесты Юстиниана*, XIX, 2, 1–4)²⁹, который представлял собой двусторонний контракт, в соответствии с которым одна сторона (*locator*, арендодатель) обязывается уступить на установленное или неопределенное время пользование движимым или недвижимым имуществом в обмен на периодическую выплату соответствующего вознаграждения (*merces*), которое другая сторона (*conductor*, арендатор) обязуется ему предоставить³⁰.

Рассмотрев кельтиберские и галльские юридические эпиграфические надписи, перейдем теперь к Ирландии, которая в античное время оставалась периферией кельтского мира, но в ранние Средние века стала его центральным звеном. Древнее ирландское право представлено многочисленными источниками на древнеирландском языке, однако они относятся, преимущественно, к периоду VII–X вв. и дошли до нас в поздних средневековых рукописях. О праве ирландцев гоидельского периода в позднеантичную эпоху мы можем почерпнуть некоторые сведения из ирландских саг, однако их достоверность также не бесспорна. В этом плане интерес могут представлять данные огамических надписей IV–V вв., которые дополняют более поздние известия саг и правовых трактатов.

В отличие от галльской и кельтиберской эпиграфики, огамические памятники, по сути, не нуждались в настоящей дешифровке, поскольку знание огамической письменности, во-первых, не исчезало среди образованных слоев средневекового ирландского общества³¹, а, во-вторых, целый ряд огамических надписей представляют собой билингвы на архаическом древнеирландском и латинском языках. Понятность надписей достигает такого уровня, что часто представляется возможным реконструировать отбитый кусок текста, содержащий несохранившийся фрагмент традиционной формулы-клише. Практически все надписи представляют собой вырезанное по ребру камня снизу вверх огамическими знаками имя собственное, обычно с указанием патронима или иного спецификатора личности, причем все имена стоят в родительном падеже³². Классическим примером таких надписей является билингва MAGLICUNAS MAQI CLUTAR — MAGLOCUNI FILI CLVTORI³³. Первая часть этой надписи записана огамом на древнеирландском языке, вторая часть — на латинском и означает «Магликунаса сына Клутар[ига]». Как и в иных огамических надписях, имя «Магликунас» указано не в номинативе, а в генетиве,

²⁹ Памятники римского права : Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. С. 464–466.

³⁰ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / Чезаре Санфилиппо ; [пер. с итал. И.И. Маханькова] ; под общ. ред. Д.В. Дождева. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 325.

³¹ Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка / отв. ред. В.Н. Ярцева. 3-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 7.

³² Михайлова Т.А. Ранняя кельтская эпиграфика как объект лингвистического и историко-культурного анализа. С. 208.

³³ Там же. С. 229.

что предполагает некий предмет (камень?), относящийся к этому человеку, но прямо не обозначенный в надписи.

В этой связи проблемным вопросом до настоящего времени остается определение функций огамических надписей и их квалификация как, например, votивных, информативных или как юридических документов³⁴. Т.А. Михайлова отмечает, что наиболее распространенным является мнение, что все огамические камни представляют собой особого вида надгробия, а надписи на них — эпитафии, хотя ни одного реального захоронения под ними обнаружено не было. Возможно, они являются так называемыми «кено-тафами» (камнями, поставленными не на могиле), установленными в память о гибели того или иного лица. Действительно, в ирландских сагах довольно часто можно встретить своего рода формулу — *ro tocbad a lia ogus ro scribad a ainm oguim* («поставлен его камень и написано его имя огамом»), *ogum i lia, lia uas lecht* («огам на камне, камень на могиле») или в расширенной форме в care «Похищение быка из Куальнге» — *Cladar a fert iarum. Satir a lia. Scribthair a ainm n-ogaim* («Роят его могилу потом. Ставят его камень. Пишут его имя огамом. Оплакивают его»)³⁵.

В то же время в текстах ранних законов встречаются упоминания о другом применении огама. В комментариях к текстам древних законов неоднократно упоминается о том, что документом о праве на землю является *in t-ogum isin gallan* («огам на вертикально стоящем камне»)³⁶. Раннее ирландское законодательство предполагало, что такие камни могут служить основанием для законных претензий на землю. То есть имя, написанное на камне, в данном случае исполняет функции посессора, обладателя, предположительно — камня, на котором оно написано³⁷, но, вполне возможно, и земли, на которой стоял этот камень.

Так, в трактате *Berrad Airechta*, датируемом Р. Турнейзенем VII в., говорится, в частности, о правах наследования земли — *inbat la comorbu cuimne, cen ogom i n-ailchib, cen accrus n-aithgnith, cen macu, cen ratha* («когда у наследников есть только память, без огама на столпе, без бросания жребия, без сыновей, без договора»)³⁸. Идея огамического камня как «свидетеля» границы между землями встречается и в ряде других текстов юридического характера.

Т. Чарльз-Эдвардс предположил, что камень с высеченным огамом именем был одновременно и эпитафией, и межевым столбом. Возможно, данная юридическая практика связана с верованиями кельтов-язычников в то,

³⁴ Там же. С. 207.

³⁵ Там же. С. 213.

³⁶ Королев А.А. Указ. соч. С. 10.

³⁷ Михайлова Т.А. Указ. соч. С. 208.

³⁸ Михайлова Т.А. Древнеирландский язык : краткий очерк. М. : Языки славянских культур, 2010. С. 32.

что покойный, воплощенный в своем имени на камне, будет надежным стражем границ родовых земель³⁹. Следует отметить, что в соответствии с древнеирландским трактатом *Gubretha Caratniad*, рассматривающим письменные доказательства в ходе судебных тяжб по поводу земли, клятва истца остается в силе, если вместе с ним клянется «непоколебимая скала» (*ail ansuichte*)⁴⁰. Таким образом, это еще одно возможное указание на огамические камни как на юридические документы, свидетельствующие о праве собственности на землю.

Итак, на примере рассмотренных фрагментарных кельтиберских, галльских и древнеирландских эпиграфических данных мы попытались представить реконструкцию некоторых древнекельтских правовых концептов в области сакрального, вещного, договорного и семейного права, что определенным образом дополняет сведения, имеющиеся в сочинениях античных авторов. Эти результаты, конечно, предварительны и могут быть существенно скорректированы в будущем. Тем не менее дальнейшее изучение кельтиберского и галльского права, а также огамических древнеирландских надписей представляется перспективным в связи с появлением нового эпиграфического материала, введенного в научный оборот благодаря усилиям археологов и лингвистов. Это не только сможет пролить свет на ранее неизвестные страницы социальной и политико-правовой истории кельтских народов, но и в целом понять специфику генезиса и эволюции различных правовых систем и их взаимодействия друг с другом на протяжении длительных периодов исторического развития общества и государства.

Мурсалимов К.А.,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета Санкт-Петербургского университета
Федеральной службы исполнения наказаний,
кандидат исторических наук;
преподаватель кафедры теории и истории права и государства
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Аппиан Александрийский. Римская история : перевод с греческого / Аппиан Александрийский. Москва : АСТ ; Ладомир, 2002.
2. Брюно Ж.-Л. Галлы / Ж.-Л. Брюно. Москва : Вече, 2011. 400 с.
3. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. IV–VII. Греческая мифология / Диодор Сицилийский ; перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарий О.П. Цыбенко. Санкт-Петербург : Алетея, 2018. 378 с.

³⁹ Charles-Edwards T. Early Christian Ireland. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 175.

⁴⁰ Kelly F. A guide to early Irish law / by Fergus Kelly. Dublin : Dublin Institute for Advanced Studies, 2020 (reprint). P. 204.

4. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Г.Ю. Цезарь ; перевод и комментарий М.М. Покровского // Сочинения / Гай Саллюстий Крисп ; перевод, статья и комментарий В.О. Горенштейна. Москва : Ладомир, 2005.
5. Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка / А.А. Королев ; ответственный редактор В.Н. Ярцева. 3-е изд. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 208 с.
6. Михайлова Т.А. Древнеирландский язык : краткий очерк / Т.А. Михайлова. Москва : Языки славянских культур, 2010.
7. Михайлова Т.А. Ранняя кельтская эпиграфика как объект лингвистического и историко-культурного анализа / Т.А. Михайлова. 2-е изд. Москва : Издательский дом ЯСК, 2017.
8. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. Москва : Зерцало, 1997.
9. Сайфуллин Э.К. Государство и право галлов в описании Гая Юлия Цезаря / Э.К. Сайфуллин // International & Domestic Law : материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву (Площадка Google Meet, 18 декабря 2020 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : Л.Т. Аглеева, М.В. Бандо, Л.Н. Берг ; научный редактор Д.Н. Сергеев. Екатеринбург : Sapientia, 2020.
10. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / Ч. Санфилиппо ; перевод с итальянского И.И. Маханькова ; под общей редакцией Д.В. Дождева. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019.
11. Симон Г. Войны Рима в Испании. 154–133 гг. до н.э. / Г. Симон ; перевод с немецкого ; научный редактор и автор вступительной статьи А.В. Короленкова. Санкт-Петербург : Гуманитарная академия, 2008.
12. Широкова Н.С. Ранняя государственность и сакральное право у древних кельтов / Н.С. Широкова // Древнее право. 2001. № 8.
13. Almagro-Gorbea M. War and Society in the Celtiberian World / M. Almagro-Gorbea, A.J. Lorrio // e-Keltoi: Journal of Interdisciplinary Celtic Studies. 2004. Vol. 6. Art. 2.
14. Charles-Edwards T. Early Christian Ireland / T. Charles-Edwards. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
15. Kelly F. A guide to early Irish law / F. Kelly. Dublin : Dublin Institute for Advanced Studies, 2020 (reprint).
16. Kerneis S. Legal Pluralism in the Western Roman Empire: Popular Legal Sources and Legal History / S. Kerneis // Legal engagement The reception of Roman law and tribunals by Jews and other inhabitants of the Empire / K. Berthelot, N. Dohrmann, C. Pekelman. Rome : L'École française de Rome, 2021.
17. Lambert P.-Y. Châteaubleau: la tuile gauloise de neuf lignes / P.-Y. Lambert, F. Pilon // Etudes Celtiques. 2018. Vol. 44.
18. Lambert P.-Y. La tuile gauloise de Châteaubleau (Seine-et-Marne) / P.-Y. Lambert // Etudes Celtiques. 1998. vol. 34.
19. Simon F.M. From the Botorrita Bronze to Peñalba de Villastar: Celtiberian religious epigraphy in a landscape of cultural change / F.M. Simon // Des mots pour les dieux: dédicaces culturelles dans les langues indigènes de la Méditerranée occidentales / volume eds. by M.J. Estarán Tolosa, E. Dupraz, M. Abernethy. Conference proceedings, 2021.
20. Sopena G. Celtiberian Ideologies and Religion / G. Sopena // e-Keltoi: Journal of Interdisciplinary Celtic Studies. 2006. Vol. 6.
21. Tabula Contrebiensis: lawsuit concerning an aqueduct / P. Birks, A. Rodger & J.S. Richardson // The Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74.
22. Birks P. Further Aspects of the Tabula Contrebiensis / P. Birks, A. Rodger, J.S. Richardson // The Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74.

Опыт идеологических запретов в партийных системах Запада как правовой фактор обеспечения национального суверенитета

Партийные системы Запада представляют примеры идеологических запретов партий и люстраций по отношению к партиям и гражданам, чьими целями, по мнению регистрирующего органа, выступали или могли выступать нарушения прав и свобод человека и подрыв национального суверенитета. Вопрос об эффективности подобной меры в контексте соблюдения демократических принципов остается открытым¹. Изучение этого опыта может быть полезно как для рассмотрения зарубежных партийных систем, так и для выбора вектора развития российской партийной системы.

Согласно постановлению Федерального конституционного суда от 17 августа 1956 г. против Федеративной Республики Германия², с жалобой обратились Макс Рейманн и Вальтер Фиш, члены руководящего комитета соответствующей партии. Заявители обратились к Европейской комиссии по правам человека с требованием установить, что роспуск и запрет Коммунистической партии Германии властями Федеративной Республики Германия нарушили их права, предоставленные им Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, которая вступила в силу в Германии 3 сентября 1953 г.³. Федеральный конституционный суд вынес решение 17 августа 1956 г.⁴, признавая решение о запрете Коммунистической партии Германии законным и соответствующим Конвенции о правах человека. Это был один из первых, но не последний случай идеологической дискриминации в партийных системах зарубежных стран.

В результатах решения Федерального конституционного суда Коммунистическая партия Германии признана неконституционной. Коммунистическая партия Германии была распущена. Создание организаций, замещающих Коммунистическую партию Германии, или продолжение деятельности существующих организаций, стремящихся достичь такой замены, запрещены. Собственность Коммунистической партии Германии должна быть конфиско-

¹ Тюлькина С. Запрет деятельности политических партий: эффективный инструмент защиты демократии? // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3 (94). С. 74.

² Entscheidungen des Bundesverfassungsgericht. 1956. Vol. 5.

³ Европейская конвенция по правам человека // Европейский суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

⁴ Там же.

вана Федеративной Республикой Германия и использована в интересах общества.

Заявители ссылались на положения ст. 9–11 Конвенции⁵ для обоснования своих претензий, тогда как власти Федеративной Республики Германия утверждали, что роспуск Коммунистической партии Германии по решению Федерального конституционного суда основан на законе и совместим с Конвенцией, в соответствии со ст. 21 Основного закона Федеративной Республики Германия, которая гласит следующее: «Партии, цели которых или действия сторонников направлены на причинение вреда или ликвидацию основ свободной демократической системы или угрозу существованию Федеративной Республики Германия, считаются неконституционными. Вопрос о неконституционности решается Федеральным конституционным судом»⁶.

Права и свободы, упомянутые в ст. 9–11 Конвенции⁷, могут быть ограничены законом, в соответствии с условиями указанных статей. В статье 17 Конвенции содержится более общее положение: «Ничто в данной конвенции не может быть толковано так, чтобы государство, группа лиц или отдельное лицо имели право заниматься деятельностью или осуществлять действия, направленные на отмену прав и свобод, признанных данной конвенцией, или на ограничение этих прав и свобод больше, чем предусмотрено в конвенции»⁸.

Принимая во внимание, что целью Коммунистической партии является установление социалистическо-коммунистической системы через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата (согласно заявлениям Коммунистической партии Германии, воспроизведенным в решении Федерального конституционного суда⁹, необходимо предотвращать тоталитарные попытки использования принципов, провозглашенных в конвенции, для подавления прав человека, учитывая, что Коммунистическая партия Германии, согласно собственной декларации, до сих пор следует принципам пролетарской революции и диктатуры пролетариата)¹⁰.

Хотя можно сказать, что деятельность Компартии направлена на приход к власти исключительно конституционными средствами, предусмотренными Основным законом Федеративной Республики Германия, это никоим образом не означает, что партия отказалась от своих традиционных целей; наоборот, приведенные заявления подтверждают ее неизменную привер-

⁵ Там же.

⁶ Основной закон Федеративной Республики Германия (принят 23.05.1949). Ст. 21 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Европейская конвенция по правам человека // Европейский суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

⁸ Там же.

⁹ Entscheidungen des Bundesverfassungsgericht. 1956. Vol. 5. С. 163.

¹⁰ Там же. С. 191, 193–195.

женность этим целям, при этом, по мнению самих заявителей, достижение этих конечных целей предполагает прохождение определенных этапов. Тем не менее они все еще придерживаются основной коммунистической доктрины, согласно которой диктатура пролетариата является наиболее важной из ее целей, принимая во внимание, что призыв к диктатуре для установления такого режима противоречит Конвенции, поскольку он отменяет множество прав и свобод, закрепленных в ней. Это решение является знаковым делом, устанавливающим ограничения на свободу выражения мнений, которые ставят под угрозу демократию или основаны на тоталитарной доктрине¹¹. Многие из тех же аргументов, изложенных в этом решении, были повторены Европейским судом по правам человека, когда он поддержал запрет Партии благоденствия в деле «Refah Partisi (Партия благоденствия) и другие против Турции» в 2001 г.

В связи с этим нужно вспомнить правовой опыт Турции по защите идеологической системы, который демонстрирует нам современные партийные тенденции свободного от колониального прошлого геополитического Востока. Для этого надо рассмотреть основные аспекты дела «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» от 1990 г. о запрете регистрации компартии и последующую отмену решения Европейского суда по правам человека от 14 июня 1990 г.¹². Объединенная коммунистическая партия Турции подготовилась к участию во всеобщих выборах в парламент 1990 г., но Главный государственный советник обратился в Конституционный суд Турции с заявлением о ее роспуске. Объединенная коммунистическая партия Турции обвинялась в стремлении к установлению доминирования одного социального класса над другими, использовании слова «коммунистический» в своем наименовании, подрыве территориальной целостности государства и объявлении себя преемницей Коммунистической партии Турции, существовавшей с 1920 по 1988 г. В обращении Главного государственного советника к Конституционному суду цитировалась программа Объединенной коммунистической партии Турции, где говорилось о необходимости решения курдской проблемы мирным и демократическим путем.

Уже 16 июля 1991 г. Конституционный суд Турции принял решение о запрете Объединенной коммунистической партии Турции. Партия была ликвидирована, а ее имущество передано в Казначейство согласно Закону № 2820¹³.

¹¹ Benedek W., Kettemann M. Freedom of expression and the Internet // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/prems-167417-gbr-1201-freedom-of-expression-on-internet-web-16x24/1680984eae> (дата обращения: 28.09.2023).

¹² Постановление ЕСПЧ от 30 января 1998 г. по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции (United Communist Party of Turkey) и другие против Турции» (жалоба № 19392/92) // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ 2820 Sayılı Siyasi Partiler Kanunu // Mevzuat. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat-metin/1.5.2820.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).

Основателям и руководителям партии запретили занимать аналогичные должности в других политических органах. Суд отклонил доводы о превосходстве одного социального класса и о невозможности объявления партией себя преемницей ранее ликвидированной партии. Он также указал, что наименование партии содержало запрещенное слово, что явилось основанием для ее ликвидации. Суд пришел к выводу, что устав и программа партии содержали высказывания, которые могли подорвать территориальную целостность государства и единство нации. Суд подтвердил, что в Турции существует только одна нация, и отвергал положения устава партии, поддерживающие нетурецкие языки и культуры. Он также отметил, что самоопределение и региональная автономия запрещены Конституцией, а государство является унитарным и неделимым. Граждане Турции, включая граждан курдского происхождения, могут выражать свою самобытность, но не имеют права формировать отдельные нации или меньшинства. Поэтому суд признал цели партии, поощряющие сепаратизм и разделение, неприемлемыми и оправдавшими ее ликвидацию.

В связи с рассмотрением данного дела суд пришел к выводам о том, что было нарушено положение ст. 11 Конвенции¹⁴, что не требуется рассмотрения вопроса о нарушении иных статей Конвенции¹⁵, отклонил требования об обеспечении справедливой компенсации за причиненный ущерб Объединенной коммунистической партии Турции, пришел к выводу, что само установление факта нарушения является достаточным видом справедливой компенсации за любой вред, причиненный заявителям Саргину и Ягчи.

Суд вынес следующее решение: государство-ответчик обязуется выплатить заявителям Саргину и Ягчи 120 000 (сто двадцать тысяч) французских франков в течение трех месяцев в качестве компенсации судебных расходов и издержек. Эти суммы должны быть конвертированы в турецкие лиры по курсу на день выплаты. После истечения трехмесячного срока начисляются простые проценты в размере 3,87% годовых до окончательной выплаты указанных сумм. Суд отклонил остальные требования заявителей относительно обеспечения справедливой компенсации. Это решение было принято на английском и французском языках и оглашено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 30 января 1998 г.

Опыт западных стран разнообразен и не ограничивается запретом политических партий. Рассмотрим пример люстраций в Латвии на примере дела «Жданок против Латвии». Татьяна Жданок вступила в Коммунистическую партию Латвии в 1971 г., когда сама партия была частью КПСС. В январе 1991 г.

¹⁴ Европейская конвенция по правам человека // Европейский суд по правам человека : сайт. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

¹⁵ Ст. 9, 10, 14 и 18 Европейской конвенции по правам человека.

КПЛ участвовала в попытке государственного переворота в Латвии. В марте того же года результаты национального опроса, проведенного в Латвии, подтвердили поддержку идеалов национальной независимости. Латвия провозгласила свою полную независимость в августе 1991 г., а Коммунистическая партия Латвии была объявлена незаконной и позднее распущена¹⁶. Однако Жданок оставалась членом парламента до июня 1993 г.

В 1998 году Жданок пыталась баллотироваться на парламентских выборах, но ее кандидатура была отклонена Центральной избирательной комиссией. В январе 1999 г. Генеральная прокуратура Латвии обратилась в суд с целью доказать, что Жданок была членом Коммунистической партии Латвии после попытки государственного переворота. Рижский окружной суд удовлетворил ходатайство прокуратуры, отклонив жалобу Жданок. В результате Жданок была лишена права занимать выборные должности¹⁷.

Жданок также не смогла зарегистрироваться в качестве кандидата на парламентских выборах 2002 г. Ни в одном из этих случаев не было возбуждено уголовного дела против Жданок. Латвийские власти имели право лишить Жданок права баллотироваться, считая ее взгляды несовместимыми с независимым демократическим процессом. Жданок не опровергала эти предположения в суде.

Политические партии, создаваемые на основе идеологических принципов, подпадают под ограничения, существующие в законодательстве некоторых стран. Обычно перечень запрещенных идеологий не указывается, однако имеются определенные исключения. В Италии, например, восстановление фашистской партии запрещено¹⁸, а в Польше законодательство запрещает политические партии и организации, пропагандирующие тоталитарные идеологии, расовую или национальную ненависть, а также насилие¹⁹. Некоторые партии могут быть запрещены или отказано в их регистрации в соответствии с запретом на определенную идеологию, предусмотренным национальным законодательством. К примеру, украинский Закон об осуждении коммунистического и национал-социалистического режимов²⁰ стал причиной запрета Коммунистической партии Украины.

¹⁶ Деятельность Компартии Литвы под запретом // Интерфакс : новости. URL: <https://www.interfax.ru/30years/784046> (дата обращения: 26.09.2023).

¹⁷ Case of Zdanoka v. Latvia // HUDOC — European Court of Human Rights. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/rus/#%7B%22itemid%22:\[%22001-185937%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/rus/#%7B%22itemid%22:[%22001-185937%22]%7D) (дата обращения: 26.09.2023).

¹⁸ Переходные и заключительные постановления Конституции Республики Италии. Конституции стран мира : хрестоматия : в 7 ч. Ст. 12 / сост. Д.В. Кузнецов. Ч. 2: Европа. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 152.

¹⁹ Конституции Польши. Конституции стран мира : хрестоматия : в 7 ч. Ст. 13 / сост. Д.В. Кузнецов. Ч. 2: Европа. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 723.

²⁰ Закон об осуждении коммунистического и национал-социалистического режимов // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=77561 (дата обращения: 26.09.2023).

Европейский суд по правам человека также занимался вопросами отказов в регистрации или ликвидации политических партий на основе их идеологических принципов. Суд не всегда соглашался с решением органов власти и признавал отказы неосновательными. Например, в случае отказа регистрации Коммунистической партии Болгарии и Объединенной коммунистической партии Турции Европейский суд считал, что причины, указанные властями, были недостаточными и неподходящими. Важным аргументом было то, что выбор названия партии или использование определенных терминов не может быть основанием для роспуска партии.

Настоящим предлагается ограничить регистрацию политических партий в России, которые поддерживают интеграцию в международное политическое пространство как подчиненной державы. Это предложение базируется на том, что такая интеграция ограничивает суверенитет, правовую и идеологическую независимость России, ставит под вопрос верховенство национального закона и предполагает принятие обязательств перед международными организациями, которые обладают юрисдикцией над национальными ветвями власти в России.

Интеграция России как подчиненной страны в международное политическое пространство ограничивает ее суверенитет. Принятие обязательств перед международными организациями, такими как МУС, ЕСПЧ и Европарламент, подрывает решения, принимаемые на национальном уровне, и ограничивает возможность страны для самостоятельного развития. Принятие обязательств перед юрисдикционными наднациональными органами может урезать полномочия национальных ветвей власти России и привести к невозможности независимого решения национальных вопросов. Это может привести к потере контроля над собственными делами и сокращению суверенитета.

Палюлин А.Ю.,

аспирант кафедры фундаментальных

юридических и социально-гуманитарных дисциплин

Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

(г. Москва)

Литература

1. Тюлькина С. Запрет деятельности политических партий: эффективный инструмент защиты демократии? / С. Тюлькина // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3 (94).
2. Benedek W. Freedom of expression and the Internet / W. Benedek, M. Kettemann. Strasbourg : Council of Europe, 2013.

Действие внутреннего законодательства Российской империи в Бухарском эмирате конца XIX — начала XX в. (к вопросу о суверенитете и протекторате)

Исследователи уже не раз обращали внимание на то, что официально протекторат Российской империи над Бухарским эмиратом и Хивинским ханством так и не был закреплен. Отношения между империей и зависимыми от нее среднеазиатскими государствами строились на основании договоров о мире и дружбе, заключенных в 1873 г. и касавшихся преимущественно выстраивания торговых отношений между представителями договаривающихся сторон.

Отдельные вопросы взаимоотношений империи и протекторатов, не предусмотренные положениями этих договоров, решались в рабочем порядке или путем заключения дополнительных соглашений — как это происходило и во взаимодействии между равноправными субъектами международного права. Такой подход в полной мере одобрялся Министерством иностранных дел Российской империи, руководство которого не желало портить отношения с мировыми державами из-за усиления русского влияния в Средней Азии. Однако он не устраивал Военное министерство и подконтрольную ему администрацию Туркестанского края, призывавшие к расширению имперского контроля над протекторатами вплоть до окончательного их включения в состав России (как это произошло в 1876 г. с еще одним протекторатом — Кокандским ханством).

Фактическая зависимость Бухары и Хивы от России, как бы то ни было, проявлялась не только в том, что дипломатическим и торговым представителям последней (в соответствии с договорами 1873 г.) был предоставлен режим наибольшего благоприятствования в протекторатах. Время от времени те или иные властные структуры Российской империи предпринимали попытки распространить на протектораты нормы не только международных соглашений, подписанных с их правителями, но и внутреннего законодательства самой империи в тех или иных сферах правоотношений. Ниже мы намерены рассмотреть, как это происходило в Бухарском эмирате в конце XIX — начале XX в.

Сразу отметим, что все рассмотренные примеры относятся к совершенно различным сферам правового регулирования, поэтому нашей целью является не только анализ механизмов распространения действия внутренних правовых актов Российской империи на Бухарский эмират, но и поиск ответа

на вопрос о причинах столь широкого круга правовых вопросов, к регулированию которых относились анализируемые правовые акты.

Наиболее ранним в хронологическом отношении примером является распространение на Бухарский эмират серии актов, касающихся такой специфической сферы, как изготовление и распространение алкогольной продукции. 25 июня 1889 г. были приняты три правовых акта: высочайше утвержденные Правила о торговле крепкими напитками в Бухарском ханстве, а также два юридических документа, утвержденных уже туркестанским генерал-губернатором Н.О. фон Розенбахом — Правила о числе, роде и распределении мест торговли крепкими напитками и о порядке выдачи разрешений на открытие означенных мест и Правила о виноделии в Бухарском ханстве¹. Формально они регулировали процесс открытия и функционирования предприятий для производства и продажи алкоголя, право создания которых закреплялось за русскими подданными, а торговля должна была осуществляться исключительно на территории российских поселений в эмирате и в пределах железной дороги (также считавшейся частью российских владений на территории Бухары).

Однако ряд положений этих документов распространялся на подданных эмира — в частности, запрет им приобретать алкоголь (особенно «на вынос»), торговать им и открывать предприятия для его производства. Примечательно, что за нарушение этих запретов бухарцы должны были нести ответственность также на основании указанных документов, т.е. на них распространялись не только предписания, но и санкции за их нарушение! Подобный подход противоречил представлениям МИДа о невмешательстве в дела Бухары, однако русскому политическому агенту Н.В. Чарыкову удалось добиться введения этих правил через Минфин благодаря тому, что товарищем министра финансов был его однокашник В.Н. Коковцов, убедивший руководство в целесообразности распространения указанных актов на бухарских подданных².

Если регулирование производства и продажи алкоголя стало своеобразным «пробным шаром», то гораздо более серьезные изменения в русско-бухарских отношениях предусматривало распространение на территорию эмирата акта, касавшегося организации и деятельности российского суда в Бухаре. 15 марта 1893 г. было издано высочайше утвержденное мнение

¹ Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб. : Изд. В. Березовский, 1909. С. 225–234; Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг. : Типолитография Н.И. Евстифеева, 1915. С. 191–194.

² Чарыков Н.В. Беглый взгляд на высокую политику / пер. а. англ. Л.А. Пуховой. М. : ВИКМО-М ; Русский путь, 2016. С. 153–154. Не следует забывать, что подданные эмира в большинстве своем были мусульманами и, следовательно, не могли употреблять алкоголь в соответствии с предписаниями своей религии. Тем самым, распространяя на них действие соответствующих актов, российские власти формально действовали также и в интересах эмирата.

Государственного совета «Об изменении круга ведомства по судебным делам мирового судьи в городе Новом Чарджуе и российского политического агентства в Бухаре»³. Основное содержание документа было посвящено регламентации деятельности совместных судов, состоявших из российских и бухарских чиновников, для рассмотрения «смешанных» дел, в которых стороны представляли подданные разных государств. Подобная практика известна издревле и довольно активно применялась самими же российскими властями в других пограничных владениях или при дипломатических представительствах за рубежом (например, в Монголии или на КВЖД). Однако ряд положений данного документа заслуживает дополнительного внимания.

Так, во-первых, российские чиновники получили возможность применять в таких «смешанных» делах нормы имперского права в отношении как квалификации определенных категорий дел, так и принципов судопроизводства и имели возможность повлиять на своих бухарских коллег, с тем чтобы те приняли и разделили их позицию. Во-вторых, под действие российского законодательства и, соответственно, юрисдикцию российских судов в Бухаре попадали также все дела с участием не только русских подданных, но и любых иностранцев немусульманского вероисповедания, т.е. европейцев и американцев. Тем самым последние фактически выводились из подсудности бухарских судей, в определенной степени ограничивая их статус в пределах самого же Бухарского эмирата.

Впрочем, нельзя не отметить, что деятельность российских чиновников в области правосудия вызывала исключительно положительные оценки со стороны подданных эмира, поскольку их разбирательство существенно и выгодно отличалось от аналогичных действий бухарских судей быстротой и прозрачностью разбирательства, отсутствием вымогательства взяток и вынесением жестоких и мучительных наказаний. Не приходится удивляться, что бухарцы неоднократно пытались обращаться в российские суды даже в тех случаях, когда обе стороны были представлены подданными эмира.

В 1894 году после нескольких лет переговоров Российская империя и Бухарский эмират заключили соглашение о единой таможенной черте, благодаря чему российские таможенные посты были передвинуты с границ Туркестанского края на границы эмирата⁴. Соглашение было заключено по настоянию Министерства иностранных дел, руководство которого раскритиковало инициативу русского политического агента в Бухаре П.М. Лессара по усилению контроля со стороны русских таможенников за бухарскими (на предмет взимания чрезмерных таможенных сборов): если бы это было сделано Россией в одностороннем порядке, то противоречило бы культивируе-

³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XIII. СПб.: Государственная типография, 1897.

⁴ Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. С. 195.

тому МИДом признанию эмирата самостоятельным государством, поскольку стало бы вмешательством в его внутренние дела⁵. Однако после того, как межгосударственное соглашение было заключено, на вновь созданные таможенные границы автоматически были распространены положения имперского таможенного тарифа. В частности, были введены протекционистские пошлины на ряд конкурентных товаров из соседних государств (в первую очередь Британской Индии) — зеленый чай, индиго, кисею и проч.⁶. В отличие от самого включения Бухары в таможенную черту Российской империи, эти меры никоим образом не были согласованы с эмиром или его уполномоченными чиновниками, которые в данном случае были просто-напросто поставлены перед фактом.

Создав единое таможенное пространство с Бухарским эмиратом, Российская империя начала процесс формирования единой валюты с этим государством. Формально речь шла о фиксации курса денежной единицы протектората — таньги, однако конечной целью имперских властных структур являлся переход платежей в Бухаре полностью на российские рубли. Процесс фиксации курса таньги был завершен в апреле 1901 г. подписанием очередного соглашения с эмиром Бухары. Однако этому предшествовал целый ряд действий российских финансовых структур, результаты которых, по сути, и были зафиксированы в этом соглашении. При этом в некоторых случаях на территорию эмирата и его население распространялись не просто правовые акты Российской империи, но и документы, явно носившие специфический подзаконный характер.

Так, в 1895 г. Министерство финансов предписало казначействам и отделениям Государственного банка на территории Туркестанского края и собственно Бухарского эмирата принимать таньгу по курсу 12 коп.⁷. Таким образом, речь шла о своего рода инструкции, адресованной министерством собственным подведомственным структурам, однако под ее действие попадали и те бухарские подданные, которые совершали соответствующие обменные операции. Однако Минфин слабо владел информацией об экономических реалиях в протекторате, поэтому выполнение этой инструкции оказалось малоэффективным из-за «плавающего» курса таньги.

В результате уже не Минфин, и даже не Госбанк Российской империи, а всего лишь его отделение в Бухаре в 1899 г. собственным решением установило обменный курс 15 коп. за таньгу. Причем это решение впоследствии было утверждено министерством и взято за основу для вышеупомянутого

⁵ См.: Губаревич-Радобыльский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1905. С. 167–168.

⁶ См.: Там же. С. 172, 175.

⁷ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II. СПб.: Изд. В. Березовский, 1911. С. 71.

соглашения⁸! Как видим, порой важные и эффективные правовые акты (хотя с формально юридической точки зрения и не обладавшие достаточно высокой силой) могли приниматься теми, кто действительно владел объективной информацией о текущем состоянии русско-бухарских отношений и экономической ситуации в эмирате. Неудивительно, что и местное население с большей готовностью исполняло именно такие предписания.

Наконец, еще одной специфической сферой правоотношений, в рамках которой внутреннее законодательство Российской империи было распространено на территорию Бухарского эмирата, стала правоохранительная деятельность, а именно — организация и функционирование русской полиции в эмирате. Как и юрисдикция русских судебных структур, первоначально ее полномочия на территории Бухары распространялись на русские поселения в протекторате, на железную дорогу и прилегающую к ней полосу. Однако по мере возникновения различных поводов для беспокойства по поводу законности и правопорядка администрация Туркестанского края все чаще стала поднимать вопрос о расширении полномочий полиции и на территорию самого Бухарского эмирата.

Так, после революционных событий 1905–1907 гг. было создано Туркестанское районное охранное отделение, обладавшее правом сыска беглых революционеров и прочих неблагонадежных не только в пределах российских владений в эмирате, но и непосредственно на его территории. Не довольствуясь этим (а вернее, не имея достаточно возможностей эффективно осуществлять эту деятельность), власти Туркестана неоднократно обращались к правительству Бухары с предложением официально учредить русское полицейское отделение в эмирате, на что последнее достаточно длительное время отвечало отказом. Только в 1909 г. туркестанскому генерал-губернатору А.В. Самсонову и русскому политическому агенту в Бухаре Я.Я. Лютшу удалось убедить бухарского кушбеги согласиться на открытие такого отделения⁹.

Поскольку четкой правовой регламентации деятельности русских полицейских в Бухаре не было разработано, а их начальник Мальцев подчинялся одновременно и начальнику полиции Новой Бухары, и политическому агенту (т.е. фактически никому из них полностью!), начались многочисленные злоупотребления. Бухарские власти стали жаловаться на превышение полномочий и неуважительное отношение полицейских к местному населению. Двойственная подчиненность Мальцева даже не позволила политическому агенту уволить его: формально тот лишь отправился «поправить здоровье» и вскоре по распоряжению генерал-губернатора вновь занял должность¹⁰.

⁸ Ю.О.Я. Хивинская теньга в связи с недавним прошлым теньгового вопроса // Туркестанский сборник. Т. 464. Ташкент: [б.и.], 1908. С. 124.

⁹ Литвинов В.П. Российская полиция в Бухарском ханстве // Вестник Таджикского национального университета. 2021. № 4. С. 23–24.

¹⁰ Там же. С. 24.

Фактические обширные полномочия полицейских в отношении бухарского населения были еще больше расширены в результате восстания 1916 г. Хотя, в отличие от Казахской степи и Русской Средней Азии, территория протектората практически не была охвачена этим восстанием, оно стало удобным поводом для отслеживания возможных участников восстания и других неблагонадежных — из числа как русских подданных, постоянно проживавших во владениях эмира, так и местных жителей вплоть до проведения обысков и изъятия корреспонденции¹¹. Излишне говорить, что осуществление этих мер никак с властями эмирата дополнительно не согласовывалось, т.е. они проводились, опять же, на основе внутренних подзаконных актов, определявших полномочия имперских правоохранительных структур в чрезвычайных обстоятельствах.

Подводя итоги, нельзя не обратить внимания на то, что никакой единой политики в распространении норм и принципов российского имперского законодательства на Бухарский эмират не просматривается — ее, собственно, и не было. По сути, отдельные властные институты Российской империи, относившиеся к разным сферам государственной деятельности (военная, дипломатическая, финансовая и даже правоохранительная) и разным уровням (центральные и региональные) предпринимали лапидарные попытки продвинуть собственные интересы в протекторате. Выбор тех или иных правовых актов, в круг действия которых включалась также и Бухара, являлся своеобразным ответом на вызовы со стороны как самого протектората, так и других акторов политических процессов в регионе — российских пограничных администраций и даже иностранных государств, имевших интересы в Средней Азии. При этом попытки того или иного имперского властного учреждения распространить действие российских внутренних правовых актов на территорию Бухарского эмирата нередко наталкивались на противодействие не эмирских властей, а именно конкурирующих властных структур самой же Российской империи.

Рассмотренные случаи использования имперского законодательства в Бухарском эмирате представляют любопытный пример распространения суверенных прав Российской империи на государство, которое *de-facto* являлось зависимым от нее, но с формально юридической точки зрения — самостоятельным участником международных отношений. Столь необычный механизм усиления российского контроля над Бухарой мог бы выглядеть довольно противоречивым и неэффективным (как в силу бессистемности, так и из-за конфликтов самих российских органов власти по поводу действия в эмирате тех или иных норм имперского права), однако его следует рассматривать в рамках общей политики Российской империи в отношении

¹¹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане : сб. документов. М. : АН СССР, 1960. С. 139–140, 719.

протектората, которая включала формирование общего таможенного и финансового пространства, постепенную интеграцию правящей элиты эмирата в российскую сановную иерархию и проч.

В контексте этой политики выбор актов, действие которых предполагалось распространить на Бухарский эмират, на первый взгляд кажущийся случайным, фактически представлял собой своего рода «прощупывание» позиций бухарской властной элиты и конкурирующих властных структур самой империи. В случае, если такое распространение юридической силы того или иного российского внутреннего правового акта не встречало резкого сопротивления, соответствующий орган власти мог продолжить свои действия по усилению контроля над протекторатом в соответствующей сфере правоотношений. Однако эта тенденция наметилась лишь на рубеже XIX–XX вв., и следовавшие вскоре события (революция 1905–1907 гг., Первая мировая война и падение Российской империи в 1917 г.) не дали имперским властным структурам достаточно времени для эффективного анализа своих действий и превращения разовых попыток внедрения имперских актов в Бухаре в последовательную политическую линию.

Почекаев Р.Ю.,

профессор, заведующий кафедрой теории и истории права государства
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане : сборник документов / составители : С.Г. Агаджанов [и др.] ; ответственный редактор А.В. Пясковский. Москва : АН СССР, 1960.
2. Губаревич-Радобыльский А. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората / А. Губаревич-Радобыльский. Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1905.
3. Жуковский С.В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие / С.В. Жуковский. Петроград : Типо-лит. Н.И. Евстифеева, 1915.
4. Литвинов В.П. Российская полиция в Бухарском ханстве / В.П. Литвинов // Вестник Таджикского национального университета. 2021. № 4.
5. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. В 2 томах. Т. 2 / Д.Н. Логофет. Санкт-Петербург : Изд. В. Березовский, 1911.
6. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние / Д.Н. Логофет. Санкт-Петербург : Изд. В. Березовский, 1909.
7. Чарыков Н.В. Беглый взгляд на высокую политику / перевод с английского Л.А. Пуховой. Москва : ВИКМО-М ; Русский путь, 2016.
8. Ю.О.Я. Хивинская теньга в связи с недавним прошлым теньгового вопроса / Ю.О.Я. // Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Т. 464. Ташкент : [б.и.], 1908.

Суверенитет как юридическая категория: генезис и эволюция

Проблематика суверенитета построена на различных концепциях, в разработке которых принимали участие ученые всего мира. Связано это с тем, что суверенитет является одним из признаков государства и дает возможность понять его сущность. Глубоко понять сущность суверенитета как юридической категории возможно только через вехи исторически складывающихся событий, сформировавших ключевые идеи его генезиса и дальнейшего развития.

В гуманитарных науках проблематика суверенитета в полном объеме не исследовалась до зарождения первых национальных государств. По мнению Б.С. Крылова, предшествующим понятием суверенитета являлось понятие «автаркия», обозначающее «самоудовлетворенность, которую Аристотель в IV в. до н.э. рассматривал как основной признак государства»¹. При этом в Древней Греции автаркия была своего рода государством, образующим сообщество людей, «достаточное для самодовлеющего существования»². В античный период на такой признак государства, как «самоудовлетворенность», указывал и Г. Еллинек³. Понятие государственного суверенитета в Древнем мире не имело существенных условий для теоретико-правового оформления.

Оформление категории «государственный суверенитет» не произошло также и в средневековый период. Так, Г. Еллинек указывал: «Средневековое государство еще не было суверенным. Но уже было государством»⁴.

Н. Макиавелли, провозглашая высшим критерием в политике «государственный интерес», которому подчиняется все, отождествляя его с интересом государя, а государя — с государством, несомненно, не употребляя самого термина, поддерживает верховенство государственной власти в централизованном национальном государстве. Он первым предложил описание системы баланса сил, которая позднее характеризовала отношения европейских государств, вплоть до начала Первой мировой войны, при которой державы меняли свои альянсы с целью уравнивания другой силы или коалиции, для захвата территории своего бывшего союзника⁵. По выражению И.Д. Левина, «без Макиавелли не было бы и Бодэна»⁶.

¹ Крылов Б.С. Проблемы суверенитета в Российской Федерации. М.: Республика, 1994. С. 11.

² Аристотель. Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 446.

³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908. С. 287.

⁴ Там же. С. 356–357.

⁵ Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Избранные произведения: пер. с ит. М.: Художественная литература, 1982. С. 309, 324.

⁶ Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. С. 212.

Тем не менее многие ученые основоположником теории суверенитета считают Ж. Бодена⁷. Его заслугой является первая разработка теории суверенитета. С его именем связано начало истории научного исследования категории «суверенитет». Достоинством теории Ж. Бодена о суверенитете является отхождение от идей его предшественников о власти, от мыслей Платона и Аристотеля, а также от римского права и права средневекового периода.

В свою очередь голландский государственный деятель Г. Гроций рассматривал государство как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»⁸. Государство, вне зависимости от смены формы правления или его главы, сохраняет право быть носителем верховной власти. Заслуга Г. Гроция состоит во введении нового понятия — субъект суверенитета; государство он называет «общий субъект» суверенитета, а конкретного носителя суверенной власти рассматривает как «собственного субъекта» суверенитета. Связь данных субъектов он представлял и излагал в виде аналогии отношения тела с его органом.

Английский философ Т. Гоббс в работе «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651 г.) затронул тему сущности суверенитета с абсолютным характером, его безусловную свободу и неограниченность в государстве. При анализе позиции Т. Гоббса следует отметить, что он использовал только термин «суверен», а значит, Т. Гоббс не в полной мере раскрывал «сущность суверенитета», не рассматривал его как отдельный признак государства. Речь шла о суверене — одном человеке или собрании людей — носителе единого лица, обладателей верховной власти⁹.

Апогеем в истории развития теории суверенитета по праву можно считать мирный договор, именуемый как Вестфальский мир 1648 г., который заложил основу нового порядка, где государственный суверенитет признавался абсолютной ценностью, «режим суверенитета заменил все другие формы политической организации на международном уровне»¹⁰.

Новый порядок впервые отразил единение государств Европы. В действительности появилось мировое сообщество, которое строилось на уважении и неприкосновенности государственного суверенитета. Наличие сувере-

⁷ Агабеков Г.Б. Жан Боден — основоположник концепции государственного суверенитета : науч.-аналит. обзор. М. : ИНИОН, 1990; Прокопович Г.А. Неотчуждаемый суверенитет как высочайшая ценность многонационального народа России // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : монография : в 3 т. Т. 2 / отв. ред. С.Д. Могилевский, О.В. Шмалий [и др.]. М. : РГ-Пресс, 2022. С. 159–168; Рыбакин Ю.П. Юридические формы институционализации суверенитета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 13; Шебзухова Т.А. Возникновение и формирование принципа суверенитета в эпоху абсолютной монархии // Вестник Саратовской государственной академии права. 2004. № 1. С. 132; и далее.

⁸ Гроций Г. О праве войны и мира. М. : Госюриздат, 1956. С. 74.

⁹ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 119.

¹⁰ Реут О.Ч. Прилагательные суверенитета. Суверенитет как прилагательное // Полис. 2007. № 3. С. 115.

нитета у государства заключалось в абсолютной полноте законодательной, судебной и исполнительной власти, распространенной на всей его территории. Также суверенитет давал право государству на неповиновение властям других государств в международных отношениях, а ограничение суверенитета допускалось лишь при добровольном согласии государства. Суверенные права распространялись на деятельность всех государств без каких-либо ограничений. Государство утвердилось как гарант безопасности своей территории и граждан в чрезвычайных ситуациях, выступало в виде верховного судьи внутри государства, а также защитником от внешних угроз.

С созданием системы национальных государств кардинально изменился международный порядок, принципом которого стало признание международным сообществом государственного суверенитета и баланса международных сил¹¹.

Обоснование и развитие концепции народного суверенитета продолжает в своих трудах французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо. Суверенитет он понимает как осуществление «общей воли», носителем которой выступает только народ, исключительно она (воля) может «управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо»¹². В народном суверенитете Ж.-Ж. Руссо видит два его важных свойства. Прежде всего это неделимость, что отражает противоречивый взгляд Ж.-Ж. Руссо на теорию разделения властей: суверен может обладать лишь законодательной властью. Второе свойство Ж.-Ж. Руссо видит в неотчуждаемости суверенитета. Б.Л. Манелис отмечал, что «вслед за Боденом и Гоббсом Руссо постулирует идею абсолютного суверенитета, доведя ее до крайних пределов»¹³, из чего следует, что полновластие народа по Ж.-Ж. Руссо является абсолютным суверенитетом.

Весомой частью в истории развития теории суверенитета явилось учение о государственном суверенитете Г.В.Ф. Гегеля, послужившее «аристократической реакцией на учение о народном суверенитете»¹⁴. Идея народного суверенитета не отвергалась в полной мере Г.В.Ф. Гегелем, он подчинял ее идее государственного суверенитета: «Народ суверенен в том смысле, что по отношению к внешнему миру он является самостоятельным и составляет собственное государство»¹⁵.

Теория национального суверенитета зародилась во Франции, где принцип национального суверенитета был установлен в первых конституциях

¹¹ Любашиц В.Я. Возникновение национального государства как государства современного типа: проблемы теории // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 1 (18). С. 17.

¹² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 160.

¹³ Манелис Б.Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях. Ташкент: Изд-во «Наука» Узбекской ССР, 1964. С. 28.

¹⁴ Левин И.Д. Указ. соч. С. 15.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 8 т. Т. 7. М., 1956. С. 305.

Великой французской революции. Суть его заключалась в том, что организованное в государстве единое и неделимое целое, а также источник и носитель власти — нация. В соответствии с этим принципом невозможно, чтобы суверенитет принадлежал отдельной части нации или некоторым гражданам. Впоследствии, после Великой французской революции, Б. Констан отмечал: «Где начинается самостоятельность индивида, там останавливается действие суверенитета»¹⁶.

Немецкий государствовед Г. Еллинек отошел от мысли о суверенитете как сущности государственной власти. На его точку зрения повлияло то, что в Германскую империю 1871 г. входили несуверенные государства. Еллинек утверждал, что «суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению»¹⁷. Он видел в суверенитете исключительно определенную способность или свойство государственной власти. Г. Еллинек не считал суверенитет абсолютным, что с его точки зрения аргументировалось наличием норм международного и конституционного права.

На рубеже XX в. появились два различных направления, своеобразно трактующих необходимость суверенитета. По первому суверенитет считался безнадежно устаревшей категорией, которая требует либо отмены, либо радикальной трансформации. Второе исходило из положения о независимости и суверенном равенстве государств. С точки зрения первого приоритетом был международно-правовой порядок, который стоял над государственным суверенитетом.

Представитель институциональной теории Морис Ориу выделял политический суверенитет, носителем которого являлась нация: «Все отдельные личности, составляющие нацию, участвуют в правительстве и осуществляют известную часть политического суверенитета»¹⁸, а также юридический суверенитет, носителем которого выступал народ.

Усиливающиеся тенденции по развитию концепции правового государства направили определенных ученых на формирование учения о суверенитете права. Самыми яркими представителями данного учения был голландский юрист Г. Краббе и представитель венской школы права Г. Кельзен.

В своей работе «Учение о суверенитете права» Краббе указывает на право как на носитель суверенитета, при этом не государство учреждает право, а право учреждает государственную власть. Государственная власть не может быть вне права: ее юрисдикция распространяется только в рамках общих норм, регулирующих ее деятельность. Исходя из такого понимания

¹⁶ Цит. по: Манелис Б.Л. Указ. соч. С. 41.

¹⁷ Еллинек Г. Указ. соч. С. 352.

¹⁸ Ориу М. Основы публичного права : пер. с фр. под ред. Е. Пашуканиса. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1929. С. 49.

можно заметить, что государство не разнится с другими юридическими лицами.

Свое развитие учение о суверенитете во взаимосвязи с правом продолжило в школе солидаризма. Главный представитель данного течения французский юрист Л. Дюги выделял в суверенитете, понимаемом в качестве «повелевающей власти государства», три элемента: 1) власть хотеть; 2) власть повелевать; 3) независимая власть повелевать¹⁹. Л. Дюги выдвигал тезис, что «наше право уже не покоится на идее объединенного и нераздельного суверенитета»²⁰, а нормы действующего права стоят над правителями и управляемыми и обязательны для всех.

Британский ученый Гарольд Ласки предлагал рассматривать суверенитет как отношение между имеющим полномочия правительством и подданными, ограниченными лишь правовыми положениями²¹. Г. Ласки считал, что суверенитет распределяется в государстве в зависимости от исполнения властных полномочий той или иной организацией.

Австрийский юрист Г. Кельзен утверждал, что право превосходит над суверенитетом; наряду с этим возвышал международное над внутренним правом, а также выдвинул теорию суверенности международного права и суверенитета правопорядка. Заслуга Г. Кельзена состоит в переносе вопросов исследования суверенитета в юридическое поле, на котором государство должно основывать свою деятельность.

Благодаря развитию концепции о суверенитете права для ученых открылась проблематика взаимосвязи права и суверенитета, однако некоторые теоретики все же отрицают правовой характер суверенитета. Представитель советской доктрины суверенитета И.Д. Левин считал, что парадоксы суверенитета связаны с логическими парадоксами. Сущность их заключается в том, что допущение суверенитета как бы ведет к стоящей над ним норме права, а следовательно, к отрицанию суверенитета, но норма права предполагает издающую ее суверенную власть и, следовательно, вновь возвращает к суверенитету. В конечном итоге, с какой стороны ни подойти, суверенитет оказывается внеправовой властью, связь между суверенитетом и правовым регулированием власти разрывается, суверенитет становится равнозначным произволу²².

По нашему мнению, в представленных рассуждениях о суверенитете все же изначально власть создает право. Однако соответствующий порядок

¹⁹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства : пер. с фр. : В. Краснокутский, Б. Сыромятников, А. Яценко ; предисл. : Л. Дюги, П.М. Новгородцев. М. : Изд-во Т-ва И.Д. Сытина, 1908. С. 156.

²⁰ Цит. по: Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений / отв. ред. Н.П. Фарберов. М. : Изд-во АН СССР, 1960. С. 60.

²¹ Lasky H. The Foundation of Sovereignty. London, 1931. P. 187.

²² Левин И.Д. Указ. соч. С. 45.

работы и создание власти регулируются на основе права, все общественные отношения, а вместе с ними и осуществление власти становятся объектами правового регулирования.

На дальнейшее развитие концепции суверенитета повлияла «реалистическая» теория, согласно которой государства являются единственными субъектами международных отношений и лишь в их компетенции находится принятие политических решений. Данная теория исходит из того, что определенные государственные органы являются участниками мировой политики, все государства между собой суверенно равны, а также исключительно государство исполняет контроль над своей территорией и населением.

Следует отметить, что доктрина суверенитета — европейского происхождения, причем континентального (французского), где сильны традиции институтов публичной власти, основанной на принципе организационного единства, а англосаксонская традиция, предполагающая защиту прав человека и разделения властей как институциональную гарантию свободы, сформировала доктрину *rule of law*, но не государственного суверенитета²³.

Таким образом, начиная с древнего периода, времен полисов Древней Греции и «священно-сакральных» империй Древнего Востока, а также Римской и Македонской империй, нигде не было создано научной основы для учреждения категории «суверенитет». Особое значение в развитии теории суверенитета занимают различные концепции и теории европейских мыслителей, а также Вестфальский мир, который явился как выдающееся событие в истории политико-правовой мысли Европы и всей концепции государственного суверенитета.

Прокопович Г.А.,

профессор кафедры теории и истории государства и права
имени Г.В. Мальцева Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Агабеков Г.Б. Жан Боден — основоположник концепции государственного суверенитета : научно-аналитический обзор / Г.Б. Агабеков. Москва : ИНИОН, 1990.
2. Аристотель. Сочинения. В 4 томах. Т. 4 / Аристотель. Москва : Мысль, 1983.

²³ Как писал, например, И.Д. Левин: «Понятие государственного суверенитета (в плоскости государственного права) оставалось чуждым английским и американским доктринам» (см.: Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права. М., 1960. С. 52).

3. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. В 14 томах. Т. 7. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; под редакцией А. Деборина и Д. Рязанова. Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1934.
4. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. Москва : Мысль, 2001.
5. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. Москва : Госюриздат, 1956.
6. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги ; перевод с французского : В. Краснокутский, Б. Сыромятников, А. Яценко ; предисловие Л. Дюги, П. Новгородцев. Москва : Издательство Т-ва И.Д. Сытина, 1908.
7. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. 2-е изд., испр. доп. Санкт-Петербург : Издание Юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908.
8. Крылов Б.С. Проблемы суверенитета в Российской Федерации / Б.С. Крылов. Москва : Республика, 1994.
9. Левин И.Д. Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений / И.Д. Левин ; ответственный редактор Н.П. Фарберов. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1960.
10. Левин И.Д. Суверенитет / И.Д. Левин. Москва : Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948.
11. Любашиц В.Я. Возникновение национального государства как государства современного типа: проблемы теории / В.Я. Любашиц // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 1 (18).
12. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Избранные произведения : перевод с итальянского / Н. Макиавелли. Москва : Художественная литература, 1982.
13. Манелис Б.Л. Проблема суверенитета и ее значение в современных условиях / Б.Л. Манелис. Ташкент : Издательство «Наука» Узбекской ССР, 1964.
14. Ориу М. Основы публичного права / М. Ориу ; перевод с французского под редакцией Е. Пашуканиса. Москва : Издательство Коммунистической академии, 1929.
15. Прокопович Г.А. Межгосударственное сотрудничество как элемент внешнего обеспечения суверенитета государства / Г.А. Прокопович // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 3.
16. Прокопович Г.А. Неотчуждаемый суверенитет как высочайшая ценность многонационального народа России / Г.А. Прокопович // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации : монография. В 3 томах. Т. 2 / ответственные редакторы С.Д. Могилевский [и др.]. Москва : РГ-Пресс, 2022.
17. Реут О.Ч. Прилагательные суверенитета. Суверенитет как прилагательное / О.Ч. Реут // Полис. Политические исследования. 2007. № 3.
18. Руссо Ж.-Ж. Трактаты : переводы / Ж.-Ж. Руссо ; подготовили В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин ; комментарий В.С. Алексеева-Попова и Л.В. Борщевской. Москва : Наука, 1969.
19. Рыбакин Ю.П. Юридические формы институционализации суверенитета : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ю.П. Рыбакин. Ростов-на-Дону, 2002.
20. Шебзухова Т.А. Возникновение и формирование принципа суверенитета в эпоху абсолютной монархии / Т.А. Шебзухова // Вестник Саратовской государственной академии права. 2004. № 1.
21. Lasky H. The Foundation of Sovereignty / H. Lasky. London, 1931.

Суверенитет России — ценность в современном мире

В современном мире правовое обеспечение суверенитета России занимает важное место в современном праве. На его развитие влияет множество факторов. А именно: политические, правовые, социальные, культурные, идеологические, экономические и проч. Для того чтобы исследовать эти факторы влияния на суверенитет России более детально, рассмотрим прежде всего роль суверенитета, понятие и факторы с различных научных точек зрения.

Суверенитет России, согласно Конституции, это главное свойство власти, которое определяет, насколько то или иное государство может самостоятельно управлять своими территориями и взаимодействовать с внешним миром. Смысл данного понятия сегодня значительно отличается от первоначального, сложившегося еще в период абсолютизма и этатизма, то есть в XVI–XVII вв. Сущность суверенитета тогда понималась как полная независимость и самостоятельность государственной власти внутри и вне, собственно, самого государства. Разумеется, такая трактовка значительно устарела к настоящему времени и используется только недемократическими режимами. Демократические страны, в свою очередь, считают суверенитет важным средством защиты своей независимости и их правомерных интересов, но в то же время признают наложение на него определенных ограничений, обусловленных внутренними и внешними факторами и нормами¹.

По мнению автора, суверенитет России является важным элементом для построения правового государства. Он же является одним из основных признаков государства, который его характеризует. Так как независимость правомерных интересов сложилась исторически со времен абсолютизма, а история циклична и имеет свойство повторяться в эволюции государства и права в различную периодизацию, правовое обеспечение суверенитета России необходимо. Итак, само понятие суверенитета формально закреплено и выражено в основном законе страны.

Российская Конституция прямо касается суверенитета главным образом в ст. 3 и 4, которые провозглашают, во-первых, что ключевым носителем суверенитета в России является ее многонациональный народ, а во-вторых, что суверенитет России распространяется на всю ее территорию. Необходимо определить, что суверенитет России также имеет ограничения, характерные

¹ Алебастрова И.А. Государственный суверенитет: концепции и реальность // Lex russica. 2014. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-kontseptsii-i-realnost> (дата обращения: 25.02.2023).

для всех цивилизованных стран, которые условно можно разделить на внутренние и внешние. Первые, как следует из их названия, определяют основные принципы России как правового государства, в котором:

— единственный источник суверенитета — многонациональный народ (ст. 3 Конституции);

— высшей ценностью общества являются человек, его права и свободы, которые государственная власть обязуется защищать и, что самое главное, признавать (ст. 2). Кроме того, защита также должна предотвращать неправомерные действия представителей власти в отношении гражданина (ст. 44 и ст. 45);

— права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18);

— субъекты РФ сохраняют полноту власти и полномочий в тех вопросах, которые выходят за пределы ведения центральной власти страны и ее полномочий по вопросам совместного ведения с субъектами РФ (ст. 71–73, ч. 4–6, ст. 76). Противоречия между федеральными законами и нормативными правовыми актами субъектов РФ разрешаются посредством конституционного и договорного распределения предметов ведения между Федерацией и ее субъектом;

— органы местного самоуправления могут самостоятельно решать вопросы, которые не находятся в компетенции органов государственной власти и обладают местным значением (ст. 12, 130–133)².

По мнению автора, формально закреплённость и выраженность суверенитета России в основном законе страны обеспечивает ему правовое выражение и формально определяет его безопасность с правовой точки зрения, что увеличивает степень важности и значимости его в обществе и государстве.

В России признается исключительно народный суверенитет, то есть воля народа является в стране основой власти. Это выражается в регулярных и периодических, избавленных от фальсификаций выборах, в которых правом голоса обладает каждый дееспособный гражданин. Внутренний суверенитет страны основывается на праве государственной власти распоряжаться ее ресурсами, контролировать жизнь людей в пределах правовых норм. Кроме того, неотъемлемой частью суверенитета России являются также единство и неделимость территории страны, что задекларировано в ст. 4 Конституции РФ. Обладание суверенитетом предполагает верховенство

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2023).

власти государства на всей его территории. Само верховенство подразумевает отсутствие на территории России конкурирующих органов власти, которые принимали бы решения параллельно по одним и тем же вопросам. В свою очередь, решения существующих легитимных органов власти распространяются на всех граждан страны и ее социальные структуры. Для обеспечения исполнения принимаемых решений исключительно государственная власть обладает правом на применение в том числе средств к принуждению населения, что является реализацией государством так называемой монополии на насилие, признаваемой во всем мире³.

По мнению автора, суверенитет России является народным и отражает независимость и свободу многонационального народа России в определении своего политического, экономического, социального и культурного развития, а также территориальную целостность, верховенство и независимость его во взаимоотношениях с другими государствами. России необходимо в настоящее время уделить ему особое, надзорно-контрольное внимание, так как его целостность из-за нападков со стороны коллективного Запада под угрозой.

Суверенитет России на сегодняшний день достаточно неоспорим как во внутренних, так и во внешних вопросах. Страна способна проводить самостоятельную политику в межгосударственном поле, ориентируясь исключительно на собственные интересы. Однако все же существуют проблемы, которые уже сейчас составляют значительную угрозу для России. Они продолжают прогрессировать, набирая критическую массу, что впоследствии может привести к возникновению масштабных политических, социально-экономических кризисов, способных затронуть все слои населения страны. Первой рассматриваемой проблемой является демография России. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, численность населения страны на 2019 г. едва превышала 146 млн. При этом подавляющая доля граждан страны проживает в Европейской части, составляющей около 20% от общей территории. На оставшиеся площади государства приходится лишь пятая часть от всего населения, что приводит к их слабой освоенности, выраженной неразвитой инфраструктуре с ослабленным экономическим и политическим потенциалом. Основными факторами данной проблемы являются:

— крайне низкая продолжительность жизни трудоспособного населения, преимущественно мужчин (средняя продолжительность жизни — всего 53 года);

³ Михневич А.В., Гриценко А. Утерянная возможность гарантировать *RESTITUTIO IN INTEGRUM*, или Напоминание Совету Европы о суверенитете России? // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 3-2. С. 165–169.

— высокий уровень смертности, вызванной широкой распространенностью алкоголизма и наркомании, косвенными последствиями которых являются в том числе и смертельные болезни;

— деградация системы здравоохранения по всей стране, кроме крупнейших политических и экономических центров, к которым относятся Москва и Санкт-Петербург;

— серьезная диспропорция экономического развития среди регионов, последствием которой является отток населения из некоторых субъектов⁴.

Исследуя понятие «суверенитет России» и его правовое обеспечение, рассмотрим его ценность в современном праве. Но что из себя представляют правовые ценности? Так как суверенитет — это правовая категория, то, по мнению автора, правовые ценности — это взаимосвязанные элементы существования права, которые обеспечивают справедливость, свободу и равенство. Суверенитет также можно отнести к правовой ценности, так как определяет независимость внешнюю и внутреннюю. Все правовые ценности равны между собой. В широком смысле понятие «правовые ценности» представляет собой такие достижения регулятивной культуры, которые выражают позитивный потенциал права, его «вклад» в обеспечение социального регулирования. Роль правовых ценностей чаще всего рассматривают как самое важное функциональное предназначение, которое позволяет добиться добровольного и осознанного сотрудничества подавляющего большинства членов общества на почве осознания важности соблюдения норм права.

Анализ источников показывает, что правовые ценности представляют собой формы субъективного восприятия права, обусловленные отношением к правовой системе общества, определяющие выбор соответствующего поведения и юридическую оценку событий. Их следует рассматривать не отдельно, а в системном взаимодействии: народ и общий интерес, стабильность, правда, порядок, свобода, равенство должны выступать ориентирами в правотворческой деятельности.

По мнению автора, правовые ценности показывают, что в современном праве они являются ориентирами и основными тенденциями развития права в мире.

Исходя из глобальных проблем, формирование правовых ценностей в условиях общества риска является актуальной и практически значимой задачей в условиях современной России. Объясняется это тем, что в условиях социальной нестабильности, высоких скоростей происходящих изменений

⁴ Шукбаров Д.Т. Государственный суверенитет: современные угрозы // Скиф. 2018. № 6 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-sovremennyye-ugrozy> (дата обращения: 25.02.2023).

нарушается порядок социальных действий и взаимодействия, передачи социального опыта, общения и обмена информацией. Указанные обстоятельства особенно важны в контексте формирования правовых ценностей, в целях создания социальной обстановки, способствующей генезису правовых ценностей. В современном мире при расколе между Россией и западными государствами происходит переоценка ценностей. Суверенитет России на данный момент является ценностью — внешняя независимость и безопасность российских территорий определяет ее целостность. Повышенное внимание уделяется правовому обеспечению суверенитета России вследствие угрозы его целостности и безопасности, но российский народ силен духом — им движут патриотические ценности и единство. Поэтому границы российского государства в будущем будут только расширяться, оно приобретет новых союзников в лице соседних стран и государств, укрепит территорию и обеспечит ее безопасность, что будет способствовать эффективному процветанию общества и развитию правового государства.

Сергеева Т.Н.,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Московского государственного гуманитарно-экономического университета
(г. Москва)

Литература

1. Алебастрова И.А. Государственный суверенитет: концепции и реальность / И.А. Алебастрова // *Lex russica* (Русский закон). 2014. № 12.
2. Лескин В.И. К вопросу о суверенитете в федеративном государстве / В.И. Лескин // *Конституционное и муниципальное право*. 2011. № 12.
3. Михневич А.В. Утерянная возможность гарантировать *RESTITUTIO IN INTEGRUM*, или Напоминание Совету Европы о суверенитете России? / А.В. Михневич, А. Гриценко // *Международный журнал экспериментального образования*. 2017. № 3–2.
4. Рзаев Н.И. Суверенитет РФ в условиях современной интеграции / Н.И. Рзаев, О.А. Мальцева // *Актуальные проблемы права : материалы VI Международной научной конференции* (г. Москва, 20–23 декабря 2017 г.) : сборник научных статей / ответственные редакторы : Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. Москва : Буки-Веди, 2017.
5. Шукбаров Д.Т. Государственный суверенитет: современные угрозы / Д.Т. Шукбаров // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. 2018. № 6 (22).

Модель гибридной кодификации права как форма суверенной уголовной политики (опыт Новой Зеландии)

В первые десятилетия существования Новой Зеландии как британской колонии в ней действовали нормы английского уголовного права, в то время плохо упорядоченные и не систематизированные¹.

В 1883 году в новозеландский парламент был внесен проект кодификации уголовного законодательства, что и было осуществлено спустя десятилетие. Основой для этого послужил составленный английским юристом Джеймсом Фицджеральдом Стифеном типовой проект Уголовного кодекса (УК), который в 1878 г. рассматривался британским парламентом, но в самой Великобритании так и не стал законом. Этот «проект Стифена» неоднократно использовался в качестве *модели* для уголовных кодексов в английских колониях и доминионах, поскольку содержал упрощенное изложение основных институтов английского уголовного права².

Закон об Уголовном кодексе Новой Зеландии 1893 г. был основан на имперском проекте для Англии и Уэльса, а также на трактате Дж.Ф. Стифена и авторском проекте УК Канады Джорджа Бербиджа 1892 г. Новозеландский кодекс отменил все преступления по общему праву, заменив многие из них на статутные преступления, инкорпорированные в этот кодекс³. Однако в скором времени консолидированный Закон о преступлениях Новой Зеландии 1908 г. заменил УК 1893 г., а тот спустя полвека был заменен новым Законом о преступлениях 1961 г.⁴. Сегодня новозеландская уголовная политика основывается на квазикодифицированной отрасли уголовного права⁵.

Закон о преступлениях (*Crimes Act*) 1961 г. не является уголовным кодексом в его континентально-позитивистском понимании. Он представляет собой по существу гибридный кодекс, наряду с которым применяется также

¹ Mulholland R.D. Introduction to the New Zealand Legal System. Wellington, 1995.

² Finn J. Codification of the Criminal Law: The Australasian parliamentary experience // Crime and Empire 1840–1940: Criminal justice in local and global context / ed. by B. Godfrey, G. Dunstall. Cullompton, England : Willan Publishing, 2005. P. 224–237.

³ Criminal Code Act 1893 (57 Vict 1893 No 56). URL: http://www.nzlii.org/nz/legis/hist_act/cc189357v1893n56192/

⁴ Crimes Act of New Zealand 1961 (No 43). 1 November 1961. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html#DLM332183>

⁵ Essays on criminal law in New Zealand: towards reform? / ed. by N. Cameron, S. France // Victoria University of Wellington law review. 1990. Vol. 20. № 2. 243 p.

ряд обычных законов об отдельных составах преступлений, в частности Закон о злоупотреблении наркотиками 1975 г., Закон о наземном транспорте 1998 г., Закон об экстрадиции 1999 г., Закон о международных преступлениях и Международном уголовном суде 2000 г., Закон о борьбе с терроризмом 2002 г., Закон об исправительных учреждениях 2004 г., Закон о неуважении к суду 2019 г. Так, Закон о полицейских нарушениях 1927 г. и Закон о суммарных правонарушениях 1981 г. устанавливают ответственность за менее тяжкие преступления, преследуемые в суммарном порядке, если они не предусмотрены в Законе о преступлениях 1961 г.

Важной частью суверенной уголовной политики Новой Зеландии являются многочисленные законы о поправках, дополнениях и изменениях основного Закона 1961 г. Так, недавно принят Закон о внесении поправок в Закон о преступлениях (преступления, связанные с эксплуатацией детей) от 12 апреля 2023 г.⁶, которым введена в Особенную часть новая ст. 131AB «Приготовление ко вступлению в сексуальные отношения с несовершеннолетним (не достигшим 16-летнего возраста)».

Кодифицирующая систематизация уголовного права Новой Зеландии в середине XX в., по итогам которой был принят квазиуголовный кодекс 1961 г., так и не привела к выстраиванию четкой юридической вертикали в сфере этой отрасли права и уголовной политики. Консолидированный закон, несмотря на его всеохватывающую юрисдикцию по большинству составов преступлений, не стал единственным и приоритетным *головным актом* отрасли, даже без учета уголовно-правовых прецедентов и доктрин общего права⁷.

Все преступления по общему праву, которые по традиции применялись как основание ответственности со времен колониального господства Великобритании, были отменены ст. 9 Закона о преступлениях 1961 г., как и все преступления, направленные против актов британских парламентов. Но статья 20 того же закона сохранила прежние средства уголовно-правовой защиты по общему праву, если они специально не изменены статутным правом. Кроме того, нормы общего права сохраняют значимость при толковании и применении уголовного закона⁸.

Более того, в самом Законе 1961 г. содержатся несколько ограничительных условий по юридической силе и критерии его применения в случае коллизии с другими законодательными актами. Так, согласно ст. 13, ничто

⁶ Crimes (Child Exploitation Offences) Amendment Act 2023 (No 16). 12 April 2023. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2023/0016/latest/LMS531212.html#LMS531209>

⁷ Criminal law and practice in New Zealand / ed. by sir F.B. Adams. Wellington : Sweet & Maxwell (N.Z.), 1971. 1114 p.

⁸ O'Keefe J.A.B. Introduction to New Zealand Law. Wellington, 1980.

в настоящем законе не может быть истолковано как ограничивающее или затрагивающее какое-либо положение любого другого закона, наделяющее суд полномочиями выносить приговор или назначать наказание или вместо приговора или наказания, предписанных настоящим законом.

Этот закон состоит из 14 крупных разделов, большинство из которых условно могут быть объединены в Общую часть (разделы I–IV и XI) и Особенную часть (разделы V–X), а также три последних раздела — в уголовно-процессуальную часть этого квазикодекса (раздел XII «Процедура» (ст. 313–378F), раздел XIII «Апелляции» (ст. 379–399) и раздел XIV «Прочие положения» (ст. 400–415).

Своеобразная *Общая часть* Закона 1961 г. включает следующие четыре институциональных раздела:

— *Раздел I «Юрисдикция»* (ст. 5–12) посвящен следующим вопросам: применение уголовного закона по кругу лиц и в пространстве, экстерриториальная юрисдикция, преступления транснационального характера, преступления, совершенные за границей на морских или воздушных судах, дипиммунитет и др.

Также в некоторых статьях Особенной части предусмотрена ответственность *юридических лиц*. В частности, в ч. 2А ст. 105С «Подкуп иностранного публичного должностного лица» установлено, что «юридическое лицо или корпорация единолично совершает преступление, предусмотренное подразделом (2), если: (а) служащий юридического лица или корпорации, совершающих деяние, которое представляет собой преступление в соответствии с подразделом (2); и (b) работник совершает действие, полностью или частично, с намерением принести пользу единственному юридическому лицу или корпорации; и (с) работник, совершая действие, действует в рамках своих полномочий в качестве сотрудника юридического лица или корпорации».

Не подлежат наказанию на основе Закона о преступлениях 1961 г. те деяния, которые являются преступными по общему праву, или «любое преступление, направленное против какого-либо акта Парламента Англии, Парламента Великобритании или Парламента Соединенного Королевства» (ст. 9). Никто не может быть наказан дважды за одно и то же преступление (п. 4 ст. 10). Уголовные акты не имеют обратной силы (ст. 10А)⁹.

— *Раздел II «Наказания»* (ст. 13–19) посвящен следующим вопросам: отмененные статьи о смертной казни, запрет на одиночное заключение, назначение штрафа и др. По сравнению с кодификационным актом 1893 г.,

⁹ Simester A.P., Brookbanks W.J. Principles of criminal law. 3rd ed. Wellington, N.Z. : Thomson / Brookers, 2007. 791 p.

отличавшимся суровостью наказаний, санкции за многие преступления в этом законе смягчены. Смертная казнь за общеуголовные преступления отменена с 1961 г., а полностью за все преступления — с 1989 г. Предусматривается условное осуждение, превентивное заключение (например, для вторично осужденных за половые преступления), а также помещение осужденных в возрасте до 21 года в специальные исправительные учреждения.

Процедура вынесения приговора и порядка определения конкретной меры и размера санкции консолидирована в Законе о вынесении приговоров 2002 г.¹⁰. В этом акте перечислены *цели вынесения приговора* или иного обращения с правонарушителями: привлечь правонарушителя к ответственности за вред, причиненный жертве и обществу; воспитание у правонарушителя чувства ответственности за этот вред и признания такого вреда; обеспечение интересов жертвы преступления; обеспечение возмещения ущерба, причиненного правонарушителем; осуждение поведения, в котором был замешан правонарушитель; удерживание преступника или других лиц от совершения того же или аналогичного преступления; защита общества от правонарушителя; оказание помощи в реабилитации и реинтеграции правонарушителя; сочетание двух или более целей, указанных в предыдущих пунктах ст. 7 Закона 2002 г. При определении вида назначаемого наказания судьи учитывают *тяжесть* правонарушения и степень вины правонарушителя, личную характеристику правонарушителя, интересы жертвы и соответствие практике вынесения приговоров по аналогичным делам¹¹.

При вынесении приговора или в иной форме обращения с правонарушителем суд принимает во внимание все *отягчающие обстоятельства* (например, степень преднамеренности, особая жестокость; наличие судимости; уязвимость жертвы в силу возраста или состояния здоровья; враждебность к жертве по признакам расы, цвета кожи, национальности, религии, гендера, сексуальной ориентации, возраста или инвалидности; и др.), которые перечислены в п. 1 ст. 9 Закона 2002 г. Суд также должен принимать во внимание *смягчающие обстоятельства* в той мере, в какой они применимы к делу (п. 2 ст. 9).

В статье 10А «Иерархия приговоров и постановлений» содержится перечень видов наказания и иных уголовно-правовых мер воздействия, отражающий относительный уровень надзора и контроля за правонарушите-

¹⁰ Sentencing Act 2002 (2002 No 9). 5 May 2002. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2002/0009/latest/whole.html>

¹¹ Essays on criminal law in New Zealand: a series of lectures delivered at the Victoria University of Wellington / ed. by R.S. Clark. Wellington : Sweet & Maxwell, 1971. 224 p.

лем, а также ограничений, налагаемых на правонарушителя в соответствии с каждым приговором или постановлением: освобождение от уголовной ответственности или приказ о назначении наказания; приговоры к штрафу и возмещению ущерба; приговоры к общественным работам и надзору; приговоры к интенсивному надзору и содержанию под стражей по месту жительства; наказание в виде домашнего ареста; наказание в виде лишения свободы. Никакое наказание не может быть назначено по совокупности с неопределенным приговором к тюремному заключению (ст. 23 Закона 2002 г.).

Дополнительный вид наказания также предусмотрен в виде *конфискации* имущества и орудий преступления¹². В частности, ст. 216Е «Конфискация» (*Forfeiture*) закрепляет право суда в рамках приговора по ст. 216В или 216D Закона 1961 г. распорядиться о конфискации в пользу короны средств прослушивания, единственной или основной целью которых являлся тайный перехват частных сообщений и которые могут быть уничтожены таким образом, как распорядится комиссар полиции.

Другой пример конфискации можно найти в ч. 2 ст. 216L, согласно которой в случае признания виновным по ст. 216H, 216I или 216J суд может в дополнение к любому другому приговору или постановлению или вместо них распорядиться о конфискации в пользу короны любого оборудования, товаров или других предметов, использованных в связи с совершением преступлений (создание, распространение или публикация интимных визуальных записей); такой конфискат должен быть продан, уничтожен или иным образом утилизирован по указанию министра юстиции.

— *Раздел III «Основания защиты и оправдания»* (ст. 20–65): основания и виды уголовно-правовой защиты и оправдания по общему праву, в том числе уголовная недееспособность детей до 10 лет, частичная дееспособность в возрасте от 10 до 14 лет при условии сознательности; невменяемость, принуждение, незнание закона; защита при исполнении приговора, проведении законной процедуры или выполнении ордера; незаконный ордер и арест не того человека; арест констеблем подозреваемого, оказание помощи при аресте, арест ночью или в самолете; применение силы при исполнении приговора или при аресте, при побеге из-под стражи; применение силы для предупреждения самоубийства или некоторых правонарушений, для предупреждения нарушений мира и спокойствия, для подавления массовых беспорядков полицией или лицами, действующими по законному приказу; исполнение военным служащим законного приказа; самооборона и защита другого лица от нападения; применение силы для защиты движимого

¹² См.: Criminal Proceeds (Recovery) Act 2009 (2009 No 8). 21 April 2009. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2009/0008/latest/DLM1451001.html#DLM1451011>

имущества от нарушителя, для обороны жилого дома; применение разумной силы при осуществлении родительского контроля, для поддержания дисциплины на корабле или судне; ответственность за превышение силы, за убийство даже при наличии согласия на смерть; и др.

При этом ст. 50 Закона 1961 г. содержала норму-дефиницию *провокации* как формы уголовно-правовой защиты, которая смягчала наказание в случае, например, нападения на человека со смертельным исходом, понижая обвинение до состава непредумышленного вместо умышленного (тяжкого) убийства (ст. 169 и 170). Но данное основание защиты было отменено ст. 2(1) Закона о внесении поправок в Закон о преступлениях 1980 г., как и соответствующие привилегированные составы в Особенной части¹³.

— *Раздел IV «Участники совершения преступления»* (ст. 66–72): различаются исполнитель, пособник и подстрекатель, а также те, кто «побуждает, советует или склоняет любое лицо к совершению преступления»; преступный сговор с супругом или партнером по гражданскому союзу; соучастие в убийстве за границей; соучастие постфактум, институт покушения на преступление.

— *Раздел XI «Угрозы, сговор и покушение на совершение преступлений»* (ст. 306–312): устные или письменные угрозы убийством или причинением тяжких повреждений; угроза уничтожить или повредить имущество или ранить животное, сломать жилой дом; устрашение путем выстрела из огнестрельного оружия; сговор с целью воспрепятствовать сбору ставок или налогов; преступный сговор; покушение на совершение преступления или подстрекательство к его совершению; соучастие в преступлении постфактум.

Практическое значение Общей части Закона 1961 г. обусловлено ее особым статусом как некоей вводной конструкции для реального осуществления диспозиций и санкций, предусмотренных в Особенной части. Например, в соответствии с п. 2 ст. 310, которое содержит общие положения о сговоре совершить уголовно наказуемое деяние, по законодательству Новой Зеландии эта норма не может быть применена, «если наказание за сговор уже прямо предусмотрено настоящим Законом или каким-либо другим нормативным актом» (имеется в виду специальная статья Особенной части). Другая смежная норма в п. 1 ст. 311 о том, что настоящая статья Общей части применяется только тогда, когда происходит «покушение на совершение какого-либо преступления, в отношении которого настоящим Законом или каким-либо другим нормативным актом не предусмотрено особое наказание за покушение».

¹³ Crimes (Provocation Repeal) Amendment Act 2009 (2009 No 64). 7 December 2009.

Специфичной чертой юртехники Общей части новозеландского квазиУК 1961 г. является описание гипотез и диспозиций и кажущееся дублирование статей, формально содержащих аналогичные предписания¹⁴.

Трикоз Е.Н.,

доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения
Московского государственного института международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации (МГИМО МИД России);
доцент кафедры публичной политики
и истории государства и права Юридического института
Российского университета дружбы народов (РУДН),
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Трикоз Е.Н. Техника уголовно-правовой кодификации в Британской империи XIX в. / Е.Н. Трикоз // Актуальные проблемы сравнительного правоведения. Вып. 2 / ответственные редакторы А.А. Малиновский, Е.Н. Трикоз. Москва : РФ-Пресс, 2022.
2. Criminal law and practice in New Zealand / ed. by F.B. Adams. Wellington : Sweet & Maxwell (N.Z.), 1971.
3. Essays on criminal law in New Zealand: a series of lectures delivered at the Victoria University of Wellington / ed. by R.S. Clark. Wellington : Sweet & Maxwell, 1971.
4. Essays on criminal law in New Zealand: towards reform? / eds. by N. Cameron, S. Francke // Victoria University of Wellington law review. 1990. Vol. 20. Iss. 2.
5. Finn J. Codification of the Criminal Law: The Australasian parliamentary experience / J. Finn // Crime and Empire 1840–1940: Criminal justice in local and global context / eds. by B. Godfrey, G. Dunstall. Cullompton, England : Willan Publishing, 2005.
6. Mulholland R.D. Introduction to the New Zealand Legal System / R.D. Mulholland. Wellington, 1995.
7. O'Keefe J.A.B. Introduction to New Zealand Law / J.A.B. O'Keefe. Wellington, 1980.
8. Simester A.P. Principles of criminal law / A.P. Simester, W.J. Brookbanks. 3rd ed. Wellington, N.Z. : Thomson / Brookers, 2007.

¹⁴ Movements and markers in criminal policy. Auckland, N.Z. : Legal Research Foundation, 1984. 82 p.

Законодательный процесс

Развитие общества, научно-технологического прогресса, возникновение новых форм взаимодействия граждан приводит к необходимости постоянного мониторинга и совершенствования законодательства в части обеспечения условий безопасного и комфортного осуществления различных направлений деятельности общества.

В этой связи актуальность развития законотворческой деятельности в различных сферах является предметом активного рассмотрения на страницах юридической печати¹.

Законодательный процесс как институт конституционного права представляет собой регламентированную нормами права совместную деятельность граждан, общества, государства по закреплению правовых идей, устоявшихся норм, форм поведения, обычаев в законодательную форму, форму закона.

Правовое регулирование законодательного процесса осуществляется Конституцией Российской Федерации, нормативными актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, регламентами и иными актами палат Федерального Собрания Российской Федерации.

Законодательный процесс включает пять основных стадий.

Первая стадия предполагает реализацию права на законотворческую инициативу посредством внесения законопроекта в Государственную Думу Российской Федерации.

¹ Нечаева Т.В. Совершенствование процедур участия субъектов Российской Федерации в федеральном законодательном процессе // Журнал российского права. 2006. № 10. С. 56–64; Пажетных Д.В., Колесников Е.В. Участие Совета Федерации в законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11. С. 18–23; Мухаметшин Ф.М. Законодательный процесс в системе органов государственной власти Российской Федерации. М. : Дипломатическая академия МИД России, 2003. 344 с.; Абрамова А.И. Законодательный процесс в Российской Федерации: проблемы и перспективы. М. : Юрист, 2005. 139 с.; Сулейманова С.Р. Федеральный законодательный процесс: проблемы правового регулирования и практики // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1. С. 84–87; Фомичева О.А. Особенности участия в законотворческом процессе субъекта законодательной инициативы // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 64–69; Бишенова М.М., Ширитов А.Б. Понятие законодательного процесса // Вестник экспертного совета. 2020. № 4. С. 70–75; Чучаев А.И. Трансформация научных парадигм в социальную практику // Государство и право. 2023. № 4. С. 16–29; Тихомиров Ю.А., Цомартова Ф.В., Черепанова Е.В. Правовые векторы реальных процессов — новый подход в теории // Государство и право. 2021. № 1. С. 7–16; Чиркин В.Е. Формационный, цивилизационный и социокультурный подходы к классификации глобальных правовых систем, правовых семей и индивидуальных правовых систем государств в современном мире // Государство и право. 2019. № 5. С. 150–154; и др.

Вторая стадия — непосредственно рассмотрение законопроекта Государственной Думой Российской Федерации в трех чтениях, результатом которого может стать принятие решения об одобрении законопроекта в качестве федерального конституционного закона, о принятии законопроекта в качестве федерального закона либо об отклонении законопроекта. Одобренные и принятые Государственной Думой Российской Федерации федеральные конституционные законы, федеральные законы в течение пяти дней передаются на рассмотрение в Совет Федерации.

Третья стадия законодательного процесса предполагает рассмотрение Советом Федерации одобренного, принятого Государственной Думой федерального конституционного закона, федерального закона, по результатам которого федеральный конституционный закон может быть принят при условии его одобрения большинством (не менее трех четвертей) голосов от общего числа сенаторов Российской Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы; федеральный закон одобряется Советом Федерации в случае его рассмотрения либо нерассмотрения в четырнадцатидневный срок на заседании палаты (в соответствии с ч. 4 ст. 105 Конституции Российской Федерации в случае нерассмотрения в указанный срок федеральный закон считается одобренным, за исключением федеральных законов, подлежащих обязательному рассмотрению Советом Федерации в соответствии со ст. 106 Конституции Российской Федерации не позднее четырнадцати дней со дня их передачи в Совет Федерации, о чем указано в п. 1 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1995 г. «По делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации»), либо федеральные конституционные законы, федеральные законы по результатам рассмотрения в Совете Федерации могут быть отклонены. Одобренные Советом Федерации законы направляются Президенту Российской Федерации на подписание и обнародование.

Четвертая стадия законодательного процесса включает подписание и обнародование Президентом Российской Федерации принятых федерального конституционного закона, федерального закона в течение четырнадцати дней, либо в течение семи дней — в случае повторного направления президенту ранее отклоненной им редакции закона, либо в течение трех дней с момента вынесения Конституционным Судом Российской Федерации решения о конституционности закона (в случае инициирования президентом проверки Конституционным судом направленных президенту на подписание и обнародование законов на предмет соответствия таких законов Конституции Российской Федерации; при этом срок подписания таких законов приостанавливается на время рассмотрения соответствующего запроса

Конституционным судом). В случае неподтверждения Конституционным судом конституционности законов президент возвращает их в Государственную думу без подписания.

Пятая стадия законодательного процесса предусматривает официальное опубликование, вступление в силу, обнародование в соответствии с Федеральным законом от 14 июля 1994 г. «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» подписанных Президентом Российской Федерации законов.

Официальным опубликованием федерального конституционного закона, федерального закона считается первая публикация его текста в средствах массовой информации — «Парламентской газете», «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации»; первое размещение (опубликование) на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Подписанный президентом закон может быть опубликован также в иных печатных изданиях, обнародован по телевидению, радио, передан по каналам связи.

Федеральные конституционные законы, федеральные законы вступают в силу одновременно на всей территории Российской Федерации по истечении десяти дней после дня их официального опубликования, если иной порядок вступления их в силу не установлен самими законами.

В случае отклонения Советом Федерации переданного на его рассмотрение Государственной думой федерального закона Государственная дума может принять одно из следующих решений: снять федеральный закон с дальнейшего рассмотрения в связи с отклонением его Советом Федерации; создать согласительную комиссию для преодоления возникших разногласий; принять федеральный закон в ранее принятой Государственной думой редакции. Согласительная комиссия может создаваться как по инициативе Совета Федерации, поддержанной Государственной думой, так и по инициативе Государственной думы, поддержанной Советом Федерации. Согласительная комиссия создается на паритетных началах из представителей обеих палат парламента и рассматривает лишь те положения федерального конституционного закона, федерального закона, по которым возникли разногласия между сенаторами и депутатами. Одобренный Государственной думой в редакции согласительной комиссии закон в течение 5 дней направляется на рассмотрение Совета Федерации. Если редакция согласительной комиссии закона принята Государственной думой не была либо Государственная дума выразила несогласие с решением Совета Федерации об отклонении закона, он ставится на голосование в ранее принятой редакции. Решение о принятии федерального закона в ранее принятой редакции принимается

большинством не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной думы. Принятый Государственной думой закон в течение 5 дней направляется президенту для подписания и обнародования. Если решение о принятии закона, отклоненного Советом Федерации, в ранее принятой Государственной думой редакции не набрало необходимого для принятия числа голосов, то федеральный закон считается отклоненным и дальнейшему рассмотрению не подлежит.

В случае отклонения президентом переданных ему на подписание и обнародование законов президент вправе предложить Государственной Думе и Совету Федерации создать специальную комиссию для преодоления возникших разногласий. По результатам работы данная комиссия представляет на повторное рассмотрение Государственной думы федеральный закон в согласованной редакции. Если в такой редакции Государственной думой данный закон принимается, его дальнейшее рассмотрение в Совете Федерации осуществляется на общих основаниях.

К числу актуальных направлений законодательного процесса, выражающихся в развитии законотворческой деятельности, можно отнести практически все сферы общественной жизни, совершенствование правовой регламентации которых на данном этапе представляет собой условие обеспечения благополучия граждан.

Анализ правового регулирования и правоприменительной практики позволяет выделить несколько актуальных на данный момент, динамично развивающихся направлений совершенствования законодательства, непосредственно связанных с системой жизнеобеспечения населения.

В частности, в целях расширения возможностей по оказанию медицинской помощи, фиксации факторов обращений граждан за получением медицинской помощи с 2018 года в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривается возможность оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, представляющих собой информационные технологии, обеспечивающие дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой, с пациентами, их законными представителями, возможность идентификации и аутентификации указанных лиц, документирование совершаемых ими действий при проведении консилиумов, консультаций, дистанционного медицинского наблюдения за состоянием здоровья пациента. Особенности осуществления данных видов медицинской практики регламентируются Порядком организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утвержденным Приказом Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965н. К числу видов телемедицинских консультаций могут относиться: врачебная

телемедицинская консультация (врач одной специализации (профиля) консультирует врача другой специализации (профиля)); телемедицинское функциональное, лабораторное обследование (передача объективных данных о пациенте с медицинской аппаратуры); советы спасателям (врач-специалист консультирует сотрудников мобильных спасательных отрядов); советы населению (предоставление жителям возможности советоваться с врачом). Важным направлением совершенствования оказания медицинской помощи населению предполагается дальнейшее законодательное обеспечение разработки и внедрения новых технологий, лекарственного обеспечения, форм медицинской деятельности.

В целях распространения, популяризации духовно-нравственных ценностей, приобщения к ним молодежи государство активно развивает институт социальной рекламы (ст. 10 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе») как действенный инструмент сохранения духовно-нравственного благополучия общества.

Важной задачей социальной рекламы также является привлечение внимания социума к актуальным проблемам общества. В этой связи большое значение имеют, в частности, транслируемые в средствах массовой информации социальные передачи, в рамках которых описываются достаточно распространенные ситуации, возможные направления их разрешения. К числу социально значимых направлений социальной рекламы можно отнести здоровый образ жизни; правовое воспитание, соблюдение норм права, включая безопасность участников дорожного движения; формирование экологического мышления; формирование социально активной позиции. Социальная реклама позволяет достичь общественного консенсуса по ряду ключевых социально значимых позиций с точки зрения здорового развития общества и его духовного, нравственного благополучия. Перспективы развития законодательства в данной сфере видятся в активной интеграции социального медиапространства с образовательной деятельностью государства на всех уровнях образовательного процесса.

Активное развитие законодательства осуществляется также в направлении развития внутреннего производства по ключевым сферам промышленности, сельского хозяйства.

Акопджанова М.О.,
докторант Университета прокуратуры
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Абрамова А.И. Законодательный процесс в Российской Федерации: проблемы и перспективы / А.И. Абрамова. Москва : Юрист, 2005.
2. Бишенова М.М. Понятие законодательного процесса / М.М. Бишенова, А.Б. Шири-тов // Вестник экспертного совета. 2020. № 4.
3. Мухаметшин Ф.М. Законодательный процесс в системе органов государственной власти Российской Федерации / Ф.М. Мухаметшин. Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2003.
4. Нечаева Т.В. Совершенствование процедур участия субъектов Российской Феде-рации в федеральном законодательном процессе / Т.В. Нечаева // Журнал россий-ского права. 2006. № 10.
5. Пажетных Д.В. Участие Совета Федерации в законодательном процессе / Д.В. Па-жетных, Е.В. Колесников // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 11.
6. Сулейманова С.Р. Федеральный законодательный процесс: проблемы правового регулирования и практики / С.Р. Сулейманова // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1.
7. Тихомиров Ю.А. Правовые векторы реальных процессов — новый подход в те-ории / Ю.А. Тихомиров, Ф.В. Цомартова, Е.В. Черепанова // Государство и право. 2021. № 1.
8. Фомичева О.А. Особенности участия в законотворческом процессе субъекта за-конодательной инициативы / О.А. Фомичева // Российский юридический журнал. 2020. № 3.
9. Чиркин В.Е. Формационный, цивилизационный и социокультурный подходы к классификации глобальных правовых систем, правовых семей и индивидуальных правовых систем государств в современном мире / В.Е. Чиркин // Государство и право. 2019. № 5.
10. Чучаев А.И. Трансформация научных парадигм в социальную практику / А.И. Чуча-ев // Государство и право. 2023. № 4.

Государственный суверенитет и права человека: проблемы соотношения (конституционно-правовой контекст)

Основное содержание и сущность категории «суверенитет» рассматриваются в разных аспектах специалистами разных отраслей права, являются предметом горячих дискуссий даже в рамках публичного права, в том числе отрасли конституционного права. Согласно общепринятому подходу к этому понятию, выделяют «государственный» суверенитет, «национальный» суверенитет и «народный» суверенитет. Каждый из указанных обладает своим особым набором характеристик и отличается определенным конституционно-правовым содержанием. И каждый из этих «суверенитетов» имеет вполне конкретное и наполненное своеобразным содержанием взаимодействие с институтом прав человека. С точки зрения некоторых ученых, концепция суверенитета государства и концепция прав человека несовместимы как в контексте внутреннего аспекта, так и в контексте внешнего аспекта¹. В юридической литературе также существуют иные мнения по соотношению суверенитета государства (в целом) и прав человека. Государственный суверенитет не просто распространяется на сферу правового регулирования области прав человека. «Государство, реально обладающее возможностями проводить самостоятельную внутреннюю политику, определяет ее идеологическую, научную основу»².

В национальном праве закреплены теоретические представления о народном (национальном) суверенитете как первичном и ограничивающем государственный и о двух сторонах (внешней и внутренней) последнего. Понятия народного, национального и государственного суверенитета взаимосвязаны, в современных представлениях основой государственного суверенитета выступают народный и национальный.

Власть в современных государствах является верховной и независимой по отношению к власти любого должностного лица или любого иного государства. Однако не зависимой от народа, учреждающего власть, последняя

¹ Более подроб. см.: Gabrielyan Э.В. Суверенитет и права человека в условиях глобальной модернизации // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 41.

² Шавцова А.А. Взаимодействие понятий «права человека» и «государственный суверенитет» // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы : сб. науч. тр. : в 2 т. Т. 2: Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых Государств и Европейском Союзе / редкол. : С.А. Балашенко [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2008. С. 55.

быть не может. Практически все современные демократические государства в своих конституциях провозглашают народ носителем суверенитета и источником власти. Органам государства народ передает именно власть (т.е. полномочия по предметам ведения), а не суверенитет (т.е. право на власть). При этом в ряде случаев и сам народ выступает не только как источник, но и как носитель власти³.

Признанный международным сообществом и закрепленный конституциями правовых государств современный комплекс прав человека и гражданина результат длительного исторического становления таких идеалов, которые в современном гражданском обществе признаются и охраняются как высшие ценности. Вместе с тем основанные на принципе свободного выбора поведения и формального равенства права и свободы человека являются важнейшими факторами развития общества. Причем преимущественно этим обусловлен характер государства, так как права человека и гражданина выступают ограничителями всегосподства государственной власти.

Однако от момента формирования идеи прав человека до конституционного закрепления их современного комплекса, признания и защиты государством человечество прошло долгий и трудный путь. По этой же причине к содержанию прав человека и значению их в обществе необходимо применить конкретно-исторический подход. Задача в том, что конституционная история человечества прежде всего история развития конституционно-правового статуса человека и гражданина, так как отсюда берут начало основы взаимоотношения человечества, общества, государства, а также демократии и прав человека⁴.

Проблема взаимоотношений государства и индивида всегда была и продолжает находиться в ряду важнейших проблем научно-правовой мысли. Она имеет многовековую историю, и каким бы ни было государство по своей сущности, «какой бы режим в нем ни господствовал — взаимодействия человека и государства всегда представляли интерес не только теоретический, религиозный, философский, но и прикладной, поскольку без учета этого взаимодействия невозможно было установить в обществе порядок, необходимый для господствующей элиты и для демократически избранных правителей»⁵.

Отсутствие единого мнения в юридической литературе об отношениях «государство — индивид» привело к возникновению теорий, коренным

³ Туманов С.Н. Суверенитет государства: верховенство власти и способы его ограничения // Правовая культура. 2016. № 3 (26). С. 41.

⁴ Конституционное законодательство России / под ред. Ю.А. Тихомирова. М. : Изд-во «Городец», 1999. С. 58.

⁵ Права человека / отв. ред. чл.-корр. РАН, д.ю.н. Е.А. Лукашева. М. : НОРМА, 2003. С. 214.

образом отличающихся друг от друга. Особое место в их ряду занимает либеральная доктрина прав человека, которая применила новый подход к взаимоотношениям человека и государства⁶. В соответствии с этой теорией государство обязано признавать естественные права человека, уважать и защищать их от посягательства каждого, в том числе и своих. Фактически тем самым был положен предел бесконтрольного всевластия и произвола государства, определены границы воздействия государственной власти, выдвинут основной и важнейший фактор деятельности государственной власти: принцип гуманизма, признание и гарантированная защита неотчуждаемых прав человека.

История возникновения и развития естественно-правовой доктрины уходит в эпоху зарождения исходных положений этой доктрины, в основе которых лежит идея всеобщего равенства людей. Задача в том, что становление и развитие прав человека и гражданина неразрывно связаны «с генезисом и эволюцией содержания самого принципа формального (правового) равенства в различные эпохи и в различных обществах»⁷.

Защита естественно-правовых идей прав личности и свободы занимает основное место в творчестве П.И. Новгородцева. В целом, весь его подход пронизан стремлением утвердить нравственный идеализм в юриспруденции. Новгородцев призывает к возрождению естественного права в качестве необходимой духовной основы права. Только с помощью таких идеальных построений и морального обоснования права можно преодолеть кризис современного правосознания⁸. Многие народы положили эту идею в основу своего строя.

Естественное право, согласно Новгородцеву, представляет собой неискоренимую потребность человеческого мышления и исконную принадлежность философии права⁹. И, кроме этого, естественное право в его соотношении с позитивным правом выступает как идеал, «создаваемый ввиду недостатков и несовершенств положительных установлений»¹⁰.

⁶ Буржуазно-либеральная доктрина в ее классическом варианте развивалась в учениях Г. Гроция, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Б. Спинозы, В. Гумбольдта и др., однако однородной по своему содержанию ее называть нельзя. В основу этой доктрины была положена естественно-правовая концепция прав человека, основными принципами которой выступали свобода и неотъемлемые права человека (как представителя человеческого рода), принадлежащие ему от рождения. В дальнейшем либеральная доктрина была представлена и в юридикто-позитивистских версиях. Однако ее классический вариант неотделим от естественно-правовой школы, от идеи свободы и прав человека.

⁷ Нерсисянц В.С. Философия права. М., 1997. С. 108.

⁸ См.: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901. С. 200.

⁹ См.: Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XIX вв. 3-е изд. М., 1914. С. 110.

¹⁰ Там же.

Защитником идей свободы, равенства и прав человека был В.С. Соловьев. Он трактовал взаимосвязи естественного и позитивного права как соотношение разумной сущности права и ее реального проявления в действующем праве. Согласно Соловьеву, в основе права лежит свобода как характеристический признак личности¹¹. Правом определяется отношение лиц. То, что не есть лицо, не может быть субъектом права. Но свобода лица, отмечал он, превращается в право только тогда, когда за всеми (по общему правилу) одинаково признается их свобода. И поэтому признание свободы и равенства субъектов права в качестве необходимого условия права — это и есть выражение смысла требований и естественного права, которое «всцело сводится к этим двум факторам»¹². Свобода при этом выступает как субстрат права, а равенство есть необходимая форма.

Выступая с позиций нравственного правопонимания, Соловьев утверждал, что «право (то, что требуется юридическим законом) есть низший предел, некоторый минимум, нравственности, равно для всех обязательный»¹³. При этом степень и способы реализации добра с помощью права зависят от уровня нравственного сознания общества и от других исторических условий.

Согласно Соловьеву, из сущности права как равновесия двух нравственных интересов (личной свободы и общего блага) вытекает, что общее благо может лишь ограничить личную свободу, но не упразднить ее. А государство им рассматривалось как «воплощенное право»¹⁴ и правовая организация общественного целого, признающая права и свободы личности и заключающая в себе полноту положительного права и единую верховную власть. Вместе с тем в духе христианского гуманизма и идеалов нравственной солидарности человечества Соловьев характеризовал государство «как собирательно-организованную жалость»¹⁵. Он считал, что согласно христианскому правилу общественного прогресса необходимо, чтобы государство «как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей»¹⁶. То есть Соловьев, по существу, защищал идеи не только о правовом, но и о социальном государстве, призванном обеспечить определенный набор социальных прав человека.

Свобода личности рассматривалась в качестве основной проблемы творчества Н.А. Бердяева. Права и свободы личности он освещал с позиций

¹¹ См.: Соловьев В.С. Нравственное право // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. С. 98.

¹² См.: Там же. С. 99.

¹³ См.: Там же. С. 108.

¹⁴ Соловьев В.С. Оправдание добра. М., 1996. С. 338.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Там же. С. 40–41.

разработанной им оригинальной философской концепции христианского персонализма¹⁷. В своем учении о свободе человека Н.А. Бердяев отличает личность от индивида. Индивид — категория биологическая, социологическая, а личность есть категория духовная. Именно в качестве личности человек есть микрокосм, универсум, а не часть или атом какого-то внешнего целого (общества, государства и т.д.)¹⁸.

Ключевое место в бердяевской концепции правопонимания занимают понятия абсолютных и неотчуждаемых прав человека, имеющих божественное (и духовное) происхождение и идущих от Бога, а не от природы, общества, государства. Корни этого права в том, что «от Бога происходит лишь свобода, а не власть»¹⁹. В иерархии ценностей личность выше государства: личность принадлежит вечности, несет в себе образ и подобие Бога, а государство лишено всего божественного и принадлежит времени и в отличие от личности никогда не войдет в Царство Божье. И хотя личность и государство пребывают в различных кругах бытия, эти круги «соприкасаются в небольшом отрезке»²⁰. Здесь речь идет о столкновении свободы и власти. В этом столкновении, по мнению Бердяева, друг другу противостоят абсолютные неотчуждаемые права человека и суверенитет государства или любой другой власти. Эту коллизию он решает в пользу верховенства личности и ее неотчуждаемых прав с позиций всеобщего и последовательного отрицания суверенитета любой власти в этом мире.

В трактовке Бердяева любое государство, если оно не имеет тоталитарных претензий, должно лишь признать свободу человеческой личности, которая изначально принадлежит человеку как духовному существу, а не дана ему какой-то внешней властью.

Вместе с тем, положительно оценивая сами идеи о неотчуждаемых правах человека, развитие в религиозных учениях о естественном праве, Бердяев в философско-концептуальном плане трактует эти неотчуждаемые права человека как именно духовные, а не естественные.

Необходимо отметить, что естественно-правовая теория на протяжении веков не была единственной в определении взаимосвязей индивида и государства, взаимодействия прав человека и государственной власти²¹.

¹⁷ Подроб. см.: Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993.

¹⁸ Подроб. см.: Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.

¹⁹ Там же. С. 311–314.

²⁰ Там же.

²¹ Так, на стадии своего возникновения (вторая половина XIX в.) естественно-правовой доктрине прав человека противостоял позитивизм. Свою основную задачу он видел в систематизации действующего законодательства. Согласно позитивизму, источником права и прав человека признавалось государство, которое стоит выше общества и формирует

Естественно-правовой доктрине противостоял и в значительной мере продолжает противостоять позитивистский подход к природе прав человека, взаимоотношениям человека и государства²², согласно которому права человека, их содержание и объем определяются государством. Задача в том, что различные мнения по этим проблемам не ограничиваются только научной сферой, а находят свое отражение в конституциях современных государств²³.

Современный этап развития государственности Российской Федерации имеет свое специфическое воздействие на конституционную доктрину, которая в себе обобщает как взгляды советского периода, так и подходы современных демократических государств. В данном случае важно то, что любое правовое государство должно подойти к делам общества с точки зрения гарантирования и защиты прав и свобод человека. Однако ограничение государственной власти правами человека не должно вести к абсолютной минимизации роли государства, так как оно является институтом, придающим общеобязательную силу правам и свободам человека и гражданина. В то же время ошибочно считать, что государства, признающие естественно-правовую теорию происхождения прав человека, против их позитивного закрепления²⁴, поскольку многие современные страны действуют в направлении смягчения противоположностей этих двух теорий²⁵. Поэтому необходимо применить такой гармоничный подход, когда позитивистская теория учтет нравственные стороны свободы, справедливости, достоинства и самоценности человека, а естественно-правовая доктрина будет иметь в виду, что, приобретая законодательное закрепление, права человека получают

общеобязательные законы. Кроме этого, в XIX в. формируется марксистское учение, которое своей главной задачей считало установление нового порядка, основанного на принципах демократии, справедливости, освобождение людей от эксплуатации и угнетений.

²² См.: Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М. : НОРМА, 2003. С. 22.

²³ Так, в конституциях Италии, Испании, США, Франции свое юридическое закрепление нашла естественно-правовая концепция прав человека, в конституциях Австрии, ФРГ — позитивистская. Однако различия в закрепленных нормах не имеют существенного значения, поскольку основные законы этих стран основаны на принципах защиты прав человека.

²⁴ Так, права и свободы человека, не закрепляясь в законодательных правовых актах государства, выступают достаточно неопределенно и затрудняют реализацию государством функции их обеспечения и защиты.

²⁵ В частности, в России любая дискуссия по конституционным правам граждан и их защите содержит борьбу различных концептуальных подходов (монистическая, дуалистическая, фундаментальная и др.). (См.: Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М. : Норма, 2008; Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. № 11. С. 1–13; Пашин С. Новые возможности развития судебной системы России // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1997. № 2. С. 16–23; Малышева А. Интервью с судьей Конституционного Суда Российской Федерации Тамарой Морщаковской // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1997. № 3–4. С. 14–18; и др.).

дополнительную силу, а государство обязуется обеспечить и защитить права человека²⁶.

Современные государства не могут не признать комплекс прав, необходимых для достойной жизнедеятельности человека (право на жизнь, неприкосновенность достоинства, личности, жилища и др.), которые принадлежат ему с момента его рождения. Однако естественные права человека могут полностью защищаться только после получения юридической формулировки. То есть государство обязано конституционно закреплять, обеспечивать и защищать эти права и свободы, поскольку смысл существования и конечная цель деятельности государства — защита прав и свобод человека.

Исходя из этого, в наши дни конституционная практика развитых государств в определенной мере смягчила противостояние естественно-правовых и позитивистских подходов к проблеме прав человека закреплением его основных прав и свобод, и, как следствие, исключив попытки насилия и незаконных действий по отношению к личности со стороны государства, признав автономию человека, приоритет его прав и свобод по отношению к государству. В связи с этим Конституция Российской Федерации закрепляет широкий перечень прав и свобод человека и гражданина, что соответствует духу современной мировой конституционной практики. Вместе с тем эти общечеловеческие ценности обеспечиваются системой гарантий и необходимыми средствами защиты.

Универсализация прав человека в современном мире проводится под лозунгами гуманитарной интервенции и нередко сопровождается вмешательством со стороны некоторых стран и их коалиций во внутренние дела других стран под правозащитным предлогом с целью реализации своих политических и экономических интересов. Это актуализирует проблему взаимосвязи государственного суверенитета и области прав человека.

Вспомним еще об одной характеристике российского государства, закрепленной косвенно. Несмотря на то что термин «суверенное государство» Конституция РФ — в отличие от ряда зарубежных конституций (Португалии, Армении, Молдовы, Словакии, Вьетнама и др.) — не использует, принцип государственного суверенитета вытекает из ст. 4. И хотя по формулировке он ограничен внутренней территориальной составляющей, но в Постановлении Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П был расшифрован подробнее, в том числе как предполагающий «независимость в международном общении» (п. 2.1 мотивировочной части)²⁷.

²⁶ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000. С. 160.

²⁷ Болдырев О.Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Ч. 1: Государство по Конституции 1993 года: на бумаге и в жизни // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9. С. 3–8.

Применительно к России некоторые авторы, например А.И. Ковлер, называют: «...передача части полномочий государства — это, по сути, уступка части суверенитета» (хотя дальше он оговаривает свою позицию о том, что это делается «ради высокой цели, каковой является защита основных прав и свобод человека»)²⁸.

С позиции этого современного подхода к данной проблеме государство может считаться суверенным только при условии, что оно реализует волю народа и что его система управления демократична. Государство имеет право на максимально полное осуществление политической власти в объемах и способами, установленными народом. Ограничение государственного суверенитета возможно в форме непосредственной демократии.

Реальность развития международных отношений и осуществления внешнеполитической деятельности не позволяет говорить о стопроцентной независимости государства при определении и реализации внутренней политики. И дело не только в суверенитете народа, о котором говорилось ранее и который на сегодняшний день является единственным нормативно закрепленным на уровне основного закона страны средством, ограничивающим государственный суверенитет.

Международным сообществом и сферой практической реализации внешних отношений выработан ряд способов вмешательства во внутренние дела государства, независимо от его согласия как независимого участника международных отношений и верховного субъекта в пределах своей территории. Вот некоторые из них, наиболее часто применяемые и имеющие формальное выражение процедуры.

Во-первых, объем внутреннего суверенитета государства существенно уменьшился за счет международных договоренностей по правам человека.

Во-вторых, в последние три десятка лет довольно часто имеют место так называемые гуманитарные интервенции — мероприятия, проводимые под эгидой ООН, связанные с применением военной силы в отношении государств, для предотвращения уничтожения национальной, религиозной, культурной этнической групп, гуманитарной катастрофы, геноцида и т.д.

В-третьих, способом вмешательства во внутренние дела государства и ограничения верховенства его власти выступают миротворческие операции, для планирования, разработки и координации которых в 1992 г. при ООН был создан специальный Департамент операций по поддержанию мира.

Кроме того, в международном праве продолжает развиваться тенденция изменения понимания суверенитета государства или тенденция несовпадения конструкции суверенитета, формализованного в национальном праве,

²⁸ Ковлер А.И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2. С. 83.

с конструкцией суверенитета международного права. Так, под эгидой ООН была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, которая в 2001 г. предложила концепцию государственного суверенитета, названную концепцией «обязанность защищать» (The responsibility to protect (RtoP or R2P)). Официально она закреплена Резолюцией Совета Безопасности ООН 1674 28 апреля 2006 г. и признана в качестве нормы международного права. Суть концепции сводится к тому, что суверенитет — это не привилегия государства, а его обязанность по защите людей, проживающих в пределах границ этих государств, от массовых преступных злодеяний (геноцид, военные преступления, преступления против человечности, национальные чистки). За неисполнение этой обязанности государства ответственны не только перед своими гражданами, но и перед международным сообществом. Если у государства нет возможности и (или) политической воли исполнить указанную обязанность, то это делает возможным для международного сообщества вмешаться во внутреннюю политику государств с целью предотвращения гуманитарных катастроф.

Таким образом, права и свободы человека как важнейшие правовые и культурные ценности любой цивилизации должны находиться в центре бурных процессов развития любого общества, выступать проводником для всех областей деятельности государства, обеспечивать стабильное развитие общества, оправдать смысл и цель существования государства.

Балаян Э.Ю.,

доцент кафедры государственного и административного права
Юридического института Кемеровского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Кемерово)

Литература

1. Балаян Э.Ю. Защита прав человека и гражданина как обязанность государства: конституционно-правовое исследование / Э.Ю. Балаян. Кемерово : Кемеровский институт (филиал) РГТЭУ, 2010.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря / Н.А. Бердяев ; составитель и автор послесловия П.В. Алексеева ; подготовка текста и примечания Р.К. Медведевой. Москва : Республика, 1995.
3. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека : сборник / Н.А. Бердяев ; автор вступительной статьи П.П. Гайденко ; примечания Р.К. Медведевой. Москва : Республика, 1993.
4. Болдырев О.Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 1. Государство по Конституции 1993 года: на бумаге и в жизни / О.Ю. Болдырев // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 9.

5. Габриелян Э.В. Суверенитет и права человека в условиях глобальной модернизации / Э.В. Габриелян // Правоведение. 2013. № 4 (309).
6. Ковлер А.И. Государственный суверенитет и «суверенитет прав человека» / А.И. Ковлер // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2.
7. Конституционное законодательство России / Г.А. Гаджиев, В.П. Кашепов, Н.М. Колосова [и др.] ; под редакцией Ю.А. Тихомирова. Москва : Городец, 1999.
8. Лазарев Л.В. Конституционный Суд России и развитие конституционного права / Л.В. Лазарев // Журнал российского права. 1997. № 11.
9. Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век / И.И. Лукашук. Москва : Спарк, 2000.
10. Малышева А. Интервью с судьей Конституционного Суда Российской Федерации Тамарой Морщаковской / А. Малышева // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1997. № 3–4.
11. Нерсисянц В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсисянц. Москва : ИНФРА-М : Норма, 1997.
12. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве : два типических построения в области философии права / П.И. Новгородцев. Москва : Университетская типография, 1901.
13. Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI–XIX вв. / П.И. Новгородцев. 3-е изд. Москва : Высшая школа, 1914.
14. Пашин С. Новые возможности развития судебной системы России / С. Пашин // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 1997. № 2.
15. Права человека / ответственный редактор Е.А. Лукашева. Москва : Норма, 2003.
16. Соловьев В.С. Нравственное право / В.С. Соловьев // Власть и право : из истории русской правовой мысли : сборник / составители : А.В. Поляков, И.Ю. Козлихин. Ленинград : Лениздат, 1990.
17. Соловьев В.С. Оправдание добра / В.С. Соловьев ; вступительная статья А.Н. Голубева, Л.В. Коноваловой ; примечание А.Н. Голубева [и др.]. Москва : Республика, 1996.
18. Туманов С.Н. Суверенитет государства: верховенство власти и способы его ограничения / С.Н. Туманов // Правовая культура. 2016. № 3 (26).
19. Шавцова А.А. Взаимодействие понятий «права человека» и «государственный суверенитет» / А.А. Шавцова // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы : сборник научных статей. В 2 томах. Т. 2. Проблемы унификации законодательства в Содружестве Независимых государств и Европейском Союзе / редакторы : С.А. Балашенко, Г.А. Василевич, А.А. Войтик [и др.]. Минск : Издательский центр БГУ, 2008.
20. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. Москва : Норма, 2008.

Конституционные реформы и современное конституционное право России: основные тенденции взаимовлияния и качественное состояние

Конституционные преобразования, проводимые в современном государстве, всегда имеют различные предпосылки и социально-политические причины. Они не всегда учитывают сложившуюся политико-правовую обстановку, но в любом случае отражаются на качественном состоянии конституционно-правового регулирования и конституционного права в целом.

Конституционные реформы всегда должны исходить из верховенства Конституции РФ, ее высшей юридической силы и обуславливать процесс конституционализации, который сегодня предполагает дорогу с двусторонним движением, а именно не только проникновение и развитие конституционных положений в отраслевом национальном законодательстве, но и возведение на уровень текста Конституции РФ тех отраслевых положений, которые подлежат конституционному регулированию в силу их особой значимости (например, положения ст. 67.1, 75 Конституции РФ, вбирающие в себя нормы семейного, трудового права, права социального обеспечения). И здесь важно понимать и учитывать, что даже ключевые положения каждой отрасли национального права не «уместятся» в Конституции РФ, ее текст должен быть слитным, лаконичным и не может бесконечно прирастать. Поэтому с учетом верховенства Конституции РФ и ее высшей юридической силы акцент должен фокусироваться на развитии и конкретизации конституционных положений в отраслевом национальном законодательстве.

Как центр правовой системы, Конституция РФ закладывает правовые основы для гармоничного развития государства и общества в целом. Конституция является не только фундаментально-ценностной и нормативно-правовой ее основой, но и скрепой и социально-правовым ориентиром конституционного развития государства, укрепления в нем конституционного правопорядка. Поэтому, когда возникают какие-либо предложения и тенденции к трансформации текста Конституции, сразу возникают сомнения в обоснованности и необходимости таковых. Как стороннику конституционной стабильности, автору не раз приходилось отстаивать подход, что Конституцию РФ не следует изменять до тех пор, пока такие изменения останутся

единственно верным решением на пути укрепления конституционализации и конституционного правопорядка¹.

Соглашаясь с мнением о том, что конституционные реформы необходимо осуществлять последовательно и без изменения основ конституционного строя России², автор всегда исходил из того, что конституционные преобразования в основном следует проводить без текстуальных изменений Конституции РФ³, поскольку такие изменения — это допустимая при определенных обстоятельствах крайность. Затруднительно принять позиции авторов, которые являются активными сторонниками изменения действующей Конституции РФ⁴. Мало того, конституционную стабильность можно рассматривать не только как цель, но и как конституционную ценность⁵, а ее нарушение необходимо рассматривается в числе конституционных рисков и угроз для правопорядка⁶.

Поскольку Конституция Российской Федерации — уникальный правовой документ, комплексно регулирующий основополагающие отношения и обладающий особыми чертами (стабильность, реальность и т.д.) и юридическими свойствами (юридическим верховенством, высшей юридической силой и др.), видится, что такие качества Конституции РФ должны ориентировать конституционного законодателя не только на осторожность и аккуратность в ее текстуальной корректировке, но и на комплексный, обоснованный и сбалансированный подход в реализации таких преобразований. Очевидна взаимосвязь конституционной стабильности, реальности Конституции РФ с ее юридическим верховенством, высшей юридической силой, прямым действием (ст. 4, 15). Когда система общественных отношений пронизана смыслом

¹ См.: Безруков А.В. Обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации в контексте конституционализации отраслей национального права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 13–17; Безруков А.В. Стабильность Конституции Российской Федерации и конституционные преобразования: возможности сочетания и реализации // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 5–7.

² Скуратов Ю.И. Развитие Конституции Российской Федерации 1993 года: поправки в Конституцию или конституционная реформа // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 45–47.

³ Возможно, следует вести речь об исключительном характере внесения поправок к Конституции РФ, что отмечено в доктрине. См., напр.: Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 — начале 21 вв.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 12, 38.

⁴ См., напр.: Исаков В.Б. Конституция, по которой невозможно жить // Конституционный вестник. 1994. № 1. С. 33–35; Кондрашев А.А. Конституция России: дефекты принятия и содержания. Преобразования, поправки или пересмотр? // Государство и право. 2016. № 2. С. 32–35; Лукьянова Е.А. Конституционные риски. М., 2015. С. 65.

⁵ О ценности стабильности Конституции также см.: Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М., 2016. С. 5–7.

⁶ Безруков А.В. Реализация идеи конституционализации правопорядка в условиях выявления, минимизации и устранения конституционных рисков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 44–56.

и духом Конституции, реальной конституционностью, тогда можно утверждать как о реальности Конституции, так и о признании ее достаточно устойчивой общественно-правовой ценностью. И когда грани устойчивости становятся подвижны, закономерно возникают вопросы и сомнения в обоснованности и необходимости таких перемен.

Конституция Российской Федерации в 2023 г. преодолевает 30-летний рубеж, продолжая действовать уже несколько десятков лет, лишь только в 2020 г. была подвержена серьезной содержательной модернизации, сконцентрированной в основном на изменении конфигурации публичной власти в России, основных направлений социально-экономической и политической модернизации, перераспределении и расширении властных полномочий федеральных органов государственной власти⁷.

Анализ проводимых конституционных преобразований и закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. выявил три основные тенденции:

— укрепление государственного единства и территориальной целостности Российского государства в переплетении с социально ориентированными положениями Конституции РФ, основанными на установленных в гл. 1 Конституции РФ базовых конституционных ценностях правового демократического социального федеративного государства, где человек, его права и свободы — высшая ценность (ст. 1, 2, 4, 5, 7 Конституции РФ);

— установленная поправочным законом категория и идея «единства публичной власти» во многом назрела и обоснованно введена на конституционном уровне, однако в представленном виде она не вполне соотносится с положениями ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления и отделении органов местного самоуправления от органов государственной власти;

— изменяется конфигурация публичной власти, помимо тенденции сближения государственной и муниципальной власти, ощутимо изменяются (перераспределяются, расширяются, урезаются) полномочия многих федеральных органов государственной власти. Хотя уже с целью укрепления единства

⁷ Первые оценки таких реформ авторитетными учеными уже появились в периодической печати. См., напр.: Авакьян С.А. Проект законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–43; Безруков А.В. Конституционная реформа: основные направления и пути совершенствования конфигурации публичной власти в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 3–9; Кокотов А.Н. Конституционный Суд России и макроправовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 3–7; Румянцев О.Г. Конституционная реформа — 2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 6–32; Бабурин С.Н. О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 году // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 119–121.

и консолидации публичной власти, совершенствования взаимодействия государственного и муниципального уровней публичной власти, конкретизации конституционных принципов учеными предлагается включить в Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» статью, закрепляющую перечень предметов совместного ведения государственных и муниципальных органов власти⁸.

В любом случае такие преобразования качественно изменили предмет конституционного права, проникли в различные конституционно-правовые институты и модернизировали конституционно-правовые отношения.

Таким образом, конституционные преобразования неизбежно определяют содержание и качественное наполнение предмета конституционного права. Причем здесь важны как содержание и процедура проводимых преобразований, так и их результат.

Проводимые конституционные реформы могут позитивно и негативно наполнять содержание конституционной доктрины, законодательства и практики. Например, конституционная реформа 2020 г. показала особую значимость закона РФ о поправке к Конституции РФ, усложнила процедуру его принятия и вступления в силу, дополнив ее участием Конституционного Суда РФ и вынесением поправок на общероссийское голосование.

Законодатель не стал изменять общий порядок принятия поправок к Конституции РФ и прописал этот усложненный алгоритм в конкретном Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». С одной стороны, мы получили более легитимную процедуру принятия и одобрения поправочного закона, обогатили конституционную практику и создали почву для осмысления доктрины. С другой стороны, в конституционном законодательстве остались дефектные, противоречащие друг другу конституционно-правовые нормы. Поэтому и оценка таких преобразований не может быть однозначной.

Аналогичную ситуацию мы наблюдали в 2014 г. при принятии в состав Российской Федерации Республики Крым, когда законодатель соединил в одной две разные процедуры — принятия и образования нового субъекта РФ: приняли Крым и одновременно образовали город федерального значения Севастополь, а положения Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» не предусматривают такой возможности и по-прежнему не скорректированы.

⁸ См.: Безруков А.В. Указ. соч. С. 3–9; Чеботарев Г.Н. Как укрепить единую систему публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 19–22.

Это еще один пример развития конституционной практики вразрез с общим установленным конституционным порядком. Как оценивать такие конституционные преобразования? Налицо формальная недоработка законодателя, которую давно пора устранить и предусмотреть в указанном ФКЗ такую возможность.

Содержание и концепция конституционных преобразований должны быть всегда ориентированы на совершенствование и укрепление важнейших конституционно-правовых институтов, эффективное обеспечение прав человека и гражданина, оптимизацию функционирования и взаимодействия органов публичной власти, укрепление конституционного правопорядка.

Конституционные реформы должны совершенствовать и качественно укреплять единство системы и предмет конституционного права. Новые конституционные нормы должны цементировать соответственно конституционно-правовые институты и последовательно развивать конституционно-правовые отношения. Именно работа в рамках этого треугольника «норма — институт — отношение» должна проводиться при конституционном реформировании. Уже на старте конституционных преобразований следует понимать, как предлагаемые нормы гармонично впишутся в тот или иной конституционно-правовой институт и систему конституционного права в целом, насколько полно и эффективно будут реализованы соответствующие конституционно-правовые отношения.

Только аккуратное, качественное и последовательное проведение конституционных преобразований — залог успешного конституционного развития, а именно как Конституции РФ, так и конституционного законодательства, практики и доктрины, предмета конституционного права в целом.

И если мы проводим конституционные преобразования и идем на изменение текста федеральной Конституции, то в таком случае необходимо, во-первых, продумать концептуальную основу таких реформ, привлечь компетентных ученых и практиков к работе над конституционным проектом; во-вторых, проработать вопрос исправления имеющихся дефектов и учета современных достижений конституционной доктрины и практики в новом тексте Конституции РФ; в-третьих, сформулировать прогноз относительно последствий и убедиться в своевременности проводимых преобразований.

С учетом изложенного, необходимо выделить критерии допустимости и потребности проведения конституционных преобразований, в их числе можно предложить такие как:

1. Своевременность и последовательность проведения конституционных реформ. Предлагаемые преобразования должны учитывать социально-по-

литическую и общественно-правовую ситуацию в стране, должны последовательно решать намеченные цели и задачи такой реформы, быть логически выстроены и осмыслены.

2. Обоснованность и необходимость преобразований заключается в том, что инициаторы таких поправок должны довести до юридической общественности и граждан необходимые аргументы и доводы, свидетельствующие о реальной потребности предлагаемых реформ и в высокой степени вероятностном прогнозе наступления определенных неблагоприятных последствий в случае их непроведения.

3. Качественная проработка концепции и содержания иницилируемых конституционных преобразований. Концептуальная основа конституционной реформы должна иметь четкую структуру и содержание, соотноситься с действующими нормативными правовыми актами; должно быть понимание необходимости изменения содержания законодательства; следует учитывать политическую обстановку и минимизировать/исключать конституционные риски массового общественного несогласия. Для этого необходимо привлекать институты общественности к разработке конституционных поправок и принимать во внимание их позицию.

4. Просчет и прогноз социально-политических и общественно-правовых последствий проводимой реформы. Инициаторы и реформаторы должны четко понимать и довести до общественности, к каким последствиям приведут или смогут привести проводимые преобразования конституционного законодательства.

Таким образом, оценивая в целом возможность и целесообразность проведения конституционных реформ, всегда следует исходить из их необходимости и обоснованности, ориентироваться на предложенные критерии их допустимости и всегда учитывать, насколько такие преобразования социально полезны, каким образом они качественно отразятся на содержании конституционной доктрины, законодательства и практики и в целом насколько эффективно совершенствуют структуру и предмет российского конституционного права.

Безруков А.В.,

профессор кафедры конституционного,
административного и муниципального права

Юридического института Сибирского федерального университета;

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

Сибирского юридического института Министерства внутренних дел

Российской Федерации, доктор юридических наук

(г. Красноярск)

Литература

1. Авакьян С.А. Проект законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1.
2. Аничкин Е.С. «Преобразование» Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце 20 — начале 21 вв. : автореферат диссертации доктора юридических наук / Е.С. Аничкин. Тюмень, 2010.
3. Бабурин С.Н. О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 году / С.Н. Бабурин // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23).
4. Безруков А.В. Обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации в контексте конституционализации отраслей национального права / А.В. Безруков // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9.
5. Безруков А.В. Стабильность Конституции Российской Федерации и конституционные преобразования: возможности сочетания и реализации / А.В. Безруков // Российская юстиция. 2017. № 3.
6. Исаков В.Б. Конституция, по которой невозможно жить / В.Б. Исаков // Конституционный вестник. 1994. № 1.
7. Кокотов А.Н. Конституционный Суд России и макроправовое регулирование / А.Н. Кокотов // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3.
8. Кондрашев А.А. Конституция России: дефекты принятия и содержания. Преобразования, поправки или пересмотр? / А.А. Кондрашев // Государство и право. 2016. № 2.
9. Лукьянова Е.А. Конституционные риски : учебно-методическое пособие / Е.А. Лукьянова. Москва : Кучково поле, 2015.
10. Румянцев О.Г. Конституционная реформа — 2020 в Российской Федерации: пристрастная оценка / О.Г. Румянцев // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23).
11. Скуратов Ю.И. Развитие Конституции Российской Федерации 1993 года: поправки в Конституцию или конституционная реформа / Ю.И. Скуратов // Российский юридический журнал. 2009. № 3.
12. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире : монография / Т.Я. Хабриева. Москва : Наука, 2016.
13. Чеботарев Г.Н. Как укрепить единую систему публичной власти? / Г.Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3.

К вопросу о правовых механизмах реализации народного суверенитета в Российской Федерации

Социально-политические и идейно-теоретические составляющие концепции имеют свои истоки еще с античных времен¹, а именно с периода образования первых полисов. Понятие суверенитета достаточно часто используется в различных отраслях наук, при этом ученые наделяют его все новыми отличительными характеристиками, такими как: территориальный, культурный, экономический, расовый², лекарственный, продовольственный, реальный, информационный и цифровой, энергетический суверенитет и др.³.

Многokратный интерес к правовому содержанию народного, государственного и национального суверенитета обусловлен рядом причин: с одной стороны, возрастающей ролью отечественной правовой идентичности в связи с процессами трансформации российской конституционно-правовой модели, с другой — запросом населения на осуществление прямого народовластия на местном уровне. Последнее крайне важно, поскольку суверенитет, как «высшая власть»⁴, должен обладать такими свойствами, которые позволяют его носителям участвовать в ее (власти) осуществлении.

В результате проведенного опроса граждан, членов представительного органа муниципального образования город Челябинск, практикующих юристов, не связанных с наукой конституционного права, на предмет понимания сущности суверенитета нам удалось выяснить следующее: 91 респондент из 100 опрошенных понимают суверенитет как синоним независимости. При этом у 89-ти суверенитет ассоциировался исключительно с государством и его независимостью от внешнего воздействия иных государств, иммунитетом, в том числе от мнения иностранных политиков. Лишь два респондента, которые оказались студентами юридического факультета, имеют четкое представление о категории «суверенитет» и его формах,

¹ Ильин И.М. Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 2. С. 97.

² Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 65.

³ Темы докладов участников XXIV ежегодной Международной научно-практической конференции «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы». URL: <https://msal.ru/upload/iblock/165/p3wsuubk83qs5h0xkqw0g2180svabo491.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 4. С. 6.

описываемых в доктрине конституционализма. К сожалению, остальные опрошенные ничего не смогли сказать о народном суверенитете и совершенно не связали это понятие с конституционными нормами о верховенстве власти народа. Психологическая реакция граждан на утверждение о том, что они, как часть народа, и есть носители суверенитета, в основном характеризуется как неприятие и обосновывается отсутствием доверия к органам публичной власти. Более половины респондентов ответили: «за нас все решено, “они” (подразумевая государственную и муниципальную власть) сделают все, как “им надо”». А на вопрос об осведомленности о существующих способах и механизмах реализации народного суверенитета большинство ответило отрицательно. Тем не менее следует отметить, что, несмотря на отсутствие сформированного понимания народного суверенитета, жители города Челябинска достаточно активны в вопросах возвращения прямых выборов глав муниципальных образований в Челябинской области и против существующего порядка, согласно которому глава города Челябинска избирается Челябинской городской Думой из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса⁵.

Так, в июле 2023 г. граждане создали инициативную группу для проведения референдума, на котором планировали поставить следующий вопрос:

«Согласны ли Вы, что Глава муниципального образования Челябинской области предусмотренным в статье 3-1 Закона Челябинской области от 11 июня 2015 г. № 189-ЗО “О некоторых вопросах правового регулирования организации местного самоуправления в Челябинской области” правом должен избираться на муниципальных выборах и возглавлять местную администрацию».

Избирательная комиссия Челябинской области зарегистрировала инициативу о проведении референдума, после чего передала документы в Законодательное Собрание Челябинской области. Однако члены законодательного органа субъекта отклонили вопросы референдума о возвращении прямых выборов глав муниципалитетов⁶. Свое решение некоторые депутаты пояснили тем, что референдум проводится в том случае, если вопросы, которые он поднимает, не урегулированы Конституцией или федеральными законами. В данном случае вопросы, поставленные инициативной группой для вынесения на референдум, уже решены и предусмотрены в законодательстве.

⁵ Устав муниципального образования «город Челябинск» (принят решением Челябинской городской Думы от 26 мая 2015 г. № 9/2). Ч. 2 ст. 33 // Вечерний Челябинск. 2015. 5 июня.

⁶ Постановление Законодательного Собрания Челябинской области от 11 августа 2023 г. № 1806 «О вопросах, предложенных инициативной группой по проведению референдума Челябинской области для вынесения на референдум Челябинской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

Данное решение было принято без заседания представительного органа, путем заочного опроса.

Стоит отметить, что в мае текущего года инициативная группа граждан в Республике Коми также пыталась провести референдум и вынести на него вопрос: «Должно ли законом Республики Коми быть установлено, что в муниципальных районах, муниципальных округах, городских округах в Республике Коми главы муниципальных образований избираются на муниципальных выборах?» Но Государственный Совет Республики Коми вынес постановление, что предлагаемый вопрос для вынесения на референдум не соответствует требованиям п. 2, 6 и 7 ст. 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁷.

Согласно ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁸ глава муниципального образования в соответствии с законом субъекта Российской Федерации и уставом муниципального образования избирается на муниципальных выборах, либо представительным органом муниципального образования из своего состава, либо представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. Из положений Федерального закона № 131-ФЗ следует, что установление порядка избрания главы муниципального образования относится к полномочиям законодательного органа субъекта Российской Федерации.

Порядок избрания главы Челябинского городского округа регламентирован Законом Челябинской области от 10 июня 2014 г. № 703-ЗО «Об осуществлении местного самоуправления в Челябинском городском округе», в соответствии со ст. 4 которого глава Челябинского городского округа избирается Челябинской городской Думой из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию, а глава внутригородского района избирается представительным органом внутригородского района из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, и возглавляет местную администрацию.

Представляется очевидным, что запрос на возврат прямых выборов мэров крупных городов назрел. В Ярославле, Томске, Екатеринбурге и других

⁷ Постановление Государственного Совета Республики Коми от 21 июня 2023 г. № VII-7/89 «О вопросах, предлагаемых для вынесения на референдум Республики Коми инициативной группой по проведению референдума Республики Коми» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.11.2023).

⁸ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 02.11.2023) // Российская газета. 2003. 8 октября.

городах общественные организации и политические партии выходят с инициативой вернуть прямые выборы. Это вызвано тем, что система так называемых выборов через представительные органы власти показала себя крайне неэффективной. Мэры не несут ответственности перед жителями, они их не избирали. Эксперты Комитета гражданских инициатив в июне 2023 года сравнили две модели работы муниципалитетов — тех, где «мэров — профессиональных управленцев» назначают, с теми, где «мэров — народных представителей» избирают по старой схеме. Авторы отметили снижение стабильности муниципального управления там, где мэры не избираются населением. По соцопросам, 70% населения выступают за прямые выборы мэров и депутатов. В связи с этим представляется целесообразным принятие законопроекта, возвращающего муниципальные выборы глав городских округов на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Принятие данного законопроекта позволит не только учесть мнение большинства жителей Челябинской области, обладающих активным избирательным правом, но и реализует общедемократические принципы организации органов местного самоуправления, которые отражены в Конституции Российской Федерации⁹.

Безуспешные попытки населения выразить свой суверенитет путем проведения референдума демонстрируют негативную тенденцию следующего толка: когда выявлением народной воли и выбором механизма ее реализации, будь то референдум, свободные выборы или общероссийское голосование, занимаются органы государственной власти, то де-юре конституционная модель народного суверенитета осуществляется безоговорочно. Если же инициатива проявления своей воли исходит от народа, то механизм проявления народного суверенитета оказывается парализован политическими силами. Возникает вопрос: кто правит? Согласимся с мнением уважаемого советского и российского ученого-правоведа С.А. Авакьяна, что, приходя к власти благодаря избранию народом, органы управления одну за другой отсекают возможности инструментов прямого властвования. И если нельзя выносить на референдум вопросы, которые по законодательству отнесены к ведению органов государственной власти, в таком случае любой вопрос можно закрепить за тем или иным государственным органом, на местном уровне — за органом местного самоуправления. И тогда что остается населению?¹⁰

⁹ Пояснительная записка к проекту Закона Челябинской области «О внесении изменений в Закон Челябинской области "Об осуществлении местного самоуправления в Челябинском городском округе"» // Официальный сайт Законодательного Собрания Челябинской области. URL: <https://zs74.ru/session/40-zasedanie-zakonodatel'nogo-sobraniya-chelyabinskoy-oblasti-1> (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁰ Авакьян С.А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2. С. 7.

Суверенная власть народа проявляется не только в перечисленных формах, но и в местном самоуправлении. Пятая глава Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит открытый перечень форм участия граждан в местном самоуправлении, где также закреплены референдум и выборы. При этом обращают на себя большое внимание иные формы участия граждан, и особенно те, посредством которых решаются вопросы местных финансов: сход граждан, публичные слушания по проекту бюджета и инициативные проекты. И если на сходе граждан население явно выражает свой суверенитет, то в остальных формах последнее слово остается за органами публичной власти, невзирая на мнение и волю граждан.

Отсутствие обязательного характера итогов публичных слушаний по проекту бюджета сродни не их правообразующему действию, а, по сути, процессу всего лишь восприятия информации для населения. И, как видим, никакого воздействия волеизъявления народа на бюджет муниципального образования не оказывается, в то время когда у граждан есть острые вопросы, которые возможно решить лишь с помощью местных финансов.

Если рассматривать форму участия граждан как инициативные проекты, цель которых заключается в участии граждан по определению приоритетных направлений расходования части местного бюджета на решение наиболее значимых вопросов для жителей муниципального образования, то и эта форма далека от истинного народовластия, не говоря уже о месте народного суверенитета в механизме реализации инициативных проектов.

Так, название пятой главы закона о местном самоуправлении говорит само за себя, т.е. о формах непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в нем. В ней отсутствуют юридические лица в форме коммерческих организаций или индивидуальные предприниматели, но при этом они допускаются к участию в инициативных проектах. Также к участию допускаются муниципальные бюджетные учреждения, финансовые средства для которых ранее уже учтены в проекте местного бюджета и утверждены представительным органом. И практика показывает¹¹, что сегодня большая часть бюджетных средств, предусмотренных для реализации инициативных проектов, направляется именно на проекты, инициаторами которых является не население. В связи с этим назрела острая необходимость говорить уже о бюджетном суверенитете граждан как о самостоятельном правовом институте и как одной из составных частей народного суверенитета. Подобный подход позволит обезопасить местный бюджет от коррупционных и иных негативных факторов, сохранить способность

¹¹ Боярская О.В. Инициативные проекты в местном самоуправлении: демократический институт или коммерческий интерес? // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 4. С. 39.

граждан на самостоятельное и независимое принятие решений в определении расходования части бюджетных средств для разрешения волнующих, острых проблем населения.

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод, что существующие формы проявления народного суверенитета еще требуют полного принятия и осознания их сущности на разных уровнях, включая уровень конституционной психологии¹² как со стороны населения, так и со стороны органов публичной власти. А также необходимо дальнейшее доктринальное исследование новых институтов проявления народного суверенитета с целью прихода к его истинному смыслу, установленному Конституцией России.

Боярская О.В.,

аспирант кафедры конституционного и административного права
Юридического института Южно-Уральского государственного университета,
депутат Челябинской городской Думы
(г. Челябинск)

Литература

1. Авакьян С.А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты / С.А. Авакьян // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 2.
2. Боярская О.В. Инициативные проекты в местном самоуправлении: демократический институт или коммерческий интерес? / О.В. Боярская // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 4.
3. Ильин И.М. Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика / И.М. Ильин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 2.
4. Мусихин Г.И. Классификация теорий суверенитета как попытка преодоления «концептуального эгоизма» / Г.И. Мусихин // Общественные науки и современность. 2010. № 1.
5. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта / А.А. Сергунин // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. № 4.
6. Титова Е.В. Конституционная психология и социально-психологический механизм действия конституции как предмет конституционного диалога / Е.В. Титова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121).

¹² Титова Е.В. Конституционная психология и социально-психологический механизм действия конституции как предмет конституционного диалога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 40.

Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по охране государственного суверенитета Российской Федерации

Суверенитет Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, распространяющийся на всю ее территорию, закреплен Конституцией Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя (ст. 4, ч. 1). Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации, согласно Конституции Российской Федерации, является ее многонациональный народ (ст. 3, ч. 1), который, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов и возрождая суверенную государственность России, принял Конституцию Российской Федерации (преамбула).

Суверенитет, предполагающий, по смыслу ст. 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус. Соответствующая правовая позиция нашла свое отражение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 07.06.2000 №10-П¹.

Конституционный Суд Российской Федерации, являясь в силу ст. 125 Конституции Российской Федерации высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. Однако современные вызовы трансформируют задачи, стоящие перед российским органом конституционного правосудия; реализация им правозащитной функции нередко требует и принятия мер по охране государственного суверенитета. Игнорирование данного вопроса объективно снижало бы эффективность

¹ Российская газета. 2000. 21 июня.

гуманистической направленности работы Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку обеспечение качественного функционирования всех признаков, составляющих конституционно-правовой статус государства как публичного субъекта, является одной из важнейших гарантий реализации предоставленных человеку и гражданину прав и свобод.

Государственный суверенитет — присущее государству верховенство на своей территории (внутренний суверенитет) и независимость в осуществлении международных отношений (внешний суверенитет)². В год 30-летия со дня принятия Конституции Российской Федерации актуальным представляется анализ того, как принимаемые Конституционным Судом Российской Федерации меры по охране государственного суверенитета оказывают влияние на защиту прав и свобод человека и гражданина.

Государственный суверенитет Российской Федерации на практике объективно предстает именно тем элементом ее конституционно-правового статуса, который связывает воедино все остальные его части. Так, именно посредством государственного суверенитета определяются исключительные предметы ведения Российской Федерации, ее субъектов, а также предметы совместного ведения, следовательно, дифференцируется по составу и юридической силе нормативная база, формирующая правовое пространство. Государственный суверенитет выступает звеном, связующим такие элементы конституционно-правового статуса Российской Федерации, как территория и государственный аппарат, поскольку гарантирует всю полноту власти последнему в границах государства. Государственный суверенитет влияет и на возможности публичных органов и их должностных лиц по применению мер принуждения к различным категориям населения, и на исключение из числа вопросов, которые могут быть вынесены на референдум, решений, которые прямо или косвенно могут оказать влияние на бюджетную политику. В то же время именно государственный суверенитет Российской Федерации служит основой для формирования и развития инструментов реализации прав и свобод человека и гражданина.

Начиная с 1994 г. вопросы государственного суверенитета Российской Федерации нередко становились предметом спора, рассматриваемого Конституционным Судом Российской Федерации. При этом на протяжении первых 6–8 лет суть таких разбирательств касалась установления взаимоотношений между самим государством и регионами. Одним из ключевых судебных актов этого периода объективно можно считать уже упомя-

² Цечоев В.К. Теория государства и права : учебник. М., 2017. С. 158.

нутое выше Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П, в котором российский орган конституционного контроля высказался о том, что по смыслу преамбулы, ст. 3, 4, 5, 15 (ч. 1), 65 (ч. 1), 66 и 71 (п. «б») Конституции Российской Федерации ни республики, ни иные субъекты в составе Российской Федерации не обладают суверенитетом, следовательно, не вправе наделить себя свойствами суверенного государства. Закрепление в Конституции Российской Федерации характеристики республик как государства лишь отражает определенные особенности их конституционно-правового статуса, связанные с факторами исторического, национального и иного характера. Иной подход к решению данного вопроса нарушил бы конституционное равноправие субъектов Российской Федерации, сделал бы невозможным его осуществление в принципе, поскольку субъект Российской Федерации, не обладающий суверенитетом, по своему статусу не может быть равноправным с суверенным государством. Аналогичная правовая позиция впоследствии нашла свое отражение и в Определении Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 92-О³, и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П⁴, и в иных актах. На практике именно такой подход к определению конституционно-правового статуса субъектов в Российской Федерации способствовал завершению создания механизма реализации принципа формальной определенности в части разграничения полномочий государства и регионов, тем самым предопределил иерархию нормативных актов, входящих в правовое пространство Российской Федерации, а также создал условия для обеспечения предсказуемости поведения публичных субъектов во взаимоотношениях с гражданами и юридическими лицами.

Между тем начиная с 2000-х годов фокус Конституционного Суда Российской Федерации при раскрытии содержания государственного суверенитета смещается в сторону международных отношений. В условиях глобализации современного общества и интеграции международной и национальных правовых систем права человека и гражданина приобретают международный аспект. Именно дифференциация межгосударственного взаимодействия и бурное развитие соответствующих отношений на стыке веков поставили перед правоприменителями вопрос о соотношении государственного суверенитета с юрисдикцией международных институтов. Ни одно из государств, присоединившихся, например, к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, участником которой Российская Федерация являлась до 15 марта 2022 г., не передавало Европейскому суду по правам

³ Российская газета. 2000. 25 июля.

⁴ Российская газета. 2012. 20 июля.

человека части своего суверенитета⁵. Указанное обстоятельство, в частности, нашло свое отражение и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П⁶, согласно которому ориентация на достаточно абстрактные нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод может привести к игнорированию воли конституционного законодателя в межгосударственной правовой конструкции, не предполагающей передачи ей такого элемента государственного суверенитета. Таким образом, признав значимость деятельности международных институтов по защите прав и свобод человека по выявлению недостатков национального правового регулирования и по предложению путей к их устранению, российский орган конституционного контроля, тем не менее, указал на то, что, исходя из государственного суверенитета, выбор конкретных способов исполнения принятых решений принадлежит исключительно государству.

Кроме того, закрепив приоритет международного договора Российской Федерации перед законом, ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации не конкретизировала, идет ли речь лишь о ратифицированных или подписанных, но не ратифицированных международных договорах. В результате Россия несколько раз столкнулась с проблемой временного применения не ратифицированных ею международных договоров⁷. В целях решения данного вопроса в Определении от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р⁸ Конституционный Суд Российской Федерации, например, заключил, что не допускается временное применение положений международного договора Российской Федерации, которые предусматривают разрешение международным арбитражем споров между Российской Федерацией и иностранными инвесторами, возникших в связи с осуществлением ими инвестиций и предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации, даже если данный международный договор был официально опубликован, без принятия федерального закона о его ратификации, и не предполагается, что согласие Правительства Российской Федерации на временное применение международного договора Российской Федерации, оговоренное при его подписании, распространяется на положения данного международного договора, предусматривающие передачу споров между Российской Фе-

⁵ Лапаева В.В. Дело «Константин Маркин против России» в контексте проблемы национального суверенитета // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5. С. 79.

⁶ Российская газета. 2015. 26 июля.

⁷ Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет России и толкование категории «международный договор Российской Федерации» в контексте Определения Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 23.

⁸ Российская газета. 2021. 15 января.

дерацией и иностранными инвесторами на рассмотрение международного арбитража.

Проведенное исследование позволяет заключить, что на сегодняшний день Конституционный Суд Российской Федерации выступает эффективным инструментом по защите государственного суверенитета. При этом осуществляемая им деятельность объективно имеет и гуманистическую основу, поскольку обеспечение качественной реализации всех элементов конституционного строя Российской Федерации создает условия для оперативной защиты прав и свобод человека и гражданина. Такое содержание деятельности российского органа конституционного контроля соответствует в полной мере целям, поставленным перед ним ст. 125 Конституции Российской Федерации, а в свете особенностей порядка отправления конституционного правосудия объективно выступает качественной гарантией реализации прав и свобод человека и гражданина на всей территории Российской Федерации.

Григорьев К.Е.,

судья Кондопожского городского суда Республики Карелия,
преподаватель кафедры государственного права
Карельского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Петрозаводск, Республика Карелия)

Литература

1. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет России и толкование категории «международный договор Российской Федерации» в контексте Определения Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 2867-О-Р / О.Ю. Болдырев // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6.
2. Лапаева В.В. Дело «Константин Маркин против России» в контексте проблемы национального суверенитета / В.В. Лапаева // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 5.
3. Цечоев В.К. Теория государства и права : учебник / В.К. Цечоев, А.Р. Швандерова. Москва : Прометей, 2017.

Суверенитет народа в доконституционных государствах

Развитие человечества происходит неравномерно. Одни страны уже перешли к конституционному строю. Другие только имитируют этот переход. В связи с этим существующие в мире государства следует разделить на конституционные и доконституционные.

Конституционным, с точки зрения философии конституционализма, следует считать государство, в котором победил принцип социократии, т.е. общество встало над государственным аппаратом и использует его для реализации своих интересов. Это и определяется с точки зрения философии конституционализма как суверенитет народа. В конституционном государстве права и свободы человека и гражданина рассматриваются как высшая ценность. Суверенитет народа здесь обеспечивается посредством демократического политического режима и республиканской формы правления с разделением властей. Власть здесь рассредоточена по вертикали между народом в целом, народами отдельных территорий (субъектов Федерации в случае, если страна больших размеров) и муниципальными общинами. Конституционное государство поставлено в жесткие рамки права, т.е. носит характер правового.

В доконституционных государствах аппарат государства стоит над обществом, рассматривает его как свой объект управления. При социологическом подходе мы констатируем, что суверенитет здесь принадлежит административному классу, составляющему тело государства. При институциональном подходе верховная власть сосредоточена у главы государства (правителя) или правящей группы. Человек в доконституционном государстве является средством для достижения целей, поставленных правящей группой (правителем). Он является подданным этого государства, а не гражданином. Суверенитет правителя или правящей группы обеспечивается монархической или олигархической формой правления. Правитель (олигархия) концентрирует в своих руках всю полноту государственной власти и правит страной через подчиненные ему органы законодательной, исполнительной и судебной власти. Попытки общества встать над государственным аппаратом подавляются с помощью репрессий. В стране установлен авторитарный политический режим. Население может обращаться в органы государственной власти с просьбами. Полнота власти правителя (правящей группы) обеспечивается централизацией управления страной. Аппарат государства

строится сверху вниз. Правитель назначает своих заместителей в регионы. Те, в свою очередь, формируют аппарат управления муниципалитетов. Это государство может действовать на основании законов, в которых отражается интерес административного класса (государство законности или полицейское государство). Законы не исполняются, если они начинают мешать административному классу и правящей группе реализовать свои интересы. Так, по Конституции Туркменистана 1992 г. должность президента страны после смерти С. Ниязова (2007 г.) должен был занять глава Меджлиса. Но это не входило в планы правящей группы. Глава Меджлиса Овезгельды Атаев был отправлен в тюрьму, а новым президентом страны стал бывший министр здравоохранения Туркменистана.

Для ответа на вопрос, кому принадлежит суверенитет в доконституционных государствах, необходимо изучить не только официальное, но и реальное государственное право этих стран (социологический подход к праву).

Современные доконституционные государства пытаются имитировать переход к конституционному строю. Правители этих государств октроируют конституционный акт, в котором декларируется суверенитет народа (ст. 2 Конституции Туркменистана 1992 г.; ст. 6 Конституции Таджикистана 1994 г.). В целях имитации власти народа в стране проводятся управляемые выборы, результаты которых заранее предрешены. Они носят характер ритуальных действий. Правитель создает видимость наличия разделения властей (ст. 4 Конституции Туркмении 1992 г.; ст. 9 Конституции Таджикистана 1994 г.). Ассамблея клиентелы бюрократии при правителе подчас называется парламентом¹, который делает вид, что издает законы, но на самом деле лишь оформляет волю правителя в виде законов (законорегистрационный орган при правителе). Для создания видимости широкого представительства народа в органах власти в доконституционных государствах создаются органы, напоминающие съезды народных депутатов в СССР (Ливия при М. Каддафи, Беларусь). Например, в Туркменистане сформирован Халк Маслахаты, который состоит из 2507 членов (ст. 47–51 Конституции Туркменистана 1992 г.). Несколько чиновников назначаются правителем в орган, который называется конституционным судом². Этот суд либо бездействует (Конституционный Суд Таджикистана за 1998, 1999, 2000, 2002 и 2003 гг. не принял ни одного решения по существу)³, либо легитимизирует все решения правителя,

¹ См.: Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ. М. : Юрист, 1999. С. 276–311.

² См.: Сативалдыев Р.Ш., Мирзоев С.Б. Судебный конституционный контроль в Республике Таджикистан : монография. Душанбе, 2014.

³ См.: Сативалдыев Р.Ш. Роль Конституционного суда Республики Таджикистан в устранении коллизии законодательных актов // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 330–335.

доказывая окружающим, что вся его политика вполне конституционна. В конституции провозглашаются свобода слова, свобода объединения, свобода собираться мирно, право граждан на участие в управлении общественными и государственными делами (ст. 26–29 Конституции Туркменистана 1992 г.; ст. 27–30 Конституции Таджикистана 1994 г.). Подданного называют гражданином страны. Клиентела бюрократии создает большое количество общественных объединений, подконтрольных государству и помогающих реализовать его функции, в том числе функцию по контролю за населением, а также функцию мобилизации групп населения на выполнение задач, поставленных государством. Создается псевдомногопартийная система⁴. В стране могут имитироваться федерализм и наличие местного самоуправления (ст. 83–86 Конституции Туркменистана 1992 г.).

Для имитации суверенитета народа в доконституционных странах широко используются плебисциты доверия правителю и его решениям. Полный контроль правителя над населением страны позволяет мобилизовать почти все население страны на участие в плебисците. (Явка на референдум в Узбекистане в 2002 г. составила 93,75%. Явка на референдум в Таджикистане в 2003 г. составила 96,39%.) В отличие от конституционных стран, где присутствует разное мнение по любому вопросу, выносимому на референдум, в доконституционных странах около 90% населения поддерживает все инициативы, идущие от вождя⁵.

Активную помощь в имитации наличия конституционного строя и суверенитета народа в доконституционном государстве оказывает служилая интеллигенция. Для этого она использует позитивистский подход к праву⁶. Государствоведы судят о стране по тому, что написано в ее конституции и законах. Реально действующие нормы права (социологический подход) игнорируются. Другим приемом является отождествление государства с обществом. Суверенитет государства (его независимость от соседей) выдается за суверенитет народа. Как правило, государствоведы выдают за суверенитет народа охлократию. Мобилизация правителем масс на голосование в пользу одобрения октроированного им конституционного акта (как правило, не отражающего конституционную доктрину) называют выражением учреди-

⁴ См.: Нисневич Ю.А. Политическое администрирование vs политическая конкуренция в неоавторитарных режимах // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. Т. 25. № 2. С. 397–422.

⁵ См.: Руденко В.Н. Симулятивная демократия // Дискурс-Пи. Научно-практический альманах. 2004. Вып. 4. С. 128–129.

⁶ См.: Ковешников Е.М., Марченко М.Н., Стешенко Л.А. Конституционное право стран Содружества Независимых Государств : учебник для вузов. М. : НОРМА — ИНФРА-М, 1999. 464 с.

тельной воли народа. Слово «народ» в современных мистификациях государствоведов просто заменило слово «Бог», используемое в Древнем мире и в Средние века.

Одновременно с этим доконституционное государство создает правовой механизм нейтрализации продекларированных в конституционном акте норм⁷. Они превращают конституцию страны в формальный документ. Конституция содержит нормы права, которые помогают превратить главу государства в самодержавного монарха или восточного деспота (ст. 52–60 Конституции Туркменистана 1992 г.). Они обеспечивают пожизненную власть правителя⁸ и передачу этой власти по наследству (Азербайджан, Туркменистан)⁹. Для постоянного продления полномочий главы государства применяется отказ от ограничения сроков пребывания на должности одного человека (Конституция Беларуси) или принятие новой конституции, после которого правитель заявляет, что все предыдущие сроки нахождения его на должности обнуляются (Таджикистан, Казахстан). Тот, кто, как правило, посягает на суверенитет народа, объявляется гарантом его обеспечения. Разделение властей в доконституционном государстве превращается в разделение труда между законодательными, исполнительными и судебными органами, подчиненными правителю. Последний формирует их состав и направляет их деятельность. Полностью зависящие от правителя представительные органы выполняют законорегистрационные функции, т.е. оформляют волю правителя в виде законов. Назначаемые «сверху» чиновники устраняют самостоятельность местных общин. Принимаемые в стране законы позволяют государственному аппарату не допускать появления в стране сводных средств массовой информации, независимых от государства общественных объединений (в том числе партий). С помощью норм административного и уголовного права проводятся репрессии против тех, кто пытается воспользоваться своими конституционными правами. Оппозиционные лидеры помещаются в места лишения свободы или вынуждены покинуть страну. Таким образом, избирательные кампании превращаются в фикции. Население участвует в голосовании, но у него нет выбора.

Административный класс при доконституционном строе принимает меры к тому, чтобы население страны не превратилось в народ, способный потребовать превращения государства в инструмент своей власти. Здесь следует отметить, что философия конституционализма не всякое

⁷ См.: Денисов С.А. Механизм нейтрализации конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6. С. 2–8.

⁸ См.: Малашенко А. Обреченные на вечность и прозябание // Pro et contra. 2011. Май — август. С. 81.

⁹ См.: Руденко В.Н. Симулятивная демократия // Там же. С. 130.

население страны называет народом. Под народом понимается часть населения страны, которая осознает свои групповые интересы и способно защищать их с помощью своих организаций (в первую очередь партий). Организационной формой народа является общество граждан, которое возглавляется публичными политиками. Народ состоит из граждан, т.е. лиц, осознающих свои общие интересы и отстаивающих их через свои союзы¹⁰. Административный класс стремится не допустить превращения зависимых от них подданных в граждан страны. В первую очередь с помощью норм административного и уголовного права он не позволяет появиться независимой от него гражданской элиты (интеллектуальной, имущей, политической). В стране вводится условная частная собственность и условное право на предпринимательство. Возникает подобие феодального государства, при котором человек может заниматься бизнесом только в случае наличия у него высоких покровителей (патронов). Лучше всего это получается у родственников чиновников и их друзей¹¹. Эффективно подчинять себе большую часть населения удается странам с сырьедобывающей экономикой. Получаемая природная рента тратится на подкуп населения (политика патернализма). Концентрация в руках государства и клиенты бюрократии основных источников информации позволяет манипулировать сознанием населения, распространять в его среде идеи этатизма, вождизма, подданства. С помощью налоговой и бюджетной политики правящая группа концентрирует в своих руках большую часть производимых обществом благ. Распределяя эти блага между территориями, она устраняет финансовые основы федерализма и местного самоуправления. Население устраняется от участия в управлении делами территории, на которой проживает.

Административный класс пытается не допустить превращения этносов, проживающих на территории страны, в самодостаточные нации, которые неизбежно начнут требовать права на самоопределение. Правящая группа страны может имитировать федерализм, но заявляет, что население субъектов Федерации не имеет суверенитета, а призывы к сепарации караются в уголовном порядке. Служилая интеллигенция поддерживает эту политику¹².

Итак, правящие группы доконституционных государств провозглашают в своих конституционных актах суверенитет народа и имитируют его

¹⁰ См.: Денисов С.А. Имитация конституционного строя : в 4 кн. Кн. 2. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. С. 110–144.

¹¹ См.: Филин Н.А., Зоти А.Н. Экспертное исследование устойчивости политического режима Туркменистана // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы. М. : Ленанд, 2013. С. 401–409.

¹² См.: Курскова Г.Ю. Суверенитет народа (народовластие) как основа демократического политического режима Российской Федерации и его конституционное закрепление // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6. С. 77–78.

наличие. На деле они не допускают превращения населения страны в народ, нейтрализуют нормы конституции, закрепляющие механизмы осуществления власти народа. Реальный суверенитет здесь принадлежит административному классу и представляющему его правителю (правлящей группе).

Денисов С.А.,

доцент кафедры прав человека
юридического факультета Гуманитарного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Екатеринбург)

Литература

1. Денисов С.А. Имитация конституционного строя. В 4 книгах. Кн. 2 / С.А. Денисов. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018.
2. Денисов С.А. Общая теория имитации конституционного строя / С.А. Денисов // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3.
3. Ковешников Е.М. Конституционное право стран Содружества Независимых Государств : учебник для вузов / Е.М. Ковешников, М.Н. Марченко, Л.А. Стешенко. Москва : Норма ; ИНФРА-М, 1999.
4. Курскова Г.Ю. Суверенитет народа (народовластие) как основа демократического политического режима Российской Федерации и его конституционное закрепление / Г.Ю. Курскова // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6.
5. Малашенко А. Обреченные на вечность и прозябание / А. Малашенко // Pro et contra. 2011. № 3–4.
6. Михалева Н.А. Конституционное право зарубежных стран СНГ / Н.А. Михалева. Москва : Юрист, 1999.
7. Нисневич Ю.А. Политическое администрирование vs политическая конкуренция в неавторитарных режимах / Ю.А. Нисневич // Вестник Российского университета дружбы народов. 2023. Т. 25. № 2.
8. Руденко В.Н. Симулятивная демократия / В.Н. Руденко // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. 2004. № 1 (4).
9. Сативалдыев Р.Ш. Роль Конституционного суда Республики Таджикистан в устранении коллизии законодательных актов / Р.Ш. Сативалдыев // Юридическая техника. 2017. № 11.
10. Сативалдыев Р.Ш. Судебный конституционный контроль в Республике : монография / Р.Ш. Сативалдыев, С.Б. Мирзоев. Таджикистан : Душанбе, 2014.
11. Филин Н.А. Экспертное исследование устойчивости политического режима Туркменистана / Н.А. Филин, А.Н. Зоти // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы / ответственный редактор Б.А. Акаева [и др.]. Москва : Ленанд, 2013.

Конституционализация доктрины народного представительства и народного суверенитета

На протяжении длительного времени в юридическом сообществе ведутся дискуссии на тему идеального и мнимого народовластия, конституционализма, реальности применения конституционных норм и принципов¹. Происхождение данной проблемы Г.А. Гаджиев объясняет тем, что в Конституции Российской Федерации использованы предельно абстрактные юридические формулы². К таким формулам можно отнести конституционно-правовые принципы, под которыми мы понимаем руководящие начала, основные направления развития российского государства и права и содержание конституционно-правового регулирования³ общественных отношений. На доктринальном уровне достаточно хорошо разработаны принципы демократизма, народовластия, народного суверенитета с позиций юридического позитивизма, закреплены в Конституции РФ и других законодательных актах и содержат идеи о должном государственном устройстве. Данные принципы были основаны на заимствованных из Западной Европы и США идеях о суверенитете, конституционном строе, представительной демократии, которые были востребованы российским обществом и властью в момент разработки и принятия Конституции РФ 1993 г. Но спустя более двадцати лет их существования необходимо подойти к их анализу с позиций объективной реальности, материалистического и ментального подходов с целью оценки их соответствия политико-правовой жизни, ожиданиям российского общества и степени реализации.

Онтологический анализ российского законодательства (Конституции РФ, Федерального закона от 12 июня 2002 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и др.) с позиций критической социологии подводит нас к выводу о том, что в России нет почвы для действия конституционного принципа народовластия. Конституция РФ лишь декларативно объявляет народ един-

¹ Витрук Н.В. Народовластие: конституционный идеал и реальность // Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции, проведенной Российской академией правосудия 19–22 октября 2012 г. / под ред. Н.В. Витрука и Л.А. Нудненко. М., 2012. С. 8–23; Лукашева Е.А. Мифологизация политической жизни // Там же. С. 24–43; Страшун Б.А. Конституционализм: идеал, реальность и возможная перспектива // Конституционализм: идеал и/или реальность : сборник материалов дискуссии за круглым столом (4 февраля 2011 г.) / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. М., 2012. С. 22–28.

² Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М., 2014. С. 177–178.

³ См.: Конституционное право России : учебник для студентов вузов / [Б.С. Эбзеев и др.] ; под ред. Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 24–31.

ственным источником власти, наделяя его высшими полномочиями. В соответствии с Конституцией РФ законы о выборах представляют народ главным участником всех стадий избирательного процесса, а в реальности влияние граждан сведено к минимуму в процессе выдвижения кандидатов, в определении итогов голосования и результатов выборов.

В современных политико-правовых реалиях и в государственно-правовой науке происходит смешение понятий «народовластие» и «народное представительство». Оправданно ли это? Народовластие и народное представительство — юридическая фикция или реальность? Прежде всего следует дать понятие народовластию. По мнению К.М. Тахтарева, народовластие — это демократическое правление, т.е. народовластие является самодержавием народа, синонимом демократии⁴. Итак, в идеале, согласно теоретическому методу исследования, у народа изначально есть власть, которую он реализует непосредственно сам, его воля является законом. Но непосредственное осуществление демократии возможно только на небольшой территории, например в пределах муниципальных образований. На пространстве такого огромного государства, каким является Россия, народовластие возможно только в форме народного представительства.

Чем отличается народовластие от народного представительства?

Во-первых, народовластие предусматривает принадлежность власти народу или, согласно российской Конституции, народ является источником власти, носителем суверенитета. Принцип представительного правления основан на разделении общества на группы, классы, партии, территориальные образования. В таком случае народная воля находит свое выражение в представительных органах, которые избираются населением с целью утверждения воли народа. Сущность представительного правления состоит в отделении представительной власти от народа. Такое понимание представительного правления сложилось еще в Англии в середине XIX века в трудах Брума.

Во-вторых, власть народа постоянна, а власть его представителей временная и передается им на ограниченный период времени.

В-третьих, при народовластии избранная власть не отрывается от народа, существует ее я связь с избирателями. Настоящее народовластие будет тогда, когда избиратели сохраняют за собой право контроля за избранными представителями, которые будут защищать их интересы. Избиратели при такой системе управления дают наказы, общаются со своими делегатами во власти, высказывают свое мнение, доносят до них свои нужды. Они также имеют право оценивать деятельность своего представителя, призывают следовать их указаниям и предупреждают о лишении его доверия, а также неизбрании на сле-

⁴ Тахтарев К.М. От представительства к народовластию : К изучению новейших стремлений политического развития современного общества. 2-е изд. М., 2015. С. 4–9.

дующих выборах. Таким образом, депутат должен слушать своих избирателей и действовать в их интересах. Но, поскольку сам народ не может действовать сам, за него действуют представители. Представительная система правления предусматривает существование политических партий и политиков, которые, войдя во власть, защищают интересы не народа, а прежде всего тех, кто обеспечил им победу на выборах, в том числе материально и финансово. Поэтому ради получения личных выгод они будут поддерживать или правящую элиту, или крупных олигархов.

В-четвертых, народовластие не предусматривает четкой организационной структуры, упорядоченной правовыми нормами деятельности в рамках одного органа власти. Представительное правление осуществляется в четко очерченных рамках регламентов конкретных избираемых народом органов, парламентов, советов депутатов и т.д. В Англии, благодаря учениям сторонников школы государственного права Блэкстона и Дайси, появилось понятие «самодержавие парламента», что означает отрицание за нацией или избирателями верховной власти, сохранение за ними только лишь права избрания членов парламента.

Дайси различает юридическое самодержавие, признаваемое законом, и действительное, политическое самодержавие народа. Согласно первому значению, верховной законодательной властью является парламент, решения которого имеют силу закона и обязательны для всех, но сущность его власти состоит в том, чтобы быть представителем и исполнителем воли народа или совокупности избирателей. Второе значение самодержавия народа сложилось в сознании людей и признает верховной только власть народа. Согласно такому обычному конституционному праву избиратели видят в членах парламента своих представителей, а депутаты считают себя избранниками народа.

В-пятых, народовластие предусматривает максимальную приближенность депутатов к своим избирателям, что возможно при мажоритарной избирательной системе, когда депутат избирается от конкретного округа и обязуется проводить политическую программу, одобренную большинством избирателей данного округа. Неодобрение политики такого депутата со стороны избирателей порой приводило к его отзыву, т.е. сложению представительских полномочий, так как он терял нравственное право продолжать быть их представителем. При представительном правлении члены парламента считаются представителями всего народа и не связаны обещаниями проголосовавших за них избирателей конкретного избирательного округа. Данная система организации власти не предусматривает ответственности представителей перед своими избирателями.

Б.Н. Чичерин сумел выявить в сущности народного представительства два начала: свободу, олицетворенную в народе, и орган власти, восходящий к воле государства. Сила и универсальность его учения состоит в том, что он сумел соединить эти два начала с помощью нового метода — социоло-

гического позитивизма, благодаря которому форма народного представительства не отрывается от его содержания. Из поля зрения ученого не исключаются сущностные и аксиологические аспекты, что характерно для юридического позитивизма, , наоборот, он стремится охватить своим вниманием различные социальные аспекты возникновения и функционирования народного представительства во множестве сопутствующих взаимосвязей общества и государства, эволюции их взаимоотношений. Именно в рамках социологического позитивизма можно понять полный смысл народного представительства, интегрируя обобщенные теоретические выводы с эмпирическим анализом практики жизнедеятельности исследуемого общественного и политико-правового института. В результате применения данного метода Чичерину удалось сформулировать ряд закономерностей в области государственоведения и народного представительства, не потерявших своей актуальности и сегодня. Во-первых, силу государства он видел в поддержке народа; во-вторых, опору государственной власти должно составлять гражданское общество, представляющее собой самостоятельные общественные силы; в-третьих, целью правления должно быть общее благо или потребности народа; в-четвертых, необходим действенный контроль общества над государственным управлением; в-пятых, важно сохранение постоянной духовно-нравственной связи представителя власти с избирателями; в-шестых, в представительных учреждениях заключается не только опора власти, но и политическая школа для народа, средство его воспитания и подготовки к государственной деятельности.

Представительное правление является формой реализации принципа народовластия, т.е. они соотносятся как форма и содержание. При представительном образе правления в руках представителей народа сосредоточивается вся верховная политическая власть. Представительное собрание служит действительным источником всей верховной власти — законодательной, исполнительной и судебной. Для придания представительному правлению большей демократичности необходимо расширить связь депутатов с избирателями вплоть до их отзыва.

В конце XIX в. К.М. Тахтарев выделил три способа реализации принципа народовластия или три пути введения демократической системы власти в политическую жизнь Европы и Америки:

- 1) посредством народного голосования гражданами важнейших политических вопросов;
- 2) посредством народной инициативы в деле предложения всевозможных законов и правительственных мероприятий;
- 3) посредством прямого выбора властей народом⁵.

Современные ученые также продолжают развивать идею о ведущей роли народа в процессе перехода государства к демократическому образу прав-

⁵ Там же. С. 161–188.

ления, которая проявляется посредством народного голосования по проектам конституции, народного голосования при решении важнейших политических вопросов. Л.А. Нудненко вполне убедительно доказывает, что некоторые институты непосредственной демократии одновременно являются составной частью, институтами представительной демократии, образуют ядро соприкосновения представительной и непосредственной демократии, среди которых она называет такие, как всенародные обсуждения, отчеты депутатов перед избирателями, досрочный отзыв депутатов, петиции, народная правотворческая инициатива, собрания граждан по месту жительства, сельские сходы и др.⁶

Народная правотворческая инициатива рассматривается в качестве выражения воли отдельных граждан, но не народа, что обусловлено ее существованием по действующему законодательству на муниципальном и региональном уровнях и ограничением числа подписей избирателей в поддержку выдвижения подобной инициативы (не более 3% от общей численности избирателей, зарегистрированных на территории муниципального образования)⁷. Согласно ст. 26 Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» с правотворческой инициативой может выступить инициативная группа граждан, обладающих избирательным правом, в порядке, установленном нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования. Минимальная численность инициативной группы граждан устанавливается нормативным правовым актом представительного органа муниципального образования и не может превышать 3% от числа жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом. Право граждан на законодательную инициативу на региональном уровне предусмотрено уставами Алтайского края, Ярославской и Томской областей.

На федеральном уровне создан определенный механизм направления общественных инициатив в органы государственной власти и местного самоуправления в соответствии с Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”». Поддержанной считается инициатива, которая в течение одного года после ее размещения на интернет-ресурсе получила не менее 100 тыс. голосов граждан — в поддержку инициативы федерального уровня.

⁶ Нудненко Л.А. Народовластие и права человека: проблемы законодательного регулирования // Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции, проведенной Российской академией правосудия 19–22 октября 2012 г. / под ред. Н.В. Витрука и Л.А. Нудненко. М., 2012. С. 139–147.

⁷ Иванов И.В. Народная правотворческая инициатива — структурный элемент механизма реализации права народа на самоопределение // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 11. С. 7–11.

Общественная инициатива, получившая в ходе голосования необходимую поддержку, направляется в электронном виде уполномоченной некоммерческой организацией в экспертную рабочую группу соответствующего уровня (федерального, регионального, муниципального) для проведения экспертизы и принятия решения о целесообразности разработки проекта соответствующего нормативного правового акта и (или) об иных мерах по реализации данной инициативы.

На наш взгляд, необходимо на законодательном уровне закрепить право отзыва депутатов региональных законодательных органов государственной власти и представительных органов местного самоуправления. Что позволит усилить общественный контроль за деятельностью народных представителей и будет способствовать повышению их ответственности и эффективности деятельности парламентов в целом.

Существует также предложение в научной литературе о введении обязательного референдума, т.е. народного голосования по поводу всех законов, постановлений и договоров, разрабатываемых законодательными органами власти, что, по нашему мнению, труднореализуемо чисто технически. Однако проблема отстраненности народа от принимаемых органами государственной власти решений существует. На уровне субъектов РФ референдум используется крайне редко, гораздо реже, чем возникают соответствующие поводы. На уровне местного самоуправления институт референдума все чаще заменяется «выявлением мнения», итог которого, как правило, предreshен. Что же касается федерального уровня, то тут институт референдума не используется вообще⁸.

На законодательном уровне закреплён в Российской Федерации институт общественного контроля для дальнейшей демократизации государственной власти и местного самоуправления. В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» субъектами общественного контроля могут быть граждане, общественные палаты федерального, регионального и местного уровней, общественные советы при федеральных и региональных органах исполнительной власти, общественные наблюдательные комиссии, наблюдательные советы, общественные инспекции, группы общественного контроля и иные организационные структуры. Предусмотрены в законе и разнообразные формы общественного контроля: мониторинг, общественные проверки, общественные экспертизы, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия⁹. Однако развитию данного института мешают препятствия, выстроенные традиционным административным ресурсом.

⁸ Баранов П.П., Овчинников А.И. Конституционная легитимность государственной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 7. С. 3–8.

⁹ Кочешев С.П. Общественный контроль: от мечты до реальности // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 12. С. 14–17.

Во многих субъектах Российской Федерации после перехода на выборы в законодательные (представительные) органы по смешанной избирательной системе отказались от института наказов избирателей, однако в части из них впоследствии, по меткому выражению профессора С.А. Авакьяна, «опомнились»¹⁰ и приняли соответствующие законы, что позволяет говорить о наметившейся тенденции восстановления этого института представительной демократии на региональном уровне. В частности, Закон Белгородской области от 14 февраля 2001 г. № 131 (в ред. от 03.11.2011 № 72) «О наказах избирателей» «закрепляет организацию работы по выполнению наказов избирателей как одну из форм выражения и реализации воли и интересов населения, непосредственного участия граждан в управлении делами Белгородской области и общества».

В качестве мер, направленных на повышение значения институтов непосредственной и представительной демократии и корректировку существующего режима, учеными высказаны предложения, которые, на наш взгляд, заслуживают поддержки и претворения в жизнь. В частности, заслуживают поддержки такие идеи, направленные на повышение уровня легитимности муниципальной власти, как, во-первых, восстановление обязательности явки избирателей для признания муниципальных выборов состоявшимися (по мнению автора статьи, порог явки надо восстановить на всех выборах), а также о введении ценза оседлости для избрания на выборные должности; во-вторых, создание общественных палат как органов общественного представительства с консультативно-совещательными и контрольными функциями в городских округах и муниципальных районах (в иных муниципальных образованиях — по их усмотрению) с установлением общих принципов их организации и деятельности в федеральном законе; в-третьих, придание реального практического значения институтам прямой муниципальной демократии, в том числе путем развития «электронного» («сетевого») народовластия, и в особенности так называемого краудсорсинга — современной технологии демократического участия, позволяющей пользователям сети Интернет вносить свои предложения по тем или иным общественно значимым вопросам и проектам решений¹¹. Будет способствовать также повышению уровня публичности власти и сочетанию институтов представительной и прямой демократии предложение о принятии жизненно важных решений самим населением или на основе обязательных публичных слушаний как на уровне центрального, так и местного управления. Эксперты считают, что причинами «конституционной дисфункции», возникновения различных вариан-

¹⁰ Авакьян С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 24.

¹¹ Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст : Аналитический доклад / отв. ред. А.Н. Медушевский. М. : Институт права и публичной политики, 2014. 76 с.

тов «имитационной демократии» являются не недостатки правовой системы, а то обстоятельство, что Конституция РФ и ее принципы просто не получили адекватной реализации, плохо приживаются на российской почве.

Повышение уровня представительства народа во власти, его участия в управлении делами государства зависит и от воли самого народа, и от воли тех органов и должностных лиц, кому принадлежит власть. Например, свою политическую активность граждане должны проявлять не только на государственном уровне, но и на местах, при выборе органов местного самоуправления, в организации управления общественными делами.

Среди «новых» форм демократического участия граждан исследователи называют такие, как экспертная деятельность граждан и организаций, лоббизм, общественные слушания, народные обсуждения вопросов государственной и общественной жизни через Интернет, публичные консультации органов власти с бизнес-структурами, деятельность Совета по конкурентоспособности и предпринимательству при Правительстве РФ и др. Указанные институты общественного представительства выполняют в основном совещательные, вспомогательные, информационные, контролирующие функции и осуществляют связь между социумом и властью. В теории конституционного права альтернативные формы народного представительства получили отражение в виде различных типов участия граждан в осуществлении публичной власти: демократия соучастия (включенность граждан в процедуру принятия нормативных правовых актов), консультативная демократия (общественное влияние на принятие публично-властных решений, выявление общественного мнения), коммуникативная демократия (различные формы реального общения между властью и обществом)¹². Дальнейшее развитие «новых» форм демократического участия населения в публичной власти будет способствовать превращению нормы Конституции РФ о народовласти из правовой фикции в реальность.

Ерыгина В.И.,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени И.Д. Путилина,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Белгород)

¹² Васильева С.В. Правовые формы гражданского участия: оценки и перспективы развития демократии в современной России // Конституционализм: идеал и/или реальность : сборник материалов дискуссии за круглым столом (4 февраля 2011 г.) / под ред. Б.А. Страшуна, И.А. Алебастровой. М., 2012. С. 141–145.

Литература

1. Авакьян С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11.
2. Баранов П.П. Конституционная легитимность государственной власти в России / П.П. Баранов, А.И. Овчинников // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 7.
3. Васильева С.В. Правовые формы гражданского участия: оценки и перспективы развития демократии в современной России / С.В. Васильева // Конституционализм: идеал и/или реальность : материалы дискуссии за круглым столом (г. Москва, 4 февраля 2011 г.) / редакторы : Б.А. Страшун, И.А. Алебастрова. Москва : Институт права и публичной политики, 2012.
4. Витрук Н.В. Народовластие: конституционный идеал и реальность / Н.В. Витрук // Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 19–22 октября 2012 г.) / ответственные редакторы Н.В. Витрук, Л.А. Нудненко. Москва : Российская академия правосудия, 2012.
5. Гаджиев Г.А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности : монография / Г.А. Гаджиев. Москва : Норма, 2014.
6. Иванов И.В. Народная правотворческая инициатива — структурный элемент механизма реализации права народа на самоопределение / И.В. Иванов // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 11.
7. Конституционное право России : учебник для студентов вузов / Б.С. Эбзеев [и др.] ; под редакцией Б.С. Эбзеева, Е.Н. Хазова, А.С. Прудникова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
8. Конституционные принципы и пути их реализации: российский контекст : аналитический доклад / ответственный редактор А.Н. Медушевский. Москва : Институт права и публичной политики, 2014.
9. Кочешев С.П. Общественный контроль: от мечты до реальности / С.П. Кочешев // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 12.
10. Лукашева Е.А. Мифологизация политической жизни / Е.А. Лукашева // Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 19–22 октября 2012 г.) / ответственные редакторы Н.В. Витрук, Л.А. Нудненко. Москва : Российская академия правосудия, 2012.
11. Нудненко Л.А. Народовластие и права человека: проблемы законодательного регулирования / Л.А. Нудненко // Народовластие и права человека : материалы IV Международной научно-практической конференции (г. Москва, 19–22 октября 2012 г.) / ответственные редакторы Н.В. Витрук, Л.А. Нудненко. Москва : Российская академия правосудия, 2012.
12. Страшун Б.А. Конституционализм: идеал, реальность и возможная перспектива / Б.А. Страшун // Конституционализм: идеал и/или реальность : материалы дискуссии за круглым столом (г. Москва, 4 февраля 2011 г.) / редакторы : Б.А. Страшун, И.А. Алебастрова. Москва : Институт права и публичной политики, 2012.
13. Тахтарев К.М. От представительства к народовластию: к изучению новейших стремлений политического развития современного общества / К.М. Тахтарев. 2-е изд. Москва : URRS : Ленанд, 2015.

Гражданство Российской Федерации: традиционные и современные подходы

Необходимо отметить, что дефиниции «гражданство» и «гражданственность» взаимосвязаны с такой конституционно-правовой категорией, как патриотизм. В 2020 году дефиниции патриотизма и гражданственности были законодательно закреплены на высшем уровне в гл. 3 Конституции РФ¹ — Федеративное устройство, а именно во вновь введенной ст. 67.1. Данное понятие в конституционном и правовом смысле предполагает в первую очередь баланс любви, верности и преданности своему Отечеству, уважения других народов и стран мира, их сложившихся традиций, обычаев, народной культуры². Патриотизм и гражданственность тесно связаны, поскольку оба они связаны с чувством принадлежности и приверженности определенной нации. Патриотизм — это гордость за достижения своей страны, уважение ее исторического прошлого, лишенное идеализации государственно-правовой истории и поддерживаемое конституционными требованиями обеспечения защиты исторической истины³. Конституционно-правомерные концептуальные положения патриотизма ориентированы прежде всего на приоритетное обеспечение суверенного государства, благосостояния и благополучия граждан России, ответственность за Родину перед современными и нынешними поколениями Российской Федерации.

Далее, в 2021 году была принята стратегия⁴, согласно которой гражданственность и патриотизм в России были отнесены к традиционным духовным и нравственным ценностям, защита которых обеспечивается путем решения определенного ряда задач публично-правового назначения. В качестве первоочередной задачи было обозначено укрепление единства граждан, общероссийского гражданского сообщества, межнациональных и межконфессиональных соглашений, сохранение единства и самобытности многонациональных народов России.

Гражданственность и патриотизм, с исторической точки зрения, взаимосвязанные элементы единого правового института гражданства.

¹ См.: Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием) // СПС ГАРАНТ (дата обращения: 28.02.2022).

² Хромова М.Н. Идеи патриотизма в трудах отечественных философов и педагогов // Фундаментальные исследования. 2014. № 5. С. 379–382.

³ Астафичев П.А. Историческая правда как категория современного конституционного права: опыт конституционных поправок 2020 г. // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 116–121.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Рассматриваемый институт главным образом объединяет конкретного гражданина и государство, тем самым обеспечивая преждевременную гражданскую интеграцию в общество⁵. Гражданство — качественный инструмент, в свою очередь способствующий определению уровня взаимоотношений, непосредственно возникающих между государством и личностью⁶, главным критерием состояния которого является уровень формирования и развития гражданственности и конституционно развивающейся патриотической мысли. В связи с этим фактор моральности для института гражданства обладает особым значением, одна сторона которого проявляется в уровне развития гражданственности, основанном на самопонимании гражданином как одной из необходимой части государства⁷. При этом институт гражданства совершенствуется и развивается постепенно и в зависимости от особенностей исторического развития приобретает определенный ряд изменений.

Говоря о взаимосвязи дефиниций гражданственности и патриотизма с точки зрения современных исследовательских концепций, следует отметить тот момент, что сегодня вполне обоснованно представление о том, что классификация видов гражданства должна структурироваться в соответствии с критериями принятия индивидом совокупности норм и обязанностей, налагаемых государством. По мнению М.Ю. Ежовой, с учетом представленного выше аргумента необходимо обозначить четыре вида гражданства⁸:

1) ответственное — гражданство, основанное на принципах ответственности и сознательности. Граждане должны реализовать перечисленные выше принципы в общественной жизни и содействовать дальнейшему развитию современного демократического общества. Помимо этого, данный вид гражданства предполагает и осознанное гражданское самоопределение, основанное на единой культуре, языке и общей истории;

2) транзитное — является вынужденным в связи с отсутствием возможности приобретения гражданства другого государства. Транзитное

⁵ Институт гражданства в Российской Федерации : конституционно-правовые аспекты / Ю.Х. Яхина, А.И. Казамиров, А.А. Степанова [и др.]. Уфа : Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. 48 с.

⁶ Грипп Э.Х. Опыт реализации права на получение гражданства: органы по делам о гражданстве и порядок его получения в зарубежных странах // Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А.В. Зиновьева) : материалы региональной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 30 ноября 2017 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 63–66.

⁷ Смирнова Е.С. Институт гражданства в современном мире: коллизии и перспективы конституционного и международного правового регулирования : монография. М. : ООО «ТДДС — Столица-8», 2017. 215 с.

⁸ Ежова М.Ю. Гражданство и формирование гражданской идентичности в постсоветской России и Таджикистане (сравнительный политико-правовой анализ) : 23.00.02 : диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2020. 349 с.

гражданство не предоставляет тех же прав и привилегий, что и постоянное гражданство, но дает определенные преимущества, такие как возможность свободного въезда и выезда из страны без необходимости получения визы;

3) пассивно-конформистское — предполагает вид гражданства, при котором граждане не проявляют активного участия в процессе получения гражданства и не выражают должного желания стать гражданином этой страны. Например, это может быть связано с отсутствием интересов к общественно-политической жизни, нежеланием принимать участие в проводимых выборах и иным рядом потенциальных причин, то есть это гражданство, прежде всего направленное на создание потребительских отношений, изолированное отношение к общим ценностям государства. Для предотвращения пассивного гражданства необходимо проводить активную работу по информированию граждан о процессе получения гражданства, предоставлять информацию о правах и обязанностях, а также поддерживать социальные и экономические инициативы, которые могут заинтересовать пассивных граждан;

4) деструктивно-агрессивное — является выражением одного из возможных путей достижения целей политического дезориентирования государства, связанного с действиями экстремизма и терроризма. Деструктивно-агрессивное гражданство может привести к негативным последствиям для общества, таким как расизм, ксенофобия, дискриминация и насилие. Оно может также привести к нарушению прав человека и ухудшению экономического и социального развития страны. Для борьбы с деструктивно-агрессивным гражданством необходимо принимать меры по защите прав человека, бороться с дискриминацией и насилием на основе этнической принадлежности, культуры, религии или социального происхождения. Также важно проводить политику интеграции и ассимиляции, для того чтобы помочь людям с разным происхождением стать частью общества и уменьшить влияние данного вида гражданства на общество в целом.

На основании вышеизложенного и ранее проводимых практико-ориентированных исследований Е.А. Дрогавцевой считаем возможным и необходимым предложить два подхода к определению гражданственности.

С точки зрения первого подхода гражданственность обладает собирательным смыслом конституционной идеей, основой которой является так необходимый для полноценного функционирования всех гражданских институтов генезис правовой культуры, который предполагает, что гражданин имеет уже развитые духовные и нравственные качества, устойчивую систему морально-нравственных ценностей, в свою очередь способствующую формированию и развитию более высокого уровня правового сознания,

самопониманию своего гражданского достоинства, основанному на личной ответственности перед государством⁹.

Стоит отметить и то, что в наши дни гражданственность выступает как нравственная конституционно-правовая ценность, которая обусловлена тем, что она в равной мере является и условием, и одновременно продолжением реализации фундаментальных основ, которые, в свою очередь, заложены законодателем в непосредственное содержание конституционно-правовых норм, выступающих в роли механизмов нормативно-правового регулирования института гражданства.

Говоря о нравственных конституционных ценностях, необходимо обратиться к их прямому содержанию. Так, Н.А. Филиппова выделяет четыре группы конституционных ценностей, структурированных, в частности, по ряду содержательных признаков: сохранение национальных традиций, традиционной культуры, языковой, национальной или этнической идентичности; повышение роли норм национального права по отношению к нормам международного права¹⁰. Мы считаем, что категория гражданственности вполне способна охватить в первую очередь три группы конституционных ценностей, ранее обозначенных данным исследователем.

Поэтому гражданственность как морально-нравственная категория переходит на уровень ценностей, которые закреплены в Конституции РФ, и уже выступает в роли не только общепологающего принципа, но и специального принципа гражданства. В то же время невозможно недооценить роль национальной и гражданской идентичности как совокупности системообразующих факторов, поскольку именно она может способствовать одновременно и распаду, и формированию государства.

Второй подход предполагает сущность «отражения» конституционно-правовой культуры, элемент выражения которой заключается в закреплении конкретной категории на уровне высшего основного закона. Поэтому мы считаем, что гражданственность — это формирование конституционно-правового сознания, выражающееся прежде всего в социально-психологическом и морально-нравственном признании личности гражданина как гражданина этого государства, а затем и ее последующей трансформации в соответствующие мотивы конституционно-правового поведения¹¹. В настоя-

⁹ Дрогавцева Е.А. Гражданская идентичность как основа устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию в условиях конституционной реформы / Е.А. Дрогавцева, В.Ю. Курдюкова // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 3 (57). С. 464–468.

¹⁰ Филиппова Н.А. Национальная идентичность в евразийском контексте: особенности российской конституционной реформы 2020 года // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2 (28). С. 95–107.

¹¹ Сисакьян А.К. Конституционные преобразования системы публичной власти и их влияние на формирование положительного конституционного правосознания // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 14–17.

щем приведенном определении каждый из указанных признаков имеет значение.

Гражданственность — это в первую очередь именно формирование конституционно-правового сознания. Здесь мы можем возразить, что гражданственность следует понимать как конституционный принцип или даже как самостоятельную конституционно-правовую норму. С формальной точки зрения это имеет определенное подтверждение, так как дефиниция «гражданственность» уже имеет место в действующей Конституции Российской Федерации в редакции 2020 г. Однако если гражданственность понимать как форму конституционно-правового сознания, то необходимо обратить внимание на то, что здесь присутствует важный фактор, так необходимый для проявления условий осознанности граждан и принятия ценности гражданственности на их мировоззренческом уровне¹². В силу конституционной свободы мысли и слова непосредственно сама Конституция РФ не может навязать гражданам определенные мировоззренческие установки. Она может лишь только способствовать этому. А вот признавать гражданственность или нет — это уже осознанный выбор каждого гражданина и его собственная гражданская позиция¹³.

Помимо этого, гражданственность проявляется в социальной и морально-нравственной идентичности личности как гражданина этой страны. Именно в данном аспекте следует говорить о наличии органической взаимосвязи дефиниций гражданства и гражданственности¹⁴. Гражданство представляет собой исключительно правовой институт, который, в свою очередь, обеспечивается механизмом нормативно-правового регулирования системы общественных отношений, установлением прав и обязанностей субъектов конституционно-правовых отношений, взаимосвязью этих прав и обязанностей. Индивид имеет статус гражданина, который подтверждает прежде всего главный документ, удостоверяющий личность, — паспорт, но и при этом не принимает основополагающие ценности гражданственности. Имеет место и обратное утверждение: ряд заявителей на приобретение гражданства уже признают ценность гражданственности, тем самым идентифицируя себя

¹² Павленко Е.М. Влияние конституционной культуры и конституционного правосознания на правотворчество в России // Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского (Калуга, 15 января 2016 г.) / Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского. Калуга : Изд-во Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского, 2016. С. 173–177.

¹³ См.: Сисакьян А.К. Конституционные преобразования системы публичной власти и их влияние на формирование положительного конституционного правосознания // Там же. С. 14–17.

¹⁴ См.: Дрогавцева Е.А. Гражданственность как новый принцип в контексте конституционной реформы России 2020 года // Право. Общество. Государство : сборник научных трудов студентов и аспирантов. Т. 13. СПб. : Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. С. 75–79.

с государством России, но формально они еще не граждане. Гражданство и гражданственность нуждаются в сближении¹⁵, что стимулируется конституционно-правовым регулированием¹⁶, но действует исключительно через мотивацию конституционно-правового поведения¹⁷.

Безусловно, в наши дни гражданственность проявляется не только в надлежащем исполнении конституционных обязанностей и соблюдении конституционных запретов — необходимо также понимать важность использования гражданами своих конституционных прав и обязанностей, берущих в свою непосредственную основу нравственно обоснованную и социально ответственную гражданскую позицию¹⁸. Мы считаем, что в данном вопросе наибольшая часть исследователей акцентирует внимание не на совсем правильных и нужных в данной социально-правовой действительности приоритетах и ориентирах развития. Так как в научных исследованиях гражданственность чаще трактуется через призму публично-правовых обязательств, то есть исполнение обязанностей и соблюдение запретов. На самом деле, по нашему мнению, полноправие граждан имеет крайне важное значение в определении понятия гражданственности, как и в требованиях к соблюдению обязательств публично-правовой направленности.

Говоря о гражданственности с точки зрения позиции «режима полноправия», представляется крайне интересным взаимообусловленное мнение Е.А. Отставновой относительно патриотизма, суть которого состоит в следующем. В Российской Федерации сформировано определенное идеологическое сознание, основой которого являются права и свободы человека и гражданина. В роли фактора, способствующего развитию общества гражданского типа как одного из основных элементов конституционно-правового строя, автор выделяет обеспечение и дальнейшую реализацию данных конституционных прав и свобод, которые при условии правового воспитания, повышения уровня авторитета Конституции вполне могли бы превратить-

¹⁵ Ломоносов М.Ю. Паспорт, гражданство и гражданственность: национально-государственное строительство или разрушительство? // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1. С. 76–96.

¹⁶ Лукашева Л.С. Гражданственность и гражданство — тернистые пути российской демократизации // Этнокультурная и межрелигиозная коммуникация в образовательной среде. Тенденции развития и управление рисками : материалы региональной научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 31 марта 2017 г.) / ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Министерство общего и профессионального образования Свердловской области, ГАОУ ДПО Свердловской области «Институт развития образования». Екатеринбург, 2017. С. 305–310.

¹⁷ Працко Г.С. Правовая культура как стимул мотивации активного правомерного поведения личности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 59–62.

¹⁸ Дрогавцева Е.А. Право на гражданство: конституционные гарантии и проблемы реализации : 5.1.2 : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2023. 273 с.

ся в масштабную и перспективную национальную идею¹⁹. Патриотизм для Е.А. Отставновой в первую очередь это свобода выбора, наличие идей, способных объединить многонациональный народ, которые главным образом рассматриваются как шаг к дальнейшей конституционализации, а не как элемент, способный противостоять законодательно закрепленным основам конституционального строя России. С такой позицией можно согласиться, поскольку по своей сути она отражает один из аспектов обоснованной и вполне гуманной концепции конституционного патриотизма.

На наш взгляд, базисом конституционного патриотизма является не сознание, которое, в свою очередь, неизменно в любых случаях и при любых сложившихся обстоятельствах, а общественно-публичный интерес. Но это не константа в разнообразных сложившихся условиях и временных исторических периодах. Однако общественно-публичный интерес может быть связан с волей граждан, вопреки их частным интересам²⁰. Институт государства тоже выражает потребности общественности, но истинный, настоящий патриотизм наиболее ориентирован именно на высокую моральную составляющую и противостоит прагматическим взглядам.

Целесообразно согласиться с позицией А.А. Козлова²¹, согласно положениям которой характерным различием патриотизма и гражданственности является то, что патриотизм имеет нравственную и эмоциональную связь между личностью и Родиной, а гражданственность носит более механистический характер и предполагает приоритет ценностно-нравственно-правовой связи гражданина с определенным государством, выражена в реализации взаимных прав и обязанностей, закрепляемых на законодательном уровне.

Кроме этого, заслуживает внимания и позиция, согласно которой патриотизм считается основным компонентом в области развития гражданственности, который, в свою очередь, характеризует единство нации, непрерывную связь с прошлым, настоящим и будущим страны, ответственность за ее дальнейшую судьбу²². Поэтому гражданственность считается более

¹⁹ Отставнова Е.А. Идеологическое многообразие и национальная идея в Конституции России 1993 года // 25 лет Конституции Российской Федерации: тенденции развития и перспективы реализации : материалы международной научно-практической конференции (г. Саратов, 13–14 сентября 2018 г.). Саратов : Изд-во «Саратовская государственная юридическая академия», 2018. С. 161–162.

²⁰ Астафичев П.А. Конституционный механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина // Права человека и правоохранительная деятельность (памяти профессора А.В. Зиновьева) : материалы региональной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 30 ноября 2017 г.). СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 31–37.

²¹ Козлов А.А. Молодые патриоты и граждане новой России : монография. СПб. : Академия гуманитарных наук, 1999. 229 с.

²² Рожкова Л.В. Гражданственность и патриотизм как основания консолидации российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 123–125.

широконаправленным понятием, которое может быть определено как комплекс определенных социально значимых характеристик социальной личности, например духовности, нравственности и гражданской культуры. В то же время гражданственность распространяется на всю страну, а патриотизм можно ограничивать какой-то конкретной социальной группой²³.

Таким образом, гражданственность и патриотизм — важные принципы, которые должны стать основой конституционного строя в цифровом пространстве. В цифровом пространстве патриотизм может выражаться через продвижение и отстаивание демократических ценностей, таких как свобода слова, равенство и справедливость. Поскольку цифровые технологии продолжают развиваться, важно обеспечить отражение ценностей и принципов гражданственности и патриотизма в сложившемся цифровом пространстве. Этого можно достичь путем повышения цифровой грамотности, информирования населения об их цифровых правах и обязанностях, а также путем создания законов и нормативных актов, защищающих индивидуальные свободы и продвигающих демократические ценности, и, безусловно, важно продвигать эти ценности для обеспечения здорового и процветающего цифрового общества.

Далее представим предложения по совершенствованию законодательного регулирования института гражданства в современной России с учетом конституционных понятий гражданственности и патриотизма²⁴.

На законодательном уровне следует решить вопрос о патриотическом воспитании при сохранении плюрализма и идеологического многообразия. Более подходящим представляется его введение на уровне среднего образования. Оно должно предполагать создание специализированных образовательных программ и их реализацию на базе различных региональных некоммерческих объединений.

Следует рассмотреть возможность выработки единых критериев для лиц, считающих себя частью единой общности, постсоветского пространства. Процесс получения гражданства включает в себя множество требований, таких как демонстрация знания русского языка, знание российской истории и прохождение соответствующих тестов. Процедура получения гражданства России должна сочетаться со смягчением миграционной политики для тех государств, которые установят русский язык в качестве государственного, сохраняют изучение и применение русского языка в школах, государственных организациях и учреждениях. Стремление к сохранению рус-

²³ Масалов А.Г. Гражданственность и патриотизм: теоретико-методологические основы исследования и формы проявления в современных условиях // Вестник Московского государственного университета им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2015. № 3. С. 73–78.

²⁴ Иванов С.Д. Законодательное регулирование процедуры получения гражданства РФ и проблемы его правоприменения // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 11. С. 461–468.

ской культуры, общей истории, общих ценностей должно быть определено в качестве критериев создания международных неправительственных организаций на базе СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Следует законодательно сблизить права и обязанности граждан Российской Федерации и граждан государств, проводящих русскоязычную политику. Граждане России обладают рядом прав и обязанностей, включая право избирать и быть избранным, право на доступ к здравоохранению и образованию, а также ответственность за соблюдение российских законов и уплату налогов. Также гражданам российской страны гарантируется право на справедливое судебное разбирательство и защиту от произвольного лишения гражданства. Аналогичные права должны быть установлены для лиц, считающих себя частью «русского мира». Они могут быть закреплены в миграционном законодательстве в части безвизового въезда. Также потребуются установление прозрачного и доступного механизма подтверждения дипломов и специальностей, выработка единых стандартов в области образования. В трудовом законодательстве и законодательстве о государственной и муниципальной службе в части права на трудоустройство на государственную и муниципальную службу с минимальными дополнительными требованиями.

Следует урегулировать вопрос как потери гражданства, так и возможности аннулирования паспорта для лиц, которые своими действиями наносят вред государству.

Иксанов И.С.,

доцент кафедры конституционного и муниципального права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция : монография / С.А. Авакьян. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003.
2. Безруков А.В. Конституционное право России : учебное пособие / А.В. Безруков. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юстицинформ, 2015.
3. Бродовская Е.В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность / Е.В. Бродовская // Власть. 2019. Т. 27. № 4.
4. Бронников И.А. Цифровое гражданство в Российской Федерации: политические риски и перспективы / И.А. Бронников, В.В. Карпова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. № 3.
5. Варлен М.В. Гражданство. Россия и СНГ : учебно-практическое пособие / М.В. Варлен. Москва : Проспект, 2015.

6. Васильев Ф.П. Идентификация личности в сфере обмена информации в условиях чрезвычайных происшествий / Ф.П. Васильев // Вестник НИЦ МИСИ: Актуальные вопросы современной науки. 2020. № 25.
7. Галаева М.И. Институт гражданства в условиях глобализации / М.И. Галаева, А.А. Албогачиев, Р.Б. Гандалоев // Образование и право. 2021. № 3.
8. Ешев М.А. Порталы электронных петиций как одна из форм реализации гражданских прав в Российской Федерации / М.А. Ешев, П.Н. Марков, М.М. Тхаркахо, И.Б. Абрамян // Colloquium-Journal. 2019. № 19-7 (43).
9. Иванов С.Д. Законодательное регулирование процедуры получения гражданства РФ и проблемы его правоприменения / С.Д. Иванов // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 11.
10. Калинин В.Н. Законодательство о гражданстве Российской Федерации: принятие, изменения, тенденции и перспективы развития / В.Н. Калинин // Законодательство о гражданстве и правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации — 20 лет: опыт, тенденции и перспективы развития : сборник статей. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022.
11. Калинин В.Н. Институт гражданства в российском праве: общетеоретический аспект : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.Н. Калинин. Москва, 2002.
12. Калинин В.Н. Реализация международно-правовых норм и принципов в области гражданства в Законе «О гражданстве Российской Федерации» / В.Н. Калинин, С.В. Попов // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3.
13. Калинин В.Н. Реализация международных стандартов в области гражданства в законах о гражданстве Российской Федерации и Республики Беларусь / В.Н. Калинин // Сацьяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. 2017. № 4 (50).
14. Кельба И.И. Правовой институт гражданства Российской Федерации / И.И. Кельба // Миграционное право. 2012. № 1.
15. Кишкин С.С. Советское гражданство : монография / С.С. Кишкин ; под редакцией В.И. Яхонтова. Москва : Юридическое издательство НКО РСФСР, 1925.
16. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права : монография / О.Е. Кутафин. Москва : Юрист, 2001.
17. Кутафин О.Е. Российское гражданство : монография / О.Е. Кутафин. Москва : Юрист, 2004.
18. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы объективного права : монография / Н.И. Матузов. Саратов, 1972.
19. Овсепян Ж.И. К вопросу о государствоведческой концепции гражданства / Ж.И. Овсепян // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 13.
20. Поддубная О.Н. Цифровая трансформация: теоретико-методологические подходы / О.Н. Поддубная // Тенденции экономического развития в XXI веке : материалы III Международной научной конференции (г. Минск, 1 марта 2021 г.) / члены редакционной коллегии : М.М. Ковалев, В.Ф. Байнев, П.С. Лемещенко ; главный редактор : А.А. Королева. Минск : Белорусский государственный университет, 2021.
21. Славинская Е.А. Понятие и виды краудфандинга: законодательное закрепление / Е.А. Славинская, О.М. Куницкая // Финансовое право в условиях цифровизации экономики : материалы международного научно-практического круглого стола (г. Минск, 13 ноября 2020 г.) / редакторы : Ю.П. Гаврильченко, О.М. Куницкая, А.А. Пилипенко, Е.С. Ульянова ; главный редактор В.С. Каменков. Минск : Белорусский государственный университет, 2020.

22. Степанов О.А. Правовое регулирование генезиса цифровой личности / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3.
23. Ciccone M. Digital Citizenship Is About a Whole Lot More Than Online Etiquette / M. Ciccone // Education Week. 2020. 20 August.
24. Jenkins H. By Any Media Necessary: The New Youth Activism / H. Jenkins, S. Shresthova, L. Gamer-Thompson [et al.]. New York : New York University Press, 2016.
25. Jenkins H. Theorizing participatory intensities: A conversation about participation and politics / H. Jenkins, N. Carpenter // Convergence the International Journal of Research into New Media Technologies. 2013. Vol. 19. Iss 3. DOI: 10.1177/1354856513482090/
26. Marshall T.H. Citizenship and Social Class / T.H. Marshall, T. Bottomore. London : Pluto Press, 1992.
27. McCosker A. Negotiating Digital Citizenship: Control, Contest and Culture / A. McCosker, S. Vivienne, A. Johns. Lanham, Maryland : Rowman & Littlefield, 2016.
28. Mossberger K. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation / K. Mossberger, C.J. Tolbert. Cambridge, MA : MIT Press, 2007.
29. Pangrazio L. Digital Rights, Digital Citizenship and Digital Literacy: What's the Difference? / L. Pangrazio, J. Sefton-Green // Journal of New Approaches in Educational Research. 2021. № 10 (1).
30. Polizzi G. Internet users' utopian/dystopian imaginaries of society in the digital age: Theorizing critical digital literacy and civic engagement / G. Polizzi // New Media & Society. 2023. Vol. 25. Iss. 6.
31. Ribble M. Nine elements of digital citizenship / M. Ribble. URL: <https://choraltech.wordpress.com/nine-elements-of-digital-citizenship-mike-ribble/> (дата обращения: 19.02.2023).
32. Syellte T. Cultural Differences in the Impact of Social Support on Psychological and Biological Stress Responses / T. Syellte, S. Httjung, W. William, D. Sherman // Psychological Science. 2004. Vol. 18. Iss. 9.

Социальное партнерство как фактор устойчивого развития российского общества

В.Е. Чиркин относит регулирующее воздействие конституционного права к механизмам, способным поддержать устойчивое развитие общества в условиях перманентных экономических и политических кризисов, успехов и провалов современного мира. По его мнению, отдельные социально-экономические положения Конституции хотя и носят декларативный характер и не подлежат судебной защите, вместе с тем ориентируют текущее законодательство и обязывают правительство принимать соответствующие меры¹.

Идея социального партнерства, выйдя за пределы социально-трудовой сферы и будучи закрепленной на конституционном уровне, экстраполируется на широкий комплекс социетальных отношений и отражает трансформирующийся общественный (социетальный) договор, в котором не только общество наделяет государство определенными полномочиями, но и публичная власть начинает переходить к совместному управлению со структурами общества из коммерческого и некоммерческого секторов во имя устойчивого развития.

Концепция устойчивого развития имеет множество интерпретаций, среди которых получившими широкое распространение и заслуживающими пристального внимания являются эколого-системный и триединый подходы. Эколого-системный подход к устойчивому развитию, в особенности такое его направление, как учение о ноосфере, предполагают сбалансированное сосуществование природы и общества на основе научного знания и государственной политики в объединяющем человечество пространстве ноосферы. Исследовательская программа эколого-системного подхода рассматривает экономическую и социальную системы как подсистемы окружающей среды, в связи с чем именно устойчивость экологической системы является определяющей для устойчивости ее подсистем. Триединый подход к устойчивому развитию обращает внимание на взаимосвязанное единство трех аспектов — экологического, экономического и социального развития.

Так, устойчивое экологическое развитие основывается на целостности экосистем и поддержании жизнеспособности биосферы, социальный аспект устойчивого развития нацелен на поддержание в стабильном состоянии социальных и культурных систем, а экономическая составляющая базируется

¹ Чиркин В.Е. Социальная справедливость как фактор устойчивого развития общества (конституционные вопросы) // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 1. С. 89–97.

на сбалансированной модели экономики, опирающейся на внедрение экологически чистых технологий, минимизацию выбросов и переработку отходов.

Роль конституционной идеи социального партнерства как фактора устойчивого развития заключается в том, что его апробированные механизмы и формы способны обеспечить эффективное социетальное взаимодействие ключевых социальных акторов — государства, бизнеса и некоммерческого сектора.

В XX веке в западном и отечественном академическом дискурсах появился ряд важных открытий и разработок, в которых получил распространение социетальный подход² к пониманию общества. В соответствии с данным подходом общество трактуется как совокупность наиболее сложных взаимосвязанных подсистем с развитыми и разветвленными социальными структурами, которые функционально взаимодействуют.

Понятие «социетальное» служит для обозначения совокупности отношений между людьми как представителями крупных социальных общностей (классов, этносов и т.д.). Первым понятие «социетальность» ввел видный социальный теоретик Т. Парсонс, для того чтобы охарактеризовать системную интеграцию социальных сообществ. Социетальная подсистема основана на потребности людей интегрироваться в общество³. Основной вопрос, который решает социетальный подход, — «как общество становится и остается собою», иными словами, как происходит самоорганизация и самосохранение общественной системы? По Ф. Гиддингсу, «социетальное — это феномен социальных отношений в большем масштабе», а социетальные группы — большие группы, «деятельность которых не может быть основана на малозначащих вещах»⁴.

В рамках социетального подхода обосновывается трехсекторная модель общества, согласно которой социум выступает как сложная динамическая система с исторически выделившимися крупными подсистемами (секторами) — государственный сектор (называемый первым), негосударственный коммерческий сектор (второй) и негосударственный некоммерческий сектор (третий)⁵. Деятельность каждой из этих подсистем направлена на достижение собственных целей и имеет свой «дух», свои критерии эффективности. По мнению Л.А. Кудринской, для государственного (первого) сектора —

² О социетальном подходе см.: Зборовский Г.Е. Общая социология : учебник. М., 2004; Ионова О.Б. «Социетальная» гипотеза Т. Парсонса // Социология. 2004. № 2. С. 18–32.

³ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494–526.

⁴ Гиддингс Ф. Социология как наука о человеческом обществе и человеческом поведении // Хрестоматия по общей социологии / сост. В.П. Култыгин, А.Г. Кузнецов. М., 2004. С. 30–35.

⁵ См.: Кудринская Л.А. Социетальная трехсекторная модель общества // Омский научный вестник. 2015. № 1 (135). С. 204–207.

это «дух порядка, стабильности, закона», социально-экономическая эффективность, благосостояние общества в целом. Второй сектор характеризуется веберовским «духом капитализма», который заключается в максимальной бережливости ресурсов и трудолюбии, преданности профессиональному делу, главный критерий — экономическая эффективность. «Дух» третьего сектора, который иногда называют «добровольческим», — ценности свободы и ответственности, альтруизма, взаимопомощи, участия, самореализации, плюрализма, его критерием является социальная эффективность. Морально-положительная направленность третьего сектора не дает двум другим подсистемам переродиться в свои негативные ипостаси тоталитаризма и сверхэксплуатации. На необходимость баланса в системе «государство — общество» указывал В.Е. Чиркин, говоря о том, что в условиях, «когда вся жизнь общества огосударствлена, государственное регулирование приобретает запредельный характер. На первых порах... такой подход может дать определенный технико-экономический эффект, но в дальнейшем это приводит к стагнации, тупику общественного развития и часто — к краху... Напротив, если теперь исключить всякое государственное вмешательство, в том числе в сферу прав и свобод человека, то это может привести к катастрофическим последствиям для общества, к беспределу»⁶.

Социетальные взаимодействия в современном обществе привели к осознанию необходимости создания системы социального партнерства. В межсекторном социальном партнерстве государство и его социальные партнеры из коммерческого и некоммерческого секторов добиваются синергетического эффекта от совместного использования своих ресурсов. Социальными партнерами выступают институты публичной власти (первый сектор), объединения предпринимателей (второй сектор) и некоммерческие, негосударственные организации третьего сектора. Все три подсистемы общества должны взаимодействовать в рамках социума для достижения общей цели общественной системы — ее устойчивого развития. По мнению В.Н. Якимца, такое межсекторное взаимодействие необходимо, для того чтобы совместными усилиями разрешать значимые социальные проблемы, такие, например, как бедность, загрязнение окружающей среды и др.⁷.

В конституционной модели социального партнерства как модели межсекторных социетальных отношений можно увидеть высокую правовую легитимацию концепции совместного управления, которая обладает значительным потенциалом для административных трансформаций.

⁶ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 298.

⁷ Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. М. : УРСС, 2004. С. 19.

В западной науке существуют разные понятия, отражающие новые формы участия некоммерческого сектора в процессах выработки политики и принятия решений: «совместное управление» (*collaborative governance*), «управление через участие сообщества», «сообщество, привлекающее правительство», «интегрированное публичное управление», наиболее универсальным является термин «совместное управление»⁸. В отечественной науке идея совместного управления выражена в разных подходах. В.Е. Чиркин говорит о партисипации как о всемерном привлечении граждан к управлению государством и способе преодолеть отчуждение государства⁹. Некоторые исследователи говорят об общественно-государственном управлении, государственно-общественном партнерстве¹⁰, гражданском диалоге¹¹. Также развивается концепция «гражданское вовлечение»¹².

Концепция социального партнерства отражает конвенциональный (договорной) аспект в совместном управлении и обеспечивает широкие правовые возможности и гарантии для процесса согласования множества публичных и частных интересов. Социальное партнерство в этой связи рассматривают как способ практического осуществления идей конвенционализма на основе принципа социальной справедливости¹³. Данное определение содержит важный отличительный признак социального партнерства, который дает возможность выделить его среди других договорных форм взаимодействия — критерий социальной справедливости.

Социальная справедливость в разных постиндустриальных обществах построена на разных социокультурных парадигмах. Либеральная парадигма

⁸ Walker P. Participatory governance : towards a strategic model // *Community Development Journal*. 2011. Vol. 46. № 2. P. ii63–ii82; Bell St. The governance of public affairs // *Journal of Public Affairs*. 2009. Vol. 9. № 2. P. 149–159; King C. Building capacity to engage : Community or government engagement // *Community Development Journal*. 2012. Vol. 47. № 1. P. 5–28; Kernagan K. Moving towards integrated public governance : improving service delivery through community engagement // *International Review of Administrative Sciences*. 2009. Vol. 75. № 2. P. 2.

⁹ Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 295. О партисипаторном управлении см. также: Давлетшина А.Э. Партисипаторное бюджетирование как практика партисипаторного управления // *Оригинальные исследования*. 2020. Т. 10. № 6. С. 274–280. Об участии граждан в управлении на основе цифровых технологий см.: *Электронное участие : концептуализация и практика реализации в России : монография / под ред. А.В. Чугунова, О.Г. Филатовой*. СПб. : Алетей, 2020. 254 с.

¹⁰ Шапкина Е.А. Государственно-общественное партнерство : проблемы теории, методологии, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

¹¹ Якимец В.Н. Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // *Социальные и гуманитарные знания*. 2019. Т. 5. № 3. С. 208–223.

¹² См.: Калинина А.В. Краудсорсинг как инструмент вовлечения гражданских инициатив в процессы демократизации власти в РФ // *Академический вестник*. 2012. № 4 (22). С. 17–24; Перезолова А.С. Практики гражданского вовлечения в публичную политику и опыт управления гражданскими инициативами // *Вопросы управления*. 2015. № 5 (36). С. 25–31.

¹³ См.: Митрохин В.И. *Социальное партнерство : учебно-методическое пособие*. М., 1998. С. 31.

социальной справедливости в западных обществах предполагает равенство возможностей, в незападных обществах социальная справедливость больше понимается как равенство при распределении государством социальных благ. Для устойчивого развития России неприемлемы оба этих подхода в «чистом» виде. Следует согласиться с тем, что в современных условиях важное значение приобретает интегративная модель социальной справедливости¹⁴, при которой, с одной стороны, у государства есть достаточный потенциал для осуществления дистрибутивной функции, с другой стороны, социальная функция государства обеспечивается также его горизонтальными связями с гражданскими институтами.

По мнению В.Е. Чиркина, социальная справедливость в наши дни становится одним из важнейших социально-экономических положений современного конституционного права¹⁵. В этой связи следует отметить, что в теории и практике управления государственно-организованным обществом ориентирующий смысл конституционной идеи социального партнерства заключается в использовании его механизмов для совместного управления, целью которого является устойчивое развитие России на основе социальной справедливости.

Ильина О.Ю.,

доцент юридического факультета

Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,

кандидат юридических наук

(Республика Саха — Якутия, г. Якутск)

Литература

1. Аубакирова И.У. Ориентирующий смысл идеи социальной справедливости в управлении государственно-организованным обществом / И.У. Аубакирова // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве : материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 18 февраля 2015 г.) / под общей редакцией Т.А. Сошниковой. Москва : Московский гуманитарный университет, 2015.
2. Гиддингс Ф. Социология как наука о человеческом обществе и человеческом поведении / Ф. Гиддингс // Хрестоматия по общей социологии / составители : В.П. Кулыгин, А.Г. Кузнецов. Москва : Научная книга, 2004.
3. Ионова О.Б. «Социетальная» гипотеза Т. Парсонса / О.Б. Ионова // Социология. 2004. № 2.
4. Конституционное право. Общая часть : учебный курс. В 2 книгах. Кн. 2 / под редакцией Н.А. Богдановой, А.А. Троицкой. Москва : Зеркало-М, 2022.

¹⁴ Аубакирова И.У. Ориентирующий смысл идеи социальной справедливости в управлении государственно-организованным обществом.

¹⁵ Чиркин В.Е. Социальная справедливость в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 512.

5. Кудринская Л.А. Социетальная трехсекторная модель общества / Л.А. Кудринская // Омский научный вестник. 2015. № 1 (135).
6. Мамут Л.С. Государство как публично-властным образом организованный народ / Л.С. Мамут // Журнал российского права. 2000. № 3.
7. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль : тексты : перевод / составитель Е.И. Кравченко ; под общей редакцией В.И. Добренькова. Москва : Международный университет бизнеса и управления, 1996.
8. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России : учебник / А.С. Автономов, Т.И. Виноградова, М.Ф. Замятина, Н.Л. Хананашвили ; под общей редакцией А.С. Автономова. Москва : Фонд НАН, 2003.
9. Тихомиров Ю.А. Государство : монография / Ю.А. Тихомиров. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2013.
10. Чиркин В.Е. Современное государство / В.Е. Чиркин. Москва : Международные отношения, 2001.
11. Чиркин В.Е. Социальная справедливость как фактор устойчивого развития общества (конституционные вопросы) / В.Е. Чиркин // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 1.
12. Шапкина Е.А. Государственно-общественное партнерство: проблемы теории, методологии, практики : автореферат диссертации доктора юридических наук / Е.А. Шапкина. Москва, 2023.
13. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы / В.Н. Якимец. Москва : УРСС, 2004. 382 с.
14. Bell St. The governance of public affairs / St. Bell, A. Hindmoor // Journal of Public Affairs. 2009. Vol. 9. Iss. 2.
15. Kernagan K. Moving towards integrated public governance : improving service delivery through community engagement / K. Kernagan // International Review of Administrative Sciences. 2009. Vol. 75. Iss. 2.
16. King C. Building capacity to engage : Community or government engagement? / C. King, M. Cruickshank // Community Development Journal. 2012. Vol. 47. Iss. 1.
17. Walker P. Participatory governance : towards a strategic model / P. Walker, P. Shannon // Community Development Journal. 2011. Vol. 46. Iss. 2.

Функциональный потенциал Конституции Российской Федерации в сфере обеспечения суверенитета современной России

Рассмотрение функционального потенциала Конституции РФ¹ в сфере обеспечения суверенитета современной России в качестве теоретической основы предполагает обращение к составу и содержанию ее функций. Из всего многообразия мнений по этому вопросу наиболее емким и вместе с тем лаконичным представляется подход С.А. Авакьяна, который указывает на то, что любой конституции независимо от социальной системы свойственны следующие функции: учредительная, организаторская, внешнеполитическая, идеологическая, юридическая². Естественно, что такие функции выполняет и Конституция РФ, причем обеспечение суверенитета Российской Федерации может быть рассмотрено через призму концентрации функций Конституции РФ на этом важном политико-правовом свойстве государственной власти.

Функциональный потенциал нашей Конституции выражает ее инструментальную роль. По обоснованному мнению И.А. Кравца, в современной России функции конституции должны послужить основой для разработки механизма реализации Конституции РФ, ее влияния на различные сферы общественной жизни — правовую, политическую, экономическую, культурную³. Одной из таких сфер является государственный суверенитет, обеспечение которого особенно актуально в процессе построения многополярного мира, отстаивания Россией собственных интересов в условиях острой геополитической борьбы с США и примкнувшими к ним государствами, а также международными организациями. Понятие суверенитета, отражающее верховенство, независимость, самостоятельность ветвей власти на территории государства и независимость в международном общении, является многогранным, так как в его составе выделяют и различные подвиды: экономический, информационный, военный, культурный и др. При этом потенциал

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения: 15.11.2023).

² Авакьян С.А. Конституционное право России : учеб. курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. С. 161.

³ Кравец И.А. Функции и сферы действия конституции: теоретико-методологические и практические вопросы классификации // Вестник НГУ. Серия: Право. 2011. Т. 7. Вып. 1. С. 49.

функций Конституции РФ в рассматриваемой сфере, исходя из объема и содержания общего понятия потенциала⁴, может быть определен как конституционно-правовые возможности и средства обеспечения суверенитета современной России.

Думается, что сегодня для обеспечения суверенитета России особое значение имеет учредительная составляющая воздействия Конституции на общественные отношения, выражающая достигнутые нашим обществом результаты и одновременно закладывающая основу его дальнейшего развития. Принятие в Российскую Федерацию новых субъектов требует особого внимания не только к территориальным границам суверенитета России, но и к работе конституционного механизма обеспечения суверенитета России в указанных субъектах, с учетом их специфики. В условиях переходного периода, который применительно к новым субъектам Российской Федерации (помимо Республики Крым и города федерального значения Севастополь) будет продолжаться до 1 января 2026 г., должна произойти интеграция новых субъектов РФ в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему ее органов государственной власти. Такая интеграция необходима и в сфере обеспечения суверенитета России, выражая своеобразную учредительно-интеграционную подфункцию Конституции РФ.

Организаторская функция Конституции, реализуясь в сфере обеспечения суверенитета, ориентирует граждан, общество, государство на выполнение этой задачи. Насколько комплексным является обеспечение государственного суверенитета, настолько увеличивается многомерность организаторской функции в этой области и необходимость концентрации внимания на экономических, политических, правовых, идеологических, духовно-культурных аспектах организующего воздействия. В связи с этим актуальными представляются именно системный анализ реализации этой функции и ее связь с системными характеристиками Конституции РФ.

Внешнеполитическая функция Конституции в сфере обеспечения суверенитета России сегодня, в условиях построения многополярного мира, приобретает как особое звучание, так и особое значение, в том числе по поводу критериев полноты государственного суверенитета в связи с участием России в межгосударственных объединениях и передачей им части своих полномочий, ценностными и иными принципиальными основаниями принятия мер по недопущению вмешательства во внутренние дела государства. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции

⁴ Потенциал // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1989. С. 1058.

внешней политики Российской Федерации»⁵, указано, что Россия проводит самостоятельный и многовекторный политический курс, при этом укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров. Закономерно, что на первом месте в перечне национальных интересов Российской Федерации во внешнеполитической сфере указана защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации от деструктивного иностранного воздействия. С.А. Авакьян обоснованно указывал на возможность выражения основ внешнеполитической деятельности в конституции в виде специальных глав о внешней политике и обороне⁶. Возможно, наиболее оптимальным вариантом будет конкретизация конституционных положений, касающихся внешней политики, либо тех положений, которые посвящены государственному суверенитету, и, в частности, международно-правовых принципов реализации государственного суверенитета, сотрудничества с другими суверенными государствами.

Значение идеологической функции Конституции РФ для обеспечения суверенитета России представляется бесспорным. В Концепции внешней политики Российской Федерации акцентируется внимание на том, что распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Такого рода воздействию на суверенитет призвана противостоять и наша Конституция. Не затрагивая дискуссии по поводу ст. 13 Конституции РФ, можно отметить, что идеологические аспекты суверенитета России в ее тексте выражены достаточно фрагментарно. При этом важными являются новые положения, закрепленные в ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ о воспитании в детях патриотизма, гражданственности, преемственности в развитии российского государства, признании исторически сложившегося государственного единства. Новой предпосылкой для обеспечения суверенитета России является и положение ст. 75.1 Конституции РФ, устанавливающее, что в Российской Федерации создаются условия для взаимного доверия государства и общества, обеспечиваются экономическая, политическая и социальная солидарность. Пренебрежение такого рода вопросами в современных информационных условиях грозит серьезными негативными последствиями в сфере обеспечения суверенитета России. В Стратегии национальной

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007> (дата обращения: 08.11.2023).

⁶ Авакьян С.А. Указ. соч. С. 165.

безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁷ указывается, что жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. Наличие таких задач вызывает необходимость в целостном, системном подходе к обозначению и конкретизации идеологической функции Конституции РФ применительно к обеспечению государственного суверенитета, и, соответственно, обращения к конституционному тексту для определения возможностей с целью его совершенствования именно как выразителя идеологической функции. Решение этого вопроса возможно в том числе посредством выработки подхода к государственной идеологии, отразив в качестве одной из формализованных конституционных идей ценностные основы государственного суверенитета, одновременно обеспечив единство элементов такой идеологии, выраженных в Конституции РФ.

Юридическая функция в современных условиях является, пожалуй, наиболее значимой. Основание для этого утверждения заключается в том, что она не только сама воздействует на общественные отношения, но и выступает основой принятия текущего законодательства, юридически выражает другие функции. Насколько динамика обновления конституционных норм, направленных на обеспечение устойчивого прогресса России, в том числе и ее суверенитета, сегодня соответствует развитию общественных отношений, обусловленных активным участием России в изменении системы мироустройства? Конечно, право всегда будет отставать от стремительного развития общественных отношений. Однако юридическое выражение функций Конституции в сфере обеспечения государственного суверенитета выглядит незавершенным, даже с учетом новейших изменений. Так, наряду с полнотой конституционного закрепления такой несомненной ценности, как государственный суверенитет, имеют место неполнота и фрагментарность выражения в Конституции РФ механизмов его обеспечения, а также сложность текстуального их выражения. Указанные фрагментарность и сложность выражаются в том, что наиболее значимые новые положения содержатся в гл. 3 Конституции РФ, посвященной федеративному устройству. Причины, по которым они были закреплены именно в этой главе, вполне понятны и заключаются в том, что жесткий порядок пересмотра нашей Конституции не позволяет обеспечить высокую динамику ее кардинального

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

реформирования и, в частности, внесения изменений в гл. 1, 2 и 9, в результате чего мы получили некоторые сложности, связанные с системным изложением в ее тексте положений, обеспечивающих суверенитет. Обеспечить системность конституционных положений в этой сфере представляется возможным только в процессе кардинальной конституционной реформы.

Думается, что подход к реализации функционального потенциала Конституции РФ в сфере обеспечения суверенитета современной России прямо связан с процессом, который отметил Н.С. Бондарь применительно к экологическому конституционализму и который представляет собой, с одной стороны, проникновение конституционных начал, принципов и ценностей основного закона в экологическую сферу, а с другой — встречные процессы, связанные с проникновением эколого-правовых начал в сферу конституционного законодательства, причем оба этих процесса заслуживают самостоятельного анализа, специальных оценок⁸. Причем такой подход имеет более универсальное методологическое значение и вполне может быть распространен на конституционное обеспечение суверенитета России. На его основе можно выделить три сферы: 1) обеспечение системности уже существующих норм Конституции; 2) определение основных направлений развития конституционных норм в текущем законодательстве; 3) выявление возможностей восприятия Конституцией фундаментальных подходов к обеспечению суверенитета, выраженных в документах стратегического планирования. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и новой Концепции внешней политики Российской Федерации содержатся фундаментальные положения, возможность включения которых в текст Конституции нуждается в серьезных исследованиях и которые способны расширить возможности воздействия Конституции на общественные отношения в области обеспечения суверенитета, без существенного увеличения объема конституционного текста. Трудно переоценить, особенно в настоящее время, актуальность высказывания Президента Российской Федерации В.В. Путина, отметившего, что сильное, ответственное гражданское общество — основа суверенитета нашей страны⁹. При этом вопросы участия гражданского общества в обеспечении суверенитета современной России могут быть ре-

⁸ Бондарь Н.С. Экологический конституционализм: доктрина и практика // Экологический конституционализм: научно-образовательная доктрина, правотворческая и правоприменительная практика : сборник материалов III Донского форума судебного конституционализма / отв. ред. проф. Н.С. Бондарь. Вып. 13 / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Изд-во Южного федерального университета, 2023 (Серия «Библиотека судебного конституционализма»). С. 25.

⁹ Стенограмма выступления В.В. Путина на форуме АСИ : «Сильные идеи для нового времени». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71554> (дата обращения: 01.11.2023).

шены лишь посредством внесения в текст Конституции более общих систематизированных положений, посвященных гражданскому обществу в целом, с указанием его роли, гражданских инициатив и участия в выработке и проведении государственной политики.

Сегодня реализация функционального потенциала Конституции РФ в сфере обеспечения государственного суверенитета современной России связана с нелегким выбором: либо повышать эффективность реализации уже закрепленных в Конституции положений, направленных на обеспечение государственного суверенитета, либо думать над обновлением этого основополагающего акта. Причем, учитывая многомерность суверенитета, наличие у него политических, экономических, территориальных, информационных, идеологических и иных аспектов, такое обновление может быть весьма масштабным.

Киреев В.В.,

профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин
Института права Челябинского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
(г. Челябинск)

Литература

1. Авакьян С.А. Конституционное право России : ученый курс : учебное пособие. В 2 томах. Т. 1 / С.А. Авакьян. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2010.
2. Бондарь Н.С. Экологический конституционализм: доктрина и практика / Н.С. Бондарь // Экологический конституционализм: научно-образовательная доктрина, правотворческая и правоприменительная практика : материалы III Донского форума судебного конституционализма (г. Ростов-на-Дону, 23 сентября 2022 г.) / ответственный редактор Н.С. Бондарь. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2023.
3. Кравец И.А. Функции и сферы действия конституции: теоретико-методологические и практические вопросы классификации / И.А. Кравец // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2011. Т. 7. № 1.
4. Потенциал // Советский энциклопедический словарь / главный редактор А.М. Прохоров. 4-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1989.

О некоторых вопросах правового статуса парламентариев: являются ли сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы должностными лицами и/или лицами, занимающими государственные должности

При анализе правового статуса сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной думы важным становится ответ на вопрос: являются ли сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации должностными лицами и/или лицами, занимающими государственные должности? Необходимость этого обусловлена тем, что признание или непризнание лица должностным или замещающим государственную должность напрямую влияет на его правовой статус, совокупность прав, обязанностей, гарантий, ограничений и запретов — иными словами, все то, что этот правовой статус формирует. Кроме того, от ответа на этот вопрос зависит, распространяют ли на сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной думы свое действие те или иные нормативные правовые акты, например Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹, имеется ли возможность признания их специальным субъектом в рамках привлечения к ответственности и т.д. Учитывая отсутствие в доктрине подобного рода работ, считаем данное исследование актуальным, а ответ на заявленный в названии вопрос необходимым для определения правового статуса российских парламентариев.

В правоприменительной практике в качестве нормы-дефиниции, устанавливающей содержание понятия должностного лица, часто используется определение, данное в примечании 1 к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации «Злоупотребление должностными полномочиями», в которой под должностным понимается лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее функции представителя власти либо выполняющее организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного само-

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

управления, государственных и муниципальных учреждений, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеют право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации².

Данное определение должностного лица используется для целей гл. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященной преступлениям против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Содержание данного определения конкретизируется постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»³, содержащим положения о том, что к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности. При этом следует отметить, что функции, права и обязанности члена законодательного органа не являются синонимом функций, прав и обязанностей всего органа законодательной власти.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 285 // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.

Под организационно-распорядительными функциями Пленум Верховного Суда рекомендует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками, с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, с организацией порядка прохождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

В качестве административно-хозяйственных функций Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 рекомендует рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходом)⁴.

Таким образом, исходя из комплексного анализа данных правовых норм, можно сделать вывод о том, что сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной думы не исполняют функции представителя власти и не обладают организационно-распорядительными и административно-хозяйственными полномочиями, а следовательно, не могут считаться должностными лицами применительно к определению данного понятия, используемому в уголовном праве.

В административном законодательстве определение должностного лица содержится в ст. 2.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, где под должностным понимается лицо, постоянно, временно или в соответствии со специальными полномочиями осуществляющее функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него, а равно лицо, выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, а также в Вооруженных Силах

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий». П. 3, 4, 5 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.

Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации⁵.

Данное определение содержит сходные с уголовным правом признаки должностного лица в виде осуществления функции представителя власти и/или выполнения организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций и также не позволяет отнести сенатора Российской Федерации и депутата Государственной думы к категории должностных лиц.

В научной литературе содержится мысль о том, что под реализацией властных полномочий следует понимать выполнение соответствующих функций на основании положений какого-либо нормативного правового акта, наделяющих их соответствующими полномочиями представителя власти, а также идея о невозможности признания должностным лицом граждан, не соответствующих необходимым для этого критериям и не наделенных организационными и распорядительными функциями, в том числе государственных служащих и работников органов местного самоуправления⁶.

Обращаясь к международной практике, можно привести в пример определение должностного лица публичной международной организации, содержащееся в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции⁷, принятой в Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (документ ратифицирован Федеральным законом от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»)⁸. Данный документ закрепляет положение о том, что должностное лицо публичной международной организации означает международного гражданского служащего или любое лицо, которое уполномочено такой организацией действовать от ее имени.

Сенатор Российской Федерации и депутат Государственной Думы не являются государственными служащими и не вправе действовать от имени всего Совета Федерации и Государственной Думы соответственно, если не занимают определенную предусмотренную должность в управлении палатой Федерального Собрания или индивидуально не наделены на это специальным правом.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Ст. 2.4 // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

⁶ Смирных Д.А. О совершенствовании законодательного определения понятия должностного лица в УК РФ // Юридическая наука. 2021. № 7. С. 60.

⁷ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН). Ст. 2 // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

⁸ Федеральный закон от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.

Обращаясь в рамках исследования рассматриваемого в статье вопроса к муниципальному уровню, можно привести в качестве примера определение статуса заместителя председателя представительного органа муниципального образования и ответ на вопрос о его принадлежности к категории должностных лиц местного самоуправления.

В разъяснениях Комитета Государственной думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления⁹ содержатся положения о том, что, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹⁰, должностным лицом местного самоуправления является выборное либо заключившее контракт (трудовой договор) лицо, наделенное исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления, а, следовательно, для ответа на вопрос, является ли заместитель председателя представительного органа муниципального образования должностным лицом местного самоуправления, необходимо определить, наделен ли он правовыми актами полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления.

Таким образом, снова определяющим критерием становится наличие у лица исполнительно-распорядительных полномочий. Так, например, к должностным лицам местного самоуправления можно отнести главу муниципального образования, главу местной администрации и председателя представительного органа муниципального образования.

Интересным представляется наличие определения государственных должностных лиц в локальных актах. Так, например, Благотворительный фонд Владимира Потанина в Этическом кодексе и антикоррупционной политике фонда под государственным должностным лицом понимает любое, российское или иностранное, назначаемое или избираемое лицо, замещающее какую-либо должность в законодательном, исполнительном, административном, правоохранительном, судебном органе или международной организации, любое лицо, выполняющее какую-либо публичную функцию для государства, в том числе для государственного органа, учреждения или предприятия. А также содержит перечень государственных должностных лиц Российской Федерации, в который сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной думы не входят, они локаль-

⁹ Практика применения законодательства о местном самоуправлении в разъяснениях Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. М. : Издание Государственной Думы, 2018. С. 158–159.

¹⁰ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Ст. 2 // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

ными актами данного фонда отнесены к категории «ведущих политических деятелей»¹¹.

И, наконец, ключевым в вопросе принадлежности сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной думы к категории должностных лиц является наличие в ст. 9 Регламента Совета Федерации¹² перечня должностных лиц. В соответствии с данной нормой должностными лицами Совета Федерации являются Председатель Совета Федерации, первый заместитель Председателя Совета Федерации, заместитель Председателя Совета Федерации, председатель комитета Совета Федерации, первый заместитель председателя комитета Совета Федерации, заместитель председателя комитета Совета Федерации, член комитета Совета Федерации.

Примечательно, что в перечне должностных лиц отсутствуют председатели, первые заместители (заместители) председателя и члены комиссий Совета Федерации. Считаем целесообразным исправить данную коллизию, внося соответствующие изменения в Регламент Совета Федерации, расширив перечень должностных лиц представителями перечисленных должностей.

Должностные лица Совета Федерации соотносятся с государственными должностями в Совете Федерации, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации»¹³.

Таким образом, сенатор Российской Федерации не является должностным лицом и становится наделенным этим статусом только при занятии соответствующей должности, предусмотренной Регламентом Совета Федерации и в рамках реализации связанных с этой должностью полномочий.

Регламент Государственной Думы¹⁴ не содержит подобного перечня должностных лиц, но по аналогии с Советом Федерации можно говорить о том, что должностными лицами Государственной Думы являются Председатель Государственной Думы, первый заместитель Председателя Государственной Думы, заместитель Председателя Государственной Думы, руководитель фракции в Государственной Думе, председатель комитета (комиссии)

¹¹ Благотворительный фонд Владимира Потанина : официальный сайт. URL: <https://fondpotanin.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

¹² Регламент Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации»). Ст. 9 // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 17 января.

¹⁴ Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации») // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

Государственной Думы, первый заместитель председателя комитета (комиссии) Государственной Думы, заместитель председателя комитета (комиссии) Государственной Думы, член комитета (комиссии) Государственной Думы.

Отвечая на вопрос, являются ли сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, следует отметить, что в примечании 2 к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации «Злоупотребление должностными полномочиями» содержится определение, согласно которому под лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов¹⁵.

Закрытый перечень государственных должностей содержится в Указе Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации»¹⁶. Согласно данному документу лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, применительно к теме данной статьи являются Председатель Совета Федерации Федерального Собрания, первый заместитель, заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания, председатель, заместитель председателя комитета (комиссии) Совета Федерации Федерального Собрания, член комитета (комиссии) Совета Федерации Федерального Собрания, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания, первый заместитель, заместитель Председателя Государственной Думы Федерального Собрания, руководитель фракции в Государственной Думе Федерального Собрания, председатель, заместитель председателя комитета (комиссии) Государственной Думы Федерального Собрания, член комитета (комиссии) Государственной Думы Федерального Собрания.

Примечательно, что в перечне государственных должностей отсутствуют первый заместитель председателя комитета (комиссии) Совета Федерации и первый заместитель председателя комитета (комиссии) Государственной Думы. Считаем целесообразным исправить данную коллизию, внося соответствующие изменения в Указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации», расширив перечень указанными государственными должностями.

¹⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 285 // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁶ Указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. № 32 «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 17 января.

Подводя итог, следует отметить, что на основании вышеизложенного считаем, что сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации не являются должностными лицами и лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, и приобретают данный статус только при занятии соответствующих должностей в палатах Федерального Собрания и в рамках реализации связанных с этой должностью полномочий. Таким образом, можно говорить о статусе и соответствующих полномочиях сенатора Российской Федерации и депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а не о занятии должности сенатора и депутата, что подтверждается, например, позицией Конституционного суда¹⁷, отмечающего «особый публичный статус» сенаторов и депутатов Государственной думы.

Ключников Н.Г.,

аспирант кафедры конституционного, административного
и уголовного права юридического факультета
Среднерусского института управления — филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Орел)

Литература

1. Практика применения законодательства о местном самоуправлении в разъяснениях Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления / И.В. Бабичев, А.В. Павлов, В.В. Волков [и др.] ; под общей редакцией А.Н. Диденко. Москва : Издание Государственной Думы, 2018.
2. Смирных Д.А. О совершенствовании законодательного определения понятия должностного лица в УК РФ / Д.А. Смирных // Юридическая наука. 2021. № 7.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта “в” части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона “О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

Будущее российского федерализма: «советский федерализм 2.0» или новая разновидность территориального устройства?

По итогам прошедшей конституционной реформы 2020 г., которая в доктрине вызвала обоснованные суждения о ее противоречивости и пробельности¹, очередные значимые преобразования претерпело федеративное устройство Российской Федерации: в составе Федерации появились новые территориальные единицы — федеральные территории, и были изменены сферы ведения Федерации и совместного ведения за счет добавления ряда новых предметов ведения². Но при этом коллегами часто упускается из виду, что на протяжении более чем 20 лет (после прихода к власти В.В. Путина) российский федерализм претерпел кардинальные институциональные преобразования, а также сформировались административные практики, которые стали приближать его к модели так называемого «советского федерализма». Но вначале необходимо определить основные черты или свойства той самой советской модели. К ним следует отнести:

— сложносоставный характер Федерации, куда входили почти полноценные субъекты (автономные республики), национально-территориальные административные автономии (автономные округа и автономные области) и административные единицы (края и области);

— сочетание принципов федерализма и автономии, причем указывалось, что советский федерализм построен на национальной автономии;

— возможность сецессии (накануне распада СССР был принят специальный Закон СССР от 3 апреля 1990 г. № 1409-1 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР»³, хотя все советские конституции признавали возможность сецессии);

¹ См., напр.: Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грянет раунд четвертый // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31–44; Кряжков В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32; Скуратов Ю.И. Проблемы конституционной реформы в Российской Федерации и евразийский конституционализм // Современное право. 2020. № 6. С. 5–31.

² Отметим, что в ходе конституционной реформы 2020 г. перечни предметов ведения РФ и предметов совместного ведения расширились: первый увеличился с 40 до 45 сфер, второй — с 23 до 25 вопросов.

³ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 15. Ст. 252.

— признание совместного суверенитета союза и субъектов. В советский период конституции закрепляли суверенитет как за Федерацией, так и за ее субъектами⁴, и советские правоведы сформировали позицию о наличии самостоятельных суверенитетов у Федерации и у республик⁵, или по крайней мере так называемого «спящего суверенитета»⁶;

— наличие сферы совместного ведения и возможность субъектов решать ряд значимых вопросов самостоятельно или в соответствии с общими принципами (основами), утверждаемыми союзными органами власти.

В 90-е годы, после распада СССР, мы пытались строить Федерацию, опираясь на классические зарубежные образцы, и к признакам «нового» российского федерализма стали относить:

— теорию кооперативного федерализма, допускающую наличие ограниченного суверенитета и у субъектов РФ⁷;

— институты соуправления (деятельность ассоциаций экономического взаимодействия, проводивших заседания совместно с представителями Федерации, аналогично конференциям премьер-министров провинций в Канаде);

— участие субъектов в реализации совместного ведения на основе опережающего правового регулирования⁸;

— наличие двусторонних договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между Федерацией и субъектами (заключены были с 48 субъектами РФ)⁹.

В настоящее время мы возвращаемся к «советскому федерализму 2.0» с жесткими механизмами иерархического контроля за субъектами Федерации и их политикой со стороны федеральных органов власти:

— по факту отказ от совместного ведения и полный «захват» этой сферы как с точки зрения нормотворчества, так и с позиции исполнения и реали-

⁴ См.: Златопольский Д.Л. СССР — федеративное государство. М., 1967. С. 218, 256–257; Лепешкин А.И. Советский федерализм. М.: Юрид. лит., 1977. С. 276.

⁵ См.: Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право: учебник. М.: Юрист, 2000. С. 19.

⁶ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник: в 4 т. Т. 1–2 / отв. ред. Б.А. Страшун. М., 1995. С. 674–675.

⁷ Исхаков И.И. Республика (государство) в составе Российской Федерации: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Уфа, 2001. С. 17; Юсупов Т.З. Татарстан — государство в Российской Федерации // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. проф. С.А. Авакьяна. Т. 2. М., 2004. С. 34–35.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

⁹ Всего было заключено 42 договора с 46 субъектами РФ, не считая федеративного договора, заключенного до принятия Конституции РФ. Все они прекратили действие и (или) не применяются.

зации полномочий в пользу Федерации¹⁰. Как отмечается в литературе, попытка закрепить в Федеральном законе № 184-ФЗ¹¹ перечень полномочий субъектов по предметам совместного ведения, финансируемый ими самостоятельно, провалилась, так как в результате многочисленных изменений указанный перечень разросся до невероятных размеров, многие полномочия стали фиксироваться в нем отсылочной нормой к отраслевому федеральному закону¹². Более того, невозможно зачастую выявить реальный объем закрепленных в федеральном законодательстве региональных полномочий по предметам совместного ведения, так как во множестве федеральных законов такие полномочия закреплены дополнительно¹³. Нужно также особо отметить, что предметы ведения регионов в России практически отсутствуют. А не имеющая конституционной основы практика передачи федеральных полномочий для осуществления органам субъектов Российской Федерации путем принятия федерального закона получила крайне активное развитие, что фактически превращает данные органы в территориальные подразделения федеральных органов¹⁴. Следует добавить, что и практика так называемого «делегирования» федеральных полномочий субъектам на основании соглашений не является справедливой и сбалансированной, так как касается только части регионов и в основном только организационно-распорядительных полномочий¹⁵;

¹⁰ Федеральные полномочия, переданные для осуществления органам субъектов РФ на основании федеральных нормативных правовых актов. По состоянию на 1 июня 2021 г. действовал 61 федеральный закон, который либо содержал перечни федеральных полномочий, переданных для осуществления органам субъектов РФ, либо предусматривал потенциальную возможность такой передачи путем принятия нормативных актов Президента РФ или Правительства РФ. См.: Чаплинский А.В., Меркуленко А.А. Субконституционная модель распределения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами: централизация vs автономия регионов // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 142–157.

¹¹ Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 (прекратил действие).

¹² См.: Реформа организации публичной власти: основные направления реализации / отв. ред. А.Е. Постников, Л.В. Андриченко. М., 2022. С. 68–94.

¹³ Ирхин И.В. О некоторых инструментах оптимизации механизма реализации субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения с Российской Федерацией // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 38.

¹⁴ Чаплинский А.В., Меркуленко А.А. Субконституционная модель распределения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами: централизация vs автономия регионов // Там же.

¹⁵ На 1 июня 2021 г. действовало 55 соглашений, предусматривающих такую передачу полномочий. Всего действующие соглашения заключены с 29 регионами, из которых 24 субъекта РФ имеют только по одному соглашению. См.: Чаплинский А.В., Меркуленко А.А. Субконституционная модель распределения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами: централизация vs автономия регионов // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 142–157.

— переход к системе формирования органов исполнительной власти субъектов по инициативе федеральных органов власти (на губернаторском уровне) и согласование ключевых руководителей органов исполнительной власти с федеральными отраслевыми органами, а также усиление ответственности перед федеральным центром;

— отрицание кооперативных практик взаимодействия между органами федеральной власти и органами власти субъектов РФ как в рамках механизмов межбюджетного взаимодействия, так и при решении вопросов исполнения федеральных актов;

— формирование жесткой иерархичной вертикали в системе органов государственной власти и местного самоуправления, основанной на отрицании самостоятельности как системы органов власти субъектов, так и органов местного самоуправления и по принципу партийной лояльности;

— отсутствие налогового федерализма и сверхконцентрация доходов на федеральном уровне¹⁶, что порождает иждивенчество и полное нежелание органов власти субъектов работать на повышение инвестиционной привлекательности регионов, повышение занятости и т.д.;

— может идти речь о возможном территориальном реформировании состава Федерации за счет создания новых федеральных территорий и изъятия территорий из состава существующих субъектов Федерации. Как отмечается в литературе, несмотря на обширные замыслы по использованию данного элемента территориального устройства, анонсировавшиеся в ходе обсуждения предложений о внесении изменений в Конституцию РФ, инкорпорированные в нее в итоге немногословные положения о федеральных территориях оказались не самыми ясными¹⁷. Нет понимания даже в том, будет ли будущим федеральным территориям придаваться правосубъектность. В рамках нынешней редакции ч. 1 ст. 67 Конституции РФ во взаимосвязи с названным заключением Конституционного Суда РФ бесспорно лишь, что в первом случае статус федеральной территории не может быть тождественен статусу субъекта РФ¹⁸;

— сформирована однопартийная система рекрутирования кадров для работы в органах представительной и исполнительной власти субъектов РФ

¹⁶ Лютова О.И. Игра в налоговый федерализм завершена? URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/306993443.pdf?ysclid=ln7qhycj7k804813196>

¹⁷ См. об этом: Васильева Н.В., Праскова С.В., Пятковская Ю.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования // Правоприменение 2021. Т. 5. № 1. С. 125–128; Лексин И.В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 28–33.

¹⁸ Лексин И.В. Территориальная основа российской государственности: результаты состоявшихся конституционных изменений и перспективы новых преобразований // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 41.

и органах местного самоуправления, а равно и система партийного контроля за деятельностью органов власти в регионах.

Некоторые выводы. Фактически мы наблюдаем **массовую законодательную инфляцию**, когда федеральные законы по факту или не регулируют правоотношения, или применяются избирательно или когда судебная практика идет вразрез с «буквальным» применением правовой нормы. Это касается различных аспектов правового регулирования, но применительно к федерализму выражается в возвращении системы «нефинансируемых» мандатов, существовавшей до 2003 г., когда отраслевыми федеральными законами на субъекты возлагается реализация полномочий, не обеспеченных финансированием из какого-либо бюджета.

Российский федерализм превратился в фиктивный федерализм «советского» типа, а по факту — в унитаризм. Но при этом надо отметить, что в отдельных субъектах есть анклавности самостоятельности (та же Чечня или частично Москва), но в подавляющем большинстве регионов просто отсутствует самостоятельность органов представительной и исполнительной власти. Их деятельность жестко координируется и контролируется федеральными органами, прежде всего администрацией Президента РФ.

Но самое страшное явление, которое можно назвать **девальвацией ценностного потенциала** Конституции 1993 г., чей юбилей мы будем отмечать 12 декабря, происходит в научной доктрине. Некоторые наши коллеги на полном серьезе предлагают если не отказаться совсем от важнейших принципов (разделение властей, многопартийность, свобода и независимость личности и др.), то руководствоваться только достижением мегапринципа «благополучия нации», под которым понимается *благосостояние граждан, стабильность экономического развития, уровень безопасности, резистентность к кризисам и иным вызовам устойчивому развитию, безопасности и мирной жизни*¹⁹. При этом нельзя не согласиться с И.А. Умновой-Конюховой, что развитие федеративных отношений в итоге пошло не по пути реализации модели децентрализованного кооперативного федерализма (ст. 71, 72 и 73 Конституции РФ), а в направлении формирования централизованного федерализма, основанного на делегировании и деконцентрации власти на правила, определяемых сверху. В результате в нашей стране сформировался *новый гибридный тип конституционного строя, сочетающий элементы либеральной демократии и автократии*, который опирается при этом на нравственно-духовные и социальные традиции Отечества: патриотизм, уважение человека труда, вера в Бога, семья и дети — опора государства

¹⁹ Умнова-Конюхова И.А. Какой конституционный строй нужен России? Оценка и прогноз конституционного развития сквозь призму мировых конституционных трансформаций // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8. С. 4.

и общества, трепетное отношение к русской культуре и культуре народов России и др.²⁰.

С нашей точки зрения, также можно говорить о девальвации не только ценностного потенциала Конституции 1993 г., но и подмене ее ценностей патриархальными, архаичными и явно недемократическими принципами (часть из которых была инкорпорирована и в гл. 3 Конституции в ходе конституционной реформы 2020 г.) и почти реализованной дефедерализации государственного устройства Российской Федерации. В ходе этого процесса, идущего уже более 20 лет, наше государственное устройство фактически стало копировать институционализированные и административные практики советского федерализма, устанавливавшего жесткую систему политико-административного управления территориальными единицами в составе СССР.

Кондрашев А.А.,

заведующий кафедрой конституционного, административного
и муниципального права Юридического института
Сибирского федерального университета,
доктор юридических наук, профессор
(г. Красноярск)

Литература

1. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грянет раунд четвертый / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1.
2. Васильева Н.В. Конституционный статус федеральных территорий в России: теоретические основы законодательного регулирования / Н.В. Васильева, С.В. Праскова, Ю.В. Пятковская // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1.
3. Енгибарян Р.В. Конституционное право : учебник / Р.В. Енгибарян, Э.В. Тадевосян. Москва : Юрист, 2000.
4. Златопольский Д.Л. СССР — федеративное государство / Д.Л. Златопольский. Москва : Издательство Московского университета, 1967.
5. Ирхин И.В. О некоторых инструментах оптимизации механизма реализации субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения с Российской Федерацией / И.В. Ирхин // Журнал российского права. 2020. № 9.
6. Исхаков И.И. Республика (государство) в составе Российской Федерации: Вопросы теории и практики : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.И. Исхаков. Уфа, 2001.
7. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. В 4 томах. Т. 1. Часть общая: конституционное право, человек, общество / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор Б.А. Страшун. Москва : Бек, 1993.

²⁰ Умнова-Конюхова И.А. Какой конституционный строй нужен России? Оценка и прогноз конституционного развития сквозь призму мировых конституционных трансформаций // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8. С. 5.

8. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. В 4 томах. Т. 2 Часть общая: конституционное право и публичная власть / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор Б.А. Страшун. Москва : Бек, 1995.
9. Кряжков В.А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации / В.А. Кряжков // Государство и право. 2020. № 9.
10. Лексин И.В. Территориальная основа российской государственности: результаты состоявшихся конституционных изменений и перспективы новых преобразований / И.В. Лексин // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10.
11. Лексин И.В. Федеральные территории в России: перспективы и проблемы реализации конституционных нововведений / И.В. Лексин // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8.
12. Лепешкин А.И. Советский федерализм / А.И. Лепешкин. Москва : Юридическая литература, 1977.
13. Лютова О.И. Игра в налоговый федерализм завершена? / О.И. Лютова // Налоговед. 2013. № 5.
14. Реформа организации публичной власти: основные направления реализации / А.Е. Постников, Н.С. Бондарь, А.Е. Помазанский [и др.] ; ответственные редакторы А.Е. Постников, Л.В. Андриченко. Москва : Норма, 2022.
15. Скуратов Ю.И. Проблемы конституционной реформы в Российской Федерации и евразийский конституционализм / Ю.И. Скуратов // Современное право. 2020. № 6.
16. Умнова-Конюхова И.А. Какой конституционный строй нужен России? Оценка и прогноз конституционного развития сквозь призму мировых конституционных трансформаций / И.А. Умнова-Конюхова // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 8.
17. Чаплинский А.В. Субконституционная модель распределения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами: централизация vs автономия регионов / А.В. Чаплинский, А.А. Меркуленко // Журнал российского права. 2022. № 1.
18. Юсупов Т.З. Татарстан — государство в Российской Федерации / Т.З. Юсупов // Конституция как символ эпохи. В 2 томах. Т. 2 / под редакцией С.А. Авакьяна. Москва : Издательство Московского университета, 2004.

Конституционные гарантии обеспечения социальных прав человека в сфере формирования условий активного долголетия

Система социальных прав и свобод стремительно развивается на фоне двух ключевых тенденций: глобализации и дифференциации прав. Социальные права регулируют отношения, формирующие социальный строй государства. Эти права происходят из самой природы и сущности человека как социального существа, являются неотъемлемыми, неотчуждаемыми правами каждого человека, гарантированы государством с целью удовлетворения жизненных потребностей индивида, создания эффективных условий его достойной жизни и свободного развития, улучшения коммуникационных связей в обществе. «Социальные права занимают главное место в системе ценностей, обеспечивающих достойный уровень жизни, являются частью цивилизованного общества, выражая его моральный уровень, и являются индикатором справедливости»¹. Социальные права обеспечиваются путем активного, прямого вмешательства государства в перераспределение национального дохода и полномочий в интересах населения в целом и определенных категорий лиц в частности.

Социальное государство должно обеспечивать достойный уровень жизни граждан, свободное развитие и самореализацию каждого человека через определение и гарантирование системы социальных прав, благ и обязанностей, основанной на принципах социальной справедливости, социальной ответственности и социальной солидарности и реализуемой государством в тесной взаимосвязи с обществом и каждым человеком. «В современную эпоху наблюдается устойчивая тенденция определения основных требований социального государства как принципа основ конституционного строя. В Конституции Российской Федерации трактовка социального государства дана через два основных критерия: создание государством условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7)»².

Главный критерий социального государства — это интересы общества, населения, других социальных общностей и категорий людей. В социальном государстве наблюдаются социализация общественных интересов, повышение рейтинга социальных ценностей и приоритета социальной защиты

¹ Костылева Е.Д. Проблемы судебной защиты социальных прав и свобод в условиях кризиса // Современный юрист. 2022. № 1 (38). С. 20.

² Умнова-Конюхова И.А. Принцип социального государства в Российской Федерации: эволюция содержания и применение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 5. С. 18.

таких общностей, как семья, дети, молодежь, пенсионеры, инвалиды, и других категорий, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства. В контексте противодействия росту социального напряжения возрастает значение таких принципов, как социальное единство, социальная солидарность, социальная справедливость, социальное благополучие, социальная идентичность, социальная ответственность.

Несмотря на общую позитивную динамику социализации государств, сохраняется немало проблем подлинного утверждения социальных прав. Одно из очевидных противоречий — диспропорции между содержанием социальных прав и отсутствием гарантий их реализации. Эти проблемы актуальны и для Российской Федерации. Социальная политика России еще не переориентировала в необходимой мере социальную деятельность публичной власти на создание более конструктивной социально-распределительной системы социальных благ и на эффективное внедрение новых технологий повышения качества и уровня жизни людей.

В современном мире наблюдается глобальный процесс демографического старения населения, который связан с изменением возрастной структуры и характера воспроизводства населения. Одним из пропорциональных ответов на вызовы глобального старения выступает создание условий, обеспечивающих максимальную автономность и активность, а также социальную поддержку пожилых людей и возможность быть активными долгое время.

Сущность и содержание социальных прав определяют публично-правовые нарративы, целостная формализация которых обеспечивает эффективность реализации социально-правовых норм. Под такими нарративами понимаются концепция, понятие и политика социального государства, его цели и задачи; социальные функции государства и права; социальные ценности как цели (благополучие, здоровье, социальная активность, трудовая занятость); социальные общности и социальные группы как объекты социальной защиты (например, семья, пожилые люди, инвалиды); социальная конституция как структурная формально-юридическая подсистема конституции, регулирующая социальный строй; социальное законодательство как система источников социального права.

Главные направления деятельности социального государства — это социальное обеспечение, социальное страхование, социальные услуги. Конституционно-правовые гарантии социального государства — это социальная защита, социальная безопасность, социальная ответственность. Общей целью социальной политики государства в сфере социальной защиты пожилых граждан выступает ориентир на здоровое старение, здоровый образ жизни, организацию досуга и комфортного проживания, реализацию планов пожилых людей и продление их трудовой деятельности.

Концепция здорового старения основана на понятиях «индивидуальная жизнеспособность» и «функциональная жизнеспособность». Эти показатели дают возможность соотнести два ключевых параметра, на которых основывается активность пожилого человека, а именно здоровье и функционирование. Первый показатель связан с совокупностью всех физических и психических состояний пожилых людей, которые они могут использовать в любые моменты времени, для того чтобы быть более активными. Вторым показателем — это условия, в рамках которых происходит старение пожилых людей, относятся к среде, взаимодействиям и общению в ней, а также к особенностям социальной политики в стране, где проходит жизнь пожилых людей.

Содействие активной старости, с учетом потребностей пожилых людей, обеспечение необходимых условий для функциональной жизнеспособности и создание комфортной среды для активного старения должны стать основными направлениями социальной политики государства.

Важным аспектом поддержания физического здоровья пожилых людей является ориентир на здоровое старение и реализацию медицинских мер (например, в виде диспансеризации). Поэтому необходимо развитие системы диспансеризации во всех регионах и районах, даже тех, которые страдают от нехватки медиков и объектов здравоохранения. В целом должен быть сформирован ориентир на предотвращение невирусных заболеваний среди пожилых людей, выявление заболеваний на ранних стадиях, последовательную профилактику. Для того чтобы избежать стремительного роста расходов на здравоохранение в будущем, необходимо разорвать связь между плохим здоровьем и занятостью. Нужно совершенствовать активность и участие общества в жизни немощных людей, требующих эффективного долгосрочного ухода.

Возвращение пожилых людей на рынки труда и развитие их активного участия в трудовой деятельности (ориентир на трудоустройство и переобучение по специальным программам) не всегда воспринимается населением благоприятно (например, увеличение пенсионного возраста). Из-за повышения пенсионного возраста, поощрения раннего выхода на пенсию и санкционирования любой занятости во время выхода на пенсию (заморозка индексации пенсий работающим пенсионерам) возникает проблема, связанная с тем, что пенсионная система приводит пожилых людей к бездействию.

Социальная политика государства в сфере активного долголетия концентрируется в основном в рамках возрастной дискриминации, а именно обсуждения физических, психологических и возрастных барьеров, которые создают пожилым людям препятствия для участия в социальной жизни, интеграции в социум. Активное долголетие в таком случае видится в устранении барьеров для интеграции пожилых людей на рынки труда, для развития их потенциала. В сфере трудовой деятельности пожилых граждан в России

есть немало проблем, среди которых — отсутствие заинтересованности у работодателей в пожилых работниках, дискриминация пожилых людей по возрасту на рынке труда. Наиболее толерантны к пожилым людям старшего возраста частный сектор, консервативные сферы занятости, а также бюджетный сектор, в том числе медицина, образование и наука³. В то же время представители коммерческого сектора в большей степени склоны рассматривать пожилых людей в качестве специалистов, которые выполняют низкоквалифицированные задачи: охранников, уборщиков.

С целью преодоления вышеозначенных проблем необходимо в будущем развитие нескольких источников дохода для пожилых людей, различных видов и типов занятости, а также совмещение различных работ, самостоятельный выбор работ, создание новых пенсионных механизмов, поощряющих возможности для трудоустройства и работы неполный рабочий день. Более активно нужно использовать критерий заслуг, который означает, что пенсионная система должна поддерживать такой уровень дохода, который гражданин достиг за время своей работы. Критерий потребностей как принцип справедливого распределения означает, что пенсионная система должна гарантировать уровень дохода, который может удовлетворять потребности граждан.

Государственная политика и социальные программы для поддержки старших возрастных групп в России до недавнего времени были в основном ориентированы на решение задач медицинского обеспечения и проблем, связанных с естественным старением населения. Была создана государственная гериатрическая служба, одна из задач которой — создание и развитие сети гериатрических госпиталей и больниц, а также системы реабилитационных учреждений для пожилых людей⁴. В работу гериатрической помощи в России включена как стационарная помощь старшим возрастным группам, так и помощь на дому. Однако аспект здоровья пожилых в данном случае выходит на первый план, и в рамках деятельности службы отсутствует возможность оказания пожилым людям психологической и медицинской поддержки⁵.

Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 г. акцентирует внимание на необходимости специальных мер для пожилых людей, а также на внедрении и развитии специальной политики. Отмечается важность достижения к 2025 г. ожидаемой продолжительности жизни в

³ Сизова И.Л., Орлова Н.С. Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 1. С. 110.

⁴ Шабалин В.Н. Медико-социальные проблемы физиологического старения населения России // Альманах клинической медицины. 2009. № 21. С. 12.

⁵ Егоров В.В. Гериатрическая служба России. Основные тенденции развития // Клиническая геронтология. 2007. Т. 13. № 3. С. 68.

75 лет и принятия мер, направленных на поддержание и развитие политики активного долголетия в России. Среди этих мер — необходимость создания специальных гериатрических центров, развитие активного долголетия и инклюзии пожилых людей в социум.

Социальная политика государства должна прежде всего предусматривать создание различных программ для реализации принципов активного долголетия, которые должны включать два основных направления: первое — это развитие занятости пожилых граждан, создание программ занятости для них, развитие физической активности; второе — это ориентир на здоровье и важность поддержания здоровья для пожилых людей.

Социальная политика активного долголетия должна учитывать реальные проблемы пожилых людей, среди которых немаловажными выступают борьба с различными неравенствами, созданными искусственно, и переход к индивидуальной доступности выбора пожилым человеком предпочтительной модели старения.

Россия стремится создавать возможности для свободного развития личности, самостоятельного удовлетворения человеком своих нужд и только в исключительных случаях оказывает помощь лицам, не способным удовлетворить свои потребности. При этом либерально-демократический подход доминирует над социалистической системой распределения социальных благ, что вызывает несогласие со стороны значительного числа людей и общества. Это объясняется социалистическим наследием прошлого, для которого было характерно полное обеспечение граждан работой, бесплатным жилищем, бесплатным образованием, предоставлением различных пособий на равной основе, и такое восприятие социальной функция государства устоялось в сознании граждан старшего поколения до настоящего времени.

Реальный уровень социальности государства раскрывается через такие признаки, как: направленность политики на защиту социальных прав и законных интересов индивида; обеспечение социального партнерства: государство при реализации социальных функций обеспечивает социальную ориентацию не только государственного, но и частного секторов экономики и социально ориентированных негосударственных некоммерческих организаций; обеспечение трудовой занятости населения, реализация социальных программ для обеспечения жизнедеятельности людей.

Желаемый уровень социального государства охватывает задачи: повышения социальных стандартов жизни, обеспечения социальной справедливости в распределении благ, роста гарантий со стороны государства для обеспечения равных возможностей в получении социальных благ и социальном обеспечении, расширения доступности социальных услуг, введение бесплатного образования, бесплатного жилья и прочих недоступных сегодня благ и услуг для работающей и незащищенной части населения, повышения

качества жизни; обеспечения взаимной социальной ответственности власти, общества и индивида.

Социальная ответственность государства означает, что органы власти несут ответственность за реализацию социальной функции, обеспечивают эффективное функционирование отраслей социальной инфраструктуры. Ответственность общества состоит в активном участии в реализации социальной функции государства. Ответственность человека перед обществом и государством заключается в соблюдении законов и других правовых норм, в добросовестном отношении к труду, уплате обязательных платежей и выполнении других социальных обязательств, за счет которых, в частности, реализуется социальная политика государства.

Именно выработка и реализация социальной политики является важнейшим инструментом функционирования социального государства. Принцип социального государства предполагает обязанность государства обеспечить справедливый социальный строй, закрепление данного принципа в основном законе государства свидетельствует об определении цели государства.

Важнейшим фактором и условием развития социального государства является его финансовое обеспечение. Социальное государство реализует свои цели только при наличии высокоэффективной социально ориентированной экономики и ответственного отношения к труду всего экономически активного населения.

Основными критериями социального государства являются правовые нормы, регулирующие социальные права человека. Обеспечивая их реализацию, государство ищет баланс между социальной активностью человека и его возможностью удовлетворить свои социальные потребности.

Костылева Е.Д.,

доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука
Российского государственного университета правосудия (РГУП),
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Егоров В.В. Гериатрическая служба России. Основные тенденции развития / В.В. Егоров // Клиническая геронтология. 2007. Т. 13. № 3.
2. Костылева Е.Д. Проблемы судебной защиты социальных прав и свобод в условиях кризиса / Е.Д. Костылева // Современный юрист. 2022. № 1 (38).
3. Сизова И.Л. Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России / И.Л. Сизова, Н.С. Орлова // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 1.
4. Умнова-Конюхова И.А. Принцип социального государства в Российской Федерации: эволюция содержания и применение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / И.А. Умнова-Конюхова, Е.Д. Костылева // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 5.
5. Шабалин В.Н. Медико-социальные проблемы физиологического старения населения России / В.Н. Шабалин // Альманах клинической медицины. 2009. № 21.

Суверенные права народа и государственный суверенитет в диалогическом конституционализме и информационном обществе*

Народный диалогический конституционализм как коллективная мудрость: дилеммы и перспективы

Многие конституционалисты видят в *культе писаной конституции* современный феномен поклонения *юридическому конституционализму*, который становится нормативным и этическим мерилom общественных отношений в сфере организации и функционирования системы органов публичной власти, территориальной организации государства, регулирования, реализации и защиты основных прав и свобод личности, а также новых видов общественных отношений, складывающихся между обществом, личностью и государством по поводу использования и внедрения новых технологий (информационных и цифровых технологий, биотехнологий, нейротехнологий). *Юридический конституционализм* как правовая концепция и практика реализации нормативных требований к конституционному строительству имеет как универсальное, так и национальное измерение¹. Современный юридический конституционализм основывается на культе писаной конституции, своеобразной юридической библии человечества с различными правовыми, территориальными, культурными и социально-политическими измерениями. В структуре современного конституционного права развиваются не только институты представительства и представительной демократии как процесс демократизации и цифровизации парламентской деятельности и представительства интересов². Появляются и относительно новые формы использования институтов делиберативного конституционализма³

¹ Конституционализм: универсальные и национальные измерения / Т.А. Алексеева, Т.А. Васильева, Н.В. Варламова [и др.]. М.: Институт государства и права РАН, 2022.

² Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография М.: Юстицинформ, 2022. 484 с.; Алебастрова И.А. Представительное правление и плебисцитарная демократия: новая попытка гармонизации на постсоциалистическом пространстве // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154). С. 14–44.

³ Worley J.J. Deliberative Constitutionalism // *BYU Law Review*. 2009. Iss. 2. P. 431.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627. См.: URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы»)).

и делиберативной демократии в процессе конституционных изменений современных государств⁴.

У *культы писаной конституции* есть три парных мировоззренческих компонента, которые порождают *дилеммы* современного конституционализма как нормативной системы, институционального механизма и совокупности этических и правовых ценностей в публичной и частной сферах жизнедеятельности человека, объединений граждан, общества, государства.

Конституция может «работать» в правовом и политическом пространстве без конституционализма, и конституционализм может существовать без писаной конституции. Оправданной стала позиция, что «сегодня концепция конституционализма превратилась в институт, глубоко укоренившийся в своей письменной природе»⁵.

Первая дилемма порождается парным стремлением обеспечить *устойчивость и стабильность писаных конституций*, с одной стороны, и их *отзывчивость на изменения*, вызванные к жизни потребностями общества и государства, достижениями науки и технологий. Данная дилемма находится в состоянии *вечного решения*, и ни одна из позиций не может быть проигнорирована в процессе конституционного развития и конституционных изменений. *Чрезмерная стабильность* ведет к *стагнации* не только конституционного текста, но и реальной правовой и политической системы, которая перестает получать нормативные импульсы от действующей конституции, если последняя не обеспечивает своевременное регулирование общественных отношений. *Постоянная изменчивость* опасна деградацией конституционных принципов правления, политический ветер быстрых перемен может привести к их выхолащиванию, нивелировке конституционных принципов и лежащих в их основе ценностей. *Авторитарная или авторитарно-автократическая тенденция* в конституционных изменениях может проявлять себя в рамках данной дилеммы вечного решения в одинаковой степени, хотя и с различной интенсивностью.

Вторая дилемма связана с *фактором участия в конституционных изменениях*. С одной стороны, действующие конституции ориентируются на государственно-правовую традицию XVIII–XIX вв. в части установления субъектов права инициировать конституционные поправки и пересмотр Конституции, в перечень которых входят преимущественно органы государственной власти (общенационального уровня, в федеративных государствах — и органы государственной власти субъектов Федерации как государственных образо-

⁴ The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / eds. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 384 p.

⁵ Albert R. The Cult of Constitutionalism // Florida State University Law Review. 2012. Vol. 39. № 2. P. 377.

ваний). Вместе с тем новейший опыт конституционного развития государств на европейском континенте (Ирландия, Исландия, Швейцария), в странах Латинской Америки (Бразилия, Чили и др.), в странах СНГ (Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия) показывает, что усиливается и распространяется на географической карте мира *тенденция вовлечения народа, институтов гражданского общества, института профессионального и экспертного мнения* в процесс конституционных изменений.

Появляется в сравнительном конституционном дизайне и в сравнительном конституционном праве *субдисциплина*, которая может быть отнесена к стратегической юриспруденции, к области стратегического публичного права. Данная субдисциплина определяет *опыт и перспективы конституционных преобразований и конституционных изменений*, какие бы способы и методы проведения в жизнь ни использовались. Международная группа ученых сформировала комплексное представление о сравнительных конституционных изменениях как субдисциплине сравнительного конституционного права и сравнительного конституционного дизайна⁶. Появилась научная серия книг, объединенных общей темой «*сравнительные конституционные изменения*» ('Comparative Constitutional Change'), в рамках которой отстаивается позиция, что сравнительные конституционные изменения «превратились в отдельную область конституционного права»; эта область включает в себя «изучение конституций с учетом того, как они изменяются, и охватывает широкий спектр тем и методологий»; публикации в рамках серии «включают работы по развитию функций конституции, организации власти и защите прав, а также исследования, посвященные формальным правилам внесения поправок и отношениям между учредительной и учрежденной властью»⁷. Особое место в исследовании сравнительных конституционных изменений занимает институт участия граждан, народа в процессе подготовки проектов поправок или конституций, их обсуждения и принятия. Вопросы повышения роли народа в конституционных изменениях занимают одно из ключевых мест в парадигме конституционного дизайна⁸.

Существуют весьма различные пути вовлечения граждан в процесс создания конституций, подготовки проектов поправок и проектов самих

⁶ Engineering Constitutional Change: A Comparative Perspective on Europe, Canada and the USA / ed. by X. Contiades (1st ed.). London : Routledge, 2012. DOI: 10.4324/9780203094990; Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. London : Routledge, 2020.

⁷ Routledge. BOOK SERIES. Comparative Constitutional Change. URL: <https://www.routledge.com/Comparative-Constitutional-Change/book-series/COMPCONST> (дата обращения: 25.09.2023).

⁸ Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / ed. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon ; New York : Routledge, 2017. P. 1–6.

конституций. Важно обеспечивать демократические процедуры обсуждения и принятия поправок, а следовательно, необходимо привлекать граждан, профессиональное и экспертное сообщество на ранних стадиях подготовки, а не только на завершающем этапе⁹. Представляется важным урегулировать вопрос на федеральном уровне (возможно в форме федерального конституционного закона) об использовании форм делиберативного и императивного участия граждан в процессе подготовке проектов поправок к Конституции РФ, проекта новой конституции (через гражданские ассамблеи, конституционный мониторинг, обсуждение через интернет-порталы и специально созданный сайт интерактивной конституции).

Третья дилемма возникает вследствие возникновения *новых технологических возможностей* конституционализма. С одной стороны, стоит задуматься над расширением применения информационных и цифровых технологий в сфере обсуждения, принятия поправок к конституции, возможной разработки проекта новой конституции, а также в сфере осуществления конституционного мониторинга (нарушений конституции, ей норм и положений в сфере отраслевого правового регулирования и практики правоприменения). В этом случае необходимо создание интернет-портала «Открытая конституция», создание гражданской ассамблеи (с участием обычных граждан), использование делиберативных инструментов для обсуждения возможных конституционных изменений в интернет-пространстве.

С другой стороны, следует учитывать опыт отдельных государств (например, практики принятия конституционных поправок в Конституцию Республики Ирландии и Конституцию Австралийского Союза) с использованием делиберативных институтов и процедур в конституционной политике, когда речь заходит о регулировании соматических и генетических прав человека. Актуальной и важной в таких процедурах становится *цель повышения легитимности государственной биополитики, создания социального доверия по вопросам биоюриспруденции*. Исследователи небезосновательно утверждают, что существует относительная эффективность «отдельных алеаторных процедур с участием случайно выбранных граждан» (в частности, гражданские ассамблеи и жюри); такие процедуры, тем не менее, содействуют повышению «легитимности и эффективности конституционных реформ»¹⁰.

Четвертая дилемма вызревает в *недрах конституционных и правовых ценностей*, отраженных в писаном тексте конституции и продуцируе-

⁹ Elster J. Ways of Constitution-making // Democracy's victory and crisis: Nobel symposium no. 93 / ed. by Axel Hadenius. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1997. P. 125.

¹⁰ Денисенко В.В., Трикоз Е.Н. Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека : опыт Республики Ирландии и Австралийского Союза // Государство и право. 2023. № 1. С. 100–113.

мых в правовое и политическое пространство национальной юрисдикции. Представляется важным осознать границы и перспективы, содержательные параметры *прогрессивного конституционализма*. В качестве официально признаваемой идеологии в демократическом и правовом государстве, каким провозглашается в своих целевых ориентирах Российская Федерация, может быть *идеология прогрессивного конституционализма*. Она является разновидностью конституционной идеологии¹¹, соединяющей *верность исконным ценностям* свободы, равноправия, социальной справедливости, демократического участия и *правового и политического прогресса* на основе экономического роста и повышения уровня социального благополучия, социальной защиты и социальной обеспеченности граждан страны.

В России при подготовке и осуществлении конституционной реформы 2020 г., а также в ходе ее дальнейшей реализации через комплекс конституционного и смежного законодательства использовались как *традиционные подходы и процедуры* (для государственно-правового опыта страны), так и *новые процедуры и технологии*, ранее не применявшиеся в отношении внесения поправок к Конституции РФ 1993 г., начиная с момента вступления ее в силу¹². Между тем многие предложения о создании нормативных, цифровых и процедурных основ для конституционных общественных инициатив не получили развития в ходе осуществления конституционной реформы 2020 г.¹³. Представляется важным развить в правовом и информационном пространстве России (в свете 30-летия Конституции РФ) один из ведущих мировых трендов в области *участия граждан в конституционных изменениях*. Это вопросы делиберативного участия в конституционном развитии и в процессе конституционных преобразований¹⁴, учитывая исторические традиции и нереализованные возможности в конституционном праве России¹⁵.

¹¹ «...Официальная идеология может быть лишь одна — конституционная», — пишет Н.М. Добрынин, перефразируя слова академика В.С. Нерсисянца. См.: Добрынин Н.М. Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы // Государство и право. 2023. № 9. С. 32. На наш взгляд, прогресс важен для преодоления застойных и инертных явлений в публично-правовой сфере, которые могут приводить к аномии юридической жизни, к росту абсентеизма и политической инертности граждан.

¹² Кравец И.А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) // Право и государство. 2020. № 3–4. С. 85–104.

¹³ Кравец И.А. Конституционные общественные инициативы и цифровые конституционные права // Право цифровой среды : монография / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М. : ООО «Проспект», 2022. С. 212–219.

¹⁴ Раздьяконова Е.В. Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива // История государства и права. 2023. № 5. С. 15–20.

¹⁵ Дробот С.Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 21–26.

Диалогический конституционализм развивает представления о формах, процедурах, субъектах и содержании конституционной коммуникации в правовом и политическом пространстве страны. Диалогический конституционализм является *разновидностью коммуникативного конституционализма*, который как концепция призван объяснить роль граждан, институтов гражданского общества, экспертного и профессионального сообщества во взаимоотношениях с органами публичной власти в процессе подготовки и осуществления конституционных изменений, обсуждения и принятия решений по публично-правовым вопросам.

В Европейском союзе конституционные общественные инициативы стали научной программой исследований «Разработка конституции и делиберативная демократия» (CA17135) в течение 4 лет (2018–2022 гг.). Существует официальный сайт и онлайн-портал акции (EU-funded COST Action) «Разработка конституции и совещательная демократия», финансируемой ЕС¹⁶. С начала XXI в., пишут исследователи, «литература по совещательной демократии переживает бум». Итоги реализации исследовательского проекта излагаются (в том числе) в новой коллективной монографии «Делиберативное создание конституций: Возможности и вызовы», в которой объясняется роль делиберативных (совещательных) процедур в создании конституций, уделяется внимание характеру связей между участием, представительством и легитимностью; рассматриваются процедуры делиберативного конституционализма в качестве политической тенденции в различных частях мира (как с теоретической, так и с эмпирической точек зрения). Исследование показывает, что делиберативный конституционализм проникает и работает не только в устоявшихся демократиях с хорошо известными случаями совещательной разработки конституций, но, что более важно, подобная практика применяется (с неоднозначным результатом) в авторитарных и менее консолидированных демократических условиях. Особое внимание уделяется «действующим лицам, в частности недостаточно представленным группам»¹⁷. Тема *делиберативного создания конституций*, несомненно, является *междисциплинарной* и охватывает комплекс вопросов о делиберативной демократии, конституционной политике, процессах «демократизации и автократизации», об участии граждан и других заинтересованных групп; поэтому вопросы подобного рода рассматриваются в более широком смысле, через сравнительную политику, государственное управление, социальную политику и право.

¹⁶ EU-funded COST Action 'Constitution-making and deliberative democracy'. URL: <https://constdelib.com/> (дата обращения: 27.09.2023).

¹⁷ Reuchamps M., Welp Y. (eds.). *Deliberative Constitution-making: Opportunities and Challenges*. 1st ed. London : Routledge, 2023. P. XV–XVI.

**Обязанность российского государства обеспечивать
государственный суверенитет, продвижение господства
не всякого права и конституционного вовлечения**

Конституция РФ 1993 г. закрепила в качестве целеполагающей деятельности российского государства принцип правового государства. Из этого принципа как конституционной характеристики и атрибутивного свойства Российской Федерации вытекает обязанность государства и его органов обеспечивать не только государственный суверенитет и территориальное верховенство, но и продвижение господства не всякого права в сложной структуре территориальной организации государства, на всех уровнях осуществления публичной власти (на федеральном, региональном и муниципальном)¹⁸.

Современный конституционализм испытывает трудности роста и идентификации в границах парадигмы либерально-демократического развития. Действующая Конституция РФ 1993 г. после поправок 2020 г. стала юридической основой для формирования *конституционного конвергента*, сочетающего принципы и ценности либерально-демократического и социал-демократического конституционализма, с одной стороны, некоторые принципы и ценности нелиберального неоконсерватизма, с другой стороны. С позиций осуществления публичной власти и государственного режима российский конституционализм становится симбиозом социал-демократических, авторитарных и патриархальных элементов правления. При этом наблюдается отказ от либерально-демократических принципов и ценностей, формально по-прежнему закрепленных в Конституции страны, однако выбор в пользу социал-демократических принципов и ценностей не сделан с определенной последовательностью. Так, конституционная реформа 2020 г. не привела к закреплению в Конституции РФ 1993 г. принципов социального рыночного хозяйства, не появилась и глава (или положения конституции) о бюджетном федерализме, о социал-демократическом развитии государства, о сочетании принципов рыночного хозяйства и социально ориентированной экономики.

В качестве предложений развития российского конституционализма можно отметить следующее.

Во-первых, проводить *демократизацию сферы повседневной и стратегической конституционной коммуникации* с широким участием граждан, институтов гражданского общества, профессионального экспертного мнения в публичном правовом и информационном пространстве России. Для этого

¹⁸ Кравец И.А. Обязанность российского государства продвигать господство права и содействовать благу и эффективному управлению // Право и правоприменение в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Новосибирск, 24–26 сентября 2020 г.). Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020. С. 71–75.

следует модифицировать нормативные основы и практику использования портала российских общественных инициатив (портал «Российская общественная инициатива»)¹⁹ так, чтобы существовала возможность инициировать и обсуждать проекты конституционных общественных инициатив.

Во-вторых, осуществлять *федерализацию институтов делиберативного конституционализма*, провести законодательную регламентацию форм и способов участия граждан в обсуждении и принятии решений по конституционно-правовым вопросам на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В-третьих, продолжать *цифровизацию институтов конституционной коммуникации и делиберативного конституционализма* с учетом потребностей алгоритмического управления, конституционного мониторинга, развития институтов конституционного и законодательного краудсорсинга применительно к деятельности общероссийского парламента (Федерального Собрания РФ) и региональных парламентов (законодательных органов государственной власти субъектов РФ).

Кравец И.А.,

и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права,
главный научный сотрудник Института философии и права
Новосибирского государственного университета (НГУ),
доктор юридических наук, профессор
(г. Новосибирск)

Литература

1. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики : монография / С.А. Авакьян. Москва : Юстицинформ, 2022.
2. Алебастрова И.А. Представительное правление и плебисцитарная демократия: новая попытка гармонизации на постсоциалистическом пространстве / И.А. Алебастрова // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 3 (154).
3. Денисенко В.В. Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека : опыт Республики Ирландии и Австралийского Союза / В.В. Денисенко, Е.Н. Трикоз // Государство и право. 2023. № 1.
4. Добрынин Н.М. Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы / Н.М. Добрынин // Государство и право. 2023. № 9.
5. Дробот С.Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования / С.Е. Дробот // История государства и права. 2023. № 5.

¹⁹ Портал создан во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»». URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения: 25.09.2023).

6. Конституционализм: универсальные и национальные измерения / Т.А. Алексеева, Т.А. Васильева, Н.В. Варламова [и др.] ; под редакцией Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. Москва : Институт государства и права РАН, 2022.
7. Кравец И.А. Конституционные общественные инициативы и цифровые конституционные права / И.А. Кравец // Право цифровой среды : монография / под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. Москва : Проспект, 2022.
8. Кравец И.А. Обязанность российского государства продвигать господство права и содействовать благу и эффективному управлению / И.А. Кравец // Право и правоприменение в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 24–26 сентября 2020 г.). Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020.
9. Кравец И.А. Цифровой конституционализм и будущее информационного общества (в контексте глобализации и интеграционных процессов) / И.А. Кравец // Право и государство. 2020. № 3–4.
10. Раздьяконова Е.В. Делиберативное участие в конституционном развитии России: теоретические аспекты и историческая ретроспектива / Е.В. Раздьяконова // История государства и права. 2023. № 5.
11. Albert R. The Cult of Constitutionalism / R. Albert // Florida State University Law Review. 2012. Vol. 39. Iss. 2.
12. Deliberative Constitution-making: Opportunities and Challenges / eds. by M. Reuchamps, Y. Welp. London : Routledge, 2023.
13. Elster J. Ways of Constitution-making / J. Elster // Democracy's victory and crisis: Nobel symposium № 93 / ed. by A. Hadenius. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 1997.
14. Engineering Constitutional Change: A Comparative Perspective on Europe, Canada and the USA / ed. by X. Contiades. London : Routledge, 2012. DOI: 10.4324/9780203094990
15. Participatory Constitutional Change: The People as Amenders of the Constitution / eds. by X. Contiades, A. Fotiadou. Abingdon ; New York : Routledge, 2017.
16. Routledge Handbook of Comparative Constitutional Change / eds. by X. Contiades, A. Fotiadou. London : Routledge, 2020.
17. The Cambridge Handbook of Deliberative Constitutionalism / eds. by R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.
18. Worley J.J. Deliberative Constitutionalism / J.J. Worley // BYU Law Review. 2009. Iss. 2.

К вопросу обеспечения недопустимости иностранного вмешательства в выборы (на примере России и Казахстана)

Кризис международного правопорядка, который проявился в последние годы, актуализирует проблему сохранения государствами своего суверенитета как в решении внутренних вопросов, так и во внешних отношениях. Одной из наиболее важных сфер суверенитета любого государства является суверенитет в вопросах организации и проведения выборов — электоральный суверенитет. Его ослабление с неизбежностью приводит к ущемлению, пренебрежению и подавлению национального суверенитета, права народа самостоятельно распоряжаться своей судьбой и выбором путей развития¹. Все это определяет различные аспекты жизни государства, в том числе и уровень социального благополучия граждан². Определяющее значение обеспечения электорального суверенитета имеет недопустимость иностранного вмешательства в выборы.

Согласно п. 6 ст. 3 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № ФЗ-67 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон «Об основных гарантиях...») иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные организации, международные организации и международные общественные движения не вправе осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, спискам кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, достижению определенного результата на выборах, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях. Подобный подход реализуется и в Казахстане. В пункте 4 ст. 3 Конституционного закона Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 «О выборах в Республике Казахстан»³ (далее — КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан») закрепляется, что не допускается иностранное вмешательство при подготовке и проведении выборов.

Гарантии, направленные на недопустимость иностранного вмешательства в выборы, нашли закрепление в национальном избирательном законодательстве в положениях, касающихся отдельных стадий избирательного процесса: запрет иностранным гражданам, лицам без гражданства быть чле-

¹ Борисов И. Электоральный суверенитет. М. : РОИИП, 2010. С. 9.

² Раздьяконова Е.В. Стандарт социального благополучия граждан: проблемные аспекты разработки и применения // Право и правоприменение в современной России. Новосибирск, 2020. С. 90–91.

³ Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z950002464_#z3 (дата обращения: 15.04.2023).

нами избирательных комиссий (ст. 19 КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан», ст. 29 Закона «Об основных гарантиях...»), иностранным гражданам, лицам без гражданства, иностранным юридическим лицам, международным организациям и международным общественным движениям принимать участие в предвыборной агитации (ст. 27 КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан», ст. 48 Закона «Об основных гарантиях...»), финансировании выборов (ст. 33 КЗ РК «О выборах в Республике Казахстан», ст. 58 Закона «Об основных гарантиях...») и т.п.

В рамках предотвращения иностранного вмешательства в выборы в последние годы в России и Казахстане стал активно развиваться институт иностранных агентов. В Казахстане о возможности появления нормативно-правовой базы, посвященной иностранным агентам, велась речь уже с середины прошлого десятилетия, с принятия специальных законов о них в Таджикистане и Кыргызстане. Также эта возможность связывалась с тем, что в России этот институт довольно активно развивался, а «Казахстан привык принимать решения с оглядкой на Россию, особенно поле того, как он еще больше интегрировался со своим северным соседом в рамках Евразийского союза»⁴. В февраля 2018 г. министром финансов Казахстана был издан приказ⁵, касающийся правил ведения базы данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев, лиц без гражданства. В марте 2023 г.⁶ в него были внесены изменения, трактовка которых позволила представителям экспертного сообщества вести речь о том, что «у госорганов уже есть “база данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев...», и теперь данные этой базы будут оформлены в виде некоего реестра». Также отмечалось о существовании в Казахстане де-факто закона об иностранных агентах: «Отдельный закон

⁴ Тен Ю. Неопознанные НПО. Появятся ли в Казахстане «иностранцы агенты»? // ИС «Параграф». URL: [https://online.zakon.kz/Document/?doc_id\(дата обращения: 15.04.2023\)](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id(дата обращения: 15.04.2023)).

⁵ Приказ министра финансов Республики Казахстан от 20 февраля 2018 г. № 240 (Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 5 марта 2018 г. № 16507 «Об утверждении Правил ведения базы данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев, лиц без гражданства, а также их включения и исключения из базы данных» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016507> (дата обращения: 15.04.2023).

⁶ Приказ заместителя премьер-министра — министра финансов Республики Казахстан от 13 марта 2023 г. № 268 «О внесении изменений и дополнения в приказ Министерства финансов Республики Казахстан от 20 февраля 2018 г. № 240 “Об утверждении Правил ведения базы данных о лицах, получивших и расходовавших деньги и (или) иное имущество, полученные от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранцев, лиц без гражданства, а также их включения и исключения из базы данных”». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032059> (дата обращения: 15.04.2023).

в 2016 году решили не создавать, но ввели отдельные положения в различные нормативные акты. Хотя их можно расценивать аналогично»⁷. При этом в избирательном законодательстве положения об иностранных агентах непосредственного отражения не нашли.

В России основу этого правового института заложил Федеральный закон от 14 июня 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»⁸. Согласно ст. 9 этого акта иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового. На лицо, являющееся иностранным агентом, накладываются определенные обязанности, в том числе и в рамках проводимых избирательных кампаний. Например, он не вправе осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, достижению определенного результата на выборах, а также в иных формах участвовать в избирательных кампаниях. Иностранным агентам запрещается вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов, зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений. В 2022 году ограничения активного и пассивного избирательного права, связанные со статусом иностранного агента, были включены также в российское избирательное законодательство⁹.

Именно в отношении одной из организаций, которая была включена 9 октября 2019 г. в реестр некоммерческих организаций¹⁰, выполняющих функции иностранного агента, были впервые применены в 2021 г. новеллы законодательства в сфере ограничений пассивного избирательного права на основании причастности к деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» либо Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹¹.

⁷ Всех в реестр! Грозит ли Казахстану закон об иноагентах? URL: <https://respublika.kz.media/archives/84811> (дата обращения: 15.10.2023).

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

⁹ Федеральный закон от 5 декабря 2022 г. № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru>

¹⁰ Некоммерческая организация «Фонд борьбы с коррупцией» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/42644/>

¹¹ Федеральный закон от 4 июня 2021 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О выборах де-

Они распространяются на всех лиц, причастных к деятельности организации. Исходя из положений законодательства, наказание определяется в зависимости от должности, которую занимало лицо в организации, его вида и направлений деятельности.

Ряд кандидатов, регистрация которых была отменена на этих основаниях, обратились в Конституционный Суд РФ с жалобами об оспаривании конституционности положений избирательного законодательства. Им было отказано в принятии жалобы к рассмотрению¹² в связи с тем, что, по мнению Суда, предусмотренное нормами ограничение пассивного избирательного права — по аналогии с запретом быть избранными, адресованным гражданам Российской Федерации, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений, носит конституционно-правовой характер: оно введено федеральным законодателем в качестве особого конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия выборных публичных должностей (и, следовательно, для возможности баллотироваться на соответствующих выборах), сопряженного с повышенными репутационными требованиями к носителям публичной (политической) власти, что обусловлено их прямым участием в принятии правовых актов (нормативных и индивидуальных) и ответственностью, с которой связано осуществление ими своих полномочий.

Уже на стадии принятия эти правовые новеллы вызвали достаточно обширные дискуссии. В частности, И.Г. Шаблинский отмечал, что «впервые в новейшей российской истории законодатель предлагает ограничить пассивное избирательное право для неограниченного круга лиц. Понятие “причастный” дает широкий коридор для произвольных действий и оценок»¹³.

путатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”». URL: <http://pravo.gov.ruhttps://mhg.ru/novye-lishency-cto-ne-tak-s-zapretom-ekstremistam-idti-v-dumu> (дата обращения: 04.04.2022).

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 1710-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шлосберга Льва Марковича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” // СПС «Консультант-Плюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 21 июля 2022 г. № 1723-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лузина Ивана Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3.6 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан”, а также частями 8.1, 8.2 и 8.4 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации” // Там же; Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2022 г. № 2595-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Олега Олеговича на нарушение его конституционных прав частями 8.1–8.4 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” // Там же.

¹³ Новые «лишенцы»: что не так с запретом «экстремистам» идти в Думу. URL: <https://mhg.ru/novye-lishency-cto-ne-tak-s-zapretom-ekstremistam-idti-v-dumu> (дата обращения: 04.04.2022).

А.А. Кондрашев увидел в нем «нарушение и международных конвенций, и Конституции РФ — принципа невозможности обратной силы закона (ст. 54), когда гражданин в течение трех лет со дня решения суда о ликвидации или запрете деятельности экстремистской или террористической организации не сможет быть избран в органы власти, при условии, что он состоял в шта-те или помогал работе организации в срок, начинающийся за год до судебного решения»¹⁴.

Подводя выводы, отметим, что любое государство имеет ту избирательную систему, которая наиболее полно и эффективно отражает интересы всех избирателей. Притом что принцип всеобщего избирательного права не является абсолютным, его ограничения должны быть разумными, пропорциональными внешним и внутренним вызовам. Ограничения этого принципа избирательного права, существующие в России и Казахстане, направлены в том числе и на создание механизмов, обеспечивающих невозможность иностранного вмешательства в выборы, сохранения электорального суверенитета страны. Гарантии, направленные на недопустимость иностранного вмешательства в выборы, нашли закрепление в национальном избирательном законодательстве в положениях, касающихся отдельных стадий избирательного процесса.

В рамках реализации этой электоральной политики получил развитие институт иностранных агентов. В Российской Федерации он получил законодательное оформление в специальном законе. В Казахстане, несмотря на отсутствие подобного акта, закон об иностранных агентах фактически существует.

Макарцев А.А.,

декан факультета государственного сектора
Новосибирского государственного университета экономики и управления,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Новосибирск)

Литература

1. Борисов И. Электоральный суверенитет / И. Борисов. Москва : РОИИП, 2010.
2. Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года / А.А. Кондрашев // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11.
3. Раздьяконова Е.В. Стандарт социального благополучия граждан: проблемные аспекты разработки и применения / Е.В. Раздьяконова // Право и правоприменение в современной России : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Новосибирск, 24–26 сентября 2020 г.) / редакторы : И.А. Кравец, Т.В. Шепель, Н.В. Омелехина [и др.]. Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2020.
4. Тен Ю. Неопознанные НПО. Появятся ли в Казахстане «иностранцы агенты»? / Ю. Тен // ИС «Параграф». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37535201&pos=3;-74#pos=3;-74 (дата обращения: 15.04.2023).

¹⁴ Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 21.

Понятие права на объединение во взаимной связи с конституционно- правовым содержанием суверенитета

Суверенитет и конституционное право на объединение тесно связаны, вместе они представляют разные аспекты государственной организации и прав человека.

Право на объединение является одним из фундаментальных прав человека, включенных в международные и национальные правовые акты. Это право дает гражданам и организациям свободу объединяться в ассоциации, общественные организации, профсоюзы, партии и другие формы общественных объединений. Также право на объединение обеспечивает свободу выражения мнений, собраний и ассоциаций и является важным элементом демократических обществ.

Суверенитет — это конституционно-правовое понятие, означающее независимость и самостоятельность государства. Суверенное государство имеет право принимать решения о своей внутренней и внешней политике без внешних вмешательств. Суверенитет государства является одним из основных принципов международного права.

Взаимосвязь между правом на объединение и суверенитетом заключается в том, что суверенное государство признает право своих граждан на свободное объединение и формирование ассоциаций. Это означает, что государство не должно вмешиваться в деятельность общественных организаций, партий и других объединений, если они действуют в рамках закона и уважают основные права и свободы граждан.

Таким образом, уточнение понятия объединения имеет важное терминологическое значение. Этимологическое значение понятия «объединение» возникло от слов объединить, добиться единства, сплотить. Также стоит учесть случаи, когда объединение учреждений или лиц, выполняющих аналогичную деятельность, может быть классифицировано как ассоциация.

С термином «союз» связано понятие объединения между лицами или группами, включая достижение ими соглашения по вопросу способа достижения общих целей. Синонимичным к этому понятию является термин «общество», который означает объединение людей по собственной воле для определенных целей. Важно отметить, что в русском языке эти слова часто используются в порядке взаимозаменяемости из-за их синонимичности,

но в настоящее время законодательством предусмотрен термин «объединение».

Дефиниция «объединение» в Конституции Российской Федерации используется в конституционно-правовом содержании, которое выработано учеными советского периода и к которому относится весь объем негосударственных коллективных образований, в том числе негосударственные организации.

Определение «объединение» в терминологии норм Конституции Российской Федерации также включает понятие юридического лица, что прослеживается в положениях ч. 2 ст. 15, ч. 4.1 ст. 36 Конституции Российской Федерации. Подобное не свидетельствует, что весь объем объединений относится к юридическим лицам, при этом негосударственные организации, которые были созданы несколькими лицами, относятся к «объединениям» в смысле текста Конституции Российской Федерации. Так, исходя из изложенного, можно сделать вывод, что ст. 30 Конституции Российской Федерации устанавливает гарантии для права на создание:

- а) религиозных объединений;
- б) общественных объединений;
- в) коммерческих юридических лиц, которые являются негосударственными;
- г) негосударственных некоммерческих организаций.

Однако стоит уточнить соответствие подобного широкого толкования права на объединение положениям и смыслу ст. 30 Конституции Российской Федерации. Буквальное понимание положений Конституции Российской Федерации, раскрывающих содержание понятия права на объединение, не способствует верному выводу о содержании и смысле ее ст. 30.

Действующие законодательные нормы современности, посвященные вопросу организационно-правовых форм объединений, а также структуре объединений, разрешили отмеченные сложности только в определенной части. Принятие Гражданского кодекса Российской Федерации¹, Федерального закона «О некоммерческих организациях»², Федерального закона «Об общественных объединениях»³ подтвердило позицию, что термин «общественное объединение» не должен использоваться применительно ко всем возможным юридическим лицам. В то же время право на объединение использует-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Российская газета. 1994. 8 декабря.

² Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О некоммерческих организациях» // Российская газета. 1996. 24 января.

³ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об общественных объединениях» // Российская газета. 1995. 25 мая.

ся не только в отношении общественных объединений. Таким образом, важно уточнить содержание подобных объединений.

Разрешению ситуации способствует указание в законодательных нормах соответствующих видов объединений и условий, при наличии которых можно сделать вывод, что конкретный вид объединения относится к форме исполнения права на объединение, гарантированного Конституцией Российской Федерации. Для определения видов общественных объединений необходимо выделить признаки объединения, которые отвечают содержанию ст. 30 Конституции Российской Федерации.

Также стоит разграничивать признаки деятельности и признаки негосударственных объединений. Так, если признаки объединения позволяют определить его «правовую оболочку», то принципы утверждают границы, при которых реализуется деятельность объединения.

Е.А. Лукашева отмечает несколько принципов деятельности и формирования общественных объединений, а именно:

- свободу деятельности;
- добровольность выбора;
- независимость создания⁴.

Статья 30 Конституции Российской Федерации не содержит все признаки объединений, которые являются негосударственными. Однако их можно сформулировать после анализа содержания данной нормы.

Так, надлежит разграничить коллективные субъекты права и негосударственные объединения, а также публично-правовые образования и юридические лица частного права, не относящиеся к результатам исполнения условий ст. 30 Конституции Российской Федерации.

К признакам объединения в контексте ст. 30 Конституции Российской Федерации можно причислить:

- а) общие интересы и задачи;
- б) добровольность;
- в) характер объединения, которое является негосударственным;
- г) организационную общность;
- д) соблюдение законодательных условий при осуществлении деятельности и создания объединения;
- е) личное участие участников объединения в его деятельности.

Из признака добровольности следует, что общественное объединение может формироваться исключительно с помощью волеизъявления в свободной форме. Члены и иные лица данного объединения выражают намерение на объединение и реализуют действия, предусмотренные законодательством.

⁴ Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2009. С. 176.

Так, для достижения поставленных целей создаются органы управления организации, утверждаются учредительные документы объединения. Перечисленные действия ориентированы на разделение возможного случайного объединения физических лиц от объединения как результата реализации положений ст. 30 Конституции Российской Федерации. Подобное является значимым в ситуации отсутствия дальнейшей официальной регистрации объединения. Так, не относится к общественному объединению группа учеников либо коллектив трудящихся.

Различительной чертой является наличие волеизъявления, выраженное в предусмотренных формах документов. Как правило, учебный класс не объединяет интересы общей деятельности учеников, а именно администрация школы является объединяющим элементом.

Также отметим, что право на объединение относится к формированию коммерческих структур в общности с правом на независимость деятельности в экономической сфере⁵. Правовые источники Российской Федерации указывают на сложности в распространении права на объединение по отношению к коммерческим структурам. Работа В.Н. Пронькина «О свободе ассоциаций»⁶ отмечала описанную ситуацию. При исследовании данного правового института в дореволюционный период отмечалась свобода союзов как универсального права. Ученый предпринимал попытки уточнения формирования позиции создателей законопроекта «О свободе союзов» по вопросу применения права на объединение исключительно в отношении объединений, которые являются некоммерческими.

А.Н. Кокотов, Г.А. Гаджиев⁷, А.А. Алиев⁸, А.В. Маркитантов⁹, Т.Ю. Павлиенко, С.М. Казанцев, В.О. Лучин, О.Н. Доронина, И.С. Шиткина¹⁰ согласились с позицией о распространении права на объединение при формировании организаций, которые являются коммерческими. К примеру, Т.Ю. Павлиенко и С.М. Казанцев при изучении правового содержания права на объединение отмечали, что базовой задачей ст. 30 Конституции Российской Федерации выступает защита профессиональных, политических и объединений, которые являются некоммерческими.

⁵ Лучин В.О., Доронина О.Н. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации. М. : ЮНИТИ, 1998. С. 36–37.

⁶ Пронькин В.Н. О свободе ассоциаций // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 1993. № 5. С. 53.

⁷ Гаджиев Г.А. Экономическая Конституция // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 250–251.

⁸ Алиев А.А. Конституционное право на объединение в системе прав и свобод человека и гражданина : учебное пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2000. С. 13.

⁹ Маркитантов А.В. Негосударственные объединения в Российской Федерации: теория и практика конституционно-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2002. 195 с.

¹⁰ Корпоративное право : учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М. : Волтерс Клувер, 2007. С. 72.

Таким образом, распространение указанного права на коммерческие организации происходит лишь косвенно, так как независимость деятельности коммерческих организаций предусматривается иными положениями Конституции Российской Федерации. Другими словами, по мнению ученых, право на объединение имеет некоторое отношение к коммерческой структуре, но исключительно в ограниченной форме. По нашему мнению, высказанная точка зрения является верной. Не все коммерческие организации необходимо относить к институциональным итогам реализации права на объединение.

Характеристика принятия личного участия в деятельности объединения является производной из положений ст. 30 Конституции Российской Федерации. Так, негосударственное объединение на добровольных началах отличается от иной формы деятельности, которая создается для независимого отстаивания интересов участников объединения с помощью реализации действий по их защите. Необходимо определить допустимый род деятельности участников объединения, к которым относится личное участие в нем.

С нашей точки зрения, подобные действия могут реализоваться в различных формах. Является значимым, чтобы подобные действия были согласованы между лицами, принимающими участие в объединении, и осуществлялись лично без посредников. Уровень активности данных лиц указывает на содержание участия в деятельности созданного объединения. Активность может проявляться различными способами, но важно именно ее осуществление в целях, отвечающих целям деятельности объединения. В специальной форме проявляется личное участие при объединении лиц, которые относятся к организациям. В ситуации, если объединение включает граждан, их участие выражается в форме трудовой деятельности¹¹.

При объединении организаций личное участие реализуется с помощью исполнительных органов либо членов организации. Виды активной деятельности организации в подобной ситуации схожи с активностью граждан.

Таким образом, право на объединение имеет отношение к формированию коллективных субъектов, участники которых лично участвуют в деятельности объединения. Именно подобные объединения именуют объединением лиц.

На сегодняшний день в российском законодательстве существует несколько видов объединений лиц. По нашему мнению, можно выделить следующие:

- 1) общественные объединения;

¹¹ Малый Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право». Саранск, 2002.

2) некоммерческие организации, которые не относятся к общественным объединениям (среди них благотворительные фонды, потребительские кооперативы);

3) различные религиозные объединения;

4) производственные кооперативы;

5) хозяйственные товарищества¹².

Необходимость личного участия указывает на высокую вовлеченность лиц, являющихся участниками объединения. Не является вполне верным применение права на объединение при формировании хозяйственных обществ. Данные общества не предусматривают активной вовлеченности участников в деятельность организации в форме осуществления трудовых функций.

Как уже было сказано, причисление хозяйственных обществ к объединениям, в соответствии с положениями ст. 30 Конституции Российской Федерации, не в полной мере отвечает содержанию указанной нормы. Данная статья устанавливает гарантии самоорганизации физических лиц для защиты своих интересов в ходе трудовой деятельности. Задачи создания хозяйственных обществ выражаются в получении дохода с помощью инвестиционной деятельности и использовании наемного труда, что не в любой ситуации указывает на личное участие физических лиц.

Негосударственный характер объединения вытекает из содержания принципа добровольности и условий ст. 30 Конституции Российской Федерации. Содержание права на объединение выражается в наличии возможности объединить общие усилия с целью защиты интересов, при этом государство не принимает участия в подобном объединении. Отметим, что негосударственный характер указывает на ограничение государственного участия в объединении, причем как в ходе осуществления деятельности, так и на этапе его создания.

Признак организационного единства является значимым для различия права на объединение и свободы при проведении манифестаций, собраний и других публичных мероприятий, отмеченных в ст. 31 Конституции Российской Федерации. Так, составлять организационное единство могут только участники, целенаправленно взаимодействующие на регулярной основе. Причем указанная деятельность должна осуществляться не произвольно, а быть специально организованной.

Особенно отметим, что создание объединения связывают с юридическим фактом его создания — проведением собрания учредителей и утверждением устава. Нормами Федерального закона «Об общественных объединени-

¹² Избиенова Т.А. Перспективы гармонизации норм о праве на объединение (на создание профсоюзов) в Евразийском экономическом союзе // Кадровик. 2019. № 12. С. 62–72.

ях» подтверждается, что отсутствие юридических фактов, подтверждающих создание объединения, делает невозможным признание коллективного образования в качестве объединения.

Наличие такого признака, как законность создания и деятельности, подтверждает, что негосударственные объединения могут быть образованы для выполнения задач по защите интересов, являющихся законными. Реализация деятельности негосударственных объединений, которая не отвечает законодательным нормам, не допускается и приводит к наступлению ответственности. Правила соблюдения законодательных норм подразумевают принцип равенства граждан, определяющий границы реализации прав и свобод рамками свобод иных лиц. Так, негосударственное объединение обладает правом защищать различные интересы, которые являются законными, при соблюдении интересов иных лиц. Важно отметить, что объединение не должно быть создано с целью осуществления противозаконных действий.

Примером подобного злоупотребления правом на объединение выступает создание объединений, которые своими целями угрожают основам конституционного строя государства, действующим гражданским правам и безопасности. В связи с этим ч. 5 ст. 13 Конституции Российской Федерации устанавливает ограничения для формирования объединений, представляющих опасность конституционному строю: «Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»¹³. Данное ограничение имеет отношение к объединениям, которые формируются с соблюдением законодательных требований по своему созданию, но направлены на распространение идеологии, противоречащей ценностям, закрепленным в положениях Конституции Российской Федерации.

Таким образом, по условиям положений ст. 30 Конституции Российской Федерации в качестве негосударственных объединений выступает весь объем негосударственных объединений, образованных несколькими лицами, для выполнения задач по реализации определенных интересов. К ним можно причислить различные союзы и ассоциации, организации, религиозные объединения и другие организации, включая хозяйственные товарищества и производственные кооперативы.

¹³ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята всенародным голосованием с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

Организация, признанная в законном порядке негосударственным объединением, обладает гарантиями, закрепленными в ст. 30 Конституции Российской Федерации. К примеру, юридические либо физические лица не могут насильственно принуждаться к участию в негосударственном объединении. В то же время допускается утверждение условий обязательного участия определенных субъектов права в объединениях, которым переданы некоторые функции органов публичной власти. Так, приведенные обстоятельства являются основанием участия в обязательном порядке субъектов определенных сфер коммерческой деятельности в саморегулируемых организациях¹⁴.

При этом важно отметить, что саморегулируемые организации с обязательным членством не должны относиться к негосударственным объединениям. Наличие статуса негосударственного объединения выступает гарантией самостоятельности и отсутствия государственного участия в деятельности.

Итак, негосударственное объединение представляет собой союз, который формируется по собственной инициативе организаций, физических лиц и других субъектов, исключая вмешательство государственных органов, с целью преследования общих интересов и решения задач через совместную деятельность, выполняемую в соответствии с законодательством.

Конституция гарантирует право граждан на свободное объединение в организации, союзы и ассоциации. Это является одним из основных конституционных прав граждан. Суверенитет государства в этом контексте означает, что эта страна имеет полную власть и контроль над своими внутренними делами и законодательством.

Когда граждане страны решают объединиться в какую-либо организацию или общество, они могут использовать это конституционное право. Государство, соблюдая свой суверенитет, не должно препятствовать этому процессу и не может запрещать гражданам осуществлять это право без законных оснований. Однако суверенитет также дает государству право устанавливать законы и правила, регулирующие такие объединения.

Государство имеет правомочие вводить ограничения на конституционное право на объединение, если есть объективные и законные причины для этого. Например, оно может требовать, чтобы организации регистрировались и соблюдали определенные правила и стандарты в интересах общественной безопасности и общего блага. Однако эти ограничения должны быть соразмерными и не должны нарушать основные права человека, такие как свобода выражения, собраний и ассоциаций; при регулировании

¹⁴ Федеральный закон от 1 декабря 2007 г № 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О саморегулируемых организациях» // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 607.

деятельности объединений также должны соблюдаться международные стандарты прав человека.

В результате конституционно-правовое содержание суверенитета государства и право на объединение согласуются через установление рамок и условий для осуществления права на объединение с учетом интересов как государства, так и граждан, соблюдения законов и международных обязательств, поддержания демократических принципов и разнообразия в обществе. Все вышеизложенное помогает установить равновесие между интересами государства и правами его граждан и служит фундаментом для обеспечения правового и демократического устройства государства.

Мещеряков И.С.,

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва)

Литература

1. Алиев А.А. Конституционное право на объединение в системе прав и свобод человека и гражданина : учебное пособие для вузов / А.А. Алиев. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2000.
2. Гаджиев Г.А. Экономическая Конституция / Г.А. Гаджиев // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19).
3. Избиенова Т.А. Перспективы гармонизации норм о праве на объединение (на создание профсоюзов) в Евразийском экономическом союзе / Т.А. Избиенова, Р.К. Шемякин // Кадровик. 2019. № 12.
4. Корпоративное право : учебник / ответственный редактор И.С. Шиткина. Москва : Волтерс Клувер, 2007.
5. Лучин В.О. Жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации / В.О. Лучин, О.Н. Доронина. Москва : ЮНИТИ, 1998.
6. Малый Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / Д.А. Малый. Саранск, 2002.
7. Маркитантов А.В. Негосударственные объединения в Российской Федерации: теория и практика конституционно-правового регулирования : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Маркитантов. Екатеринбург, 2002.
8. Права человека : учебник / ответственный редактор Е.А. Лукашева. 2-е изд., перераб. Москва : Норма, 2009.
9. Пронькин В.Н. О свободе ассоциаций / В.Н. Пронькин // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 1993. № 5.

Коммуникативный конституционализм и социальная политика*

Удовлетворенность собственной жизнью человека обеспечивается за счет преимуществ вовлеченности в публичную жизнь и максимальной доступности возможностей для реализации конституционных прав и свобод, которые зависят напрямую от условий, созданных в конкретном государстве. Немаловажную роль в этом процессе играют конституционные нормы и социальность конкретного государства, создавая необходимую правовую основу. 2020 год — год конституционной модернизации в России, характеризующийся большим количеством поправок, носящих именно социальный характер. И.М. Ильин указывает, что «вследствие конституционной реформы социальное государство концептуально наполняется предметным содержанием и реализацией установленных конституционных норм в отраслевом законодательстве»¹. Обязательства социального государства по отношению к своему населению формируются под влиянием транснациональных событий и межнациональных дискуссий, которые в целом схожи, но каждое государство развивается в этом отношении неодинаково, и формирование социальной политики на определенном этапе исторического развития конкретного государства происходит под влиянием «зависимости от пути», который является наследием национальных специфических исторических событий, а также специфического политического выбора. В этом контексте акцент смещается на особо значимые социально-экономические права, от условий реализации которых зависит социальное самочувствие — степень удовлетворенности человека собственной жизнью. Базовыми потребностями в этой сфере были и остаются: здоровье человека, обеспеченность его жильем, одеждой, питанием, доходами, возможностями образования, воспитания и развития. Подходы государств касаются потребностей, которые должны быть удовлетворены, и того, как они должны быть удовлетворены. Взгляды на социальную политику формируются под влиянием более широкого контекста, в который они встроены: существуют некоторые точки сопри-

¹ Ильин И.М. К вопросу о конституционализации и трансформации социальной сферы как тенденции современного российского конституционализма и конституционного правового порядка // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 2 (104). С. 56.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627. URL: <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы»).

косновения относительно растущих уровней потребностей и параллельных дискуссий о достойных и незаслуженных получателях социального обеспечения со стороны государства, что обуславливает существование различных обязательств у разных государств в основном акте страны.

Новая норма Конституции, закрепленная в ст. 75.1, выступает дополнительной гарантией, лежащей в основе современного механизма защиты конституционных прав и свобод, где происходит в настоящее время смещение акцента на коммуникативный дискурс, где, по мнению В.Н. Руденко, «граждане как участники коммуникативного дискурса взаимодействуют с органами власти по важнейшим вопросам закрепления и защиты прав человека, артикулируя в этом взаимодействии свои интересы»². Суть теории делиберативной демократии заключается в том, что результаты являются законными в той мере, в какой они получают рефлексивное согласие через участие в подлинном обсуждении всех тех лиц, кто может находиться в зависимости от рассматриваемого решения. По мнению С.Е. Дробота, «делиберативная модель демократии позволяет включить в процесс принятия решений всех субъектов политического процесса и повысить степень легитимности конституционного правопорядка»³. Идея возможности использования делиберативной системы начинается с признания того, что совещательную демократию нелегко найти на одном форуме, следует расширять круг поиска большим объемом интернет-ресурсов. Дискурс имеет важное значение, когда дело доходит до общения между различными элементами в совещательном процессе системы, потому что в этих элементах часто участвуют действующие лица, находящиеся в разном положении, с разными точками зрения, присоединяясь к разным теориям.

Коммуникативный дискурс относительно социального государства строится на использовании двух базовых моделей, лежащих в основе социальной политики современных государств, — «селективной» и «универсальной». Как указывается в науке, эти модели различаются по двум аспектам: «Первый касается доли граждан, покрываемых системой соцобеспечения (в широком смысле, включая образование, здравоохранение, поддержку семей и т.п.), второй — того, по какому принципу происходит предоставление обеспечиваемых государством социальных услуг и трансфертов. Универсальная модель — система, в которой социальное обеспечение рассматривается как особая форма прав граждан, и, как всякие гражданские права, оно носит универсальный характер, то есть предоставляется всем гражданам на единой основе. Селективная модель — система, в которой соцобеспе-

² Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 120.

³ Дробот С.Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 21–26.

чение предоставляется на основе оценки нуждаемости, а точнее — оценки способности индивида самостоятельно оплачивать необходимые ему социальные блага. Каждая из этих моделей имеет свою моральную и политическую логику. В частности, в рамках селективной модели общество расколото на “них” (тех, кому выделяется помощь) и “нас” (тех, кто за это платит) и сконцентрировано на бесконечных спорах о том, кого отнести к “реально нуждающимся” и сколько им дать. В рамках же универсальной модели общество не сегрегированно и сконцентрировано на более продуктивной дискуссии о том, как сделать охватывающее всех соцобеспечение еще лучше»⁴.

Поправки к Конституции РФ обуславливают трансформацию правовых основ социальной политики, которая должна происходить с учетом потребностей населения в их удовлетворении. При этом, конечно, необходимо опираться на мнение населения относительно условий, в которых происходит их удовлетворение. Если еще 30 лет считалось нормальным наличие жилья, отапливаемого с помощью дровяной печи, то в настоящее время — это, скорее, показатель крайней нужды и неспособности человека удовлетворить свои потребности в жилье, отвечающем современным условиям технического оснащения. Понимание истинных потребностей большинства населения должно лечь в основу современной социальной политики; наиболее приемлемым способом формирования мнения является коммуникативный дискурс.

Раздьяконова Е.В.,

доцент кафедры конституционного и муниципального права
Новосибирского государственного университета (НГУ),
кандидат юридических наук
(г. Новосибирск)

Литература

1. Актуальные проблемы развития гражданского общества глазами молодых ученых : монография / под общей редакцией С.А. Авакьяна. Москва : Юстицинформ, 2015.
2. Дробот С.Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования / С.Е. Дробот // История государства и права. 2023. № 5.
3. Ильин И.М. К вопросу о конституционализации и трансформации социальной сферы как тенденции современного российского конституционализма и конституционного правопорядка / И.М. Ильин // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 2 (104).
4. Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека / В.Н. Руденко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4.

⁴ Актуальные проблемы развития гражданского общества глазами молодых ученых : монография / С.А. Авакьян [и др.] ; под общ. ред. проф. С.А. Авакьяна. М. : Юстицинформ, 2015. С. 94–95.

Суверенитет в Российской Федерации: новые политико-правовые реалии

Следует поддержать позицию некоторых исследователей, крайне удачно определивших тематику нашей работы. Она не только очевидно актуальна в силу последних социально-политических трансформаций в стране и в мире в целом, но и, по сравнению с советским периодом нашей науки, как-то незаметно «сползла» на задний план, перестала быть предметом многопланового и устойчивого научного интереса. При этом не хотим принизить усилия тех авторов, которые в этот период все же занимались проблемами суверенитета (работа Надежды Борисовны Пастуховой и др.). Надеемся, что наша статья в известном смысле «подтолкнет» коллег по цеху конституционалистов к возрождению исследовательского интереса к данной проблематике и в конечном счете позволит решить задачу по созданию обновленной концепции суверенитета, о чем говорил еще В.Н. Синюков.

Вполне очевидно, что наша дискуссия предполагает, как об этом уже частично говорилось, охват всех трех форм суверенитета: народного, национального и государственного. И действительно, новые социально-политические, геополитические и правовые реалии существенным образом скорректировали наши традиционные представления о содержании и реализации всех названных форм этого чрезвычайно содержательного принципа конституционного и международного права. Попутно заметим, что и в литературе, и даже в некоторых вчерашних выступлениях не всегда четко проводится разграничение этих трех форм (видов) суверенитета.

Применительно к суверенитету народа важнейшей становится проблема его соотношения с концепцией свободы личности и прав человека. Свойственное в настоящее время не только Западу, но и России превращение свободы личности и прав человека в некий абсолют разрушает народ как единую государственно-правовую общность граждан, нивелирует значение коллективных прав (прежде всего суверенных прав русского народа, игнорирует роль и значение конституционных обязанностей и ответственности личности и т.д.). Весьма перспективна проблема реализации суверенитета народа в контексте развития так называемой «электронной демократии», которая создает уникальные возможности для массового и систематического применения разнообразных форм прямой и обратной связи населения с органами публичной власти. В детальном и объективном освещении с позиций концепции суверенитета наро-

да нуждаются и современные реформы системы местного самоуправления в России¹.

Не менее актуальные вопросы связаны с реализацией в новых условиях и принципов государственного суверенитета. Ряд важных проблем были поставлены В.Н. Синюковым, но могут быть названы и другие. Каково соотношение государственного суверенитета и публичной власти? Жизнеспособна ли в современных условиях концепция «ограниченного суверенитета», который по своей сути является качественным образованием? Насколько его реализации «способствует» положение ст. 13 действующей Конституции РФ о запрете государственной идеологии? При этом, отмечая не выдержавшие испытания конструкции (сохранение государственного суверенитета за субъектами Федерации, формулы о сочетании суверенитета ССР с суверенитетом союзных республик), которые способствовали распаду СССР, мы не должны отказываться от всех научных знаний в этой области, накопленных в Советском Союзе.

Первоначально автор статьи планировал высказаться обо всех трех названных выше формах суверенитета. Но потом вовремя вспомнил, что есть регламент, который надо соблюдать. Поэтому остановимся более детально лишь на проблеме национального суверенитета. В советский период концепция национального суверенитета разрабатывалась достаточно активно, обстоятельно. Было проанализировано соотношение категорий «суверенность наций» и «национальный суверенитет», «право наций на самоопределение» и «национальный суверенитет». Право наций на самоопределение рассматривалось как предпосылка; реализовав его, нация обрела новое политико-правовое качество — национальный суверенитет, содержание которого составляла совокупность ее суверенных прав². Сам же национальный суверенитет традиционно трактовался как верховенство, самостоятельность и независимость нации, ее возможность самой решать свою судьбу, определять свое экономическое развитие, распоряжаться естественными ресурсами, выбирать свой общественный и государственный строй³.

¹ Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России // Вестник Московского университета. 2023. Серия 11: Право. Т. 64. № 1. С. 15–17.

² Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в СССР. М. : Госюриздат, 1958. С. 40–103; Судницын Ю.Г. Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1967. С. 8; и др.

³ Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. М., 1960. С. 123–125; Лепешкин А.И., Ким А.И., Мишин Н.Г., Романов П.И. Курс советского государственного права. М. : Госюриздат, 1962. Т. 2. С. 123–125; Судницын Ю.Г. Теоретические проблемы суверенитета наций // Материалы теоретической конференции. Свердловск : СЮИ, 1966. С. 66; Судницын Ю.Г., Скуратов Ю.И. Народный и национальный суверенитет в Советском государстве // Правоведение. 1979. № 4. С. 5.

Распад Союза ССР как единого государства, построенного на этнонациональной основе, набирающая силу мировая тенденция глобализации, унификация экономических, социальных процессов, стремление сформировать в нашей стране единую российскую гражданскую нацию обусловили сдержанное отношение политиков и ученых к концепции национального суверенитета. Свернуты активные научные исследования по этой проблематике, категория «национальный суверенитет» практически не фигурирует не только в нормативных актах, но и каких-либо политических документах. Во многом изменилась и этнополитическая ситуация в мире и в России. Пройден период широкомасштабного массового территориального самоопределения. Любые изменения границ в современном мире чреваты конфликтностью, угрозой применения силы, всплеском национализма. В этих условиях происходит смещение представлений о формах реализации права на самоопределение в пользу акцента на таких ее видах, которые не связаны с изменением границ, предполагают учет прав народов в экономике, политике, культуре за счет институтов автономии, различных форм регионализации, местного (территориального) самоуправления.

С учетом этих обстоятельств должны меняться и теоретическая концепция, и доктрина права на самоопределение и национальный суверенитет. Действительно, если полагать, что все этносы России суверенны, а в силу конституционного принципа равноправие народов — так оно и должно быть, то получается, что на одной территории будет проживать более ста народов, которые обладают верховенством и независимостью (классические признаки суверенитета)! Сама по себе ситуация кажется абсурдной. Возникает и другой вопрос: если народ (нация) является носителем суверенитета, то почему таковым не обладают создаваемые им формы национальной государственности? Как быть с реализацией национального суверенитета у народов, вообще не создавших какой-либо формы национальной государственности? Применима ли и в какой мере к ряду этносов концепция ограниченного национального суверенитета?

Размышляя над этими же проблемами, М.Б. Напсо справедливо отмечает, что «специфичность, сложность и неоднозначность процессов национального и политического развития, межгосударственных отношений в современных условиях требуют преодоления рамок традиционной интерпретации содержания права на самоопределение в пользу более разнообразных форм реализации»⁴. Тем более, полагает она же, «расширение масштабов национально-освободительных движений, «этнический бум» изменили изначальное содержание понятия «суверенитет», включив в него совокупность различных форм так называемого ограниченного суверенитета;

⁴ Напсо М.Б. Право на самоопределение как процесс согласования интересов // Современное право. 2016. № 1. С. 29–30.

спектр возможных форм самоуправления между полным подчинением центральной власти и полной независимостью чрезвычайно широк, в широких пределах колеблются и объемы прав, представляемых центральной властью региональному правительству»⁵. Развивая эту мысль, автор также отмечает, что «речь должна идти о разработке и использовании на практике компромиссных форм суверенитета и государственности (самоуправления), более гибких форм взаимодействия центральной, региональной и местных властей, и в первую очередь за счет автономизации, предоставления независимости действий на внутригосударственном уровне, а также создания специализированных автономий неполитического характера (культурной, языковой, религиозной, национально-культурной, персональной) для защиты некоторых сфер жизни — главным образом меньшинств — от вмешательства центрального правительства»⁶.

С учетом всего сказанного, есть основание для постановки вопроса о трансформации классической концепции национального (этнического) суверенитета в различных направлениях.

Во-первых, неизменяемой константой, жестким и неприкасаемым принципом остается требование нормы о праве народов на самоопределение как возможность своей самоидентификации, установления своего политического статуса и свободного обеспечения своего экономического социального и культурного развития. После реализации права наций на самоопределение не в форме создания отдельного национального государства национальный суверенитет трансформируется в суверенитет народа, проживающего на определенной территории. Взаимосвязь народного и национального суверенитета отмечалась в литературе и ранее⁷. В этой связи в полном объеме должна быть реализована формула: национальный суверенитет является формой суверенитета народа применительно к национальным и межнациональным отношениям. В одноплатформенных демократических государствах мы имеем факт полного поглощения национального суверенитета народным в силу совпадения категорий «народ» и «гражданская нация»⁸.

Во-вторых, в Российской Федерации субъектом народного, национального и государственного суверенитета является лишь многонародная нация или многонациональный народ России. О национальном суверенитете других этносов можно вести речь лишь как об их праве свободно определять

⁵ Там же. С. 29–30.

⁶ Там же.

⁷ Например, А.И. Лепешкин прямо указывал, что «национальный суверенитет... не есть какой-то новый, особый суверенитет, существующий одновременно с народным или государственным суверенитетом» (Лепешкин А.И. Советский федерализм. Теория и практика. М., 1972. С. 252, 254, 255).

⁸ В целом же можно утверждать, что в странах Запада концепция национального суверенитета не получила столь широкого распространения потому, что само понятие «нация» трактовалось в основном в общегражданском смысле, как совокупность граждан, т.е. народ.

свой политический, экономический и социально-культурный статус без наделения его свойствами верховенства и независимости, присущими классическому суверенитету.

И, наконец, в-третьих, на наш взгляд, в современных условиях для характеристики видоизмененного содержания национального суверенитета наиболее адекватной и точной является категория «национальное самоуправление» или «самоуправление наций и народов». Мы рассматриваем общие черты, составные характеристики самоуправления как органического сплава социального управления (содержания) и демократии (как формы, способа его реализации в обществе). Думается, справедлив вывод о применимости этого явления к сфере национальных и межнациональных отношений. Сказанное в полном объеме согласуется с выводом А.В. Авдокушина и В.Г. Маюрова о том, что есть все основания видеть тесную взаимосвязь принципа самоопределения с идеями самоуправления, саморегулирования, самоорганизации⁹. Тесную связь самоопределения, национального суверенитета и демократии отмечал и профессор Ю.Г. Судницын¹⁰.

Очевидно, что суть самоопределения в том и состоит, чтобы народ (этнос) самостоятельно определил свою судьбу:

- а) обеспечил свободу от иностранного ига;
- б) определил свои взаимоотношения с другими ближайшими к нему народами (создание собственного национального государства, вхождение на началах союза в состав другого государства, вхождение в состав другого государства на началах автономии и т.д.);
- в) установил по своему усмотрению систему управления своими собственными делами (выбрал форму правления, политический режим);
- г) обеспечил систему саморегулирования своей деятельности (создал конституцию и конкретизирующую ее систему законодательства).

При этом очевидно, что реализация права на самоопределение во многом зависит от обеспечения прав и свобод гражданина в сфере управления государством и его территориальными подразделениями (расширение доступа к рычагам власти, ресурсам). Реальное самоуправление народа возможно лишь в том случае, если будет налажен его реальный контроль за осуществлением чиновниками властных полномочий (самоконтроль за системой управления). В целом же можно согласиться с утверждением М.Б. Напсо в том, что «в современных условиях право на самоуправление играет особенную роль в реализации права на самоопределение, с одной

⁹ Авдокушин А.В., Маюров В.Г. Право на самоопределение следует конкретизировать // Московский журнал международного права. 1999. № 3.

¹⁰ Национальный суверенитет и демократия : сборник научных трудов Сверд. юрид. ин-та, 1966. Вып. 5. С. 152.

стороны; с другой стороны — оно во многом определяется возможностями реализации прав человека, прав меньшинств и прав народов»¹¹.

Таким образом, категория «национальное самоуправление» (самоуправление нации, народа) в единстве своих составляющих (самоорганизация, саморегулирование, самодеятельность, самоконтроль) практически восполняет, перекрывает все социально-политические и правовые возможности, которые заложены в идее самоопределения народов и которые появляются у этноса после реализации данного принципа на практике.

Скуратов Ю.И.,
заведующий кафедрой публичного и международно-правового
обеспечения национальной безопасности
Российского государственного университета нефти и газа (НИУ)
имени И.М. Губкина,
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Литература

1. Авакьян С.А. О роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политического будущего России / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 1.
2. Авдокушин А.В. Право на самоопределение следует конкретизировать / А.В. Авдокушин, В.Г. Маюров // Московский журнал международного права. 1999. № 3.
3. Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР / Д.Л. Златопольский. Москва : Госюриздат, 1960.
4. Лепешкин А.И. Курс советского государственного права. В 2 томах. Т. 2 / А.И. Лепешкин, А.И. Ким, Н.Г. Мишин, П.И. Романов. Москва : Госюриздат, 1962.
5. Лепешкин А.И. Советский федерализм: теория и практика / А.И. Лепешкин. Москва : Юридическая литература, 1972.
6. Напсо М.Б. Право на самоопределение как процесс согласования интересов / М.Б. Напсо // Современное право. 2016. № 1.
7. Судницын Ю.Г. Народный и национальный суверенитет в Советском государстве / Ю.Г. Судницын, Ю.И. Скуратов // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 1979. № 4.
8. Судницын Ю.Г. Национальный суверенитет в СССР / Ю.Г. Судницын. Москва : Госюриздат, 1958.
9. Судницын Ю.Г. Теоретические проблемы национального суверенитета в государствах мировой социалистической системы : автореферат диссертации доктора юридических наук / Ю.Г. Судницын. Свердловск, 1967.
10. Судницын Ю.Г. Теоретические проблемы суверенитета наций / Ю.Г. Судницын // Материалы теоретической конференции : по итогам научно-исследовательской работы института за 1964 г. Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1966.

¹¹ Напсо М.Б. Указ. соч. С. 31.

Публично-правовые основы защиты Российской Федерации и обеспечения ее национальной безопасности

Защита государства, Отечества и обеспечение национальной безопасности напрямую определяются способностью и готовностью населения страны участвовать в обеспечении государственно значимых интересов. Правовой институт участия граждан в обеспечении обороны и безопасности является общеправовым элементом, необходимым для любого государства. В той или иной мере каждое государство осуществляет правовое регулирование таких общественных отношений. В современных геополитических реалиях институт участия граждан в их обеспечении приобретает все большую значимость. Так, принятая в июне 2023 г. Стратегия национальной безопасности ФРГ, будучи первой таковой среди европейских стран, закрепляет основы военной безопасности и активной социальной политики, основанной на непрерывном диалоге с обществом и интеграции граждан¹.

Положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации² изобилуют задачами патриотического и военно-патриотического воспитания граждан, концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества, совершенствования механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, совершенствования системы общественного контроля и механизмов участия граждан и организаций в обеспечении государственной и общественной безопасности, развития институтов гражданского общества, поддержки общественно значимых инициатив, развития взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности, развития взаимодействия органов публичной власти, институтов гражданского общества и организаций при осуществлении деятельности в области обеспечения информационной безопасности, повышения эффективности общественного контроля в сфере охраны окружающей среды, развития коллективных начал российского общества, поддержки социально значимых инициатив, в том числе благотворительных проектов, добровольческого движения.

¹ Vehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/Sicherheitsstrategie-DE.pdf>

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

В качестве национального интереса обозначено развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, а само понятие обеспечения национальной безопасности характеризуется взаимодействием органов публичной власти с институтами гражданского общества и организациями. Тем самым, наконец, уделено должное внимание значимости гражданской активности и объединений граждан в противодействии деструктивному информационному воздействию и другим угрозам национальной безопасности, направленным на раскол российского общества, подрыв его традиционных исторических основ, чем не характеризовались ранее действующие правовые акты в области национальной безопасности. При этом, несмотря на возможность участия граждан в защите Отечества и наличие такого опыта в новейшей истории, консолидации усилий со стороны граждан в сфере обеспечения национальной безопасности в полной мере не произошло, что в значительной степени объясняется отсутствием правовых норм, определяющих порядок и формы участия граждан и организаций в обеспечении национальной безопасности, их правовой статус, основания возникновения, изменения и прекращения таких правоотношений.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³ внесли свою лепту в осмысление национальной идеи России. К числу таких ценностей отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, гуманизм, милосердие, приоритет духовного над материальным, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Такие ценности представляются в качестве основания для защиты и укрепления государственного суверенитета, а осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на них вкупе с накопленным культурно-историческим опытом позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность. В свою очередь, государственная политика по сохранению ценностей образует совокупность скоординированных мер, осуществляемых главой государства и иными органами публичной власти при участии институтов гражданского общества для противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

Согласно п. 12 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей ситуация в России и мире оценивается как требующая принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей. Стоит отметить амбициозность законодателя, который ставит цель не только защиты таких ценностей в территориальных границах России, но и формирования на международной арене образа российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, а также повышения роли России в мире за счет продвижения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, основанных на исконных общечеловеческих ценностях. В то же время, помимо духовных основ, важную роль играет правовая и социальная защита граждан, участвующих в обеспечении национальной безопасности. В этом вопросе правовая система России вынуждена реагировать на вызовы практической жизни, а правовые нормы принимаются вслед за стремительно развивающимися правовыми отношениями. Такой подход потребует устранения правовых пробелов и доработки, изменения действия правовых норм по времени, кругу лиц и пространству. В подобных условиях законодателю стоит руководствоваться не только политическими аспектами, но и теоретико-правовыми и доктринальными положениями, а также историческим опытом противодействия угрозам безопасности страны.

Состояние внешнеполитических отношений обуславливает необходимость своевременной выработки средств реагирования на проявления, являющиеся или способные стать условием возникновения военных угроз. Впервые необходимость объединения усилий государственных и общественных институтов по противодействию военным угрозам была отмечена в 2014 г. при принятии Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.⁴. Такая задача была поставлена в Военной доктрине Российской Федерации⁵ и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁶. Важность объединения граждан вокруг патриотических ценностей неоднократно отмечалась главой государства (в 2016, 2020 гг.)⁷.

⁴ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753 (по сост. на 29 мая 2020 г.) (утр. силу) // СПС ГАРАНТ.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 (утр. силу) // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

⁷ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс»; Путин объявил патриотизм национальной идеей. URL: <http://www.interfax.ru/russia/493034>; Путин рассказал о национальной идее в России. URL: <https://ria.ru/20200510/1571238023.html>

В то же время механизм решения поставленной в подп. «е» п. 21 Военной доктрины Российской Федерации задачи объединения усилий государства, общества и личности по защите России, основанный на реализации ч. 1 ст. 59 Конституции Российской Федерации⁸, согласно которой защита Отечества — долг и обязанность граждан, нормативно не урегулирован.

В современном мире с его глобализационными процессами и формированием единого информационного пространства в целом и в России в частности, как никогда, актуальны проблемы обеспечения национальных интересов и соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения национальной безопасности, допускающего ограничение прав и свобод человека и гражданина, и недопустимости несоразмерного и необоснованного ограничения, повышения легитимности государственной власти и развития институтов гражданского общества. Нередко достижение одних целей может происходить в ущерб другим. В то же время народовластие является сущностью конституционного строя любого государства, а его народ — источник государственной власти, государственного суверенитета и легитимности всех правовых институтов. Поэтому поиск баланса частных и публичных интересов является важной теоретической и практической проблемой в сфере обеспечения национальных интересов по защите государства и обеспечению правового статуса личности. Противодействие современным угрозам и опасностям требует соблюдения баланса частных и публичных интересов, что обуславливает необходимость разработки правовых основ совершенствования деятельности органов публичной власти на основе этого принципа, а также с учетом интересов решения задачи по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, оценке и прогнозированию развития военно-политической обстановки. В то же время уровень защищенности граждан, участвующих в обеспечении обороны и безопасности, является определяющим фактором их готовности участвовать в таких правоотношениях.

Согласно п. 11 Военной доктрины Российской Федерации «наметилась тенденция смещения военных опасностей и угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации». Основные угрозы национальной безопасности связаны с проблемами территориальных претензий, защиты конституционного строя, стабилизации внутривнутриполитической и социальной ситуаций в стране, противодействия терроризму, экстремизму и информационному воздействию на граждан, имеющему целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области

⁸ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (принята на всенародном голосовании) // СПС «КонсультантПлюс».

защиты Отечества. Революционная волна захватила в 2010–2011 гг. арабские страны, в 2011 г. прошли уличные погромы в европейских странах (Великобритании, Швеции и др.). В 2013 году волна революций коснулась Турции, Таиланда. В 2014–2015 годах наблюдались акции протеста в КНР, в 2015 г. — ФРГ, Малайзии, в 2016 г. — попытка военного переворота в Турции. В 2019 году произошел военный переворот в Судане. Не исключение страны постсоветского пространства: Грузия (2003 г.), Украина (2004, 2014 гг.), Киргизия (2005, 2010 гг.), Узбекистан (2005 г.), Белоруссия (2006, 2015 гг.), Армения (2008, 2015, 2018 гг.), Молдавия (2009 г.), Россия (2008, 2011–2012 гг.). Итогом становится подрыв суверенитета, территориальной целостности, обороноспособности государства. Принимаемые меры государственного пресечения таких акций усугубляют дисбаланс частных и публичных интересов, что в целом благоприятствует дальнейшему деструктивному влиянию и проявлению внутренних и внешних угроз военной и иных видов национальной безопасности. Россия подвержена этим угрозам, в связи с чем крайне важно выработать правовые механизмы, способствующие стабильности конституционного строя и сохранению легитимности публичной власти.

Одновременно с этим, признавая тенденции политизации, двойных стандартов, постепенного «вытеснения» национального государства из сферы прав человека и его замены наднациональными институтами, что является угрозой для суверенитета и целостности государства, Российская Федерация ставит в приоритет национальное право, что приводит к нивелированию международных средств правовой защиты. В условиях усиления национального влияния на указанную сферу приобретает актуальность выработка правовых положений, направленных на защиту прав и законных интересов граждан в сфере обороны и безопасности, основанных на балансе прав и обязанностей, мер стимулирования, правовых ограничений и гарантий прав граждан.

История показывает существенный вклад граждан, не являющихся военнослужащими, в обороноспособность страны, но механизм их участия в обеспечении обороны и безопасности в условиях современных опасностей и угроз, обусловленных процессами стремительного развития информационных технологий, не разработан. Реализация и защита прав и свобод граждан должна способствовать обеспечению безопасности личности, а значит, общества и государства, а не быть источником новых угроз. В условиях глобализации, высокой мобильности населения, миграционных потоков и скорости распространения информации отказ от использования различных форм участия в обеспечении обороны и безопасности, в том числе мигрантов, иностранных граждан, может привести к возникновению новых

опасностей, что показали события 2015, 2016 гг., других террористических актов во Франции⁹.

Реализация и защита правового статуса граждан в сфере обеспечения обороны и безопасности являются недостаточно исследованными в юридической науке в целом и публично-правовых науках в частности, несмотря на достаточно широкую историческую практику и востребованность участия граждан в этой деятельности. Отдельные фрагментарные исследования не отвечают потребностям в осмыслении его правовой природы и разработке на этой основе правовой базы, соответствующей современным реалиям.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о востребованности исследования публично-правовых основ защиты России и правового статуса граждан в сфере обеспечения обороны и безопасности, их участия в данной деятельности в различных формах и видах в условиях необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов, обусловленных потребностями в эффективном осуществлении деятельности органов публичной власти по противодействию деструктивным явлениям и процессам, с одной стороны, и обеспечении реализации и защиты прав и законных интересов граждан — с другой. Участие граждан в обеспечении обороны и безопасности представляет собой форму народовластия (сущность), выражающуюся в государственно значимой деятельности граждан (содержание), направленной на обеспечение обороны и безопасности (предназначение). Оно выступает разновидностью участия в управлении делами государства — при реализации не только долга и обязанности по защите Отечества, но и права, вытекающего из принципа народовластия, что влечет сочетание императивного и диспозитивного методов правового регулирования с преобладанием императивного. Данный институт сочетает в себе процессуальные и материальные нормы различных отраслей права, которые взаимно обуславливают основания, формы, виды, процедуру реализации участия граждан в обеспечении обороны и безопасности и его правовые последствия, а также связаны с правоприменительной деятельностью органов публичной власти. В правовом регулировании института преобладают межотраслевые принципы. Данный правовой институт является общеправовым, необходимым для любого государства. Участие граждан, как наделяемых правовым

⁹ Директор Центра анализа мировой торговли оружием Игорь Коротченко считает, что трагедия в Париже — следствие того, что Запад не пошел на совместную борьбу с ИГИЛ в Сирии: Интервью с И. Коротченко. URL: <http://www.kp.ru/daily/26458.5/3328336/>; Макаров О., Макаренко Г. Европа усилила меры безопасности после теракта в Ницце. URL: <http://www.rbc.ru/society/15/07/2016/5788c7889a79475c85f6144e>; Франция будет привлекать резервистов для борьбы с террором. О более активном привлечении резервистов для борьбы с терроризмом в новой ситуации заявил министр обороны Жан-Ив Ле Дриан. URL: <http://odnako.ru/news/world/-247496-franciya-budet-privlekat-rezervistov-dlya-borby-s-terrorom/>

статусом военнослужащего, так и не наделяемых таковым, основывается на: 1) исполнении долга (ч. 1 ст. 59 Конституции России), подчеркивающим морально-нравственную составляющую его мотивации; 2) защите прав и законных интересов, отражающих его правовую связь с государством, принадлежность народу государства, что выступает формой легитимации конституционного строя, публичной власти и законодательства.

Участие граждан в обеспечении обороны и безопасности является общеправовым элементом правовой системы, определяющим существование государства и его конституционного строя. Исторический опыт показал, что основаниями такого участия являются, во-первых, патриотизм, моральная, идеологическая, духовно-нравственная составляющие конституционного долга, во-вторых, цель защиты от массовых нарушений прав и свобод, агрессии противника, обеспечение своих законных интересов. При этом государство всегда стремилось контролировать наиболее выраженные проявления активности граждан; осуществлению же гражданами новых и добровольных форм участия сопутствовало, во-первых, усиление государственного контроля, во-вторых, введение ограничений прав и свобод граждан.

Федотова Ю.Г.,

эксперт Центра экспертных исследований факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Курган)

Литература

1. Бойко А. В России подобные теракты уже невозможны. Но расслабляться нельзя / А. Бойко // Комсомольская правда. 2015. 14 ноября.
2. Макаров О. Европа усилила меры безопасности после теракта в Ницце / О. Макаров, Г. Макаренко // RBC.ru. 2016. 17 июля.
3. Франция будет привлекать резервистов для борьбы с террором. О более активном привлечении резервистов для борьбы с терроризмом в новой ситуации заявил министр обороны Жан-Ив Ле Дриан. URL: <http://odnako.su/news/world/-247496-franciya-budet-privlekat-rezervistov-dlya-borby-s-terrorom/>
4. Vehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie / vorworte O. Scholz. A. Baerbock. Bundesregierung, 2023.

Экономический суверенитет и экономический конституционализм: некоторые аспекты взаимного влияния

В русле тематики проводимой 21–25 ноября 2023 г. совместной конференции МГУ и МГЮА «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы» следует обратить внимание на то, что, во-первых, главным правовым рычагом для обеспечения суверенитета является прежде всего Конституция РФ. А поскольку экономическая составляющая затрагивает все сферы общественной жизни и, соответственно, каждого из нас, хотелось бы затронуть тему экономического суверенитета.

О.Ю. Болдырев в своем автореферате показывает остроту проблематики экономического суверенитета в связи с тем, что с 1990-х годов произошла потеря управляемости экономикой, что было обусловлено утратой внутреннего «верховенства», — и это стало ценой проведения радикальных реформ¹. И если на конституционной «заре» (что следует понимать как ее разработку) в приоритете конституционно-экономических вопросов были формы собственности с их закреплением, экономические права и свободы, то сейчас на передний план как раз выходит иное — важно обеспечить экономический суверенитет, о котором мы мало что знаем... Кроме того, наука конституционного права чаще отходит от откровенного ответа или решения вопроса о том, в чьих же все-таки руках рычаги власти и управления — у официальных органов государственной власти, народа или какой-то неформальной группы лиц?

В 2015 году В.В. Путин призывал к укреплению экономического суверенитета, говоря о том, что помогают этому процессу антироссийские санкции. А то, что это, по словам Президента РФ, не линейное решение², подтверждают как наши представления о сложноструктурированности любой экономики, так и даже отчасти сложная законодательная судьба экономического суверенитета.

«Экономический суверенитет» в самом общем смысле следует понимать все в том же словесно-содержательном, но при этом в экономико-контекстном аспекте: государственное право (а в прикладном плане можно категорию «право» заменить на «возможность») определять и осуществлять следующее: политику, независимость, самодостаточность, безопасность, взаимозависи-

¹ Болдырев О.Ю. Конституционно-правовые проблемы обеспечения экономического суверенитета: Россия, зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 4.

² Латухина К. Путин призвал укрепить экономический суверенитет. URL: <https://rg.ru/2018/05/08/putin-prizval-ukrepit-ekonomicheskij-suverenitet.html> (дата обращения: 20.11.2023).

мость относительно других государств, контроль над ресурсами, активами и пассивами³.

Буквальному определению экономического суверенитета в нашем законодательстве длительное время не было места.

Ссылка на экономический суверенитет впервые появилась в Законе РСФСР от 31 октября 1990 г. № 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»⁴. самого определения закон не дал, он именно содержательно «обеспечил» (обозначил) его составляющие: *«Земля, ее недра... воздушное пространство, воды, леса, растительный и животный мир, другие природные и сырьевые ресурсы... ресурсы континентального шельфа и морской экономической зоны РСФСР... художественные и культурные ценности являются национальным богатством народов РСФСР... Расположенные на территории РСФСР объекты государственной собственности... являются собственностью РСФСР»* (ст. 1).

Чуть ранее, как мы знаем, 12 июня 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР⁵, нормы которой указанный закон как раз и развивал. В таком изложении экономический суверенитет рассматривался через призму прерогатив государственного распоряжения преимуществами материально-экономического свойства или материально-технических благ.

Далее последовал Федеральный закон «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», в котором защита экономического суверенитета и обеспечение экономической безопасности были обозначены как его цель (с отсутствующей на сегодня редакцией формулировки)⁶.

Утративший силу Таможенный кодекс РФ (действовавший до 1 января 2004 г.), среди прочего, также исходя из поставленной цели, был направлен на защиту экономического суверенитета и обеспечение экономической безопасности страны. Однако любопытно, что в действующем специальном законе о таможенной службе по ст. 19 сотрудник, принимая присягу, опять же, должен поклясться «защищать экономический суверенитет и экономическую безопасность» своей Родины⁷.

В 2002 году заинтересованное сообщество узнало о существовании проекта Федерального закона «О принципах федеративных экономических

³ Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100). С. 144–154.

⁴ Закон РСФСР от 31 октября 1990 г. № 293-1 «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. М., 1990. № 22. Ст. 260.

⁵ Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1. URL: <https://constitution.garant.ru/act/base/10200087/>

⁶ Федеральный закон от 13 октября 1995 г. № 157-ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 42. Ст. 3923.

⁷ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.

отношений в Российской Федерации», где в ст. 4 была предпринята попытка определения данного института как верховенства именно государственной власти в решении общегосударственных экономических задач, способность страны через федеральные государственные органы осуществлять власть с целью определения задач, приоритетов, принципов экономической политики (внутренней и внешней), плюс обеспечения экономической целостности России как суверенного государства⁸.

Если говорить о реактивном специальном президентском воздействии в случае возникновения международной чрезвычайной ситуации, то обязательно следует упомянуть Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах», в соответствии с которым глава государства может применить временные экономические меры при угрозе интересам и безопасности страны и/или нарушении прав и свобод наших граждан, или в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН. Такие экономические меры могут выражаться в виде налагаемых запретов на действия лиц, организаций или государств, а также возложения обязанностей совершения каких-то действий и проч. Такие меры не носят единолично-властный президентский характер: предложить такие меры и их сроки может Совет безопасности РФ, обе палаты парламента или Правительство РФ. Перечень конкретных мер определяется правительством. При потребности в реализации таких мер от решения Центробанка РФ соответствующие запреты или обязанности устанавливаются Центробанком при участии Правительства РФ⁹.

Определение экономического суверенитета, наконец, было дано в 2017 г. в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года: это «объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств»¹⁰.

Признаться, такое определение представляется ограниченным. Гораздо полнее понятийный аппарат представлен в упомянутом автореферате О.Ю. Болдырева: «Это совокупность формального права самостоятельно принимать решения по всем вопросам, связанным с экономической деятельностью, а также реальной возможности экономического самообеспечения»¹¹. При этом ключевой фактор — возможность экономического самообеспечения. Сам же автор поясняет, что самообеспечение здесь — не полная

⁸ Проект Федерального закона «О принципах федеративных экономических отношений в Российской Федерации». М., 2002.

⁹ Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // СЗ РФ. 2007. № 1 (часть I). Ст. 44.

¹⁰ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 года». URL: <https://base.garant.ru/71672608/>

¹¹ Болдырев О.Ю. Конституционно-правовые проблемы обеспечения... С. 16.

самодостаточность (связанная и с самоизоляцией), а сбалансированность взаимосвязей¹².

И если говорить о суверенитете России, т.е. о суверенитете государства (перефразируем — о государственном суверенитете), то возникает в связи с обозначенной темой конференции вопрос: может ли государственный суверенитет (в самом общем смысле) быть жизнеспособным без серьезной материальной базы, которая, в принципе, является фундаментом государственного могущества? Поэтому экономический суверенитет — это не разновидность суверенитета, не суверенитет экономических отношений, а элемент фактического содержания государственного суверенитета, проникающий во все сферы его деятельности, или даже его основная движущая сила.

Экономический суверенитет, дополняя ясным языком, это способность национального правительства принимать самостоятельные решения — автономно, безотносительно решений, принимаемых другими правительствами.

Категория «экономического суверенитета» поневоле будет «работать» в политической плоскости. Исключительно экономический контекст не даст ему развиваться в полной мощи. Государство издает законы и у него есть средства, для того чтобы заставить общество им подчиняться (исполнять). Для любой разновидности суверенитета, или элемента его фактического содержания, фундаментальным и определяющим будет являться политический выбор.

Конституция же — главный политический документ. И выбор политического курса страны прежде всего отражается в этом документе.

И здесь мы подходим к тематике экономического конституционализма, который мог бы явиться средством укрепления российского экономического суверенитета. Суть конституционализма вообще (помимо известных признаков) — в ограничении, или некоем сдерживании власти народом. Поскольку экономика — многопластовое явление, всех аспектов необходимого процесса в данном материале затронуть невозможно. Остановимся, как представляется, на главном.

Экономический твердо стоящий на ногах гражданин — это крепкое государство. По видимости, здесь уместно привести высказывание Плутарха: *«Государство есть некая совокупность объединившихся частных домов и сильно лишь в том случае, если преуспевают его граждане — каждый в отдельности»*¹³. Экономическая конституционализация заключается в процессе укрепления социально-экономической составляющей каждого гражданина страны.

В силу многоплановости, многоуровневости экономики вариантов конституционализации — тысячи. Однако, по нашему мнению, мы нашли главную «точку опоры» (согласно крылатому высказыванию Архимеда Сиракузского,

¹² Там же.

¹³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Марк Котон. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. Т. 1. С. 402.

однако необходимую нам не для переворачивания Земли, а для сдвижения экономической ситуации в стране), заключающуюся как в новом взгляде на право собственности, так и в коренном пересмотре результатов приватизации (или идеологически востребованном процессе национализации). Расширенный вариант представлен в одной из последних статей журнала «Конституционное и муниципальное право»¹⁴, согласно содержанию которой такой институт, как «всенародное достояние», должен быть закреплен в преамбуле и в гл. 1 нового основного закона, что далее требует принятия федерального конституционного закона «О всенародном достоянии Российской Федерации» (поскольку Конституция — это не место для скрупулезной детализации правовых режимов). В таком законе должны найти место: а) правовые режимы форм соответствующего потенциала государства и общества; б) принцип справедливого распределения доходов между российскими гражданами; в) система перераспределения получаемых сверхдоходов при обязательном огосударствлении предприятий, являющихся добытчиками природных ресурсов.

Нельзя сказать, что тема «всенародного достояния» нова. К ней обращаются ученые-юристы и практики¹⁵. Год назад, на первой части пленарного заседания XXIII Международной научно-практической конференции, которая в 2022 г. проводилась под названием «Государство и право России в современном мире», очень ярким (как всегда) прозвучало выступление профессора С.А. Авакьяна «Мысли о роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политико-правового развития России», и на первом месте была заявлена необходимость проведения радикальной реформы в экономике, «содержание которой должно состоять в том, чтобы провести изъятие государственной собственности, полученной как мошенническими способами, так и специально придуманными, и внешне вроде бы “законными” путями должна быть возвращена государству...»¹⁶. И далее

¹⁴ Чупилкина А.Ф. Экономический конституционализм: нерешенные проблемы прошлого и оптимистичный взгляд в будущее // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 10. С. 21–23.

¹⁵ Бибаров-Государев А.П. Теоретико-правовая характеристика национального достояния // Вестник ТГУ. 2015. Вып. 8 (148). С. 78–82; Бородач М.В. Публичная собственность: опыт конституционно-правового осмысления : монография / под науч. ред. В.И. Крусса. М. : Норма, 2019. 576 с; Коновалов А.И., Кинетова Л.А. Правовой режим национального достояния // Закон и право. 2020. № 10. С. 18–22; Мазаев В.Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3. С. 19–33; и др.

¹⁶ Авакьян С.А. Мысли о роли конституционного права в условиях новых задач и концептуальных решений для политико-правового развития России : доклад на XXIII Межд. научно-практической конференции, ежегодно объединяющей работу Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и МГЮА им. О.Е. Кутафина, которая в 2022 г. проводилась под названием «Государство и право России в современном мире». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4gLFePhhOAM> (дата обращения: 18.11.2023).

ученый перечислил возможные варианты возвращения: экспроприация; «добровольные» возвращения; дарение государству через вторые, третьи руки с оставлением сегодняшнему собственнику небольшого процента от объектов.

Логично было бы понять, что «всенародное достояние» — как раз та институция, в которую следовало бы облечь такую возвращенную собственность, и тогда она может не только претендовать, но и как раз культурно, духовно и юридически идентифицировать ценность — право собственности особого рода, ставшей уже традиционной (прочно вошедшей в ментальность) для нашего народа (как минимум, с таким конституционно-правовым кодом в советском прошлом прожили 3–4 поколения российских граждан).

Подводя смысловые итоги и формулируя заявленное в заголовке взаимовлияние двух категорий, выведем следующее. Экономический суверенитет (который следует содержательным образом приравнять к категориям «экономическое могущество», «государственное экономическое благополучие», или, по О.Ю. Болдыреву — «фактическая возможность экономического самообеспечения») — это путеводная звезда, целевая задача экономической конституционализации.

А экономическая конституционализация — это дорога к укреплению российского экономического суверенитета, путь к внутренней экономической самодостаточности, а также неувязимости нашего государства на международной арене.

Чупилкина А.Ф.,

кандидат юридических наук, доцент
(г. Самара)

Литература

1. Бибаров-Государев А.П. Теоретико-правовая характеристика национального достояния / А.П. Бибаров-Государев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 8 (148).
2. Болдырев О.Ю. Конституционно-правовые проблемы обеспечения экономического суверенитета: Россия, зарубежный опыт : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.Ю. Болдырев. Москва, 2017.
3. Болдырев О.Ю. Экономический суверенитет государства: элементы и механизмы защиты / О.Ю. Болдырев // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3 (100).
4. Бородач М.В. Публичная собственность: опыт конституционно-правового осмысления : монография / М.В. Бородач ; научный редактор В.И. Крусс. Москва : Норма, 2019.
5. Коновалов А.И. Правовой режим национального достояния / А.И. Коновалов, Л.А. Кинетова // Закон и право. 2020. № 10.
6. Мазаев В.Д. Публичная форма собственности как инструмент конституционно-правового регулирования экономики / В.Д. Мазаев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 3.
7. Чупилкина А.Ф. Экономический конституционализм: нерешенные проблемы прошлого и оптимистичный взгляд в будущее / А.Ф. Чупилкина // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 10.

Лишение гражданства как способ защиты государственного суверенитета

Политическая ситуация в мире указывает сегодня на острую потребность в отстаивании своих национальных интересов на всех уровнях, что является основополагающим фактором обеспечения государственного суверенитета. В условиях «усиления зарубежных попыток переформатирования внешней политики России посредством вмешательства из-за рубежа в наши суверенные дела, расширения спектра вмешательства извне во внутренние дела России»¹ государство проводит активную политику по защите и укреплению государственного суверенитета. За последнее время в нашей стране приняты важные нормативные правовые акты, направленные на защиту государственного суверенитета и предотвращение вмешательства извне во внутренние дела государства².

¹ Ежегодный доклад временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (23 декабря 2022 г.). URL: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/141465/

² Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 25 ноября 2017 г. № 327-ФЗ «О внесении изменений в статьи 10.4 и 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 6 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 481-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 28 июня 2021 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в статью 6 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статью 3.1 Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 23 апреля 2021 г. № 243 «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств» // СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Суверенитет — одно из наиболее сложных понятий международного права, что связано с разнородностью политических систем различных стран, а также с тем, что субъектами международного права являются как собственные государства и народы, так и отдельные граждане.

Применительно к теме статьи особое значение имеет соотношение права человека (личности) и государственного суверенитета, которые «при определенных обстоятельствах, могут входить в противоречия между собой, в результате чего возникает конфликт интересов государство / общество / гражданин)»³.

Согласно ст. 15 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., «никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство»⁴. Логика рассуждений при этом такова. Слово «произвольно» указывает на то, что документ фактически допускает лишение гражданства при наличии соответствующих правовых оснований, которые, очевидно, должны быть отражены в национальном законодательстве.

В России институт лишения гражданства отсутствует.

Прямой конституционный запрет («гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства» (ст. 6 Конституции Российской Федерации)) не позволяет регулировать федеральным законом вопросы лишения гражданства Российской Федерации лиц, наносящих своими действиями угрозу конституционному строю, государственному суверенитету и национальной безопасности.

Вместо понятия «лишение гражданства» законодательство России до недавнего времени использовало два других: «отмена решения о приобретении гражданства» и «прекращение гражданства».

Основаниями для «отмены решения о приобретении гражданства», предусмотренными ст. 22 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — федеральный закон № 62), являлись: факт предоставления ложных сведений или подложных документов или совершение преступлений (террористического акта или содействие террористической деятельности, диверсия, организация экстремистского сообщества, финансирование экстремистской деятельности, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля).

тантПлюс»; Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).

³ Ежегодный доклад Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации (февраль 2018 г.). URL: http://council.gov.ru/structure/commissions/iccf_def/plans/90141/.

⁴ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).

Прекращение гражданства допускалось в двух формах: вследствие выхода из гражданства и выбора иного гражданства (оптация) и при территориальных преобразованиях в результате изменения в соответствии с международным договором Российской Федерации государственной границы Российской Федерации.

Федеральный закон № 62-ФЗ утратил силу в октябре 2023 г. в связи с принятием нового закона о гражданстве Российской Федерации⁵, который исключает институт «отмены решений о приеме в гражданство Российской Федерации» и уточняет институт «прекращения гражданства Российской Федерации». Помимо добровольного волеизъявления (выход из гражданства Российской Федерации), в качестве самостоятельных оснований прекращения гражданства Российской Федерации новым законом выделяются в том числе: совершение преступления (приготовление к преступлению или покушению на преступление); совершение действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации. В целях противодействия угрозе безопасности Российской Федерации новый закон расширяет перечень преступлений, совершение которых влечет за собой прекращение гражданства у лиц, приобретших гражданство в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора или приема в гражданство Российской Федерации.

При этом новый федеральный закон, так же как и федеральный закон № 62-ФЗ, не допускает возможности прекращения гражданства Российской Федерации, приобретенного по рождению.

Представляется, что норма о прекращении гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступления должна распространяться на всех граждан Российской Федерации, так как гражданство равное и единое.

Конституционный запрет на лишение гражданства в Российской Федерации является скорее исключением, поскольку существует в конституциях лишь некоторых стран (например, Испании⁶ (ст. 11), России (ст. 6), Эфиопии⁷ (ст. 33), Южной Африки⁸ (ст. 20)).

Анализ зарубежного законодательства позволяет выделить следующие основания лишения гражданства по инициативе государства:

⁵ Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).

⁶ Конституция Испании. URL: <https://www.boe.es/legislacion/documentos/Constitucion CASTELLANO.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

⁷ Конституция Эфиопии. URL: <http://books.good-amharic-books.com/constitut-cr.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

⁸ Конституция Южной Африки. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/182082> (дата обращения: 25.11.2023).

(а) получение гражданства другой страны, например: Австрия⁹ (если не получено предварительное разрешение) (ст. 27 Закона о гражданстве 1985 г.), Бразилия¹⁰ (ст. 12 Конституции Бразилии), Германия¹¹ (если не получено предварительное разрешение) (§ 18, 25 Закона о гражданстве 1913 г.), Индия¹² (раздел 9 Закона о гражданстве 1955 г.), Китай¹³ (ст. 9 Закона о гражданстве 1980 г.), Латвия¹⁴ (ст. 24 Закона о гражданстве), Литва¹⁵ (ст. 24, 26 Закона о гражданстве), Нидерланды¹⁶ (ст. 15 Закона о гражданстве 1985 г.), Узбекистан¹⁷ (ст. 21 закона о гражданстве), Эстония¹⁸ (ст. 28 Закона о гражданстве), Южная Африка¹⁹ (ст. 9 Закона о гражданстве 1995 г.), Япония²⁰ (ст. 11 Закона о гражданстве);

(б) поведение, причиняющее серьезный ущерб интересам государства, например: Болгария²¹ (ст. 24 Закона о гражданстве), Греция²² (ст. 17 Закона о гражданстве), Кипр²³ (ст. 8 Закона о гражданстве 1967 г.), Молдова²⁴ (ст. 23 Закона о гражданстве), Норвегия²⁵ (ст. 26 Закона о гражданстве),

⁹ Закон о гражданстве Австрии. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10005579> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁰ Конституция Федеративной Республики Бразилия 1988 г. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (дата обращения: 25.11.2023).

¹¹ Закон о гражданстве Германии. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stag/index.html> (дата обращения: 25.11.2023).

¹² Закон о гражданстве Индии. URL: <https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/1522> (дата обращения: 25.11.2023).

¹³ Закон о гражданстве Китайской Народной Республики. URL: <https://www.nia.gov.cn/n741440/n741547/c1013967/content.html> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁴ Закон о гражданстве Латвии. URL: <https://likumi.lv/ta/id/57512-pilsonibas-likums> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁵ Закон о гражданстве Литовской Республики. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.387811/asr> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁶ Закон Королевства о голландском гражданстве. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0003738/2023-10-01> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁷ Закон о гражданстве Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/acts/4880> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁸ Закон о гражданстве Эстонии. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/1042868> (дата обращения: 25.11.2023).

¹⁹ Закон о гражданстве Южной Африки. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/act88of1995.pdf (дата обращения: 25.11.2023).

²⁰ Закон о гражданстве Японии. URL: <https://www.moj.go.jp/MINJI/kokusekiho.html> (дата обращения: 25.11.2023).

²¹ Закон о болгарском гражданстве. URL: <https://justice.government.bg/home/normdoc/2134446592> (дата обращения: 25.11.2023).

²² Закон о гражданстве Греции. URL: <https://ministryofjustice.gr/wp-content/uploads/2019/10/Kwδikaς-Ελληνικής-Ιθαγένειας.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

²³ Закон о гражданстве Республики Кипр 1967 г. (43/1967). URL: http://www.cylaw.org/nomoi/enop/ind/1967_1_43/section-sceadc33e3-970b-4b66-91bf-4beeb39eacc0.html (дата обращения: 25.11.2023).

²⁴ Закон от 2 июня 2000 г. № 1024 о гражданстве Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=85908&lang=ru (дата обращения: 25.11.2023).

²⁵ Закон о норвежском гражданстве. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-06-10-51/KAPITTEL_5#KAPITTEL_5 (дата обращения: 25.11.2023).

Словения²⁶ (ст. 26 Закона о гражданстве), Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии²⁷ (ст. 40 Закона о гражданстве), Соединенные Штаты Америки²⁸ (§ 349 Закона об иммиграции и гражданстве), Турция²⁹ (ст. 29 Закона о гражданстве), Эстония (ст. 28 Закона о гражданстве), Южная Африка (ст. 8 Закона о гражданстве 1995 г.);

(в) постоянное проживание за границей, например: Кипр (ст. 8 Закона о гражданстве 1967 г.), Китай (ст. 9 Закона о гражданстве), Мальта, Норвегия (ст. 24 Закона о гражданстве), Словения (ст. 26 Закона о гражданстве);

(г) добровольная иностранная военная служба или государственная, например: Австрия (ст. 32, 33 Закона о гражданстве 1985 г.), Беларусь³⁰ (ст. 19 Закона о гражданстве), Германия (§ 28 Закона о гражданстве 1913 г.), Греция (ст. 16, 17 Закона о гражданстве), Италия³¹ (ст. 8 Закона о гражданстве), Латвия (ст. 24 Закона о гражданстве), Литва (ст. 24 Закона о гражданстве), Молдова (ст. 23 Закона о гражданстве), Нидерланды (ст. 15 Закона о гражданстве 1985 г.), Словения (ст. 26 Закона о гражданстве), Соединенные Штаты Америки (§ 349 Закона об иммиграции и гражданстве), Туркменистан³² (ст. 17 Закона о гражданстве), Турция (ст. 29 Закона о гражданстве), Узбекистан (ст. 25 Закона о гражданстве), Эстония (ст. 28 Закона о гражданстве);

(д) мошенничество в процессе натурализации (предусмотрено в подавляющем большинстве стран мира), но данный случай не относится к вопросу лишения гражданства, приобретенного «по праву рождения».

Впервые запрет на лишение гражданства Российской Федерации был установлен законом о гражданстве 1991 г.³³, по мнению С.А. Авакьяна, законодательство России, «чтобы избежать возможных проявлений субъективизма и произвола» при принятии решений о лишении гражданства, «а также с учетом международных документов определило, что ни при каких условиях нельзя прибегать к такой крайней мере, как лишение

²⁶ Закон о гражданстве Республики Словения. URL: <http://pisrs.si/Pis.web/pregledPredpisa?id=ZAKO13> (дата обращения: 25.11.2023).

²⁷ Закон о британском гражданстве 1981 г. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61/2023-07-20#reference-c16844261> (дата обращения: 25.11.2023).

²⁸ Закон об иммиграции и гражданстве США. URL: <https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act> (дата обращения: 25.11.2023).

²⁹ Закон о гражданстве Турции. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.5901.pdf> (дата обращения: 25.11.2023).

³⁰ Закон Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З «О гражданстве Республики Беларусь». URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3114 (дата обращения: 25.11.2023).

³¹ Закон от 5 февраля 1992 г. № 91 «Новые правила о гражданстве». URL: <http://www.comune.jesi.an.it/MV/leggi/191-92.htm> (дата обращения: 25.11.2023).

³² Закон о гражданстве Туркменистана. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/74> (дата обращения: 25.11.2023).

³³ Закон РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 1948-1 «О гражданстве РСФСР» // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 01.11.2023).

человека Родины»³⁴. Примечательно, что законы о гражданстве Союза ССР предусматривали возможность лишения гражданства, как уже было отмечено — не редкую в законодательствах многих зарубежных государств. Например, согласно ст. 18 Закона «О гражданстве СССР»³⁵, «лишение гражданства СССР может иметь место в исключительном случае по решению Президиума Верховного Совета СССР, если лицо совершило действия, порочащие высокое звание гражданина СССР и наносящие ущерб престижу или государственной безопасности СССР».

В качестве примера дальнейшего совершенствования института гражданства в Российской Федерации можно использовать в первую очередь положения ст. 15 Всеобщей декларации прав человека³⁶ («никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство»). Несмотря на то что данная статья почти дословно повторяет ст. 6 Конституции России, ключевым различием текста с положениями Конституции России является наличие слова «произвольно». Наличие данной дефиниции в Конституции России позволило бы рассматривать ст. 6 не как безусловную императивную норму, а устанавливать федеральным законом случаи (порядок) лишения гражданства неблагонадежных лиц, чьи действия наносят угрозу суверенитету, независимости, территориальной целостности страны, ее конституционному строю.

Например, согласно Закону о гражданстве Республики Молдова (в ст. 17 Конституции Молдовы³⁷, ст. 15 Всеобщей декларации прав человека воспроизведена дословно), «Указом Президента Молдовы может быть лишено гражданства Республики Молдова лицо, в том числе: завербовавшееся добровольно в вооруженные силы другого государства; совершившее особо тяжкое деяние, нанесшее значительный ущерб государству».

Без внесения изменений в Конституцию Российской Федерации реализовать зарубежный опыт по лишению гражданства лиц, своими активными (пассивными) действиями выражающих неудовлетворенность политическим режимом, решениями органов власти, материальную заинтересованность, помощь недружественным странам, невозможно.

³⁴ Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 25.

³⁵ Законы «О гражданстве СССР», «О гражданстве РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).

³⁶ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2023).

³⁷ Конституция Республики Молдова. URL: <https://www.parlament.md/CadruLegal/Constitution/tabid/151/language/ru-RU/Default.aspx> (дата обращения: 01.11.2023).

Предлагается рассмотреть вопрос о снятии императивного конституционного запрета на лишение гражданства лиц, причиняющих своими действиями вред национальным интересам России, государственному суверенитету, независимости, территориальной целостности страны, ее конституционному строю, особенно имеющих гражданства других стран и финансируемых недружественными государствами. Например, дополнив ч. 3 ст. 6 Конституции Российской Федерации словом «произвольно», что позволит установить в последующем в федеральном законе (о гражданстве) правовые основания лишения гражданства.

Возможность прекращения государством в одностороннем порядке правовой связи с лицом, которое целенаправленно и умышленно своими противоправными действиями противостоит устойчивому развитию государства, наносит вред общественной нравственности, общественной безопасности и основам конституционного строя, позволит укрепить государственный суверенитет и повысит уровень правосознания и ответственности каждого гражданина.

Шубина Е.Ю.,

аспирант юридического факультета

Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

(г. Москва)

Литература

1. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция / С.А. Авакьян. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003.
2. Барциц И.Н. Шесть очерков о конституции / И.Н. Барциц. Москва : Дело, 2022.
3. Смирнова Е.С. Институт гражданства в современном мире: коллизии и перспективы конституционного и международно-правового регулирования : монография / Е.С. Смирнова. Москва : ТДДС-Столица-8, 2017.

Особенности административной ответственности юридических лиц: проблемы и перспективы

Правоприменительная практика свидетельствует о пробелах, противоречиях административного законодательства в части привлечения юридических лиц к административной ответственности. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) постоянно обновляется, и некоторые изменения касаются правового регулирования ответственности юридических лиц. В проекте КоАП РФ содержатся некоторые принципиальные изменения в особенностях привлечения юридических лиц к административной ответственности.

Целью данного исследования является изучение института административной ответственности юридических лиц в комплексе его основных проблем, а также выработка предложений по усовершенствованию данного института. Для достижения данной цели ставились следующие задачи: рассмотреть особенности административной ответственности юридических лиц, изучить проблему определения вины юридического лица, определить тенденции развития данного института.

Институт административной ответственности юридических лиц должным образом в современном законодательстве не урегулирован. Так, административное законодательство четко не регламентирует круг юридических лиц, к которым может быть применена административная ответственность. Отсутствует в административном законодательстве понятие вины юридического лица, а заимствование его из гражданского законодательства нельзя признать удачным. Некоторые составы правонарушений в КоАП РФ указывают на умышленный и неосторожный характер действий юридического лица, тогда как форм вины у юридического лица, согласно действующей в административном законодательстве поведенческой концепции определения вины организации, быть не может. Анализ положений КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель категорично пытался уйти от использования объективного вменения при привлечении юридических лиц к административной ответственности, однако пробелы, неточности формулировок и их противоречивость приводят к этому на практике. Наряду с тем что санкционная политика в отношении юридических лиц подвергается резкой критике за ее явно фискальный характер, одновременно с этим ведутся жаркие дискуссии о возможности введения уголовной ответственности юридических лиц. Исследование этих и других проблемных аспектов института административной ответственности юридических лиц явилось целью данной работы.

В науке административного права вопросами привлечения юридических лиц к административной ответственности занимались такие ученые, как Б.В. Россинский, В.Д. Сорокин, А.Б. Панов, А.П. Солдатов, Л.Н. Сморгочкова и др. В своих работах они обращают внимание на проблему определения вины юридического лица, недопустимости применения объективного вменения и др. В настоящее время КоАП РФ активно обновляется, меняются концептуальные подходы в вопросах привлечения организаций к административной ответственности, что обуславливает необходимость анализа новелл, касающихся исследуемых вопросов, а также оценки тенденций и перспектив развития института административной ответственности юридических лиц.

В административном законодательстве понятие административной ответственности юридических лиц не раскрывается. В юридической науке под ней понимают вид юридической ответственности, которая выражается в применении уполномоченным органом или должностным лицом административного наказания к организациям на основе и в порядке, установленном административным правом и некоторыми другими отраслями права¹.

В качестве субъектов административной ответственности КоАП РФ называет российских и иностранных юридических лиц. Дефиниция юридического лица заимствуется из гражданского законодательства. В соответствии с п. 1 ст. 48 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) им признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Филиалы и представительства в соответствии с п. 3 ст. 55 ГК РФ юридическими лицами не являются и не обладают самостоятельной гражданской правосубъектностью. В пункте 1 ст. 2.1 проекта КоАП РФ (далее — Проект) говорится о том, что за совершение административных правонарушений филиалами, представительствами и обособленными подразделениями несут ответственность юридические лица. Однако в целях привлечения к административной ответственности к юридическим лицам могут приравняться и не являющиеся таковыми. Например, за некоторые налоговые правонарушения к административной ответственности могут быть привлечены филиалы юридического лица².

Административная правосубъектность и гражданская могут не совпадать, поэтому при привлечении юридических лиц к административной ответственности необходимо учитывать статус юридического лица. Он включает в себя возможность предприятий и учреждений вступать в правоотношения с органами исполнительной власти.

¹ Солдатов А.П. К вопросу об административной ответственности юридических лиц // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 220.

² Минашкин А.В. Проблемы административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 47.

Для привлечения к административной ответственности юридическое лицо должно обладать гражданской правосубъектностью. Однако обладание гражданской правосубъектностью не всегда означает, что лицо может выступать в качестве субъекта административной ответственности. Для того чтобы организация рассматривалась в качестве юридического лица, она должна быть зарегистрирована в таком качестве или приобрести статус юридического лица по иному законному основанию. Из этого вытекает, что религиозные группы, международные организации, филиалы и представительства юридических лиц не могут являться субъектами административной ответственности. Единственную меру административной ответственности, которую к ним можно применить, это административное запрещение их деятельности. С другой стороны, под административную ответственность могут подпадать не только хозяйствующие субъекты, но и публично-правовые образования. Например, федеральные органы исполнительной власти, представительные и исполнительные органы субъектов РФ и проч.³

Привлечение к административной ответственности государственных и муниципальных органов в качестве юридических лиц вызывает споры среди ученых. Гражданское законодательство органы государственной власти и органы местного самоуправления к юридическим лицам не относит. Административно-правовой статус органов исполнительной власти и органов местного самоуправления кардинально отличается от статуса «организаций, предприятий и учреждений» — «невластных коллективных субъектов» административного права. Несогласованность понятий, разработанных в двух разных отраслях права, приводит к тому, что органы государственной власти и органы местного самоуправления привлекаются к административной ответственности, что бесполезно по причине того, что происходит обратное поступление в бюджет штрафов, налагаемых на такие учреждения, и умаляет авторитет государственной власти⁴. В новом Проекте КоАП РФ (п. 2 ст. 2.11) законодатель выводит из круга субъектов, подлежащих административной ответственности, наделенные статусом юридического лица органы государственной власти, органы местного самоуправления, органы управления государственных внебюджетных фондов, Центральный банк Российской Федерации, казенные учреждения, за исключением случаев, если речь идет об ответственности собственников транспортных средств. Однако такой вывод из-под действия КоАП РФ некоторых органов, наделенных статусом

³ Попович О.М. Понятие и структура административной ответственности юридических лиц // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 193; Панов А.Б. Юридическое лицо — субъект административной ответственности // Административное право и процесс. 2012. № 6.

⁴ Андреев В.А. Привлечение к административной ответственности органов местного самоуправления: сохранить или отменить. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/privlechenie-k-administrativnoy-otvetstvennosti-organov-mestnogo-samoupravleniya-sohranit-ili-otmenit>

юридического лица, по мнению некоторых ученых, ставит под сомнение единую природу правового регулирования⁵.

Еще одной особенностью административной ответственности юридических лиц является то, что административное законодательство допускает привлечение к ней юридических лиц, которые административное правонарушение не совершали, но являются правопреемниками юридических лиц, которые такие нарушения допускали⁶. Привлечение к административной ответственности юридического лица, прекратившего свою деятельность и исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц, действующим законодательством не предусматривается.

В научной литературе предпринимались попытки адаптации понятия юридического лица к институту административной ответственности. Все это сводилось или к попытке выработать межотраслевое, универсальное понятие юридического лица, либо к выводу о «смешанной» природе рассматриваемого субъекта⁷. Доминирующей на данный момент является теория фикции, согласно которой юридическое лицо действует как самостоятельный субъект⁸. Ученые справедливо отмечают, что если юридическое лицо может быть наделено всеми свойствами субъекта права — волей, способностью быть виновным, деликтоспособностью, то привлечение его к административной ответственности должно исключать привлечение к ответственности иных лиц за тот же проступок. Если же за юридическим лицом как субъектом административно-правовых отношений видеть реальных людей, допускающих нарушение закона, то привлекать к административной ответственности необходимо только их. И тогда нужно признать, что гражданско-правовая конструкция юридического лица не вполне соответствует сущности административных отношений⁹.

Согласно действующему административному законодательству виновность является одним из обязательных признаков административного правонарушения в соответствии с легальным понятием «административное правонарушение» (ст. 2.1 КоАП РФ). В соответствии со ст. 1.5 КоАП РФ, для привлечения юридического лица к административной ответственности необходимо установить его вину. Юридическое лицо считается невиновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке и установле-

⁵ Майоров В.И., Новичкова Е.Е. Ответственность юридического лица в свете нового Кодекса РФ об административных правонарушениях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93). С. 215.

⁶ Чаннов С.Е. Особенности административной ответственности юридических лиц // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 58.

⁷ Чапурных Я.Н. Понятие юридического лица как субъекта административного правоотношения // Вестник КГУ. 2006. № 5. С. 165–168.

⁸ Глазунова И.В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4. С. 512–517.

⁹ Сморгачева Л.Н. Юридическое лицо как субъект административного правонарушения // Право и практика. 2021. № 2. С. 39–43.

на вступившим в законную силу постановлением судьи, органа, должностного лица, рассмотревших дело. Вместе с тем полноценного понятия вины юридического лица в КоАП РФ нет. Признание юридического лица виновным в совершении административного правонарушения в силу ст. 2.1 КоАП РФ связывается с установлением факта, что оно имело возможность для соблюдения правил и норм, но не приняло все зависящие от него меры по их соблюдению. Ученые отмечают расплывчатость данной формулировки, что ведет к проблемам в правоприменительной практике при установлении наличия возможности соблюдения правил и норм юридическим лицом. Проблема установления вины юридического лица становится проблемой доказывания самого акта совершения правонарушения¹⁰. По мнению ученых, такой подход законодателя к определению вины является несерьезным, легковесным, не раскрывает, что понимается под субъективной стороной административного правонарушения, совершенного юридическим лицом. Позволяет в реальной правоприменительной практике без усилий признавать юридическое лицо виновным в совершении административного правонарушения¹¹.

Еще одно упущение в том, что законодатель не указывает разумных границ тех мер, которые юридическое лицо должно принять для соблюдения правовых норм. Правоприменительные органы для подтверждения вины юридического лица ограничиваются доказательством того факта, что организация не приняла необходимых мер для исполнения обязанности, которые можно было принять¹².

Сложность вопросов определения вины юридического лица обусловлена и тем, что ее классическое понимание как психического отношения лица к совершаемому им противоправному деянию, имеющему интеллектуальный и волевые моменты, к юридическому лицу неприменимо. Анализ российского законодательства позволяет говорить об использовании двух концепций вины юридического лица в различных отраслях права: поведенческой и психологической. Первая определяет вину юридического лица через противоправность совершенного деяния. Вторая — через вину руководителей или иных работников.

Различные отрасли права используют разные концепции вины или могут совмещать обе. Например, в налоговом законодательстве используется психологическая концепция вины (ч. 4 ст. 110 Налогового кодекса РФ; далее — НК РФ). В административном — поведенческая (ст. 2.1 КоАП). В гражданском законодательстве психолого-поведенческая (п. 1 ст. 401 ГК РФ).

¹⁰ Кондратенко А.С. Специфика вины юридического лица при привлечении к административной ответственности // Молодой ученый. 2022. № 38 (433). С. 134–136.

¹¹ Россинский Б.В. Вновь о вине юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 141.

¹² Чукреев А.А. Проблема установления вины юридического лица или индивидуального предпринимателя в неприменении контрольно-кассовой техники // Финансовое право. 2005. № 12. С. 25–28.

Использование поведенческой концепции вины юридического лица в административном законодательстве не решает вопросов, связанных с установлением вины. Так, несмотря на то что вина юридического лица не имеет форм, в административном законодательстве существуют составы правонарушений, в которых обязательным признаком является умысел или неосторожность, при этом субъектами их могут быть как физические, так и юридические лица. Как пример таких несоответствий можно привести ст. 11.5.1 КоАП РФ, где в ч. 1 речь идет о правонарушении, совершенном по неосторожности, а в ч. 3 — в форме умысла. По идее это означает, что привлечь юридическое лицо по данным составам невозможно. Однако Конституционный Суд РФ решил иначе, указав, что юридическое лицо подлежит ответственности за умышленное правонарушение, если установлен умышленный характер действия его работников или должностных лиц. Это противоречит концепции вины юридического лица действующего административного законодательства.

На сегодня споры относительно вины юридического лица разгорелись с новой силой из-за Постановления Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2020 г. № 17-П. В нем Конституционный Суд РФ фактически подтверждает, что вина юридического лица может быть умышленной и неосторожной, при этом намекая законодателю на возможность отказа от вины как критерия для выделения административного правонарушения в самостоятельный состав, если их субъектом является юридическое лицо, в пользу иных критериев, отвечающих требованиям определенности и справедливости. В особом мнении к этому постановлению один из судей, С. Князев, отмечает, что наличие вины — это общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права. При определении вины административное законодательство использует поведенческий алгоритм определения вины и никаким образом дифференциацию вины юридических лиц на умышленную и неосторожную не проводит¹³.

Вышеуказанное постановление входит в некоторое противоречие и с другими актами Конституционного Суда РФ. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 г. № 1-П указано: «Наличие вины — общий и общепризнанный принцип юридической ответственности

¹³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2020 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1, части 1 статьи 2.2, части 3 статьи 11.15.1 и пункта 5 части 1 статьи 29.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 12.2 Федерального закона «О транспортной безопасности», подпунктов 36, 37, 39, 45 пункта 5 и подпунктов 1, 2, 8 пункта 7 требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта, в связи с жалобой акционерного общества «Пассажирский Порт Санкт-Петербург «Морской фасад»» // СПС «КонсультантПлюс».

во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно...»¹⁴.

Многие ученые говорят о том, что на самом деле привлечение юридического лица к административной ответственности и так происходит на основании объективного вменения, что является опасным и недопустимым, так как ведет к отрицанию таких категорий, как презумпция невиновности, вина, бремя доказывания и т.п.¹⁵. При этом они видят только два варианта разрешения этой проблемы: 1) признать объективное вменение и изменить формулировку ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ на следующую: «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или противоправное действие (бездействие) юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность»¹⁶; 2) отрицать объективное вменение и «задрапировать» его применение различными неуклюжими формулировками законодательства¹⁷. В части констатации реального положения дел можно только согласиться со сказанным.

Анализ КоАП РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель вводит категоричный запрет на объективное вменение при привлечении юридического лица к административной ответственности. Причина того, что привлечение юридического лица к административной ответственности происходит путем объективного вменения, кроется в неполноте и неточности формулировок административного законодательства в части определения вины юридического лица.

Таким образом, следует ввести в административное законодательство понятие юридического лица. Указать, какие субъекты, не являющиеся юридическими лицами, могут быть к ним приравнены с целью привлечения к административной ответственности и в каких случаях. Законодательная несогласованность в определении вины юридического лица порождает проблемы в административно-юрисдикционной деятельности, а противоречивая практика арбитражных судов выступает наглядным примером необходимости урегулирования данного вопроса. Следует отойти от поведенческой концепции определения вины юридического лица в пользу психолого-поведенческой. При этом указать границы мер, которые юридическое лицо должно

¹⁴ Постановление КС РФ от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобами гр-н И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова, Н.В. Труханова» // СЗ РФ. 2001. № 7. Ст. 700.

¹⁵ Сорокин В.Д. Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Юридическая мысль. 2002. № 4 (10). С. 26.

¹⁶ Россинский Б.В. Вновь о вине юридического лица // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6. С. 141.

¹⁷ Сорокин В.Д. Указ. соч. С. 46, 47.

было принять, с тем чтобы предотвратить совершение административного правонарушения. Все это позволит уйти от объективного вменения, и, вместе с тем, можно будет устанавливать формы вины юридического лица.

Барахоева А.Р.,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова,
кандидат юридических наук
(г. Ярославль)

Литература

1. Андреев В.А. Привлечение к административной ответственности органов местного самоуправления: сохранить или отменить / В.А. Андреев // Наука и современность. 2014. № 31.
2. Глазунова И.В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица / И.В. Глазунова // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 4.
3. Кондратенко А.С. Специфика вины юридического лица при привлечении к административной ответственности / А.С. Кондратенко, Е.А. Иерусалимская // Молодой ученый. 2022. № 38 (433).
4. Майоров В.И. Ответственность юридического лица в свете нового Кодекса РФ об административных правонарушениях / В.И. Майоров, Е.Е. Новичкова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 2 (93).
5. Минашкин А.В. Проблемы административной ответственности юридических лиц / А.В. Минашкин // Журнал российского права. 1998. № 7.
6. Панов А.Б. Юридическое лицо — субъект административной ответственности / А.Б. Панов // Административное право и процесс. 2012. № 6.
7. Попович О.М. Понятие и структура административной ответственности юридических лиц / О.М. Попович // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 193.
8. Россинский Б.В. Вновь о вине юридического лица / Б.В. Россинский // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 6.
9. Сморчкова Л.Н. Юридическое лицо как субъект административного правонарушения / Л.Н. Сморчкова // Право и практика. 2021. № 2.
10. Солдатов А.П. К вопросу об административной ответственности юридических лиц / А.П. Солдатов // Общество и право. 2012. № 5 (42).
11. Сорокин В.Д. Комментарий избранных мест Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / В.Д. Сорокин // Юридическая мысль. 2002. № 4 (10).
12. Чаннов С.Е. Особенности административной ответственности юридических лиц / С.Е. Чаннов // Юридическая наука. 2017. № 5.
13. Чукреев А.А. Проблема установления вины юридического лица или индивидуального предпринимателя в неприменении контрольно-кассовой техники / А.А. Чукреев // Финансовое право. 2005. № 12.

О некоторых тенденциях и проблемах развития законодательства о противодействии коррупции в Российской Федерации

В настоящее время законодательство о противодействии коррупции в Российской Федерации представлено четырьмя базовыми федеральными законами (от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»), а также множеством нормативных вкраплений в различные тематические федеральные законы («Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», «О государственной гражданской службе Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «О муниципальной службе в Российской Федерации» и др.).

«Разбросанность» антикоррупционных норм среди большого числа различных законодательных актов затрудняет их применение, способствует возникновению противоречий, связанных с их пониманием.

В качестве основных тенденций в развитии законодательства о противодействии коррупции, проявившихся в 2022–2023 гг., нужно отметить следующие:

1) выход России из числа участников ряда международных договоров в этой области (в частности, денонсация Конвенции Совета Европы 1999 г. об уголовной ответственности за коррупцию в соответствии с Федеральным законом от 28 февраля 2023 г. № 42-ФЗ);

2) временное ограничение действия ряда антикоррупционных обязанностей, ограничений и запретов в связи с проведением специальной военной операции (примером может служить Указ Президента РФ от 29 декабря 2022 г. № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции»);

3) активное внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в административные процедуры, связанные с противодействием коррупции.

Исследование данных тенденций позволяет более наглядно увидеть некоторые общие проблемы, касающиеся современного этапа развития российского антикоррупционного законодательства.

Одной из них является совершенствование нормативного определения коррупции, предусмотренного ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции». В нынешнем виде это определение не содержит полного описания коррупционного деяния, допускает излишнюю свободу усмотрения правоприменительных органов в части его квалификации (хотя и называет его основные признаки)¹. Из этого определения непонятно, относятся ли к коррупционным только лишь те действия (бездействие), которые непосредственно запрещены уголовным законом, или же и те, в отношении которых подобного запрета не предусмотрено, но они содержат указанные квалифицирующие признаки. Отсюда вытекает, в частности, необходимость систематизации всех составов коррупционных правонарушений.

Следует отметить, что российское законодательное определение понятия «коррупция» исходит из того, что соответствующее деяние может быть связано с получением лишь материальной выгоды (денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера). Заслуживает внимания вопрос о том, чтобы допустить квалификацию в качестве коррупционных и тех действий (бездействия), которые сопряжены с получением нематериальной выгоды, что давно предусмотрено в законодательстве многих зарубежных стран².

Необходимо законодательно совершенствовать разграничение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в сфере правового регулирования противодействия коррупции. Во многих субъектах РФ приняты свои законы о противодействии коррупции, но при этом сфера компетенции регионального законодателя в данной области четко не определена.

Отсутствуют и нормы, детализирующие полномочия органов местного самоуправления в сфере регламентации противодействия коррупции. Между тем Федеральный закон «Об общих принципах организации местно-

¹ См.: Буянова К.А. Коррупционное деяние в XXI в.: международные стандарты и национальные подходы // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 64–68.

² См.: Кузякин Ю.П., Кузякин С.В. Противодействие коррупции в системе государственной службы: международный опыт // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 70–74.

го самоуправления в Российской Федерации» (п. 38 ч. 1 ст. 14, п. 33 ч. 1 ст. 15, п. 42 ч. 1 ст. 16) рассматривает осуществление мер по противодействию коррупции в границах муниципального образования как вопрос местного значения поселений, муниципальных районов, муниципальных и городских округов.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» (ч. 4 ст. 5) ограничивается лаконичной формулой о том, что «органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий». При этом ст. 2 этого закона допускает принятие нормативных правовых актов субъектов РФ и муниципальных правовых актов по вопросам противодействия коррупции. Но что может быть предметом нормативной регламентации в этой сфере на региональном и муниципальном уровнях власти? Точного ответа на этот вопрос законодательство не содержит. Существует точка зрения, в соответствии с которой дополнительной регламентации на региональном и муниципальном уровнях подлежат меры по противодействию коррупции, в общем плане обозначенные в федеральных законах «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и «О муниципальной службе в Российской Федерации». Однако подобное ограничительное толкование, как представляется, не соответствует концепции федерального законодательства о противодействии коррупции, которая не сводит сферу применения антикоррупционных мер лишь к внутрислужебным отношениям.

Анализ законодательного регулирования позволяет выделить два основных направления антикоррупционной политики:

1) активное использование мер предупреждения (профилактики) коррупции при одновременном обеспечении неотвратимости юридической ответственности за коррупционные правонарушения;

2) расширение сферы применения антикоррупционных норм и технологий, которые должны быть реализованы в деятельности не только органов государственной власти и местного самоуправления, но и учреждений (в том числе негосударственных), оказывающих разнообразные социальные услуги населению.

Необходимо совершенствовать нормативную структуру Федерального закона «О противодействии коррупции». Среди его положений встречаются те (ст. 7), которые не могут непосредственно применяться, поскольку определяют лишь направления деятельности по противодействию коррупции. Представляется, что такого рода положения должны содержаться в специальных правовых актах (Национальная стратегия противодействия коррупции, Национальный план противодействия коррупции), но не в федеральном законе.

Касаясь вопроса о степени детализированности регламентации отдельных мер по противодействию коррупции, нужно отметить неоправданную асимметрию в объеме соответствующего законодательного регулирования. В частности, порядок применения отдельных мер (представление сведений о расходах, запрет отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории России, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами) урегулирован не только нормами Федерального закона «О противодействии коррупции», но и отдельными федеральными законами. Другие же меры (например, представление сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера) законодательно регламентируются только Федеральным законом «О противодействии коррупции», хотя вопросы их применения также заслуживают регулирования в виде отдельного закона. Подобное приводит к тому, что значимые элементы порядка реализации этих антикоррупционных мер регламентированы подзаконными нормативными правовыми актами.

В целом, между законодательным и подзаконным регулированием в сфере противодействия коррупции должен быть найден разумный баланс. В частности, положения Федерального закона «О противодействии коррупции» (ст. 8), касающиеся обязанности государственных и муниципальных служащих представлять сведения о доходах, имуществе, обязательствах имущественного характера представителю нанимателя и иным органам, изобилуют ссылками на подзаконные нормативные акты, что, учитывая огромное количество таких актов, в том числе на региональном и муниципальном уровнях власти, неизбежно приводит к возникновению противоречий в понимании этих законодательных норм.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемые в том числе государственными и муниципальными служащими, относятся к информации ограниченного доступа. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ч. 3 ст. 20) рассматривает эти сведения как информацию конфиденциального характера. При этом оба закона устанавливают, что лица, виновные в разглашении этих сведений, несут юридическую ответственность. Между тем Федеральный закон «О противодействии коррупции» (ч. 6 ст. 8) устанавливает, что сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера размещаются в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и предоставляются для опубликования средствами массовой информации «в порядке, определяемом нормативными правовыми актами Российской Федерации». Таким образом, многочисленные подза-

конные акты регламентируют важные и требующие законодательного решения вопросы: сведения о каких именно доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера подлежат представлению государственными и муниципальными служащими и какие из них должны быть опубликованы?

Необходимо совершенствовать нормы о юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений и порядке ее применения. Особенно это касается дисциплинарной ответственности³. 21 ноября 2011 г. законодатель внес изменения в федеральное законодательство, дополнив его нормами, предусматривающими особое дисциплинарное производство в отношении государственных и муниципальных служащих, совершивших коррупционные правонарушения (Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ). Но при этом нет прямого указания на вину как субъективное основание ответственности; применение в этой сфере категории малозначительного деяния рассматривается как основание лишь для смягчения, но не освобождения от ответственности.

Возникли и некоторые «нестыковки» в содержании норм отдельных федеральных законов. Например, ч. 3 ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции» устанавливает, что невыполнение государственным или муниципальным служащим обязанности уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений влечет за собой его увольнение с государственной или муниципальной службы или привлечение к иным видам ответственности. Но при этом нормы Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ч. 1 ст. 59.2), устанавливающие исчерпывающий перечень оснований для увольнения государственного служащего в связи с утратой доверия, подобного основания не предусматривают, что создает неопределенность в части порядка увольнения при нарушении соответствующей обязанности.

Требуют существенного обновления и нормы об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. В частности, представляется целесообразным на законодательном уровне закрепить перечень коррупциогенных факторов, а не только их общие признаки. Кроме того, необходимо установить правовые последствия обнаружения коррупциогенных факторов в нормативном правовом акте, имея в виду возможность его последующей судебной дисквалификации на этом основании. Представляется важным также усилить требования к лицам, осуществляющим независимую антикоррупционную экспертизу, закрепив эти требования в соответствующем федеральном законе.

³ См.: Брежнев О.В. Проблемы законодательного регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 9. С. 9–12.

Законодательство о противодействии коррупции должно стать правовой основой информационной политики органов государственной власти в данной сфере, которая осуществляется по следующим основным направлениям:

1) содействие объективному освещению в средствах массовой информации случаев коррупционных правонарушений, выявление причин и условий, им способствующих;

2) содействие развитию различных форм антикоррупционного просвещения;

3) содействие деятельности общественных объединений, других институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции.

Брежнев О.В.,

профессор кафедры административного права

Юридического факультета

Московского государственного университета (МГУ)

имени М.В. Ломоносова,

доктор юридических наук, профессор

(г. Москва)

Литература

1. Брежнев О.В. Проблемы законодательного регулирования дисциплинарной ответственности государственных гражданских служащих за коррупционные правонарушения / О.В. Брежнев // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 9.
2. Буянова К.А. Коррупционное деяние в XXI в.: международные стандарты и национальные подходы / К.А. Буянова // Административное право и процесс. 2023. № 2.
3. Кузякин Ю.П. Противодействие коррупции в системе государственной службы: международный опыт / Ю.П. Кузякин, С.В. Кузякин // Административное право и процесс. 2022. № 1.

Модернизация финансового контроля в условиях цифровой трансформации

В современных реалиях цифровая парадигма задает новые векторы развития правоотношений финансового контроля в цифровом ключе и формирует концептуально новую систему осуществления данных правоотношений, основанную на тотальной цифровизации всех основных сфер общественной жизни, что требует своевременных, адекватных и качественных мер правового регулирования осуществления цифровых финансовых правоотношений в сфере финансового контроля.

В научной среде не раз подчеркивалось, что в вопросах нормативно-правового урегулирования цифровизации финансовых и налоговых правоотношений¹ мы уже давно отстаем от современных реалий, которые выдвигает перед нами сама жизнь, которая неустанно вносит свои коррективы в этот процесс, показывая, что обозначенная проблема стоит на повестке дня достаточно остро.

Принятие ряда документов стратегического планирования, ориентированных на формирование «цифровой экономики» и «достижение цифровой зрелости»², предопределило широкое внедрение цифровых технологий во все сферы финансовых правоотношений, в том числе и налоговых (цифровизация налогового контроля предполагает усовершенствование порядка осуществления налогового администрирования и повышение эффективности правоприменения со стороны контролирующих органов: «развитие “внепроверочной” формы налогового контроля, основанной на отмене обязанности налогоплательщика по предоставлению налоговой декларации (страховые взносы, земельный налог, транспортный налог); корректировка камерального контроля за счет дифференциации оснований его проведения (НДФЛ, НДС);

¹ Арямов А.А. Регулирование цифровых правоотношений // Российское правосудие. 2022. № 51. С. 16–30; Арямов А.А., Грачева Ю.В., Чучаев А.И., Маликов С.В. К вопросу о правовой природе цифровых ресурсов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия 6: Право. 2019. Т. 19. № 1. С. 77–86; Арямов А.А., Грачева Ю.В., Чучаев А.И., Маликов С.В., Ольков С.Г. Налогообложение оборота цифровых активов // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1. С. 96–129; Евсикова Е.В., Буц С.Б. Некоторые аспекты налогового контроля в сфере правоотношений с цифровыми финансовыми активами // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181). С. 249–251; Кравченко Н.А., Коловайло С.А. Цифровизация налогового контроля за налоговым статусом плательщика НДФЛ при осуществлении работы в дистанционном (удаленном) режиме за пределами РФ // Тенденция развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 161–163.

² Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.11.2023).

переход на использование полностью цифровых систем налогового администрирования с «внепроверочным» постоянным налоговым контролем; интеграция оперативного контроля в систему налогового контроля на базе бесконтактного постоянного контроля»³, и бюджетных (цифровая трансформация бюджетного процесса)⁴, в то же время вопросы осуществления финансового контроля в условиях цифровизации остаются малоизученными и не до конца проработанными как со стороны законодателей, так и со стороны научного сообщества, что выдвигает перед нами ряд насущных вопросов.

Таким образом, процессы цифровизации финансовой системы государства и национальной экономики в целом создали мощные импульсы для цифровой трансформации финансового контроля как системного явления, основывающегося на применении современных цифровых технологий в целях поиска, сбора, накопления, анализа и обработки, хранения и передачи соответствующей информации в электронной сфере, что позволяет быстро, оперативно и эффективно выявлять и пресекать правонарушения и преступления в финансовой сфере, привлекать виновных лиц к ответственности, осуществлять предупреждение, профилактику и мониторинг нарушений финансового законодательства на более высоком цифровом уровне.

Можно справедливо утверждать, что финансовый контроль представляет собой некий инструмент наблюдения за соблюдением положений законодательства в процессах хозяйственной деятельности, а также систему мероприятий и комплекс операций для проверки и анализа финансовой деятельности. При этом большинство ученых отмечают отсутствие единой системы финансового контроля, эффективно интегрирующей все функциональные инструменты и организационные структуры⁵.

Отметим, что в рамках данного исследования мы будем исходить из понимания финансового контроля как «публичного финансового контроля в условиях цифровой трансформации», который представляет собой финансовый контроль, осуществляемый органами публичной власти (федерального и регионального уровня и муниципальными органами, осуществляющими муниципальный финансовый контроль) за соблюдением, применением, исполнением и использованием субъектами финансовых правоотношений требований действующего законодательства в сфере реализации процедур

³ Цинделиани И.А., Гусева Т.А., Изотов А.В. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 77–87.

⁴ Каратаева Г.Е., Чернова С.В. Цифровая трансформация бюджетного процесса в России // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 3. С. 943–960. DOI: 10.18334/vines.11.3.112336

⁵ Татуев А.А., Ляпунцова Е.В., Хоконов Б.М. Финансовый контроль в условиях цифровизации экономики // Modern Economy Success. 2022. № 3. С. 36–44.

планирования, аккумулирования, распределения и использования финансовых ресурсов для реализации публичных целей (реализации публичных интересов), а также целей противодействия (предупреждения, выявления, пресечения, профилактики и минимизации) нарушениям требований действующего законодательства всеми субъектами финансовых правоотношений в форме проверок, мониторинга, а также в иных формах, в рамках определенного порядка, предусмотренного действующим законодательством, с помощью различных цифровых инструментов⁶.

При этом единого понимания категории «финансовый контроль» или «цифровой финансовый контроль» на сегодняшний день нет. Однако «государственный финансовый контроль», как правило, рассматривается как функция государственного управления, обеспечивающая реализацию государственной финансовой политики. Говоря о «цифровом финансовом контроле», уточним, что в данном случае мы не будем выделять новый вид государственного контроля, поскольку, по сути, данный вид деятельности остается тем же и представляет собой государственный финансовый контроль, который будет осуществляться в качественно новой — цифровой форме, выводящей правоотношения по осуществлению финансового контроля на более высокий уровень, имеющей ряд своих преимуществ и недостатков.

Отмечая преимущества цифровизации контрольно-надзорной деятельности, А.Е. Морозов указывает, что повышается эффективность и оперативность сбора, анализа, закрепления и использования информации о субъектах финансового контроля и их деятельности, а именно:

- появляется возможность прогнозирования и недопущения противоправных действий на стадии предварительного контроля;
- повышается прозрачность финансового контроля;
- сокращаются риски ошибочного привлечения к ответственности за нарушения в сфере финансов⁷.

Однако ускоренная цифровизация правоотношений в сфере финансового и налогового контроля может привести к негативным последствиям и вывести данную деятельность за правовые рамки, когда «вместо легальных контрольных мероприятий фактически проводятся аналитические мероприятия, как обслуживающие основанный на внедрении искусственного интеллекта налоговый контроль без каких-либо правовых оснований, а следовательно, и правовых гарантий для подконтрольных субъектов —

⁶ Евсикова Е.В. Публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3.

⁷ Морозов А.Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 7. С. 22–26. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.59.7.022-026

налогоплательщиков, налоговых агентов и финансовых организаций»⁸, что является существенным недостатком и проблемой осуществления финансового и налогового контроля в условиях цифровизации.

При этом к недостаткам цифровизации финансового контроля можно смело отнести увеличение рисков, обусловленных цифровой составляющей контрольно-надзорной деятельности, которые могут привести к утечке персональных данных и иной информации о контролируемом субъекте; технические ошибки соответствующих баз данных, где хранится соответствующая информация и осуществляются операции, или сбои в системе (что создает риск двойного налогообложения или повторной уплаты штрафа, т.е. нарушения базового принципа невозможности привлечения к ответственности дважды за одно нарушение); нарушения принципов индивидуализации и соразмерности наказания, когда решение по делу на основе материалов налоговой проверки, в том числе акта проверки, будет принимать не руководитель контролирующего органа, а машина, в которую заложена соответствующая программа принимать решения на основе базовых смоделированных ситуаций без учета конкретных обстоятельств каждого дела, характеристик личности контролируемого субъекта физического лица, индивидуального предпринимателя или самозанятого лица, имиджа и деловой репутации юридического лица, их имущественного и материального положения и т.д. Это, по нашему мнению, на сегодняшний день нецелесообразно и может привести к нарушению баланса публичных и частных интересов, а также базовых конституционных принципов и принципов финансового контроля, заложенных еще Лимской декларацией руководящих принципов контроля, где достаточно четко сформулировано, что «контроль — не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является вскрытие отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, в отдельных случаях привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем»⁹.

При этом следует согласиться, что в условиях цифровой трансформации финансовый контроль приобретает новый вектор властного воздействия, который эффективно смещается от наказаний за совершенные правонару-

⁸ Овчарова Е.В. Способы обеспечения эффективности административного принуждения в механизме правового регулирования налогообложения и сборов // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 19–28.

⁹ Лимская декларация руководящих принципов контроля (Лима, 17–26 октября 1977 г.). URL: <https://www.iaa-ru.ru/contact/Лимская%20декларация%20руководящих%20органов%20контроля%20ИНТОСАИ%20%20копия.pdf>

шения в сторону профилактики нарушений финансового законодательства, что достигается путем активного сотрудничества и взаимодействия заинтересованных сторон — субъектов финансовых контрольных правоотношений на основе надзорно-регуляторных цифровых технологий. Прежде всего речь идет о мониторинге транзакций, онлайн-идентификации субъектов, программных средств обеспечения, применяемых на стадии подготовки, формирования и сдачи налоговой отчетности¹⁰, а также «сквозных цифровых технологий распределенного реестра — цифрового реестра общего пользования, обеспечивающего постоянную и всеобщую запись истории транзакций, их сохранения и обеспечения открытого доступа к этой информации всех участников финансовых правоотношений, а также использующую последовательность цепей из блоков, систематизируемых в связный список с возможностью хранения его копий на независимом множестве компьютеров», что позволяет использовать преимущества блокчейна в целях осуществления цифрового финансового контроля путем добавления всех новых записей о финансовых операциях и полной невозможности изменения ранее сделанных¹¹, что даст возможность осуществлять финансовый контроль более полно, качественно, эффективно и максимально прозрачно.

В свою очередь, Д.С. Фесько отмечает, что внедрение и широкое применение в контрольно-надзорной деятельности электронных форм взаимоотношений, основывающихся на дистанционных (онлайн) бесконтактных способах контроля и надзора, риск-ориентированных подходов к организации контрольно-надзорной деятельности позволит обеспечить рациональность, оптимальность, прозрачность такой деятельности, а также соблюдение прав и законных интересов контролируемых субъектов, минимизирует риск усмотрения со стороны органов контроля и их должностных лиц¹².

Таким образом, применение и использование в контрольно-надзорной деятельности основанных на научном и практическом опыте, инновационных и цифровых технологиях новых форм и методов, процедур и инструментов даст возможность не просто повысить эффективность финансового контроля в целом, но и обеспечить его трансформацию на качественно новом уровне — взаимодействия и сотрудничества заинтересованных

¹⁰ Морозов А.Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 7. С. 22–26. DOI: 10.17803/2311-5998.2019.59.7.022-026

¹¹ Татуев А.А., Ляпунцова Е.В., Хоконов Б.М. Финансовый контроль в условиях цифровизации экономики // Modern Economy Success. 2022. № 3. С. 36–44.

¹² Фесько Д.С. Административно-правовые гарантии прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского». Нижний Новгород, 2021. 29 с.

субъектов (органов финансового контроля и контролируемых субъектов), что будет способствовать эффективности развития финансовых правоотношений, финансовой стабильности государства и его экономическому развитию в рамках формирования системы «цифровой экономики» и «достижения цифровой зрелости».

Евсикова Е.В.,

доцент кафедры административного и финансового права —
начальник отдела по организации научной
и редакционно-издательской деятельности
Российского государственного университета правосудия
(Крымский филиал),
кандидат юридических наук, доцент
(Республика Крым, г. Симферополь)

Литература

1. Арямов А.А. К вопросу о правовой природе цифровых ресурсов / А.А. Арямов, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев, С.В. Маликов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 1.
2. Арямов А.А. Налогообложение оборота цифровых активов / А.А. Арямов, Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев [и др.] // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 1.
3. Арямов А.А. Регулирование цифровых правоотношений / А.А. Арямов // Российское правосудие. 2022. № 51.
4. Евсикова Е.В. Некоторые аспекты налогового контроля в сфере правоотношений с цифровыми финансовыми активами / Е.В. Евсикова, С.Б. Буц // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6 (181).
5. Евсикова Е.В. Публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 9. № 3.
6. Каратаева Г.Е. Цифровая трансформация бюджетного процесса в России / Г.Е. Каратаева, С.В. Чернова // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 3. DOI: 10.18334/vinec.11.3.112336
7. Кравченко Н.А. Цифровизация налогового контроля за налоговым статусом плательщика НДФЛ при осуществлении работы в дистанционном (удаленном) режиме за пределами РФ / Н.А. Кравченко, С.А. Коловайло // Тенденция развития науки и образования. 2023. № 96–5.
8. Морозов А.Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации / А.Е. Морозов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 7 (59). DOI: 10.17803/2311-5998.2019.59.7.022-026
9. Овчарова Е.В. Способы обеспечения эффективности административного принуждения в механизме правового регулирования налогообложения и сборов / Е.В. Овчарова // Административное право и процесс. 2019. № 12.
10. Татуев А.А. Финансовый контроль в условиях цифровизации экономики / А.А. Татуев, Е.В. Ляпунцова, Б.М. Хоконов // Modern Economy Success. 2022. № 3.
11. Цинделиани И.А. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации / И.А. Цинделиани, Т.А. Гусева, А.В. Изотов // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1.

Начало административного процесса как стадия административного процесса (на примере законодательства Республики Беларусь)

Циклический характер административно-процессуальной деятельности позволяет разделить ее на ряд сменяющих друг друга относительно самостоятельных фаз развития, именуемых стадиями. Стадией административного процесса является относительно самостоятельная его часть, логически взаимосвязанная с иными стадиями и направленная на достижение общих целей административного процесса, имеющая свои специфические задачи, пространственно-временные рамки, круг участников, выполняемые юридические действия и принимаемые решения. В административно-деликтном процессе Республики Беларусь первая его стадия именуется «Начало административного процесса». Она регламентирована главой 9 раздела III «Административный процесс» Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З (далее — ПИКоАП)¹. Для сравнения, в Российской Федерации, как следует из наименования главы 28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, аналогичная стадия именуется «Возбуждение дела об административном правонарушении»².

Несмотря на законодательное закрепление рассматриваемой стадии, в монографической и учебной литературе не прекращаются дискуссии о возможности отнесения начала административного процесса к числу самостоятельных стадий административно-процессуальной деятельности. Так, некоторые ученые не выделяют рассматриваемую стадию в качестве самостоятельной, объединяя ее по существу с иными стадиями в одну. В частности, по мнению докторов юридических наук А.М. Волкова

¹ Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Республики 18 декабря 2020 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 09.12.2022) // Ilex / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 г. (в ред. Федерального закона от 17.05.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

и А.С. Дугенец существуют следующие стадии административно-деликтного процесса: возбуждение административного дела и направление его по подведомственности; рассмотрение дела компетентным органом; обжалование и опротестование решения³. Другие ученые признают начало административного процесса в качестве самостоятельной его стадии. Например, в работе белорусского административиста А.Н. Крамника упоминаются такие стадии, как: возбуждение дела (начало административного процесса); подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению; рассмотрение дела об административном правонарушении; обжалование (опротестование) постановления по делу об административном правонарушении и его пересмотр; обеспечение исполнения постановления о наложении административного взыскания⁴. В коллективной монографии под редакцией докторов юридических наук Л.М. Рябцева и О.И. Чуприс в качестве основных стадий указаны: начало административного процесса; подготовка дела об административном правонарушении к рассмотрению; рассмотрение дела об административном правонарушении; исполнение постановления о наложении административного взыскания⁵.

На наш взгляд, значимой предпосылкой для определения стадии начала административного процесса в качестве относительно самостоятельной его части является решение законодателя закрепить нормы, ее регламентирующие, в отдельной главе ПИКоАП. Кроме того, стадия начала административного процесса имеет свои особенности, позволяющие определить ее как относительно самостоятельную часть административного процесса, так как она полностью отвечает требованиям (критериям), которым должна соответствовать категория «стадия процесса»:

1) является относительно самостоятельной частью административного процесса, логически взаимосвязанной с иными стадиями и подчиненной общим принципам административного процесса, по своему содержанию не совпадает с административным процессом, существенно уже по объему;

2) направлена на достижение присущих ей специфических задач, реализация которых способствует достижению общих задач административного процесса и позволяет окончить процесс либо перейти на следующую стадию;

3) включает в себя совокупность юридических действий, направленных на достижение непосредственных задач стадии;

³ Волков А.М. Административное право : учебник М. : ИНФРА-М, 2013. С. 184.

⁴ Крамник А.Н. Административное право : учеб. пособие. Часть 3: Процессуально-исполнительное право. Минск : Изд. центр БГУ, 2013. С. 40.

⁵ Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : в 2 ч. Ч. 2: Процессуально-исполнительное право : учеб. пособие / Л.М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л.М. Рябцева, О.И. Чуприс. Минск : Вышэйшая школа, 2017. С. 12.

4) оканчивается принятием специфических решений, в том числе оформляемых посредством принятия процессуальных документов;

5) подчинена определенным пространственно-временным рамкам, которые сформированы нормативно закрепленными сроками производства процессуальных действий, наложения административного взыскания и иными процессуальными сроками, которые могут начинаться и оканчиваться не только определенной датой, но и событием;

6) имеет специфический круг участников, права и обязанности которых обладают особенностями относительно имеющих на иных стадиях.

Остановиваясь на более детальном рассмотрении некоторых из приведенных критериев, прежде всего отметим, что специфичность задач обозначенной стадии обусловлена ее местом в структуре административного процесса — данная стадия является начальной. Как отмечается в литературе, стадия начала административного процесса носит поисковый характер, поскольку ее основной задачей является сбор первичной информации об административном правонарушении⁶. На рассматриваемой стадии происходит предварительная правовая квалификация произошедшего⁷.

Непосредственные задачи стадии начала административного процесса сформулированы законодателем в ст. 9.1 ПИКоАП. К таковым относятся:

— определение наличия поводов и оснований для начала административного процесса, обстоятельств, исключающих административный процесс;

— установление условий и оснований, предусмотренных ст. 8.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее — КоАП)⁸, для освобождения физического лица на основании ч. 3 ст. 9.1 ПИКоАП от административной ответственности за совершенное административное правонарушение с объявлением ему устного замечания.

Поводы к началу административного процесса сформулированы законодателем в ч. 1 ст. 9.1 ПИКоАП, согласно которой к ним относятся: заявление физического лица; сообщение должностного лица государственного органа, общественного объединения, иной организации; непосредственное обнару-

⁶ Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 2: Процессуально-исполнительное право / Л.М. Рябцев [и др.] ; под общ. ред. Л.М. Рябцева, О.И. Чуприс. Минск : Вышэйшая школа, 2017. С. 13.

⁷ Общее административное право : учебник : в 2 ч. Ч. 2 : Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ) / В.В. Гриценко [и др.] ; под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2017. С. 350.

⁸ Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Республики 18 декабря 2020 г. (в ред. Закона Республики Беларусь от 09.12.2022) // Ilex / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

жение признаков административного правонарушения судом, органом, ведущим административный процесс.

Заявление как повод к началу административного процесса, как указано в ст. 9.2 ПИКоАП, может быть устным, зафиксированным в протоколе устного заявления, или письменным. Такое заявление не должно быть анонимным. Отсутствие заявления по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые наступает только по требованию потерпевшего либо его законного представителя, является препятствием для начала административного процесса, кроме случаев, когда административный процесс начат прокурором либо по его требованию в установленных законодательством случаях (ст. 9.4 ПИКоАП). В этой связи проверка наличия поводов к началу административного процесса не является формальностью, требует от должностного лица органа, ведущего административный процесс, анализа поступивших документов на предмет их соответствия требованиям закона. Так, заявление, не содержащее подписи заявителя, либо требования привлечь конкретное лицо к административной ответственности (например, указана просьба о проведении профилактической беседы), не может рассматриваться в качестве повода для начала административного процесса по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые наступает только по требованию потерпевшего либо его законного представителя.

Другой повод к началу административного процесса — сообщение должностного лица государственного органа, общественного объединения, иной организации об административном правонарушении. Такое сообщение должно быть сделано в письменной форме и подписано руководителем либо уполномоченным им должностным лицом, с приложением к нему документов и иных материалов, подтверждающих достоверность указанного сообщения (ст. 9.3 ПИКоАП).

Относительно такого повода к началу административного процесса как непосредственного обнаружения признаков административного правонарушения судом, органом, ведущим административный процесс, необходимо указать, что административно-процессуальным законодательством Республики Беларусь не предусмотрено процессуальное решение, которым необходимо фиксировать факт обнаружения указанных признаков. Однако, с учетом того что в соответствии с нормами ст. 7.6 КоАП срок наложения административного взыскания в ряде случаев исчисляется с даты обнаружения административного правонарушения, полагаем, что время (дата) непосредственного обнаружения признаков административного правонарушения должно быть закреплено в документе, содержащем сведения об обнаружении таких признаков.

При выполнении на стадии начала административного процесса непосредственной задачи по определению наличия оснований для начала административного процесса уполномоченное должностное лицо обязано руководствоваться положениями ч. 2 ст. 9.1 ПИКоАП, согласно которым обозначенными основаниями являются достаточные данные, указывающие на признаки административного правонарушения, предусмотренного Особенной частью КоАП, если при этом отсутствуют обстоятельства, исключающие административный процесс, предусмотренные ст. 9.6 ПИКоАП. Достаточность данных определяется по усмотрению должностного лица органа, ведущего административный процесс, требует от него знаний административного и административно-процессуального законодательства.

Установление условий и оснований для освобождения от административной ответственности, предусмотренных ст. 8.2 КоАП, также является непосредственной задачей рассматриваемой стадии, поскольку в силу ч. 3 ст. 9.1 ПИКоАП при наличии указанных условий и оснований лицо, уполномоченное составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять подготовку дел об административных правонарушениях к рассмотрению, вправе не начинать административный процесс и освободить физическое лицо от административной ответственности за совершенное административное правонарушение, объявив ему устное замечание.

В свою очередь, совокупность специфических юридических действий, как отличительный признак стадии начала административного процесса, включает в себя изучение должностным лицом содержания поступившего заявления или сообщения о правонарушении, анализ и сбор иных сведений на предмет наличия (отсутствия) признаков административного правонарушения, а также обстоятельств, исключающих административный процесс. В юридической литературе справедливо указывается, что собирание информации на рассматриваемой стадии может носить как процессуальный, так и непроцессуальный характер. В первом случае, например, принимается информация о совершенном административном правонарушении от заявителя и составляется протокол устного заявления. Во втором случае информация собирается сотрудниками государственных органов при осуществлении повседневной деятельности: проводятся ревизии, проверки, осуществляются досмотры и т.п., по результатам которых могут быть выявлены признаки административного правонарушения⁹.

Полагаем, следует с особой осторожностью отнестись к встречающимся в юридической литературе предложениям о необходимости предусмотреть в ПИКоАП возможность проведения процессуальной проверки

⁹ Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право. Ч. 2: Процессуально-исполнительное право. С. 13.

при рассмотрении заявлений и сообщений до начала административного процесса, по аналогии с порядком, определенным уголовно-процессуальным законодательством¹⁰. На наш взгляд, с учетом относительно ограниченных сроков наложения административного взыскания введение дополнительных проверочных мероприятий фактически приведет к излишнему дублированию процессуальных действий, проводимых на стадиях начала административного процесса и подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению, и в конечном итоге повлечет затягивание составления необходимых процессуальных документов. Кроме того, проведение подобной проверки может отсрочить определение процессуального статуса лиц, вовлеченных в соответствующие административно-деликтные правоотношения, и воспрепятствовать возможности таких лиц в полной мере пользоваться предоставленными ПИКоАП процессуальными правами лица, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевшего, свидетеля.

Следующим отличительным критерием стадии начала административного процесса выступают специфические решения, с принятием которых она оканчивается. При отсутствии оснований для начала административного процесса должностным лицом принимается решение об отказе в начале административного процесса, процессуальная форма которого в ПИКоАП не определена. Отсутствие такой формы не препятствует оформлению принятого решения в виде ответа на поступившее заявление, докладной записки, устного сообщения обратившемуся лицу об отсутствии оснований для начала административного процесса.

При наличии оснований для начала административного процесса, а также условий и оснований для освобождения от административной ответственности при малозначительности правонарушения, предусмотренных ст. 8.2 КоАП, принимается решение в виде объявления должностным лицом устного замечания физическому лицу, совершившему административное правонарушение, в соответствии с ч. 3 ст. 9.1 ПИКоАП.

В случае наличия оснований для начала административного процесса и отсутствия вышеуказанных условий и оснований для освобождения от ответственности решение по окончании рассматриваемой стадии принимается в виде реализации предусмотренных ст. 9.5 ПИКоАП полномочий: составление протокола об административном правонарушении; протокола о процессуальном действии; вынесение постановления о мерах обеспечения административного процесса; вынесение постановления по делу об административном правонарушении в случаях, когда применяется ускоренный порядок

¹⁰ Кандыбо О.М. Пути реформирования начала административного процесса // Право.by. 2022. № 1 (75). С. 38.

ведения административного процесса; административное задержание физического лица.

В юридической литературе в качестве основной проблемы соответствия стадии начала административного процесса признакам самостоятельной стадии называется в том числе отсутствие конкретного указания на отдельный процессуальный акт, которым должна начинаться (заканчиваться) стадия начала административного процесса. Отмечается также, что административно-процессуальное законодательство не предусматривает такого уникального правоприменительного акта, а всего лишь указывает в ст. 9.5 ПИКоАП на процессуальные документы и действия, с составлением, вынесением либо совершением которых административный процесс считается начатым¹¹. На наш взгляд, отсутствие процессуальной формы решения об отказе в начале административного процесса не меняет его сущностного содержания, а потому не умаляет самостоятельности стадии начала административного процесса.

Переходя к анализу следующего критерия, отметим, что норм, отчетливо закрепляющих пространственно-временные рамки стадии начала административного процесса, в ПИКоАП не содержится. Исходя из системного толкования административно-процессуального законодательства полагаем, что пространственно-временные рамки рассматриваемой стадии начинаются с момента возникновения повода к началу административного процесса и оканчиваются принятием решения о начале подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению либо об отсутствии к тому оснований.

Рассматривая специфический круг участников стадии начала административного процесса, подчеркнем, что в него, в частности, включены: должностное лицо органа, ведущего административный процесс; лицо, обратившееся с заявлением о правонарушении, — заявитель (ч. 3 ст. 9.2 ПИКоАП), должностное лицо государственного органа, общественного объединения, иной организации, обратившееся с сообщением о правонарушении (ст. 9.3 ПИКоАП), задержанное лицо, дальнейший статус которого еще не конкретизирован (ст. 9.5 ПИКоАП). Данный перечень участников административного процесса не в полной мере идентичен лицам, участвующим на последующих стадиях, что подчеркивает самостоятельность анализируемой стадии. В частности, согласно ч. 6 ст. 9.2 ПИКоАП, с момента подачи заявления о совершенном административном правонарушении у заявителя возникает право на уведомление о принятом по заявлению решении при наличии от заявителя соответствующей просьбы. Если административным правонарушением

¹¹ Там же. С. 36.

заявителю не был причинен вред, в связи с чем отсутствуют основания для наделения этого лица статусом потерпевшего, а необходимости в его опросе в качестве свидетеля не имеется либо таковая возможность отсутствует, то в административном процессе данное лицо будет обладать только статусом заявителя и участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении, обжаловать постановление по делу, пользоваться процессуальными правами на стадии исполнения такого постановления не сможет.

В заключение отметим, что вышеизложенное позволяет сделать однозначный вывод о возможности согласиться с мнением правоведов, которые выделяют начало административного процесса в качестве его самостоятельной стадии ввиду наличия у данной стадии своих специфических задач, пространственно-временных рамок, круга участников, выполняемых юридических действий и принимаемых решений.

Карсюк Д.С.,

судья суда Центрального района города Минска,
соискатель кафедры конституционного и административного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)

Литература

1. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учебное пособие. В 2 частях. Ч. 2. Процессуально-исполнительное право / Л.М. Рябцев [и др.] ; под общей редакцией Л.М. Рябцева, О.И. Чуприс. Минск : Вышэйшая школа, 2017.
2. Волков А.М. Административное право : учебник / А.М. Волков. Москва : ИНФРА-М, 2013.
3. Кандыбо О.М. Пути реформирования начала административного процесса / О.М. Кандыбо // Право.by. 2022. № 1 (75).
4. Крамник А.Н. Административное право : учебное пособие. В 3 частях. Ч. 3. Процессуально-исполнительное право / А.Н. Крамник. Минск : Издательский центр БГУ, 2013.
5. Общее административное право : учебник. В 2 частях. Ч. 2. Административно-деликтное право (КоАП РФ). Административное судопроизводство (КАС РФ) / В.В. Гриценко [и др.] ; под редакцией Ю.Н. Старилова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017.

О роли публично-правового регулирования института гражданства Российской Федерации в обеспечении государственного суверенитета

В современных условиях формирования многополярного мира геополитическая ситуация, по мнению отечественных исследователей, определяется такими противоречивыми факторами, как глобализация (формирование единого информационного пространства, экономических зон и др.), с одной стороны, и суверенизация, то есть процесс обретения независимости государств, — с другой¹.

Происходящая кардинальная трансформация международных отношений обуславливает необходимость формирования государственной идеологии с позиций национальных интересов и приоритетов². При этом независимость во внешних и внутренних делах выходит сегодня на уровень национальной идеи государств, соединяя в себе общеполитическое, культурное, политическое и государственно-правовое значение³.

Национальная идея закрепляется в конституционных актах демократических государств, являющихся продуктом народного правотворчества, и далее последовательно облекается в иные правовые формы. Примером такого правового выражения национальных интересов является принятие нового Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»⁴, где национальная идея и государственная идеология объединены в едином векторе публично-правового регулирования этого государственного института и части статуса личности, приобретающего особую значимость в современной ситуации формирования нового миропорядка.

Необходимо отметить, что значимую ценность в развитие института гражданства Российской Федерации внесли представления О.Е. Кутафина, основанные на наличии неразрывной связи между свободой и правами граждан и суверенитетом народа страны. Формируя представление о роли и значимости гражданства, он говорил о многофункциональности данного института власти, направленного на сохранение прав и свобод каждого гражданина страны и защищенность интересов и прав самого государства⁵.

¹ Краснова К.А., Сибатуллина Э.Т. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 3. С. 6.

² Дорожкина В.Ю. Национальная идея в России как фактор общественных трансформаций: политологический аспект : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2009. С. 10.

³ Бредихин А.Л. Национальная идея: государственно-правовой аспект // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3. С. 18.

⁴ См.: О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Кутафин О.Е. Российское гражданство. М. : Юрист, 2004. 589 с.

Как юридическая основа взаимодействия государства и личности⁶, гражданство дает возможность индивиду участвовать в общественной жизни, вносить вклад в общественное и государственное управление⁷. Именно наличие прав и участие людей в деятельности государства говорит о становлении института гражданства⁸. В свою очередь, гражданство рассматривается в качестве одного из важнейших признаков государства, поскольку позволяет гражданину влиять на его функционирование⁹.

Российское гражданство играет огромную роль в геополитике, демонстрируя гражданскую позицию лица и приверженность демократическим идеалам развития страны. При этом гражданство, как институт национальной правовой системы, гарантирует личности защиту суверенного государства¹⁰.

Формируя нормативную правовую основу приобретения гражданства Российской Федерации, государство выстраивает систему эффективных гарантий государственного суверенитета¹¹. Нельзя не отметить значимость публично-правового регулирования института гражданства Российской Федерации в разрешении демографических проблем, успешность преодоления которых, по мнению отечественных ученых, в начале XXI в. становится решающим фактором обеспечения государственного суверенитета¹².

Уровень рождаемости в стране пока недостаточен для обеспечения воспроизводства населения, а принимаемые меры дадут результаты как минимум через два десятилетия, поэтому замещение естественной убыли населения в стране сегодня невозможно без миграционного прироста¹³. Одновременно экспертами констатируется готовность значительной доли прибывающих в Российскую Федерацию мигрантов стать гражданами страны¹⁴. В связи с этим разработчиками Концепции государственной миграци-

⁶ См.: Михайленко Н.В. Сравнительно-правовой анализ условий и порядка принятия в гражданство Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Миграционное право. 2020. № 2. С. 24.

⁷ См.: Гасанов Ю.А. Конституционные угрозы двойного гражданства // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 43.

⁸ См.: Авакьян С.А. Гражданство Российской Федерации. М., 1994. С. 5.

⁹ См.: Иксанов И.С. О концепции гражданства в отечественной науке // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 13.

¹⁰ См.: Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 35.

¹¹ См.: Смирнов С.В. Некоторые особенности миграционных процессов в современной России в контексте совершенствования концепции государственного суверенитета // Миграционное право. 2022. № 2. С. 20.

¹² См.: Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И. Демографическое и миграционное развитие России: восточный вектор (вопросы теории) // Миграционное право. 2019. № 3. С. 3.

¹³ См.: Смидович Г.С. О необходимости законодательного регулирования, локализации и индивидуального подхода к интеграции мигрантов // Миграционное право. 2020. № 4. С. 11.

¹⁴ См.: Емелин С.М. Мигранты в России: современное положение и перспективные пути развития // Миграционное право. 2023. № 1. С. 9.

онной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.¹⁵ в качестве одного из основных направлений государственной миграционной политики задекларировано обеспечение простоты и прозрачности процедур и понятности условий приобретения российского гражданства¹⁶, что является в дальнейшем залогом успешной реализации мигрантами своего репродуктивного потенциала¹⁷.

Преференции в приеме в российское гражданство законодательно установлены сегодня для достаточно широкого круга лиц из числа иностранных граждан, востребованных в интересах страны, в числе которых выпускники российских образовательных организаций, зарубежные ученые, соотечественники, проживающие за рубежом.

При этом одновременно с принятием мер по повышению доступности приобретения российского гражданства лицами, способными внести позитивный вклад в развитие общества, законодатель внедряет новые правовые механизмы, направленные на эффективное обеспечение суверенитета России, в числе которых такая мера, как прекращение гражданства Российской Федерации.

Необходимо отметить, что данная мера вызвала широкую полемику в научных и политических кругах. Основанием для дискуссии послужило то, что, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства¹⁸, однако в числе оснований прекращения российского гражданства, помимо добровольного волеизъявления гражданина Российской Федерации, в новом Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» закреплены такие обстоятельства, как предоставление при приеме в гражданство поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщение заведомо ложных сведений, в том числе в вопросах соблюдения Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации. При этом основанием для принятия решения о прекращении российского гражданства будет совершение лицом преступления либо действий, создающих угрозу национальной безопасности. Перечень таких уголовно наказуемых деяний, совершение которых влечет для лица прекращение гражданства Российской Федерации, достаточно широк и включает ряд преступлений против государственной власти, против общественной безопасности и общественного порядка, против здоровья населения и общественной нравственности и др.

¹⁵ О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) // СЗ РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См. : Рубина А.Е., Хроленко Т.С., Ходячих С.С. Замещающая миграция и демографическое развитие России // Миграционное право. 2022. № 1. С. 18.

¹⁸ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Ст. 6 // СПС «КонсультантПлюс».

Вместе с тем стоит подчеркнуть, что связь между совершением преступления лицом и прекращением его российского гражданства опосредована именно нарушением принесенной им Присяги гражданина Российской Федерации и применяется, таким образом, исключительно в отношении натурализованных или восстановленных в гражданстве лиц¹⁹.

На сегодняшний день уже имеется такого рода правоприменительная практика. Так, в феврале 2023 г. 1-й Восточный окружной военный суд признал бывшего гражданина Украины виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205.2 Уголовного кодекса РФ (УК России) (публичные оправдание и пропаганда терроризма, совершенные с использованием сети Интернет) и ч. 2 ст. 280 УК России (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные с использованием сети Интернет)²⁰, в связи с чем принятое ранее решение о его приеме в гражданство Российской Федерации было отменено. В настоящее время данный гражданин отбывает наказание в местах лишения свободы.

Однако возникает вопрос: будут ли такие граждане депортироваться из России в страны своей бывшей гражданской принадлежности или же будут пребывать на территории Российской Федерации в статусе апатридов? Думается, в последнем случае цель защиты национальной безопасности от угроз, исходящих от опасных субъектов, не будет достигнута. Однако, если граждане, у которых прекращено гражданство Российской Федерации, будут подвергаться депортации, необходимо детально регламентировать процедуру такой высылки, закрепив ее нормативно.

Таким образом, необходимо отметить, что институт гражданства, как важнейшая часть статуса личности, требует дальнейшего совершенствования механизма его публично-правового регулирования в целях защиты национальной безопасности Российской Федерации и обеспечения государственного суверенитета.

Катаева О.В.,

начальник кафедры управления и административной деятельности
органов внутренних дел Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени И.Д. Путилина,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Белгород)

¹⁹ См.: Пирязева Н.Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 147.

²⁰ На Камчатке бывший гражданин Украины лишен гражданства России. URL: <https://kam24.ru/news/main/20231003/100715.html> (дата обращения: 10.10.2023).

Литература

1. Авакьян С.А. Гражданство Российской Федерации / С.А. Авакьян. Москва : Российский юридический издательский дом, 1994.
2. Бредихин А.Л. Национальная идея: государственно-правовой аспект / А.Л. Бредихин // Государственная власть и местное самоуправление. 2021. № 3.
3. Гасанов Ю.А. Конституционные угрозы двойного гражданства / Ю.А. Гасанов // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4.
4. Гришанова А.Г. Демографическое и миграционное развитие России: восточный вектор (вопросы теории) / А.Г. Гришанова, Н.И. Кожевникова // Миграционное право. 2019. № 3.
5. Дорожкина В.Ю. Национальная идея в России как фактор общественных трансформаций: политологический аспект : автореферат диссертации кандидата политических наук / В.Ю. Дорожкина. Уфа, 2009.
6. Емелин С.М. Мигранты в России: современное положение и перспективные пути развития / С.М. Емелин // Миграционное право. 2023. № 1.
7. Иксанов И.С. Концепция гражданства в политико-правовой доктрине и практике / И.С. Иксанов // Законодательство о гражданстве и правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации — 20 лет: опыт, тенденции и перспективы развития : сборник статей / члены редакционной коллегии : С.С. Чернова, А.Н. Мещеряков, В.И. Майоров ; председатель редакционной коллегии Я.Л. Ванюшин. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022.
8. Краснова К.А. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации / К.А. Краснова, Э.Т. Сибгатуллина // Миграционное право. 2011. № 3.
9. Кутафин О.Е. Российское гражданство / О.Е. Кутафин. Москва : Юрист, 2004.
10. Михайленко Н.В. Сравнительно-правовой анализ условий и порядка принятия в гражданство Российской Федерации и Федеративной Республики Германия / Н.В. Михайленко // Миграционное право. 2020. № 2.
11. Пирязева Н.Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации / Н.Е. Пирязева // Журнал российского права. 2022. № 6.
12. Рубина А.Е. Замещающая миграция и демографическое развитие России / А.Е. Рубина, Т.С. Хроленко, С.С. Ходячих // Миграционное право. 2022. № 1.
13. Смидович Г.С. О необходимости законодательного регулирования, локализации и индивидуального подхода к интеграции мигрантов / Г.С. Смидович // Миграционное право. 2020. № 4.
14. Смирнов С.В. Некоторые особенности миграционных процессов в современной России в контексте совершенствования концепции государственного суверенитета / С.В. Смирнов // Миграционное право. 2022. № 2.
15. Смирнова Е.С. Проблема определения прав лиц с множественным гражданством: движение от конституционного права к праву международному / Е.С. Смирнова // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4.

Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России

Безопасность — это состояние защищенности от угроз, начиная с государства и заканчивая физическим лицом. Общеизвестен крах Византии, когда она, отдав сбор налогов от морской торговли в руки чужестранцев, в результате лишилась своей государственности. Соответственно, финансовая безопасность играет значительную роль в деятельности государства и является одним из важнейших инструментов управления.

В Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечено, что национальными интересами России являются устойчивое развитие экономики на новой технической основе и экономическая безопасность как национальный приоритет.

Задаваясь вопросом о финансовой безопасности как системном явлении, проведено исследование по выявлению того, насколько финансовая безопасность является системой и отвечает требованиям системы.

Любая система начинается с понятийного аппарата. Согласно Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» установлены национальная безопасность государства, общественная безопасность, экологическая безопасность и иные виды безопасности, к которым, по нашему мнению, следует отнести финансовую безопасность государства в целом и гражданина в частности. Но на сегодняшний день законодательного закрепления термина «безопасность» не установлено, хотя в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» указаны принципы, виды и содержание деятельности по обеспечению безопасности. Однако в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» прописаны понятия национальной безопасности, национальных интересов, национальных приоритетов, угрозы национальной безопасности. Термин «система обеспечения национальной безопасности» рассматривается как совокупность органов публичной власти, осуществляющих реализацию государственной политики в области обеспечения национальной безопасности посредством находящихся в их распоряжении инструментов, что, по нашему мнению, не является верным по причине того, что система не может состоять из совокупности органов публичной власти. Указанная совокупность представляет собой субъектную сторону системы безопасности и, соответственно, требует доработки.

Далее следует обратить внимание на понятие «финансовая безопасность». Анализируя указанные нормативные документы, отмечаем его

отсутствие. Таким образом, требует нормативного закрепления понятие финансовой безопасности. Экономистами предлагается под финансовой безопасностью понимать совокупность научных знаний, элемент национальной безопасности и ее характеристики, состояние финансовой системы государства, экономико-политический курс страны¹, а также защиту национальных интересов, готовность и способность создавать механизмы реализации и поддержания стабильности в обществе². Следует обратить внимание на работы юристов И.И. Кучерова, Н.А. Поветкиной, где также рассматривается экономическая безопасность.

В нашем понимании финансовая безопасность — это часть концепции национальной безопасности, облеченная в правовой акт по обеспечению национальных финансовых интересов, определению пороговых значений индикаторов финансовой безопасности при противодействии угрозам в финансовой деятельности государства и местного самоуправления.

В дальнейшем обращаемся к цели финансовой безопасности. Думается, что это создание независимой системы финансовой безопасности и обеспечение ее защиты от внешних и внутренних угроз, т.е. создание некоего купола, закрывающего финансовую систему России от различных рода невзгод.

Далее обращаемся к задачам по обеспечению финансовой безопасности государства. По нашему мнению, задачи финансовой безопасности зависят от правовых отношений, и их следует подразделять на:

1) публично-правовые (государственные, региональные, муниципальные, международные): определение приоритета и национальных интересов; пресечение, предотвращение и профилактика злоупотреблений в финансовой сфере; сохранение финансовой устойчивости в условиях кризиса, уменьшение дефицита бюджета; стабилизация цен при осуществлении закупочной деятельности; устойчивость национальной валюты; защищенность банковской системы и ее устойчивость; увеличение издержек при нелегальном денежном обороте;

2) частноправовые (физического и юридического лица, так как они являются получателями бюджетных средств (субсидии, исполнители по закупкам)): блокирование систем расчетов при несанкционированном доступе.

Объектом являются общественные отношения в сфере обеспечения финансового суверенитета государства, местного самоуправления, юридических и физических лиц.

¹ См.: Ермакова Э.Р. Научные подходы к определению категории «финансовая безопасность» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 9. С. 1712–1730.

² См.: Проява С.М. Экономическая коррупция: механизм противодействия : монография. М., 2008. 159 с.

Предметом, по нашему мнению, должна стать совокупность финансово-правовых норм, регулирующих общественные отношения по обнаружению угроз, их предотвращению и защите интересов в финансовой сфере государства, субъектов РФ, местного самоуправления, юридических и физических лиц.

Соответственно, субъектами финансовой безопасности будут являться государство, субъекты РФ, местное самоуправление, юридические и физические лица.

Принципы системы финансовой безопасности: непрерывность совершенствования финансовой безопасности по защите от различных угроз; оперативность их выявления; немедленное реагирование на эти угрозы; учет и отчетность в финансовой сфере; устойчивость финансовой системы; полный контроль финансовой системы государства и местного самоуправления.

Далее обращаемся к характеристике угроз финансовой безопасности и определяем, как происходит наступление рискованной ситуации, приводящей к неблагоприятным последствиям для лица — к материальной необеспеченности, социальному неблагополучию. Этот риск формализован в законодательстве, носит вероятностный характер и имеет прогнозируемость.

Индикаторами угроз являются следующие показатели:

1. Экономические: ценовая составляющая на различные группы товаров, ее динамика; резервы (золотовалютные) и запасы, кредиты и депозиты, уровень оттока капитала; сбережения и инвестиции; курс валюты; рентабельность капитала, активов (материальных и нематериальных); инфляция; торговый баланс (экспорт, импорт); долговые обязательства; процентная ставка; доходность государственных и муниципальных ценных бумаг.

2. Правовые: отсутствие, запутанность и противоречивость правовых норм, регулирующих финансовую деятельность государства (бюджетных, налоговых, уголовных, закупочных); регистрация юридических лиц по утерянным документам, умерших, недееспособных, наркоманов; наличие отсылочных норм финансового законодательства.

3. Организационно-управленческие: отсутствие школы правовой грамотности населения России, которая информировала о мерах ответственности за правонарушения в финансовой сфере — хищения, мошенничество, отмыwanie и сокрытие доходов, финансирование терроризма; снижение качества оказываемых услуг государством, местным самоуправлением.

4. Культурно-поведенческие (бихевиористические): определение порога правопослушания (морального, правового).

Классифицируя виды угроз, можно подразделять их на внешние и внутренние.

К внутренним следует отнести угрозы бюджетной системы (распределение бюджетных средств — завышение ценового порога при осуществлении

закупок товаров, работ, услуг); налоговой системы и внебюджетных фондов (незаконная минимизация налоговых и страховых отчислений, применение серых зарплатных схем); валютно-денежной (подделка денежных знаков); кредитно-банковской системы (безналичные переводы через подставных лиц, через небанковские учреждения).

Внешние угрозы:

1. Кибербезопасность, в частности хакерские атаки; утечка данных финансовой сферы может привести к серьезным последствиям для государства и местного самоуправления (при использовании цифрового рубля).

2. Финансирование террористических актов и экстремистских движений.

3. Изменение климата и экологические проблемы могут привести к снижению урожайности, повышению цен на продукты питания, ухудшению здоровья населения и другим проблемам.

4. Демографический кризис приводит к увеличению бремени налогов, страховых взносов на трудоспособное население.

5. Пандемии и эпидемии могут привести к закрытию крупного, среднего и малого бизнеса, производств, остановке транспортных систем, что в результате обуславливает рост расходов бюджета и социальные конфликты.

6. Распространение ложной информации и фейков приводит к ухудшению качества жизни и экономической нестабильности.

7. Коррупция и отмывание преступных доходов, их легализация, нелегальный денежный оборот, в том числе и через закупочную деятельность, при расходовании бюджетных денежных средств.

8. Политические: нестабильные политическая ситуация, государственное управление, единая цифровая валюта для всех стран.

9. Экономические: обнищание населения.

10. Правовые: наличие разрыва между правовым идеалом и действительностью³, противоречивость закупочного законодательства.

11. Образование: использование биометрических данных онлайн-ресурсов при обучении (Постановление Правительства РФ от 11 октября 2023 г. № 1678). В данном случае возможно некачественное получение образовательных услуг.

12. Искусственный интеллект: создание цифровых двойников с помощью нейронных систем как юридических, так и физических лиц, электронных торговых площадок при осуществлении закупочной деятельности.

Классификация способов предотвращения угроз нам представляется следующей:

1. В зависимости от уровня власти: государственные, региональные, местные, международные.

³ См.: Зорькин В. Реформатор — элита — народ // Российская газета. 2023. 15 мая.

2. В зависимости от сфер: политические (совершенствование институтов власти для противодействия угрозам); управленческие (создание условий для предотвращения угроз, налаживание механизма контроля); экономические (через перераспределение ВВП); нормативно-правовые (правовые меры по противодействию отмыванию денежных средств, добытых преступным путем); финансово-материальные (мониторинг финансовой системы, возможность оценить размер ущерба); поведенческие (бихевиористические) (формирование ожиданий и потерь индивидуума; целесообразность его действий).

3. Применение научных методов при совершенствовании методов предупреждения и предотвращения угроз: сравнение, аналогия, статистический, математический подсчет и др.

Таким образом, на сегодняшний день трудно говорить о наличии системы противодействия угрозам финансовой деятельности государства и местного самоуправления в частности и финансовому суверенитету в целом.

Выводы:

1. Необходимо выработать комплексную систему индикаторов для финансовой безопасности, их пороговых значений.

2. Требуется разработка механизмов защиты финансово-государственных интересов, противодействия угрозам.

3. Создание нормативного документа по противодействию угрозам в финансовой деятельности государства и местного самоуправления.

Коновалова З.А.,

старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Коми республиканской академии государственной службы и управления
(Республика Коми, г. Сыктывкар)

Литература

1. Ермакова Э.Р. Научные подходы к определению категории «финансовая безопасность» / Э.Р. Ермакова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 9 (354).
2. Зорькин В. Реформатор — элита — народ / В. Зорькин // Российская газета. 2023. 15 мая.
3. Проява С.М. Экономическая коррупция: механизм противодействия : монография / С.М. Проява. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.

Финансово-правовое обеспечение налогового суверенитета Российской Федерации в условиях цифровизации

Суверенитет государства — это главенство публичной власти в формировании и реализации внутренней и внешней политики на всей территории, на которую распространяется такая власть. Суверенитет является неотъемлемым атрибутом государства. Носителем суверенитета и единственным источником власти в современном правовом государстве выступает народ — население этого государства, осуществляющего власть непосредственно и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Из этого прослеживается прямая и непосредственная политико-правовая связь между физическими лицами и государством. Государство — это особая политико-правовая форма организации общества, созданная с целью обеспечения должного уровня его существования и развития через функционирование соответствующих социальных институций. Иными словами, первоисточником и высшей властью (сувереном) на территории государства является народ.

Современная интерпретация правовой категории «суверенитет» указывает на то, что это многоуровневое публично-правовое явление. Проанализировав уровни суверенитета, можно прийти к выводу, что одной из неотъемлемых составных частей суверенитета государства является его экономический суверенитет — как способность к самодостаточному устойчивому и безопасному воспроизводству национальной экономики как социально-экономической целостности. В свою очередь, неотъемлемым элементом экономического суверенитета государства является финансовый суверенитет, который подразумевает право государства вводить на собственной территории налоги и сборы, контролировать экспорт и импорт капиталов, эмитировать деньги, определять направления кредитно-денежной политики и проч.

В составе финансового суверенитета государства выделяют фискальный суверенитет, означающий полномочия государства осуществлять правовое регулирование не только налоговых, но и иных видов бюджетных доходов. Таким образом, можно разграничить фискальный и налоговый суверенитеты. Финансовый суверенитет государства основывается на валютном, инвестиционном и банковском суверенитетах.

Обобщенно структура суверенитета государства, в части воспроизводства имущественных процессов, представляет собой единство государственного, экономического, финансового и фискального суверенитетов. Фискальный суверенитет включает в себя бюджетный и налоговый суверенитеты.

Налоговый суверенитет страны состоит из совокупности ее исключительных прав на введение, изменение и упразднение налогов в пределах собственных налоговых юрисдикций, включая предоставление, изменение и отмену налоговых льгот, прав на разрешение каких-либо налоговых споров, прав на установление юридической ответственности за нарушение норм налогового законодательства и других прав на администрирование налогов, вытекающих из содержания государственного суверенитета страны.

Одним из признаков современного государства наряду с территорией, населением и публичной властью является способность порождать налоговые правоотношения. Налоговый суверенитет государства — это признанное международным сообществом исключительное право государства на порождение налоговых правоотношений на своей территории, которые распространяются на лиц, связанных с государством финансово-правовыми отношениями. Ведь современная финансовая система государства основывается именно на налогообложении: все государственные институты обеспечиваются финансовыми ресурсами — преимущественно налоговыми поступлениями¹.

Понятие фискального (налогового) суверенитета широко применяется в отечественной научной литературе и правоприменительной практике, однако не имеет законодательного закрепления. Например, в Определении Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. № 1047-О-О отражено, что одним из требований при введении новых налогов является наличие у законодательных органов власти фискального суверенитета: «...федеральный законодатель, действующий при определении налоговых обязанностей в рамках своих дискреционных полномочий и обладающий фискальным суверенитетом, вправе устанавливать показатели оценки финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика, необходимые для целей налогообложения...»². Поскольку уплату налога следует рассматривать как законодательно установленную форму изъятия части имущества налогоплательщика в пользу государства, а его учреждение, обязательность и принудительность изъятия обеспечены фискальным суверенитетом³. Более того, ст. 57 Конституции РФ

¹ Покачалова Е.В. Налоговый суверенитет Российской Федерации: концептуальные вопросы финансово-правового обеспечения : монография / под ред. Е.В. Покачалоной. М. : Русайнс, 2021. 321 с.

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 1047-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб закрытого акционерного общества “Арсенал”, общества с ограниченной ответственностью “Горторгкомплекс” и гражданина Захарова Александра Николаевича на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 390 и 391 Налогового кодекса Российской Федерации, статей 65 и 66 Земельного кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92862/

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 1996 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона РФ от 24.06.1993 “О федеральных органах налоговой полиции”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 5.

гарантирует законность налогообложения и права налогоплательщиков в случаях изменения налогового законодательства⁴.

Государство самостоятельно определяет пределы распространения своей публичной власти в сфере налогообложения. Но стоит обратить внимание, что реализация налогового суверенитета в международных отношениях ограничена двумя уровнями: международным — международным публичным правом; национальным — налоговой юрисдикцией. Согласно международному праву администрирование государством налогов нелегитимно, если нет существенной связи субъекта с государством: субъект налогообложения должен быть спаян с государством финансово-правовой связью, которая главным образом основывается на принципе резидентства. Резидентство связано с понятием «налоговая юрисдикция», под которой понимают «основанное на суверенитете полномочие государства по учреждению и изъятию налогов на соответствующей территории в отношении субъектов и объектов, связанных с ней, однако не ограниченных ею»⁵. Различие государственного суверенитета и юрисдикции заключается в том, что юрисдикция подразумевает экстерриториальность. Налоговые резиденты Российской Федерации (вне зависимости от гражданства) обязаны уплачивать налоги с доходов, полученных как на территории России, так и за ее пределами⁶.

В данном контексте следует обратить внимание на международные соглашения об избежании двойного налогообложения. Можно предположить, что, заключая двусторонние налоговые соглашения, государства добровольно ограничивают применение своего национального права, что ведет к снижению поступлений в бюджеты, но такие соглашения не устанавливают ни налоги, ни ответственность за невыполнение налоговых обязательств — они регулируются национальным законодательством. В отсутствие суверенных властных полномочий государство не может вступать в международные правоотношения⁷. Важно отметить, что внешний налоговый суверенитет, осуществляемый в международных налоговых правоотношениях, проявляется только на федеральном уровне: субъекты РФ и муниципалитеты не участвуют в налоговых правоотношениях на международном уровне.

⁴ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; Российская газета. 2020. 4 июля.

⁵ Хаванова И.А. Избежание двойного налогообложения и предотвращение уклонения от налогообложения в условиях взаимодействия национального и международного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 9.

⁶ Кравченко Н.А. Цифровизация налогового контроля за налоговым статусом плательщика НДФЛ при осуществлении работы в дистанционном (удаленном) режиме за пределами РФ // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5. С. 161–163.

⁷ Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 45. Ст. 6198.

Налоговый суверенитет способствует формированию налогового государства. Нельзя не согласиться с мнением В.В. Гриценко, который выделил ряд признаков и принципов налогового государства, характерных для Российской Федерации: существенная роль налогов в формировании доходной части бюджета и, как следствие, обеспечение расходной части бюджета в основном за счет налоговых поступлений; односторонний императивный характер установления и взимания налогов; наличие разветвленной иерархически упорядоченной системы государственных органов, обеспечивающих поступление налоговых платежей в бюджеты всех уровней; среди принципов — законность, стабильность, экономическая обоснованность, гарантия прав на обжалование и соблюдение баланса частных и публичных интересов⁸.

При этом классические принципы налогообложения, предложенные еще в XVIII в. А. Смитом, — равенства, определенности, удобства расчетов, экономии при сборе, остаются актуальными, но при этом видоизменяются и трансформируются в условиях цифровизации. Сегодня налоговый суверенитет Российской Федерации обеспечивается в том числе за счет внедрения автоматизированных систем взимания налоговых платежей, цифровизации налогового администрирования, использования единых реестров баз данных компьютерных систем межведомственного взаимодействия как на национальном, так и международном уровнях⁹. Таким образом, принципы налогового суверенитета в полной мере отражают и дополняют принципы государственного суверенитета и демократического государства.

Финансово-правовая характеристика налогового суверенитета проявляется в регулировании бюджетных поступлений от налогов в бюджеты всех уровней. Так, федеральные налоги не всегда полностью поступают в федеральный бюджет: 85% НДФЛ, к примеру, поступает в региональный бюджет, 15% — в бюджет муниципалитета по месту налогового учета налогоплательщика — физического лица, а с учетом введения поправок в части становления прогрессивной ставки по НДФЛ для доходов, превышающих 5 млн руб. в год¹⁰, 13% суммы налога перечисляются в федеральный бюджет, 74% — в региональный и оставшиеся 13% — в местный. При этом, в соответствии со ст. 58 Бюджетного кодекса РФ (БК РФ), на региональном уровне могут быть установлены дополнительные нормативы отчислений в местные бюджеты от доходов бюджета субъекта, полученных от взимания НДФЛ.

⁸ Гриценко В.В. Концептуальные проблемы развития теории налогового права современного российского государства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. С. 45.

⁹ Еременко Е.А. Принципы налогообложения: историко-теоретический аспект // Финансы и кредит. 2013. № 38 (566). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-nalogooblozheniya-istoriko-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁰ Федеральный закон от 15 октября 2020 г. № 327-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации и установлении особенностей исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в 2020 году» // СПС «КонсультантПлюс».

Налог на прибыль организаций также распределяется между бюджетами федерального и регионального уровней (ст. 284 Налогового кодекса РФ (НК РФ) и ст. 50, 56 БК РФ). Таким образом, проявляется комплексный междисциплинарный характер налогового суверенитета: Налоговый кодекс РФ устанавливает нормативно-правовые основы установления и взимания налогов, Бюджетный кодекс РФ — порядок их зачисления в бюджет разных уровней. Предоставление прав и передача полномочий по изменению отдельных элементов налога субъектам Российской Федерации и от субъектов — муниципалитетам не ослабляют, а усиливают налоговый суверенитет государства, поскольку это позволяет максимально эффективно и адресно перераспределять бюджетные средства на всех уровнях управления.

Несомненно, цифровизация оказывает влияние на государственный суверенитет и налоговый, как его составляющую¹¹. По мнению некоторых авторов¹², с повсеместным внедрением цифровых технологий границы государственного суверенитета «размываются», суверенитет становится «цифровым», «трансграничным», «киберпространственным». С расширением и трансформацией суверенитета связана проблема юрисдикционного определения его границ, что нашло свое отражение в исследовании В.Б. Наумова: автор предлагает определять границы информационного (цифрового) суверенитета государства исходя из территориального размещения информационного ресурса или субъекта информационного обмена, что схоже с определением налогового президентства¹³. Особо ярко данная проблема проявляется в контексте сохранения налогового суверенитета при введении и взимании налога с операций с криптовалютами: сейчас, в соответствии с законодательством РФ, криптовалюта приравнивается к имуществу, а заплатить НДФЛ нужно только в случае получения дохода от операций, полученного в рублях или другой валюте¹⁴. При этом операции с криптовалютами («майнинг», «стейкинг») налогообложению не подлежат, хотя размер имущества в виде криптовалюты в их результате изменяется.

¹¹ Бурла В. Цифровизация — фактор трансформации государственного суверенитета как международно-правовой категории в документах ООН и ценности в конституциях государств — членов СНГ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 12 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-faktor-transformatsii-gosudarstvennogo-suvereniteta-kak-mezhdunarodno-pravovoy-kategorii-v-dokumentah-onn-i> (дата обращения: 22.09.2023).

¹² Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. См.: Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Lex russica. 2017. № 7. С. 166–177.

¹³ Наумов В.Б. Интернет и государственный суверенитет: тезисы доклада на I Всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика». URL: <http://www.ifap.ru/pi/01/r16.htm> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁴ Письмо Министерства финансов от 6 мая 2021 г. № 03-04-05/34900 «Об уплате НДФЛ; о применении НПД в отношении деятельности по обмену цифровых валют; о налоге на имущество организаций и налоге на имущество физлиц в отношении цифровой валюты». URL: <https://docs.cntd.ru/document/544408534> (дата обращения: 22.09.2023).

Таким образом, суверенитет как неотъемлемый атрибут государства следует рассматривать как многоуровневое публично-правовое явление, одной из неотъемлемых составных частей которого является экономический суверенитет. Экономический суверенитет государства базируется на финансовом суверенитете, в составе которого выделяют фискальный (бюджетный и налоговый) суверенитет, определяющий полномочия государства осуществлять правовое регулирование не только налоговых, но и иных видов бюджетных доходов. Цифровые трансформации объективно размывают границы государственного и налогового суверенитета, но вопрос юрисдикционного определения границ суверенитета и его сохранения в цифровом мире требует нормотворческих инициатив, отвечающих вызовам современности.

Кравченко Н.А.,

доцент кафедры административного и финансового права
Российского государственного университета правосудия
(Крымский филиал), кандидат экономических наук
(Республика Крым, г. Симферополь)

Литература

1. Бурла В. Цифровизация — фактор трансформации государственного суверенитета как международно-правовой категории в документах ООН и ценности в конституциях государств — членов СНГ / В. Бурла // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 12 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-faktor-transformatsii-gosudarstvennogo-suvereniteta-kak-mezhdunarodno-pravovoy-kategorii-v-dokumentah-onn-i> (дата обращения: 22.09.2023).
2. Гриценко В.В. Концептуальные проблемы развития теории налогового права современного российского государства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Гриценко. Саратов, 2005.
3. Еременко Е.А. Принципы налогообложения: историко-теоретический аспект / Е.А. Еременко // Финансы и кредит. 2013. № 38 (566). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiipy-nalogooblozheniya-istoriko-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 22.09.2023).
4. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства / А.А. Ефремов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1.
5. Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет / А.В. Даниленков // Lex russica. 2017. № 7.
6. Кравченко Н.А. Цифровизация налогового контроля за налоговым статусом плательщика НДФЛ при осуществлении работы в дистанционном (удаленном) режиме за пределами РФ / Н.А. Кравченко // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 96-5.
7. Наумов В.Б. Интернет и государственный суверенитет : тезисы доклада на I Всероссийской конференции «Право и Интернет: теория и практика» / В.Б. Наумов. URL: <http://www.ifar.ru/pi/01/r16.htm> (дата обращения: 22.09.2023).
8. Покачалова Е.В. Налоговый суверенитет Российской Федерации: концептуальные вопросы финансово-правового обеспечения : монография / под ред. Е.В. Покачаловой. М. : Русайнс, 2021.
9. Хаванова И.А. Избежание двойного налогообложения и предотвращение уклонения от налогообложения в условиях взаимодействия национального и международного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Хаванова. М., 2016.

Административно-правовые аспекты цифровизации представления и проверки сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера

Обязанность государственного и муниципального служащего, а также иного лица, определенного антикоррупционным законодательством, по предоставлению сведений о своих доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей является одной из важных организационных мер по предотвращению и выявлению коррупционных правонарушений в связанной с осуществлением публичных полномочий сфере.

В то же время установленные законодательством о государственной службе обязанности, запреты и ограничения должны быть направлены именно на построение эффективного механизма их исполнения, выполнения органами публичной власти своих функций.

Соблюдение ограничений, запретов и исполнение обязанностей не должно быть излишне трудоемким, требующим отвлечения значительных ресурсов на выполнение и проверку их соблюдения, вести к созданию непреднамеренных ситуаций, которые могут трактоваться как нарушение антикоррупционных требований.

Государственный служащий вправе получать помощь от государства для наиболее эффективной реализации своих полномочий и исполнения обязанностей.

Порядок предоставления сведений о доходах и расходах регулируется нормами федеральных законов о противодействии коррупции¹ и контроле расходов², законами государственной службы, указами Президента РФ.

Этими актами определены перечень лиц, обязанных представлять сведения, основания и сроки представления, сама форма сведений (справки), порядок проверки данных.

Указом Президента РФ³ предусмотрено, что лица, представляющие сведения, должны это делать по утвержденной форме — справке, заполненной с использованием специального программного обеспечения «Справки БК».

¹ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (ред. от 10.07.2023) // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

² Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (ред. от 10.13.2023) // СЗ РФ. 2012. № 50 (часть IV). Ст. 6953.

³ Указ Президента РФ от 23 июня 2014 г. № 460 (ред. от 18.07.2022) «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (часть II). Ст. 3520.

Данный программный продукт предполагает самостоятельное заполнение лицом полей, без возможности получения данных имеющихся информационных систем. Максимально установлена возможность только заполнения предлагаемого списка адресов (места жительства и расположения объектов недвижимости). Подготовленная на бумажном носителе, подписанная госслужащим справка о доходах и расходах представляется работодателю. Сведения из справки подлежат проверке соответствующими кадровыми подразделениями органов власти. При проведении проверки должностные лица указанных подразделений вправе направлять в установленном порядке запросы в органы прокуратуры, иные государственные органы, органы местного самоуправления, организации и общественные объединения об имеющейся у них информации по представляемым госслужащими сведениям о доходах и расходах.

При этом, как свидетельствуют отчеты проверок органов прокуратуры, при их проведении выявляется значительное количество нарушений, связанных с неточным представлением данных о доходах, открытых счетах в банках, имуществе, обусловленных невнимательностью госслужащего либо противоречивыми данными, полученными им для подготовки справки, и не являющихся, по сути, коррупционными правонарушениями. Минтруд России каждый год дает разъяснения по порядку заполнения справки о доходах и расходах⁴.

Необходимо уточнить, что в процессе проверки справок о доходах и расходах кадровые службы, органы прокуратуры запрашивают информацию у тех же ФНС России, Росреестра, иных органов и организаций для целей выявления соответствия (несоответствия) представленных данных.

В результате мы имеем:

1. Затраты людских, служебных, материальных ресурсов на получение и заведение в справки сведений, которые уже есть в информационных базах государственных органов.

По данным Росстата⁵, на 1 октября 2019 г. количество лиц, замещавших государственные должности и должности государственной гражданской службы, составляет 763 770 человек, количество лиц, замещавших муниципальные должности и должности муниципальной службы, — 317 740 человек. Количество государственных и муниципальных учреждений, иных юридических лиц, руководящие сотрудники которых обязаны представлять сведения о доходах и расходах, составляет десятки тысяч. Все эти лица ежегодно (претендующие на занятие этих должностей при поступлении на работу) обязаны представлять справку о доходах и расходах.

2. Те же затраты ресурсов кадровых служб, органов прокуратуры для проведения проверки представленных сведений.

⁴ Сайт Минтруда России. URL: <http://www.mintrud.gov.ru/ministry/anticorruption/Methods/13> (дата обращения: 23.11.2023).

⁵ Сайт Росстата. URL: <http://www.rosstat.gov.ru/compendium/document/13289> (дата обращения: 23.11.2023).

3. Значительное количество случаев, потенциально конфликтных, но всегда стрессовых ситуаций в связи с допущенными ошибками и недочетами в справках.

При этом антикоррупционное законодательство не содержит понятий «ошибка», во всех вариантах это предоставление неполных или недостоверных данных, и комиссии по предотвращению и разрешению конфликтов интересов, руководитель органа или организации должны рассматривать такие случаи на предмет привлечения к дисциплинарной ответственности и передачи информации в прокуратуру.

В отсутствие нормативной определенности Минтруд России в своих разъяснениях сам выделяет «критерии коррупционности» нарушений при представлении сведений о доходах и расходах госслужащего⁶.

При этом значительная часть информации (а для большинства обязанных подавать сведения вся информация) уже есть в соответствующих информационных системах государственных органов.

Для гражданина, у которого есть обязанность подавать декларацию о доходах в налоговые органы в установленных случаях, реализована возможность удобного заполнения и подачи декларации в электронном виде. Это можно сделать посредством сервиса ФНС России либо через Портал государственных услуг Российской Федерации. Практически вся информация, содержащаяся в базах данных ФНС РФ (сведения о доходах, уплаченных налогах, имуществе, вариантах льгот и т.д.) либо не требует заполнения, либо автоматически подставляется в соответствующие поля, оставляя возможность для дополнения или уточнения информации.

Было бы целесообразно, оставив представление сведений о доходах и расходах госслужащего в качестве его обязанности, перевести на формат оказания госуслуг возможность подачи справки о доходах и расходах через портал Госуслуг или сервисы государственных органов с использованием информации, уже содержащейся в том числе в соответствующих государственных информационных системах. ФНС России в настоящее время агрегирует всю информацию о доходах гражданина, об открытых им счетах в банках, недвижимом имуществе и транспортных средствах как объектах налогообложения.

В научно-правовой литературе справедливо указывается, что цифровые технологии могут быть использованы как мощный и реальный инструмент профилактики коррупции на организационном и институционально-экономическом уровнях воздействия⁷.

Однако предметом таких работ в большей степени является применение цифровых технологий для автоматизации и цифровизации процесса

⁶ Сайт Минтруда России. URL: <http://www.mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/7> (дата обращения: 23.11.2023).

⁷ См.: Кравченко А.Г., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Воронцов С.А. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2020. № 6. С. 52–63.

осуществления функций государственных органов и полномочий их должностных лиц. В то же время «облегчение» и автоматизация, где это возможно, процесса соблюдения госслужащим ограничений, запретов и выполнения обязательств, безусловно, положительно скажутся на профилактике коррупционных правонарушений.

Перевод предоставления сведений о доходах и расходах госслужащего на формат предоставления государственных и муниципальных услуг сразу бы «подвел» процедуру, связанную с исполнением этой ежегодной обязанности госслужащим, под принципы цифровизации, формализации, доступности, понятности, клиентоцентричности, предусматривающие в том числе исключение необоснованных временных, финансовых, организационных и иных издержек, а также избыточных процедур (перепроверка ранее установленных фактов, ручные операции и субъективные критерии при принятии решений)⁸. И госслужащий не должен будет искать самостоятельно и представлять документы и сведения, которые имеются в распоряжении органов власти и организаций и органов местного самоуправления, в государственных информационных базах. С учетом перехода на электронный документооборот практически все госслужащие обладают усиленной цифровой подписью и могут подписывать свои справки о доходах и расходах с ее помощью. В свою очередь, проверка таких сведений будет минимизирована, оцифрована и станет адресной как по персоналиям, так и сведениям.

Продуманная цифровизация процесса представления сведений о доходах и расходах и их проверки позволила бы с большей эффективностью решать задачи, на которые направлены эти специальные организационные антикоррупционные меры.

Конечно, это лишь один из аспектов реализации профилактических мер по противодействию коррупции на государственной и иной публичной службе. В целом, необходимо определить единый государственный орган, в полной степени ответственный за состояние работы в этой сфере и совершенствование предусмотренных законодательством механизмов противодействия коррупции.

Петров И.С.,

доцент кафедры административного права Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Кравченко А.Г. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции / А.Г. Кравченко, А.И. Овчинников, А.Ю. Мамычев, С.А. Воронцов // Административное и муниципальное право. 2020. № 6.

⁸ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 апреля 2022 г. № 837-р (ред. от 24.10.2022) // СЗ РФ. 2022. № 17. Ст. 2941.

Пробелы в правовом регулировании использования генетических ресурсов как элемента обеспечения продовольственной безопасности

На сегодняшний день достижение продовольственной безопасности признается одной из наиболее важных стратегических целей государства. Продовольственная безопасность квалифицируется как одно из основных направлений обеспечения национальной безопасности страны в среднесрочной перспективе, как фактор сохранения государственности и суверенитета¹. Сложившаяся политическая ситуация в очередной раз продемонстрировала важность данного института для обеспечения национальной безопасности государства. Более того, продовольственная безопасность в среднесрочной перспективе выступает одним из главных направлений по ее обеспечению. Вместе с тем отсутствие согласованной системы нормативных правовых актов затрудняет достижение целей в указанной сфере. Таким образом, разработка необходимых, не противоречащих друг другу документов в данной области является одним из основных шагов для создания работающих институтов, обеспечивающих продовольственную безопасность.

Основным стратегическим документом, регулирующим продовольственную безопасность, выступает Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20² (далее — Доктрина).

Доктрина определяет ряд задач, выполнение которых необходимо для достижения продовольственной безопасности, и включает в себя нормы, направленные как на развитие биологических технологий в сельском хозяйстве (подп. «е», «л» п. 7 Доктрины), так и на обеспечение биологической безопасности (подп. «з», «и» п. 7 Доктрины).

Доктриной различаются два понятия: «продовольственная безопасность» и «продовольственная независимость». Продовольственная безопасность понимается как состояние социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 февраля 2017 г. № Ф08-569/17 по делу № А63-4732/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни.

При этом продовольственная независимость определена как самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Указанное определение нельзя считать полностью удачным по следующим основаниям.

Во-первых, непонятно, что понимается под понятием «отечественная сельскохозяйственная продукция». Например, является ли отечественной сельскохозяйственная продукция — скот, полученный из генетического материала импортированных животных. Можно ли считать отечественной продукцию растениеводства, полученную от импортированных семян. При этом законодательство допускает получение мер государственной поддержки на указанную продукцию.

В этой связи нельзя не согласиться с Х.У. Белхароевым, отметившим, что «одной из важнейших проблем формирования эффективного механизма правового регулирования обеспечения продовольственной безопасности является отсутствие универсального понятийного аппарата, позволяющего обеспечить комплексный, единообразный подход при формировании законодательства в данной сфере общественных отношений»³.

Во-вторых, представленное определение продовольственной независимости не включает в себя необходимость самообеспечения генетическими ресурсами.

Вместе с тем в целях обеспечения продовольственной безопасности одной из наиболее важных задач государства на сегодняшний день является изучение и развитие генетических ресурсов. Вопросы генетики находятся в центре внимания мировой науки, являясь также приоритетными практически во всех странах мира не только на ближайшее, но и на отдаленное будущее человечества.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным определить продовольственную независимость как самообеспечение страны основными видами сельскохозяйственной продукции, сырья, продовольствия и генетических ресурсов, полученными на территории Российской Федерации.

В этой связи представляется важным учет развития законодательства о племенном животноводстве и семеноводстве как один из существенных критериев достижения продовольственной независимости, поскольку именно эти отрасли сельского хозяйства направлены на самообеспечение источником для получения сельскохозяйственной продукции.

³ Белхароев Х.У. Современные правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности России // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 317–320.

В соответствии с подп. «д» п. 19 Доктрины в области производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия необходимо осуществить развитие племенного дела, селекции и семеноводства. Дополнение Доктрины в действующей редакции указанным положением было действительно необходимо и представляет собой положительный момент развития законодательства указанной сферы.

Н.П. Воронина отмечает, что «у России в настоящее время зависимости от импортного продовольствия нет. Вместе с тем есть зависимость от импортных семян»⁴.

Отметим, что зависимость сохраняется не только от семян, но и от племенного материала, в отсутствие которого невозможно получение некоторых видов продовольствия. Ввоз молодняка крупного рогатого скота в 2021 г. на территорию страны составил 50,8 тыс. голов, что на 17,6 тыс. голов выше показателей 2016 г.⁵. Также, по данным ФГБНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт племенного дела», ежегодно растет импорт генетического материала: импорт генетического материала племенного крупного рогатого скота вырос с 3160 тыс. доз в 2019 г. до 6220 тыс. доз в 2022 г.

Также в Доктрине устанавливается перечень индикаторов обеспечения продовольственной безопасности. На Всемирном продовольственном саммите 1996 г. было отмечено, что продовольственная безопасность существует, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточно безопасной и питательной пище, отвечающей их диетическим потребностям и предпочтениям в еде для активной и здоровой жизни.

Так, согласно п. 8 Доктрины основными индикаторами являются:

- достижение пороговых значений показателей продовольственной независимости, установленных Доктриной;
- экономическая и физическая доступность продовольствия;
- соответствие пищевой продукции требованиям законодательства Евразийского экономического союза о техническом регулировании.

Отмечается, что по ряду позиций критерии практически выполнены либо имеются незначительные отставания, в частности по молоку и молокопродуктам — 84,0% (Доктрина — 90%, плановое значение проекта «Развитие отраслей АПК» — 84,5%).

Вместе с тем приведенные цифры не отражают реальной ситуации, поскольку для производства молока необходимо самообеспечение по пле-

⁴ Воронина Н.П. Стратегическое планирование обеспечения продовольственной безопасности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. С. 59–70.

⁵ По данным ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр животноводства — ВИЖ имени академика Л.К. Эрнста».

менному материалу, что на сегодняшний день не наблюдается. Импорт животных и генетического материала растет, а декларация принципа импортозамещения не приводит к реальному производству высокопродуктивных животных на территории Российской Федерации. Таким образом, несмотря на то что в отчетах уполномоченных органов можно зафиксировать импортозамещение по конечному продукту, например молоку, животных для его получения на территории Российской Федерации не выводится.

По нашему мнению, одной из причин сложившейся ситуации является не согласованная и не соответствующая текущему развитию технологий нормативная правовая база.

На сегодняшний день Минсельхозом России разработан проект федерального закона «О генетических ресурсах растений для селекции сортов и гибридов сельскохозяйственных растений», который не внесен в Государственную думу. Он предусматривает создание базы данных генетических ресурсов растений, правовые основы поиска и сбора их образцов и деятельности с коллекциями таких ресурсов.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствуют правовые основы для учета и использования генетических ресурсов растений.

Воспроизводство и использование генетических ресурсов животных в сельском хозяйстве регулируются Федеральным законом от 3 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве».

В соответствии с положениями абз. 3 ст. 1 Федерального закона от 3 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» племенное животное — сельскохозяйственное животное, имеющее документально подтвержденное происхождение, используемое для воспроизводства определенной породы и зарегистрированное в установленном порядке.

Следовательно, именное племенное животноводство как сфера сельского хозяйства призвано обеспечить государство высокоценными видами животных, необходимыми для производства того или иного вида сельскохозяйственной продукции. В отсутствие развитого племенного животноводства и самообеспеченности племенным материалом невозможно предусмотреть самообеспеченность продуктами питания.

В этой связи представляется необходимым установление в Доктрине не только процента в самообеспечении продовольственными продуктами, но и процента продуктов, полученных от генетического или семенного материала, приобретенного на территории Российской Федерации, что приведет к снижению возможности манипуляций в отчетности уполномоченных органов.

Вместе с тем одной из проблем правового обеспечения продовольственной безопасности представляется несогласованность нормативных право-

вых актов, принятых по данному и смежным вопросам. Как верно отмечает В.М. Баранов, «слабая действенность многих законов обусловлена отставанием разработки и применения подзаконных актов»⁶.

Так, существует ряд нормативных правовых актов нижестоящего уровня, принятых в развитие положений Доктрины, которые также не включают себя мероприятия по развитию генетических ресурсов.

В частности, распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1516-р «О плане мероприятий ("дорожной карте") по реализации положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» не предусматривает действий по обеспечению и контролю самообеспеченности племенным материалом.

Кроме того, на ведомственном уровне Минсельхозом России опубликована Публичная декларация приоритетных целей и задач Министерства сельского хозяйства Российской Федерации на 2021 г. (далее — Декларация), где среди целей по уровню самообеспечения сельскохозяйственной продукцией, сырьем и продовольствием отсутствуют показатели по семенному и племенному материалам.

Следовательно, несмотря на то что в Доктрине установлена необходимость развития племенного дела, отсутствуют иные нормативные правовые акты, принятые в развитие указанных положений. Представляется необходимым дополнить как «дорожную карту», так и Декларацию перечнем мероприятий по развитию системы производства ценных генетических ресурсов на территории России.

Помимо изложенного, следует отметить несоответствие требований регуляторного законодательства, в частности Налогового кодекса Российской Федерации, требованиям Доктрины.

Так, положениями п. 19 ст. 150 Налогового кодекса Российской Федерации ввоз на территорию Российской Федерации и иные территории, находящиеся под ее юрисдикцией, племенных животных и генетического материала не облагается налогом на добавленную стоимость на территории Российской Федерации.

Таким образом, Налоговым кодексом РФ предусматривается снижение налогового бремени на ввоз в Российскую Федерацию генетического материала. Данная норма не соответствует требованиям продовольственной безопасности и требует исключения.

Кроме того, на указанных животных возможно получить субсидию как меру государственной поддержки в соответствии с нормами Постановления

⁶ Баранов В.М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 3. С. 5–21.

Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» и документами субъектов Российской Федерации, устанавливающими порядок предоставления субсидий.

Например, постановление Правительства Вологодской области от 23 декабря 2019 г. № 1297 «Об утверждении порядков предоставления субсидий на поддержку сельскохозяйственного производства по отдельным подотраслям растениеводства и животноводства» устанавливает порядок предоставления субсидий на поддержку племенного животноводства. Согласно пункту 2.2.3 данного порядка субсидии предоставляются:

- а) на племенное маточное поголовье крупного рогатого скота;
- б) на племенное поголовье сельскохозяйственных животных: маточное поголовье свиней, конематок — не испытываемых на ипподроме, конематок — испытанных на ипподроме, маточное поголовье птиц, маточное поголовье рыб, племенных быков-производителей.

Таким образом, нет запрета на предоставление субсидии на животных, полученных по импорту.

Также, в соответствии с п. 1.4.1 Порядка предоставления субсидий на осуществление государственной поддержки сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербурге, утвержденного постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 26 апреля 2022 г. № 357, субсидии предоставляются в целях возмещения части затрат, связанных с закупкой, включая импорт, племенных быков-производителей, являющихся улучшателями по молочной или мясной продуктивности, и (или) племенного молодняка крупного рогатого скота⁷.

В соответствии с п. 3 Порядка предоставления субсидий Воронежской области⁸ субсидия предоставляется для возмещения затрат на:

- племенное маточное поголовье сельскохозяйственных животных;
- племенных быков-производителей, оцененных по качеству потомства или находящихся в процессе оценки этого качества (далее — племенные быки-производители).

⁷ Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 26 апреля 2022 г. № 357 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий на осуществление государственной поддержки сельскохозяйственного производства в Санкт-Петербурге» // Официальный интернет-портал правовой информации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru>

⁸ Постановление Правительства Воронежской области от 28 декабря 2019 г. № 1325 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии из областного бюджета сельскохозяйственным товаропроизводителям (за исключением граждан, ведущих личное подсобное хозяйство, и сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов) на поддержку племенного животноводства» // Официальный портал органов власти Воронежской области. URL: <http://www.govvrn.ru>

Данная формулировка также не устанавливает ограничений на компенсацию покупки крупного рогатого скота на территории иностранного государства.

Аналогично, нет запрета в Удмуртии на компенсацию затрат на приобретение за рубежом животных, согласно положениям постановления Правительства Удмуртской Республики от 31 марта 2021 г. № 184.

Таким образом, в ряде субъектов Российской Федерации нет ограничений для получения мер государственной поддержки на импортированный скот. Следовательно, государство поощряет не выведение собственных высокопродуктивных животных, а их ввоз из-за рубежа. Учитывая изложенное, указанные нормы законодательства Российской Федерации не представляются соответствующими положениям Доктрины.

Отметим, что нет необходимости в полном отказе от ввоза необходимых продуктов, в том числе племенного материала. По мнению некоторых ученых, «с наличием достаточного количества продовольствия связано не только обеспечение надлежащего качества, но и разумный баланс продовольствия импортного и собственного производства»⁹. Представляется достаточно обоснованной позиция, согласно которой проведение политики импортозамещения продовольственных товаров параллельно должно сопровождаться разработкой и реализацией мер, направленных на поддержание баланса между производством, потреблением, а также доступностью для населения продуктов высокого качества и по доступным ценам. Если проблема производства основных продуктов не встает так остро, то проблема экономической доступности должна рассматриваться как одна из основных проблем продовольственной безопасности¹⁰. Однако на сегодняшний день в некоторых отраслях сельского хозяйства, например в птицеводстве, наблюдается критическая зависимость от племенного материала¹¹.

Таким образом, считаем целесообразным определить в Доктрине, что к отечественной сельскохозяйственной продукции относится исключительно та продукция, которая получена на территории Российской Федерации, с использованием генетических ресурсов, полученных в Российской Федерации.

В развитие положений Доктрины разработано распоряжение Правительства РФ от 30 января 2021 г. № 208-р «О мерах обеспечения продовольственной безопасности, стимулирования предпринимательской активности

⁹ Россинская Г.М., Ишмухаметов Н.С., Ибрагимова З.Ф. Таргетирование продовольственной безопасности: многоуровневый подход // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 11-3. С. 502–508.

¹⁰ Гончаренко К.А., Печерица Е.В. Влияние импортозамещения на состояние экономической доступности продовольствия в РФ // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 1 (33). С. 71–77.

¹¹ По данным Минсельхоза России.

и самозанятости граждан, расширения возможностей сбыта продукции отечественных производителей товаров, увеличения доходов и роста благосостояния граждан». Вместе с тем данный документ отражает исключительно вопрос доступности продовольствия, исключая качество, достаточность и соответствие требованиям технических регламентов¹².

В настоящее время разработан ряд документов стратегического планирования в области обеспечения продовольственной безопасности. Как отмечает Н.П. Воронина, стратегическое планирование в сфере обеспечения продовольственной безопасности и развития сельского хозяйства представляет собой многоуровневую систему политико-правовых актов, направленных на достижение Россией показателей продовольственной независимости, повышение качества жизни граждан, обеспечение населения качественной и безопасной пищевой продукцией, на устойчивое развитие и модернизацию сельского и рыбного хозяйства и инфраструктуры, производство сельскохозяйственной продукции, соответствующей экологическим, санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным требованиям, повышение эффективности государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, подготовку высококвалифицированных кадров для сельского хозяйства¹³.

Вместе с тем на сегодняшний день в области племенного животноводства отсутствуют документы, предусматривающие стратегию по достижению самообеспеченности племенным материалом. Требуется осуществление планирования в производстве необходимого генетического и семенного материала, продовольствия и обеспечение им населения по доступным ценам.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что на сегодняшний день Доктрина продовольственной безопасности представляет собой основополагающий документ в области продовольственной безопасности, подобные которому приняты во многих странах мира. Однако, несмотря на довольно детальное регулирование проблем продовольственной безопасности в указанном документе, вопросы правового обеспечения использования генетических ресурсов не отражены должным образом. При этом в Российской Федерации требуется приведение нормативных правовых актов федерального и регионального законодательства в соответствие с Доктриной. Многие нор-

¹² Распоряжение Правительства РФ от 30 января 2021 г. № 208-р «О мерах обеспечения продовольственной безопасности, стимулирования предпринимательской активности и самозанятости граждан, расширения возможностей сбыта продукции отечественных производителей товаров, увеличения доходов и роста благосостояния граждан» (с изм. и доп.) // СПС ГАРАНТ.

¹³ Воронина Н.П. Стратегическое планирование обеспечения продовольственной безопасности // Там же.

мы регуляторного характера не соответствуют декларируемым положениям, а некоторые противоречат по своей сути. В этой связи представляется целесообразным актуализировать положения Доктрины с учетом развития технологий, в том числе генетических, а также внести необходимые изменения в положения как федерального, так и регионального законодательства, в том числе для исключения ссылок на недействующие нормативные правовые акты.

Шевякова П.М.,

юрист Ассоциации производителей КРС голштинской породы,
ООО «Альта Дженетикс Раша»,
аспирант Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

Литература

1. Баранов В.М. Ссылки (отсылки) в актах правотворчества: технико-юридические дефекты и пути преодоления их вредных последствий / В.М. Баранов // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 3.
2. Белхароев Х.У. Современные правовые проблемы обеспечения продовольственной безопасности России / Х.У. Белхароев // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 6.
3. Воронина Н.П. Стратегическое планирование обеспечения продовольственной безопасности / Н.П. Воронина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022.
4. Гончаренко К.А. Влияние импортозамещения на состояние экономической доступности продовольствия в РФ / К.А. Гончаренко, Е.В. Печерица // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2021. № 1 (33).
5. Россинская Г.М. Таргетирование продовольственной безопасности: многоуровневый подход / Г.М. Россинская, Н.С. Ишмухаметов, З.Ф. Ибрагимова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 11-3.

Международно-правовое регулирование борьбы в отношении киберпреступлений

«Киберпреступление» является современным вызовом и угрозой, которая исходит от негосударственных акторов. Эта проблема носит глобальный характер, которая будет возрастать по мере распространения и развития информационных технологий. В связи с этим эффективное международное сотрудничество, а также координация усилий мирового сообщества в сфере предупреждения и ликвидации последствий «киберпреступлений» имеют огромное значение, так как бороться с этим противоправным деянием на уровне отдельного государства представляется практически невозможным.

Нормативные и доктринальные подходы к определению термина «киберпреступление»

На протяжении последних десятилетий в ряде регионов были воплощены разные подходы, направленные на международно-правовое регулирование борьбы в отношении киберпреступлений, и приняты соответствующие международные соглашения регионального характера. Большинство действующих международных соглашений в части киберпреступлений не содержат данного понятия.

На сегодняшний день в международном праве отсутствует единый подход к пониманию термина «киберпреступление». Вопрос понятийно-категориального аппарата является одним из существенных пунктов в международных договорах. Отсутствие единого подхода к пониманию самой сущности и несогласованность терминологии в международных документах, в доктринах свидетельствуют о специфических особенностях данного криминального явления.

Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (далее — Конвенция СЕ) является первым международным договором, направленным на борьбу с киберпреступлениями путем гармонизации национальных законов, совершенствования метода расследования и расширения сотрудничества между странами. Она была разработана Советом Европы в Страсбурге. Конвенция и Пояснительный доклад к ней были приняты Комитетом министров Совета Европы на его 109-й сессии 8 ноября 2001 г. Она была открыта для подписания в Будапеште 23 ноября 2001 г. и вступила в силу 1 июля 2004 г.

В Конвенции СЕ приведен лишь перечень киберпреступлений и их содержание¹. Определения термина «киберпреступление» Конвенция СЕ не содержит.

¹ Convention on Cybercrime (Budapest, 23.XI.2001). URL: <https://www.europarl.europa.eu/>

Однако в Конвенции Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных от 2014 г., а именно в гл. 3 «Обеспечение кибербезопасности и борьба с киберпреступностью», в ст. 25 «Законодательство против киберпреступности», указано, что под киберпреступлениями понимаются противоправные деяния с использованием информационно-коммуникационных телекоммуникаций в отношении целостности, доступности и конфиденциальности, а также сохранности компьютерных систем².

Конвенция Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (далее — Конвенция ЛАГ) содержит положения об усилении сотрудничества между странами — участницами соглашения в части противодействия киберпреступлениям в целях обеспечения безопасности государств — участниц договора. Конвенция ЛАГ была принята 21 декабря 2010 г. в Каире (Египет). В данном международном соглашении регионального характера описываются охватываемые им преступления в области информационных технологий, процессуальные нормы, механизмы правового и судебного сотрудничества между странами-участницами³. Конвенция ЛАГ содержит такие киберпреступления, как несанкционированный доступ к персональным данным, кибертерроризм, нарушение авторских и смежных прав, а также хищение с использованием ИКТ. Кроме того, Конвенция ЛАГ включает положения о процессуальном праве, юрисдикции и взаимной правовой помощи. Однако определение понятия «киберпреступление» в Конвенции ЛАГ отсутствует.

На Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Вена, 10–17 апреля 2000 г.), одобренной Резолюцией 53/110 от 9 декабря 1998 г. Генеральной Ассамблеи ООН, в соответствии с п. 14, киберпреступление было определено с двух точек зрения. Киберпреступление в узком смысле («компьютерное преступление») — любое противоправное деяние, осуществляемое посредством электронных операций, целью которого является преодоление защиты компьютерных систем и обрабатываемых ими данных. Киберпреступление в широком смысле («преступление, связанное с использованием компьютеров») — любое противоправное деяние, совершаемое посредством или в связи с компьютерной системой или сетью, включая такие преступления, как незаконное хранение, распространение информации посредством компьютерной системы или сети⁴.

Существуют международные соглашения, содержащие синоним понятия «киберпреступление». Так, например, в Соглашении о сотрудничестве госу-

² African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection. 2014. URL: <https://au.int/>

³ Arab Convention on Combating Information Technology Offences. 2010. URL: <https://www.asianlaws.org/>

⁴ Stein Schjolberg. The history of cybercrime. Third edition. 2020. P. 25.

дарств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 2001 г. не содержится понятия «киберпреступление», а дается термин «преступления в сфере компьютерной информации». В соответствии с п. «а» ст. 1 под преступлением в сфере компьютерной информации понимается «уголовно наказуемое деяние, предметом посягательства которого является компьютерная информация»⁵. Однако вышеприведенное соглашение утратило силу. Под эгидой СНГ было заключен новый договор в части противодействия киберпреступлениям — Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г.⁶. В 2021 году Российская Федерация приняла федеральный закон о ратификации соглашения СНГ⁷. В данном соглашении преступления в сфере компьютерной информации стали трактоваться как преступления в сфере информационных технологий. Более того, в данном договоре прописаны виды уголовно наказуемых деяний в сфере информационных технологий, а также формы сотрудничества. Определение понятия преступления в сфере информационных технологий в данном соглашении отсутствует.

Документы Организации американских государств не содержат нормативного определения данного понятия. Вместе с тем в качестве базовой рекомендации для разработки правовой сферы обеспечения кибербезопасности обозначена «криминализация неправомерного использования компьютеров и компьютерных сетей»⁸.

В главе 28 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) под «киберпреступлением» понимаются «преступления в сфере компьютерной информации», где приведены виды данного рода преступлений и не разъяснено понятие⁹.

В статьях 272–274.2 гл. 28 УК РФ приведен перечень преступлений в сфере компьютерной информации:

- 1) неправомерный доступ к компьютерной информации;
- 2) создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ;

⁵ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Минск, 1 июня 2001 г. // СПС ГАРАНТ.

⁶ Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий. Душанбе, 28 сентября 2018 г. // СПС ГАРАНТ.

⁷ Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 237-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий» (посл. ред.) // СПС ГАРАНТ.

⁸ OAS: Comprehensive Inter-American Strategy to Combat Threats to Cybersecurity: a multidimensional and multidisciplinary approach to creating a culture of cybersecurity. 2004. URL: <https://2009-2017.state.gov/>

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

3) нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей;

4) неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации;

5) нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования.

В научной литературе отсутствует единая позиция относительно понятия «киберпреступление». Зарубежные ученые используют термин 'cybercrime' («киберпреступление»), который включен в оригинальное название Конвенции Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» 2001 г. — Convention on Cybercrime.

По мнению К. Уилсона (Clay Wilson), «киберпреступление» — это преступление, совершаемое с помощью компьютеров или нацеленное на них. К «киберпреступлениям» могут относиться кражи интеллектуальной собственности, нарушения коммерческой тайны или авторских прав; атаки на компьютерные сети с целью преднамеренного нарушения обработки информации или шпионажа с целью получения доступа к секретным данным. Террористические атаки на сети, использование сети Интернет для террористической идеологии, пропаганды терроризма также подпадают под определение «киберпреступление»¹⁰.

Уильям А. Оуэнс (William A. Owens) определяет «киберпреступление» как противоправное деяние с использованием ЭВМ с целью уничтожения компьютерной системы, информации или программного обеспечения¹¹. «Киберпреступления» направлены на то, чтобы поставить под угрозу компьютерную безопасность путем уничтожения информации, подрыва работы компьютерных систем, а также нарушения потока обмена информации в сети Интернет¹².

Самули Хаатаджа (Samuli Haataja) под «киберпреступлением» понимает противоправное деяние, выраженное в нанесении ущерба посредством информационно-коммуникационных технологий государству как информационному объекту, вызывающему увеличение энтропии¹³.

¹⁰ Wilson C. Botnets, Cybercrime, and Cyberterrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress. Congressional Research Service, 2008. P. 4.

¹¹ Technology, Policy, Law, and Ethics Regarding US Acquisition and Use of Cyberattack Capabilities / eds. by W.A. Owens, K.W. Dam, H.S. Lin. Washington, DC : The National Academies Press, 2009. C. 10. DOI: 10.17226/12651

¹² Ibid. P. 11.

¹³ Haataja S. Cyber Attacks and International Law on the Use of Force (Emerging Technologies, Ethics and International Affairs). Routledge, 2020. P. 2.

Таким образом, доктринальные позиции зарубежных ученых, касающиеся определения термина «киберпреступление», указывают на то, что данное противоправное деяние направлено прежде всего на подрыв информационной безопасности.

Отечественные ученые в исследованиях в большей степени используют терминологию, соответствующую официальному подходу, закреплённому в УК РФ.

Так, И.А. Петрова определяет «преступления в сфере компьютерной информации» как «противоправное виновно-совершенное общественно опасное деяние, наказуемое в уголовном порядке, посягающее на общественные отношения по безопасному производству, хранению, передаче, поиску, использованию, распространению или защите компьютерной информации, причинившее или создающее угрозу причинения вреда охраняемым законом правам и интересам физических и (или) юридических лиц, общества, государства»¹⁴.

А.Н. Попов обращает внимание на само понятие «компьютерное преступление», у которого отсутствует единое обозначение: «Компьютерное преступление» может трактоваться в качестве синонима «преступления в сфере компьютерной информации». Автор полагает, что «преступления в сфере компьютерной информации» — это нормативное определение преступлений, закреплённое в УК РФ¹⁵.

А.В. Суслопаров трактует «киберпреступления» как «информационные преступления» и понимает под ними «общественно опасные противоправные деяния, причиняющие вред общественным отношениям по обеспечению информационной безопасности личности, общества и государства, способом совершения которых является информационное воздействие или (и) предметом которых является информация как особый нематериальный объект»¹⁶. Исследователь определяет «киберпреступление» в качестве самостоятельной правовой категории, которая включает компьютерные преступления, но не ограничивается ими, поскольку предмет информационных преступлений является любая социально значимая информация, независимо от формы материального носителя¹⁷.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что последствием киберпреступления является причинение ущерба как материального, так

¹⁴ Петрова И.А. Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств / И.А. Петрова, И.А. Лобачев // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1. С. 54.

¹⁵ Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации : учебное пособие. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 12.

¹⁶ Суслопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера : диссертация кандидата юридических наук. Владивосток, 2010. С. 56.

¹⁷ Там же.

и нематериального характера. К первой категории отнесем такой вид киберпреступления, как кибертерроризм, который может привести к разрушению экономической инфраструктуры. Во вторую категорию включим «кибербуллинг», который может наступить вследствие посягательства на честь и достоинство граждан. Вместе с тем выработка консолидированной позиции в отношении определения «киберпреступление» остается незавершенной.

Перечисленные выше международные соглашения не содержат единообразно понимаемого и применяемого нормативно закреплённого определения «киберпреступление». На внутригосударственном уровне в нашей стране принято использовать понятие «преступления в сфере компьютерной информации», однако УК РФ не содержит определения его сущности и признаков. Плюрализм доктринальных взглядов как отечественных, так и зарубежных исследователей в части определения термина «киберпреступление» свидетельствует о сложности данного феномена. На международном уровне отсутствует универсальная новая конвенция, которая внесла бы ясность в то, что представляет собой «киберпреступление», определила бы полный актуальный перечень «киберпреступлений» и установила бы, какое наказание предусмотрено за то или иное правонарушение в сети Интернет.

На наш взгляд, выработка четкого определения является необходимым фактором для дальнейшей квалификации данного рода правонарушений в сети Интернет. Считаем, что термин «киберпреступление» в международном праве можно определить следующим образом: «Киберпреступление» — это несанкционированный доступ к информационно-коммуникационным технологиям при помощи компьютерных устройств и иных технических средств, с целью нанесения как материального, так и нематериального ущерба в отношении физических лиц, коммерческих организаций, транснациональных корпораций, международных организаций, а также угрозы национальной безопасности государств.

Представляется, что представленный подход может содействовать повышению эффективности противодействия этому преступлению международного характера.

Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях

В июле 2021 г. Российская Федерация внесла в Спецкомитет ООН проект Конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях¹⁸ (далее — проект Конвенции ООН).

¹⁸ Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях от 29 июня 2021 г. URL: <https://www.unodc.org/>

Данный проект ООН вводит новые виды преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий: сбыт поддельных медицинских изделий, незаконный оборот наркотиков, вовлечение несовершеннолетних в незаконную деятельность, создающую угрозу их жизни и здоровью, преступное использование криптовалют. Он также предусматривает расширение форм международного сотрудничества в сфере оперативно-разыскной деятельности, арест и возврат активов, связанных с этим преступлением.

В документе сформулированы 22 статьи, посвященные преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий. Среди не названных в Конвенции Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» 2001 г. «киберпреступлений» можно выделить следующие: склонение к самоубийству или доведение до его совершения, оправдание геноцида, незаконное распространение фальсифицированных лекарственных средств и медицинских изделий.

В проекте Конвенции ООН под «киберпреступлениями» понимаются «преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий». Само понятие «преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий» в документе отсутствует. Однако проект Конвенции ООН дает нам ответ на вопрос, что представляют собой «информационно-коммуникационные технологии»: это процессы и методы создания, обработки, распространения информации, а также способы и средства их осуществления. Информационное пространство согласно проекту Конвенции ООН должно формироваться в соответствии с основополагающими постулатами и нормами международного права. Каждое государство обладает неотъемлемым суверенитетом и реализует юрисдикцию в отношении информационного пространства в пределах своей территории, в рамках своего национального права.

Данные положения проекта Конвенции ООН являются существенными для Российской Федерации. Причиной, по которой Российская Федерация не стала участником Конвенции Совета Европы «О преступности в сфере компьютерной информации» 2001 г., является допускаемая документом возможность вмешательства зарубежных национальных правоохранительных органов в информационное пространство государства без официального уведомления. Это могло бы привести к угрозе национальной безопасности и суверенитету страны¹⁹.

В целях реализации приведенных положений проекта Конвенции ООН предусмотрены действенное формирование международного сотрудничества и усиление превентивных мер в части оказания противодействия преступлениям в сфере информационно-коммуникационных технологий; разработка договоренностей о международном сотрудничестве в целях

¹⁹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС ГАРАНТ.

успешного противодействия, например выдачи преступников, а также выявление, расследование и преследование за совершение преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий как на национальном, так и международном уровнях.

Реализация права на защиту от отдельных видов «киберпреступлений» в практике Европейского суда по правам человека

Несанкционированный доступ к персональным данным является одним из видов «киберпреступлений», который закреплен в ст. 7 Конвенции о защите прав человека и основных свобод²⁰. Защита персональных данных осуществляется в соответствии с правом на неприкосновенность частной жизни, предусмотренным в международных договорах в области прав человека.

Так, в деле «Копланд против Соединенного Королевства» (Copland v. United Kingdom)²¹ заявительница жаловалась на контроль за ее личной перепиской по электронной почте и на прослушивание телефонных звонков, ссылаясь на ст. 8 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейский суд по правам человека постановил, что данные, относящиеся к использованию телефона и электронной почты, подпадают под сферу действия ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Таким образом, Европейский суд признал нарушение требований ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В деле «Визер и компания “Бикос бетейлигунген ГмБХ” против Австрии»²² (Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH v. Austria) **не были соблюдены процессуальные гарантии при обыске и изъятии электронных данных из компьютерной системы адвоката. Европейский суд по правам человека постановил, что данные, хранящиеся на компьютерных серверах, также подпадают под ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.** В порядке применения ст. 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейский суд присудил выплатить заявителю 2500 евро.

Факт наличия нарушения зависит от контекста, в котором данные были получены, метода их сбора, обработки и использования, а также результатов, которые могут быть при этом получены. Так, ст. 16 (1) Договора о функционировании Европейского союза предусматривает право на защиту персональных данных в качестве одного из основных прав человека²³.

²⁰ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СПС ГАРАНТ.

²¹ Постановление Европейского суда по правам человека от 3 апреля 2007 г. по делу «Копланд против Соединенного Королевства» [Copland v. United Kingdom] (жалоба № 62617/00) // СПС ГАРАНТ.

²² Постановление Европейского суда по правам человека от 16 октября 2007 г. по делу «Визер и компания “Бикос Бетейлигунген ГмБХ” против Австрии» [Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH v. Austria] (жалоба № 74336/01) // СПС ГАРАНТ.

²³ Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) // СПС ГАРАНТ.

Таким образом, обширная судебная практика Европейского суда по правам человека, а также ряд региональных международных соглашений устанавливают гарантии и право на защиту от несанкционированного доступа к персональным данным.

Заключение

Таким образом, многообразие доктринальных взглядов относительно определения термина «киберпреступление» указывает на сложность и неоднозначность данного явления криминогенного характера. Однако несомненен тот факт, что «киберпреступления» направлены на подрыв информационной безопасности, и в этом мнения ученых совпадают.

В международном праве киберпреступление является преступлением международного характера, которое посягает как на внутрисударственный, так и на международный правопорядок. В связи с этим киберпреступление можно охарактеризовать как противоправное деяние, которое не ограничено территориальными границами одного государства, что говорит о его трансграничном характере.

В предложенном Российской Федерацией проекте Конвенции ООН отсутствует определение понятия «киберпреступление». Тем не менее этот документ соответствует современным вызовам и угрозам в сфере международной информационной безопасности, а также создает благоприятные условия для сотрудничества в части выявления, расследования и преследования злоумышленников за совершенные киберпреступления. Конвенция ООН видится России и ее единомышленникам как универсальное международное уголовно-правовое средство, сфокусированное на преступлениях в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, направленное на борьбу с их противоправным применением и носящее по своему содержанию всеобъемлющий характер²⁴.

Вместе с тем актуальной и целесообразной остается потребность в выработке нормативного определения «киберпреступление» и положений, которые будут регулировать борьбу с новыми киберпреступлениями, а также регламентировать деятельность сети Интернет.

Аббуд Р.Р.,

старший преподаватель кафедры международного права
Российского государственного университета правосудия
(г. Москва)

²⁴ Проект Конвенции Организации Объединенных Наций о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности. С. 111. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1561374/

Литература

1. Аббуд Р.Р. Актуальные вопросы международного права в части преступлений в сфере компьютерной информации / Р.Р. Аббуд // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153).
2. Жданов Ю.Н. Кибермафия. Мировые тенденции и международное противодействие : монография / Ю.Н. Жданов, С.К. Кузнецов, В.С. Овчинский. Москва : Норма, 2022.
3. Петрова И.А. Преступления в сфере компьютерной (цифровой) информации: дискуссионные вопросы определения понятия, объекта уголовно-правовой охраны и предмета посягательств / И.А. Петрова, И.А. Лобачев // Журнал прикладных исследований. 2020. № 1.
4. Попов А.Н. Преступления в сфере компьютерной информации : учебное пособие / А.Н. Попов. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018.
5. Суслопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Суслопаров. Владивосток, 2010.
6. Haataja S. Cyber Attacks and International Law on the Use of Force (Emerging Technologies, Ethics and International Affairs) / S. Haataja. Routledge, 2020.
7. Schjolberg S. The history of cybercrime / S. Schjolberg. Third edition. Books on Demand, 2020.
8. Technology, Policy, Law, and Ethics Regarding US Acquisition and Use of Cyberattack Capabilities / eds. by W.A. Owens, K.W. Dam, H.S. Lin. Washington, DC : The National Academies Press, 2009. DOI: 10.17226/12651
9. Wilson C. Botnets, Cybercrime, and Cyberterrorism: Vulnerabilities and Policy Issues for Congress / C. Wilson. Congressional Research Service, 2008.

К вопросу об обосновании автономии воли в деликтном статуте

Выбор применимого права сторонами деликтного обязательства прямо признается в российском праве еще с 2002 г. (в предшествующих редакциях — п. 3 ст. 1219 и абз. 2 п. 1 ст. 1223 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ), кроме того, границы такого выбора были существенно расширены в ходе реформы 2013 г. (ст. 1223.1 ГК РФ). Вместе с тем немногочисленность судебной практики свидетельствует о том, что механизм выбора применимого права в деликтах, в отличие от договорного статута, вызывает скорее настороженное отношение со стороны участников оборота.

В связи с этим, целесообразным становится выявление ключевых аргументов против внедрения и расширения автономии воли в деликтном статуте. Подобный критический анализ создаст предпосылки для переосмысления законодателем и участниками трансграничного оборота как востребованности самого выбора применимого права в деликтах, так и обоснованности снятия ряда существующих барьеров для его осуществления. Становление оптимального правового режима и выработка устойчивой правоприменительной практики по данному аспекту при этом не только отвечают идее индивидуализированного регулирования, удовлетворения частного спроса, но и способствуют росту привлекательности российского права и системы правосудия в контексте конкуренции правопорядков.

Так, представляется целесообразным подвергнуть рассмотрению два ключевых направления критики: догматический и практико-ориентированный.

Догматические доводы зиждутся на идее о корреляции материально-правовой свободы самоопределения сторон и механизмов международного частного права, направленных на саморегулирование правоотношений. Так, договорному материальному праву имманентно свойственен принцип свободы договора, который предопределяет ключевую роль сторон в формировании индивидуализированного регулирования. Напротив, регулирование обязательств из причинения вреда является по большей мере императивным, а основанием подобных обязательств является нарушение предписаний закона, направленных на защиту неограниченного круга лиц, а не договоренностей двух сторон. В силу этого, в плоскости международного частного права недобровольные деликтные правоотношения также не должны подразумевать наличие автономии воли¹.

¹ Kropholler J. Ein Anknüpfungssystem für das Deliktsstatut // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und Internationales Privatrecht*. 1969. Vol. 33. № 4. P. 640.

Вопрос о наличии материально-правовой свободы в деликтах представляется целесообразным раздробить на два аспекта: до и после возникновения деликтного обязательства.

Так, после причинения вреда усматривается достаточно широкое пространство для выражения обоюдной воли сторон относительно судьбы деликтного правоотношения. Даже будучи направленными на защиту абсолютных благ, положения деликтного права регулируют обязательственные, т.е. относительные правоотношения. Из этого следует, что все возможности для достижения взаимных договоренностей, которые существуют для обязательственного права в целом, будут релевантны и для деликтного права. Возможность новировать деликтное обязательство, договориться об отступном, рассрочке платежа, форме исполнения обязательства и т.д. — все данные опции свидетельствуют о наличии компонента самоопределения сторон в вопросе материального регулирования правоотношений и в деликтном праве, несмотря на его императивную направленность.

Значительно более неоднозначной является возможность достичь соглашения сторон относительно судьбы еще не возникшего деликтного обязательства. Классическим примером максимы *'volenti non fit injuria'* (согласившемуся не причиняется обида), берущей начало из римского права², являются соглашения об отказе от потенциальных претензий между профессиональными спортсменами (бои без правил, бокс и т.д.). Вместе с тем подобные случаи принятия возможным потерпевшим на себя рисков причинения вреда и договорный отказ в определенном объеме от предъявления будущих деликтных требований являются в значительной мере частью повседневности: начиная от хирургических вмешательств, врачебных манипуляций и экстремальных видов спорта, заканчивая посещением контактных зоопарков, которые стремятся исключить возмещение возможного вреда, причиненного неприрученными животными³.

В качестве оснований для претворения в жизнь такого соглашения сторон могут выступать общие принципы гражданского права, такие как запрет противоречивого поведения (*Venire contra factum proprium*)⁴; отсутствие субъективной противоправности⁵, т.е. отказ в определенных соглашениях рамках от нарушаемого субъективного частного права; возникновение

² Bohlen F.H. Voluntary Assumption of Risk // Harvard Law Review. 1906. Vol. 20. № 1. P. 14.

³ См., например, п. 7 и 8 Правил относительно потенциального вреда имуществу и здоровью. URL: <https://enotovil.ru/rules/> (дата обращения: 06.11.2023).

⁴ Вилинг Х.И. *Venire contra factum proprium* и проступок в отношении самого себя // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5.

⁵ Степанов С.К. Современные теории противоправности: швейцарский подход // Вестник гражданского права. 2021. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

по воле сторон обязательства с негативным содержанием — отказаться от предъявления заранее определенных требований о возмещении вреда.

Следуя различным догматическим постулатам, как российский (абз. 2 п. 3 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ), так и зарубежные правовые порядки⁶ демонстрируют рассмотрение достигнутого соглашения относительно допустимости причинения вреда в качестве основания для отказа во взыскании убытков. Таким образом, материально-правовая свобода явственно прослеживается в деликтном праве (хотя и в разной степени до и после причинения вреда), стало быть, и автономия воли в деликтном статуте в определенной мере догматически из этого следует.

Переходя к **практико-ориентированному направлению** критики автономии воли в деликтном праве, необходимо отметить следующее. Действительно, обязательства из причинения вреда обременены свойством изначальной конфронтации сторон, меньшей склонностью к поискам компромиссов и взаимовыгодных решений, нежели в договорном статуте. Из этого неминуемо следует, что обращение к механизму автономии воли в деликтном статуте является более редким явлением, нежели в договорных обязательствах⁷.

Несмотря на справедливость этого утверждения, поспешным был бы вывод об отсутствии востребованности и целесообразности выбора применимого права в деликтном статуте.

Во-первых, для сторон внедоговорных обязательств остаются актуальными те преимущества автономии воли, которые по достоинству были оценены участниками трансграничного оборота в договорных обязательствах. Так, выбор применимого права позволяет достичь таких последствий, как упрочение правовой определенности и предсказуемости⁸, нивелирование последствий недостатков территориальных и акцессорных коллизионных привязок⁹, а также правила наиболее тесной связи, содействие единообразию международно-правовых подходов¹⁰, смягчение трудностей, связан-

⁶ Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве / М.А. Егорова, В.Г. Крылов, А.К. Романов ; отв. ред. М.А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2017.

⁷ Kropholler J. Opt. cit. P. 635.

⁸ Jaspers M.B. Nachträgliche Rechtswahl im internationalen Schuldvertragsrecht: unter besonderer Berücksichtigung der Rechtspraxis in England, Frankreich, Dänemark und Deutschland // Saarbrucker Studien zum Privat- und Wirtschaftsrecht. Bd. 30. Frankfurt a.M., 2002. P. 48–49.

⁹ Mautzsch F. Party Autonomy in European Private International Law: Uniform Principle or Context-Dependent Instrument. Private International Law: Uniform Principle or Context-Dependent Instrument // Journal of Private International Law 12. 2016. № 3. P. 475–477.

¹⁰ Vogeler A. Die freie Rechtswahl im Kollisionsrecht der außervertraglichen Schuldverhältnisse (Studien zum ausländischen und internationalen Privatrecht, Band 286) : Dissertationsschrift. P. 14.

ных с разрешением междуобластных коллизий¹¹, индивидуализация правового регулирования¹², конструирование гибких подходов с наибольшим доступным спектром возможностей¹³, процессуальная экономия¹⁴, потенциальное объединение применимого права и компетентного суда в рамках одного правопорядка¹⁵, упрочнение положительной конкуренции правопорядков¹⁶.

Во-вторых, механизм автономии воли демонстрирует в деликтном праве дополнительные, не свойственные договорному статусу преимущества. В частности, такими специальными преимуществами являются, во-первых, нивелирование проблемы должной квалификации смежных фактических обстоятельств, образующих предпосылки для применения различных внедоговорных статутов, во-вторых, устранение последствий существования конкурирующих внедоговорных требований и, в-третьих, возможность расщепления применимого права в отношении внедоговорных институтов.

Рассматривая **устранение проблемы квалификации**, необходимо отметить, что коллизионные нормы ориентируются на абстрактный категориальный аппарат, при этом не всегда очевидны разграничительные линии между такими коллизионными нормами с точки зрения их объема, как ст. 1219 (деликтные обязательства) и 1223 (обязательства из неосновательного обогащения), а равно 1219 и 1222.1 ГК РФ (обязательства из недобросовестного ведения переговоров).

Представляется возможным рассмотрение данной проблемы на следующем схематичном примере: в результате осуществления мошеннических действий во Франции лицо А вынуждает лицо Б без надлежащего правового основания перевести определенную денежную сумму на американский счет лица А в банке США. При рассмотрении дела в российском суде, исходя из деликтной коллизионной привязки, закрепленной в ст. 1219 ГК РФ,

¹¹ Meyer O. Parteiautonomie bei Mehrrechtsstaaten // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht (RabelsZ)*. 2019. Vol. 83. Iss. 4. P. 728.

¹² Hüßtege/Mansel, BGB, Rom-Verordnungen — *EuErbVO* — HUP. 3. Auflage 2019. Rom II-VO Art. 14 Freie Rechtswahl. Rn. 1.

¹³ Takeshita K. Critical Analysis of Party Autonomy: From a Theoretical Perspective // *Japanese Yearbook of International Law*. 2015. Vol. 58. P. 197–198.

¹⁴ Kagami K., Kono T., Nishitani Y. Economic Analysis of Conflict-of-Laws Rules in Tort — *Lex Loci Delicti Principle vs. Interest Analysis Approach* // *An economic analysis of private international law*. / ed. by Jürgen Basedow and Toshiyuki Kono in coop. with Giesela Rühl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2006. P. 141.

¹⁵ Rühl G. Die Kosten der Rechtswahlfreiheit: Zur Anwendung ausländischen Rechts durch deutsche Gerichte // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht [RabelsZ]*. 2007. Vol. 71. P. 567.

¹⁶ Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : М-Логос, 2017. С. 28.

местом совершения противоправного деяния является Франция и применимым является французское право. Напротив, если брать за основу квалификацию сложившихся отношений как обязательства, возникающего вследствие неосновательного обогащения, то применимым согласно ст. 1223 ГК РФ будет право США, поскольку именно в этой стране обогащение имело место. Так, применимое право, равно как и последующий материально-правовой результат, будет зависеть от квалификации данного фактического состава в качестве кондикции или деликта¹⁷.

Вместе с тем однозначная квалификация отношений в качестве одного из названных институтов гражданского права в ряде случаев вызывает затруднения как в доктрине¹⁸, так и в правоприменительной практике¹⁹, что влечет усугубление состояния правовой неопределенности относительно применимого права при передаче дела в суд.

Действенным способом нивелирования риска возникновения такой неопределенности служит институт выбора сторонами применимого права во внедоговорных обязательствах. Так, автономия воли, имеющая одинаковое регулирование для различных внедоговорных обязательств, включая деликты (ст. 1223.1 ГК РФ) и являясь самостоятельным способом определения применимого иностранного права, позволяет избежать обращения к объективным коллизионным привязкам неизвестного до момента подачи иска правопорядка, а значит, и к предшествующему их применению — трудно прогнозируемому процессу квалификации возникших правоотношений.

Более того, при обращении к автономии воли во внедоговорных обязательствах в определенной мере менее острой становится проблема *forum shopping*. Заранее установленная определенность в вопросе применимого материального права снижает стимулы к недобросовестным действиям в виде обращения в такой иностранный суд, который квалифицирует возникшие отношения для целей определения объективной коллизионной нормы более выгодным для истца образом.

¹⁷ См. подробнее: Куташевская Я.С. Принцип автономии воли как способ нивелирования проблемы конкуренции внедоговорных требований в международном частном праве // Вестник гражданского права. 2022. № 4. С. 83–115.

¹⁸ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М., 1951. С. 234.

¹⁹ Пункт 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 г. № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении»; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 1 апреля 2021 г. № Ф03-6332/2020 по делу № А73-2588/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 сентября 2019 г. № 09АП-52841/2019 по делу № А40-57100/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 декабря 2008 г. № 15АП-7596/2008 по делу № А32-11433/2008-64/289 // СПС «КонсультантПлюс».

Далее, **проблему конкурирующих внедоговорных требований** целесообразно рассмотреть на следующем примере: в отсутствие соглашения о выборе применимого права истец в рассмотренной ранее ситуации с мошенничеством обращается во французский суд с кондикционным иском. Вместе с тем, согласно французскому праву (*lex fori*), данное требование может быть квалифицировано исключительно как деликтное, стало быть, основание иска избрано неверно, в то время как, согласно американскому праву, которое было бы применимо согласно кондикционному статуту, не исключен выбор между деликтным и кондикционным исками, то есть основание предъявленного иска корректно.

Рассматривая практические преимущества выбора применимого права при риске возникновения конкуренции требований, необходимо отметить, что обращение к автономии воли значительно снижает риск нарушения принципа равенства. В рассматриваемой ситуации правовой режим определяется обоюдной волей обеих сторон, а не исключительно волеизъявлением истца. Помимо этого, опасность того, что соглашение о выборе применимого права будет навязано непрофессиональному участнику оборота либо иному лицу, находящемуся в более уязвимом положении, устраняется сопутствующими автономии воли ограничениями.

Кроме того, выбор применимого права к внедоговорным обязательствам может быть мотивирован именно допустимостью или недопустимостью в определенном правовом порядке конкуренции исков. Например, заключая соглашение о выборе в качестве применимого французского права, стороны во многом предопределяют, что их правоотношения будут рассматриваться исключительно в качестве деликтных. Стало быть, могут с уверенностью судить о применимости строго определенного массива правовых норм и более осознанно подойти к формированию правовой позиции.

Третье преимущество — **расщепление или объединение применимого права** — состоит в следующем: соглашение о выборе применимого права, в случае если стороны состоят в связанных с требованием договорных отношениях, служит, во-первых, инструментом для обособления применимого права во внедоговорных обязательствах от договорного статута и, во-вторых, механизмом разграничения права, применимого к различным внедоговорным обязательствам.

Так, стороны договора могут иметь легитимный интерес в подчинении, например, связанных с договорным обязательством деликтных и кондикционных отношений разным правовым порядкам²⁰. В то же время объективное коллизийное регулирование (п. 2 ст. 1223 и п. 3 ст. 1219 ГК РФ)

²⁰ Wandt S. Rechtswahlregelungen im Europäischen Kollisionsrecht. Frankfurt am Main : Peter Land GmbH, 2014. P. 113.

ведет к объединению всех названных отношений в рамках одного право-порядка — применимого в силу договорного статута. В силу возможности выбора применимого права стороны деликтного обязательства могут избрать регулирование, обособленное от иных связанных с ним правоотношений.

Кроме того, автономия воли служит инструментом против нежелательного расщепления применимого права для всей совокупности внедоговорных требований как в силу различных территориальных коллизионных привязок, ориентирующих при определении применимого права на разные фактические обстоятельства, так и в силу совершенного частичного выбора права к разным аспектам тесно связанного с внедоговорными обязательствами договора между сторонами в случаях, когда отдельные внедоговорные требования демонстрируют тесную связь с разрозненными частями такого договора²¹.

Практическая востребованность выбора применимого права в деликтных обязательствах подтверждается также европейским опытом, демонстрирующим, что механизм автономии воли завоевал одну из главенствующих позиций при определении применимого во внедоговорных обязательствах права²².

Куташевская Я.С.,

аспирант кафедры гражданского права Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А.В. Асосков. Москва : М-Логос, 2017.
2. Вилинг Х.Й. *Venire contra factum proprium* и проступок в отношении самого себя / Х.Й. Вилинг // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 5.
3. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве / М.А. Егорова, В.Г. Крылов, А.К. Романов ; ответственный редактор М.А. Егорова. Москва : Юстицинформ, 2017.
4. Куташевская Я.С. Принцип автономии воли как способ нивелирования проблемы конкуренции внедоговорных требований в международном частном праве / Я.С. Куташевская // Вестник гражданского права. 2022. № 4.
5. Степанов С.К. Современные теории противоправности: швейцарский подход / С.К. Степанов // Вестник гражданского права. 2021. № 1.

²¹ Aubart A. Die Behandlung der *dépeçage* im europäischen Internationalen Privatrecht. Tübingen: Mohr Siebeck, 2013. P. 182.

²² Schulte J. *Schädigermehrheit im europäischen internationalen Deliktsrecht : Anknüpfung — Zurechnung* — Regress. Baden-Baden : Nomos, 2020. P. 201.

6. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения / Е.А. Флейшиц. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1951.
7. Aubart A. Die Behandlung der dépeçage im europäischen Internationalen Privatrecht / A. Aubart. Tübingen : Mohr Siebeck, 2013.
8. Bohlen F.H. Voluntary Assumption of Risk / F.H. Bohlen // Harvard Law Review. 1906. Vol. 20. Iss. 1.
9. Bürgerliches Gesetzbuch: BGB, Band 6: Rom-Verordnungen — EuGüVO — EuPartVO — HUP — EuErbVO / eds. by R. Hüßtege, H.-P. Mansel. 3. Auflage. Nomos, 2019.
10. Jaspers M.B. Nachträgliche Rechtswahl im internationalen Schuldvertragsrecht: unter besonderer Berücksichtigung der Rechtspraxis in England, Frankreich, Dänemark und Deutschland / M.B. Jaspers // Saarbrucker Studien zum Privat- und Wirtschaftsrecht. Bd. 30. Frankfurt/M., Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2002.
11. Kagami K. Economic Analysis of Conflict-of-Laws Rules in Tort — Lex Loci Delicti Principle vs. Interest Analysis Approach / K. Kagami, T. Kono, Y. Nishitani // An economic analysis of private international law / eds. by J. Basedow, T. Kono, with G. Rühl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2006.
12. Kropholler J. Ein Anknüpfungssystem für das Deliktsstatut / J. Kropholler // Rabels Zeitschrift für ausländisches und Internationales Privatrecht. 1969. vol. 33. Iss. 4.
13. Mautzsch F. Party Autonomy in European Private International Law: Uniform Principle or Context-Dependent Instrument. Private International Law: Uniform Principle or Context-Dependent Instrument / F. Mautzsch // Journal of Private International Law. 2016. Vol. 12. Iss. 3.
14. Meyer O. Parteiautonomie bei Mehrrechtsstaaten / O. Meyer // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2019. Vol. 83. Iss. 4.
15. Rühl G. Die Kosten der Rechtswahlfreiheit: Zur Anwendung ausländischen Rechts durch deutsche Gerichte / G. Rühl // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. 2007. Vol. 71.
16. Schulte J. Schädigermehrheit im europäischen internationalen Deliktsrecht: Anknüpfung — Zurechnung — Regress / J. Schulte. Baden-Baden : Nomos, 2020.
17. Takeshita K. Critical Analysis of Party Autonomy: From a Theoretical Perspective / K. Takeshita // Japanese Yearbook of International Law. 2015. Vol. 58.
18. Vogeler A. Die freie Rechtswahl im Kollisionsrecht der außervertraglichen Schuldverhältnisse : Dissertationsschrift / A. Vogeler. Mohr Siebeck, 2013.
19. Wandt S. Rechtswahlregelungen im Europäischen Kollisionsrecht / S. Wandt. Frankfurt am Main : Peter Land GmbH, 2014.

Модели адаптации мигрантов в новом обществе: основные направления государственной политики

На психологическом уровне процесс приспособления проявляется в изменениях поведенческих стереотипов, возникновении новых особенностей самовосприятия и восприятия окружающей действительности, что в конечном итоге позволяет переселенцу комфортно чувствовать себя в новом социуме.

Как известно, существуют следующие модели социально-психологической адаптации мигрантов: модель полного исключения; модель дифференциального исключения (сегрегация); этническая (немецкая модель); ассимиляция; диссимиляция; республиканская (французская модель); интеграция; плюрализм (англосаксонская модель). Модели не существуют в чистом виде. Цели и политика страны или сообщества могут соответствовать одному из описанных подходов всегда и для всех иммигрантов, или различные подходы могут быть приняты для различных иммигрантов в различное время.

Понимание сути данных моделей очень важно для стран иммиграции, к которым относится и Россия, для разработки миграционной политики. На наш взгляд, они могут помочь в совершенствовании иммиграционной политики и традиционным странам иммиграции¹.

Модель полного исключения означает предотвращение въезда иммигрантов в страну. Хотя некоторые страны пробовали это делать, но никто из них не преуспел в выполнении такой задачи. Глобализационные процессы оказались более мощными, чем миграционная политика отдельных стран.

Примером данной модели являются дискриминация и институциональные барьеры на пути трудоустройства и других возможностей. Для того чтобы обойти их, некоторые группы иммигрантов образовали этнические анклавы.

Модель дифференциального исключения (сегрегация) — это ситуация, когда мигранты объединены временно в некоторые социальные подсистемы и включены только в некоторые области жизнедеятельности общества.

Такая форма, как *сегрегация*, характерна в основном для иммигрантов, которые проживают на территории чужого государства, не получая его гражданства (натурализация) и существу преимущественно в своей

¹ Юдина Т.Н. Модели миграционных процессов в условиях глобализации // Социальная политика и социология. 2003. № 4.

социокультурной среде, не осваивая новую для них культуру, не устанавливают устойчивых социальных связей.

В соответствии с этнической (немецкой) моделью, гражданская принадлежность основывается прежде всего на родстве («право крови»), а также на языковой, культурной и религиозной общности. По этой модели иностранные этнические общины рассматриваются как не подлежащие ассимиляции, и проводимая политика не ставит своей задачей превратить их в граждан страны.

В результате ассимиляции мигранты как бы растворяются в социокультурной среде принимающего общества, заимствуя его нормы, традиции. Ассимиляция мигрантов², другими словами — уподобление этнокультурной иммигрантской группе, является длительным поэтапным социальным и культурным процессом, причем является обязанностью прибывшего лица (односторонний процесс адаптации). Продуктом диссимиляции является поглощение мигрантами социокультурных начал принимающего общества.

В основу предоставления гражданства (натурализации) в республиканской (французской) модели положена идея присоединения к общественному договору («право почвы»). В этом случае все формы так называемой этнической модели вытесняются из сферы государственной в сферу частную, а целью политики является аккультурация, а затем и ассимиляция каждого иммигранта через школу и другие общественные институты.

Кроме брака, получение гражданства (натурализация) также является одним из наиболее важных факторов при ассимиляции. Во время дебатов по поводу принятия иммигрантов основное внимание уделяют не только количеству самих приезжих, но и процессам регистрации и, самое главное, получению гражданства, кому и каким образом оно должно быть присвоено или продлено. Например, будет ли оно распространяться на тех, кто приезжает нелегально? Разрешение на натурализацию иммигрантов может создать напряженность при ассимиляции. С одной стороны, те люди в США, которые выступают за прием иммигрантов, утверждают, что эти новые жители будут способствовать укреплению и обогащению демократического процесса. Тем не менее другие говорят, что природа и законность нации могут быть оспорены и, возможно, встать под угрозу³.

Интеграция не равна безусловной ассимиляции. Первое понятие подразумевает лишь включенность в общество, второе — растворение в нем. Большинство развитых стран наиболее оптимальным признается вариант

² Castles S., Davidson A. *Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging*. London, 2000.

³ Clark W. *Immigrants and the American Dream: Remaking the Middle Class*. New York : Guilford Press, 2003.

интеграции, когда при взаимном восприятии мигрантами и местным населением культур, традиций и норм поведения друг друга образуется новый социум, учитывающий в равной мере то, что привнесли на социально-психологическом уровне мигранты, и то, чем в этом отношении обладало местное население. Это своего рода *«плавильный котел»* (патерналистский или либеральный), когда на первый план выдвигается некая этническая солидарность: советский гражданин, гражданин США.

Плюрализм, или политкультурная (англосаксонская) модель, предполагает принятие групп иммигрантов как этнических сообществ, которые сохраняют свои отличия от коренного населения в отношении языка, культуры, социального поведения и объединений в нескольких поколениях. Плюрализм подразумевает, что иммигранты получают равные с гражданами права во всех сферах жизни общества при условии принятия ими ключевых ценностей данного общества. Мигранту даются лишь возможности, которыми можно воспользоваться или пренебречь. Примерами государств, где получила развитие поликультурная модель интеграции, являются Австралия, Канада, США⁴, Швеция.

Плюрализм выступает в двух основных разновидностях. Первая его разновидность — невмешательство, подход, допускающий культурное и религиозное разнообразие, но на уровне государственной политики не предполагающий поддержки этнических культур. Второй вариант — мультикультурная политика, которая подразумевает готовность большинства принять культурное отличие меньшинства и в соответствии с этим изменять социальное поведение и даже социальные структуры.

В результате появилась политика мультикультурализма — сначала в Канаде (1971 г.) и Австралии (1973 г.). Эти две страны имеют много общего в проявлениях мультикультурализма, а среди европейских стран ближе всего к ним находится Швеция. В Азии распространены различные формы мультирасизма и мультикультурализм (часто как результат колониального прошлого), но идея включения новых этнических групп или даже отдельных граждан как постоянных резидентов в существующую структуру распространения не получила.

Мультикультурализм подразумевает отказ от моногенности и монокультурности этнических государств. Это означает, что признаются права на культурное отличие и формирование сообществ иммигрантов, а также их социальные права, обеспечивается защита от дискриминации. Сегодня доминирует мнение, что культурные и социальные изменения, вызванные миграцией, — реальность, которая должна быть признана. И в этом заключается один из главных результатов воздействия иммиграции на общество

⁴ Gitlin T. The Twilight of Common Dreams: Why America is Wracked by Culture Wars. New York, 1995.

принимающих стран. Важно подчеркнуть, что процессы глобализации значительно ускоряют этот процесс. Поэтому мультикультурализм содержит идею первичной принадлежности к одному обществу и лояльности по отношению только к одному национальному государству.

Одним из главных инструментов успешной адаптации в сфере миграции представляется дифференцированный подход к государственной поддержке мигрантов и их расселению на новой территории. Например, не допуская компактных поселений китайцев на Дальнем Востоке, можно способствовать их большей адаптированности в местном социуме, снизив тем самым вероятность этнокультурных конфликтов⁵.

Важнейшим условием наиболее успешной адаптации мигрантов в новой социальной среде является возможность их *самореализации*. Эту мысль развивает В.В. Гриценко⁶. Автор провела ряд исследований среди соотечественников, переселившихся из стран СНГ в Волгоградскую и Саратовскую области. Результаты исследований показали, что мигранты, сумевшие самоактуализироваться и самореализоваться в новом обществе, успешно адаптировались и интегрировались в принимающую социальную среду.

В целом, основными *направлениями деятельности государства* по созданию наиболее приемлемых условий взаимной адаптации мигрантов и населения принимающей стороны являются:

- определение социально-политического статуса мигранта;
- способствование эффективному трудоустройству с целью дальнейшей самоактуализации мигранта;
- создание условий для взаимного изучения особенностей культуры и субкультуры мигрантов и принимающего населения (для внешних мигрантов — интенсивное изучение языка);
- максимальное включение в работу с участниками миграционного процесса психологов (создание центров психологической помощи);
- организация адаптационных центров взамен центров временного расселения мигрантов.

Наряду с рассмотренными выше направлениями совершенствования государственного регулирования миграционных процессов, воздействие на процессы социально-психологической адаптации участников миграций является одним из наиболее актуальных разделов современной миграционной политики России.

В качестве основных направлений регулирования миграций в Российской Федерации мы выделяем следующие: занятость и жилищное обеспечение в миграционной сфере; территориальное расселение мигрантов;

⁵ Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С. 93.

⁶ Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002.

информационное обеспечение миграционных процессов; социально-психологическая адаптация участников миграционных процессов.

Таким образом, анализируя различные модели взаимодействия обществ принимающих стран и иммигрантов, можно сформулировать следующие последствия:

— большая степень маргинализации иммигрантов и значительное разделение между ними и остальной частью населения наблюдаются в странах, где используется по преимуществу модель сегрегации, а не плюрализма;

— проявления расизма и антииммиграционные настроения широкое распространение получают в странах, строящих свою политику по принципу сегрегации или ассимиляции;

— высокая степень этнического, культурного и религиозного сепаратизма, а также политическая мобилизация господствующих политических структур наиболее широко представлена в странах, где господствует модель сегрегации.

Максименко С.В.,

ведущий специалист Аппарата ЦК Профсоюза
автомобильного и сельскохозяйственного машиностроения ФНПР,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России / В.В. Гриценко. Москва : Институт психологии РАН, 2002.
2. Дмитриев А.В. Конфликты миграции / А.В. Дмитриев, Н.С. Слепцов. Москва : Альфа-М, 2004.
3. Юдина Т.Н. Модели миграционных процессов в условиях глобализации / Т.Н. Юдина // Социальная политика и социология. 2003. № 4.
4. Castles S. Citizenship and Migration: Globalization and the Politics of Belonging / S. Castles, A. Davidson. London, 2000.
5. Clark W. Immigrants and the American Dream: Remaking the Middle Class / W. Clark. New York : Guilford Press, 2003.
6. Gitlin T. The Twilight of Common Dreams: Why America is Wracked by Culture Wars / T. Gitlin. New York, 1995.

Актуальные вопросы правосубъектности в международном праве (на примере Республики Сербии)

Двойные стандарты международного сообщества, политизация международных межправительственных организаций, нарушение базовых норм международного права, в том числе прав человека и международного гуманитарного права, приводят к текущим ситуациям и нарушению международного мира и безопасности. Когда нормы права не соблюдаются, повышается угроза разрешения проблем вооруженным путем.

Республика Сербия со своими сегодняшними границами существует с 2006 г., когда в результате народного референдума Черногория отделилась и распался Государственный союз Сербии и Черногории (Сербия и Черногория)¹, который был правопреемником последней Югославии — Союзной Республики Югославии, существовавшей с 1992 по 2003 г. Правопреемником Государственного Союза Сербии и Черногории является Республика Сербия (Сербия). Настоящая Конституция Республики Сербии, как наивысший правовой акт государства, была принята в 2006 г. Часть 7 Конституции регулирует территориальное устройство государства, а, в частности, ст. 182 содержит следующее положение: «В Республике Сербии есть автономный край Воеводина и автономный край Косово и Метохия... Территория автономных краев не может быть изменена без согласия их граждан, выраженного на референдуме, в соответствии с законом»². В данной научной статье внимание будет уделено автономному краю Косово и Метохия из-за текущих сложных обстоятельств, которые образовались на протяжении длительного периода и серьезных исторических событий.

Преамбула Конституции также содержит положение: «...провинция Косово и Метохия является неотъемлемой частью территории Сербии, что она занимает положение существенной автономии в рамках суверенного государства Сербия и что, исходя из такого положения, край Косово и Метохия соблюдает конституционные обязательства всех государственных органов для представления и защиты государственных интересов Сербии в Косово и Метохии во всех внутренних и внешних политических отношениях»³. Из приведенных положений можно сделать вывод, что Конституция Сербии

¹ Союз существовал с 2003 по 2006 г.

² Конституция Сербии // Сл. Гласник. 2006. Ст. 182.

³ Там же. Преамбула.

выступает защитником территориальной целостности республики. Важно отметить и ст. 114 Конституции, содержащую присягу, которую президент при вступлении в должность приносит перед Национальным собранием государства: «Клянусь, что посвящу все свои силы сохранению суверенитета и всей территории Республики Сербии, включая Косово и Метохию, как ее неотъемлемую часть, а также реализации прав и свобод человека и меньшинств, уважению и защите Конституции и законов, сохранению мира и благополучию всех граждан Республики Сербии и что я буду добросовестно и ответственно выполнять все свои обязанности»⁴. Здесь можно сделать вывод, что как сама Конституция, так и президент государства выступают в роли защитника суверенитета государства и каждая дискуссия о суверенитете и Конституции недопустима.

Вторым важным моментом необходимо назвать Резолюцию Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (далее — СБ ООН) 1244, принятую на 4011-м заседании СБ ООН 10 июня 1999 г. Резолюция гарантирует суверенитет и территориальную целостность Сербии. Можно сделать вывод, что международное право также выступает защитником суверенитета Сербии.

Необходимо привести и тот факт, что одним из учредителей ООН была Союзная Федеративная Республика Югославия (СФРЮ), правопреемником которой является Республика Сербия. Сербия стала членом ООН 1 ноября 2000 г. Разумеется, государство в организацию принято с четко определенными территориальными границами, что приводит нас к выводу, что каждая дискуссия об этом нарушает и противоречит не только Конституции Сербии, но и принципам ООН и международному праву в целом. Такой же пример можно привести и на региональном уровне, на примере Совета Европы.

Попович М.,

ассистент кафедры международного права Юридического института
Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(г. Москва)

⁴ Там же.

ESG-стандарты и национальные интересы России: детали

Закрепленные в **п. 3 ст. 55 Конституции РФ положения об основах конституционного строя, нравственности, здоровье, правах и законных интересах других лиц, обеспечении обороны страны и безопасности государства** в полной мере перекрывают перечисленные в Указе Президента РФ национальные интересы России¹. **Эти положения Конституционный Суд РФ называет публичными интересами / конституционно значимыми ценностями**².

Критерии ESG были впервые сформулированы в 2004 г. в качестве рекомендаций для социально ориентированных инвесторов. ESG-рейтинги стали популярны шестью годами позже, а с 2015 г. такие оценки стали активно использоваться инвесторами. Сама по себе аббревиатура ESG, составленная из правильных слов об экологических, социальных и управленческих аспектах, не вызывает отторжения или какого-то негатива, если не вникать в содержание, вкладываемое в эти стандарты на Западе. В качестве цели учета ESG-факторов предполагается так называемое устойчивое развитие, предполагающее такую деятельность компаний, которая отвечает потребностям общества, но при этом позволяет не наносить ущерб планете. Зачастую понятия ESG и «устойчивое развитие» используются как синонимы. Основная задача приверженцев ESG — сохранить ресурсы для следующих поколений.

В рамках первого стандарта ESG (Environment — защита окружающей среды) из всех видов источников загрязнения окружающей среды (*биологическое, химическое, физическое, механическое*)³ в качестве главного загрязнителя... выбран выброс промышленного углерода в атмосферу. В результате хорошо организованной международной политической кампании ведущие страны мира подписали Киотский протокол (1997), призывающий к сокращению выбросов в атмосферу так называемых парниковых газов, и прежде всего главного из них — углекислого газа. Протокол этот исходит из предположения, что эти газы приводят к увеличению парникового эффекта

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² См., напр.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ В мае 2018 г. Президент России Владимир Путин подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Одним из инструментов достижения этих целей стал нацпроект «Экология». Ему соответствуют три основные задачи: ликвидация нелегальных свалок, увеличение с 20 до 90% доли водоканалов, использующих перспективные технологии водоподготовки, и ежегодное восстановление 1,5 млн га леса на месте вырубленного.

и потеплению климата Земли. Между тем и в западной науке (петиция американских ученых о глобальном потеплении» 1998 г.)⁴, и в отечественной науке (официальное заявление Российской академии наук в 2004 г.)⁵ отмечается, что *теория, лежащая в основе Киотского протокола, не имеет научного обоснования*. Указывается, что она по своей сути противоречит физике природных процессов и совершенно неверно объясняет влияние на климат антропогенных воздействий. Колебания климатических температур в первую очередь связаны с колебаниями солнечной активности, а не с выбросами углерода. Важно отметить, что эту иную точку зрения на выбросы углерода сторонники Киотского протокола не опровергают, научные доводы, указанные в петиции американских ученых, — не оспаривают. Главный акцент «критики» сводится к недостоверности нескольких подписей, которых в петиции больше десяти тысяч. Такой прием относится к разряду наиболее используемых средств манипуляции — подмене понятий. Вместо «неудобного» научного факта о солнечной активности, влияющей на климат, вставляется «удобный» — не все подписи участников петиции верны. Уход сторонников теории потепления от научной дискуссии еще раз доказывает, что данная теория не имеет обоснованного подтверждения.

В декабре 2012 г. на Всемирной климатической конференции ООН Россия вышла из Киотского соглашения. Крупнейшие по объему выбросов страны (США, Китай и Индия) вообще никогда не брали на себя обязательств по Киотскому протоколу⁶. По Парижскому соглашению Россия должна достичь к 2030 г. выбросов парниковых газов не более 70% от уровня 1990 г. В 2022 году уровень выбросов парниковых газов из России составил всего 64,9% от уровня 1990 г.

При этом на Западе не скрывают, что декарбонизация (процесс перехода к низкоуглеродной экономике) служит инструментом конкурентной борьбы против российских компаний (обзор Ernst & Young, далее — EY). Предложенный механизм декарбонизации экономики, говорится в обзоре EY, не соответствует нормам ВТО, «но ЕС намерен сгладить данный риск в финальном документе». И в целом такая практика будет распространяться и дальше — прогнозирует EY: «Все чаще в США заявляют об интересе к инструменту климатического регулирования импорта. В целом в рамках сложившейся модели рынка “ни России, ни другим странам СНГ декарбонизация невыгодна, особенно на этапе постковидного восстановления экономик... Да, можно говорить о несправедливых правилах конкуренции”, — признают авторы обзора». «Планируемое к внедрению в ЕС с 2023 г. трансграничное углеродное

⁴ Oregon Petition. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Oregon_Petition

⁵ Официальное заключение РАН: Киотский протокол не отвечает интересам России // Известия. 2004. 18 мая.

⁶ Городницкий А. Конец мифа о глобальном потеплении // Регнум. 2019. 28 сентября.

регулирование, по сути, новый налог на импортируемую продукцию и направлено на “защиту европейских производителей на фоне роста климатической нагрузки на них, а также сбор средств для дополнительного финансирования процесса декарбонизации”...»⁷. Трансграничный углеродный налог — это серьезная нагрузка для российской экономики, так как, по ряду оценок, Россия занимала в 2022 г. второе место в мире после Китая по величине углеродоемкого экспорта в ЕС. В Китае, занимающем первое место в мире по размерам выбросов CO₂ (на втором США, на третьем Индия), оценивают механизм декарбонизации экономики, активно продвигаемый Западом, как «новый торговый протекционизм», известный также как «гиперторговый протекционизм» или «новый меркантилизм». Сторонники нового торгового протекционизма считают, что экологические и ресурсные затраты должны быть включены в стоимость любого продукта и рассчитываться на основе международных экологических стандартов. Это тщательно спроектированный и построенный Западом зеленый барьер — указывается в источнике⁸.

По данным Росстата, доходы от углеводородов (нефти и газа) в федеральном бюджете в последние годы занимают намного более существенную долю, чем ранее. Из закона о бюджете на 2022–2024 гг. следует, что в 2022 г. поступления от этого сектора обеспечили 38% всех доходов (9,5 трлн руб. при общих поступлениях 25 трлн руб.). Таким образом, первый стандарт ESG, обеспечивающий декарбонизацию экономики, не связан с задачами охраны окружающей среды, поставленными Президентом России, несет угрозу таким конституционно значимым ценностям / национальным интересам страны, как суверенитет, безопасность и обороноспособность России.

Второй стандарт ESG (Social — социальная сфера) в своем текущем виде имеет специфику, малосовместимую с принципами развития здорового (в нашем, российском понимании) общества, включая **гендерные извращения, выдаваемые за новые нормы**. Первоначально в основе (Social) лежа-

⁷ См.: Волобуев А., Катков М., Подлинова А. Декарбонизация как инструмент конкурентной борьбы против российских компаний // Ведомости. 2021. 15 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2021/06/14/874114-dekarbonizatsiya-posluzhit>; Волошин И.В., Назарова О.Е. Низкоуглеродное развитие энергетики: угрозы для России и возможности их преодоления // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2. С. 5–15.

⁸ «При этом западные страны реализуют международные договоры только в том случае, если они отвечают их собственным национальным интересам, и часто ставят внутренние законы выше международными договоров. Например, согласно разделу “301” Закона США о торговле, Соединенные Штаты могут вводить односторонние торговые санкции против “несправедливой” и “необоснованной” торговой деятельности со стороны зарубежных стран. В последние годы, для того чтобы защитить свои собственные торговые интересы, Соединенные Штаты неоднократно активировали или угрожали активировать это положение для разрешения торговых споров, открыто оспаривая соответствующие правила ВТО, нанося серьезный ущерб авторитету ВТО и регулируя взаимосвязь между внутренним законодательством и международным правом для других стран». См.: 新贸易保护主义 [=Новый торговый протекционизм]. URL: <https://www.eservicesgroup.com.cn/news/80431.html>

ли принципы, разработанные Леоном Салливаном (член правления General Motors в США) в 1977 г. против режима апартеида, для ведения бизнеса с Южной Африкой. Основным в принципах Салливана являлось увеличение числа чернокожих и других «цветных» людей на руководящих должностях и др. На сегодняшний день в (Social) ESG западных рейтингов включаются еще и такие показатели, как гендер и ЛГБТ. Указанные половые перверсии изначально были спланированы на Западе как один из методов сокращения рождаемости⁹. В данный момент показатели «гендер» и «ЛГБТ», в частности, есть в правилах листинга одной из ведущих бирж мира NASDAQ. Компании, чьи акции торгуются на этой площадке, должны иметь в совете директоров минимум одну женщину и представителя недопредставленного меньшинства или ЛГБТ¹⁰. К критериям (Social) уже добавляются и так называемые репродуктивные права (право на законный и безопасный аборт, право на контроль над рождаемостью и др.)¹¹. Любая идея фикс может существовать сколь угодно долго, если она пропагандируется, спонсируется и получает подтверждение со стороны международных и государственных структур. Содержание второго западного стандарта ESG несет угрозу конституционно значимым ценностям / национальным интересам, связанным с нравственностью, здоровьем населения, противоречит определенному президентом России смыслу российской политики, заключающейся «в сбережении людей, умножении человеческого капитала, как главного богатства России»¹² и обнародованной Президентом РФ В.В. Путиным программе «сбережения и умножения людей в России»¹³.

Третий стандарт ESG (Governance — управление). К данному пункту относятся открытость и прозрачность ведения бизнеса, его эффективное

⁹ В 1969 году в своем обращении к Конгрессу президент Никсон назвал рост населения «одной из самых серьезных проблем для судьбы человечества» и призвал к неотложным действиям. В том же году вице-президент Международной федерации планирования семьи (МФПС) Фредерик Яффе издал меморандум, в котором «поощрение роста гомосексуализма» числилось как один из методов сокращения рождаемости. Денежные вливания Мура и Рокфеллера активизировали политическую кампанию за признание гомосексуализма нормальным и желанным образом жизни. 17 мая 1990 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) вслед за Американской психиатрической ассоциацией исключила гомосексуальность из Международной классификации болезней (МКБ). 12 июля 2022 г. ВОЗ сделала официальное заявление, что «пол не ограничивается только мужским и женским» и организация собирается «обновить свое руководство по учету гендерной проблематики». URL: <https://pro-lgbt.ru/295/>

¹⁰ Чекурова М.В. В чем смысл требования NASDAQ включать в советы директоров женщин или представителей меньшинств. URL: https://raexpert.ru/press/articles/chekurova_vtimes_dec2020/

¹¹ См.: Отчет Thomson Reuters: ESG как бойкот (ESG as boycott. Thomson Reuters. 31 May 2023). URL: <https://www.thomsonreuters.com/en-us/posts/esg/state-laws/>

¹² «Смысл всей нашей политики — это сбережение людей» // Известия. 2016. 2 декабря. URL: <https://iz.ru/news/648918>

¹³ Указ Президента Российской Федерации 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // СПС «КонсультантПлюс».

структурирование и организация, ведение бизнеса в соответствии с современными требованиями, к которым относятся, по сути, два указанных выше стандарта (Environment и Social). Предлагаемый Западом формат (перечень вопросов) нефинансовой отчетности¹⁴ и раскрытие компаниями указанной информации в сети Интернет несут угрозу таким конституционно значимым ценностям / национальным интересам, как обороноспособность и безопасность. Информация, размещенная в Сети, позволяет западным спецслужбам легко получить сведения о предприятиях России, обеспечивающих обороноспособность и безопасность страны. В период ведения Западом опосредованной войны (проху war) с Россией к указанным предприятиям относится большинство российских предприятий. Информация, связанная с социальными факторами (нарушение трудовых прав работников, соблюдение прав человека, борьба с коррупцией, коммерческим подкупом и подкупом иностранных должностных лиц, вопросы взаимодействия с коренными малочисленными народами и проч.), всегда используется западными спецслужбами для вербовки, разжигания социальных и национальных конфликтов и т.п.¹⁵

Механизм работы стандартов ESG заключается в том, что различным публичным компаниям даются очки ESG на основании таких параметров, как подсчет меньшинств и женщин, находящихся в правлении компании, продвижение повестки ЛГБТ, подсчет количества углерода, производимого их цепочкой поставок и т.д. Пользуясь этими характеристиками, основанными на разнообразии, равенстве, инклюзивности и подчинении так называемым «климатическим стандартам», компании даются очки рейтинговым ESG-агентствами (Bloomberg, S&P Dow Jones Indices, JUST Capital, MSCI, Refinitiv и др.). Эти очки ESG определяют количество инвестиционного капитала, доступного компании. Единого подхода к формированию рейтинга нет. Все агентства анализируют открытые данные о компаниях, но считают баллы по-разному. Поэтому ESG-рейтинги разных агентств могут сильно различаться. Казалось бы, какое отношение к российской реальности имеют надуманные, вредные для России ESG-стандарты? Тем не менее за 20 лет движение ESG преврати-

¹⁴ Рекомендации Банка России по учету ESG-факторов (Приложение к письму Банка России от 12 июля 2021 г. № ИИ-06-28/49 «О рекомендациях по раскрытию публичными акционерными обществами нефинансовой информации, связанной с деятельностью таких обществ»). URL: http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/117620/20210712_in-06-28_49.pdf

¹⁵ Так, например, «в перечень заинтересованных лиц для целей раскрытия нефинансовой информации рекомендуется, где это возможно, включать: акционеров; инвесторов; работников; потребителей; поставщиков; местные сообщества; органы власти; социальных партнеров (например, профсоюзы и объединения работодателей), гражданское общество; иных лиц, которые, по мнению Общества, могут являться заинтересованными лицами». (Там же. С. 11–12, 18). Указанный перечень представляет собой готовый и исчерпывающий список лиц, которые могут быть информаторами в данной сфере. Этот подход известен очень давно, является азбукой не только для работников спецслужб, но и для сотрудников безопасности компаний. См., например: Ронин Р. Своя разведка. Раздел 2: Краткая характеристика источников информации. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/005/125/014.htm>

лось в глобальное явление. Главным фактором здесь является предоставление инвестиционных активов на сумму более 30 трлн долл. США. Основным стимул для компаний — возможность доступа к дешевым финансовым ресурсам США, Канады и стран ЕС, в том числе средствам пенсионных фондов.

Вывод: Национальные приоритеты социально-экономического развития России должны быть основаны на конституционно значимых для России ценностях, а не на навязываемом Западом «порядке, основанном на правилах». Запад, предлагающий такие правила, сразу же предусматривает для себя не только обход, но и фору в этих правилах¹⁶. «Эти правила, — отмечает президент РФ В.В. Путин, — используются в корыстных целях и меняются когда угодно и как угодно в соответствии с интересами отдельных стран. По сути, это тот же колониализм, только в новой упаковке... И современные колонизаторы, прикрываясь лозунгами демократии и прав человека, продолжают решать свои проблемы за чужой счет, беззастенчиво выкачивая ресурсы из развивающихся стран»¹⁷.

Колониальные схемы (в том числе и стандарты ESG), используемые Западом против других стран, всегда представляют собой одну и ту же нехитрую комбинацию: «стеклянные бусы туземцам» в обмен на реальные богатства. В качестве современных «бус» сейчас выступает печатаемый в США доллар, которым Запад обеспечивает любые свои проекты.

Шулаков А.А.,

доцент кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Волобуев А. Декарбонизация как инструмент конкурентной борьбы против российских компаний / А. Волобуев, М. Катков, А. Подлинова // Ведомости. 2021. 15 июня.
2. Волошин И.В. Низкоуглеродное развитие энергетики: угрозы для России и возможности их преодоления / И.В. Волошин, О.Е. Назарова // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2.
3. Городницкий А. Конец мифа о глобальном потеплении / А. Городницкий // Репнум. 2019. 28 сентября.
4. Григорьев А. Путин выступил с обвинением в адрес «золотого миллиарда» / А. Григорьев, А. Юнашев // LIFE. 2023. 24 августа.
5. Ронин Р. Раздел 2. Краткая характеристика источников информации / Ронин Р. Своя разведка / Р. Ронин. Минск : Харвест, 1997.
6. Чекурова М.В. В чем смысл требования NASDAQ включать в советы директоров женщин или представителей меньшинств / М.В. Чекурова // Эксперт РА. URL: https://raexpert.ru/press/articles/chekurova_vtimes_dec2020/

¹⁶ Так, например, покупка квот по Киотскому протоколу, предусматривающая дисбаланс между богатыми индустриальными и не индустриальными государствами, еще и навязывает не западным странам действующие на Западе стандарты.

¹⁷ Путин выступил с обвинением в адрес «золотого миллиарда» // LIFE. 2023. 24 августа.

Право человека на свободный репродуктивный выбор, репродуктивное самоопределение, свободу и безопасность личности

Репродуктивные права являются одними из фундаментальных международно признанных прав человека. Они регулируются как на международном уровне, так и на уровне российского права. На международном уровне репродуктивные права закреплены в следующих источниках: в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека, ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и т.п.

Обратим также внимание на иные источники международного права, закрепляющие репродуктивные права: Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция против пыток, Конвенция о правах ребенка, Конвенция о правах инвалидов, Декларация о правах коренных народов, Декларация о ликвидации насилия в отношении женщин, Римский статут Международного уголовного суда, Специальная декларация Генеральной Ассамблеи ООН по ВИЧ / СПИД, Заявление Генеральной Ассамблеи ООН по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности, Пекинская платформа действий в 1995 г. Четвертой Всемирной конференции по положению женщин.

Отдельные вопросы реализации репродуктивных прав находят свое отражение в Декларации «Об использовании научно-технического прогресса в интересах мира и во благо человека» (вопросы использования вспомогательных репродуктивных технологий), Всеобщей декларации от 11 ноября 1997 г. «О геноме человека и правах человека», Европейской конвенции от 4 апреля 1997 г. «О защите прав и достоинств».

Кроме того, вопросы относительно регулирования репродуктивных прав находили свое отражение в итоговых документах международных конференций. Например, в ст. 16 Воззвания, принятого по итогам Международной конференции по правам человека (Тегеран, 1968 г.), указано, что «защита семьи и ребенка продолжает вызывать озабоченность международного сообщества. Родители обладают неотъемлемым правом свободно и с чувством ответственности определять число детей и сроки их рождения». Согласно ст. 12 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин закреплено равенство доступа мужчин и женщин к медицинскому обслуживанию, в том числе и участию в планировании размера семьи.

Аналогичные положения были закреплены по итогам конференций в Бухаресте (1974 г.), Мехико (1985 г.), Каире (1995 г.).

Репродуктивные права непосредственно в Российской Федерации регулируются и защищаются Конституцией РФ, Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», Семейным кодексом РФ, Трудовым кодексом РФ, Уголовным кодексом РФ и т.д.

Источником регулирования репродуктивных прав в России также можно назвать приказ Министерства здравоохранения РФ от 26 февраля 2003 г. № 63 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии мужского и женского бесплодия». Можно также обратить внимание и на Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года».

Так, в частности, согласно ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Репродуктивное здоровье в том числе является составляющей данного права.

Несмотря на достаточно большое количество источников, закрепляющих репродуктивные права, их понятие является многоаспектным и включает в себя как медико-социальные, так и юридические аспекты.

В юридическом контексте репродуктивные права — это права граждан на охрану их репродуктивного здоровья и свободное принятие решений в отношении рождения или отказа от рождения ребенка в браке или вне брака, а также на медико-социальную информированную и консультативную помощь в этой сфере. Говоря кратко, репродуктивные права — это часть личных, неотчуждаемых прав, непосредственно связанных с воспроизводством человека.

В целом впервые понятие «репродуктивные права» нашло свое закрепление на каирской Международной конференции ООН по народонаселению и развитию: **под репродуктивными правами было предложено понимать права супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственные решения относительно числа своих детей, интервалов между их рождением, времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами, а также право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой-либо дискриминации, принуждения и насилия.**

Понятие репродуктивных прав **в юридической доктрине** в настоящее время не является однозначным и дифференцируется в зависимости от позиции конкретного исследователя. Так, **О.А. Хазова** понимает под репродуктивными правами право свободно принимать ответственное решение относительно количества детей, интервалов между их рождениями и времени

их рождения, право доступа к необходимым для этого информации и средствам, право достигать высших стандартов сексуального и репродуктивного здоровья, включая право принимать решения по вопросам, касающимся репродуктивного поведения в условиях отсутствия дискриминации, принуждения и насилия¹.

В свою очередь **Г.Б. Романовский** делает акцент на условности понятия «репродуктивные права» и отмечает, что в данной сфере релевантным является использование таких категорий, как «регулирование репродуктивной деятельности», «репродуктивное здоровье», «репродуктивные возможности»².

Так, например, **К.Н. Свитиев** определяет репродуктивные права как комплекс общечеловеческих прав и свобод, обеспечивающий реализацию основополагающего неотчуждаемого права человека на продолжение рода — вне зависимости от пола, национальности, семейного положения и состояния здоровья, включая право на охрану репродуктивного здоровья, использование вспомогательных репродуктивных технологий³.

Отсутствие четкого понимания термина «репродуктивные права» представляет собой проблему в рассматриваемой в настоящем исследовании сфере. Отсутствие единого закреплённого понятия «репродуктивные права» приводит к большому количеству трактовок, что отдаляет потенциальную возможность их четкого определения для целей дальнейшего исследования. Вероятно, мы можем и не говорить о таком термине, используя только «регулирование репродуктивной деятельности», «репродуктивное здоровье», «репродуктивные возможности», соответственно возникает вопрос в целом о релевантности использования обобщающего понятия «репродуктивные права».

Содержание данного права выражается в том, что это право всех супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и временем их рождения, право на решение вопроса о вступлении или невступлении в брак, создании семьи и ее планировании. Сюда также можно отнести вопрос о сохранении/прерывании беременности, поскольку это репродуктивное право только женщины и оно способствует реализации ее права на свободный репродуктивный выбор.

¹ Хазова О.А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4. С. 16.

² Романовский Г.Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья : монография. М. : Проспект, 2018. 216 с.

³ Свитиев К.Н. Нужен ли закон о ВРТ? Вспомогательные репродуктивные технологии и их правовое регулирование // Национальная идентичность России и демографический кризис : материалы II Всероссийской научной конференции. М. : Научный эксперт, 2008. С. 821.

В содержание данного права также можно включить свободу граждан на реализацию своей половой и репродуктивной жизни, если это не угрожает их здоровью и здоровью других лиц, а также невозможность принуждения к сексуальным отношениям, аборту, недопустимость применения принудительной стерилизации.

Проблема абортов, как инструмента реализации репродуктивных прав, в настоящее время стоит остро перед мировым сообществом. Рассмотрим пример из США — Закон штата Техас от 1 сентября 2021 г. «О сердцебиении», который подразумевает сужение репродуктивных прав женщины, связанных со свободой репродуктивного выбора (аборт). В другом штате, Арканзас, вступил в силу Арканзасский акт по защите человеческой жизни 2019 г. Он запрещает аборты во всех случаях, кроме тех, когда жизнь матери под угрозой. За проведение или попытку проведения процедуры медработники могут получить до 10 лет тюрьмы и/или штраф в размере 100 000 долл.

Проблема автономии беременной женщины и права плода на жизнь.

Согласно преамбуле Конвенции ООН о правах ребенка, «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в надлежащей правовой защите, как до, так и после рождения». В соответствии со ст. 1 конвенции, «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее».

При этом, если мы обратимся к российскому законодательству, в п. 1 ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия. В Российской Федерации возможность сделать аборт прямо регламентирована Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: на сроке до трех месяцев — полное право женщины, при наличии негативных социальных факторов — срок ограничивается до 22 недель, при наличии медицинских противопоказаний — аборт возможен на любом сроке беременности.

Здесь возникает определенная дихотомия: с одной стороны, нет легального определения, с какого момента эмбрион считается ребенком и охраняется правом, соответственно, до какого момента у женщины есть право прервать беременность и с морально-этической точки зрения это не будет считаться, в частности, убийством. Следовательно, в данном аспекте потенциально усматривается ограничение права женщины на свободный репродуктивный выбор. СПОРНО???

К содержанию данного права можно отнести также и право на посмертную репродукцию. Данный вопрос, как указывается в литературе, касается права распоряжения гаметой после смерти «доноров» биоматериала, права на посмертный забор и использование генетического материала, права распоряжения эмбрионами после смерти одного или двух родителей, а также установления происхождения и защиты имущественных интересов «посмертных» детей. Данные вопросы фактически действующим законодательством никак не регламентируются. В частности, наиболее остро стоит вопрос регистрации «посмертных» детей, например, их наследственных прав и т.п.

Внимание также следует обратить и на репродуктивные права мужчин. В частности, проблема «юридического аборта»: женщина имеет право на прерывание беременности, в то время как мужчина не может отказаться от нежелательной беременности, или право мужчины отказаться от своего нерожденного ребенка. Фактически «юридический аборт» способствует уравниванию мужчин и женщин в репродуктивных правах, однако недостаточная проработка указанного явления на данном этапе не может свидетельствовать о том, что итоговое равенство между репродуктивными правами мужчины и женщины было достигнуто.

Брюхина Е.Р.,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Пермского филиала Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (ГТУ ВШЭ),
кандидат юридических наук, доцент
(г. Пермь)

Литература

1. Романовский Г.Б. Правовая охрана материнства и репродуктивного здоровья : монография / Г.Б. Романовский. Москва : Проспект, 2018.
2. Свити́ев К.Н. Нужен ли закон о ВРТ? Вспомогательные репродуктивные технологии и их правовое регулирование / К.Н. Свити́ев // Национальная идентичность России и демографический кризис : материалы II Всероссийской научной конференции (г. Москва, 15 ноября 2007 г.) / ответственный редактор С.С. Сулакшин. Москва : Научный эксперт, 2008.
3. Хазова О.А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования / О.А. Хазова // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. № 4 (33).

Правовые средства охраны интересов заемщика, призванного на военную службу по мобилизации, принимающего участие в СВО, членов его семьи и иных лиц по кредитному договору

В связи с постоянно изменяющейся обстановкой на геополитической арене, участием Российской Федерации с 2022 г. в специальной военной операции (далее — СВО), актуальными становятся меры, вводимые законодателем для охраны интересов лиц, участвующих в СВО и являющихся заемщиками по кредитным договорам. Кроме того, из анализа принятого в последнее время законодательства усматривается, что порой наличие статуса участника СВО позволяет иметь куда более льготные условия исполнения кредитного обязательства, чем для среднестатистического физического лица в гражданском обороте, тем самым охраняя интересы должника по взятым на себя обязательствам. Кроме того, под защиту интересов должника в некоторых случаях попадают и члены его семьи, а также лица, которые по закону к ним не относятся.

Рассматривая поставленный в статье вопрос, необходимо определиться с понятием интереса должника в обязательстве, раскрыв его доктринально.

Под интересом должника в обязательстве понимается общественное отношение, вызванное необходимостью в материальных и нематериальных благах, обеспечивающих условия нормальной жизнедеятельности носителя интереса. Интерес, получивший закрепление путем наделения его носителя субъективными гражданскими правами, юридическими обязанностями или признанием за ним законного интереса, становится объектом гражданско-правовой охраны (охраняемым интересом)¹. При этом должник вправе использовать правовые средства обеспечения своего интереса, в частности, присущее ему охранительное субъективное право как носителя интереса, которое может быть выражено путем обращения за судебной защитой, административной защитой, а также самозащитой.

Правовая охрана возможна посредством правоохранительной деятельности государственных органов и иных субъектов, направленной на создание условий реализации интереса, пресечение нарушений и устранение

¹ См.: Гаймалеева А.Т. Гражданско-правовая охрана интереса должника в договорном обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 170 с.

последствий от нарушения. Правовыми средствами такой деятельности являются инструменты, закрепленные в соответствующих правовых нормах. Следует поддержать предложенное Н.А. Бариновым понимание правовых средств как юридических возможностей, заложенных в нормах гражданского права и его отдельных институтах, используемых в процессе их реализации в целях обеспечения имущественных и неимущественных потребностей граждан и организаций².

В целях, помимо прочего, обеспечения охраны интересов заемщиков, находящихся на СВО, законодателем был принят Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — № 377-ФЗ)³. Указанный закон предоставляет категориям заемщиков, перечисленных в ст. 1, определенные правовые средства охраны их интереса и интересов членов их семьи, связанные с исполнением ими кредитных обязательств.

При этом под заемщиками закон понимает:

1) лицо (в том числе индивидуального предпринимателя), призванного на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации и заключившее с кредитором до дня мобилизации кредитный договор (договор займа), в том числе кредитный договор (договор займа), обязательства по которому обеспечены ипотекой (далее — кредитный договор);

2) лицо, проходящее военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации по контракту, или лицо, находящееся на военной службе (службе) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в воинских формированиях и органах, указанных в п. 6 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», при условии его участия в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей, заключившие с кредитором до дня участия лица в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей (далее — специальная военная операция) кредитный договор;

² См.: Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов, 1987. С. 64.

³ Федеральный закон от 7 октября 2022 г. № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

3) лицо (в том числе индивидуального предпринимателя), заключившее контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, и заключившее с кредитором до дня подписания контракта кредитный договор;

4) члены семьи лиц, указанных в п. 1–3 настоящей части (далее — военнослужащие), определенные в соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»⁴ (далее — члены семьи военнослужащего), заключившие кредитный договор в период до возникновения у военнослужащего, членом семьи которого они являются, обязательств, указанных в п. 1–3 настоящей части.

Следует отметить, что законодатель распространил положения ст. 1–3 Федерального закона № 377-ФЗ на лиц, проходящих службу в управлениях (отделах, службах, отрядах) федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности по пограничной службе (в пограничных органах) на территории Российской Федерации, обеспечивающих проведение специальной военной операции, и членов их семей, определенных в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

К членам семей военнослужащих, в силу указания п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», отнесены супруги (супруг); несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; лица, находящиеся на иждивении военнослужащих.

Также законодатель, прямо указав это в ст. 7.4 Федерального закона от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа»⁵, распространил нормы ст. 3 Федерального закона № 377-ФЗ, касающиеся исполнения документов, направленных на возврат просроченной задолженности по кредитному договору (договору займа), на общества с ограниченной ответственностью, единственный участник и руководитель которого мобилизован. Указанное свидетельствует о том, что единственный участник и руководитель ООО так-

⁴ Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.10.2023).

⁵ Федеральный закон от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.10.2023).

же входит в круг субъектов, которые подпадают под действие № 377-ФЗ, несмотря на отсутствие прямого указания на него в ст. 1.

Поскольку законодатель в № 377-ФЗ указал на конкретную норму — ст. 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»⁶, отражающую правовой статус кредитора при участии в обязательствах, стороной которого являются военнослужащий и члены его семьи, можно сделать вывод о том, что под действие № 377-ФЗ подпадают только те типы договоров займа, которые были взяты физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или членами семьи военнослужащего исключительно в потребительских целях, не связанных с предпринимательской деятельностью.

В случае, если кредитный договор (заем) был взят военнослужащим в целях осуществления предпринимательской деятельности, подлежат применению нормы Федерального закона от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и соответствующие ему иные средства охраны интереса кредитора.

При этом, для того чтобы военнослужащий имел возможность охранять свои интересы правовыми средствами, отраженными в Федеральном законе № 377-ФЗ, необходимо соблюдение одновременно совокупности условий:

1. Определить, является ли лицо военнослужащим в понимании № 377-ФЗ. Если лицом, интерес которого подлежит охране, является член семьи военнослужащего, то следует проверить, входит ли член семьи в перечень таковых, установленных п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (супруга (супруг); несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; лица, находящиеся на иждивении военнослужащих).

2. Установить, в каких целях военнослужащим или членами его семьи был взят кредит — в потребительских или в целях осуществления кем-либо из них предпринимательской деятельности.

Согласно положениям п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», потребительский кредит (заем) — денежные средства, предоставленные кредитором заемщику на основании кредитного договора, договора займа, в том числе с использованием электронных средств платежа, в целях, не связанных

⁶ Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.10.2023).

с осуществлением предпринимательской деятельности. В случае установления факта взятия кредита на предпринимательские цели военнослужащих и члены его семьи не могут быть защищены нормами указанного № 377-ФЗ.

3. Установить, что кредитный договор был заключен военнослужащим до дня участия в СВО, до дня мобилизации либо до дня подписания контракта либо членами семьи военнослужащего до наступления указанных событий.

Иной момент заключения кредитного обязательства свидетельствовал бы о злоупотреблении военнослужащим или его членами семьи правами, предусмотренными положениями № 377-ФЗ.

Какими же правовыми средствами, отраженными в № 377-ФЗ, охраняются интересы военнослужащих как заемщиков по потребительским кредитам (займам) и членов их семей?

1. Возможностью заемщика в любой момент в течение времени действия кредитного договора, но не позднее 31 декабря 2023 г. обратиться к кредитору с требованием об изменении условий кредитного договора, предусматривающим приостановление исполнения заемщиком и всеми лицами, участвующими в обязательстве на стороне заемщика, своих обязательств на льготный период — то есть за предоставлением кредитных каникул с 21 сентября 2022 г. либо с даты направления требования заемщика кредитору.

2. Законодатель дает возможность заемщику обратиться к кредитору способом, не установленным в договоре как согласованный сторонами способ изменения обязательства, признавая тем не менее такой способ с учетом сложившейся обстановки законным. При направлении требования об изменении кредитного договора заемщик вправе осуществить направление способом, предусмотренным кредитным договором для взаимодействия заемщика и кредитора, а также (если это не предусмотрено кредитным договором) с использованием средств подвижной радиотелефонной связи по абонентскому номеру подвижной радиотелефонной связи, информация о котором предоставлена кредитору заемщиком.

3. Ограниченный срок рассмотрения требования. Кредитор должен рассмотреть требование заемщика об изменении условий договора — срок, не превышающий 10 дней, и устанавливает обязанность сообщить заемщику об изменении условий кредитного договора также в пределах этого срока.

4. Презумпция согласия кредитора на изменение условий договора в связи с кредитными каникулами военнослужащего. Закон устанавливает, что если уведомление об изменении договора от кредитора в течение 15 дней после дня направления требования не получено заемщиком либо не получен отказ в удовлетворении требования заемщика с указанием причины отказа, то льготный период считается установленным со дня направления

заемщиком требования кредитору, если иная дата начала льготного периода не указана в требовании заемщика (п. 12 ст. 1 № 377-ФЗ).

5. Сниженная процентная ставка в срок действия льготного периода. Начисляются проценты по процентной ставке, равной двум третям от рассчитанного и опубликованного Банком России в соответствии с ч. 8 ст. 6 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» среднерыночного значения полной стоимости потребительского кредита (займа) в процентах годовых, установленного на день направления заемщиком требования, но не выше процентной ставки, предусмотренной условиями кредитного договора, действовавшими до установления льготного периода (есть исключения).

6. Прекращение обязательства по кредитному договору и погашение уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, обеспечивающим функционирование накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» в случае гибели (смерти) военнослужащего, если он погиб (умер) при выполнении задач в период проведения специальной военной операции либо позднее указанного периода, но вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) или заболевания, полученных при выполнении задач в ходе проведения специальной военной операции, или в случае объявления судом военнослужащего умершим, а также в случае признания военнослужащего инвалидом I группы в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

7. Обращает на себя внимание распространение средств защиты интереса военнослужащих не только на членов семьи, перечисленных в п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (супруга (супруг); несовершеннолетние дети; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; лица, находящиеся на иждивении военнослужащих), но и на иной круг лиц — на совершеннолетних детей, родителей или усыновителей военнослужащего, участвующих в обязательстве по кредитному договору на стороне заемщика. Так, в случае гибели (смерти) военнослужащего обязательства вышеуказанных членов семьи военнослужащего, а также иных перечисленных ранее лиц в отношении заключенных ими кредитных договоров прекращаются.

8. Приостанавливается исполнительное производство на основании п. 3 ч. 1 ст. 40 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», при этом данная норма действует и в отношении членов семьи военнослужащего.

9. Приостановление банком или иной кредитной организацией, осуществляющей обслуживание счетов должника, исполнения требований о взыскании денежных средств или об их аресте, содержащихся в поступивших или поступающих непосредственно от взыскателя исполнительных документах, направленных на возврат просроченной задолженности по кредитному договору военнослужащего или членов семьи военнослужащего.

10. Приостановление организацией или иным лицом, выплачивающим должнику заработную плату, пенсию, стипендию и иные периодические платежи, исполнения поступивших от взыскателя исполнительных документов о взыскании денежных средств, направленных на возврат просроченной задолженности по кредитному договору военнослужащего или членов семьи военнослужащего.

11. В случаях открытия военнослужащим банковских счетов для зачисления денежных выплат, осуществляемых военнослужащим в связи с участием в боевых действиях, операциях, боевых заданиях, выполнением задач за пределами территории Российской Федерации, и совершения операций по таким счетам не подлежат применению положения п. 7 и 8 ст. 213.25 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в части запрета должнику лично открывать банковские счета в кредитных организациях и получать по ним денежные средства, а также в части привлечения кредитных организаций к ответственности за совершение операций по распоряжению гражданина, в отношении которого введена процедура реализации имущества, либо по выданной им лично доверенности по договору банковского счета.

При анализе норм закона особый интерес представляют нормы, подлежащие применению в случае гибели (смерти) военнослужащего, поскольку они позволяют законодателю вводить последствия, которые отсутствуют в правоотношениях, связанных со смертью обычных участников гражданского оборота, не являющихся военнослужащими.

Здесь в первую очередь нужно обратить внимание на то, что законодатель, как было указано ранее, расширяет список лиц, чьи охраняемые интересы могут быть затронуты кредитными правоотношениями, заключенными на стороне заемщика, не только членами семьи военнослужащего, но и иным кругом лиц, указанным в ч. 2 ст. 2 № 377-ФЗ.

Кроме того, по общим правилам о наследовании, установленным ст. 1175 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно, кредиторы наследодателя вправе предъявить свои требования к принявшим наследство наследникам в пределах сроков исковой давности, установленных для соответствующих требований. В силу п. 58 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» под долгами на-

следодателя, по которым отвечают наследники, следует понимать все имевшееся у наследодателя к моменту открытия наследства обязательства, не прекращающиеся смертью должника (ст. 418 ГК РФ), независимо от наступления срока их исполнения, а равно от времени их выявления и осведомленности о них наследников при принятии наследства.

Однако, как усматривается из анализируемых положений № 377-ФЗ, в отношении кредитных обязательств военнослужащего указанный общий порядок применению не подлежит, поскольку кредитное обязательство умершего/погибшего военнослужащего в силу прямого указания закона прекращается и, значит, в состав наследственной массы долг по кредитному договору не входит, наследникам обязательство в порядке универсального правопреемства не переходит.

Таким образом, руководствуясь положениями исследованного закона № 377-ФЗ, можно сделать вывод, что правовыми средствами, изложенными в нормах указанного закона, законодатель охраняет интересы военнослужащих от возможных негативных последствий со стороны кредитора в связи с нарушением должником кредитных обязательств, распространяя действие некоторых правовых средств и на членов семьи военнослужащего, а в некоторых случаях выходя и за рамки законодательного их перечня. Указанное позволяет в полной мере обеспечить военнослужащему, отдающему долг Родине, понимание, что его интересы и интересы его близких законодательно защищены, что дает ему гарантии, спокойствие и возможность выполнять свою воинскую обязанность на благо защиты интересов Российской Федерации и ее населения.

Гаймалеева А.Т.,

декан юридического факультета
Башкирской академии государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан,
доцент кафедры гражданского права Института права
Уфимского университета науки и технологий,
кандидат юридических наук
(Республика Башкортостан, г. Уфа)

Литература

1. Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право / Н.А. Баринов ; под редакцией Ю.Х. Калмыкова. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987.
2. Гаймалеева А.Т. Гражданско-правовая охрана интереса должника в договорном обязательстве : диссертация кандидата юридических наук / А.Т. Гаймалеева. Саратов, 2018.

Столкновение интересов государства и личности в контексте соблюдения принципа неприкосновенности частной собственности

Право собственности и неразрывно связанное с ним право на неприкосновенность собственности — одни из базовых прав человека, лежащих в основе государственного строя и закрепившихся в сознании людей в качестве священных, неприкосновенных. Эту позицию по-своему отстаивали многие ученые — сторонники договорной теории, основоположники концепции естественных прав, даже марксисты признавали право частной собственности в качестве государствообразующего.

Джон Локк полагал, что общественный договор заключается ради защиты свободы и частной собственности. «Причина, по которой люди вступают в общество, — это сохранение их собственности; и цель заключается в том, чтобы издавались законы и устанавливались правила в качестве гарантии и охраны собственности всех членов общества, дабы ограничивалась власть и умерялось господство каждой части и каждого члена общества»¹.

Жан-Жак Руссо признавал право собственности самым священным из прав граждан и даже более важным в некоторых отношениях, чем свобода².

Фридрих Энгельс формирование и преобразование государственного строя связывал в первую очередь с частной собственностью. Он пришел к выводу, что все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности. Таким образом, в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности³.

Сегодня, обратившись к многочисленным примерам, мы можем с уверенностью утверждать, что идея полного исчезновения частной собственности не оправдала себя на практике. Люди не готовы отказаться от того, что принадлежит им, как им кажется, на законном праве. Государства, полностью отказавшиеся от частной собственности, сталкивались с многочисленными проблемами, вызванными отсутствием рыночных инструментов влияния на экономику, и либо были вынуждены вернуться к рыночной экономике, либо демонстрировали гибкость, разрешая существование права частной собственности в различных формах.

Однако сохраняет ли частная собственность сегодня такое же значение, как сто или двести лет назад? Ценности общества стремительно меняются и государства не могут не реагировать на эти изменения.

¹ Локк Дж. Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988. С. 390.

² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М. : Наука. 1969. С. 43, 71.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Сочинения / под ред. В. Адоратского Т. XVI. Ч. 1. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 93–94.

В течение XX в. многие ученые планомерно предсказывали продовольственные, ресурсные и иные кризисы, исходя из идей, заложенных Томасом Мальтусом в конце XVIII в., о том, что ресурсы планеты ограничены, а рост населения — нет⁴.

Однако в XXI в. человечество не пришло к точке гуманитарной катастрофы, 8 млрд землян — самое ресурсообеспеченное поколение в истории. Это подтверждают многочисленные исследовательские данные. Согласно Отчету о глобальном богатстве исследовательского института Credit Suisse, благосостояние населения с низким и средним уровнями дохода будет увеличиваться в ближайшие пять лет на 9,7% в год. К концу 2025 г. около 33% мирового благосостояния будет приходиться именно на развивающиеся страны⁵. Сегодня количество людей в мире, живущих за чертой бедности, почти на миллиард меньше, чем в 1990 г., и их количество продолжает сокращаться на 47 млн ежегодно⁶.

Несомненно, эти процессы особым образом влияют на понимание частной собственности. Например, владение недвижимостью традиционно является наиболее значимым элементом в структуре частной собственности граждан. Однако сегодня в странах с самым высоким уровнем жизни, таких как Швейцария, Германия, Австрия и Дания, наименьшее число граждан живут в принадлежащих им жилых помещениях, отдавая предпочтение арендному жилью⁷. И дело не только в дороговизне недвижимости, ведь ипотечные кредиты в этих странах характеризуются низкой процентной ставкой.

Полагаем, существует закономерность, которая заключается в том, что чем выше уровень жизни индивида, тем меньше он стремится обременять себя дополнительными способами. Право частной собственности включает в себя не только права, но и обязанности. Например, платить налоги на собственность, проявлять о ней заботу, нести ответственность за вред, соблюдать права других собственников и т.д. В современных условиях само понимание собственности подверглось серьезным изменениям. Это отмечается многими учеными. Теперь в собственности могут быть не только материальные, но и нематериальные блага. Человек является главным активом, поскольку создает в экономике все другие активы и ценности и является основным потребителем всех созданных и создающихся активов.

⁴ Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population, as It Affects the Future Improvement of Society. London : J. Johnson in St Paul's Church-yard, 1798. P. 31.

⁵ Press Release. Global Wealth Report 2021. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us-news/en/articles/media-releases/global-wealth-report-2021-202106.html> (дата обращения: 03.02.2023).

⁶ Poverty by Joe Hasell, Max Roser, Esteban Ortiz-Ospina and Pablo Arriagada. URL: <https://ourworldindata.org/poverty?insight=global-extreme-poverty-declined-substantially-over-the-last-generation#licence> (дата обращения: 03.02.2023).

⁷ Switzerland leads global private rented household numbers. URL: <https://www.propertywire.com/news/global-news/switzerland-leads-global-private-rented-household-numbers/> (дата обращения: 03.02.2023).

Таким образом, люди все больше сознательно отказываются от частной собственности по тем или иным причинам, что было немыслимо еще несколько десятилетий назад. В современном обществе некоторые блага: безопасность, социальная справедливость и др. — значат для граждан куда больше, чем возможность владеть или свободно распоряжаться частной собственностью. С другой стороны, правительства всех стран, пытаясь обеспечить быстрорастущие потребности населения, постоянно сталкиваются с проблемой, когда необходимо нарушить право частной собственности или произвольно вмешаться в него, с тем чтобы реализовать более важные, по мнению государства и общества, задачи. Например: застройка территории для более экономически эффективного использования, введение многочисленных экологических ограничений, прогрессивные налоговые ставки для самых обеспеченных слоев населения, для того чтобы поддержать более бедные, запрет на использование частной собственности в период пандемии для достижения безопасности и здоровья граждан и т.д.

Несомненно, пределы ограничений прав собственника должны быть четко сформулированы в законодательстве, для того, чтобы не допустить произвольное и незаконное вмешательство. Уровень правовых гарантий не может быть снижен для реализации даже самых привлекательных общественных проектов.

Однако сегодня мы можем наблюдать следующую ситуацию: общественные потребности растут, и государство вынуждено вмешиваться в сферу частной собственности для перераспределения благ и снижения социальной напряженности, для чего ему необходимо разрабатывать новые правовые инструменты для законного обоснования такого вмешательства. В это же время ценность собственности в обществе все еще очень высока, и граждане не готовы так просто терпеть посягательство государства на свои законные права. Однако стоит констатировать, что прямая зависимость уровня жизни от количества сосредоточенного в собственности лица имущества (богатства) уже разрушена. Обладая необходимыми знаниями и профессиональными навыками, можно за всю жизнь не приобрести в собственность никакого дорогостоящего имущества и при этом сохранять очень высокий уровень жизни.

Готовность граждан пожертвовать частью принадлежащих им благ для достижения общественных интересов особенно ярко проявила себя во время пандемии COVID-19. Ограничения, которые потребовали соблюдать в этот период, во многих странах были беспрецедентными — самоизоляция, переход на удаленную работу. Собственники бизнеса закрыли кафе и магазины, при этом часто продолжая выплачивать зарплаты работникам. Эти меры сильно ударили по сфере частной собственности, особенно по той ее части, которая должна приносить доход. Однако соблюдались эти ограничения

в тех странах, где правительство взяло на себя обязанности денежной компенсации гражданам и бизнесу за сокращение рабочего времени, выплаты пособий по безработице, введения базового дохода для самозанятых и представителей искусства и проч.⁸

По-видимому, единственная собственность, которая представляет для граждан безусловную ценность, является собственность на деньги. Деньги, как универсальный эквивалент, являются той новой точкой общественного договора, которая позволяет найти баланс между интересами государства и правами частного собственника для достижения общественных интересов. Согласовать эти зачастую противоположные интересы становится возможным, если условиться о справедливой цене, которую государство готово выплатить за вмешательство в частную сферу.

Поэтому за изъятие имущества для общественных нужд законодательство подавляющего большинства стран предусматривает компенсацию по рыночной стоимости этого имущества. Яркий пример — реновация жилья в Москве⁹.

Стоит отметить, что возможность изъятия жилого дома для городских нужд существует уже довольно давно. В 2006 году был принят Закон «Об обеспечении жилищных прав граждан при переселении и освобождении жилых помещений (жилых домов) в городе Москве».

Данный закон наделяет власти города Москвы широкими полномочиями по выселению собственников из принадлежащих им домов, в том числе по такой причине, как «необходимость нового строительства, развития территорий». Определенно данная формулировка допускает широкое толкование диспозиции статьи. Стоит отметить, что правозащитники не могли не обратить внимания на такое спорное ограничение принципа неприкосновенности частной собственности. В 2007 году группа правозащитников обратилась в Московский городской суд с заявлениями о признании недействующими отдельных положений статей Закона города Москвы от 31 мая 2006 г. № 21 (в ред. от 26.12.2006)¹⁰.

Судебная коллегия Верховного суда признала, что власти города могут в одностороннем порядке принимать решение о сносе жилых домов, просто

⁸ Страновой обзор: Опыт Германии в борьбе с COVID-19. Материал подготовлен Департаментом международного и регионального сотрудничества СП РФ 26 мая 2020 г. URL: <https://ach.gov.ru/upload/pdf/Germany-Covid-19.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

⁹ О статусе столицы Российской Федерации : Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 (ред. ФЗ от 31.12.2017 № 507-ФЗ) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 19. Ст. 683.

¹⁰ Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2007 г. № 5-Г07-51. Решение оставлено без изменения, поскольку судом сделан правильный вывод о признании недействующими ч. 1 ст. 1, п. 1 и 4 ч. 1 ст. 4, ч. 7 и 9 ст. 14 Закона города Москвы от 31 мая 2006 г. № 21 «Об обеспечении жилищных прав граждан при переселении и освобождении жилых помещений (жилых домов) в городе Москве». См.: СПС «Консультант-Плюс».

включив их в соответствующую городскую программу. Закон о реновации всего лишь претворяет в жизнь то, что было разрешено уже давно, однако механизм изъятия жилых помещений все равно остается спорным, в первую очередь потому, что он посягает на один из важнейших принципов гражданского законодательства — принцип неприкосновенности частной собственности.

В соответствии с действующим законодательством о проведении реновации мы видим, что законодатель ставит вопрос о принудительном лишении права собственности в зависимости от решения большинства жителей многоквартирного дома. Процедуру принятия решения большинством голосов нельзя назвать характерной для государства, признающего неприкосновенность частной собственности, особенно по вопросу лишения права на частную собственность.

Полагаем, что реновация наиболее близка по своим правовым механизмам к изъятию у собственника жилого помещения, находящегося на земельном участке, изымаемом для государственных или муниципальных нужд.

Анализ зарубежного законодательства развитых государств показывает, что зачастую социальная функция права собственности ограничивает его осуществление в соответствии с интересами общества, которые напрямую закреплены в основных законах этих стран.

Помимо этого, в законодательстве зарубежных стран установлены правила, свидетельствующие о том, что собственник может быть даже лишен своего имущества в интересах общества.

Возможность лишения права собственности для общественной пользы установлена в конституциях ряда стран: Италии (ст. 42), Испании (ст. 33), ФРГ (ст. 14), Бельгии (ст. 16), Греции (ст. 17), Дании (ст. 73), Польши (ст. 21), Ирландии (ст. 43), Португалии (ст. 62), Люксембурга (ст. 16), Японии (ст. 29), Российской Федерации (ст. 35), в Основном законе Австрии от 21 декабря 1867 г. «Об общих правах граждан королевств и земель, представленных в Имперском совете» (ст. 5). В ряде стран возможность лишения права собственности установлена в гражданском законодательстве (Швейцария и др.).

Лишение права собственности возможно при условии предварительной полной компенсации и возмещения убытков.

Однако проблему обновления устаревшего жилищного фонда в ряде европейских стран разрешают способом, не связанным с лишением права собственности на квартиры. В европейских странах, таких как Германия, Чехия, Франция, Великобритания, проблему ветхого жилья разрешают посредством проведения реконструкции и модернизации существующего фонда.

Следует отметить, что существенным фактором, обеспечивающим решение задачи массовой реновации панельных зданий микрорайонов крупных городов, является поддержка государства, реализуемая путем применения целевых программ, обеспечивающих инвестирование проектов за счет пре-

доставления субсидий, а также льгот физическим лицам по кредитованию и налоговым сборам.

Также большой интерес представляет реновация в США. В условиях снижения масштабов деятельности собственной крупной промышленности (в режиме аутсорсинга, дислоцированном преимущественно в других странах), а также традиционной для этой страны высокой мобильности трудоспособного населения появилась проблема опустевших городов, отдельных кварталов и зданий. В этих условиях действует ряд федеральных программ, касающихся комплексной реновации жилых зданий.

Реновация в США известна также своим судебным процессом, когда снос старых домов для освобождения пространства под современный исследовательский центр привел к громкому судебному спору, окончившемуся появлением известного прецедента.

Это одно из самых спорных или во всяком случае вызвавших больше всего публичных дискуссий решений за всю историю Верховного Суда США. В нем суд признал, что власти могут принудительно выкупить недвижимость у собственника не только для того, чтобы построить на этом участке, скажем, правительственное здание или дорогу, но и для целей «экономического развития» территории. Иначе говоря, для того чтобы отдать земельный участок другому частному собственнику, который, по мнению властей, будет использовать этот участок более эффективно¹¹.

Власти города Нью-Лондона решили применить свои полномочия по принудительному выкупу недвижимости (eminent domain power) в связи с необходимостью сноса жилого квартала и передачей освободившейся земли для возведения научно-исследовательского центра фирме Pfizer. Власти инициировали соответствующую юридическую процедуру. В ответ собственники предъявили в суд штата иск о запрете принудительного выкупа со ссылкой на то, что действия властей города нарушают Конституцию США (2000 г.). После некоторых процессуальных пертурбаций Верховный суд штата разрешил дело в пользу города (2004 г.).

Заявители предлагали Суду недвусмысленно объявить, что принудительный выкуп участка для целей «экономического развития», то есть для передачи более эффективному частному собственнику, не является изъятием участка для «общественных нужд». А это значит, что такой выкуп неконституционен.

Однако Верховный суд (то есть большинство его судей) отверг это предложение. По мнению суда, из этих прецедентов вытекает, что выражение «общественные нужды» следует понимать широко. Суд также отверг аргумент

¹¹ Бudyлин С. This is America: Дело о розовом домике, или Реновация по-американски // Закон.ру. 2017. 25 мая. URL: https://zakon.ru/blog/2017/5/22/this_is_america_delo_o_rozovom_domike_ili_renovaciya_po-amerikanski (дата обращения: 01.03.2023).

заявителей, что власти обязаны доказать с «разумной степенью определенности», что их план действительно приведет к предполагаемым благоприятным результатам в смысле экономического развития. Суд подчеркнул, что решение вопроса о том, насколько мудрым является законодательство, принятое для надлежащих целей и использующее рациональные средства, не является функцией судебной власти¹².

Данный вывод Верховного суда США отражает сегодняшнюю тенденцию развития законодательства в направлении того, что общественные интересы превалируют над частными, даже иногда над принципом неприкосновенности частной собственности.

Границы баланса между интересами общества в лице государства и частного собственника меняются под влиянием изменений в общественной жизни. Таким образом, и законодательство должно гармонично меняться вместе с ними путем выравнивания объема их прав и обязанностей, а также расширения правовых гарантий.

Денисова Е.Л.,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Владимирского государственного университета
имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ);
адвокат Адвокатской палаты Ивановской области;
преподаватель Ивановского филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Владимир)

Литература

1. Будылин С. This is America: Дело о розовом домике, или Реновация по-американски // С. Будылин // *Zakon.ru*. 2017. 22 мая.
2. Локк Дж. Сочинения. В 3 томах. Т. 3 / Дж. Локк; перевод с английского и латинского; редактор и составитель, автор примечания А.Л. Субботин. Москва: Мысль, 1988.
3. Маркс К. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 29 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс; под редакцией В. Адоратского Т. 16. Ч. 1. Отдел 1. Публицистика. Философия. История. Исследования и статьи. 1883–1889. Москва: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937.
4. Руссо Ж.-Ж. Трактаты: переводы / Ж.-Ж. Руссо; подготовили В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин; комментарий В.С. Алексеева-Попова и Л.В. Борщевской. Москва: Наука, 1969.
5. Clancy R. Switzerland leads global private rented household numbers / R. Clancy // *Property Wire*. 2017. 29 August.
6. Malthus T.R. An Essay on the Principle of Population, as It Affects the Future Improvement of Society / T.R. Malthus. London: J. Johnson in St Paul's Church-yard, 1798.
7. Poverty / J. Hasell, M. Roser, E. Ortiz-Ospina, P. Arriagada. URL: <https://ourworldindata.org/poverty> (date of access: 03.02.2023).

¹² Kelo et al. v. City of New London et al. Certiorari to the Supreme Court of Connecticut // Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/04-108.ZS.html> (дата обращения: 01.03.2023).

Обеспечение экономической безопасности Российской Федерации — важнейшее слагаемое защиты национальной безопасности Отечества

*Дайте мне право выпускать и контролировать
деньги в государстве, и мне не будет дела до того,
кто пишет его законы.*

Майер Амшель Ротшильд, банкир

Любое государство, где бы оно ни находилось и в каком бы политико-правовом режиме ни существовало, имеет и активно защищает свои национальные интересы. Национальные интересы государства и общества затрагивают все сферы жизни: политическую, экономическую, духовную, военную, информационную и мн. др. Вместе с тем эти цели и задачи не являются прозрачными — в том числе и в интересах национальной безопасности. Известный аргентинский писатель Артуро Хорече в своих работах отмечал, что *в экономике нет ничего загадочного или недоступного для понимания обывателя. Если и есть тайна, то она кроется в сокрытой цели, которую может преследовать экономист, и это не что иное, как сокрытие конкретных интересов, которым он служит.*

Важнейшим условием защиты национальных интересов является защита безопасности основ государственного устройства, например конституционной безопасности. Однако, как давно доказано учеными всего мира, в основе существования любого государства лежат ее экономика, возможности и потребности экономического развития, а, следовательно, важнейшей составной частью национальных интересов государства являются экономическая безопасность, ее защита и укрепление. В статье 8 Конституции Российской Федерации³ закреплено, что на территории государства гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, а также признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Эволюцией развития человечества и международного взаимодействия, ее эффективностью и интенсивностью установлено, что *мощь, авторитет, независимость государства определяется **совокупностью потенциалов:***

экономического, политического, военного, духовного. Именно в таком порядке потенциалы перечислены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹. Логика объективного анализа производственных отношений обозначает очевидный факт, что устойчивость политической и надежность военной систем определяются уровнем экономического потенциала страны.

Под экономическим потенциалом принято понимать совокупную способность отраслей народного хозяйства производить промышленность и сельскохозяйственную продукцию, осуществлять строительство, перевозки грузов, оказывать услуги населению в определенный исторический момент. Основными **факторами, определяющими экономический потенциал**, являются имеющиеся трудовые ресурсы, производственные мощности промышленности, сельского хозяйства, строительства, развития транспортных сетей страны, социальной инфраструктуры, достижения научно-технического прогресса.

Экономическая безопасность — состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

Экономика Российской Федерации с февраля 2022 г. столкнулась с беспрецедентным давлением со стороны ряда стран, включая санкции и ограничения в отношении целого ряда отраслей, а также отказ многих крупных международных компаний продолжать бизнес в России. При этом различные секторы российской экономики оказались по-разному готовы к новой реальности, а, поскольку сохраняется угроза реализации новых пакетов санкций в отношении России, резистентность отраслей экономики может измениться под влиянием возникающих обстоятельств.

Вызовы и угрозы экономической безопасности Российской Федерации, а также цели, основные направления и задачи государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности определены **Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.**, утвержденной Указом Президента России от 13 мая 2017 г. № 208². Правовую основу названной стратегии составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС ГАРАНТ.

«О стратегическом планировании в Российской Федерации», другие федеральные законы, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Экономический суверенитет Российской Федерации — объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств.

Согласно вышеназванной стратегии, современный этап мирового экономического развития характеризуется следующими основными факторами:

- отчетливым проявлением объективных признаков разрушения однополярного мира;
- нарастанием геополитической нестабильности и неустойчивости развития мировой экономики, резким обострением глобальной конкуренции;
- стремлением к перераспределению влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения;
- существенными изменениями в области международного права, в военно-политической и экономической областях;
- усилением тенденций распространения на сферу экономики вызовов и угроз военно-политического характера, а также использования экономических методов для достижения политических целей;
- глобальными изменениями климата, способными вызвать дефицит продовольствия и пресной воды, обострить конкуренцию за доступ к возобновляемым ресурсам, в том числе к ресурсам Арктической и Антарктической зон, акваторий Северного Ледовитого океана.

В соответствии с указанным документом **переходу к устойчивому развитию препятствуют накопленные социально-экономические проблемы, диспропорции в развитии стран, неэффективность ранее использовавшихся инструментов стимулирования экономической активности.** Неопределенность перспектив мировой экономики повышается в связи с ослаблением системы регулирования международных экономических отношений, политизацией вопросов экономического сотрудничества, дефицитом взаимного доверия между государствами, применением в одностороннем порядке санкций и ростом протекционизма.

Факторы, которые создают благоприятные условия для модернизации российской экономики, развития промышленного потенциала России:

- обширная территория и выгодное географическое положение;
- разнообразие природно-климатических условий и минерально-сырьевых ресурсов;

- научно-технологический и образовательный потенциал;
- макроэкономическая устойчивость;
- внутриполитическая стабильность;
- высокий уровень обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Переход от экспорта первичных сырьевых ресурсов и сельскохозяйственной продукции к их глубокой переработке, развитие существующих и создание новых высокотехнологичных производств и рынков наряду с технологическим обновлением базовых секторов экономики, использованием низкоуглеродных технологий приведут к изменению структуры российской экономики, повышению ее конкурентоспособности и устойчивости.

Важными условиями обеспечения экономической безопасности Российской Федерации являются:

- опора на внутренний потенциал страны;
- самостоятельное решение стоящих перед Россией задач при сохранении открытости для взаимовыгодного сотрудничества с другими странами;
- выстраивание диверсифицированных связей с мировыми центрами развития.

Целями обеспечения экономической безопасности Российской Федерации являются:

- укрепление экономического суверенитета страны;
- повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутренних угроз;
- создание условий для экономического роста России, темпы которого будут выше мировых.

Достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации ***осуществляется путем решения комплекса задач***, озвученных в нормативно-правовых актах страны и решениях Президента России. В условиях усиления существующих и появления новых вызовов и угроз экономической безопасности Российская Федерация сохраняет достаточно высокий уровень экономического суверенитета и социально-экономической стабильности.

Основные вызовы и угрозы экономической безопасности, изложенные в нормативно-правовых и правительственных актах страны, включают, в частности:

- стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий в качестве инструмента глобальной конкуренции;
- усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, рост частной и суверенной задолженности, увеличение разры-

ва между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг;

- использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики России, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям;
- повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов Российской Федерации, а также вблизи ее границ;
- усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков;
- подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам, а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы;
- исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста, связанное с научно-технологическими изменениями;
- слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов;
- истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей по мере исчерпания действующих месторождений;
- несбалансированность национальной бюджетной системы;
- высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере;
- сохранение значительной доли теневой экономики;
- усиление дифференциации населения по уровню доходов и многие другие.

Целями государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности являются:

- укрепление экономического суверенитета Российской Федерации;
- повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз;
- обеспечение экономического роста;
- поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности;
- поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса на уровне, необходимом для решения задач военно-экономического обеспечения обороны страны;
- повышение уровня и улучшение качества жизни населения.

Основными направлениями государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности являются:

- развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики;
- обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики;
- создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, стимулирования инновационного развития, а также совершенствование нормативно-правовой базы в этой сфере;
- устойчивое развитие национальной финансовой системы;
- сбалансированное пространственное и региональное развитие Российской Федерации, укрепление единства ее экономического пространства;
- повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и реализация конкурентных преимуществ экспортно ориентированных секторов экономики; обеспечение безопасности экономической деятельности;
- развитие человеческого потенциала.

Основные задачи в рамках **развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики**¹¹:

- совершенствование системы стратегического планирования, последовательное проведение государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности;
- улучшение инвестиционного климата, повышение привлекательности российской юрисдикции для осуществления предпринимательской деятельности;
- принятие комплекса дополнительных мер, направленных на деофшоризацию национальной экономики;
- оптимизация регулятивной и налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития экономики страны и модернизации ее производственно-технологической базы;
- совершенствование механизмов бюджетного планирования, осуществления контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, предотвращение картельных сговоров;
- совершенствование деятельности контрольно-надзорных органов, в том числе на основе широкого внедрения риск-ориентированного подхода и развития практики страхования ответственности субъектов экономической деятельности;
- оптимизация потоков трудовой миграции исходя из потребностей национальной экономики и проч.

Основные задачи в рамках обеспечения устойчивого роста реального сектора экономики:

- комплексная модернизация производственно-технологической базы отраслей реального сектора экономики с учетом требований промышленной и экологической безопасности;
- обеспечение достаточного (безопасного) уровня технологической независимости национальной экономики, в первую очередь стратегически важных производств;
- создание и устойчивое развитие перспективных высокотехнологичных секторов экономики;
- обеспечение устойчивого развития стратегически значимых организаций оборонно-промышленного комплекса;
- поддержка высокотехнологичного малого и среднего бизнеса;
- повышение производительности труда, ресурсо- и энергоэффективности производственных процессов;
- формирование производственных кластеров, развитие территорий, на которых установлен льготный режим осуществления промышленно-производственной и технико-внедренческой деятельности;
- расширение использования производственно-технологического и инновационного потенциалов организаций оборонно-промышленного комплекса для развития производства продукции гражданского назначения и др.

Основные задачи в рамках устойчивого развития национальной финансовой системы:

- снижение критической зависимости национальной денежно-кредитной системы от колебаний конъюнктуры на международных финансовых и товарных рынках;
- снижение использования иностранной валюты при осуществлении хозяйственной деятельности в российской юрисдикции;
- развитие внутренних (национальных) источников долгосрочных финансовых ресурсов;
- обеспечение нормы накопления, достаточной для устойчивого развития национальной экономики;
- развитие механизмов и инструментов инвестиционно ориентированной государственной финансовой политики, предусматривающей в том числе увеличение нормы накопления, а также привлечение накоплений для реализации инвестиционных проектов;
- совершенствование специализированных инструментов поддержки кредитования стратегических отраслей экономики, наукоемких и высокотехнологичных производств;

- развитие инфраструктуры национального финансового рынка, национальной платежной системы, национальной системы платежных карт и системы передачи финансовых сообщений;

- совершенствование регулирования деятельности финансовых организаций, развитие системы пруденциального надзора и методик стресс-тестирования;

- противодействие переводу безналичных денежных средств в теневой оборот наличных денежных средств и легализации доходов, полученных преступным путем от предикатных экономических преступлений; и проч.

Основные задачи в рамках **сбалансированного пространственного и регионального развития Российской Федерации, укрепления единства ее экономического пространства:**

- совершенствование системы территориального планирования с учетом вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации;

- совершенствование национальной системы расселения, создание условий для развития городских агломераций;

- сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации;

- расширение и укрепление хозяйственных связей между субъектами Российской Федерации, создание межрегиональных производственных и инфраструктурных кластеров;

- приоритетное развитие экономического потенциала Восточной Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Крыма и Калининградской области; развитие Северного морского пути, модернизация Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей.

В этом же документе указано, что основными задачами в рамках **обеспечения безопасности экономической деятельности** в настоящее время в Российской Федерации являются:

- снижение рисков ведения предпринимательской деятельности, связанных с возможностью использования формальных поводов для ее остановки, а также недопущение избирательного правоприменения в отношении субъектов предпринимательской деятельности;

- профилактика, предупреждение и предотвращение рейдерских захватов, иных преступных и противоправных действий в хозяйственно-финансовой сфере, осуществляемых в том числе с вовлечением представителей правоохранительных, регулирующих и контрольно-надзорных органов, государственных корпораций и компаний с преобладающим участием Российской Федерации;

- создание условий, исключающих возможность сращивания интересов должностных лиц бизнес-структур и представителей государственных орга-

нов, профилактика и предупреждение формирования коррупционных схем их взаимодействия, в том числе с участием в этих схемах представителей бизнеса иностранных государств;

- предотвращение преднамеренного банкротства и иных противоправных действий в отношении субъектов экономической деятельности;
- повышение уровня безопасности и антитеррористической защищенности критически важных и потенциально опасных объектов;
- противодействие деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, направленной на нанесение ущерба стратегически важным отраслям национальной экономики Российской Федерации, в первую очередь оборонно-промышленному, топливно-энергетическому и транспортному комплексам.

В настоящее время, учитывая особенности военно-политической ситуации в России и изменения в ее экономическом развитии, среди **основных вызовов и угроз экономической безопасности считаем справедливым отметить:**

- стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции;
- усиление структурных дисбалансов в мировой экономике и финансовой системе, рост частной и суверенной задолженности, увеличение разрыва между стоимостной оценкой реальных активов и производных ценных бумаг;
- использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям;
- повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов Российской Федерации, а также вблизи ее границ;
- усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков;
- изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие зеленых технологий;
- деятельность создаваемых без участия Российской Федерации межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений, которая может нанести ущерб национальным интересам Российской Федерации;
- подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам (в том числе в результате влияния спекулятивного иностранно-

го капитала), а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы;

- истощение экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста, связанное с научно-технологическими изменениями;

- отсутствие российских несырьевых компаний среди глобальных лидеров мировой экономики;

- недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности;

- слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов;

- истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей по мере истощения действующих месторождений;

- ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью, недостаточно развитой рыночной инфраструктурой и слабой вовлеченностью в мировые «цепочки» создания добавленной стоимости;

- низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры;

- несбалансированность национальной бюджетной системы;

- недостаточно эффективное государственное управление;

- высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере;

- сохранение значительной доли теневой экономики;

- усиление дифференциации населения по уровню доходов;

- снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала;

- усиление международной конкуренции за кадры высшей квалификации;

- недостаточность трудовых ресурсов;

- неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития;

- установление избыточных требований в области экологической безопасности, рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления.

Отметим в заключение, что территория России содержит достаточные объемы природных ресурсов для обеспечения достойной жизни ее граждан. Рачительное пользование и надежная их защита от неправомерных посягательств составляют сегодня основу экономического развития страны.

Ермаков С.Л.,

доцент Юридического факультета

Московского психолого-социального университета,

действительный член Российской академии естественных наук,

заслуженный деятель науки и техники,

заслуженный работник науки и образования,

кандидат экономических наук, доцент,

член Комитета Торгово-промышленной палаты

Российской Федерации по безопасности предпринимательства

(г. Москва)

Литература

1. Большая советская энциклопедия. В 30 томах. Т. 30. Экслибрис-Яя / главный редактор А.М. Прохоров. 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1978.
2. Мордвинцев А.И. Стратегическое планирование регионального развития : учебное пособие / А.И. Мордвинцев, А.А. Соколов, Р.С. Дубов, Н.Е. Булетова ; под редакцией А.И. Мордвинцева. Волгоград : Издательство Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС, 2022.
3. Основы теории национальной безопасности : учебное пособие. В 2 частях. Ч. 1. Теоретические основы / Я.В. Васильева. Вологда : Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022.
4. Theosophist. Авраам Линкольн бросает вызов банкирам / Theosophist // Livejournal. 2106. 14 октября. URL: <https://theosophist.livejournal.com/2110578.html> (дата обращения: 12.11.2023).

**К вопросу о важности оптимизации норм,
касающихся контроля и надзора в сфере
образования, а также о важности принятия
федерального закона, регулирующего
отношения по оказанию психологических услуг
(с учетом необходимости противодействия
распространению псевдонаучных теорий
и практик, затрагивающих сферу
психологической деятельности)**

В преддверии 2024 года новостные ленты отечественных средств массовой информации запестрили заголовками о подготовке законопроекта о запрете деятельности колдунов, ведьм и прочих шарлатанов, при этом обращается внимание на то, что «в крупных городах уже появляются институты высшей магии»¹. Безусловно, затронутая сфера общественных отношений, во многом «теневых» по своему характеру, давно требует дополнительного правового регулирования, оптимизации всего массива правовых норм. К сожалению, именно эта сфера теснейшим образом перекликается с другим направлением, вполне научным и легальным, — с психологией. Недобросовестные граждане используют последнюю лишь как «вывеску», заманивающую осторожных потребителей, изначально не настроенных на получение услуг, в основе которых лежат псевдонаучные знания; а также как «ширму», за которую можно «спрятаться», стремясь уйти от общественного контроля и надзора, от применения любого вида юридической ответственности.

Современная правоприменительная практика изобилует примерами противоправных действий граждан, использующих статус психолога в целях, не связанных с истинным оказанием психологических услуг. Такая практика становится предметом научного анализа, что находит отражение в соответствующих исследованиях, например: З.Р. Салаев рассматривает мошенничество как связанное с оказанием оккультных и психологических услуг.

¹ См.: Замахина Т. В Госдуме подготовят законопроект о запрете деятельности магов // Российская газета. Новости. 2023. 13 ноября.

Автор обращает внимание на способы совершения преступлений, такие как обман, злоупотребление доверием². Также приводит заслуживающее внимания мнение А.Э. Жалинского и А.Э. Козловской о том, что относящиеся к данной категории «преступления раскрыть сложно, так как маги стараются не оставлять материальных улик, а задержать их с поличным весьма трудно», к тому же «противоправная парапсихологическая деятельность основывается на нематериальных вещах и понятиях», плюс к этому многие потерпевшие полагают, что «сами виноваты»³, и не обращаются в правоохранительные органы. Другой автор, Ю.В. Исмагилова, рассматривает не вопросы оккультизма, а связанные с ненадлежащим (причиняющим вред) оказанием психологических услуг лицом, не имеющим необходимой квалификации или же имеющим ее, но использующим психологические знания во вред, и при этом также обращает внимание на проблемы привлечения данной категории граждан к ответственности, в том числе со ссылкой на сложный «процесс доказывания вины... психолога», на то, что «выявить причинно-следственную связь между его действиями и наступившими последствиями практически невозможно»⁴. Это связано с тем, что психология (в том числе практическая) своим предметом и изучения, и воздействия имеет психику человека как «особое свойство, присущее живым организмам, основанное на высшей нервной деятельности и выражающееся в наличии способности отражения действительности и способности на основе формируемого при этом психического образа целесообразно регулировать собственное поведение и деятельность»⁵. К тому же уже в этом определении прослеживается то, что давно доказано современной наукой: здоровье человека — это взаимосвязь одновременно здоровья физического (соматического), психического и психологического. Многочисленными исследованиями в области психологии здоровья доказано⁶, что, влияя на психику человека, психолог (или лицо, обладающее определенными знаниями) влияет как на психологическое и психическое здоровье человека, а вместе с ним и на физическое, так и наоборот.

Говоря о психологическом влиянии, более того, о целенаправленном воздействии на психику, а значит, и на здоровье населения страны, Ю.В. Исмагилова справедливо обращает наше внимание на такое направление, как

² Привод. по: Салаев З.Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг // Образование и право. 2019. № 5. С. 171 и далее.

³ Привод. по: Салаев З.Р. Указ. соч. С. 172, 173.

⁴ Исмагилова Ю.В. Проблемы административно-правового регулирования оказания психологической помощи населению // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 133.

⁵ Ефременко В.В., Мищенко В.И. Основы психологии и педагогики : уч.-метод. пособие. М., 2017. С. 6.

⁶ См., напр.: Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г.С. Никифорова. СПб., 2006.

гипнотерапия, подчеркивая, что «фиксируется рост количества организаций, не только оказывающих услуги гипноза, но и осуществляющих подготовку специалистов-гипнологов», а также на то, что отсутствие «внимания к проблеме деятельности многочисленных “центров гипноза”... является исключительным примером игнорирования важного вопроса со стороны государства»⁷. С данным утверждением мы в полной мере можем согласиться. Со своей стороны добавим, что в стране давно сложилась ситуация, при которой найти курсы и тренинги по ненаучным направлениям, успешно «маскирующимся» под научность, не сложно. Среди них весьма часто встречаются: «психологическая эзотерика» (в строго псевдонаучном ее понимании); «астропсихология», то есть ненаучная — «астрологическая»; «психонумерология»; «ведическая психология»; «парапсихология» и др. Однако вся опасность этой ситуации становится максимально явной, если взглянуть на масштабы ее распространения. Проблема заключается не только в том, что псевдонаучные теории и практики внедрены в рынок оказания психологических услуг, но и в том, что в определенной степени они реализуются и через сферу оказания образовательных услуг (особенно дистанционных). В сфере образования сложилась ситуация, при которой организации, осуществляющие обучение и оказывающие образовательные услуги, особенно в рамках дополнительного профессионального образования, могут, формально соответствуя требованиям закона и осуществляя обучение по программам, соответствующим научным и педагогическим требованиям, параллельно реализовывать псевдонаучные программы или программы, содержащие в себе элементы псевдонаучных теорий. (Стоит заметить, что, согласно п. 6 ст. 76 Федерального закона (ФЗ) от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об образовании в РФ»⁸, само содержание дополнительной профессиональной программы определяется образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей эту образовательную деятельность, если иное не предусмотрено федеральными законами.) К тому же в этой связи стоит обратить внимание на содержание ст. 12 ФЗ «Об образовании в РФ», которая посвящена образовательным программам, реализуемым на территории нашей страны. Данная статья в п. 3 определяет, что к основным образовательным программам относятся (в том числе) указанные в п. 3 программы профессионального обучения — это программы профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации по профессиям рабочих, должностям служащих; в п. 4 (абз. 2) — дополни-

⁷ Цит. по: Исмагилова Ю.В. Указ. соч. С. 133–134.

⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп. вступ. в силу с 01.09.2023) // СПС «Консультант-Плюс».

тельные профессиональные программы — это программы повышения квалификации, программы профессиональной переподготовки. Следует обратить внимание, что ст. 73 ФЗ «Об образовании в РФ» предусматривает, что профессиональное обучение направлено на приобретение лицами профессиональной компетенции⁹, получение лицами квалификации по профессии рабочего, должности служащего и присвоение им квалификационных разрядов, классов, категорий по профессии рабочего или должности служащего. Эта же ст. 73 в п. 6 устанавливает, что такое обучение реализуется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе в учебных центрах профессиональной квалификации и на производстве. Сами же учебные центры могут создаваться в различных организационно-правовых формах юридических лиц, предусмотренных гражданским законодательством, или в качестве структурных подразделений юридических лиц (лицензирование такой деятельности предусмотрено). Что касается дополнительного профессионального образования, то, согласно ст. 76 ФЗ «Об образовании в РФ», оно направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям деятельности и социальной среды (к освоению таких программ допускаются только лица, имеющие или получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование). По окончании и при условии успешного прохождения итоговой аттестации лицу выдается удостоверение о повышении квалификации и (или) диплом о профессиональной переподготовке. Важно, что организация дополнительного профессионального образования определяется законодателем (абз. 2 п. 3 ст. 23) как образовательная организация, осуществляющая не в качестве дополнительной деятельности (что возможно при профессиональном обучении), а в качестве именно основной деятельности образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам. Само понятие образовательной организации приведено в ст. 2 указанного закона, и под ней понимается именно некоммерческая организация, осуществляющая на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основной, ради целей которой и создана. Таким образом, требования законодателя весьма прозрачны, они четко разграничивают профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, предъявляя разные требования, в том числе и к субъектному составу. Однако если внимательно изучить рекламу, предлагаемые услуги в сфере образования, особенно в сети Интернет, то можно выявить большое количество обучающих центров, имеющих образовательную лицензию, созданных в коммерческой организационно-

⁹ В том числе для работы с конкретным оборудованием, технологиями, аппаратно-программными и иными профессиональными стандартами.

правовой форме и реализующих, помимо программ профессионального обучения, также и программы дополнительного профессионального образования (зачастую по демпинговой цене). Соответственно, такой подход создает лакуну и для реализации псевдонаучных образовательных программ. К сожалению, таким образом происходит дискредитация отечественной системы образования, а вместе с ней и добросовестных участников образовательной деятельности, среди которых имеются иные организации, в том числе дополнительного профессионального образования, стремящиеся обеспечить качество предоставляемых ими образовательных услуг. В обществе рождается закономерное недоверие к такого рода услугам.

Тем не менее мы уверены, что сама система дополнительного профессионального образования, реализуемая посредством специализированных организаций, в том числе с применением дистанционных технологий, может быть не только удобной по форме для обучающихся (лиц, вынужденных совмещать учебу с работой, для инвалидов, а также для проходящих обучение сразу на нескольких направлениях подготовки), но и вполне эффективной. Основной вопрос заключается лишь в том, как она организована и как контролируется. Однако приходится констатировать, что контрольная функция государства в сфере образования не проявляет себя таким образом, как того хотелось бы, раз «не отсекает ненаучные направления», не гарантирует качества всех без исключения предоставляемых образовательных услуг. Все это порождает ситуацию, когда воспользовавшийся такими образовательными услугами, по якобы «санкционированным» государством образовательным программам, прошедший такое «обучение» субъект либо ввиду собственного заблуждения, в основе которого лежит необразованность, либо в силу заведомого, возможно сугубо корыстного, умысла может вводить в заблуждение других граждан, оказывая им в последующем услуги псевдонаучного характера. Более того, он имеет возможность предоставить документы, якобы подтверждающие его профессиональную квалификацию, с первого взгляда по форме соответствующие предусмотренным законом требованиям (и зачастую внесенные в реестр образовательных документов в системе Рособрнадзора). Таким образом, проблема реализации псевдонаучных, превдопсихологических услуг затрагивает различные сферы, в том числе и образовательных отношений. Более того, даже трудовых. Большинство исследователей в отношении образовательного ценза, которому должен соответствовать психолог, склоняются к тому, что необходимо закрепить требование о наличии у него высшего образования именно по данной профессии, полученного в высшем учебном заведении, имеющем и лицензию, и государственную аккредитацию. В целом, с данным требованием стоит согласиться. Тем не менее к настоящему времени многие

добросовестные граждане прошли профессиональную переподготовку на законных основаниях, получив квалификацию в сфере психологии, в некоммерческих организациях дополнительного профессионального образования. При этом они уже осуществляют деятельность по оказанию психологических услуг (порой на протяжении определенного количества лет) не только в частном порядке, но и по трудовому договору в различных организациях, в том числе в сфере социального обслуживания, образования, в самых различных частных организациях, в государственных и муниципальных структурах. Данное обстоятельство невозможно и не нужно игнорировать. Поэтому, устанавливая требования к образовательному цензу в отношении лиц, имеющих право оказывать психологические услуги, законодатель должен учесть аспект, связанный с уже сложившимися общественными отношениями.

Соглашаясь с мнением исследователей¹⁰ о целесообразности принятия специального федерального закона, устанавливающего основы психологической деятельности, ее виды и формы, статус профессионального психолога, включая образовательный ценз, необходимый для оказания услуг населению и организациям, мы считаем, что для государства важно также решить и иные вопросы, в частности касающиеся оптимизации контрольных и надзорных функций в сфере образования.

Михайлова А.С.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета,
кандидат юридических наук
(Московская обл., г. Луховицы)

Литература

1. Ефременко В.В. Основы психологии и педагогики : учебно-методическое пособие / В.В. Ефременко, В.И. Мищенко. Москва : Перо, 2017.
2. Исмаилова Ю.В. Проблемы административно-правового регулирования оказания психологической помощи населению / Ю.В. Исмаилова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4.
3. Салаев З.Р. К вопросу о способе мошенничества, связанного с оказанием оккультных и психологических услуг / З.Р. Салаев // Образование и право. 2019. № 5.
4. Сафуанов Ф.С. Каким быть закону о психологической помощи / Ф.С. Сафуанов // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2018. № 1.

¹⁰ Напр.: Сафуанов Ф.С. Каким быть закону о психологической помощи // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2018. № 1. С. 65–68.

Оценочное понятие «добросовестность» и его сущность

Абстрактность, неконкретизированность содержания категории добросовестности дает возможность учесть все местные условия, особенности конкретных ситуаций, социально-политическую обстановку, психологические особенности лиц, к которым применяется норма права, а ряд моментов, не нашедших отражения в законе, делает оценочное понятие специфическим средством индивидуального регулирования. О необходимости «добросовестности» ученые и практики спорят давно, ведь закон стремится к конкретным понятиям, но при этом сохраняет в нормах права термины, без достаточного разъяснения и интерпретации их содержания. Это является целесообразным, так как к многообразным отношениям не во всех случаях можно применить четкие и категоричные нормы права¹.

В Гражданском кодексе РФ (ГК РФ) понятие «добросовестность» в качестве характеристики субъекта или его поведения используется в ст. 53 «Органы юридического лица», ст. 220 «Переработка», ст. 234 «Приобретательная давность», ст. 302 «Истребование имущества от добросовестного приобретателя», ст. 602 «Обязанность по предоставлению содержания с иждивением» и др.

Понятие «добросовестность» в таких же значениях используется и в других актах гражданского законодательства. В качестве примера можно привести ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», ст. 44 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 20 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ст. 28 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации», ст. 145, 234, 237 Кодекса торгового мореплавания, ст. 3, 8 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» и др.

Обратим внимание и на то обстоятельство, что в некоторых случаях данное понятие в законе используется в негативной форме, т.е. как недобросовестность (ст. 157, 220, 303, 1103, 1109 ГК РФ). О недобросовестности упоминается в ст. 6 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» и др.².

¹ Мирзоева Э.Р. Добросовестность как одна из оценочных категорий в гражданском законодательстве // Молодой ученый : [сайт], 2019. № 31. С. 42.

² Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М. : Статут, 2019. С. 347.

Проблема нормативного закрепления понятия «добросовестность» в качестве основополагающего принципа гражданского права и критерия надлежащего осуществления субъективного гражданского права в совокупности с необходимостью исследования его правовой природы и сущности является на сегодняшний день достаточно актуальной.

Применительно к исследуемому вопросу уточним, что лексический смысл добросовестности — честный, выполняющий свои обязательства³. В.И. Даль дает слову «добросовестность» значение «добрая совесть, праводушие, честность, правдивость, строгая богобоязненность в поступках»⁴. Что касается юридического определения понятия «добросовестность», то оно дается в ст. 302 ГК РФ в отношении приобретателя вещи по договору и в ст. 2 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» применительно к приобретению ценных бумаг.

Следует заметить, что теория гражданского права не выработала единого универсального определения понятия добросовестности, но такие попытки, как свидетельствует анализ литературы, учеными-цивиристами сделаны.

К выводу, что «добросовестность» означает фактическую честность поведения субъектов, также приходит и С.А. Иванова, однако далее конкретизирует, что под понятиями «добросовестность» и «недобросовестность» следует понимать проявляемое в процессе совершения действий психическое отношение лица к предвидимому вреду или к возможности его предвидения, имеющейся у среднего вменяемого (разумного) человека⁵.

Таким образом, в науке гражданского права выделяются такие признаки добросовестности, как честность, искренность, сознательность, старательность, аккуратность в исполнении гражданско-правовых обязательств. В литературе также обращается внимание и на двойственность понятия «добросовестность», а именно: указанная категория рассматривается как в объективном, так и субъективном смыслах.

Большинство исследователей интересующей нас проблемы, так или иначе, рассматривают понятие добросовестности в плоскости субъективной стороны поведения приобретателя, в аспекте вины. Так, Е. Богданов под добросовестностью участников гражданских правоотношений понимает «субъективную сторону их поведения, когда они не знали и не могли знать

³ Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 2018. С. 169.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 445.

⁵ Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. 2019. № 4. С. 23.

о правах третьих лиц на соответствующее имущество или иной своей неуправомоченности»⁶. С предложенным определением соглашается С.А. Краснова, отмечая, что данная категория характеризует субъективную сторону поведения участников гражданского оборота, на что указывает использование в нормах, учитывающих добросовестное поведение лица, словосочетания «не знал и не должен был знать»⁷.

В. Вороной, наоборот, приходит к выводу, что под недобросовестностью понимается противоправное действие или бездействие участников правоотношения, т.е., по его мнению, недобросовестность включает лишь объективную сторону деяния субъекта⁸. Такую же позицию занимает Д.И. Серегин⁹, предлагающий для определения добросовестности приобретателя исходить из характеристики поведения лица.

Высказано также мнение, что сама формулировка добросовестности «не знал и не должен был знать» включает в себя как объективный, так и субъективный критерии. «Не знал» — это субъективная сторона, т.е. лицо действительно находилось в неведении, а «не должен был знать» включает в себя объективную сторону, которая подразумевает наличие определенного стандарта поведения, диктующего, какие конкретно меры следует принять участнику соответствующего правоотношения, для того чтобы иметь представление о фактических обстоятельствах, сопровождающих заключение сделки.

С мнением о дуализме понятия «добросовестность» следует согласиться. В объективном смысле понятие добросовестности означает требование к поведению участников правоотношений, вытекающее из конкретных правовых норм. Субъективный элемент непосредственно связан с действиями субъекта, которые должны соответствовать таким критериям, как правдивость, уважение прав, верность обязательствам со стороны их субъекта. Данный элемент свидетельствует о наличии у субъекта психологической позиции, внутреннего понимания необходимости определенного поведения¹⁰.

⁶ Богданов Е. Категория «добросовестность» в гражданском праве // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 12.

⁷ Краснова С.А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 15.

⁸ Вороной В. Добросовестность как гражданско-правовая категория // Законодательство. 2020. № 6. С. 52.

⁹ Серегин Д.И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 95.

¹⁰ Попова А.В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран — членов Европейского союза : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 12.

Вместе с тем известно, что законодатель задействовал понятие «добросовестность» в различных правовых ситуациях, относящихся к различным видам гражданско-правовых отношений. Представляется, что исследуемое понятие не во всех случаях его использования в ГК РФ имеет одинаковое значение. С.В. Михайлов справедливо указывает, что «значение и содержание добросовестности необходимо выявлять в каждом конкретном случае, не урегулированном законом и условиями договора, отдельно и индивидуально». Поэтому для характеристики элементов, которые необходимо учитывать при определении содержания нормы, мы проанализируем интерпретацию понятия «добросовестность» применительно к обязательственным, вещным и корпоративным отношениям¹¹.

Одним из перспективных направлений цивилистической науки признается формулирование критериев определения понятия и содержания «добросовестности», а также его последующее закрепление в нормах права.

Ситуация осложняется тем, что сложно установить четкое содержание его границ, поскольку данная категория включает в себя элемент субъективного восприятия (оценки) того или иного действия (бездействия). Проблема усугубляется также тем, что оценочное понятие со временем трансформируется и оказывается включенным во все большее число нормативных правовых актов.

Указанную проблему невозможно разрешить путем создания универсального определения категории «добросовестность».

Мы полагаем, что добросовестность как оценочное понятие в гражданском праве характеризует субъекта. Законодатель, не разъясняя содержания понятия «добросовестность», предоставляет право это делать самим субъектам, применяющим нормы с оценочными категориями, прежде всего суду¹².

При этом правоприменитель не должен уяснять содержание термина «добросовестность», ему лишь следует решить, охватывается ли конкретный случай, подлежащий в данный момент урегулированию, содержанием оценочного понятия или нет. По этому поводу И.А. Покровский высказывался, что таким образом законодатель уклоняется от разрешения данной правовой проблемы переложением ответственности за ее разрешение на плечи отдельного судьи¹³.

¹¹ Михайлов С.В. Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика : сб. статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2019. С. 45.

¹² Медовщикова Е.О. Толкование гражданско-правового договора // Цивилистические записки : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. М. : Статут, 2019. С. 401.

¹³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд. М. : Статут, 2019. С. 95.

Для оценки понятия «добросовестность» необходимо выработать стандарт, представляющий совокупность типичных свойств, которые должны быть присущи данной категории.

Большинство ученых полагают, что проблема определения категории «добросовестность» должна разрешаться посредством разработки четких критериев определения данного оценочного понятия.

При анализе содержания статей ГК РФ более детально можно прийти к выводу о том, что добросовестность является своеобразным способом защиты нарушенного права и впоследствии основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности; также стоит отметить, что она является еще основанием приобретения права собственности. Несомненно, все вышеперечисленное требует комплексного исследования¹⁴.

«Добросовестность» можно рассматривать в качестве презумпции и принципа гражданского законодательства, как способ приобретения права собственности. Как принцип «добросовестность» означает систему закрепленных в гражданском законодательстве требований должного поведения лица при реализации прав, интересов и обязанностей на основе взаимного и доброжелательного отношения контрагентов (например, п. 4 ст. 37; п. 2 ст. 51; подп. 2 п. 2 ст. 60.2; п. 5 ст. 147.1; п. 3 ст. 432; п. 2 ст. 1466 ГК РФ и др.). Закрепляя добросовестность в качестве презумпции в п. 5 ст. 10 ГК РФ, законодатель выражает понимание того, что невозможно воздействовать на моральные качества субъекта гражданского правоотношения, поэтому он придал добросовестности косвенное значение. Добросовестность как способ приобретения права собственности представляет собой одно из средств, методов законной реализации гражданских прав посредством должного (рекомендуемого) поведения лица совокупностью действий (бездействия), направленных на признание права собственности этого лица. Это закреплено в положениях о переработке (п. 1 ст. 220 ГК РФ); моменте возникновения права собственности у приобретателя по договору (п. 2 ст. 223 ГК РФ) и т.п. Таким образом, добросовестность представляет собой комплекс гражданско-правовых норм, мер недопущения злоупотребления при реализации прав и обязанностей между участниками гражданского оборота, где взаимность и доброжелательность поведения предполагаются, так как являются одним из способов защиты гражданских прав, приобретения права собственности и основанием для привлечения к ответственности¹⁵.

Изложенное позволяет утверждать, что категорию «добросовестность» в современном гражданском праве можно понимать в двух аспектах:

¹⁴ Рзаев О.Ш. Добросовестность в гражданском законодательстве России (дуализм правового регулирования) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1. С. 331.

¹⁵ Там же.

во-первых, как основные начала (принципы) гражданского права, во-вторых, как критерии реализации субъективных гражданских прав. Кроме того, именно признание добросовестности принципом гражданского права позволяет весьма широко использовать данное понятие как критерий оценки поведения участников гражданских правоотношений в определенной ситуации.

Мицык Г.Ю.,

старший научный сотрудник кафедры юриспруденции
юридического факультета Тверского института (филиал)
Московского гуманитарно-экономического университета,
кандидат юридических наук
(г. Тверь)

Литература

1. Медовщикова Е.О. Толкование гражданско-правового договора / Е.О. Медовщикова // Цивилистические записки : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Москва : Статут, 2019.
2. Мирзоева Э.Р. Добросовестность как одна из оценочных категорий в гражданском законодательстве / Э.Р. Мирзоева // Молодой ученый. 2019. № 31.
3. Михайлов С.В. Значение категории добросовестности для обязательственных отношений и последствий недействительности договоров цессии / С.В. Михайлов // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика : сборник статей / ответственный редактор М.А. Рожкова. Москва : Статут, 2019.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. 3-е изд. Москва : Статут, 2019.
5. Попова А.В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран — членов Европейского союза : диссертация кандидата юридических наук / А.В. Попова. Москва, 2020.
6. Рзаев О.Ш. Добросовестность в гражданском законодательстве России (дуализм правового регулирования) / О.Ш. Рзаев // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1.
7. Серегин Д.И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория : диссертация кандидата юридических наук / Д.И. Серегин. Москва, 2019.

Криптовалюты: понятие, история становления и правовое регулирование их использования в мире

Наш век отличается от всех предыдущих, он уникален. Пласт знаний, который человечество накапливало все предшествующие годы, дает плоды в виде изобретений в области медицины, автомобилестроения, нанотехнологий. Все сферы жизнедеятельности развиваются в геометрической прогрессии. Но как найти то, что действительно является «импульсом прогресса», а не приведет к «деградации человечества»? В данной статье мы рассмотрим актуальные вопросы, связанные с понятием и использованием технологии блокчейн.

Увеличение потока информации приводит к поиску возможных способов ее хранения, а потребность записывать действия и операции, которые осуществляют как единичные пользователи, так и государственные учреждения, является важной и необходимой для общества.

Базы для хранения данных не всегда могут вместить весь объем информации или не отвечают поставленным требованиям современного мира. Именно поэтому необходимо разрабатывать площадки с определенным функционалом, которые удовлетворят потребности общества.

В последнее время все большую известность и популярность набирают так называемые криптовалюты. Различные инвесторы и трейдеры активно изучают и осваивают данный рынок. Но что же делать простому обывателю, для того чтобы не отстать от прогресса? Что представляют из себя криптовалюты и для чего они нужны — мы попробуем разобраться.

Датой появления первой криптовалюты, или биткойна, принято считать 31 ноября 2008 г., когда вышла статья Сатоши Накамото 'Bitcoin: A peer-to-Peer Electronic Cash System'. Автор рассказывает о технологии блокчейн и ее работоспособности, о цифровой подписи и ее защите, выполнении платежей без участия третьей стороны и о многом другом¹. Стоит отметить, что попытки разработать и реализовать технологию блокчейн уходят в далекие 1980-е годы. За развитием и попыткой создания первых цифровых денег стоят Дэвид Чаум (компания DigiCash), Адам Бэк (система Hashcash), Вэй Дай (b-money) и Ник Сабо (Bit Gold). К сожалению, данные проекты так и не были воплощены в жизнь, а какие-то и вовсе оказались невостребованы.

¹ URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5b29efdd92e66100a912e9c0/genesis-kak-poiavilsia-bitkoin-5dc91f02e482af743b168c59> (дата обращения: 10.09.2023).

ванными. Но именно 2008–2009 гг. оказались успешными и реальными для реализации подобных проектов².

Итак, блокчейн (blockchain) — это распределенная база данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях, проведенных участниками системы. Информация представлена в виде блоков, соединенных в одну цепочку. Данная база децентрализована, то есть процесс записи и хранения осуществляют все ее участники. Цепочка строится по строгим правилам, исключая появление недоброжелательных блоков. Каждый блок связан с предыдущим, используя свою хеш-сумму, то есть результат обработки неких данных хеш-функцией (сводка сообщений), и хеш-сумму (например, C5V455BBS) предыдущего блока, а потому изменение любой информации в одном блоке приведет к изменению его хеш-суммы, а также необходимости изменения последующих блоков. Копии же цепочек из данных блоков хранятся сразу на всех устройствах независимо друг от друга.

Далее хочется выделить основные принципы, на которых строится технология блокчейн:

1. Распределенность.
2. Безопасность.
3. Открытость и прозрачность.
4. Отсутствие посредников³.

Первой цифровой валютой, успешно использовавшей данную технологию, является биткойн (Bitcoin). Пользователи могут обмениваться данной валютой, то есть проводить транзакции, или переводы средств между кошельками. Рост популярности объясняется именно используемой технологией и бурным развитием крипторынка. Биткойн обеспечивает транзакции, повышая их скорость и качество, увеличивая их объем и доступность. Благодаря его использованию рынок становится прозрачным и надежным. Применение биткойна возможно не только в криптоиндустрии, но и в банковском секторе, сфере финансовых продуктов, платежных операциях, транспорте, управлении интеллектуальной собственностью и т.д. Развитие биткойна позволяет внедрять его в различные сферы жизнедеятельности, увеличивая число участников⁴.

Привлечение новых участников обеспечивает приток денежных средств. Именно благодаря выпуску монет происходит секьюритизация активов на базе массового спроса инвесторов. Спустя некоторое время на криптовалютный рынок пришли и другие цифровые активы (например,

² Смирнова Т.Л. Развитие криптовалюты в цифровой экономике // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1. С. 669–670.

³ URL: <https://principraboty.ru/princip-raboty-blokcheyn/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁴ URL: <https://forklog.com/chto-takoe-bitkoin/> (дата обращения: 10.09.2023.)

Эфириум (Ethereum)), исправившие некоторые недочеты биткойна, а впоследствии позволившие обеспечить огромный поток денежных средств.

Развитие биткойна также заставило пользователей задуматься о способах его покупки, продажи и обмена. Так сформировались первые криптобиржи, такие как Bitcoin Market (6 февраля 2010 г.) и Mt. Gox (17 июля 2010 г.). Постепенно объем торгов вырос и достиг отметки 27 тыс. биткойнов в сутки (осень 2011 г.). Но позже появляются десятки криптобирж, различающиеся по функциональному назначению:

1. Биржи для обмена цифровых денег на национальные фиатные деньги.
2. Биржи для конвертации цифровых монет друг с другом.
3. Биржи для обмена конкретных форков (аналогов) биткойна⁵.

Впоследствии границы между биржами стираются, и на сегодняшний день данным функционалом обладают фактически все криптобиржи. Но, тем не менее, они отличаются по ряду критериев:

1. Ограниченный выбор криптовалют.
2. Особенности вывода и ввода денежных средств.
3. Размер комиссии.
4. Необходимость верификации.
5. Степень безопасности личного кабинета.
6. Объемы торговых операций и т.д.⁶.

Каждый пользователь сам выбирает удобную для него биржу. Отметим, что пока не существует законодательных запретов на торговлю на тех или иных площадках.

Если зарегистрироваться на криптобирже, то мы увидим десятки, сотни и даже тысячи криптоактивов, которые имеют различные характеристики и отличаются друг от друга. За десять лет рынок сделал масштабный рывок, увеличив в тысячи раз число возможных криптовалют, в сотни тысяч раз число пользователей. Сложно представить, что данные валюты поддаются какой-либо классификации, но можно попробовать выделить их в различные группы.

В общепринятом понимании существует три типа криптовалют:

1. Биткойн, как стабильная монета, определяющая курс крипторынка в целом.
2. Альткойны, как монеты, альтернативные биткойну, отличающиеся от него по различным критериям и конкурирующие с ним.
3. Токены, которые разрабатывают для запуска криптосистем. В свою очередь, существуют различные типы криптотокенов⁷:

⁵ URL: <https://tehnoobzor.com/cryptolife/birzhi/2755-chto-takoe-birzha-kriptovalyut.html> (дата обращения: 10.09.2023).

⁶ URL: <https://rb.ru/opinion/kak-rabotat-s-kriptobirzhami/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁷ Козлова Е.И., Бессонова Д.А. Инвестиционные возможности криптовалюты (на примере биткойна) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. № 4. С. 583–589.

— биржевые токены. Монеты, создаваемые различными биржами для оплаты торговых операций. Например, BNB для биржи Binance;

— токены DeFi. Данный тип криптоактивов помогает развиваться крипто рынку. Именно они позволяют пользователям брать и кредитовать в рамках одноранговой сети, использовать кредиты, «фармить» токены и иным образом «разгонять» криптоиндустрию. Например, Chainlink (LINK);

— токены Web3. Данные монеты, разработанные поверх криптоплатформ, создают новый интернет-стандарт. Они вознаграждают пользователей своих платформ токенами типа Web3 за вклад в развитие другого тренда. Например, в проекте Filecoin пользователи хранят данные других пользователей за вознаграждение в токенах Filecoin;

— токены ERC-20. Это определенный стандарт, под который должны подстраиваться другие токены, если хотят создаваться на блокчейне Ethereum;

— токены безопасности. Необходимы для связи цифровых монет с реальным миром. Позволяют разделить реальный актив на множество частей, выраженных в цифровых активах;

— токены ICO. Монеты, созданные для быстрого сбора денежной массы, необходимой для стартап-компаний⁸.

Большое разнообразие токенов позволяет говорить о широком спектре возможностей крипторынка. Обслуживание того или иного сектора экономики дает возможность плодотворного финансового роста при использовании современных цифровых активов. За каждой монетой находятся технологии, определяющие развитие общества. Именно поэтому так важно знать фундаментальную основу различных криптоактивов⁹.

Также в рамках данной работы рассмотрим не только инструменты, благодаря которым осуществляются транзакции, но и типы пользователей, которые существуют на крипторынке:

— простые пользователи. Это лица, покупающие и продающие криптоактивы, осуществляющие перемещение различных токенов с одного криптокошелька на другой;

— создатели блоков (майнеры и валидаторы), занимающиеся обслуживанием вышеупомянутых операций. Каждое действие пользователей кодируется, коды формируют блоки, блоки соединяются в цепи.

Эмиссия новых токенов, или, как говорят, «добыча», происходит путем майнинга, форжинга, а распространение — путем ICO.

Майнинг — деятельность, направленная на поддержание работы сети при помощи создания блоков цепи с использованием вычислительных мощностей. Человек, осуществляющий данную деятельность, называется

⁸ URL: <https://blog.bybit.com/ru-ru/learn-ru/type-of-crypto-ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

⁹ Лапинскас А.А. О сущности, особенностях и легитимности криптовалют // ЭВ. 2021. № 2 (25). С. 105–110.

майнер, а структуры, осуществляющие данную вычислительную деятельность, — майнинг-фермы. Они нацелены на поиск хеша, который и сформирует блок цепи. Тот, кто закрыл блок, получает криптоактив. Майнеры создают блоки, а валидаторы проверяют созданные блоки, добавленные в сеть. За свою деятельность валидаторы также получают вознаграждение¹⁰.

Также необходимо отметить, что майнинг биткойна — это ограниченная деятельность в отличие от майнинга Ethereum. Цепочка биткойна носит конечный характер, а потому поиски хеша с каждым разом становятся все труднее, а прибыль за их добычу снижается. По мнению разработчиков, данная характеристика избавит технологию от инфляции.

Альтернативой майнинга является форжинг. Процесс закрытия блока осуществляется на основе принадлежащих пользователю монет. Тот, у кого их больше, имеет больше шансов построить блок и провести транзакцию, а также получить новую монету. Затраты на создание новых блоков ниже, и поэтому форжинг более перспективный. Первичное размещение добытых токенов на бирже, или ICO, позволяет участникам сети финансировать различные проекты. То есть токены представляют собой акции.

В ходе первой части работы нам удалось осветить общетеоретические вопросы понимания криптовалюты и блокчейн-технологий, операции с ними. Но вопросы теории неразрывно связаны с практическим применением. Новые отношения порождают нормы права, регулирующие их. Без необходимой правовой базы криптовалюта не сможет использоваться в повседневной жизни. Именно поэтому мы рассмотрим актуальное законодательство ряда стран в отношении цифровых активов. Ведь от того, какая тенденция сложится по отношению к криптовалютам среди правительств различных государств, будет зависеть ее будущее.

В начале 2021 г. в России вступил в силу Федеральный закон № 259¹¹, заложивший правовые основы для регулирования использования криптовалюты на территории нашей страны. Законодатель не использует термин «криптовалюта». Вместо него в законе упоминается понятие «цифровая валюта». Согласно ч. 3 ст. 1 данного Закона, цифровая валюта — это совокупность электронных данных, являющихся средством платежа или инвестиции, перед владельцем которых нет обязанного лица.

Данный закон в ряде случаев признает криптовалюту имуществом и вносит поправки в соответствующие нормативные акты: Федеральный

¹⁰ Григорьев В.В., Нурисламова Э.Р., Нурисламова Н.Р. Функциональные аспекты криптовалюты // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-1. С. 530–537.

¹¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

закон № 115-ФЗ¹², Федеральный закон № 127-ФЗ¹³, Федеральный закон № 229-ФЗ¹⁴, Федеральный закон № 273-ФЗ¹⁵.

То есть в общем виде законодатель признает цифровую валюту имуществом в случаях, когда ее необходимо изъять:

- при отслеживании операций в целях противодействия терроризму;
- при признании гражданина банкротом;
- в ходе исполнительного производства;
- при контроле финансовых операций граждан в целях противодействия коррупции.

Отметим, что по общему правилу цифровая валюта не является имуществом и не является средством платежа. Например, налоговым резидентам запрещено принимать любую криптовалюту в счет оплаты товаров, работ и услуг. На остальных граждан данный запрет не распространяется.

Граждане, имеющие криптовалюту или проводящие любые финансовые операции, обязаны сообщать в налоговый орган о совершенных действиях, а также декларировать данный актив. Отметим, что закон будет защищать цифровую валюту гражданина только в случае ее декларирования.

Согласно Налоговому кодексу РФ¹⁶, особенностей при расчете и уплате налогов от доходов с криптовалютой не имеется, а значит, необходимо соблюдать необходимую процедуру налогообложения. Отметим, что оснований для освобождения или уменьшения налога для цифровых валют также не предусмотрено.

Соответственно, за нарушение данных требований наступает предусмотренная законом ответственность. Ранее предполагалось, что гражданина можно будет привлечь до любого вида ответственности, вплоть до уголовного. В данный момент наказание предусмотрено в виде штрафа в размере 10% от суммы криптовалюты, а за неуплату налога штраф в размере 40% от суммы неуплаченного налога. Думаем, что данный институт находится только в начале своего развития, ведь уже существует проект поправок к Уголовный кодекс РФ¹⁷, предусматривающий арест или штраф за недекларирование криптовалюты на сумму свыше 15 млн руб.

¹² Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, в Российской Федерации:

1. Криптовалюта не является имуществом, но на нее может быть обращено взыскание в случае банкротства или возбуждения исполнительного производства.

2. Принимать криптовалюту в качестве оплаты товаров, работ и услуг запрещено как юридическим, так и физическим лицам.

3. Для того чтобы защищать свои права, криптовалюту и операции с ней, необходимо задекларировать ее в соответствующем налоговом органе.

4. Если операции с криптовалютой принесли доход, с него необходимо будет заплатить налоги по общим правилам. За недекларирование криптовалюты и неуплату налогов предусмотрены штрафы и ответственность¹⁸.

Такой является позиция наших властей. Также ознакомимся с действиями других государств в вопросе регулирования криптоактивов.

Так, интересной представляется позиция Верховной рады Украины, которая 8 сентября 2021 г. приняла Закон № 3637, согласно которому криптоактивы в Украине станут легальными. Соответствующий раздел («О виртуальных активах») планируется принять в рамках гражданского законодательства. Так, Верховная рада узаконила правоотношения, возникающие при создании, выпуске и обращении цифровых активов, а также сделки, совершенные с их помощью. Узаконены также принципы функционирования крипторынков (например, обеспечение унифицированного подхода к организации торговли криптоактивами)¹⁹.

Принятые нормы способствуют активному развитию криптовалютной тематики, а также пополнению государственного бюджета украинских властей. Согласно оценкам специалистов, данные меры поспособствуют вывести из тени операции на сумму свыше 1 млрд гривен ежедневно. Интересно также то, что оплата услуг будет осуществляться посредством мгновенной конвертации валют. В стране допустим эквайринг, то есть процесс безналичной оплаты товаров и услуг картой через платежные терминалы у продавца²⁰.

Похожую позицию занимает Минфин Германии, который еще в марте 2018 г. подписал постановление о признании биткойна законным платежным средством, приравняв его к фиатным валютам и освободив от налогообложения. Отметим, что размер платежей в криптовалюте устанавливает

¹⁸ Русанова П.А., Лошкарев А.В. Правовое регулирование криптовалюты в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-4. С. 52–56.

¹⁹ Погребной Д.И. Вопросы определения правового статуса криптовалют и хозяйственно-правового обеспечения их использования в Украине // Теорія і практика правознавства. 2018. № 2 (14). С. 8.

²⁰ URL: <https://eadaaily-com.turbopages.org/eadaaily.com/s/ru/news/2021/09/11/ukraina-cene-evropa-prezident-estonii-poslala-messedzh-ukrainskim-oligarham> (дата обращения: 10.09.2023).

продавец, но цена должны быть выражена в национальной валюте. Также конвертация фиатных валют в цифровую не облагается налогом, но необходимо задокументировать расчетную операцию. Что касается деятельности майнеров, то правительство не намерено принимать решения, носящие какие-либо правовые последствия, в силу того, что добыча новых биткойнов является оплатой за их работу, а определить конечного потребителя в данном случае невозможно (переводы между счетами пользователей осуществляются добровольно и независимо от майнера)²¹. Однако криптобиржи, в обязанности которых входит обработка по купле-продаже криптоактивов, платить налоги обязаны. В BMF подчеркивают, что регулирование криптоактивов строится на принципах равенства, а значит, другие цифровые валюты, помимо биткойна, также могут использоваться как средство оплаты услуг. Правительство считает, что граждане сами могут оценивать риски и принимать решение о целесообразности использования любых цифровых активов²².

Также в июле 2021 г. власти Германии предоставили право институциональным фондам работать с криптовалютами. Так, инвесторы смогут вложить до 20% от своего капитала, что по сути миллионы и миллиарды евро. Но руководство страны считает, что в связи с сильной волатильностью рынка криптовалют консервативные немецкие инвесторы не станут вкладывать денежные средства в криптоактивы на протяжении ближайших пяти лет. Несмотря на это, ряд предпринимателей, среди которых Майк Новограц и Алан Говард, все же размещают долю своего капитала на рынке криптовалют, к чему призывают и своих коллег. Также криптовалютной тематикой интересуются и крупные компании (например, DekaBank) по причине быстрого финансового роста криптоактивов и реальной возможности увеличить свой капитал²³.

В рамках данного вопроса также необходимо осветить и противоположные процессы, протекающие в других странах.

Флагманом в криптовалютной индустрии является Китай. В 2017 году более 72% вычислительных мощностей биткойна находилось в Китае. КНР была лидером в майнинге и чисто теоретически могла влиять на курс биткойна, но этого не произошло. Китайские власти разделяют криптовалюты и технологию блокчейн. Так, на государственном уровне существует запрет криптовалют и ICO, но проводится политика стимулирования развития блокчейн-технологий. Более того, блокчейн был вписан в 13-й пятилетний план развития

²¹ Печегин Д.А. К вопросу о правовом регулировании криптовалют в Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 21–33.

²² URL: <https://forklog.com/kak-minfin-germanii-poshel-protiv-globalnogo-trenda-v-regulirovanii-kriptovalyutnoj-industrii/> (дата обращения: 10.09.2023).

²³ URL: <https://expert-ru.turbopages.org/expert.ru/s/2021/07/30/kripto/> (дата обращения: 10.09.2023).

Китая (2016–2020 гг.). По значимости он был приравнен к квантовым компьютерам и искусственному интеллекту. Благодаря этому в начале 2018 г. в стране было зарегистрировано более 3 тыс. фирм, осуществляющих деятельность с использованием блокчейна.

Но, несмотря на данные положительные тенденции, китайские власти приняли ряд мер, направленных на жесткое регулирование операций с криптовалютами.

Так, еще в 2013 году в Китае запретили совершать любые сделки с криптовалютами, а в 2014 году банки перестали обслуживать счета с криптовалютой. 2017 год стал решающим для биткойна, ведь именно тогда был принят запрет в отношении ICO, которое стало рассматриваться как мошенничество. Тогда же был принят запрет в отношении всех криптобирж.

Несмотря на резкое снижение популярности и оборота цифрового юаня до размера менее чем 1% от мирового оборота, криптобиржи переместились на другие рынки, в Японию и США. Такая судьба ждала и криптоплощадку Binance, которая за последующие полгода стала крупнейшей в мире. Китайские компании разрабатывали крайне популярные ICO, но пользователи уже переместили свои финансы на другие рынки²⁴.

Именно таким образом для покупки и продажи биткойна не осталось законных путей, и торговля криптовалютой перешла в черную и серую зоны²⁵.

В 2021 году позиция китайского руководства относительно использования криптовалют осталась прежней: полный запрет на расчет в криптовалюте. По их мнению, «спекулятивная торговля на криптовалютном рынке при его высокой волатильности серьезно нарушает безопасность собственности людей, а также нормальный экономический и финансовый порядок». Поэтому запрет распространяется также и на услуги по хранению криптовалютных активов²⁶.

На наш взгляд, пока рано оценивать влияние запретных мер, принятых в Китае, на курс криптовалюты. Мы лишь можем сказать, что Китай смог задать тенденцию «непринятия» криптовалют, что отразится на скорости его развития и адаптации цифровых активов гражданами.

В продолжение статьи отметим, что аналогичную позицию занимают и США. Рассмотрим ее подробнее.

В Налоговый кодекс США внесли поправку к разделу 6050I, согласно которой получатели криптовалюты на сумму свыше 10 000 долл. одновременно должны будут осуществить проверку личных данных отправителей.

²⁴ Алексеев А.П. Регулирование отношений в сфере ICO и оборота криптовалюты в КНР и Макао // БГЖ. 2019. № 3 (28). С. 209–212.

²⁵ URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/5b6028d99a79471eaa4ac212> (дата обращения: 10.09.2023).

²⁶ URL: <https://investfuture.ru/articles/id/kitay-zapretil-kriptovalyutnyy-biznes-v-strane-chto-budet-s-bitkoynom> (дата обращения: 10.09.2023).

Так, необходимо будет сообщать ФИО и номер социального страхования от правителя в течение 15 суток в налоговый орган. Нарушителям данного правила может угрожать не только административная ответственность в виде штрафа, но и тюремное заключение до 5 лет.

А. Сазерленд считает, что «прозрачность, которую хочет достичь правительство, нарушит конфиденциальность». Также он отмечает, что поправки к статусу «брокера», обязанного отчитываться о переводе криптоактивов, являются неверными и даже незаконными²⁷.

Сенаторы же Уайден и Туми выступили против таких поправок, предложив исключить владельцев криптовалют из закона. А сенатор Портман предложил освободить майнеров от налогообложения, ведь они получают доход не от перепродажи, а от создания криптовалютных активов²⁸.

На наш взгляд, столь резкая риторика вызвана рядом хакерских атак, использующих вирусы-вымогатели, оплата услуг которых происходит с использованием криптовалют. Так, в данном контексте представляется интересной атака группировки DarkSide на нефтепровод Colonial Pipeline. За свои услуги хакеры получили 64 BTC, но сотрудникам ФБР удалось установить получателей и впоследствии изъять цифровые средства. Именно поэтому в Bloomberg считают, что атака на стратегически важный объект приведет к ужесточению оборота криптовалют в США²⁹.

Меры по запрету использования криптовалют принимаются под эгидой борьбы с отмыыванием денег и финансированием террористов. Данные меры пока будут носить точечный характер, что, по мнению администрации президента США, подаст пример для других организаций³⁰.

Предпринятые попытки должны снизить количество цифровых вымогательств в США. Но, как политика «закручивания гаек» отразится на криптовалютной индустрии в целом, пока не ясно.

Отметим, что в штатах имеется множество положительных соглашений, принятых в соответствии с законодательством. Так, криптовалюты успешно функционируют в таких сферах, как банковское дело, жилищное строительство и фармацевтика. Также происходит «принятие криптовалюты» на уровне отдельных штатов. А власти Майами выпустили собственную криптовалюту, которая уже пополняет бюджет города³¹.

²⁷ Цит. по: Дружинин М.Р. Правовое регулирование криптовалют в зарубежных странах: уголовно-правовой аспект // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3. С. 729–746.

²⁸ URL: <https://freedmanclub.com/zakonodatelstvo-usa-uzhestochajut-v-otnoshenii-kripty/> (дата обращения: 10.09.2023).

²⁹ URL: <https://beincrypto.ru/minfin-ssha-sankczii/> (дата обращения: 10.09.2023).

³⁰ URL: <https://shazoo.ru/2021/09/18/115619/smi-ssha-gotovyat-sereznye-kriptovalyutnye-sankcii> (дата обращения: 10.09.2023).

³¹ URL: <https://lenta.ru/news/2021/08/10/crypto/> (дата обращения: 10.09.2023).

В заключение статьи отметим, что в данный момент мы стоим на важном пути, олицетворяющем смену одной эпохи другой. Как компьютер пришел на смену книге, так и цифровая валюта сменила бумажные деньги. Нам представляется, что вопрос лишь во времени осуществления данных перемен.

Роман Е.М.,
инспектор отдела воспитательной и социальной работы
с личным составом Университета Федеральной службы
исполнения наказаний (ФСИН России)
(г. Москва)

Литература

1. Алексеев А.П. Регулирование отношений в сфере ICO и оборота криптовалюты в КНР и Макао / А.П. Алексеев // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28).
2. Григорьев В.В. Функциональные аспекты криптовалюты / В.В. Григорьев, Э.Р. Нурисламова, Н.Р. Нурисламова // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1.
3. Дружинин М.Р. Правовое регулирование криптовалют в зарубежных странах: уголовно-правовой аспект / М.Р. Дружинин // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3.
4. Козлова Е.И. Инвестиционные возможности криптовалюты (на примере биткоина) / Е.И. Козлова, Д.А. Бессонова // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. Т. 31. № 4.
5. Лапинскас А.А. О сущности, особенностях и легитимности криптовалют / А.А. Лапинскас // Экономический вектор. 2021. № 2 (25).
6. Печегин Д.А. К вопросу о правовом регулировании криптовалют в Германии / Д.А. Печегин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6.
7. Погребной Д.И. Вопросы определения правового статуса криптовалют и хозяйственно-правового обеспечения их использования в Украине / Д.И. Погребной // Теорія і практика правознавства. 2018. № 2 (14).
8. Русанова П.А. Правовое регулирование криптовалюты в России / П.А. Русанова, А.В. Лошкарев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10–4.
9. Смирнова Т.Л. Развитие криптовалюты в цифровой экономике / Т.Л. Смирнова // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16–1.

Семейные правоотношения при смене пола

В российском законодательстве появляются изменения, ограничивающие случаи смены пола в Российской Федерации (далее — РФ). Теперь возможность смена пола урегулирована ст. 45.1 Федерального закона об основах охраны здоровья в РФ № 323-ФЗ¹, появившейся с принятием Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон № 386-ФЗ)². Поводом послужило то, что пол можно было менять просто по документам, без операции³. Юридическая смена пола без операции представляет собой прямой обход запрета, так как нельзя заключать брак между лицами одного пола, поскольку, согласно Конституции РФ⁴, брак — это союз мужчины и женщины (п. «ж.1» ч. 2 ст. 72). Возможность заключения брака между юридически «женщиной» (биологически мужчиной) и мужчиной делает возможным усыновление несовершеннолетних однополыми союзами, что сопряжено с определенными рисками при воспитании ими несовершеннолетних. Это было бы узаконенной пропагандой нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних, с обходом запрета на однополый брак, так как по документам брак был бы формально законен. Зарубежные исследователи, опираясь на теорию познания, отмечают, что осознание половой принадлежности формируется в процессе подражания, когда ребенок наблюдает за реальным поведением родителей⁵. Стоит сказать, что отечественные исследователями в 2008 г. было отмечено, что дети, выросшие в РФ в однополых семьях, часто ограничивались отношениями с детьми из таких же семей⁶.

Если говорить о праве на вступление в брак, то лицо, совершившее операцию по смене пола и сменившее имя на основании ст. 19 Гражданского

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 386-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

³ Госдума приняла законопроект о запрете смены пола. URL: <https://rg.ru/2023/06/14/gosduma-priniala-zakonoproekt-o-zaprete-smeny-pola.html> (дата обращения: 07.08.2023).

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одоб. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Bussey Kay, Bandura Albert. Social cognitive theory of gender development and differentiation // Parenting. 1999. P. 21.

⁶ Солдатников В.В., Чканикова А.М. Дети в однополых семьях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 1. С. 144–147.

кодекса РФ⁷ (далее — ГК РФ), уже должно считаться лицом иного пола. С правовой точки зрения препятствий для брака нет. Брак заключается по взаимному согласию и расторгается, если есть на то воля супругов, исходя из ст. 12 и 16 Семейного кодекса РФ⁸ (далее — СК РФ). Однако после смены пола одним из супругов встает вопрос о юридическом статусе брака, поскольку брак становился однополым. При попытке сохранения такого брака возникает проблема противоречия с Конституцией РФ (ч. 3 ст. 55 и п. «ж1» ч. 2 ст. 72). Практика судебного прекращения брака в связи со сменой пола была и до новелл в семейном законодательстве, но велась в закрытом порядке, и брак признавался недействительным⁹. Однако к недействительности был вопрос. В статье 27 СК РФ смена пола не является основанием для недействительности брака. Брак же менявшего пол мог возникнуть задолго до рождения такой идеи в голове и вполне законен и не может быть недействителен, на что справедливо указывает О.С. Алферова¹⁰. Согласно новой редакции п. 1 ст. 16 СК РФ, брак прекращается, если лицо меняет свою половую принадлежность. Исходя из п. 2 ст. 5 Закона № 386-ФЗ, можно прийти к выводу о том, что раз новая редакция п. 1 ст. 16 СК РФ не упомянута в перечне исключений для случаев смены пола, произошедших до принятия закона, то при смене пола брак прекратится, если таковая произошла до принятия закона. С точки зрения ст. 19 ГК РФ смена пола не имеет значения, но нормы гражданского права не применяются вслепую. Необходимо учитывать специфику семейных правоотношений (ст. 4 СК РФ). При смене пола меняется свойство субъекта, ранее вступавшего в брак, если какие-то отношения сохранять, то не в форме брака. Иное противоречит конституционному определению брака, существу семейных правоотношений и институту семьи, предназначенному для рождения и воспитания детей, что в свое время отметил Конституционный Суд РФ¹¹.

Что касается родительских прав трансгендеров, то исследователями отмечается, что лишение родителей прав на основании смены пола невозможно, поскольку психическое заболевание — обстоятельство, не зависящее

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Суд аннулировал брак после смены пола одним из супругов. URL: <https://pravo.ru/news/245637/> (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁰ Алферова О.С. Смена пола человека: семейно-правовой аспект // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. С. 247.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-16112006-n-496-o-ob/> (дата обращения: 08.08.2023).

от воли личности¹². В пункте 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав»¹³ указано, что основанием для лишения родительских прав может быть лишь виновное поведение родителя, но не психическое заболевание, которое есть основание для ограничения в родительских правах. Возможно лишь ограничение в родительских правах исходя из ст. 73 СК РФ. Что касается усыновления (удочерения) лицами, сменившими пол, то предполагается полный запрет, исходя из подп. 14 п. 1 ст. 127 СК РФ. И, учитывая содержание п. 2 ст. 5 Закона № 386-ФЗ, можно прийти к выводу, что усыновление, возникшее до принятия закона, будет аннулировано, поскольку эти случаи не упомянуты в перечне исключений. Однако следует помнить, что существует ст. 6.21 Кодекса об административных правонарушениях РФ, запрещающая пропаганду смены пола и нетрадиционных сексуальных отношений¹⁴. По мнению Н.А. Аблятиновой, смена пола при совместном проживании с ребенком могут рассматривать как пропаганду несовершеннолетним¹⁵. Полагаем, риск есть, но при условии публичного распространения информации, например, ребенок рассказал одноклассникам в школе о факте смены пола одним из своих родителей, а там узнало руководство, но и это не основание для лишения родительских прав.

Перейдем к выводам. Если говорить о праве на вступление в брак, то лицо, совершившее операцию по смене пола и сменившее имя на основании ст. 19 ГК РФ, уже должно считаться лицом иного пола. С правовой точки зрения, препятствий для брака нет. Что касается существующего брака на момент смены пола, то теперь это основание для прекращения брака, что указано в п. 1 ст. 16 СК РФ. Вероятно, исходя из содержания п. 2 ст. 5 Закона № 386-ФЗ, брак прекратится, независимо от того, произошла ли смена пола до принятия закона или после, поскольку в новом законе такие

¹² Яковлев Д.Г., Фирсаков С.А., Кунгурцева И.В. Родительские права и участие в устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, трансгендеров и лиц, сменивших пол // Закон и право. 2022. № 5. С. 96.

¹³ О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.04.2023 с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Аблятинова Н.А., Тихомаева В.С. Правовые последствия изменения пола в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспект // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 7-1. С. 97.

случаи в перечне исключений не указаны. Сохранение такого брака идет вразрез с конституционным пониманием брака. Если отношения между бывшими супругами сохраняются после смены пола, то они не должны регулироваться семейным правом, если только речь не идет о алиментах.

Что касается родительских прав и усыновления, то смена пола, исходя из действующих норм в ст. 73 СК РФ, может привести к ограничению, но не лишению родительских прав. Совместное проживание с несовершеннолетним могут посчитать запрещенной пропагандой смены пола среди несовершеннолетних, но при условии распространения данной информации среди окружающих. Со сменой пола и последующим разводом и идет назначение алиментов на несовершеннолетних, от которых смена пола не освобождает родителя, исходя из содержания ст. 120 СК РФ, так что уйти от исполнения родительских обязанностей не удастся. Что касается усыновления, законодатель решил ввести запрет на усыновление людьми-трансгендерами. Неясна судьба усыновления, возникшего до принятия Закона № 386-ФЗ, поскольку в п. 2 ст. 5 указан перечень случаев, которых новый закон не коснется. Усыновление, как и брак, не упомянуты в них, из чего можно сделать вывод о том, что такое усыновление также будет отменено, как и брак.

Сазонов А.И.,

консультант юридической клиники
Балтийского федерального университета
имени Иммануила Канта,
магистр юридических наук
(г. Калининград)

Литература

1. Аблятинова Н.А. Правовые последствия изменения пола в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспект / Н.А. Аблятинова, В.С. Тихомаева // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 7–1.
2. Алферова О.С. Смена пола человека: семейно-правовой аспект / О.С. Алферова // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1.
3. Солдатников В.В. Дети в однополых семьях / В.В. Солдатников, А.М. Чканикова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 1.
4. Яковлев Д.Г. Родительские права и участие в устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, трансгендеров и лиц, сменивших пол / Д.Г. Яковлев, С.А. Фирсаков, И.В. Кунгурцева // Закон и право. 2022. № 5.
5. Bussey K. Social cognitive theory of gender development and differentiation / K. Bussey, A. Bandura // Psychological Review. 1999. Vol. 106. Iss. 4.

Аксиологический подход к праву на охрану изображения гражданина

Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹ определены национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г., среди которых: а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; б) возможность для самореализации и развития талантов; в) комфортная и безопасная среда для жизни; г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; д) цифровая трансформация. Одновременно установлены целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей. Большинство из показателей имеют непосредственное отношение к человеку и его роли в современном обществе: обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет; снижение уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г.; увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70%; создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций; улучшение качества городской среды в полтора раза; улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно и др. Достижение установленных показателей напрямую предопределено системой имущественных и неимущественных прав, закрепленных за гражданином в нормах гражданского, жилищного, семейного, трудового, природоресурсного и иного законодательства. Однако важное значение имеют содержание предоставленных прав и гарантии их реализации, что позволит сделать вывод об их эффективности.

Несмотря на разную область приложения, определяемые государством цели развития России выстраиваются вокруг человека: здоровье, труд, предпринимательство, благополучие и т.д. Сконцентрированность на человеке позволяет сказать о важности сферы личных прав лица. В настоящее время эта сфера приобретает еще больший интерес в связи с развитием информационных технологий. Гражданин практически ежедневно становится объектом информационного воздействия, причем в ряде случаев независимо от его воли и без его согласия. Большинство граждан даже не обладают в достаточной степени уровнем компьютерной грамотности, с тем чтобы

¹ СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

предотвратить сбор и отслеживание информации о своей частной жизни или случаи нарушения иных личных прав.

Как определено в ст. 2 Конституции РФ, «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства»². Именно в этой норме содержится «формальное основание для применения аксиологического подхода», основой которого является философия ценностей. Применение аксиологического подхода обусловлено тем, что право как социокультурный институт несет в себе ценностные ориентиры общества. Такой подход позволяет выявлять и анализировать ценностные основания правовых норм и институтов, а также оценивать их влияние на формирование социальных отношений и поведения.

Насколько в настоящее время закон соответствует ценностно-волевому вектору развития в части правовой регламентации права на изображение гражданина? Само право на изображение с точки зрения его правовой природы является спорным. История правового регулирования этого права связана со ст. 514 ГК РСФСР 1964 г.³, предусмотревшей охрану интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства, в котором уже тогда А.Л. Маковский видел так называемое право на собственное изображение⁴. М.Н. Малеина исходит из того, что право на собственное изображение — лишь одно из правомочий права на индивидуальный облик (вид) и голос⁵. Но если под индивидуальным обликом понимать внешность, фигуру, физические данные, одежду, то часть представленных характеристик формируется объективно, а другая часть — самим гражданином с учетом своих личностных предпочтений. Субъективное право предоставляется лицу с целью реализации юридически значимых возможностей, а фактическая возможность лица создать свой индивидуальный облик не может быть обеспечена чьей-либо обязанностью и принудительной силой государства. Вряд ли можно будет считать нарушением права на индивидуальный облик приобретение двумя разными лицами (возможно даже сходных по телосложению и внешности) одной и той же одежды или создание внешнего облика, сходного с образом другого, в том числе известного человека. Правовых оснований к запрету подобного поведения, в том числе с точки зрения аксиологии, усмотреть сложно. Ценность необходимо видеть в каждом че-

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2023).

³ Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁴ Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010.

⁵ Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. С. 125.

ловеке, учитывая его волю и желание при формировании индивидуального облика. Создание конкретного образа может быть ограничено нормами морали и нравственности.

Право на изображение следует рассматривать как самостоятельное субъективное право, которое включает в себя возможности по использованию и распространению изображения.

Правомочие владения применительно к личному неимущественному праву не имеет самостоятельного значения, ибо любые нематериальные блага привязаны к личности его носителя и существуют с ним в неразрывном единстве. Обеспечить возможность владения имеет смысл в отношении тех прав, объектом которых является отделяемое от его носителя благо (вещь, результат работы, результат интеллектуальной деятельности и т.д.). Ввиду привязки к личности нецелесообразно усматривать в праве на изображение и правомочие по распоряжению.

Правомочие по использованию изображения включает:

- возможность применения созданного образа (изображения) в быту, в профессиональной сфере. Третьи лица могут быть заинтересованы в поддержании конкретного образа гражданина (напр., врачи, работники ГИБДД, официанты, стюардессы), что накладывает ряд ограничений по сфере применения созданного лицом образа;

- возможность фиксации созданного образа в фотографических, аудио-визуальных и т.п. объектах.

Правомочие по распространению изображения включает:

- возможность дать согласие на распространение изображения третьими лицами при жизни лица;

- возможность дать согласие на распространение изображения третьими лицами после смерти гражданина.

В статье 152.1 ГК РФ определено, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. Тем самым можно резюмировать, что речь идет именно о правомочиях по использованию и распространению изображения, осуществляемых самим управомоченным субъектом при наличии выраженной на это его воли, что вполне соответствует природе личных неимущественных прав.

Что происходит с правом на изображение после смерти лица? С одной стороны, после смерти субъекта право на изображение, как тесно связанное с личностью, должно прекратиться. С другой стороны, по нормам ГК РФ правом дачи согласия на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина наделены дети, переживший супруг, а при их отсутствии — родители. И здесь возникает вопрос о допустимости его осуществления

иными лицами после смерти управомоченного лица. Как пишет М.Н. Малеина, «узаконенная возможность осуществления и защиты неимущественных прав после смерти их обладателя третьими лицами приводит к мысли о существовании некоторых нематериальных благ в отрыве от личности... в усеченном объеме»⁶. Е.А. Флейшиц прямо говорила о том, что в отношении права на собственное изображение допустимо «...перенесение на другое лицо осуществления права...»⁷.

Следует признать, что нематериальные блага в отрыве от личности конечно же не существуют. Но личное право (на изображение) с учетом определяющих его содержание правомочий вполне способно к осуществлению иными лицами после смерти лица. К числу таких лиц ст. 152.1 ГК РФ относит детей, пережившего супруга и родителей, которые по нормам ч. 3 ГК РФ относятся к числу наследников по закону первой очереди. Однако не всегда именно они могут быть включены в круг наследников, если при жизни субъект иначе распорядился принадлежащим ему имуществом, составив завещание или заключив наследственный договор. Несовпадение между кругом наследников и лиц, указанных в ст. 152.1 ГК РФ, оправдывается лишь наличием тесных, лично-доверительных отношений (материнства, отцовства, супружества), связывающих наследодателя с членами его семьи, которые, предполагается, должны быть в достаточной степени осведомлены о его желаниях, особенностях поведения и намерениях по использованию изображения после смерти. В доктрине приводят аргументы, оправдывающие невключение наследников в круг лиц, на усмотрение которым следовало бы предоставить решение вопроса об использовании изображения после смерти лица. А.А. Богустов объясняет эту ситуацию отсутствием личного интереса наследников и трансформацией «личного неимущественного блага в имущественное, включение его в коммерческий оборот, что противоречит его сущности и назначению»⁸. Вряд ли эти опасения оправданны. Даже в настоящее время установление в законе необходимости получения согласия лица на использование его изображения, в том числе после смерти, свидетельствует о ситуациях как личного, непрофессионального, так и коммерческого использования нематериального блага. Более того, наследники не всегда приобретают блага, имеющие экономическую форму товара (напр., получение права на охрану имени авторства и имени автора — ст. 1267 ГК РФ). Поэтому отдельные личные неимущественные права, включая право на изображение, могут входить в состав наследства.

⁶ Малеина М.Н. Указ. соч. С. 15.

⁷ Флейшиц Е.А. Избранное. М., 2007. С. 436.

⁸ Богустов А.А. Право лица на изображение в законодательстве государств евразийского региона: сравнительно-правовой анализ // Вестник СГЮА. 2023. № 1 (150). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-litsa-na-izobrazhenie-v-zakonodatelstve-gosudarstv-evraziyskogo-regiona-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 15.10.2023).

В зарубежных правовых порядках все большую актуальность приобретает вопрос о праве на публичность, содержание которого составляет возможность контролировать коммерческое использование имени, образа и подобия после смерти известного артиста, исполнителя и иного популярного гражданина. Так, принятый в Нью-Йорке закон предусматривает необходимость получения согласия: 1) наследников умершей личности, чье имя, голос, подпись, фотография или сходство имеют коммерческую ценность на момент его или ее смерти, а также 2) наследников умершего исполнителя, которое регулярно занималось актерским мастерством, пением, танцами или игрой на музыкальном инструменте, чьи образы не могут быть использованы в цифровых копиях⁹.

Установление в законе конкретного круга субъектов, с согласия которых может быть использовано изображение, порождает вопрос: если у обладателя права на изображение не оказалось лиц, отнесенных к числу детей, супруга или родителя, то каким образом будет происходить реализация и защита права на изображение?

Ограничение круга лиц, с согласия которых может быть использовано изображение гражданина после его смерти, свидетельствует о том, что этими субъектами законодательно очерчиваются субъектные пределы осуществления и защиты этого права. Соответственно, при отсутствии этих лиц право на изображение, как тесно связанное с личностью, должно прекратиться, а вместе с этим прекращается и возможность использования изображения гражданина после его смерти. Между тем Верховный Суд РФ исходит от обратного, устанавливая по сути право на свободное использование изображения умершего гражданина. В пункте 49 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁰ определено: в случае смерти гражданина, смерти или отсутствия всех перечисленных в п. 1 ст. 152.1 ГК РФ лиц (переживший супруг, дети, родители) какого-либо согласия для обнародования и использования изображения данного гражданина не требуется. Получается, что решение вопроса о возможном использовании изображения гражданина после смерти зависит от того, были у него члены семьи, формально подпадающие под критерии закона (дети, супруг, родители) или нет. А если у субъекта (носителя права на изображение) были тесные связи со своими братьями и сестрами или проживал он одной семьей с сожителем? Принцип юридического равенства участников гражданских прав и равной судебной защиты не позволяет признать

⁹ New York Based Celebrities and Performers Can Now Pass to their Heirs the Rights to License their Name. URL: https://rpjlaw.com/new-york-based-celebrities-and-performers-can-now-pass-to-their-heirs-the-rights-to-license-their-name/#_ftn1 (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

правомерной дифференциацию правового режима права на изображение в зависимости от того, были у лица дети, супруг, родители или нет. При их отсутствии, как минимум, возможным был бы к учету интерес иного лица из числа наследников или членов семьи, проживающих совместно.

Наличие разногласий между членами семьи (детьми и пережившим супругом, несколькими детьми, отцом и матерью умершего) должно стать основанием для запрета на использование изображения гражданина. Каждое из указанных лиц может иметь собственные причины для отказа в даче согласия, но, определяя согласие в качестве односторонней сделки со множественностью лиц, о выражении воли субъектов сделки можно будет сказать только при согласованной воле всех ее участников.

Таким образом, право на изображение — личное право гражданина, осуществление которого возможно и после его смерти. К числу лиц, наделенных соответствующим правом, следует относить более широкий круг заинтересованных субъектов (наследники, иные члены семьи). Свободное использование изображения гражданина после его смерти при отсутствии заинтересованных субъектов противоречит ценностному подходу в праве и является недопустимым.

Ходырева Е.А.,

профессор кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент
(Республика Удмуртия, г. Ижевск)

Литература

1. Богустов А.А. Право лица на изображение в законодательстве государств евразийского региона: сравнительно-правовой анализ / А.А. Богустов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150).
2. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006) / А.Л. Маковский. Москва : Статут, 2010.
3. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М.Н. Малеина. Москва : МЗ Пресс, 2000.
4. Флейшиц Е.А. Избранное / Е.А. Флейшиц. Москва : Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2007.

Отдельные аспекты применения принципов добросовестности и недопустимости злоупотребления правом на примере возмещения судебных расходов по косвенному иску в арбитражном процессе

Автору настоящей статьи представляется, что в современных условиях одной из ключевых тенденций, которую следует отметить в практике высшей судебной инстанции — Верховного Суда РФ, является необходимость выявления и учета реального существа рассматриваемого судом дела, выходя за рамки той картины, которую создают для суда стороны, и, как следствие, недопустимость использования правовых конструкций для достижения целей и интересов, которым не должна даваться правовая защита.

Одной из сфер, в которой данный подход видится в отчетливой форме, выступают корпоративные отношения. В настоящей статье автор намерен исследовать реализацию данного подхода на примере возмещения судебных расходов в случае отказа в удовлетворении косвенного иска в корпоративном праве.

Как известно, действующее гражданское законодательство наделяет участника корпорации правом предъявить иск о возмещении причиненных корпорации убытков, а также оспаривать совершенные ею сделки и требовать применения последствий их недействительности, а также последствий недействительности ничтожных сделок¹.

При этом, в силу положений ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), предъявляя указанные иски, участник действует от имени корпорации по правилам п. 1 ст. 182 ГК РФ.

Как указано в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — постановление № 25), участник корпорации, обращающийся в установленном порядке от имени корпорации в суд с указанными выше требованиями, в силу закона является ее представителем, в том числе на стадии исполнения судебного решения, а истцом по делу выступает корпорация (п. 2 ст. 53, п. 1 ст. 65.2 ГК РФ).

Данная правовая конструкция косвенного иска² создает ряд вопросов как теоретического, так и практического толка, одним из которых является

¹ Самсонов Н.В. Групповые иски — новый вид исков в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 25.

² Ярков В.В. Косвенные иски: проблемы теории и практики // Корпоративный юрист. 2007. № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2023); Осокина Г. Косвенные иски: реальность или фикция // Хозяйство и право. 2001. № 1. С. 87.

возмещение судебных расходов в случае полного или частичного отказа в удовлетворении исковых требований.

Так, в силу положений ч. 1 и 2 ст. 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. В случае, если иск удовлетворен частично, судебные расходы относятся на лиц, участвующих в деле, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований.

Сторонами в арбитражном процессе являются истец и ответчик (ст. 44 АПК РФ), при этом, как указано выше, истцом в рассматриваемой категории споров выступает корпорация.

Как следствие, имеются основания предположить, что при отказе в удовлетворении косвенного иска у ответчика возникает право требовать возмещения понесенных при рассмотрении дела судебных расходов со второй стороны спора, которой по правилам ст. 44 АПК РФ является истец, то есть корпорация.

Вместе с тем данное правовое решение представляется спорным, поскольку корпорация не является инициатором судебного спора и не связана процессуальной позицией участника, может занимать отличную от участника позицию.

Для решения данного вопроса в правоприменительной практике высказан подход о необходимости различать материального и процессуального истцов, первым из которых является корпорация, вторым — инициировавший иск участник³. Данный подход высказан, в частности, в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2022 г. № 15АП-20086/2022 по делу № А32-51497/2018.

В Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 января 2021 г. № Ф08-11814/2020 по делу № А63-9487/2019 изложена правовая позиция о том, что конструкция процессуальных статусов лиц, участвующих в судебном разбирательстве, инициированном участником общества, не изменяет правил распределения судебных расходов, поскольку представительский характер косвенного иска не является бесспорным обоснованием для несения бремени судебных расходов истцом за общество (равно и наоборот). Суд кассационной инстанции указал, что участник корпорации, предъявляя соответствующие требования, не только действует в интересах корпорации как ее представитель, но и преследует свой опосредованный (косвенный) интерес (а поэтому, по сути, является косвенным истцом), который обосновывается наличием у участника как истца материально-правового требования, обусловленного недопущением причинения ему ущерба как

³ Самсонов Н.В. К вопросу о праве процессуального истца на возмещение судебных расходов // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 471. С. 258–263.

субъекту гражданско-правовых отношений. По мнению суда кассационной инстанции, объект защиты по косвенному иску не может определяться как категоричный выбор либо в пользу защиты субъективного права юридического лица, либо в пользу защиты интересов участников юридического лица (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2016 г. по делу № 305-ЭС16-3884).

Приведенный правовой подход подтвержден и отражен также в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 16 декабря 2019 г. по делу № А71-12524/2017, в передаче которого для пересмотра в порядке кассационного производства отказано Определением Верховного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2020 г. № 309-ЭС19-28395, постановлениях Арбитражного суда Уральского округа от 2 сентября 2019 г. по делу № А34-2547/2017, Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 сентября 2020 г. по делу № А56-12080/2019, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 30 января 2020 г. по делу № А73-165/2018.

Возложение на подавшего иск участника обязанности нести судебные расходы по косвенному иску, по мнению автора настоящей статьи, соответствует принципу добросовестности использования процессуальных прав и по общему правилу подлежит применению вне зависимости от процессуальной позиции корпорации, поскольку последняя не являлась инициатором судебного процесса. Изложенное правовое решение направлено в том числе на предотвращение злоупотребления участником правом на иск, поскольку до его подачи, а равно в процессе рассмотрения спора участником будут осознаваться и учитываться возможные последствия отказа в удовлетворении его требований, сопряженные с личным несением судебных расходов.

Отметим, что для косвенных исков о возмещении причиненных корпорации убытков в ч. 3 ст. 225.8 АПК РФ прямо предусмотрено, что судебные расходы, связанные с рассмотрением дела, несут предъявившие иск участники в равных долях⁴. Представляется справедливым подход о наличии оснований для применения данной правовой нормы для иных косвенных исков в силу аналогии закона (ч. 5 ст. 3 АПК РФ).

Одновременно необходимо учитывать, что на практике мыслимы и фактически возникают ситуации, когда интересы корпорации и ее участника не только совпадают, но и реализуются общим представителем, в частности, когда подавший иск участник также является ее руководителем или единственным участником, назначившим руководителя корпорации. В такой ситуации выбор конструкции косвенного иска, как правило, продиктован намерением воспользоваться «процессуальными льготами», которые даются участнику, а также определением подсудности данной категории споров арбитраж-

⁴ Отдельные вопросы применения данной нормы освещены в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2023 г. № 305-ЭС22-16923 по делу № А41-24525/2020. См.: СПС ГАРАНТ.

ному суду (что с учетом высказанного в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 октября 2021 г. № 69-КГ21-9-К7 и Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2023 г. № 305-ЭС22-17536 по делу № А40-73943/2022 подхода к установлению компетентного суда представляется излишним), однако, по существу, и участник, и корпорация не только не занимают, но и не могут занимать отличную правовую позицию.

Автору настоящей статьи представляется, что в данной ситуации применительно к конкретным обстоятельствам рассматриваемого судом дела не следует исключать возможность взыскания судебных расходов ответчика непосредственно с корпорации как с финансово более обеспеченного лица, в частности, с применением положений ст. 41 АПК РФ, предусматривающей обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами.

Вторым аспектом, который представляется важным осветить в рамках настоящей статьи, является обозначенный в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14 июля 2020 г. № 309-ЭС18-12370 подход о возможности отступления от принципа пропорциональности возмещения судебных расходов в случае, если косвенный иск удовлетворен частично.

Верховным судом отмечено, что применительно к распределению судебных расходов критерий правомерности или неправомерности заявленного истцом требования связан с оценкой судом надлежащего исполнения сторонами своих гражданско-правовых обязательств, которая происходит в ходе рассмотрения спора по существу.

Верховный суд указал на разъяснения, содержащиеся в абз. 2 п. 12 Постановления № 25: в удовлетворении требования о возмещении убытков не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить; в этом случае размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению.

В рассматриваемом деле суд фактически полностью удовлетворил требования участника о взыскании с ответчиков в пользу корпорации убытков, но иначе рассчитал их размер. Такой расчет основан на том факте, что точно размер убытков установить невозможно, суд определял размер убытков на основании судебного усмотрения.

По мнению высшей судебной инстанции, при таких обстоятельствах возложение на участника корпорации судебных расходов как применение меры ответственности за необоснованное вовлечение ответчика в судебный процесс не может быть признано справедливым и отвечающим смыслу правового регулирования вопроса о взыскании судебных расходов.

Верховный суд отметил, что, поскольку обращение истца с исковыми требованиями являлось правомерным, суд признал доказанным наличие всей совокупности элементов состава гражданско-правовой ответственности, влекущей взыскание убытков с ответчика, при рассмотрении спора установлено недобросовестное и неразумное поведение ответчиков по отношению к имуществу общества; а также, принимая во внимание общеправовой принцип недопустимости злоупотребления лицами имеющимися у них правами (п. 1 ст. 10 ГК РФ), заявление ответчика о возмещении его судебных расходов на оплату услуг представителя в связи с частичным удовлетворением исковых требований не подлежало удовлетворению в силу п. 2 ст. 10 ГК РФ как основанное на злоупотреблении правом.

Как указано выше, автору настоящей статьи представляется, что в данном определении высшая судебная инстанция ориентирует суды на необходимость установить суть сложившегося между сторонами конфликта, не допуская использования правовых конструкций с недобросовестной целью.

При этом стоит признать также тот факт, что данный подход требует тонкого, взвешенного применения, поскольку в условиях конфликта участников корпорации зачастую возникают сомнения в добросовестности обеих сторон конфликта. Представляется, что в случае, если из обстоятельств дела усматривается и судом установлен факт предъявления заведомо необоснованных требований или требований с очевидно завышенным размером, взыскания судебных расходов с истцовой стороны не следует исключать.

Одновременно для истцовой стороны представляется разумным до подачи иска в суд направление претензии (обращения) в адрес корпорации и ответчика с предложением представить пояснения по тем фактам, в рамках которых, по мнению участника, имеет место причинение убытков корпорации, а также представить альтернативный расчет суммы убытков.

С учетом положений ст. 4 АПК РФ обязательный досудебный порядок урегулирования спора для данной категории дел не предусмотрен. Между тем с учетом того, что в условиях конфликтных отношений участников, корпорации и ее руководителя, а также ограниченности доступа участника — истца к информации о деятельности корпорации, представляется разумным предложение ответчику и корпорации сформулировать свою позицию и раскрывать доказательства до судебного спора с тем, чтобы истец если и не отказался от намерения обратиться в суд с иском о взыскании убытков, однако его требования и позиция носили более предметный характер, а сам истец был извещен о позиции и возражениях второй стороны.

Полагаем, что заблаговременное направление такого требования подлежит учету судом как одно из доказательств добросовестности истца при определении предмета, оснований и размера исковых требований. При получении ответа корпорации и предполагаемого ответчика на претензию приведенные последними доводы могут быть учтены и проанализирова-

ны истцом в исковом заявлении с приведением мотивов позиции истца и обоснованием указанных им расчетов. Отсутствие ответа указывает на недобросовестное поведение второй стороны и ограниченность истца в информации, необходимой для расчета суммы иска, что в совокупности с иными обстоятельствами дела может свидетельствовать о наличии оснований для отступления от принципа пропорциональности при взыскании судебных расходов.

В заключение настоящей статьи отметим, что Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в рассматриваемом Определении от 14 июля 2020 г. № 309-ЭС18-12370 указано, что применительно к п. 4 ст. 1044 ГК РФ у предъявившего иска участника имеется право обратиться к корпорации с требованием о компенсации расходов на действия, осуществленные в защиту ее интересов, в том числе понесенных судебных расходов, если участник докажет наличие достаточных оснований полагать, что такие действия совершены в интересах корпорации и понесенные расходы не превышают разумный размер.

Данное разъяснение Верховного суда вызывает ряд вопросов, в частности о необходимости первоначально предъявить требования к ответчику в порядке ст. 112 АПК РФ или о наличии у участника права выбора порядка компенсации понесенных расходов, о возможности взыскания расходов с корпорации при отказе в иске (в частности, при отказе корпорации в предоставлении участнику информации до подачи иска в суд)⁵, а равно о праве корпорации предъявить требования к ответчику по первоначальному спору в случае удовлетворения судом требования участника о компенсации его расходов, о процессуальной форме и сроках такого обращения.

Ограниченность объема настоящей статьи не позволяет осветить все обозначенные вопросы, в связи с чем позволим себе отметить их как значимую и актуальную тему для обсуждения.

Авдякова В.А.,

судья Арбитражного суда Ростовской области
(г. Ростов-на-Дону)

Литература

1. Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект / А.А. Кузнецов // Закон. 2020. № 11.
2. Осокина Г. Косвенные иски: реальность или фикция / Г. Осокина // Хозяйство и право. 2001. № 1.
3. Самсонов Н.В. Групповые иски — новый вид исков в российском гражданском процессе / Н.В. Самсонов // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1.
4. Самсонов Н.В. К вопросу о праве процессуального истца на возмещение судебных расходов / Н.В. Самсонов // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 471.
5. Ярков В.В. Косвенные иски: проблемы теории и практики / В.В. Ярков // Корпоративный юрист. 2007. № 11.

⁵ Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. 2020. № 11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.10.2023).

К вопросу о гражданской процессуальной право- и дееспособности

Научные взгляды, отражающие сущее и должное о гражданском судопроизводстве, находятся в постоянном развитии, в связи с чем настало время вновь поднять вопрос о понимании и содержании таких категорий, как гражданская процессуальная право- и дееспособность, а также гражданская процессуальная правосубъектность. В науке гражданского процессуального права данная проблема была наиболее актуальной в 50–70-е гг. XX в. в связи с разработкой не менее общей и значительной по объему темы гражданских процессуальных правоотношений¹. С тех пор понимание гражданской право- и дееспособности закрепилось на уровне одной из предпосылок и условий возбуждения дела, реализации права на иск (на предъявление и удовлетворение иска), права на судебную защиту в неисковых видах производства, а также в непосредственной связи с институтом законного представительства в процессуальном праве. Попытка представить процессуальную право- и дееспособность и правосубъектность как общие категории гражданского процесса значительно обогатила уровень научных знаний о гражданском процессе, процессуальном праве вообще и его связях с материально-правовыми отраслями, о субъектах гражданских процессуальных правоотношений (и самих процессуальных правоотношениях) и их правовом статусе. Вместе с тем еще сейчас гражданская процессуальная право- и дееспособность моделируется по образу и подобию материальной право- и дееспособности в гражданском праве. Не найдено универсального ответа о наличии / отсутствии процессуальной право- и дееспособности и объеме этих понятий у иных субъектов процесса, кроме лиц, участвующих в деле. Практически не разработаны процессуальная сущность и назначение законного судебного представительства, знания о котором также страдают значительными заимствованиями о законном представительстве в материальном праве. Также остается открытым вопрос о возможности применения рассматриваемых нами категорий к юридическим лицам и иным коллективным образованиям, участие которых допускается в гражданском

¹ Подробнее см.: Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение: дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1965. С. 205–311; Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения. М.; Саратов, 1965. С. 39–48; Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. С. 10–6128; Он же: Субъекты судебного гражданского процесса. Томск, 1987. С. 17–28; Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 8 и след.; Он же: Участники гражданского процесса. М., 1960. С. 21–27; Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М., 1967. С. 15–24; Якубов С.А. Субъекты советского гражданского процессуального права. Ташкент, 1973; Курс советского гражданского процессуального права / отв. ред. А.А. Мельников. Т. 1. М., 1981. С. 220–236.

судопроизводстве. Подход к указанным проблемам хоть как-то смоделирован в обновленном процессуальном законодательстве (Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ), что можно поставить в заслугу ученым-процессуалистам и разработчикам имеющихся кодексов. Основным же вопросом, не нашедшим своего однозначного решения ни в науке, ни в законодательстве, остается гражданская процессуальная правосубъектность, ее сущность (если таковая есть) и роль в динамике гражданских процессуальных правоотношений.

Полагаем, что рассматриваемые категории могут быть значительно обновлены с учетом общего развития в понимании права на судебную защиту, на основе процедурного и динамического подходов к цивилистическому процессу, его большей независимости от категорий материального права (в первую очередь гражданского). Попытаемся сформулировать несколько тезисов на этот счет.

1. Гражданская процессуальная право- и дееспособность есть свойства личности в ситуации (правовой среде), которые присваиваются ей с целью обладания и возможности реализации прав и обязанностей в своих интересах и интересах других лиц. Нельзя согласиться с точкой зрения, что это особого рода субъективные права (или совокупность прав). А самое распространенное определение через «способность» вообще тавтологично. Что значит «способность», какого она рода? Точнее будет сказать, что правоспособность характеризует больше ситуацию (скажем так: «объективную сторону» взаимоотношений между субъектами права), а дееспособность — саму личность в данной ситуации («субъективную сторону»). Вне привязки к ситуации и личности обе категории теряют свой смысл.

Далее, обе имеют как *формальный (в позитивно-правовом понимании) срез, так и реальный (жизненный, естественный, в понимании естественно-правовых традиций)*. Формальный срез с точки зрения правовой конструкции всегда основан на правовой презумпции. Формально правоспособность есть возможность иметь *персонально* весь набор процессуальных прав и обязанностей, гарантируемых правом конкретного государства. Формально дееспособность — это возможность каждого *лично* участвовать в реализации субъективных прав и интересов, в том числе назначать себе помощников в такой реализации (представителей). То есть формально каждое лицо обладает разумом (способность осознавать — умственный критерий) и волей (способность руководить — волевой критерий). Право и дееспособность в формальном понимании есть правовые презумпции (опровержимые в суде). Реальный срез правоспособности — это правовой статус конкретной личности в конкретном месте и времени. То есть набор реальных прав и обязанностей во всех правоотношениях, в которых личность участвует. Реально не во всех ситуациях и не все время лицо может иметь здравый ум и

твердую память. На это и существуют в праве институты недееспособности и ограничения дееспособности, а также институт вменяемости.

Реальную право- и дееспособность можно, по нашему мнению, совместить с понятием «процессуальная правосубъектность», предполагающим всегда как наличие определенного правового статуса у лица, так и его участие в процессуальных правоотношениях в рамках конкретного судебного процесса. В этом смысле мы не поддерживаем такие точки зрения, что процессуальная правосубъектность объединяет в себе понятия процессуальной право- и дееспособности либо же вообще заменяет понятие процессуальной правоспособности².

Право- и дееспособность есть одновременно и «обязоспособность», так как включает в себя свойства личности не только в реализации ее субъективных прав, но и в исполнении обязанностей. Так, все лица, содействующие осуществлению правосудия, исходя из существования права на судебную защиту, несут в первую очередь обязанности, которые корреспондируют праву на судебную защиту обратившегося в суд интересанта. Личное право каждого на судебную защиту как своего рода «абсолютное право» предполагает личную обязанность каждого содействовать правосудию по возбужденному делу (при необходимости) в различных формах участия в процессе. Думается, что даже такие «обязанные» содействовать правосудию лица также обладают правом на судебную защиту (в смысле общей превенции, т.е. формальной право- и дееспособности, независимо от наличия заинтересованности в исходе дела) и реализуют его в форме содействия осуществлению правосудия, исполняя свою гражданскую обязанность (долг) быть свидетелем или должностную обязанность прокурорского реагирования. Содержание ст. 32, 33, 46 Конституции РФ позволяет нам так говорить.

2. Гражданская процессуальная право- и дееспособность напрямую вытекает из конституционного права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ). Если субъекту предоставлена возможность судебной защиты — значит он полностью право- и дееспособен в гражданском судопроизводстве. Право на справедливое судебное разбирательство (включая право на принудительное исполнение вердикта суда) — личное право каждого и не может быть реализовано по доверенности. Трудно себе представить, например, чтобы право на жизнь могло бы быть реализовано по доверенности иным лицом.

Сегодня общепризнано, что возникновение, структура и содержание право- и дееспособности должны соответствовать специфике каждой отрасли права. Если данные категории применяются в какой-то отрасли права, они должны быть признаны самостоятельным видом право- и дееспособности

² Курс советского гражданского процессуального права / отв. ред. А.А. Мельников. Т. 1. М., 1981. С. 224–225.

в каждой из них³. Цивилистическое процессуальное право понятиями право- и дееспособности охватывает возможности защиты любого права в суде. По своему объему эти понятия иные, нежели понятия право- и дееспособности в любой иной отрасли материального права. Говорить, что какое-то шире, а какое-то уже, думается, вообще некорректно.

Основа процессуальной право- и дееспособности в ст. 46 Конституции РФ, по сути, снимает проблему генетической связи данных процессуальных категорий с категориями гражданской право и дееспособности. Дееспособность в гражданском праве застыла в своем понимании в XIX в., сама нуждается в совершенствовании, что признается в науке гражданского права⁴. Она основана, во-первых, на гипертрофировании волевой теории с выдвиганием на передний план изолированного индивида как «свободной личности» и так называемой «частной автономии». В судопроизводстве ни одно лицо не изолировано и само по себе не существует, даже в моделях позитивного права. Как минимум, оно существует в отношении (правовой связи) с судом, как максимум — со всеми иными участниками единого гражданского процессуального правоотношения. Во-вторых, на понимании субъекта как одинокого в осуществлении своих прав. В процессе такого не может быть никогда: любое осуществление процессуального права (правомочия, обязанности) жестко привязано, как минимум, к деятельности суда. Поэтому *гражданская процессуальная право- и дееспособность есть свойства лица в процессуальной (судебной) коммуникации, в «общем деле», в отличие от гражданской право- и дееспособности, где дело презюмируется «индивидуальным», «частным».*

Обращение за судебной защитой — проявление права на личное участие граждан в управлении государством и личное обращение в государственные органы. Это вытекает из содержания ст. 32, 33, 46 Конституции РФ. Обращение в суд за защитой — самая развернутая форма такого личного участия в управлении. Как верно отметил С.Ф. Афанасьев, «внедрение данного вывода в жизнь позволит приблизить российское законодательство к международным правовым эталонам, соблюсти положение ст. 33 Конституции РФ, согласно которому граждане обладают правом личного обращения в любые государственные органы, а также развить доктринальный посыл об отсутствии строгого синкретизма материальной и процессуальной дееспособности»⁵.

«Чтобы получить судебную защиту, достаточно быть правоспособным», — верно ли это утверждение? В зависимости от того, что понимать под судебной защитой. Если результат процесса, принудительное исполнение судеб-

³ Орлова О.Б. Дееспособность физических лиц в Российском гражданском праве : дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 59.

⁴ Орлова О.Б. Указ. соч. С. 10–14; Ягунова Е.Е. О дееспособности несовершеннолетних в цифровой среде // Цивилист. 2022. № 1. С. 32–36.

⁵ Афанасьев С.Ф. О некоторых аспектах права на судебную защиту недееспособных и ограниченно дееспособных лиц // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 67–83.

ного вердикта, способность быть «выгодоприобретателем» по судебному решению, то, вероятно, так сказать можно. Но не все субъекты являются выгодоприобретателями процесса, не на всех распространяется материально-правовое действие судебного решения как часть его законной силы. Получают ли судебную защиту в процессе прокурор или, например, представитель, свидетель? Кажется очевидным — нет. На самом деле — да (в смысле вышеприведенной общей превенции). *Получение судебной защиты в нашем понимании — значит участие в процессе судебной коммуникации, в рассмотрении и разрешении спора, а не только (и не столько) в процессе (процедуре) принудительного исполнения.* Такого подхода требует, по нашему мнению, процедурность судебного процесса, а также его материализация, признание процесса самостоятельным благом в современных обществах. Того же требует и динамический подход к процессу⁶. Можно ли отказаться от такого блага? По нашему мнению, нет. Отказ от судебной защиты, в том числе от права на обращение в суд, от личного участия в процессе, недействителен, так же как и отказ от права на жизнь.

Право обращаться лично, как признано в юридической науке, означает два явления: а) право лично прибыть в суд (в иной государственный орган) и лично коммуницировать — право «на личный прием» (здесь работает «юридическая помощь, процессуальное попечительство» и проч.); б) право обратиться от своего имени (здесь уже работает институт представительства в понимании замены одного лица другим). Мы согласны с тем, что слово «лично» в контексте ст. 33 Конституции РФ должно пониматься как наречие, определяющее особенность способа подачи обращения, а не как характеристика заявителя (действующего от своего имени). То есть право обратиться лично не следует смешивать с правом гражданина обратиться от своего имени, поскольку это напрямую следует из ст. 60 Конституции РФ о праве каждого самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет⁷. *Речь идет именно о фактическом личном предъявлении гражданином должностному лицу органа власти (в том числе суду) своего обращения. И здесь возможны два варианта: личное устное озвучивание обращения должностному лицу или подача письменного экземпляра обращения.* С правом гражданина на личный прием корреспондирует обязанность органа власти его организовать, ключевым становится вопрос об обязательности проведения личного приема непосредственно руководителем органа власти. *Вся модель гражданского судопроизводства — это модель порядка личного приема гражданина судом на предмет разрешения спора о праве или*

⁶ Елисеев Н.Г. Конструктивная критика Концепции единого Гражданского процессуального кодекса на основе динамической теории права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 76–86.

⁷ Савоськин А.В. Размышления о проблемах реализации конституционного права граждан обращаться лично // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 33–37.

иного правового вопроса, подведомственного суду. Любое иное толкование, по нашему мнению, — ограничение права гражданина.

3. Формальная и реальная право- и дееспособность (правосубъектность) в процессе есть у всех лиц, пока не доказано иное. Тот, кто имеет право на судебную защиту, тот имеет возможность лично реализовать это право в суде. Это общая презумпция, вытекающая из вышеуказанного толкования Конституции РФ. Надо каждого обращающегося в суд человека «на входе в процесс» считать полностью процессуально право- и дееспособным. Каждое привлекаемое судом к участию в деле лицо также процессуально право- и дееспособно. То есть процессуальная правосубъектность (как синтез реальной право- и дееспособности) *либо есть всегда (если есть право на судебную защиту), либо же ее нет и быть не может (при отсутствии такового).* Первое — общее правило, второе — исключение. Другой процессуальной право- и дееспособности не существует.

Нельзя согласиться с мнением ученых, которые утверждают, что недееспособные и ограниченно дееспособные в материальном праве лица есть недееспособные в гражданском судопроизводстве (по общему правилу)⁸. *Наоборот, надо считать их полностью право- и дееспособными в ГПП, если им предоставлена возможность судебной защиты путем личного участия в процессе.* Это должно быть общим подходом для всего цивилистического процесса, а не только, например, для административного судопроизводства (как предлагается в литературе)⁹.

Личное участие в судопроизводстве даже недееспособного по материальному праву лица не влечет для него никаких рисков, подобных тем, которые возникают в материальных правоотношениях при личном ведении дел без чьей-либо помощи. Хотя бы потому, что все его действия совершаются под контролем суда! Здесь нет никаких политико-правовых оснований говорить о том, что такое лицо остается недееспособным (не полностью дееспособным). Если лицо лично не участвует в процессе — действует общая презумпция, единая с презумпцией в материальном праве. Ограниченно дееспособное или недееспособное в материальном праве лицо, которому законом *не предоставлено право самостоятельного обращения в суд за защитой (самостоятельного участия в суде), — процессуально недееспособно.*

Неполной, ограниченной или частичной процессуальной право- и дееспособности, полагаем, не существует. Вероятно, можно признать верной позицию о том, что процессуальная правоспособность может быть общей и специальной (например, у прокурора, суда, иных государственных органов, участвующих в процессе для защиты прав и интересов иных лиц)¹⁰.

⁸ См., например: Ионова Д.Ю. Гражданская процессуальная дееспособность : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 55–57.

⁹ Ионова Д.Ю. К вопросу об административной процессуальной дееспособности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 16–20.

¹⁰ Сахнова Т.В. Курс гражданского процессуального права. М., 2014. С. 203.

Специальная правоспособность, думается, также у субъектов, содействующих осуществлению правосудия, и судебных представителей. Общая — у всех остальных лиц, участвующих в деле (стороны, третьи лица), ввиду наличия у них материально-правового интереса в исходе дела. Вряд ли можно признать какую-либо дифференциацию дееспособности наподобие той, что есть в гражданском праве. Нельзя согласиться с видами ограниченной процессуальной дееспособности, предложенной процессуалистами¹¹ (Осокина, Ионова, может быть, Сахнова и проч.). Эти предложения исходят из привязки процессуальной дееспособности не к праву на судебную защиту, а материальному праву, защищаемому в судебном процессе. Определить, что такое ограниченная процессуальная дееспособность, частичная процессуальная дееспособность, путем определения специального набора процессуальных прав и обязанностей, осуществляемых лично лицом, затруднительно — ввиду характерных особенностей гражданских процессуальных правоотношений: с одной стороны, единством, с другой — единичными элементарными правовыми связями; процессуальными действиями (не событиями и не субъективными правами и обязанностями) в качестве содержания таковых; динамическим свойством любого процесса, наличием между действиями и правоотношениями многозначной причинно-следственной связи, важностью процессуального действия для всей последующей цепочки процессуальных правоотношений, на которые такое действие влияет.

Таковы главные ориентиры, которые возникают в условиях современного правопонимания гражданского судопроизводства относительно рассматриваемых категорий. Если взять их за основу, потребуются пересмотр и модернизация ряда старых и вновь конструируемых процессуальных институтов. Из старых это судебное представительство (в особенности законное), предпосылки и условия права на судебную защиту, участие юридических лиц и иных коллективных субъектов в гражданском судопроизводстве. Из вновь предлагаемых — разработка цифровой процессуальной право- и дееспособности¹².

Аргунов В.В.,

доцент кафедры гражданского процесса Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)

имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

¹¹ См., например: Осокина Г.Л. Гражданская процессуальная право- и дееспособность // Российская юстиция. 1997. № 5; Ионова Д.Ю. Гражданская процессуальная дееспособность. С. 50–61; Зайков Д.Е. Гражданская процессуальная дееспособность: классификация и особенности правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 216–224; и др.

¹² Фетисов А.К. Цифровая дееспособность // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5. С. 3–7.

Литература

1. Афанасьев С.Ф. О некоторых аспектах права на судебную защиту недееспособных и ограниченно дееспособных лиц / С.Ф. Афанасьев // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5.
2. Елисеев Н.Г. Конструктивная критика Концепции единого Гражданского процессуального кодекса на основе динамической теории права / Н.Г. Елисеев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8.
3. Ионова Д.Ю. Гражданская процессуальная дееспособность : диссертация кандидата юридических наук / Д.Ю. Ионова. Москва, 2009.
4. Ионова Д.Ю. К вопросу об административной процессуальной дееспособности / Д.Ю. Ионова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5.
5. Курс советского гражданского процессуального права. В 2 томах. Т. 1. Теоретические основы правосудия по гражданским делам / ответственный редактор А.А. Мельников. Москва : Наука, 1981.
6. Масленникова Н.И. Гражданский процесс как форма социального управления / Н.И. Масленникова. Свердловск : Издательство Уральского университета, 1989.
7. Орлова О.Б. Дееспособность физических лиц в российском гражданском праве : диссертация кандидата юридических наук / О.Б. Орлова. Москва, 2009.
8. Осокина Г.Л. Гражданская процессуальная право- и дееспособность / Г.Л. Осокина // Российская юстиция. 1997. № 5.
9. Савоськин А.В. Размышления о проблемах реализации конституционного права граждан обращаться лично / А.В. Савоськин // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10.
10. Сахнова Т.В. Курс гражданского процессуального права / Т.В. Сахнова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статут, 2014.
11. Фетисов А.К. Цифровая дееспособность / А.К. Фетисов // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 5.
12. Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение : диссертация доктора юридических наук / Н.А. Чечина. Ленинград, 1965.
13. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты / Д.М. Чечот. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1968.
14. Щеглов В.Н. Субъекты судебного гражданского процесса : лекции для студентов / В.Н. Щеглов. Томск : Издательство Томского университета, 1979.
15. Ягунова Е.Е. О дееспособности несовершеннолетних в цифровой среде / Е.Е. Ягунова // Цивилист. 2022. № 1.
16. Якубов С.А. Субъекты советского гражданского процессуального права / С.А. Якубов. Ташкент : Фан, 1973.

Правовое положение лиц, в адрес которых вынесено частное определение, в гражданском судопроизводстве

Гражданское процессуальное законодательство, устанавливая в качестве основной задачи гражданского судопроизводства правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, возлагает на суд ряд факультативных задач по укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду и мирному урегулированию споров. Одним из процессуальных средств осуществления предупредительных задач суда является институт частного определения.

В соответствии со ст. 226 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (ГПК РФ) при выявлении случаев нарушения законности суд вправе вынести частное определение и направить его в соответствующие организации или соответствующим должностным лицам, которые обязаны в течение месяца сообщить о принятых ими мерах.

Одной из ключевых особенностей частного определения является предмет судебного реагирования. Он охватывает факты нарушения закона, установленные судом в ходе рассмотрения и разрешения гражданского дела, но при этом не обязательно относящиеся к материально-правовым требованиям, составляющим предмет судебного разбирательства. Кроме того, доказательства, которыми располагает суд во время рассмотрения дела, не всегда могут позволять ему категорично утверждать наличие состава правонарушения. Это обуславливает возможность вынесения частных определений в адрес широкого круга лиц, которых обобщенно можно подразделить на две группы:

- 1) непосредственных правонарушителей;
- 2) лиц, имеющих полномочия для проверки наличия состава правонарушения и применения мер для его устранения и предупреждения.

Первая группа адресатов частных определений, в свою очередь, подразделяется еще на две в зависимости от связи с конкретным гражданским процессом — субъекты этого гражданского процесса (судьи, рассматривающие дело, лица, участвующие в деле, их представители) и субъекты, не имеющие прямой связи с материально-правовыми требованиями, но нарушившие закон, о чем стало известно суду в ходе рассмотрения и разрешения дела.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

Лица, содействующие правосудию, на наш взгляд, должны быть исключены из перечня адресатов частных определений.

Вторая группа адресатов частных определений, как правило, охватывает лиц, не принимающих личного участия в процессе рассмотрения дела по существу. Эти лица находятся, либо являются руководителями по отношению к непосредственному правонарушителю, либо обладают законными полномочиями по проверке состава правонарушения и принятия мер по его устранению или предупреждению.

В связи с этим одной из ключевых задач, имеющих теоретическое и прикладное значение, является правильное определение правового положения адресата частного определения в системе субъектов гражданских процессуальных правоотношений, субъектов гражданского судопроизводства и, наконец, субъектов гражданского процессуального права.

Решение этой задачи лежит в плоскости одной из фундаментальных проблем юридической науки, касающейся соотношения понятий «гражданское судопроизводство», «гражданское процессуальное право» и «гражданское процессуальное правоотношение». Мы придерживаемся позиции М.А. Гурвича, рассматривающего гражданское процессуальное право как отрасль права (совокупность правовых норм), предметом которой является гражданское судопроизводство (гражданский процесс), т.е. деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов судебного исполнения (судебных исполнителей)². А.Ф. Клейнман отмечал, что гражданский процесс охватывает не только процессуальные действия суда, сторон и других участников гражданского дела в суде, но и гражданские процессуальные правоотношения³. Наиболее полно отражающим общие и специальные признаки гражданских процессуальных правоотношений является определение, данное А.А. Мельниковым: «Гражданские процессуальные правоотношения — это система урегулированных гражданским процессуальным правом отношений между органом государственной власти — судом, осуществляющим правосудие, и всеми другими участниками процесса, возникающих в результате процессуальных действий суда и других участников процесса, являющихся средством реализации норм процессуального права и направленных на достижение как общих, так и частных целей гражданского судопроизводства»⁴. Следует уточнить, что под участниками процесса в науке гражданского процессуального права принято считать всех тех лиц, которые уполномочены законом совершать в процессе су-

² Советский гражданский процесс: учебник / д.ю.н., проф. М.А. Гурвич, М.С. Шакарян, В.Ф. Тараненко [и др.] ; под ред. М.А. Гурвича. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. школа, 1975. С. 4.

³ Советский гражданский процесс: учебник / под ред. А.А. Добровольского и А.Ф. Клейнмана. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 8.

⁴ Мельников А.А. Советский гражданский процессуальный закон: вопросы теории гражданского процессуального права. М. : Наука, 1973. С. 107.

дебной деятельности действия, предусмотренные нормами гражданского процессуального права.

Соответственно, субъекты гражданского процессуального права не тождественны субъектам гражданского процесса и субъектам гражданских процессуальных правоотношений. Граждане, организации и публично-правовые образования, наделенные гражданской процессуальной правосубъектностью, — субъекты гражданского процессуального права, обладают лишь возможностью вступить в процесс, тогда как субъекты гражданского процесса являются действующими лицами, обладают процессуальными правами и обязанностями, которые они реализуют в гражданских процессуальных правоотношениях⁵.

Вынесение частного определения также порождает определенные права и обязанности у суда и соответствующего адресата данного судебного акта. Процессуальный характер возникающего при этом правоотношения обусловлен, с одной стороны, принадлежащими ему общими признаками всех процессуальных правоотношений, а с другой — его спецификой.

К общим признакам, присущим всем гражданским процессуальным правоотношениям, в том числе отношению между судом и адресатом частного определения, можно отнести следующие:

- 1) регулирование нормами гражданского процессуального права;
- 2) властный характер;
- 3) возникновение в связи и по поводу рассмотрения судом гражданского дела;
- 4) возникновение на основании юридического факта, предусмотренного процессуальным законодательством;
- 5) направленность на достижение задач гражданского судопроизводства.

Специфика данного правоотношения обусловлена его содержанием, которое, в свою очередь, дифференцируется в зависимости от того, кто выступает на стороне адресата частного определения.

Согласно ГПК РФ, единственной обязанностью субъекта, в адрес которого вынесено частное определение, является сообщение суду о принятых мерах, за неисполнение которых он может быть подвергнут судебному штрафу по правилам гл. 8 ГПК РФ. Содержание данной обязанности должно быть конкретизировано в зависимости от того, выносится ли частное определение в адрес непосредственного правонарушителя или же лиц, имеющих полномочия для проверки наличия состава правонарушения и принятия мер для его устранения или предупреждения.

В первом случае обязанностью правонарушителя является принятие мер по устранению правонарушения и предупреждению нарушений закона в будущем.

⁵ Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М. : Юрид. лит., 1966. С. 29–30.

Во втором случае предваряющей обязанностью адресата может быть установление состава правонарушения. Наличие правонарушения может и не подтвердиться, но, так или иначе, субъект должен сообщить суду о принятых им мерах. Если же правонарушение установлено, то в ответе суду требуется указать, какие меры были приняты для его устранения и создания условий для укрепления законности и недопущения правонарушений впредь.

Ответственность лица за несообщение мер по принятому частному определению носит процессуальный характер и выражается в виде наложения на виновное лицо судебного штрафа.

Права адресатов частных определений никак не регламентированы законодательством. Между тем безусловным правом адресата частного определения должно признаваться право знакомиться с материалами дела, послужившими основанием для вынесения в их адрес рассматриваемого судебного постановления.

Для лиц, участвующих в деле, это право вытекает из ст. 35 ГПК РФ. Однако частное определение, как уже отмечалось, может выноситься и в адрес лиц, не принимающих участия в конкретном гражданском процессе. Так, например, согласно ч. 3 ст. 226 ГПК РФ, если при рассмотрении дела суд обнаружит в действиях стороны, других участников процесса, должностного или иного лица признаки преступления, он сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия. В этом случае суд выносит частное определение в адрес соответствующих органов о доведении до сведения об имеющихся признаках преступления и сообщении суду о принятых мерах.

Так, например, установив заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод, суд также должен сообщить об этом в органы дознания и следствия. Однако подчеркнем, что адресатом частного определения является именно орган дознания или следствия, а не лицо, содействующее правосудию, поскольку требовать от последнего принятия каких-либо мер по обнаруженному составу преступления видится не рациональным. При этом суд может вынести частное определение в адрес руководителя лица, содействующего правосудию, но это частное определение будет носить лишь сигнализационный характер, требующий от адресата принятия мер по обеспечению укрепления правопорядка и предупреждению правонарушений.

В то же время лицо, содействующее правосудию, должно быть уведомлено о факте вынесения частного определения в связи с обнаружением в его действиях признаков преступления. Такое уведомление может осуществляться в устной форме в ходе рассмотрения и разрешения гражданского дела либо посредством направления копии частного определения в адрес лица, содействующего правосудию, если он не принимает личного участия в деле. В частности, в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 1 сентября 1987 г. № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений»⁶ отмечается, что во всяком случае суд объявляет, что по делу вынесено частное определение (постановление), о чем делается запись в протоколе судебного заседания.

Поскольку частное определение напрямую затрагивает права и обязанности лица, содействующего правосудию, можно говорить о возникновении у него локальной заинтересованности процессуального характера в связи с вынесением и исполнением данного частного определения. А потому представляется необходимым в порядке законодательного исключения наделить лицо, содействующее правосудию, правом ознакомления с материалами дела, которые послужили основанием для вынесения рассматриваемого судебного акта.

Аналогичное право должно принадлежать и лицам, которые обладают полномочиями для проверки наличия состава правонарушения и принятия мер по его устранению или предупреждению.

Еще одним правом адресата частного определения, неоднократно подтвержденным судебной практикой, является право обжалования соответствующего постановления суда в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Данное право также необходимо распространить на всех лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются частным определением, в том числе и лиц, содействующих правосудию, в случае вынесения частных определений при обнаружении в их деятельности признаков преступления. Несмотря на то что такая возможность прямо не предусмотрена ГПК РФ, иное означало бы нарушение права соответствующего адресата на судебную защиту.

Обозначив основные черты правоотношения между судом и лицом, в адрес которого вынесено частное определение, можно определить место данного правоотношения в системе гражданских процессуальных отношений. Так, М.А. Гурвич различал три вида правоотношений, возникающих в гражданском судопроизводстве: главное процессуальное правоотношение, дополнительные и служебно-вспомогательные⁷. Отношения, возникающие на основании вынесения частного определения, можно отнести к служебно-вспомогательным отношениям, поскольку для них характерна нейтральность позиции их субъектов в отношении разрешения того или иного спора,

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 сентября 1987 г. № 5 «О повышении роли судов в выполнении требований закона, направленных на выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и других правонарушений» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. 1961–1993. М.: Юридическая литература, 1994.

⁷ Гурвич М.А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения: вопросы науки советского гражданского процессуального права // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. М.: РИО ВЮЗИ, 1975. Т. 38. С. 20–23.

отсутствие у них интереса в удовлетворении спорных требований или отказе в них и тем самым волевой направленности на защиту иска или возражений против иска.

Между тем, в отличие от процессуальных правоотношений, имеющих производный характер от основного, гражданское процессуальное отношение между судом и адресатом частного определения обладает самостоятельным значением. С одной стороны, его возникновение всегда обусловлено существованием основного правоотношения, поскольку частное определение выносится по основаниям, установленным в ходе рассмотрения гражданского дела. С другой стороны, в связи с особенностями предмета судебного реагирования, выходящего за пределы материально-правовых требований, прекращение основного правоотношения не должно влечь автоматического прекращения отношения, возникающего в связи с вынесением частного определения.

Следующим важным вопросом, решение которого является необходимым условием для характеристики гражданского процессуального правоотношения между судом и адресатом частного определения, является место последнего в системе субъектов гражданских процессуальных правоотношений.

Прежде всего этот вопрос касается тех субъектов, которые не принимают участия в конкретном гражданском процессе ввиду отсутствия прямой связи с рассматриваемыми материально-правовыми требованиями. Это могут быть как сами правонарушители (если основанием для вынесения в их адрес частного определения являются непроцессуальные правонарушения), так и лица, обладающие полномочиями для проверки наличия состава правонарушения и принятия мер по его устранению или предупреждению.

Данная группа субъектов не может быть отнесена ни к лицам, участвующим в деле, ни к лицам, содействующим правосудию, поскольку она не обладает никакой юридической заинтересованностью в исходе дела и не вступает в конкретный гражданский процесс для помощи суду в разрешении дела по существу (кроме того, как ранее отмечалось, лица, содействующие правосудию, по нашему мнению, вообще не являются адресатами частных определений).

Для рассматриваемых субъектов характерны следующие отличительные черты:

- 1) они не имеют юридической заинтересованности в исходе дела;
- 2) они не влияют своими действиями на ход осуществления правосудия;
- 3) они не становятся участниками конкретного гражданского процесса;
- 4) они выполняют конкретные специальные задачи по устранению или предупреждению правонарушения, а также укреплению законности и правопорядка;

5) прекращение производства по делу не влияет на их обязанность принимать меры по вынесенному частному определению, если оно основано на обстоятельствах, не входящих в предмет судебного разбирательства.

В связи с этим наиболее целесообразным представляется отнесение данных лиц к субъектам, на которых законом могут быть возложены отдельные процессуальные права и обязанности (наряду, например, с должностными лицами и гражданами, обязанными представить доказательства по требованию суда).

Вторая группа адресатов частных определений охватывает субъектов конкретного процесса — судей, рассматривающих дело, лиц, участвующих в деле, и их представителей при обнаружении в их деятельности нарушений норм процессуального закона. Отличительной чертой данной группы субъектов является то, что между судом вышестоящей инстанции и нижестоящим судом, равно как и между судом и участником процесса, уже существуют гражданские процессуальные правоотношения. Возникает естественный вопрос: поглощаются ли процессуальные отношения, порожденные частным определением, уже существующими отношениями?

Для ответа на данный вопрос следует обратиться прежде всего к целевой направленности и содержанию указанных правоотношений.

Гражданские процессуальные правоотношения, не связанные с вынесением частного определения, возникают по поводу возбуждения гражданского дела и имеют своей задачей обеспечить его рассмотрение в первой, апелляционной, кассационной или надзорной инстанциях. Следовательно, разрешением дела исчерпывается и содержание этих правоотношений.

Факты, лежащие в основе частного определения, находятся за пределами этих правоотношений, а потому не связаны ни с их содержанием, ни с их судьбой, тем самым обуславливая появление новых гражданских процессуальных правоотношений. Эти процессуальные отношения имеют особое содержание, образуемое специфическими правами и обязанностями.

Соответственно, стороны процесса при вынесении в их адрес частных определений являются участниками двух параллельно существующих правоотношений.

Выделение адресатов частных определений в отдельную группу субъектов гражданских процессуальных правоотношений предполагает их изначально обособленное место и в системе субъектов гражданского процессуального права. Следует отметить, что в таком качестве рассматривает участников на стороне адресатов частных определений и А.Ф. Козлов⁸.

⁸ Козлов А.Ф. Об особой группе субъектов гражданского процессуального права // Проблемы гражданского процессуального права в свете Конституции СССР : межвузовский сборник научных трудов / Свердловский юрид. ин-т ; отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск : Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1980. С. 45.

Он отмечает, что указанные субъекты не могут быть отнесены ни к лицам, участвующим в деле, ни к лицам, содействующим правосудию. Они занимают обособленное место среди других субъектов гражданского процессуального права, что предполагает создание для них всех необходимых гарантий, обеспечивающих обоснованность выносимых частных определений по поводу их деятельности.

Рассматривая гражданские процессуальные правоотношения как составную часть гражданского судопроизводства⁹, адресаты частных определений должны признаваться и участниками последнего. Это коррелирует с научной позицией, согласно которой участниками процесса следует считать всех тех лиц, которые уполномочены законом совершать в процессе судебной деятельности действия, предусмотренные нормами гражданского процессуального права, и в связи с этим наделяются определенными правами и обязанностями¹⁰.

В качестве субъектов гражданского судопроизводства адресатов частных определений рассматривает и В.Н. Щеглов. При этом он отмечает, что указанные лица составляют особый круг субъектов гражданского судопроизводства, отличный от лиц, содействующих правосудию, хотя и объединяя их в одну общую группу — лица, содействующие правосудию, и иные субъекты гражданского судопроизводства¹¹.

Таким образом, вынесение частного определения порождает гражданские процессуальные правоотношения между судом и лицом, нарушившим нормы закона или уполномоченным для проверки наличия правонарушения и принятия мер по его устранению или предупреждению. Данные процессуальные правоотношения являются служебно-вспомогательными и носят производный от основного правоотношения характер с точки зрения своего возникновения, но самостоятельное значение с позиции существования и прекращения. Факты, лежащие в основании указанного правоотношения, лежат за пределами правового спора, что обуславливает специфику правового положения его субъектов.

Адресаты частных определений, не являющиеся участниками конкретного гражданского процесса, не входят в традиционную триаду субъектов гражданских правоотношений — суд, лица, участвующие в деле, и лица, содействующие правосудию. Они обособляются в отдельную группу — субъекты, на которых законом могут быть возложены отдельные процессуальные права и обязанности. Этими процессуальными правами и обязанностями адресаты частных определений как субъекты гражданского процессуально-

⁹ Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс : учебник для юрид. вузов. М. : Госюриздат, 1956. С. 9.

¹⁰ Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. / редкол.: А.А. Мельников (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1981. С. 19.

¹¹ Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М. : Юрид. лит., 1966. С. 40–42.

го права обладают и до момента возникновения гражданских процессуальных правоотношений. Вступление адресатов частных определений в гражданские процессуальные правоотношения влечет за собой возникновение у них статуса участника гражданского процесса, который означает возможность совершать в процессе судебной деятельности действия, предусмотренные нормами гражданского процессуального права.

Субъекты, выступающие на стороне суда, лиц, участвующих в деле, или представителей, при вынесении в их адрес частных определений вступают в еще одни гражданские процессуальные правоотношения, существование которых идет параллельно с основным правоотношением, связывающим ответствующего субъекта с судом.

Ахмадиева Г.Р.,

ассистент кафедры гражданского процессуального
и предпринимательского права

Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева
(г. Самара)

Литература

1. Гурвич М.А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения: вопросы науки советского гражданского процессуального права / М.А. Гурвич // Вопросы науки советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ. Т. 38. / ответственный редактор М.С. Шакарян. Москва : РИО ВЮЗИ, 1975.
2. Козлов А.Ф. Об особой группе субъектов гражданского процессуального права / А.Ф. Козлов // Проблемы гражданского процессуального права в свете Конституции СССР : межвузовский сборник научных трудов / ответственный редактор К.И. Комиссаров. Свердловск : Издательство Свердловского юридического института, 1980.
3. Курс советского гражданского процессуального права. В 2 томах / ответственный редактор А.А. Мельников. Москва : Наука, 1981.
4. Мельников А.А. Советский гражданский процессуальный закон: вопросы теории гражданского процессуального права / А.А. Мельников. Москва : Наука, 1973. 160 с.
5. Советский гражданский процесс : учебник / М.А. Гурвич, М.С. Шакарян, В.Ф. Тараненко [и др.] ; под редакцией М.А. Гурвича. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Высшая школа, 1975.
6. Советский гражданский процесс : учебник / под редакцией А.А. Добровольского и А.Ф. Клейнмана. Москва : Издательство Московского университета, 1970.
7. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение / В.Н. Щеглов. Москва : Юридическая литература, 1966. 168 с.
8. Юдельсон К.С. Советский гражданский процесс : учебник для юридических вузов / К.С. Юдельсон. Москва : Госюриздат, 1956. 439 с.

Антиисковые обеспечительные меры, антиисковой запрет как средство правового обеспечения суверенитета Российской Федерации

Постановка проблемы. В 2020 году в Арбитражный процессуальный кодекс РФ (АПК РФ) были внесены изменения, в результате определенным категориям субъектов было предоставлено право заявить об исключительной компетенции арбитражных судов, а также ходатайствовать о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже (антиисковый запрет)¹. Данные изменения были направлены на установление гарантий обеспечения прав и законных интересов отдельных категорий граждан Российской Федерации и российских юридических лиц, в отношении которых недружественными иностранными государствами были введены меры ограничительного характера.

В доктрине возникают вопросы относительно природы исключительной компетенции, установленной ст. 248.1 АПК РФ, а также сущности института антиискового запрета и его соотношения с обеспечительными мерами.

Правовая природа запрета инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже. Антиисковые обеспечительные меры в международной практике можно охарактеризовать как запрет инициировать судебное разбирательство в зарубежном суде или в арбитраже, либо если процесс в иностранной юрисдикции начался, то прекратить его. Подобные способы процессуальной защиты должны допускаться локальным законодательством. Так, французские суды не применяют антиисковые обеспечительные меры, поскольку они «противоречат фундаментальному принципу свободы судебных действий», однако могут признать антиисковый запрет надлежащим образом выданным иностранным судом в соответствии с процессуальным законодательством этого зарубежного суда².

¹ Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // СПС «КонсультантПлюс».

² Arbitration Update: Anti-suit Injunctions and the Relationship with the Seat of Arbitration. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f1adf621-0e74-4bd8-a30d-f1fb02d4d39f> (дата обращения: 01.10.2023).

До внесения изменений в АПК РФ в 2020 г. вопрос принятия российском судом подобных запретов являлся дискуссионным, как в науке, так и на практике. Так, Е.В. Ситкарева отмечала, что анализ действующего российского законодательства, судебной практики позволяет утверждать, что в России существует правовая основа принятия судами таких запретительных мер. Необходимым в данном случае является надлежащее определение лица, которое будет обязанным соблюдать указанные меры³. Подобное обусловлено тем, что перечень обеспечительных мер в процессуальных кодексах является открытым. В.В. Ярков констатировал, что при наличии соответствующих оснований меры в виде запрета на участие в других судебных процессах вполне могут быть рассмотрены как правомерные с точки зрения российско-го процессуального законодательства⁴.

Следует отметить, что похожая ситуация имеет место в китайском процессуальном законодательстве. Статья 100 Гражданского процессуального кодекса Китая устанавливает обеспечительную меру в виде запрета субъекту процесса осуществлять определенное поведение. В 2021 году Уханьский народный суд промежуточной инстанции вынес первый в мире трансграничный запрет на антиисковое решение по делу о патентном споре между Xiaomi Communications Co., Ltd и ее дочерними компаниями (совместно именуемыми 'Xiaomi'). Американский патентный гигант InterDigital, Inc. и его дочерние компании (совместно именуемые 'InterDigital') запрещают InterDigital начинать соответствующие разбирательства в любой части мира до завершения судебного процесса с Xiaomi в Ухане, с тем чтобы предотвратить незаконные вмешательства в судебные разбирательства⁵.

Исследование отечественного законодательства показывает, что меры о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, закрепленные в настоящий момент в АПК РФ, по факту не являются обеспечительными мерами, а имеют иную природу. На это указывает несколько факторов:

Во-первых, суд выносит определение о запрете или об отказе в запрете стороне инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже в порядке, установленном главой о судебном решении. Обеспечительные меры принимаются в порядке гл. 8 АПК РФ «Обеспечительные меры арбитражного суда».

³ Ситкарева Е.В. Антиисковые меры: роль и место в российской правоприменительной практике // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antiiskovye-mery-rol-i-mesto-v-rossiyskoj-pravoprimeritelnoy-praktike> (дата обращения: 27.09.2023).

⁴ Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? // Закон. 2014. № 8. С. 84–92.

⁵ Antisuit injunctions — the tug-of-war between courts in parallel proceedings involving multiple jurisdictions. URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=34fc7a12-4c20-4654-a9c2-7f0e132f0d5f> (дата обращения: 01.10.2023).

Во-вторых, определение арбитражного суда по делу о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже может быть обжаловано в суде кассационной инстанции. Определение о наложении обеспечительных мер или об отказе в их применении обжалуется в порядке апелляции.

В-третьих, на лицо, не исполняющее обеспечительные меры, судом может быть наложен судебный штраф. Если субъект не выполняет запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, то заявитель вправе потребовать от суда присудить в его пользу денежную сумму (астрент), размер которой не может превышать цену спора в иностранной юрисдикции.

В-четвертых, разные предметы доказывания. Если для наложения обеспечительных мер истец должен доказать возможность утраты предмета спора, разумность и обоснованность требования об обеспечении, предотвращение нарушения при принятии обеспечительных мер публичных интересов и интересов третьих лиц, обеспечение баланса интересов сторон, связь запрошенного обеспечения с предметом заявленного требования, то для применения антиискового запрета субъекту следует обосновать обстоятельства, подтверждающие исключительную компетенцию арбитражных судов в Российской Федерации, а также наложение на лица, обратившегося за подобной мерой, санкций недружественным государством.

Кроме того, заявителями по применению антиисковых запретов выступают не все участники экономических правоотношений, а только лица, в отношении которых иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза применяются меры ограничительного характера (подсанкционные лица). Иные категории субъектов не обладают возможностью обратиться с данной просьбой.

Соответственно, можно утверждать, что запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже является особым механизмом судебной защиты, направленным на обеспечение суверенитета Российской Федерации через поддержку им субъектов, находящихся под санкциями. Российские суды вправе наложить антиисковые обеспечительные меры по любому спору без учета специального статуса субъектов, обращающихся за этими мерами.

Касательно правовой природы исключительной компетенции, установленной ст. 248.1 АПК РФ, то она по факту не относится к исключительной компетенции государственных судов, и также можно апеллировать к самостоятельной природе данной компетенции. Подобное обусловлено границами ее применения. Она не распространяется на две ситуации. Во-первых, если само подсанкционное лицо предъявило иск в зарубежную юрисдикцию или

в международный коммерческий арбитраж. Во-вторых, если это лицо не возражало против рассмотрения с его участием спора иностранным судом, международным коммерческим арбитражем, находящимися за пределами территории Российской Федерации, в том числе не обращалось с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже. Для исключительной компетенции, предусмотренной ст. 248 АПК РФ, таких ограничений не предусмотрено. Нарушение исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации является основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения. Поэтому исключительную подсудность российских арбитражных судов следует делить на два вида: исключительную подсудность для споров, осложненных подсанкционным субъектным составом, и обычную исключительную подсудность.

Предмет доказывания по спорам об антиисковом запрете. В настоящий момент в судебной практике возникают вопросы относительно круга обстоятельств, подлежащих доказыванию при рассмотрении соответствующего заявления. Подобное обусловлено буквальным толкованием п. 4 ч. 2 ст. 248.2 АПК РФ. Ее анализ показывает, что заявитель обязан доказать:

Во-первых, обстоятельства, подтверждающие исключительную компетенцию арбитражных судов в Российской Федерации по рассмотрению спора, то есть привести доказательства того, что он включен недружественным государством, государственным объединением или союзом, государственным учреждением иностранного государства в список санкционных компаний.

Во-вторых, что соглашение сторон, в соответствии с которым рассмотрение спора с их участием отнесено к компетенции иностранного суда, международного коммерческого арбитража, находящихся за пределами территории Российской Федерации, не может быть исполнено стороной спора. Какие это могут быть обстоятельства:

- 1) отказ от представления интересов заявителя и невозможность привлечения других квалифицированных международных юристов;
- 2) невозможность оплаты арбитражных и иных сборов по причине запрета банковских переводов через международную систему SWIFT;
- 3) невозможность участия в заседаниях ввиду запрета на воздушное сообщение со странами Европейского союза⁶;
- 4) невозможность фактического участия в связи с ограничениями в визах⁷.

Вместе с тем в настоящий момент судебная практика складывается таким образом, что сам по себе статус подсанкционного лица свидетельствует

⁶ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 18 августа 2022 г. по делу № А40-50169/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Арбитражного суда города Москвы от 20 марта 2023 г. по делу № А40-222671/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

о самой возможности наложить антиисковый запрет без доказывания иных обстоятельств. В деле «Уралвагонзавода» Судебная коллегия по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что самого факта введения санкций достаточно для применения ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ⁸. На момент написания настоящей статьи данная позиция не нашла отражения ни в одном из обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, обеспечивающих единство правоприменения.

По делу «Риццани де Эккер С.п.а.» в передаче его в Судебную коллегия по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации было отказано⁹. До этого Арбитражный суд Московского округа указал, что введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц умаляет их в правах как минимум репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами. В таких условиях вполне оправданны сомнения в том, что спор с участием лица, находящегося в государстве, применившем ограничительные меры, будет рассмотрен на территории иностранного государства, также применившего ограничительные меры, с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся беспристрастности суда, что составляет один из элементов доступности правосудия¹⁰.

По делу Ракетно-космического центра «Прогресс» суд, применив в отношении ответчика запрет продолжать разбирательство в Торговом суде города Кретей (Франция) о наложении ареста на предоплату, а также запрет инициировать спор в Международной торговой палате в г. Мюнхене (Германия), указал на санкции в отношении заявителя и на то, что во Франции и Германии, как странах — членах Европейского Союза, соблюдение гарантий беспристрастности ставится под сомнение¹¹.

Соответственно, можно говорить о так называемом «санкционном общеизвестном факте», когда само наличие факта наложения санкций на заявителя делает невозможным получить справедливое и доступное разбирательство в зарубежной юрисдикции. Отдельного доказывания затруднения в доступе к правосудию в иностранном государстве не требуется.

Таким образом, в предмет доказывания по данной категории заявлений следует включать:

Во-первых, факт включения недружественным государством, государственным объединением или союзом, государственным учреждением

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу № А60-36897/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2022 г. № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу № А40-50169/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 сентября 2022 г. № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу № А40-50169/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Решение Арбитражного суда Самарской области от 21 апреля 2023 г. по делу № А55-6617/2023 // Картотека арбитражных дел.

иностранного государства в список санкционных компаний или физических лиц.

Во-вторых, факт намерения контрагента подать заявление в иностранный суд или международный коммерческий арбитраж или факт начала разбирательства в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже.

Бремя доказывания по спорам об антиисковом запрете. Особенности предмета доказывания обуславливают специфику бремени доказывания при рассмотрении заявления о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже. Ответчик должен доказать факт отсутствия истца в санкционном списке недружественного государства, государственного объединения или союза, государственного учреждения иностранного государства или то обстоятельство, что между истцом и ответчиком никакого конфликта не имеется и судебного разбирательства не предвидится. Можно говорить о том, что действующей практикой толкования норм об антиисковом запрете на ответчика возлагается доказывание отрицательных фактов. Истец выполняет свое бремя доказывания при подаче заявления о применении антиисковых мер.

Следует отметить, что антиисковые меры не являются вмешательством в суверенитет иностранного государства. Это обусловлено тем, что они накладываются на одну из сторон экономических правоотношений, а не обязывают какой-то заграничный суд перестать рассматривать дело или запрещать ему возбуждать производство на основании заявления. Конечно, вопрос исполнимости антиискового определения российского суда в зарубежном государстве достаточно спорный. Отечественный суд не может заставить зарубежный суд выполнить процессуальные действия, направленные на нивелирование разбирательства. А.Р. Султанов верно отметил, что процедура антиискового запрета — инструмент исключить форум, которому нет доверия, а также исключить ситуацию параллельного процесса¹². Определение о применении данной процедуры только защищает имущество субъекта российской экономики от обращения на него взыскания через зарубежное решение. Российский арбитражный суд при наличии антиискового запрета должен отказать в выдаче исполнительного листа.

Актуальным вопросом выступает возможность противоречивого поведения со стороны заявителя. Предположим, если сторона получила антиисковой запрет, но продолжила участие в разбирательстве в зарубежной юрисдикции, то может ли она ссылаться на его наличие. Представляется, нет. Во-первых, такое поведение является недобросовестным и подпадает под противоречивое и непоследовательное. Во-вторых, из этого следует, что антиисковой запрет распространяется не только на ответчика, но и на истца,

¹² Султанов А.Р. Актуальные проблемы и практика антиисковых запретов в РФ // СПС «КонсультантПлюс».

который должен также отказаться после вынесения судебного постановления от всех конклюдентных действий по участию в зарубежном процессе. Поэтому логично внести изменения в ст. 248.2 АПК РФ относительно резолютивной части определения о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже, добавив, что на истца также возлагается обязанность не возбуждать или продолжать разбирательство в иностранной юрисдикции.

Подводя итог изложенному в исследовании, необходимо отметить следующие выводы:

Во-первых, запрет инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже не является мерой по обеспечению иска, а имеет самостоятельную природу и направлен на гарантирование справедливого судебного разбирательства для субъектов российской экономики, тем самым обеспечивается правовой и экономический суверенитет Российской Федерации.

Во-вторых, предмет доказывания по данной категории состоит из факта включения недружественным государством, государственным объединением или союзом, государственным учреждением иностранного государства организации в список санкционных компаний или физических лиц, а также факта намерения контрагента подать заявление в иностранный суд или международный коммерческий арбитраж или факта начала разбирательства в иностранном суде, международном коммерческом арбитраже.

В-третьих, основное бремя доказывания возлагается на истца, который при подаче заявления должен приложить доказательства в обоснование данных обстоятельств. Ответчик доказывает отрицательные факты.

В-четвертых, российские суды могут как применить антиисковый запрет, если соблюдаются соответствующие специальные условия к статусу заявителя, так и наложить антиисковые обеспечительные меры независимо от подсанкционности субъекта экономической деятельности.

Грибов Н.Д.,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Ситкарева Е.В. Антиисковые меры: роль и место в российской правоприменительной практике / Е.В. Ситкарева // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6.
2. Султанов А.Р. Актуальные проблемы и практика антиисковых запретов в РФ / А.Р. Султанов // СПС «КонсультантПлюс». 2023.
3. Ярков В.В. Применение антиисковых обеспечительных мер российскими судами: почему бы и нет? / В.В. Ярков // Закон. 2014. № 8.

Актуальные проблемы юридической ответственности в арбитражном судопроизводстве

Юридическая ответственность в арбитражном процессе в целом схожа с гражданским процессом. Тем не менее есть определенные отличия, в большинстве своем касающиеся борьбы со злоупотреблением процессуальным правом. Особо актуальной данная проблема становится в силу своей недостаточной теоретической разработанности. Значительно меньшее количество научных работ, посвященных проблемам юридической ответственности в арбитражном процессе, по сравнению с гражданским процессом¹.

В арбитражном процессе отсутствует такая мера, как взыскание компенсации за потерю времени. Взыскание компенсации за потерю времени со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор относительно иска либо систематически противодействовавшей правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, предусмотрено ст. 99 Гражданского процессуального кодекса РФ². Сторонники самостоятельности гражданской процессуальной ответственности относят данную меру к «компенсационному виду гражданской процессуальной ответственности», применяемой также в других случаях, связанных с возмещением расходов по делу³. Противники этой теории приводят следующие аргументы того, что указанная компенсационная мера ответственности направлена на возмещение стороне убытков, понесенных ею при рассмотрении гражданского дела: «Закон говорит о возмещении убытков именно стороне, т.е. данная ответственность относится к частноправовой сфере отношений. Показательно, что за указанное нарушение не устанавливаются санкции за вред, причиненный государству систематическим противодействием правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела»⁴. Аналогичные утверждения относимы и к такой мере ответственности, как присуждение компенсации в пользу истца за неисполнение ответчиком судебного акта, обязывающего совершить определенные действия.

¹ См.: например: Загидуллин М.Р. Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022; Он же: Вопросы юридической ответственности при защите общих интересов в гражданском, арбитражном и административном процессе // Администратор суда. 2018. № 4. С. 17–22; и др.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 24.06.2023) // СЗ РФ. 2002. № 46.

³ См.: Вкут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс : курс лекций. М., 1999. С. 106.

⁴ См.: Гражданский процесс : учебник / В.В. Аргунов, Е.А. Борисова, Н.С. Бочарова [и др.] ; под ред. М.К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 960 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Необходимо повышать эффективность отдельных мер. Например, существует проблема эффективности ответственности за непредставление доказательств по ч. 9 ст. 66 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), согласно которой в случае неисполнения обязанности представить истребуемое судом доказательство по причинам, признанным арбитражным судом неуважительными, либо неизвещения суда о невозможности представления доказательства вообще или в установленный срок на лицо, от которого истребуется доказательство, судом налагается судебный штраф в порядке и в размерах, которые установлены в гл. 11 АПК РФ. Размеры судебных штрафов в судебном гражданском процессе в целом сопоставимые. Недавняя судебная реформа не увеличила максимальный размер судебных штрафов для организаций в арбитражном процессе — 100 000 руб. Он фактически даже не проиндексировался с 2008 г. в соответствии с инфляцией. Кроме того, нельзя не отметить, что арбитражный процесс в большинстве случаев характеризуется значительно более крупными суммами исковых требований, нежели гражданский процесс. В случае, когда цена иска составляет десятки миллионов рублей и более, такой судебный штраф даже с учетом угрозы его неоднократного наложения далеко не всегда будет являться достаточной гарантией действовать процессуально добросовестно. В научной литературе также отмечается неэффективность судебных штрафов как меры ответственности за неисполнение обязанности представить истребуемое судом доказательство⁵.

Относительно практики применения указанной статьи следует отметить следующее. По мнению Арбитражного суда Поволжского округа, для наложения штрафа, предусмотренного ч. 9 ст. 66 АПК РФ, должны быть установлены: факт наличия истребуемого судом доказательства у лица, от которого это доказательство истребуется; факт неисполнения лицом, от которого доказательство истребуется, обязанности представить истребуемое судом доказательство по причинам, признанным арбитражным судом неуважительными, либо неизвещения суда о невозможности представления доказательства вообще или в установленный срок⁶.

Неисполнение обязанности представить истребуемое судом доказательство может быть расценено судом как недобросовестное отношение к обязанностям, предусмотренным ст. 66 АПК РФ, что способствует затягиванию процессуальных сроков рассмотрения дела, является проявлением неува-

⁵ См.: Юдин А.В. Процессуальные проблемы использования принудительных средств, направленных на получение доказательств в арбитражном и гражданском процессах // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 11; Жуков А.А. Процессуальные обязанности и санкции в сфере доказывания // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 192.

⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 3 марта 2016 г. № Ф06-6092/2016 по делу № А57-81/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

жительного отношения к распоряжениям суда и препятствует осуществлению правосудия.

Нормы ст. 66, ч. 6 ст. 200 АПК РФ закрепляют за судом полномочия по ходатайству стороны или другого лица, участвующего в деле, а в определенных законом случаях и по своей инициативе истребовать необходимые для правильного разрешения дела доказательства⁷.

В свою очередь, в отношении круга лиц, у которых может быть истребовано доказательство, стоит отметить следующую позицию Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, согласно которой процессуальное законодательство не содержит ограничений в отношении круга лиц, на которых может распространяться основанное на ходатайстве лица, участвующего в деле, требование суда о предоставлении доказательств⁸.

Согласно ранее сформированной правовой позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, нежелание представить доказательства должно квалифицироваться исключительно как отказ от опровержения того факта, на наличие которого аргументированно, со ссылкой на конкретные документы указывает процессуальный оппонент. Участвующее в деле лицо, не совершившее процессуального действия, несет риск наступления последствий такого своего поведения (правовая позиция сформулирована в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 марта 2012 г. № 12505/11)⁹. Схожей точки зрения придерживаются и ученые. Так, по мнению И.М. Шевченко, если сторона, у которой истребовано доказательство, уклоняется от его выдачи, она считается признавшей обстоятельство, на которое ссылается другая сторона¹⁰. Кроме того, еще Гражданский процессуальный кодекс РСФСР содержал ст. 65, согласно которой в отношении стороны, удерживающей у себя и не представляющей по требованию суда письменное доказательство, суд вправе установить, что содержащиеся в нем сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, стороной признаны. Как ни странно, но такая норма, являющаяся явным и удачным проявлением принципа состязательности, на данный момент реализована не в арбитражном процессе, который, как известно, является более состязательным, а в гражданском, во втором предложении ч. 1 ст. 67 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), согласно которой, если сторона уклоняется от представления доказательств, суд может исходить исключительно из объяснений другой, добросовестной, стороны.

⁷ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2015) // БВС РФ. 2015. № 10 (извлечение).

⁸ См.: Определение ВАС РФ от 2 августа 2012 г. № ВАС-10225/12 по делу № А24-3398/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 8 октября 2013 г. № 12857/12 по делу № А59-841/2009 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.

¹⁰ См.: Шевченко И.М. К вопросу об истребовании доказательств в арбитражном процессе // Российский судья. 2016. № 7. С. 16–20.

Примечательно, что арбитражный суд применил вышеуказанную норму второго предложения ч. 1 ст. 67 АПК РФ по аналогии¹¹.

В связи с этим принятие разъяснений на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросу ответственности по ч. 9 ст. 66 АПК РФ кажется логичным. Ключевой идеей которых была бы позиция, согласно которой при неисполнении обязанности представить истребуемое судом доказательство после повторного наложения штрафа квалифицировать действия такого лица как отказ от опровержения того факта, на наличие которого аргументированно, со ссылкой на конкретные документы, указывает процессуальный оппонент, т.е. как фикцию признания по смыслу ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ.

Аналогичным образом необходимо урегулировать отсутствие в арбитражном процессе нормы о процессуальной ответственности в виде признания судом факта доказанным или опровергнутым в случае уклонения стороны от участия в экспертизе, которая закреплена в ч. 3 ст. 79 ГПК РФ. Вряд ли это можно считать следствием особенности арбитражного процесса как такового. Данный вывод подтверждается и судебной практикой, которая после законодательного закрепления возможности аналогии не только материального закона, но и процессуального в ч. 5 ст. 3 АПК РФ стала применять указанную норму ч. 3 ст. 79 ГПК РФ по аналогии к арбитражным процессуальным правоотношениям¹².

Все еще довольно остро на сегодняшний день стоит вопрос о неэффективности ответственности за фальсификацию доказательств. Как отмечает С.Н. Макаренко, арбитражными апелляционными судами все чаще обнаруживаются случаи представления в суды первой инстанции подложных документов и даже наблюдаются случаи поддельных судебных решений¹³.

Согласно ст. 161 АПК РФ, в случаях, когда лицо, участвующее в деле, обращается в арбитражный суд с заявлением (в письменной форме) о фальсификации доказательства, представленного другим лицом, участвующим в деле,

¹¹ См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 6 ноября 2018 г. № 07АП-7694/2018(2), 07АП-7694/2018(3) по делу № А27-11710/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2018 г. № 07АП-1669/2014(29), 07АП-1669/2014(30) по делу № А27-18417/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См., напр.: Рекомендации Научно-консультативного совета Арбитражного суда Западно-Сибирского округа «По вопросам, возникающим при применении арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации и законодательства об энергоснабжении» (принятые по итогам заседания, состоявшегося 24 мая 2019 г.) (утв. на заседании Президиума Арбитражного суда Западно-Сибирского округа 15.11.2019). П. 2 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30 ноября 2016 г. № Ф06-14317/2016 по делу № А55-12208/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 декабря 2018 г. № Ф08-9763/2018 по делу № А53-28905/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Макаренко С.Н. Проблемы рассмотрения достоверности доказательств в арбитражном процессе // Апробация. 2015. № 7 (34). С. 90.

суд разъясняет уголовно-правовые последствия такого заявления, исключает оспариваемое доказательство с согласия лица, его представившего, из числа доказательств по делу, проверяет обоснованность заявления о фальсификации доказательства, если лицо, представившее это доказательство, заявило возражения относительно его исключения из числа доказательств по делу. Также суд принимает предусмотренные федеральным законом меры для проверки достоверности заявления о фальсификации доказательства, в том числе назначает экспертизу, истребует другие доказательства или принимает иные меры. Результаты рассмотрения заявления о фальсификации доказательства арбитражный суд отражает в протоколе судебного заседания.

Суд разъясняет заявителю уголовно-правовые последствия за клевету (ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)¹⁴ и за заведомо ложный донос (ст. 306 Уголовного кодекса Российской Федерации). Лицу, представившему доказательства, о фальсификации которых заявлено, — уголовно-правовые последствия за фальсификацию доказательств (ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации)¹⁵.

Как отмечено в Определении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 560-О-О, закрепление в процессуальном законе правил, регламентирующих рассмотрение заявления о фальсификации доказательства, направлено на исключение оспариваемого доказательства из числа доказательств по делу. Сами эти процессуальные правила представляют собой механизм проверки подлинности формы доказательства, а не его достоверности¹⁶. С одной стороны, ст. 161 АПК РФ процессуально работает, и сфальсифицированные доказательства исключаются арбитражными судами из числа доказательств по делу. С другой стороны, не работает в рамках арбитражного процесса ч. 1 ст. 303 УК РФ. Так, согласно судебной статистике, в 2014 г. по ч. 1 ст. 303 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) было осуждено 55 человек¹⁷.

Согласно исследованиям, проведенным относительно применения арбитражными судами ст. 161 АПК РФ, удовлетворяется более половины заявлений о фальсификации доказательств¹⁸. Так, Г.Г. Радионов в рамках диссертационного исследования довольно подробно исследовал проблему высокой латентности преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 303 УК РФ. Как отмечается, наиболее высоким является уровень

¹⁴ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁵ См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 апреля 2013 г. по делу № А08-2816/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 560-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Официальный сайт Судебного департамента Верховного Суда РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2014/f_№____N_10-a_2014.xls

¹⁸ См.: Гражданский процесс: вопросы уголовно-правовой охраны гражданских процессуальных отношений // Судья. 2014. № 11.

латентности фальсификации доказательств в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства¹⁹.

Федеральным законом от 12 ноября 2019 г. № 374-ФЗ в ст. 188.1 АПК РФ была введена ч. 4, которая прямо закрепила полномочия арбитражного суда направлять копию частного определения в органы дознания и следствия при выявлении признаков преступления в действиях лиц, участвующих в деле, как это уже давно реализовано в ГПК РФ согласно вышеуказанной ст. 226. Однако практика применения арбитражными судами для арбитражного процесса данной новой нормы пока на должном уровне не сформировалась.

Следует согласиться с мнением ученых и признать необходимым и правильным закрепление на законодательном уровне обязанности арбитражного суда сообщать о случаях фальсификации доказательств в правоохранительные органы.

Следующей актуальной проблемой юридической ответственности в арбитражном процессе является наличие меры юридической ответственности за недобросовестное процессуальное поведение и злоупотребление процессуальным правом. Речь идет об известной норме ч. 5 ст. 159 АПК РФ, согласно которой арбитражный суд может отказать в удовлетворении заявления или ходатайства, если они являются следствием недобросовестного процессуального поведения лица, участвующего в деле. Данная норма представляется востребованной и очень удачной по нескольким причинам:

во-первых, сам факт ее наличия уже является большой редкостью для цивилистического процесса;

во-вторых, она не просто декларирует ответственность за недобросовестное процессуальное поведение, но и частично раскрывает содержание понятия недобросовестного процессуального поведения как основания для применения меры ответственности;

в-третьих, мера юридической ответственности носит именно процессуальный характер, о важности и эффективности которого неоднократно указывалось в научной литературе.

Примечательной является ситуация, описанная в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 30 мая 2019 г. № Ф05-3614/2019 по делу № А40-241934/2018, хотя подобные ситуации являются весьма распространенными²⁰. В указанном деле цена иска составила 464 млн руб. В ходе рассмотрения данного дела «ответчиком было подано 2 встречных иска, 7 ходатайств, 2 заявления об ускорении вопроса принятия встречного

¹⁹ См.: Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 17–19.

²⁰ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 мая 2019 г. № Ф05-3614/2019 по делу № А40-241934/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

иска, 3 апелляционные жалобы, 1 кассационная жалоба, а также 2 ходатайства в рамках постановления апелляционного суда, требования и доводы которых не относятся к предмету иска истца, дублируются в каждом поданном ответчиком документе и направлены лишь на недопущение начала слушания дела по существу». Очевидно, что против такого процессуального поведения при такой цене иска никакие другие меры, предусмотренные действующим арбитражным процессуальным законодательством, не были бы эффективны, за исключением полномочия суда отказать в удовлетворении соответствующих недобросовестно поданных заявлений и ходатайств.

Между тем если попытаться проанализировать практику арбитражных судов в целом, то становится заметно, что данная норма довольно часто применяется при отказе арбитражного суда в удовлетворении ходатайства о видео-конференц-связи, отказе в удовлетворении ходатайства ответчика об оставлении заявления без рассмотрения из-за несоблюдения истцом досудебного порядка урегулирования спора по причине отсутствия у ответчика намерения урегулировать спор²¹.

Следует также обратить дополнительное внимание на еще одну вышеуказанную меру, направленную на борьбу с недобросовестным процессуальным поведением, — отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, согласно ст. 111 АПК РФ. Данная мера в отдельных, но достаточно частых случаях также является удачной и необходимой. Например, отложение судебного заседания только из-за неисполнения процессуальной обязанности другой стороной (например, несвоевременного представления отзыва на исковое заявление) приводит к конкретным дополнительным судебным расходам другую сторону, весьма ощутимым, если речь идет о командировке в другой город. Следует обратить внимание, что в гражданском процессе такая мера юридической ответственности отсутствует, но при этом имеется другая мера — взыскание компенсации за потерю времени согласно ст. 99 ГПК РФ. Представляется, что указанные меры не являются взаимозаменяемыми, но при этом каждая из них в определенных ситуациях является востребованной, а потому каждая из них должна быть распространена на другие судебные цивилистические процессы.

²¹ См., напр.: Определение ФАС Волго-Вятского округа от 10 октября 2012 г. по делу № А38-7747/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение ФАС Волго-Вятского округа от 13 сентября 2012 г. по делу № А79-14012/2011 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31 октября 2019 г. № Ф02-4894/2019 по делу № А58-1017/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12 февраля 2018 г. № Ф02-6/2018 по делу № А78-15043/2016 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29 июня 2020 г. № Ф04-2001/2020 по делу № А81-7118/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что юридическая ответственность в арбитражном процессе имеет ряд особенностей, например в области противодействия недобросовестному процессуальному поведению.

Поскольку арбитражный процесс является более состязательным, строгим и в рамках него рассматриваются дела, как правило, с большей ценой иска, нежели в гражданском процессе, и максимальный размер судебных штрафов должен быть более высоким и более, чем в других судебных процессах, должен зависеть от цены иска.

Уклонение лица, участвующего в деле, от представления доказательств в арбитражный суд, в том числе от участия в судебной экспертизе, является недобросовестным процессуальным поведением и требует прямого законодательного закрепления возможности применения судом за его совершение меры процессуальной ответственности, основанной на юридической фикции, такой как признание факта доказанным или отвергнутым в пользу добросовестного лица, участвующего в деле, аналогично тому, как это реализовано в ч. 1 ст. 68 и в ч. 3 ст. 79 ГПК РФ.

Мера процессуальной ответственности, предусмотренная ч. 5 ст. 159 АПК РФ, в виде отказа арбитражным судом в удовлетворении ходатайства или заявления, поданного вследствие недобросовестного процессуального поведения лица, участвующего в деле, является удачной, востребованной, эффективной и универсальной. Подобную меру возможно реализовать не только в арбитражном, но и в иных цивилистических судебных процессах.

Мера, предусмотренная ч. 5 ст. 159 АПК РФ, относительно слабо и редко применяется в отношении несвоевременного представления доказательств и иного недобросовестного процессуального поведения в ходе доказывания. В связи с чем возможно усиление судебной практики в данном вопросе.

Отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами, предусмотренное ст. 111 АПК РФ, также является востребованной и эффективной мерой юридической ответственности за недобросовестное процессуальное поведение в арбитражном процессе. В то же время оно не является эквивалентной заменой взысканию компенсации за потерю времени, предусмотренной ст. 99 ГПК РФ. В связи с этим предлагается распространить каждую из этих мер на все судебные цивилистические процессы соответственно.

Загидуллин М.Р.,

доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса
юридического факультета Казанского (Приволжского)
федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
(Республика Татарстан, г. Казань)

Литература

1. Викут М.А. Гражданский процесс : курс лекций / М.А. Викут, И.М. Зайцев. Саратов : Издательство Саратовской государственной академии права, 1998.
2. Жуков А.А. Процессуальные обязанности и санкции в сфере доказывания / А.А. Жуков // Юридическая наука. 2015. № 4.
3. Загидуллин М.Р. Вопросы юридической ответственности при защите общих интересов в гражданском, арбитражном и административном процессе / М.Р. Загидуллин // Администратор суда. 2018. № 4.
4. Загидуллин М.Р. Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы : диссертация доктора юридических наук / М.Р. Загидуллин. Казань, 2022.
5. Макаренко С.Н. Проблемы рассмотрения достоверности доказательств в арбитражном процессе / С.Н. Макаренко // Апробация. 2015. № 7 (34).
6. Радионов Г.Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности : диссертация кандидата юридических наук / Г.Г. Радионов. Москва, 2015.
7. Шевченко И.М. К вопросу об истребовании доказательств в арбитражном процессе / И.М. Шевченко // Российский судья. 2016. № 7.
8. Юдин А.В. Процессуальные проблемы использования принудительных средств, направленных на получение доказательств в арбитражном и гражданском процессах / А.В. Юдин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 11.

Рассмотрение арбитражными судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, процессуальные особенности

Лица, участвующие в рассмотрении дел различных видов судопроизводства, закреплены законодательно в процессуальных кодексах Российской Федерации (Гражданском, Арбитражном). Немаловажно акцентировать внимание на делах особого производства арбитражного процесса с выявлением процессуальных особенностей рассмотрения такой категории дел, как установление факта, имеющего юридическое значение. В связи с тем что проблеме уделено значительное внимание в определении правового статуса лиц, участвующих по данной разновидности судебных дел (заявителя, заинтересованного лица), отдельно нами внимание заостряется на правовом статусе лиц, участвующих в деле, — третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. По делам категории судопроизводства в особом порядке арбитражной практикой диктуется тенденция участия лиц таким образом, где заинтересованным лицом выступает ответчик; само третье лицо (без требований) участвует в процессе со стороны ответчика или истца, то есть неприменимо к разновидности «заинтересованного лица» (что говорит о самостоятельном участнике процесса). Применение данного подхода противоречит процессуальным особенностям данной категории производства (отсутствие спора о праве и без участия сторон).

В науке гражданско-процессуального права М.А. Викин рассмотрен вопрос процессуально-правового статуса третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, при котором сущность правового статуса реализует себя при условии, что третье лицо не может существовать само по себе, без существования сторон; при этом материальные правоотношения между одной из сторон и третьим лицом совершенно самостоятельны¹.

Отмечаются нормы п. 33² (применимы для всех видов производства арбитражного процесса (ч. 1 ст. 150 Арбитражного процессуального кодекса РФ;

¹ Викин М.А. Гражданский процесс России : учебник. 2005. М. : Юристъ, 2005. С. 50.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2023).

далее — АПК РФ). Узкоспециальная норма права по делам особого производства (п. 2 ст. 221 АПК РФ). На стадии подготовки дела к судебному разбирательству судья определяет круг заинтересованных лиц, права которых может затронуть решение по делу об установлении юридического факта, где неясным остается вопрос об участии третьих лиц, не заявляющих требований самостоятельного характера по предмету спора из общих правил искового производства (с предусмотрением наличия спора и участия сторон) либо по узкоспециальной норме — как разновидность заинтересованного лица в не-исковом производстве.

Круг лиц, заинтересованных в деле, легитимности и логичности ради, вероятнее всего, следует конкретизировать; однако встречаются в юридической науке дифференцированные точки зрения. По мнению М.С. Шакарян, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, относятся к «заинтересованным лицам» по принципу отсутствия запретных норм закона. При толковании «заинтересованных лиц» автором утверждается мнение, что они привлекаются по делам особого производства в качестве различных участников процесса — заявителей, заинтересованных лиц, третьих лиц, свидетелей³. По вопросу наличия интереса в бесспорном производстве (в отношении конкретного дела) у третьих лиц наблюдается юридический интерес. С точки зрения определения субъектного состава в делах особого производства у суда возникает сложность с определением не только третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, но и заинтересованных лиц — являются ли последние ответчиками по бесспорному делу. По одному из процессуальных дел Арбитражного суда города Москвы об установлении факта государственной регистрации заявителя (юридического лица) по его юридическому адресу и факта названия занимаемого объекта «встроенно-пристроенное нежилое помещение» было оставлено заявление без движения в связи с нарушением требований АПК РФ, одним из которых являлся пункт «неуказание наименования ответчика» (с его местонахождением или местом жительства).

Предъявленные судом нарушения должны были быть исправлены в установленный арбитражным судом срок, которые впоследствии заявителем были устранены, кроме пункта «об указании ответчика с адресом места жительства», в связи с чем было вынесено определение о возвращении заявления. При апелляционном обжаловании судом второй инстанции отменено определение первой инстанции о возвращении заявления, обосновывая это тем, что нарушена норма процессуального закона на этапе подготовки дела к судебному разбирательству — ст. 221 АПК РФ (неверное определение лица судебным органом при подготовке к делу; определение круга лиц,

³ Шакарян М.С. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. Лекция. М., 1990. С. 26–27.

участвующих в деле в бесспорном производстве, может являться следствием его нового рассмотрения)⁴. К.С. Рыжков в своей диссертационной работе по исследованию допустимости участия упомянутых «третьих лиц» в гражданском судопроизводстве рассматривает несколько тем по проблемным моментам правового статуса третьих лиц⁵.

Отмечено, что при обсуждении вопроса об интересе, который способны защитить третьи лица, необходимо выявить процессуальную роль и юридически отведенное место «третьих лиц без требований» в процессе гражданского, процессуально-правовой статус субъектов процесса (участников) и проблемы порядка его приобретения. Как в гражданском процессе, так и в арбитражном данные постулаты по выявлению проблемных моментов открыты и на сегодняшний день. Замечено, что институт по исследованию третьих лиц «без заинтересованности» не изучен не только в арбитражном процессуальном праве в целом, но и по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

В следующем процессуальном деле Арбитражного суда Московской области по установлению юридического факта (согласно п. 2 ст. 218 АПК РФ) — владения и пользования (юридическим лицом — заявителем) как своим собственным объектом недвижимого имущества — одноэтажным зданием магазина (с отражением достоверности объекта кадастровым номером и адресом регистрации) выявлены особенности субъектов, привлеченных к участию в деле. К процедурам рассмотрения дела по производству «особого» характера судом привлекаются участники: «заинтересованные лица» и «третьи лица без требований» (с процессуальным привлечением обоих)⁶. Со стороны заинтересованных лиц — Росреестр, со стороны третьих лиц — администрация и агентство по управлению государственным имуществом. Инициатива привлечения заинтересованных лиц, как отмечалось ранее, закреплена за судом, что наблюдается и в решении указанного органа правосудия. Вопрос остается в разграничении разновидностей «заинтересованных лиц» и «третьих лиц», какие признаки определяют одних участников процесса на фоне других.

Учитывая особенность неисковых производств с применением ст. 221 АПК РФ, прерогатива привлечения заинтересованных лиц в процесс, а также наделения процессуальным правовым статусом этих лиц закреплена за

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2016 г. № 09АП-25096/2016 по делу № А40-21230/2016. URL: <https://msk.arbitr.ru/> (дата обращения: 07.03.2023).

⁵ Рыжков К.С. Участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017. С. 4.

⁶ Решение Арбитражного суда Московской области от 14 ноября 2022 г. по делу № А41-57199/22. URL: <https://msk.arbitr.ru/> (дата обращения: 07.03.2023).

судебным органом. Как отмечается Н.А. Чечиной, материальные правоотношения у третьих лиц возникают со сторонами (истцом или ответчиком), а процессуальные отношения у третьих лиц без самостоятельных требований складываются только с судом и ни с кем иным из лиц, участвующих в деле, с разграничением прав и обязанностей: права относятся к третьим лицам (дать объяснение по делу, представить доказательства и др.), а обязанности суда — выслушать третьих лиц, принять и проанализировать доказательства, представленные данными лицами⁷.

С теоретической позиции стоит привести мнение И.М. Ильинской, согласно которому третье лицо, участвуя в процессе, защищает свой самостоятельный интерес, в связи с чем оно вправе совершать все действия, необходимые для защиты интереса: ходатайствовать о допросе свидетелей, просить о назначении экспертизы, заявлять отводы, приводить доказательства, обжаловать решение, представлять объяснения в кассационной инстанции⁸. Научные постулаты по перечислению особенностей третьих лиц сходны в применении института третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора в исковом производстве гражданского процесса.

В работе О.Ю. Фоминой представлено сравнение правового статуса заинтересованного лица в делах бесспорного производства и третьих лиц без требований по отношению к предмету спора в общем исковом производстве. Схожесть институтов изложенных лиц заключается в отсутствии предъявляемых материально-правовых требований. Но стоит учесть, что сравнение предусмотрено в различных видах судопроизводства — спорном и бесспорном⁹. Складывается суждение, что заинтересованные лица в делах бесспорного производства не подразделяются на третьих лиц, третьи лица без требований являются участниками только искового производства, что подтверждает законодательную позицию: лицами, участвующими в делах особого производства, являются заявитель и заинтересованное лицо.

В одной из своих научных работ С.З. Женетль приводит умозаключение Е.А. Нефедьева о сущности участия в процессе третьих лиц, которые просят суд не о рассмотрении и признании за ними (за третьими лицами) конкретного права, а о том, чтобы суд проверил существование известных фактов, с возможностью в будущем защитить свои интересы (третьих лиц)¹⁰.

⁷ Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. С. 46.

⁸ Ильинская И.М. Участие третьих лиц в гражданском процессе. М., 1962. С. 67.

⁹ Фомина О.Ю. Трансформация процессуального положения лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 32.

¹⁰ Женетль С.З. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2. С. 229–235.

Так или иначе, формулировки интерпретаций по третьему лицу, участвующему в деле, более исследованы в гражданском процессе, в исковом производстве, в арбитражном процессе бесспорного производства понятие «третье лицо без самостоятельных требований в отношении предмета спора» не изучено. Следовательно, субъектный состав лиц, участвующих в делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение в арбитражном судопроизводстве, не раскрыт в масштабном понимании. Доктринальная сторона вопроса по сравнению всех лиц, участвующих в делах особого производства, в частности толкованию третьих лиц, находится в детерминантном состоянии.

Обращает на себя внимание новелла в арбитражном процессе (со стороны практикующих юристов), например в делах о банкротстве с привлечением финансовых управляющих и других делах (при групповых исках), статус которых обговаривается в определенных законах. Так, практиками вносятся предложения о легализации «новой процессуальной фигуры» — лица, которое не отвечает признакам третьих лиц и заинтересовано в исходе дела¹¹. Автором представлен ряд признаков, характеризующих данный институт: решение суда не влияет на права и обязанности новой фигуры, которая не является помощником одной из сторон дела (отсутствуют правоотношения с истцом или с ответчиком), имеет интерес либо личный, либо служебный.

Сущность вопроса по лицам, участвующим в делах бесспорного производства, состоит в том, что в теории и практике разрабатываются различные подходы к определению субъектного состава лиц в арбитражном процессе, и рассмотрение новой процессуальной фигуры в особом производстве включено нами в проблемный круг, порождающий актуальность темы исследования. В заключение не представляется возможным обоснованно внести ясность в институт третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение в арбитражном процессе.

Мазурова А.П.,

соискатель кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии;
преподаватель кафедры юриспруденции
Российского университета кооперации
(г. Москва)

¹¹ Готра М.М. Новая процессуальная фигура в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции «Абовские чтения». М.: Изд-во «Планета», 2022. С. 317–319.

Литература

1. Вукот М.А. Гражданский процесс России : учебник / М.А. Вукот. Москва : Юристъ, 2005.
2. Готра М.М. Новая процессуальная фигура в гражданском и арбитражном судопроизводстве / М.М. Готра // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях : материалы Третьей международной научно-практической конференции «Абовские чтения» (г. Москва, 18 ноября 2021 г.) / ответственный редактор Е.В. Михайлова. Москва : Планета, 2022.
3. Женетль С.З. Институт третьих лиц в гражданском и арбитражном процессе: проблемы и пути совершенствования / С.З. Женетль // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 2.
4. Ильинская И.М. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе / И.М. Ильинская. Москва : Госюриздат, 1962.
5. Рыжков К.С. Участие третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, в гражданском процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / К.С. Рыжков. Саратов, 2017.
6. Фомина О.Ю. Трансформация процессуального положения лиц, участвующих в деле, в гражданском судопроизводстве : монография / О.Ю. Фомина. Москва : Юрлитинформ, 2018.
7. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу / Н.А. Чечина. 2-е изд. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2021.
8. Шакарян М.С. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе : лекция / М.С. Шакарян. Москва : ВЮЗИ, 1990.

Оспаривание прокурором сделок, совершенных в целях уклонения от обязательных правил, установленных законодательством в публично-правовой сфере

1 сентября 2023 г. настало время, когда в гражданском обороте появились сделки, которые не могут быть оспорены в связи с истечением объективного десятилетнего срока исковой давности, установленного в п. 2 ст. 196 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ). В преддверии этой даты отчетливо обнаружилась тенденция активизации прокуратуры в направлении расширения своих полномочий по использованию гражданско-правовых механизмов защиты в традиционной публично-правовой сфере.

Практически одновременно с внесением известных изменений в ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ), касающихся оспаривания сделок, совершенных в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством Российской Федерации, правом Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, о применении последствий недействительности таких сделок, а также сделок, совершенных с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств, и о применении последствий недействительности таких сделок, прокуратура на заседаниях научно-консультативного совета начала будировать вопрос о неприменении срока исковой давности к сделкам коррупционной направленности. Два этих события отнюдь не случайно совпали и по времени, и по содержанию, — грядущая утрата возможности привлечения лиц к ответственности в связи с истечением объективного срока исковой давности привела к необходимости поиска действительно экстраординарных материальных и процессуальных средств для решения соответствующих задач.

Проблематика неприменения срока исковой давности к так называемым коррупционным искам прокурора давно обсуждается в литературе в позитивном ключе.

Прежде всего весьма широко трактуется само понятие коррупционной сделки, под которой понимается сделка по получению взятки. Суды квали-

фицируют ее как сделку, совершенную с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, поскольку она посягает на значимые, охраняемые законом объекты, нарушает основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои¹. При этом остается открытым вопрос о соответствии этого действия признакам сделки, так же как и вопрос о коррупционном характере последующих сделок по приобретению имущества на средства, полученные в качестве взятки. Очевидно, что такие свойства сделки, как направленность действий на достижение юридических последствий, правомерность действия, юридическая значимость действия, соответствие воли и волеизъявления в действиях², не могут быть в полной применимы к передаче взятки как к неправомерному действию. А.В. Турицын пишет, что если признать, что взятка является сделкой, то приходится констатировать тот факт, что действия лиц по получению и передаче взятки никак не направлены на возникновение, прекращение или изменение гражданских правоотношений³, не говоря уже о противоправности этого действия. Косвенным подтверждением неотнесения взяток к сделкам является и не указание таких действий как антисоциальных сделок в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 85). Не нашло своего отражения и оспаривание коррупционных сделок в упомянутых изменениях ст. 52 АПК РФ, в то время как там оказались сделки, посредством которых реализуется иное противоправное действие — отмыwanie денежных средств. В последнем случае действительно заключаются сделки, создающие видимость нормального хозяйственного оборота с целью легализации доходов, полученных преступным путем. Несмотря на обозначенный подход законодателя и правоприменителей, свидетельствующий о неоднозначности прямой квалификации действий по передаче и получению взятки как гражданско-правовой сделки, прокуратура развивает практику оспаривания таких сделок по ст. 169 ГК РФ.

Далее, характерным признаком такого оспаривания становится противоречивая позиция о принципиальной возможности применения гражданско-правовых механизмов и одновременном отбрасывании тех из них, которые не подходят под цели, к достижению которых стремится прокуратура. Речь идет о сроке исковой давности. В литературе указываются заслужива-

¹ Григорьева Н.Н., Петушков Д.Н. Предмет антикоррупционного иска — денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. 2021. № 5.

² См.: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Статут, 2011.

³ Турицын А.В. Проблема подмены понятий «конфискация» (ст. 104.1 УК РФ) и «изъятие имущества» по сделке, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), по делам о взяточничестве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-podmeny-ponyatiy-konfiskatsiya-st-104-1-uk-rf-i-izyatie-imuschestva-po-sdelke-sovershyonnoy-s-tselyu-protivnoy-osnovam> (дата обращения: 16.10.2023).

ющие внимания суждения о том, что реализация этого института по отношению к коррупционным сделкам не ведет к стабильности гражданского оборота и не обеспечивает его устойчивость, а поощряет противоправную деятельность должностных лиц. Незаконно вовлеченное ими в гражданский оборот имущество с истечением времени не приобретает в глазах его участников легитимность, а продолжает восприниматься как неконкурентное и несправедливое преимущество, направленное против добросовестных участников рынка⁴. При этом судам удается обосновать начало исчисления срока исковой давности с момента, когда вступил в силу приговор суда, поскольку именно с этого момента обстоятельства совершения преступления считаются окончательно установленными⁵. Подчеркивается, что применительно к публичным отношениям институт исковой давности не способен исполнять свое назначение, не вступая в противоречие со своими принципами и природой права⁶. Налицо то, что общеизвестные функции исковой давности, такие как развитие стабильности гражданского оборота, стимулирование к активному поведению заинтересованного лица, обеспечение сохранности доказательств, отмечаются как не пригодные для оспаривания коррупционных сделок. Социальная справедливость ставится выше стабильности оборота, в то время как сама исковая давность и выступает основным инструментом такой справедливости⁷.

Еще одной характерной чертой рассматриваемых категорий дел является то, что прокурор, требуя применения гражданско-правовой ответственности в виде последствий признания сделки недействительной, просто ссылается на неиспользование последствий уголовно-правовых, а именно конфискации, без дополнительных пояснений. Создается впечатление, что при упущенной возможности применения санкций в рамках уголовного дела на помощь приходит прокурор, используя последнюю возможность «дотянуться» до виновных.

Как видно, ни правовая природа коррупционной сделки, ни необходимость отбрасывания ключевых институтов гражданского права не рассматриваются в качестве препятствий к ее оспариванию, в то время как существуют давно отработанные уголовно-правовые средства привлечения лиц к ответственности в виде конфискации. В литературе такое положение дел справедливо подвергается критике. Так, К.И. Скловский пишет, что получение взятки исключает заявление отдельного иска по ст. 169 ГК РФ с требованием о конфискации на основании норм уголовного закона⁸.

⁴ Бочкарев С.А. Коррупция вне сроков исковой давности // Законность. 2021. № 2.

⁵ Григорьева Н.Н., Петушков Д.Н. Предмет антикоррупционного иска — денежные средства, полученные в качестве взятки // Законность. 2021. № 5.

⁶ Бочкарев С.А. Указ. соч.

⁷ Киктенко К.Г. Исковая давность при взыскании убытков с генерального директора // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6.

⁸ Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушений законодательства о противодействии коррупции // Вестник экономического правосудия. 2021. № 11.

А.В. Турицын со ссылкой на Концепцию развития гражданского законодательства отмечает, что лицо, совершившее сделку при правонарушении, должно подлежать ответственности, но функцию наказания должно выполнять публичное право, а не гражданское⁹.

Опасность укореняющегося подхода к оспариванию коррупционных сделок видится и в том, что он создает угрозу действию ключевых принципов цивилистического процесса, в том числе равенства и состязательности, давая прокуратуре необоснованные преимущества как в выборе процессуальных средств защиты, так и в доказывании правовой позиции. Проще говоря, прокурор имеет возможность практически в любой момент обратиться в суд с иском об оспаривании того, что считает сделкой, не оправдывая бездействие уполномоченных лиц в рамках уголовного дела. Публичный интерес, отстаиваемый государством в лице прокурора, наделяется приоритетом в сопоставлении с частным. Такое положение не согласуется с современными тенденциями уменьшения административного давления на бизнес¹⁰ и снижения преимуществ государства в частноправовых отношениях¹¹.

Немаловажно и то, что подобные подходы могут распространиться и на иные сделки, оспариваемые прокурором на основании ч. 1 ст. 52 АПК РФ¹², в связи со схожестью их материальной составляющей, — признание таких сделок недействительными также связано с совершением правонарушений в публично-правовой сфере, требует доказывания противоправной цели обхода соответствующего законодательства. Ученые отмечают в рамках обсуждений новых полномочий прокурора в гражданском и арбитражном процессе также серьезные риски независимости судей, состязательности с точки зрения возможности оказать «достойное сопротивление» прокурору и предрешенности его позиции в разрезе совпадения с позицией суда, даже излишний характер этих полномочий наряду с аналогичными полномочиями профильных органов. Новейшая практика служит этому подтверждением. Характерным примером является решение от 27 сентября 2023 г. по делу № А51-13465/2023 по иску заместителя Генерального прокурора РФ в интересах России к обществу с ограниченной ответственностью «ФИНИНВЕСТ» о применении последствий недействительности ничтожной сделки по приобретению долей в уставном капитале ООО «Дальнегорский ГОК», осуществляющего вид деятельности, имеющий стратегическое значение для обеспе-

⁹ Турицын А.В. Указ. соч.

¹⁰ Перечень поручений по итогам совещания о мерах социально-экономической поддержки регионов по итогам совещания о мерах социально-экономической поддержки субъектов Российской Федерации, состоявшегося 16 марта 2022 г. URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/128/events/68175>

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П; Постановление Конституционного Суда РФ от 26 июня 2020 г. № 30-П. Изменения в п. 4 ст. 302 ГК РФ.

¹² Практика оспаривания «новых» сделок по ст. 52 АПК РФ набирает обороты. См., например: Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 12 июля 2023 г. по делу № А56-22840/2023; от 12 августа 2023 г. по делу № А56-23506/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.10.2023).

чения обороны и безопасности государства, обществом, находящимся под контролем иностранных юридических лиц из стран, применяющих меры ограничительного характера в отношении Российской Федерации. Прокурор ссылаясь на то, что в ходе прокурорской проверки был выявлен факт заключения сделки без обязательного предварительного согласования, предусмотренного Федеральным законом от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Ответчик заявил о пропуске срока исковой давности, однако ходатайство не было удовлетворено со следующим обоснованием: «Согласно пояснениям истца, в связи с возложенными на прокуратуру полномочиями в рамках осуществления деятельности и нераскрытием информации ответчиком в соответствии с положениями Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» Генеральной прокуратуре, в рамках возложенных на нее функций, с учетом того что в ст. 52 АПК РФ были внесены изменения от 7 октября 2022 г. и расширены полномочия прокурора на подачу исков в рамках арбитражных процессов, а также с учетом того, что проверка согласно пояснениям прокуратуры была инициирована 26 июля 2023 г., именно с этой даты истцу стало известно о нарушениях законодательства, которые послужили основанием для обращения с настоящими требованиями. При этом основаниями заявленных требований являются основания в отношении нарушения законодательства, исходя из специальных экономических мер в связи с введенными санкциями недружественными государствами. Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (статья 200 ГК РФ). Исходя из изложенного, следует, что начало течения срока исковой давности, с учетом того что истцом выступает Генеральная прокуратура РФ, подлежит исчислению с 26 июля 2023 г., с момента начала проверки, исковое заявление было подано в суд 2 августа 2023 г. — срок исковой давности пропущен не был»¹³. Имеется и противоположная практика, где суды применяют сроки исковой давности, исчисляя их с момента, когда публично-правовое образование в лице компетентного органа, а не прокурор, обращающийся в суд, узнало о сделке, со ссылкой на общие нормы ГК РФ о сроках исковой давности, а также на п. 4, 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Граж-

¹³ Решение Арбитражного суда Приморского края от 27 сентября 2023 г. по делу № А51-13465/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.10.2023).

данского кодекса Российской Федерации об исковой давности»¹⁴. Разрозненность практики, таким образом, свидетельствует об укоренении проблемы и по новым видам оспариваемых прокурором сделок.

Очевидно, что баланс частных и публичных интересов должен строиться в такой болезненной сфере, как сфера предотвращения правонарушений антикоррупционного, антиотмывочного, антисанкционного, налогового, таможенного, валютного законодательства, на иных основаниях, чем допущение оспаривания без срока давности любых сделок, каким-либо образом связанных с правонарушениями. Такой баланс может быть достигнут путем возложения на прокурора обязанности по доказыванию невозможности по объективным причинам применения мер уголовно-правовой ответственности до начала доказывания природы и антисоциальной цели сделки, ее содержания и последствий. Многоуровневое доказывание обеспечит надлежащую степень состязательности в такого рода делах, не допустив перехода к обсуждению сделки по существу, до обоснования возможности ее оспаривания цивилистическими средствами, в принципе. Подобный подход может оградить как бизнес от неограниченного вмешательства в экономическую деятельность, так и государство от ухода от имущественной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений.

Смагина Е.С.,

заведующая кафедрой гражданского, процессуального и трудового права
Южного федерального университета,
доктор юридических наук, доцент
(г. Ростов-на-Дону)

Литература

1. Бочкарев С.А. Коррупция вне сроков исковой давности / С.А. Бочкарев // Законность. 2021. № 2.
2. Григорьева Н.Н. Предмет антикоррупционного иска — денежные средства, полученные в качестве взятки / Н.Н. Григорьева, Д.Н. Петушков // Законность. 2021. № 5.
3. Киктенко К.Г. Исковая давность при взыскании убытков с генерального директора / К.Г. Киктенко // Вестник арбитражной практики. 2021. № 6.
4. Российское гражданское право : учебник. В 2 томах / ответственный редактор Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2011.
5. Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушений законодательства о противодействии коррупции / К.И. Скловский // Вестник экономического правосудия. 2021. № 11.
6. Турицын А.В. Проблема подмены понятий «конфискация» (ст. 104.1 УК РФ) и «изъятие имущества» по сделке, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), по делам о взяточничестве / А.В. Турицын // Право и практика. 2023. № 3.

¹⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 ноября 2021 г. по делу № А41-57135/20. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.10.2023).

Особенности применения норм авторского права в отношении произведения, созданного искусственным интеллектом

Высокий темп развития современных технологических возможностей, в том числе рост производительности искусственного интеллекта в различных сферах жизнедеятельности человека, закономерно ставит вопрос о нормативно-правовом регулировании данных аспектов гражданского оборота российским законодательством. На сегодняшний день достаточно трудно установить конкретно авторство в отношении того или иного произведения, результата интеллектуальной деятельности в контексте расширения использования физическим лицом различных программ, в которых аналитическую и иные функции по сбору, обработке информации выполняет искусственный интеллект.

Современный этап развития как государства, общества, так и цивилизации в целом характеризуется высоким уровнем цифровизации, расширения технологических возможностей во всех сферах экономики. С появлением же искусственного интеллекта и внедрением технологических продуктов с искусственным интеллектом во многие сферы жизни человека и экономической сферы важнейшим аспектом выступает нормативно-правовое регулирование российским законодательством вопросов гражданского оборота продуктов, созданных искусственным интеллектом. Целью такого нормативно-правового регулирования выступает как урегулирование непосредственно деятельности субъектов права, так и обеспечение защиты их прав и интересов.

Как отмечает Е.Н. Агibalова, «информационное общество, цифровая экономика, искусственный интеллект — все это тенденции последних лет, которые заслуживают особого внимания государства»¹. Также А.О. Иншакова еще в 2015 г. в своем исследовании отмечала, что «Россия стала на путь инновационного развития, в процессе которого основным объектом рынка наряду с традиционными товарами, работами и услугами является интеллектуальная собственность как основа нематериальных активов основных его субъектов»². При этом Т.В. Николаева в своих научных исследованиях в 2011 г. указывала, что «среди наиболее актуальных в настоящее время вопросов

¹ Агibalова Е.Н. Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-avtorstva-na-proizvedeniya-sozdannye-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 22.10.2023).

² Иншакова А.О. Формы защиты интеллектуальной собственности в обновленном гражданском законодательстве РФ // Власть закона. 2015. № 2 (22). С. 19–31.

развития института интеллектуальной собственности в России выделяются вопросы охраны и использования интеллектуальной собственности»³.

Соответственно, в рамках данного исследования будут рассматриваться вопросы разработки российским законодателем понятия искусственного интеллекта и нейросети, правовых механизмов регулирования деятельности субъектов гражданского правоотношения в части использования программного обеспечения с искусственным интеллектом в своей деятельности, а также вопросы относительно применения авторского права к продуктам, созданным с помощью искусственного интеллекта.

Так, одно из понятий искусственного интеллекта предложено, например, И.О. Абиновым, который указывает с отсылкой на работы Д. Маккарти, что искусственный интеллект можно определить как ряд свойств компьютерных систем и программ, позволяющих выполнять творческие и интеллектуальные функции человека, а также самостоятельно находить способы решения задач, уметь делать выводы и принимать решения⁴.

Как отмечает же Е.А. Михович, «искусственный интеллект трактуется как искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе виртуальная, электронно-механическая, биоэлектронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая свойствами субстантивности, высокоуровневыми возможностями восприятия и моделирования, самообучения, адаптацией своих действий к окружающей среде»⁵.

Несколько отличается в правовой доктрине понятийный аппарат искусственного интеллекта от понятия нейросети. Так, например, Р. Хехт-Нильсен указывает, что «нейронная сеть — это вычислительная система, состоящая из ряда простых, сильно взаимосвязанных элементов обработки, которые обрабатывают информацию путем их динамического реагирования на внешние воздействия»⁶. При этом С. Хайкин отмечает, что нейросеть выступает как средство в виде аппаратного или программного воплощения, позволяющее осуществлять поиск, обработку, распознавание, систематизацию, передачу информации на основе ранее заложенной обучающей выборки

³ Николаева Т.В. К вопросу о правовом развитии института интеллектуальной собственности в России // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2 (15) С. 245–248.

⁴ Абинов И.О. Правовая охрана объектов промышленной собственности, созданных искусственным интеллектом // Молодой ученый. 2022. № 28 (423). С. 144.

⁵ Михович Е.А. Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-proizvedeniy-sozdannyh-s-robotoschyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 22.09.2023).

⁶ Нейронные сети и искусственный интеллект // Информационный портал 'Neronus'. URL: <https://neuronus.com/stat/1271-nejronnye-seti-iskusstvennyj-intellekt.html> (дата обращения: 22.09.2023).

информационного массива данных⁷. В свою очередь В.В. Старовойтов и Д.В. Брилюк определяют, что нейросети — это возможность с помощью аппаратно-программного обеспечения пользоваться поиском, обработкой образов (фото- и видеоизображения) с целью более быстрого поиска необходимой информации⁸.

Нормативно-правовое регулирование вопросов применения искусственного интеллекта на территории Российской Федерации берет свое начало с Указа Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁹. Указанным актом была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период развития государства до 2030 г. (далее — Национальная стратегия). Так, Национальная стратегия устанавливает понятие искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека¹⁰. При этом комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений¹¹.

Как отмечает Д.М. Петрашкин, вышеуказанная национальная стратегия также содержит возможность применения нейросетевых технологий в повседневной деятельности различных структур, в том числе в деятельности правоохранительных органов систем, работающих на основе нейросетей¹².

Соответственно, требующими нормативно-правового регулирования остаются, например, вопросы относительно определения объекта авторского права и его защиты в правоотношениях с участием искусственного интеллекта, а также определения искусственного интеллекта как субъекта гражданского правоотношения в институте авторского права. Следовательно,

⁷ Хайкин С. Нейронные сети : полный курс : пер. с англ. 2-е изд., испр. М. : ИД «Вильямов, 2006.

⁸ Брилюк Д.В., Старовойтов В.В. Распознавание человека по изображению лица нейросетевыми методами. Мн., 2002.

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁰ Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 22.09.2023).

¹¹ Там же.

¹² Петрашкин Д.М. Правовое регулирование права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-prava-avtorstva-na-proizvedeniya-sozdannye-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 22.09.2023).

в будущем считаем возможным принятие законодательным органом Российской Федерации отдельного закона, регулирующего вопросы применения искусственного интеллекта и нейросетей.

При этом, как отмечает, в частности, Н.В. Черкашина, в категорию цифровой продукции входят разные объекты гражданского оборота, которые имеют различное правовое регулирование, и вследствие этого возникают дискуссионные вопросы о самой их правовой природе¹³. Также указанный автор отдельно подчеркивает, что на данном этапе развития законодательства сегмент применения программ с искусственным интеллектом характеризуется неполнотой и противоречивостью¹⁴.

В правовом поле как России, так и зарубежных стран уже несколько лет длится дискуссия по поводу субъектности искусственного интеллекта при создании им результата интеллектуальной деятельности.

В соответствии со ст. 1257 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано.¹⁵ Следовательно, автором может быть признан только тот, чьим трудом оно было создано, а также автором может являться только гражданин¹⁶.

При этом, как отмечает Е.Н. Агibalова, спорный вопрос как раз в том, считается ли создателем нового произведения сам робот (в виде искусственного интеллекта или нейросети). Так, физическое лицо (создатель искусственного интеллекта) создает минимальное количество установок (базы) в данном роботе для его функционирования, дальше робот самообучается и приобретает новые навыки на основе своего самообучения¹⁷.

При этом, исходя из определения термина «автор» в ГК РФ и того факта, что искусственный интеллект не может являться субъектом права, сделаем вывод, что автором произведения, созданного искусственным интеллектом, может являться либо его создатель, либо его владелец, либо необходимо ставить вопрос об отнесении данного произведения к общественному достоянию.

Иное мнение предложено такими авторами, как Е.В. Воскресенская, Л.Г. Ворона-Сливинская, А.Н. Лойко, которое заключается в том, что право

¹³ Черкашина Н.В. Специфика и сущность авторских прав на цифровые произведения, товары и результаты действий нейросети. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-suschnost-avtorskih-prav-na-tsifrovye-proizvedeniya-tovary-i-rezultaty-deystviy-neyroseti> (дата обращения: 22.10.2023).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.06.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁶ Агibalова Е.Н. Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-avtorstva-na-proizvedeniya-sozdannye-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁷ Там же.

являться автором произведения, созданного искусственным интеллектом, должно принадлежать лицу, использующему данный интеллект, так как искусственный интеллект — это инструмент, применяемый для создания произведения¹⁸.

При этом Д.М. Петрашкин, рассматривая соотношение правового положения пользователя и его притязания на права авторства, созданные с помощью искусственного интеллекта или нейросети, отмечает, что необходимо учитывать конкретный творческий вклад в создание произведения, поскольку если человек просто отдает команды в виде набора слов и нейросеть впоследствии выдает картинку, то такой труд нельзя назвать творческим¹⁹. При этом, по мнению Д.М. Петрашкина, в том случае, если пользователь, например, не только ввел необходимые данные, но и впоследствии каким-либо образом доработал тот объект, который был создан с использованием искусственного интеллекта, при этом проверив наличие аналогов в сети Интернет, можно утверждать о творческом характере деятельности и, соответственно, о признании за таким физическим лицом прав автора.

Необходимо отметить, что в случае получения результата интеллектуальной деятельности следует учитывать, что здесь не будет соавторства ИИ и лица, который обратился к нейросети за созданием произведения. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» установил: «Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств»²⁰.

Примечательно, что, рассматривая практику разных стран, суды, как правило, не признают за ИИ права автора²¹.

Таким образом, между нормами авторского права и развивающимся искусственным интеллектом образуется огромный пробел, поскольку развитие норм авторского права несколько отстает от существующего темпа совершенствования систем искусственного интеллекта. В рамках данного исследо-

¹⁸ Воскресенская Е.В., Ворона-Сливинская Л.Г., Лойко А.Н. К вопросу о правовой природе результатов деятельности искусственного интеллекта // Colloquium-journal. 2019. № 5 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovoy-prirode-rezultatov-deyatelnosti-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 22.09.2023).

¹⁹ Петрашкин Д.М. Правовое регулирование права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-prava-avtorstva-na-proizvedeniya-sozdannye-iskusstvennym-intellektom> (дата обращения: 22.09.2023).

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/

²¹ Михович Е.А. Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-proizvedeniy-sozdannyh-s-pomoschyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 22.09.2023).

вания проведен анализ различных подходов к определению понятий искусственного интеллекта и нейросети, а также установлены различные подходы к определению авторства в отношении результата интеллектуальной деятельности, созданного с использованием искусственного интеллекта. Соответственно, актуальным направлением дальнейших научных работ станет проведение исследований в области изучения различных теорий, выдвигаемых в правовой доктрине в части определения авторства в отношении результата интеллектуальной деятельности, созданного с использованием искусственного интеллекта.

В целом, для совершенствования российского гражданского законодательства актуальными остаются разработка и принятие законодательным органом Российской Федерации отдельного закона, регулирующего вопросы применения искусственного интеллекта и нейросетей.

Ковалев И.П.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
юридического факультета Московского университета имени С.Ю. Витте,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Абинов И.О. Правовая охрана объектов промышленной собственности, созданных искусственным интеллектом / И.О. Абинов // Молодой ученый. 2022. № 28 (423).
2. Агibalова Е.Н. Право авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом / Е.Н. Агibalова, Е.А. Перекрестова // Эпоха науки. 2020. № 24.
3. Брилюк Д.В. Распознавание человека по изображению лица нейросетевыми методами / Д.В. Брилюк, В.В. Старовойтов. Минск : Институт технической кибернетики НАН Беларуси, 2002.
4. Воскресенская Е.В. К вопросу о правовой природе результатов деятельности искусственного интеллекта / Е.В. Воскресенская, Л.Г. Ворона-Сливинская, А.Н. Лойко // Colloquium-Journal. 2019. № 5–6 (29).
5. Иншакова А.О. Формы защиты интеллектуальной собственности в обновленном гражданском законодательстве РФ / А.О. Иншакова // Власть закона. 2015. № 2 (22).
6. Михович Е.А. Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта / Е.А. Михович // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69).
7. Николаева Т.В. К вопросу о правовом развитии института интеллектуальной собственности в России / Т.В. Николаева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2 (15).
8. Петрашкин Д.М. Правовое регулирование права авторства на произведения, созданные искусственным интеллектом / Д.М. Петрашкин // Правовое регулирование экономической деятельности (ПРЭД). 2023. № 2.
9. Хайкин С. Нейронные сети. Полный курс / С. Хайкин ; перевод с английского Н.Н. Куссуль, А.Ю. Шелестова. 2-е изд. Москва [и др.] : Вильямс, 2006.
10. Черкашина Н.В. Специфика и сущность авторских прав на цифровые произведения, товары и результаты действий нейросети / Н.В. Черкашина, И.А. Бартко, Т.И. Смирнов // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1 (217).

Дистанционное электронное голосование как один из механизмов реализации принципа суверенитета: особенности и проблематика

Суверенитет современного государства в условиях глобализации определяется как его независимость от иных единиц международных отношений. При этом участие в создании условий для устойчивости суверенитета любого государства имеет свои легитимные механизмы, обеспечение работы которых является одной из главных задач публичной власти. Таким образом, совершенствование таких механизмов и создание полноценной правовой базы для их реализации представляет собой важный вектор развития и трансформации сообразно современным реалиям.

В условиях мировой цифровизации и внедрения электронных технологий их качество и эффективность напрямую зависят от сохранения баланса интересов как самого государства, так и его граждан. Поскольку участие граждан в жизни государства в том числе осуществляется напрямую в рамках проведения выборов в государстве, внедрение электронных технологий в избирательный процесс рассматривается как один из механизмов, способствующих реализации принципа суверенитета государства.

Данный вывод обосновывается и подтверждается последовательной цепочкой: выбор гражданина — создание устойчивого властного формирования, задающего направление развития государства, в том числе и на мировой арене. При таких обстоятельствах обеспечение легитимного избирательного процесса, механизмы, задействованные в его формировании, представляют собой основу для устойчивости государственного суверенитета как по отношению к международным отношениям, так и по отношению к процессам, реализуемым внутри государства.

Устойчивое и неоспоримое положение результата проводимых выборов в государстве определяется полнотой демократических принципов, закрепляемых в нормативно-правовых актах. При таких обстоятельствах нормативно-правовая база с учетом внедряемых электронных технологий также призвана отвечать принципам демократии и реализации всех возможных избирательных прав граждан. Рассматривая баланс интересов и возможность реализации каждой составляющей избирательного права гражданина в любом государстве, необходимо отметить особенности трансформации законодательства с целью интеграции цифровизации в избирательный процесс.

Рассматривая дистанционное электронное голосование с точки зрения нововведений в праве, следует заметить: во-первых, применение

новой системы голосования требует для себя законодательного закрепления нововведенных способов фиксации волеизъявления граждан; во-вторых, закрепление указанного способа голосования подразумевает под собой многоуровневые изменения действующего законодательства с целью урегулирования всех процессов, связанных с проведением дистанционного электронного голосования.

Внедрение инноваций в процедуру реализации избирательных прав граждан знаменует собой новый этап в формировании политического поля в государстве. Данное обстоятельство обусловлено тем, что внедряемые технологии уже используются на политических площадках — образуются сетевые сообщества и организации, учреждаются интернет-парламенты и интернет-партии. Указанные факты заставляют признать, что использование интернет-коммуникаций становится неотъемлемой частью жизни в любом государстве, а также определяет неизбежность необходимости внедрения интернет-коммуникаций в избирательную систему.

Следует отметить, что основной чертой нормативно-правовой базы каждой страны, регулирующей процесс становления процедуры электронного голосования, стала ее ограниченность в решении отдельных вопросов, возникающих в условиях волеизъявления посредством электронного голосования.

Системы электронного голосования в Эстонии, Нидерландах и других странах заложили основу для создания первых рекомендаций Совета Европы 2004 г.

Закрепив в преамбуле вышеуказанных рекомендаций необходимость сбора и анализа опыта проведения выборов с использованием электронного голосования стран-участниц на протяжении будущих двух лет, Совет Европы в значительной степени предугадал неизбежность адаптирования стандартов правового регулирования под существующую реальность практического применения норм. Отличительной чертой принятых рекомендаций, с учетом того факта, что носят они рекомендательный характер, является определение в рекомендациях значительных аспектов процедуры электронного голосования — технической и организационной сторон.

Вместе с тем, принимая во внимание характер воздействия Рекомендаций Совета Европы 2004–2017 гг., который возможно именовать как «акт мягкого права», следует отметить необходимость более жесткого закрепления определяемых в процедуре электронного голосования требований на законодательном уровне¹. Данная необходимость обусловлена реализацией

¹ Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-elektronnogo-golosovaniya-v-rossii-i-zarubezhom-sravnitelno-pravovoy-analiz/viewer>

основных принципов, действующих в связи с реализацией гражданами своих избирательных прав в общемировых масштабах.

Приведенный анализ существующих нормативно-правовых актов, регулирующих процедуру электронного голосования в различных странах, позволяет выявить ряд проблем, нуждающихся в отдельном законодательном закреплении, а также ряд вопросов, на решение которых должна быть направлена нормотворческая деятельность в рамках урегулирования избирательного процесса. Новаторские правовые проекты в области электронного голосования в процессе своей реализации сталкиваются с многочисленными проблемами своего применения на практике.

Так, в Нидерландах система электронного голосования появилась еще в 1965 г., а фактически получила свое применение лишь в 1990 г. На законодательном уровне она закреплена в Генеральном акте по вопросам электронного голосования 1989 г., который стал актом законодательного одобрения избранной процедуры голосования уже после ее использования.

Следующей страной, закрепившей на законодательном уровне возможность использования приспособленных технических устройств для голосования, стала Бельгия. Закон о выборах Королевства Бельгия был видоизменен с указанием на поправки в части автоматизации процедуры голосования.

Однако не все европейские страны стремились к закреплению процедуры электронного голосования в постоянно действующих законодательных актах. Так, первоначально во Франции порядок электронного голосования был предусмотрен рекомендациями, которые выработала специальная национальная комиссия. При этом система электронного голосования во Франции ранее не предполагала отделения аутентификации личности голосующего гражданина от идентификации выбора, сделанного гражданином.

Анализируя опыт зарубежных стран и особенности проблематики, которая выявляется в результате применения современных электронных технологий, сохраняя баланс между традиционным голосованием и внедрением системы электронного голосования, необходимо отметить, что процесс использования современных технологий в Российской Федерации осуществляется постепенно. Вариативность применения иных способов голосования, включая современные технологии, наглядно отражает возросшую степень реализации многозадачности и соответствия требованиям действующего законодательства. Условно, новые формы голосования можно разделить на многодневное голосование и дистанционно-электронное голосование.

Принятый в 2002 г. Федеральный закон о государственной автоматизированной системе России «Выборы» (далее по тексту — ГАС «Выборы») ознаменовал собой законодательное закрепление расширения технических

возможностей, используемых на выборах². При этом, как следует из преамбулы вышеуказанного федерального закона, внедренная автоматизированная система призвана служить гарантией для реализации избирательных прав граждан. Учитывая тот факт, что дистанционное электронное голосование не является обязательным для всех избирателей, а система голосования предусматривает наличие альтернативных способов голосования, электронное голосование посредством сети Интернет носит заявительный характер.

Рассматривая указанное обстоятельство, необходимо отметить, что, несмотря на процедуры идентификации и аутентификации гражданина, изъявившего желание проголосовать путем электронного голосования дистанционно, выработанная электронная система нацелена на соблюдение принципа тайного волеизъявления гражданина, предусмотренного ст. 7 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»³. При этом виртуализация представляет собой процедуру идентификации и аутентификации гражданина, имеющего намерение проголосовать посредством разработанной электронной системы.

Вместе с тем представленная возможность во многом далека от реального соблюдения принципа открытости избирательного процесса. Статья 30 Федерального закона № 67-ФЗ представляет собой определенную гарантию соблюдения избирательных прав граждан посредством регламентации возможности присутствия при совершении избирательной комиссией юридически значимых действий, формирующих итоги проведенных выборов. Фактическое выполнение действий избирательной комиссией любого уровня в целях обеспечения полноценной работы выборного механизма представляет собой непосредственную реализацию обязанностей, продиктованных для государства действующим выборным законодательством. Таким образом, на уровне юридического закрепления обязанностей, возложенных на избирательную комиссию, осуществляются реализация прав граждан, гласность избирательного процесса.

При таких обстоятельствах любое юридически значимое действие, осуществляемое членами избирательной комиссии, когда предусмотрено присутствие наблюдателей и иных лиц, что разрешено действующим законодательством, должно быть открытым. Вместе с тем, особенности процедуры

² Коновалова И.А. Современные технологии обеспечения открытости и прозрачности избирательного процесса в деятельности избирательной комиссии Московской области // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 47.

³ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. Ст. 2253.

электронного голосования, к примеру с использованием системы блокчейн, не позволяют в полной мере реализовать указанное право. Более того, указанная возможность при действующем законодательном закреплении дистанционного электронного голосования для реализации положений ст. 30 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не предусмотрена⁴. В связи с изложенным, законодательное закрепление возможности назначения наблюдателей при проведении процедуры дистанционного электронного голосования представляется необходимым.

Аудит, наблюдение и мониторинг избирательного процесса не только повышают его прозрачность, но и обеспечивают дополнительное доверие избирателей. Следует отметить, что последнее обстоятельство, в частности снижение риска манипулирования инсайдерами с привилегированным доступом к системе, является одним из важнейших аспектов обеспечения безопасности системы электронного голосования.

Анализируя механизм дистанционного электронного голосования и его возможность применения на выборах всех уровней в контексте упрочения суверенитета государства и сохранения баланса во взаимоотношениях на мировой арене, необходимо исследовать статус и способность реализации прав иностранных (международных) наблюдателей. Так, например, ст. 34 Федерального закона от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусмотрена возможность участия иностранных наблюдателей в пределах компетенции на проводимых выборах. Вместе с тем, учитывая форму и программное обеспечение, используемое на выборах, необходимо отметить, что вышеуказанная категория наблюдателей онлайн-сервиса не сможет присутствовать для голосования.

Речь в данном случае идет об избирательных комиссиях и необходимости учитывать особенности системы электронного голосования. Так, в настоящее время на законодательном уровне закреплены требования к членам избирательной комиссии, не содержащие критериев по уровню образования либо наличию специфических знаний. Одновременно полный переход к электронному голосованию либо увеличение масштабов его использования создает определенные затруднения в понимании осуществляемых процедур⁵. Отмечая возможности контролировать и отслеживать легитимность выборных процессов, администрация, обеспечивающая законность

⁴ Закусин А.А. Внедрение электронных технологий в российский избирательный процесс // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5. № 3. С. 279.

⁵ Федоров В.И., Ежов Д.А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. С. 57.

и соответствие нормативно-правовым актам, действующим на территории Российской Федерации, не соответствует заданному уровню использования электронных технологий.

Таким образом, целесообразным выглядит внедрение специализированного обучения, направленного на повышение либо присвоение квалификации, для членов избирательной комиссии и закрепление указанной необходимости на законодательном уровне. Рассматриваемая целесообразность обусловлена тем, что для граждан Российской Федерации предполагается знание действующего законодательства, в том числе законодательства, обеспечивающего процесс выборов, регламентирующего права и обязанности граждан в рамках указанного процесса. Вместе с тем усовершенствование системы голосования и применение современных технологий не предполагают исключительную обязанность по повышению гражданами своих технических знаний с целью понимания процесса.

В связи с изложенным, решение указанного вопроса через усовершенствование действующего законодательства окажет значительное влияние на повышение эффективности работы комиссий благодаря использованию электронных технологий в выборном процессе. В указанном случае, несмотря на стремление полностью автоматизировать процесс голосования, необходимо отметить, что установление электронного голосования в качестве единственного способа волеизъявления граждан в рамках выборного процесса не представляется возможным. Ориентированность на граждан при указанных обстоятельствах, тем не менее, не подменяет для кандидатов предоставленную действующим законодательством возможность воздействовать на ход выборного процесса. Присутствие при процессе разработки программного обеспечения, своевременное ознакомление с процедурой и особенностями созданного программного обеспечения позволили бы исключить возможность вмешательства и сделать процедуры, связанные с осуществлением электронного голосования, более прозрачными.

Следует заметить, что региональные правительства также не дают указаний по закупкам и эксплуатации таких систем. При таких обстоятельствах можно сделать вывод, что существование в действующем законодательстве положений о возможности проведения дополнительной проверки по запросу кандидатов либо иных лиц, чьи интересы затрагиваются, является разумным и отвечающим требованиям о защите избирательных прав граждан. Создание правовой основы механизма регулирования избирательного процесса электронного голосования в части практической проверки программного обеспечения восполнит пробел в правах кандидатов, продиктованных процессом равноправия и обеспечения легитимности процесса. Указанная необходимость законодательного закрепления вышеуказанной возможности также продиктована гарантированным исключением

вероятности искажения результата голосования. При таких обстоятельствах в современных условиях существуют как недостатки, так и преимущества дистанционного электронного голосования, формулирование которых может способствовать разрешению наиболее важных пробелов, возникающих в процессе реализации процедуры электронного голосования.

Таким образом, создание равных условий для кандидатов, а также правовое обеспечение процесса волеизъявления граждан в рамках проводимых выборов призваны обеспечить прочный фундамент для взаимодействия населения и власти, направленного на упрочнение суверенитета государства.

Мишуков В.О.,

преподаватель факультета современного права
Университета мировых цивилизаций
(г. Москва)

Литература

1. Былинкина Е.В. Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ / Е.В. Былинкина // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5.
2. Закусин А.А. Внедрение электронных технологий в российский избирательный процесс / А.А. Закусин // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3 (19).
3. Коновалова И.А. Современные технологии обеспечения открытости и прозрачности избирательного процесса в деятельности избирательной комиссии Московской области / И.А. Коновалова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1.
4. Федоров В.И. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации / В.И. Федоров, Д.А. Ежов // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 1.

Саморегулирование биобанковской деятельности

Последние 100–150 лет¹ массив нормативно-правового регулирования во всех странах мира растет. В различные периоды развития общества, экономических отношений и правоотношений человека наблюдалась совершенно разная пропорция между публичным (или государственным) регулированием и саморегулированием². Как отмечал Ю.А. Тихомиров, зачастую в России смешиваются понятия саморегулирования, сорегулирования (государственных органов и предпринимательского сообщества), государственного регулирования, делегированного саморегулирования и добровольного саморегулирования. Во многом цель данного смешения была только одна — экономия бюджетных средств. По его мнению, если стороны хозяйственной деятельности не в силах достигнуть равновесия интересов государства и общества в конкретной сфере общественных отношений, то государство обязано разработать оптимальные способы нормативного разрешения выявленного дисбаланса.

Биобанки — это депозитарии биологического материала, представляющие собой интенсивно развивающийся³ научно-исследовательский и биомедицинский институт. Их значение для науки и экономики обусловлено в первую очередь двумя факторами. Во-первых, биобанки являются базой для проведения исследований полногеномных ассоциаций, успех которых напрямую связан с количеством производимых сопоставлений и требует сотен тысяч образцов⁴. Во-вторых, биобанки рассматриваются как основа для «персонализированной медицины» будущего, основанной на учете индивидуальной предрасположенности к развитию расстройств и склонности к тому или иному типу терапевтического ответа⁵. В 2018 году мировой рынок биобанкинга оценивался в 25,8 млрд долл. и, по прогнозам, вырастет до 36,8 млрд долл. к 2024 г. при среднегодовом темпе роста в 6,2%. Доля выручки при этом

¹ Скоробогатов В.Ю. Саморегулирование и закон: исторический аспект взаимоотношения // Адвокатская практика. 2007. № 6. С. 39.

² Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 88.

³ Мохов А.А., Посулихина Н.С. Организационно-правовые и научно-методические основы ускоренного развития генетических технологий для медицины : обзор круглого стола (г. Москва, 5 февраля 2021 г.) // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7 (128). С. 204.

⁴ Ravid R. The uniqueness of biobanks for neurological and psychiatric diseases: potentials and pitfalls // Pathobiology. 2014. № 5–6. P. 240.

⁵ Liu A., Pollard K. Biobanking for personalized medicine in the age of new biology // Biobanking in the 21st Century / F. Karimi-Busheri [Ed.]. Cham, Switzerland : Springer, 2015. P. 59.

в 2024 г. составит примерно 40%. Сейчас около 49,2% от общего дохода отрасли генерируют клинические исследования⁶.

Стоит отметить, что международно-правовая регуляция геномных исследований, а также их биобанковской инфраструктуры определяется актами мягкого права (soft law). При этом такие акты являются базисом создания жестких норм (hard law) законов. То есть акты саморегулирования в биобанковской сфере могут послужить базисом для создания нормативных актов российским законодателем ввиду отсутствия соответствующих норм как у нас, так и в ряде зарубежных стран. Самым ранним документом мягкого права, регулирующим порядок выполнения экспериментов на людях (касающийся в том числе деятельности биобанков), стал Нюрнбергский кодекс 1947 г. Данный кодекс⁷ является базовым сборником норм-правил при осуществлении исследований и экспериментов над человеком⁸. Следствием данного кодекса стало повсеместное введение института информированного добровольного согласия дееспособного пациента на проведение исследований над ним⁹, в том числе и согласие на забор биологических материалов биобанком и последующее их правоприменение.

В 2016 году анализ 198 проводящихся научных работ при клинических испытаниях с использованием термина «биобанк» на сайте клинических исследований США ClinicalTrials.gov показал широчайший спектр направлений. Тогда как в 2022 г. таких исследований было уже 333. Итогом накопления обширного пласта знаний в области биобанкинга стало создание целого ряда актов саморегулирования международного уровня по вопросам биобанкирования, разработанных участниками данного типа правоотношений: 1. «Передовые практики ISBER: рекомендации для хранилищ», подготовленные Международным обществом биологических и экологических репозиториев (ISBER), 2005–2018 (последняя действующая редакция была издана в 2018 г.). 2. Рекомендации Комитета министров Совета Европы (СЕ) «Об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения». 3. Ведущие методы лабораторной медицины, созданные управлением лабораторных систем центров по контролю заболеваний США (CDC), 2006–2019. 4. Организованные прогрессивные методы работы для центров биологических ресурсов в странах Организации экономического сотрудничества и раз-

⁶ Цветкова А. Как развивается биобанкинг в России // Сибирское информационное агентство. URL: https://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=381065 (дата обращения: 17.10.2023).

⁷ Крупнейший судебный процесс (1945–1946 гг.), в ходе которого были осуждены главные военные преступники Второй мировой войны.

⁸ Силуанова И.В. «Нюрнбергский кодекс» и его значение для современной науки // Медицинская этика. 2014. Т. 2. № 1. С. 86.

⁹ Данельян А.А., Гуляева Е.Е. Актуальные проблемы правового регулирования геномных исследований на универсальном уровне и региональном уровне // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 6. С. 18.

вития (ОЭСР), 2001–2012. 5. «Прогрессивные методы работы государственного института онкологии США по источникам биологических образцов», 2007–2016. 6. Международный стандарт ISO (International Standardization Organization) 20387 «Биотехнологии. Биобанкинг. Общие требования», 2018.

Анализ части базовых актов международного саморегулирования, принятых в качестве стандартов биобанкирования в большинстве стран мира, показал актуальность данной темы. Родоначальником саморегулирования в области биобанкинга можно считать появившееся в 1999 г.¹⁰ Международное сообщество по биологическим и экологическим репозиториям (International Society for Biological and Environmental Repositories — ISBER)¹¹. Данная ассоциация первоначально была создана под эгидой биобанков США, Канады, Австралии. С 2005 года она начала разрабатывать лучшие практики для работы биобанков и их взаимодействия. В 2018 году была принята 4-я редакция этих практик¹², в разработке которых приняли участие и ученые из биобанков России («Национальный биосервис»). На сегодняшний день в состав данной организации входят биобанки более чем 30 стран, в том числе и России. Четвертое издание документа «Передовые практики международного общества биологических и экологических репозиториях (ISBER): рекомендации для хранилищ» является результатом работы международной группы профессионалов в области биобанкирования, представляющих различные организации, в том числе хранилища, специализирующиеся на образцах человека, на биологическом разнообразии, окружающей среде и ветеринарии. В документе описываются основные принципы по сбору, приготовлению и хранению образцов, принципы управления и контроля качества, правовые и этические вопросы. В главе о планировании создания биобанка¹³ представлены подробные рекомендации, включая требования к помещениям и оборудованию для пробоподготовки и хранения биообразцов, рекомендации по управлению, документообороту и финансированию хранилища, освещены вопросы проверки методов и контроля качества образцов, тема обучения и повышения квалификации персонала, а также сформулированы положения о безопасности процесса биобанкирования (биологической, химической, пожарной и проч.). Подробно рассмотрены процедуры сбора, обработки и транспортировки образцов, полученных из различных типов биоматериала. В сборнике большое внимание уделено юридическим

¹⁰ ISBER. Annual report 2018. ISBER International Society for Biological And Environmental Repositories. 2018. P. 7.

¹¹ ISBER, 750. Пендер Стрит, сьют 301. Ванкувер, Канада.

¹² Campbell L.D., Astrin J.J., DeSouza Y., Giri J., Patel A.A., Rawley-Payne M., Rush A., Sieffert N. The 2018 Revision of the ISBER Best Practices: Summary of Changes and the Editorial Team's Development Process // Biopreserv Biobank. 2018. Vol. 16 (1). P. 3.

¹³ Биобанки и прогресс биомедицины : сборник научных трудов / С.В. Анисимов (ред.). СПб. : Свое издательство, 2018. С. 86.

и этическим аспектам биобанкирования образцов как человеческого, так и иного (нечеловеческого) происхождения. В разделе «Система информационного управления хранилища» указана необходимость программного обеспечения биобанка для хранения информации об образцах (дата взятия, вид биоматериала, объем, местоположение в хранилище и др.), сведений о доноре (пол, возраст, раса, результаты анализов и др.), а также о движении биоматериала.

До 16 марта 2022 г. Россия была членом СЕ и Рекомендации Rec (2006) № 4 Комитета министров СЕ «об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения» носили общеобязательный характер для исполнения их нами как членом СЕ¹⁴. На сегодняшний день наша страна не является членом СЕ и данные рекомендации не носят для нас характер нормативности и должны рассматриваться как акты саморегулирования рекомендательного характера. Они направлены на принятие норм в отношении исследований с использованием биологического материала человеческого происхождения. Основная цель рекомендаций состоит в том, чтобы защитить права и свободы тех людей, чей биологический материал может быть использован в исследовательских проектах. Кроме того, регулирование в области биомедицинских исследований с использованием биообразцов человека необходимо для укрепления доверия как к врачам, так и к исследовательским процедурам. В этом документе рекомендуется использовать практику информирования пациентов и иных заинтересованных лиц, запрашивать их согласие в случаях, когда их биологические материалы предполагается использовать для научных исследований. Данная рекомендация основывается на принципах, воплощенных в Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины (ETS 164, 1997, Конвенция о правах человека и биомедицине) и Дополнительном протоколе к ней о биомедицинских исследованиях (CETS № 195, 2005), направленных на защиту прав и достоинства человека в связи с исследованиями на биологическом материале, полученном от человека, таком как органы, ткани и клетки. При использовании биоматериалов человеческого происхождения для проведения биомедицинских исследований часто необходимы и личные данные (например, сведения из медицинской карты или журнала регистрации, связанного с состоянием здоровья, в частности журнала регистрации онкологических больных). В то же время благодаря проведению медицинских исследований и анализу биологического материала человека формируются новые данные. Первичные сведения о пациентах, полученные для исследовательских проектов, и новые данные, получаемые в ходе этих исследований, также относятся к сфере действия этого Дополнительного про-

¹⁴ Сафонов В.Е., Искендеров Р.Р. Некоторые проблемы процедуры установления статуса беженца в Российской Федерации // Миграционное право. 2006. № 2. С. 23.

токола. В 2016 году рекомендации были дополнены рекомендацией CM/Rec (2016) № 6 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «Об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения», принятой Комитетом министров 11 мая 2016 г. на 1256-м заседании постоянных представителей министров¹⁵.

Российская биобанковская отрасль пошла вне процедуры регистрации саморегулируемой организации (СРО) для разработки внутриотраслевых стандартов, а ограничилась регистрацией некоммерческой ассоциации, стандартами деятельности которой выступают международно-правовые акты саморегулирования в сфере биобанкинга. К сожалению, в условиях сложившейся международно-правовой обстановки стандарты саморегулирования деятельности биобанков, разработанные за рубежом и для оборудования, полностью изготовленного в недружественных странах, делают функционирование биобанковской отрасли России на сегодняшний день крайне проблематичным. В связи с вышеизложенным мы считаем крайне необходимой срочную разработку новых стандартов деятельности российских биобанков, основанных на технологических решениях, созданных на территории России (максимум на территории союзного государства), — в противном случае деятельность данной отрасли биомедицины будет просто парализована. Мы полагаем возможным и целесообразным Министерству здравоохранения и Министерству промышленности и торговли РФ скорее включиться в процесс нормативного регулирования данной деятельности, иначе генетические данные граждан России могут просто в цифровой форме уйти в базы данных биобанков к нашим недружественным партнерам. Чем это грозит в сложившихся геополитических условиях, объяснять не нужно, так как утеря стратегических персональных генетических данных граждан России — катастрофа национальной безопасности.

Еникеев О.А.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирской академии государственной службы и управления
при главе Республики Башкортостан,
кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук, доцент
(Республика Башкортостан, г. Уфа)

Литература

1. Биобанки и прогресс биомедицины : сборник научных трудов / редактор С.В. Анисимов. Санкт-Петербург : Свое издательство, 2018.

¹⁵ Рекомендация № CM/Rec (2016) № 6 Комитета министров Совета Европы «Об исследованиях с использованием биологических материалов человеческого происхождения» // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2016. № 9. С. 100–108.

2. Данельян А.А. Актуальные проблемы правового регулирования геномных исследований на универсальном уровне и региональном уровне / А.А. Данельян, Е.Е. Гуляева // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2021. № 6.
3. Мохов А.А. Организационно-правовые и научно-методические основы ускоренного развития генетических технологий для медицины : обзор круглого стола (г. Москва, 5 февраля 2021 г.) / А.А. Мохов, Н.С. Посулихина // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7 (128).
4. Сафонов В.Е. Некоторые проблемы процедуры установления статуса беженца в Российской Федерации / В.Е. Сафонов, Р.Р. Искендеров // Миграционное право. 2006. № 2.
5. Силуянова И.В. «Нюрнбергский кодекс» и его значение для современной науки / И.В. Силуянова // Медицинская этика. 2014. Т. 2. № 1.
6. Скоробогатов В.Ю. Саморегулирование и закон: исторический аспект взаимоотношения / В.Ю. Скоробогатов // Адвокатская практика. 2007. № 6.
7. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. 2005. № 9.
8. Цветкова А. Как развивается биобанкинг в России / А. Цветкова // Сибирское информационное агентство. 2019. 14 октября.
9. Campbell L.D. The 2018 Revision of the ISBER Best Practices: Summary of Changes and the Editorial Team's Development Process / L.D. Campbell, J.J. Astrin, Y. DeSouza [et al.] // Biopreserv Biobank. 2018. Vol. 16. Iss. 1.
10. Liu A. Biobanking for personalized medicine in the age of new biology / A. Liu, K. Pollard // Biobanking in the 21st Century / ed. by F. Karimi-Busheri. Cham, Switzerland : Springer, 2015.
11. Ravid R. The uniqueness of biobanks for neurological and psychiatric diseases: potentials and pitfalls / R. Ravid // Pathobiology. 2014. Vol. 5–6.

Законотворческая деятельность Межпарламентской Ассамблеи СНГ в области здравоохранения по созданию модельных законов

Под модельным законом понимают принимаемый международной организацией или законодательным органом федеративного государства акт, который носит рекомендательный характер и содержит цель унифицировать законодательство разных стран или субъектов федерации и проводить согласованную законодательную деятельность¹. Модельный закон разрабатывается международными организациями в качестве образца или модели для «национального правового регулирования конкретной области общественных отношений или вопроса»². Модельные законы служат образцом для будущих законодательных решений и «получают официальную юридическую силу в границах государства или государственного образования лишь после принятия их национальным парламентом»³.

Модельные законы могут относиться к одной из следующих категорий по происхождению, по правовой природе, по уровню: «международные, внутрисоветские, универсальные и региональные»⁴. Модельные законодательные акты могут иметь следующие виды «в зависимости от задач, предмета (объекта), объема и характера правового регулирования»: «модельный (типовой) закон, модельный кодекс, общие принципы, рекомендации, модельные (примерные) правила или положения»⁵.

Модельные законы могут включать «определение целей и общих принципов будущего регулирования», формулирование главных, принципиальных норм будущего регулирования, нормативных дефиниций, рекомендаций различных вариантов законодательных решений или «создание цельного и законченного акта, который парламент может принять за основу либо утвердить без внесения изменений и дополнений»⁶. Модельные законы

¹ Пиголкин А.С. Модельный закон // Энциклопедия юриста. 2005. Библиотека «Гумер». URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/encikl_yurista/1226.php (дата обращения: 06.11.2023).

² Модельный (типовой) законодательный акт // Энциклопедический справочник / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/services/reference/9553/> (дата обращения: 06.11.2023).

³ Пиголкин А.С. Модельный закон // Там же.

⁴ Модельный (типовой) законодательный акт // Там же.

⁵ Там же.

⁶ Пиголкин А.С. Модельный закон // Там же.

могут иметь разные внешние формы: «основные начала, общие принципы, главные положения, примерный закон и др.»⁷.

Модельное законодательство активно разрабатывается и применяется на международном уровне органами и специализированными учреждениями ООН, региональными и субрегиональными международными организациями и объединениями интеграционного типа (Европейский союз), неправительственными международными организациями (ВТО, ОЭСР, УНИДРУА и др.), а также международными межпарламентскими организациями⁸. Модельное законодательство активно разрабатывается в разных странах и межпарламентских объединениях⁹.

В США создаются типовые кодексы для штатов и другие законы для создания единообразного законодательного регулирования в различных отраслях законодательства, в которых есть такая необходимость¹⁰. Для того чтобы модельный закон приобрел статус закона в штате, штат его должен официально утвердить¹¹. Примерами модельных законов в США являются Торговый кодекс, впервые разработанный в 1952 г., впоследствии пересмотренный несколько раз и принятый во многих штатах США, «типовые кодексы по уголовному праву, уголовному процессу, закон о предпринимательских корпорациях»¹².

Парламентская Ассамблея Совета Европы разрабатывает и принимает «резолюции, конвенции, заключения, указания, служащие рекомендациями соответствующим правительствам»¹³. Примером такого акта является Европейский кодекс социальных гарантий¹⁴.

Союз африканских парламентов, Андский парламент, Межпарламентская организация Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и другие межпарламентские объединения принимают акты, носящие рекомендательный характер¹⁵.

Международные организации принимают акты, носящие рекомендательный характер¹⁶. Например, Комиссией ООН по праву международной торговли был принят акт «О международных кредитных переводах», Комиссией по рекламе МТП был принят Международный кодекс рекламной практики¹⁷.

⁷ Там же.

⁸ Модельный (типовой) законодательный акт // Там же.

⁹ Пиголкин А.С. Модельный закон // Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Научные подразделения принимают модельные законы¹⁸. Например, в 1992 г. в Гарвардском университете «в рамках осуществления международной налоговой программы» был создан Базовый международный налоговый кодекс, в 1993 г. Ибероамериканский институт процессуального права разработал доктринальный «проект модельного гражданского процессуального кодекса для государств Латинской Америки»¹⁹.

Межпарламентская Ассамблея СНГ (МПА СНГ) «разрабатывает общие подходы к разрешению проблем социальной политики и обеспечению основных прав и свобод человека, ее деятельность ориентирована на развитие гуманитарного и культурного сотрудничества»²⁰. К основным задачам МПА СНГ относятся «сближение правовых систем государств — участников СНГ», «создание условий для всесторонней интеграции в рамках Содружества на основе принимаемых модельных законодательных актов и рекомендаций», «формирование правовых основ общего экономического пространства СНГ, наблюдение за выборами и референдумами, миротворческая деятельность, международное сотрудничество, изучение и популяризация истории парламентаризма»²¹. В МПА СНГ сформировано 10 постоянных комиссий из состава парламентских делегаций, и «одним из главных направлений их деятельности является разработка проектов модельных законодательных актов»²². Модельные законы, принятые Межпарламентской Ассамблеей, носят рекомендательный характер и являются ориентиром «в развитии и сближении законодательства стран Содружества, предлагаются национальным парламентам для использования в законотворческом процессе»²³. В результате нормотворческой деятельности «Межпарламентской Ассамблеей принято около 600 модельных законов и других документов»²⁴. Принятые МПА СНГ законодательные акты адресованы законодательным органам стран СНГ для применения в их рабочей деятельности²⁵. МПА СНГ были приняты «акты о принципах экологической безопасности, таможенном деле, принципах регулирования информационных отношений, согласованных принципах регулирования гражданства, нормативных актах»²⁶. Решения МПА СНГ о принятии модельных законов получают статус утвержденных при наличии общего

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Межпарламентская Ассамблея: главная площадка для взаимодействия парламентариев СНГ / Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. URL: https://iacis.ru/ob_organizacii/chto_takoe_mpa_sng (дата обращения: 06.11.2023).

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Пиголкин А.С. Модельный закон // Там же.

²⁶ Там же.

согласия, если не было выражено официального возражения делегациями, которые присутствовали на заседании²⁷. Документы МПА СНГ востребованы в правовых системах стран СНГ, так как нормы более 70% из документов МПА СНГ были приняты в законодательстве стран СНГ, и около 10% документов МПА СНГ включают положения, которые совпадают с национальными законами стран СНГ²⁸.

Одним из направлений деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ является разработка общих подходов «к решению проблем социальной политики и обеспечению основных прав и свобод человека, ее деятельность ориентирована на развитие гуманитарного и культурного сотрудничества»²⁹. В МПА СНГ приняты Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств и ряд «модельных законодательных актов и рекомендаций, направленных на защиту детства, материнства, социальную защиту населения, стимулирование занятости, регулирование миграционных процессов, совершенствование модельной законодательной базы в сфере охраны здоровья, соблюдения санитарии и гигиены; развитие медицинской науки, медицинского и фармацевтического образования, использования и экспертизы лекарственных средств и медицинских технологий; организацию медицинского страхования, экологической безопасности и благоприятной окружающей среды; формирование здорового образа жизни, развитие физической культуры и спорта, туризма, функционирование лечебно-оздоровительных местностей и курортов»³⁰. Деятельность МПА СНГ направлена на имплементацию «норм международного гуманитарного права в национальном законодательстве государств — участников СНГ совместно с Международным комитетом Красного Креста и Международной федерацией обществ Красного Креста и Полумесяца»³¹. Работа МПА СНГ направлена на стимулирование «всеобщего охвата населения услугами здравоохранения совместно с Всемирной организацией здравоохранения» и создание «условий для развития интеграционного сотрудничества в области охраны окружающей среды», разработку согласованной законодательной базы для борьбы в рамках СНГ с преступностью и коррупцией³².

Результатом законотворческой деятельности Межпарламентской Ассамблеи СНГ в области здравоохранения является создание ряда модельных законов, направленных на регулирование. К таким модельным законам относятся следующие: Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи го-

²⁷ Там же.

²⁸ Межпарламентская Ассамблея: главная площадка для взаимодействия парламентариев СНГ. URL: https://iacis.ru/ob_organizacii/chto_takoe_mpa_sng (дата обращения: 06.11.2023).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

сударств — участников Содружества Независимых Государств от 14 апреля 2023 г. «О цифровом здравоохранении»³³; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2021 г. «О клинических рекомендациях при оказании медицинской помощи в государствах — участниках СНГ»³⁴; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2016 г. «О страховой медицине»³⁵; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 3 декабря 2009 г. «Об использовании и защите эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла и наименований “Красный Крест”, “Красный Полумесяц”, “Красный Кристалл”, отличительных сигналов, служащих для опознавания медицинских формирований и санитарно-транспортных средств» (новая редакция)³⁶; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 октября 1999 г. «Об использовании и защите эмблемы Красного Креста или Красного Полумесяца, наименований “Красный Крест” и “Красный Полумесяц”, отличительных сигналов, служащих для опознавания медицинских формирований и санитарно-транспортных средств»³⁷; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 28 октября

³³ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 14 апреля 2023 г. «О цифровом здравоохранении» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

³⁴ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2021 г. «О клинических рекомендациях при оказании медицинской помощи в государствах — участниках СНГ» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

³⁵ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2016 г. «О страховой медицине» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

³⁶ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 3 декабря 2009 г. «Об использовании и защите эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Кристалла и наименований “Красный Крест”, “Красный Полумесяц”, “Красный Кристалл”, отличительных сигналов, служащих для опознавания медицинских формирований и санитарно-транспортных средств» (новая редакция) // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

³⁷ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 октября 1999 г. «Об использовании и защите эмблемы Красного Креста или Красного Полумесяца, наименований “Красный Крест” и “Красный Полумесяц”, отличительных сигналов, служащих для опознавания медицинских формирований и санитарно-транспортных средств» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

2022 г. «О социальной рекламе в области здорового образа жизни»³⁸; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2021 г. «Об обеспечении прав детей на охрану здоровья в государствах — участниках СНГ»³⁹; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2014 г. «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан»⁴⁰; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2014 г. «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья спортсменов — членов спортивных сборных команд»⁴¹; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 3 декабря 2009 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴²; Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 7 декабря 2002 г. «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)»⁴³.

Токмакова Е.П.,
независимый практикующий юрист, магистр права
(г. Москва)

Литература

1. Пиголкин А.С. Модельный закон / А.С. Пиголкин // Энциклопедия юриста. 2005.

³⁸ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 28 октября 2022 г. «О социальной рекламе в области здорового образа жизни» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

³⁹ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 16 апреля 2021 г. «Об обеспечении прав детей на охрану здоровья в государствах — участниках СНГ» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

⁴⁰ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 28 ноября 2014 г. «Об охране репродуктивных прав и репродуктивного здоровья граждан» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

⁴¹ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2014 г. «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья спортсменов — членов спортивных сборных команд» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

⁴² Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 3 декабря 2009 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

⁴³ Модельный закон Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 7 декабря 2002 г. «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья (специальном образовании)» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств (дата обращения: 06.11.2023).

Искусственный интеллект как новое направление в гражданском праве

Искусственный интеллект активно внедряется в различные аспекты нашей жизни и становится неотъемлемой ее частью. На сегодняшний день правовое регулирование искусственного интеллекта носит фрагментарный характер, а в юридической науке все чаще разгораются дискуссии относительно правового статуса искусственного интеллекта. Например, вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта в своих работах поднимали: С.А. Соменков¹; Д.В. Бахтеев²; Р.О. Оморев³; И.А. Филипова и В.Д. Коротеев⁴; В.В. Архипов, В.В. Бакуменко и А.Д. Волынец и др.⁵. Исследованию специфики правового регулирования использования и разработки искусственного интеллекта посвящены работы И.В. Понкина и А.И. Редькиной⁶, Л.Ю. Василевской⁷. А.А. Балашова⁸ в своей работе рассматривает искусственный интеллект как объект права интеллектуальной собственности. А. Гурко в своей работе, посвященной искусственному интеллекту и авторскому праву, определяет искусственный интеллект как науку и технологию, связанные с созданием интеллектуальных машин и компьютерных программ, способных выполнять творческие задачи.

Определение места искусственного интеллекта в юридической науке представляет собой инновационную перспективу, поскольку одним из потенциальных результатов может стать предложение создания новой подотрасли права, посвященной искусственному интеллекту.

¹ Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 2. С. 75–85.

² Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография / Д.В. Бахтеев. М. : Проспект, 2021. С. 79.

³ Оморев Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-Management. 2020. № 3 (1). С. 43–49.

⁴ Филипова И.А., Коротеев В.Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 2. С. 359–384.

⁵ Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Волынец [и др.] ; под ред. А.В. Незнамова. М. : Инфотропик Медиа, 2018. С. 200–216.

⁶ Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

⁷ Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : в 5 т. Т. 3. М. : Проспект, 2021. С. 288.

⁸ Балашова А.И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36). С. 90–98.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в Российской Федерации обеспечивается Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» (далее — Закон № 123-ФЗ) и Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (далее — Указ Президента РФ № 490). В российском законодательстве закреплены определения понятий «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта», в соответствии с которыми:

- искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений;

- технологии искусственного интеллекта — это технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Таким образом, следует различать понятие «технологии искусственного интеллекта» и понятие «искусственный интеллект». Эти понятия тесно взаимосвязаны, но имеют некоторые различия, которые заключаются в том, что понятие «искусственный интеллект» — более широкое, описывающее способность компьютерных систем и программ имитировать интеллектуальные функции человека, такие как обучение, анализ данных, принятие решений и др. В свою очередь, технологии искусственного интеллекта — это конкретные методы, инструменты и алгоритмы, используемые для создания и реализации искусственного интеллекта. Эти технологии включают в себя программы и алгоритмы, разработанные для компьютеров (ЭВМ), которые позволяют им выполнять задачи, требующие интеллектуальных способностей, таких как обучение, распознавание образов, планирование и мн. др. Эти программы обучаются на больших объемах данных и способны адаптироваться к новым

ситуациям, что делает их мощным инструментом для решения различных задач.

Таким образом, и понятие «искусственный интеллект», и понятие «технологии искусственного интеллекта» относятся к непоименованным объектам авторских прав, а именно подпадают под категорию программы для ЭВМ (ст. 1261 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ).

Следует отметить особенность искусственного интеллекта как программы для ЭВМ: программный код программы для ЭВМ, на базе которой функционирует искусственный интеллект, может увеличиваться и развиваться со временем. Данный процесс обычно называется «разработкой» или «обновлением» программного обеспечения с целью улучшения производительности, увеличения точности в принятии решений, добавления новых функций или адаптации к изменяющимся условиям и требованиям.

Программный код ИИ не увеличивается самостоятельно по мере самообучения. Искусственный интеллект способен улучшать свои навыки и адаптироваться к новым данным и условиям через процессы машинного обучения, но эти изменения обычно внедряются разработчиками на основе новых данных и алгоритмов.

Искусственный интеллект может обучаться на больших объемах данных, что позволяет ему улучшать свои способности и принимать более точные решения. Однако, для того чтобы внести структурные изменения в программный код или добавить новые функции, человеческое вмешательство обычно необходимо. Разработчики могут использовать новые исследования и данные для усовершенствования ИИ, а затем выпустить обновленные версии программного обеспечения.

Таким образом, хотя искусственный интеллект способен улучшать свои способности на основе обучения, развитие программного кода искусственного интеллекта обычно требует участия разработчиков.

В работе «Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика “искусственного интеллекта” и “цифровых” субъектов (цивилистическое исследование)» авторы обосновывают аргумент относительно того, что система искусственного интеллекта не соответствует определению программы для ЭВМ, содержащемуся в статье 1261 ГК РФ, поскольку такие системы не ограничены совокупностью данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ, т.е. имеют не только программную составляющую, в связи с чем систему искусственного интеллекта следует относить к категории сложных объектов интеллектуальной собственности, предусмотренной ст. 1240 ГК РФ⁹. В данном случае нельзя в полной мере согласиться с мнением авторов данного исследования, поскольку в результате проведения этимологического анализа под сервисом по обработке данных следует

⁹ Василевская Л.Ю., Подузова Е.Б., Тасалов Ф.А. Указ. соч. С. 189.

понимать программное решение, предоставляемое для обработки и управления различными аспектами данных. Эти сервисы могут включать в себя процессы сбора, хранения, анализа, трансформации и визуализации данных, а также обеспечивать доступ к данным для пользователей и других приложений.

В свою очередь, под сервисом по поиску решений следует понимать программный инструмент, предназначенный для реализации процесса анализа данных и предоставления информации или рекомендаций, которые могут помочь в принятии обоснованных решений. Эти сервисы могут использовать методы и алгоритмы анализа данных, искусственного интеллекта или машинного обучения, с тем чтобы выявлять паттерны, тренды и взаимосвязи в данных и предоставлять пользователю информацию, необходимую для определения наилучшего действия или решения.

Таким образом, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений представляют собой программные решения для ЭВМ. Эти сервисы включают в себя различное программное обеспечение, инструменты и алгоритмы, разработанные для обработки и анализа данных, а также для предоставления информации или рекомендаций для принятия решений.

Ввиду того что в результате проведенного анализа выявлено, что категории «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта» относятся к непоименованным объектам авторских прав, а именно подпадают под категорию программы для ЭВМ (ст. 1261 ГК РФ), представляется нецелесообразной разработка единого всеохватывающего закона об искусственном интеллекте. Более логичным будет дополнить ст. 1261 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁰ и изложить в следующем виде: «Авторские права на все виды программ для ЭВМ (в том числе на операционные системы и программные комплексы), которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код, охраняются так же, как авторские права на произведения литературы. Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. К данной категории также относятся набор алгоритмов, данных и команд, позволяющих ЭВМ выполнять интеллектуальные задачи, подражая человеческому мышлению (искусственный интеллект) и технологии искусственного интеллекта».

¹⁰ Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, искусственный интеллект — это не совершенно новый, не существующий до этого объект гражданско-правовых отношений, а давно известный объект, охраняемый авторским правом, — программа для ЭВМ. Поскольку искусственный интеллект относится к категории программы для ЭВМ, ряд вопросов, которые могли бы возникнуть в связи со сложностью определения правового статуса искусственного интеллекта, отпадают сами собой. Искусственный интеллект не обладает правоспособностью, поэтому не может выступать в качестве самостоятельного субъекта гражданских правоотношений. Ответственность за вред/ущерб, причиненный искусственным интеллектом, должен нести субъект, который использовал в своей деятельности искусственный интеллект (по сути, пользователь программы для ЭВМ). Таким образом, разработка закона об искусственном интеллекте представляется нецелесообразной.

Что касается места искусственного интеллекта в науке гражданского права, то создание отдельной подотрасли, посвященной правовому регулированию использования искусственного интеллекта, в гражданском праве является актуальным.

На сегодняшний день правовой статус искусственного интеллекта остается неурегулированным, пока нет четких норм и всеобъемлющих стандартов его использования. Подотрасль гражданского права, посвященная искусственному интеллекту, может быть названа «Право искусственного интеллекта» или «ИИ-право». Эти термины отражают специфическое направление в гражданском праве, связанное с регулированием использования и воздействия искусственного интеллекта на правовые отношения.

Если такая подотрасль появится, она, вероятно, будет направлена на регулирование вопросов, связанных с юридическими аспектами создания, использования и ответственности за искусственный интеллект, включая следующие:

- какой статус будут иметь произведения, созданные искусственным интеллектом, и кому принадлежат авторские права на них, если они применимы?
- как устанавливается юридическая ответственность в случае ошибок или вреда, причиненного искусственным интеллектом?
- какие условия должны включаться в договоры, связанные с использованием и разработкой искусственного интеллекта?
- как обеспечить конфиденциальность данных при работе с искусственным интеллектом?
- какие механизмы патентования инноваций, связанных с искусственным интеллектом, могут применяться и что может стать объектом патентования?

Это лишь общие направления, которые могут быть включены в подотрасль гражданского права, регулирующую использование искусственного интеллекта.

Таким образом, специализированная подотрасль гражданского права, посвященная искусственному интеллекту, сможет помочь урегулировать: вопросы, связанные с ответственностью за возможные ошибки или вред, причиненный использованием искусственного интеллекта; вопросы конфиденциальности и защиты данных; вопросы, связанные с защитой прав потребителей и авторских прав, что поможет обеспечить ясность и справедливость в сфере использования искусственного интеллекта, защитить интересы всех сторон, улучшив эффективность правосудия и защиты интересов граждан.

Королькова Д.А.,

доцент кафедры гражданского права
прокурорско-следственного факультета
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Балашова А.И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны / А.И. Балашова // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36).
2. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект: этико-правовые основы : монография / Д.В. Бахтеев Москва : Проспект, 2021.
3. Василевская Л.Ю. Цифровизация гражданского оборота : монография. В 5 томах. Т. 3. Правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) / Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова, Ф.А. Тасалов ; ответственный редактор Л.Ю. Василевская. Москва : Проспект, 2021.
4. Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее / А. Гурко // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 12.
5. Оморев Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект / Р.О. Оморев // E-Management. 2020. № 3 (1).
6. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1.
7. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Волынец [и др.] ; под редакцией А.В. Незнамова. Москва : Инфотропик Медиа, 2018.
8. Соменков С.А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? / С.А. Соменков // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 2.
9. Филипова И.А. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? / И.А. Филипова, В.Д. Коротеев // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 2.

Принципы современного коммерческого права: специфика, проблемы и перспективы развития

Коммерческое право представляет собой комплекс норм права, которые призваны осуществлять процесс регулирования отношений, складывающихся в сфере торговой, а также торгово-посреднической деятельности¹. Оно связано с регламентацией общественных отношений, складывающихся в связи с осуществлением коммерческой деятельности между предпринимателями и другими субъектами этой деятельности. Так, коммерческое право призвано упорядочивать отношения между предпринимателями, с одной стороны, и государством — с другой.

Отметим, что коммерческое право, несомненно, оказывает немаловажное влияние на экономическое развитие любой страны. Наличие коммерческого права как самостоятельной отрасли права в современном мире служит критерием причисления того или иного государства к числу стран с развитой рыночной экономикой. Велика роль данной отрасли права в развитии и функционировании бизнеса в стране.

Принципы коммерческого права являются основными началами данной отрасли, содержащими характерные черты и отражающими направленность права. Принципы занимают особенное положение в рассматриваемой отрасли права, поскольку их модернизация стимулирует развитие правовой регламентации товарооборота, что, в свою очередь, важно для развития экономики страны.

Принципы коммерческого права составляют фундамент данной отрасли. Их значение заключается в выражении ориентации коммерческого права, в частности правовой и социальной. Достижение целей и задач данной отрасли права напрямую зависит от эффективности применения принципов.

Принципы коммерческого права отражают как сущность, так и особенности отрасли. Они направлены на гарантирование свободы предпринимательской деятельности, формирование комфортных предпосылок для развития торговли, а также на обеспечение охраны интересов участников сделок коммерческого характера. Основной целью основополагающих начал считается нахождение баланса между интересами бизнесменов и государства.

Б.И. Пугинский в своей работе отмечает, что «система принципов в коммерческом праве представляет собой нормы права, исходящие от государства, которые ориентируют субъектов права на удовлетворение потребно-

¹ Хлебников А.В. Основы коммерческого права : учебное пособие. Томск, 2018. С. 11.

стей потребителя, обеспечение доступности товаров, поддержки российских производителей товаров, соблюдение прав и законных интересов приобретателей товаров»².

На сегодняшний день коммерческое право базируется на таких традиционных принципах, как законность, свобода договора, равенство сторон, добросовестность и др. В то же время принципы коммерческого права адаптируются к современным реалиям экономической деятельности, в связи с чем в их числе просматриваются принципы, направленные на обеспечение охраны прав потребителей, регламентацию деятельности в сфере интернет-торговли и др.

Рассуждая о важности принципов коммерческого права, необходимо также отметить, что все коммерческие отношения, которые складываются и развиваются в современном обществе, базируются на принципах данной отрасли права.

Перейдем к подробному изучению данных принципов. Первым рассмотрим такой принцип, как свобода предпринимательства. Отметим, что данный принцип имеет свое нормативное закрепление в ст. 34 Конституции РФ. Сущность данного принципа заключается в том, что у всякого гражданина имеется возможность осуществлять экономическую деятельность любым способом. При этом не допускается применение со стороны государства излишних и необоснованных ограничений.

В рамках данного принципа субъекты предпринимательской деятельности вправе самостоятельно определять род занятия и осуществлять коммерческую деятельность. Это способствует развитию предпринимательства и стимулирует экономический рост.

Следующим следует выделить такой принцип, как равенство сторон. Данный принцип вытекает из содержания ст. 1 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) и предполагает равенство всех участников коммерческих отношений, независимо от их организационно-правовых форм. Равноправие — это фундаментальный, весьма значимый принцип правового статуса личности. Организации и граждане приобретают и реализуют принадлежащие им гражданские права в своих интересах и по собственной воле. Нормы, которые адресованы всем физическим и юридическим лицам, применяются к ним в равной степени.

Содержание данного принципа также включает в себя положение о том, что «предоставление кому-либо из субъектов властных полномочий в отношении другого в гражданских правоотношениях не допускается. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования выступают в отно-

² Пугинский Б.И. Принцип приоритетного развития саморегулирования в коммерческом праве // Век качества. 2022. № 3. С. 54.

шениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений»³.

Значение принципа равенства сторон состоит главным образом в том, что он ориентирован на обеспечение реального функционирования рыночного хозяйства, а также на образование единого рынка.

Перейдем к изучению следующего принципа коммерческого права — принципа свободы договора. Для начала следует отметить, что данный принцип, в частности, как и рассматриваемый нами выше, находит свое отражение в гражданском законодательстве, а именно в ст. 421 ГК РФ.

Сущность данного принципа сводится главным образом к тому, что предприниматели вправе самостоятельно урегулировать такие вопросы, как заключение, изменение и, соответственно, расторжение договора. Стороны вправе по своему усмотрению определять условия и вид соглашения. Вместе с тем имеются случаи, когда законодательство осуществляет ограничение данного принципа.

Отметим, что данный принцип имеет важное значение для субъектов коммерческих отношений, поскольку предоставляет им возможность гибко регулировать свои взаимоотношения, а также заключать основанные на совместной выгоде договоры.

Следующим рассмотрим такой принцип, как добросовестность. «Данный принцип нашел закрепление в ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА»⁴, ст. I.-1:103 DCFR, ст. 1, 10, п. 3 ст. 307 ГК РФ. Это требование представляет собой стандарт поведения, «характеризующийся честностью, открытостью и уважением интересов другой стороны сделки или соответствующего правоотношения» (ст. I.-1:103 DCFR)⁵. То есть можно говорить о том, что принцип добросовестности предусматривает определенные морально-этические требования к поведению субъектов коммерческих отношений. Исходя из его содержания, стороны сделки во взаимоотношениях должны придерживаться честности и справедливости, принимать во внимание интересы друг друга и выполнять свои обязательства по соглашению.

Пятым принципом коммерческого права является законность. Данное основополагающее начало является главным межотраслевым правовым принципом, нашедшим свое закрепление в основном законе страны. Содержание принципа законности сводится главным образом к необходимости неукоснительного соблюдения всеми субъектами права законов и подзаконных актов.

Применительно к коммерческому праву данный принцип раскрывается в требовании к предпринимательской деятельности, которая должна вестись

³ Ершов В.А. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М. : ГроссМедиа, 2010. С. 190.

⁴ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (приняты в 2010 г.) // Закон. 1995. № 12.

⁵ Коммерческое право : учебник для вузов / Е.А. Абросимова [и др.]. М. : Юрайт, 2023. С. 46.

при неукоснительном соблюдении действующего законодательства страны. Важность данного принципа для современного коммерческого права состоит в первую очередь в постоянстве и прогнозируемости регламентации коммерческой деятельности.

Еще одним принципом, рассматриваемым в рамках данной статьи, является принцип свободы конкуренции. Сущность данного принципа заключается в предоставлении участниками коммерческих отношений права свободно конкурировать друг с другом, предоставляя свои собственные услуги и товары и назначая свои цены.

Это лишь часть основных принципов коммерческого права. Именно они создают фундамент для упорядочивания коммерческих отношений и обеспечения законности в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

Как справедливо отмечают в своей работе А.А. Власов и В.Н. Коваленко, «совокупность основных принципов коммерческого права позволяет прийти к выводу о том, что это право следует относить к частному, а также заключить, что они являются своеобразным критерием его отграничения от публичного права, например, административного»⁶.

Перейдем к рассмотрению проблем, встающих перед принципами коммерческого права. Первая из них заключается в различии степени разработанности данной отрасли права в разных государствах. Данная проблема может сказаться в случае осуществления международных коммерческих сделок. Так, для преодоления указанного несоответствия необходимо осуществить действия, направленные на согласование и гармонизацию правовых систем различных государств, а также прибегнуть к разработке общих, совместных принципов, учитывающих интересы каждой стороны.

Далее следует обозначить еще одну актуальную проблему, вызванную непрерывными модификациями обстоятельств и требований в условиях ведения предпринимательской деятельности. Указанные изменения связаны в первую очередь с инновациями, а также с техническим прогрессом, которые, несомненно, оказывают свое воздействие на осуществление коммерческой деятельности. В данном случае возникает необходимость в определенной корректировке и обновлении принципов коммерческого права с целью приведения их в соответствие с экономическими реалиями.

Перейдем к исследованию возможных перспектив развития принципов коммерческого права. Так, в качестве одной из перспектив следует выделить применение информационных технологий при заключении коммерческих сделок. С.Ю. Филиппова в своей научной работе, посвященной данной теме, отмечает, что «информационные технологии отлично вписываются в тради-

⁶ Власов А.А., Коваленко В.Н. К вопросу о специфике методов и принципов коммерческого права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1 (40). С. 94.

ционный коммерческое право и не требуют создания особых отраслей права. Для обеспечения надлежащей защиты прав всех участников коммерческих отношений при использовании информационных технологий достаточно точечных изменений, определяющих правовой режим отдельных технологий и последствий их использования»⁷.

Следующей перспективой развития принципов коммерческого права следует считать формирование новых основных начал указанной отрасли права. Данная перспектива имеет связь с проблемой, рассматриваемой в рамках этой статьи ранее, и предполагает гармонизацию правовых систем различных стран с целью согласования принципов и правил коммерческой деятельности, а также условий, применяемых к договорам.

В заключение отметим, что принципы коммерческого права выступают важным средством регулирования деятельности, составляющей предмет данной отрасли права. Принципы имеют большое значение для отрасли, поскольку правовое регулирование коммерческой деятельности и отношений производится исходя из содержания основополагающих начал.

Булгаков В.В.,

доцент кафедры гражданского права

Института права и национальной безопасности

Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина,

кандидат юридических наук

(г. Тамбов)

Литература

1. Власов А.А. К вопросу о специфике методов и принципов коммерческого права / А.А. Власов, В.Н. Коваленко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1 (40).
2. Ершов В.А. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / В.А. Ершов. Москва : ГроссМедиа, 2010.
3. Коммерческое право : учебник для вузов / Е.А. Абросимова [и др.] ; под общей редакцией Е.А. Абросимовой, В.А. Белова, Б.И. Пугинского. 6-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023.
4. Пугинский Б.И. Принцип приоритетного развития саморегулирования в коммерческом праве / Б.И. Пугинский // Век качества. 2022. № 3.
5. Филиппова С.Ю. Использование информационных технологий при заключении торговых договоров и исполнении обязательств из них / С.Ю. Филиппова // Цифровое право. 2022. № 3.
6. Хлебников А.В. Основы коммерческого права : учебное пособие / А.В. Хлебников. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018.

⁷ Филиппова С.Ю. Использование информационных технологий при заключении торговых договоров и исполнении обязательств из них // Цифровое право. 2022. № 3. С. 77.

Реализация договорной свободы участниками предпринимательской деятельности при формировании условий договора об ответственности

При разработке договоров, опосредующих разнообразные экономические отношения, в которые вступают предприниматели, необходимо учитывать возможности формирования договорных условий в силу принципа свободы договора (ст. 1, 421 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ) и их ограничения. В условия договора, согласованию которых стороны уделяют значительное внимание, принято включать условия о предмете, цене и сроке, то есть условия, относящиеся к числу существенных в силу ст. 432 ГК РФ. При этом иные условия, в том числе условия об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора, оказываются на периферии внимания участников переговорного процесса. Зачастую стороны их игнорируют, ограничиваясь оговоркой «за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных настоящим договором, стороны несут ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ». Полагаем, качество договорной работы базируется на тщательной проработке условий договора, в том числе условий о последствиях ненадлежащего исполнения договора, которые способны придать ему устойчивость и стимулировать стороны к надлежащему договорному поведению. При этом чем выше риски неисполнения договора, чем значительнее материальное содержание обязательства и чем сильнее степень взаимного недоверия контрагентов, тем тщательнее участники договора должны подходить к разработке условий об ответственности за его нарушение.

Анализ практики арбитражных судов субъектов Российской Федерации показывает, что споры, связанные с заключением и исполнением договоров, составляют 65–70% всех дел, рассматриваемых арбитражными судами¹. Наиболее распространенными последствиями неисполнения или ненадлежащего исполнения договоров выступают возмещение убытков, взыскание неустойки и требования об изменении или расторжении договора.

¹ Данные судебной статистики, использованные в настоящей работе, содержатся в годовых отчетах о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции и размещены на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7650> (дата обращения: 11.10.2023).

Количество рассмотренных дел за 2017–2021 гг. о применении последствий нарушения договоров с участием предпринимателей и их соотношение между собой наглядно демонстрируют данные, приведенные в таблице 1.

Таблица 1

Количество рассмотренных судами дел о применении последствий нарушения договоров с участием предпринимателей за 2018–2022 гг.

Виды последствий	Количество рассмотренных дел				
	2018	2019	2020	2021	2022
возмещение убытков	20 539	20 271	9 236	9 936	9 389
взыскание неустойки	214 405	221 477	177 453	183 286	170 648
изменение или расторжение договора	5 327	5 801	4 450	4 340	3 891

Как видно из данных, приведенных в таблице 1, наиболее распространенными последствиями нарушения договора и мерами гражданско-правовой ответственности являются возмещение убытков и взыскание неустойки. При этом количество дел о взыскании неустойки примерно в 10 раз превышает количество дел о возмещении убытков, и это соотношение практически не меняется последние 5 лет. Кроме того, в 2020–2023 гг. количество дел о возмещении убытков сократилось более чем в два раза. С одной стороны, это можно объяснить общей тенденцией снижения количества споров, рассматриваемых арбитражными судами в «пандемийный» период. Но, с другой стороны, по требованиям о взыскании неустойки такого «падения» числа споров не произошло, поэтому полагаем, что данная тенденция связана со сложностями доказывания причиненных убытков, даже несмотря на некоторую либерализацию законодательства и практику применения норм об убытках. Очевидно, возмещение убытков является основным последствием нарушения договора и мерой гражданско-правовой ответственности. Однако при отсутствии в договоре четко определенного механизма расчета убытков, определение их размера становится затруднительным.

Если обратиться к данным о соотношении заявленных требований и взысканных по делам о применении последствий нарушения договора (табл. 2), становится заметно, что суды удовлетворяют требования заявителей с 2–3-кратным понижением.

Предположительно, такой разрыв в притязаниях и реально удовлетворенных требованиях связан с необоснованностью части требований, а по требованиям о взыскании неустойки — возможностью суда снижать ее размер по ст. 333 ГК РФ.

Таблица 2

Соотношение сумм заявленных требований и взысканных по делам о применении последствий нарушения договора

№ п/п	Последствие	Заявлено / взыскано (тыс. руб.)				
		2018	2019	2020	2021	2022
1	возмещение убытков	20 882 215/ 10 687 724	24 690 632/ 12 916 361	24 922 878/ 9 379 926	22 253 578/ 12 204 520	28 346 377/ 12 261 766
2	взыскание неустойки	99 627 351/ 39 432 313	98 160 372/ 40 587 256	141 701 688/ 32 257 975	181 655 942/ 40 451 199	104 769 146/ 40 183 010
3	изменение или расторжение договора	10 045 334/ 4 957 002	19 751 461/ 4 937 863	3 477 873/ 1 387 240	7 331 334/ 2 531 599	8 217 081/ 2 245 280

Количество споров о нарушении договорных обязательств и применении последствий их нарушения обуславливает значимость договорной работы по формированию адекватных и справедливых условий о возмещении убытков и/или взыскании неустойки в рамках конкретного договора.

В соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ убытки определяются как расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Правовая природа убытков традиционно находится под пристальным вниманием как российских цивилистов дореволюционного и советского периодов, так и современных исследователей². Подробный анализ данной правовой категории оставим за рамка-

² См., например: Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Третья часть: Договоры и обязательства. М. : Статут, 2003. 622 с.; Русское гражданское право : в 2 ч. : по исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. Ч. 1 / Д.И. Мейер ; редкол. : В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев, Е.В. Кулагина, П.А. Панкратов, Е.А. Суханов. М. : Статут, 1997. 290 с.; Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданские правоотношения. Критика теории «хозяйственного права». М. : Статут, 2020. 782 с.; Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. 4-е изд. М. : Статут, 2020. 847 с.; Карапетов А.В. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.; Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований

ми настоящей статьи, отметим лишь несколько моментов. Во-первых, возмещение убытков традиционно рассматривается в качестве основной меры гражданско-правовой ответственности за нарушение договора, способом восстановления нарушенного права участника обязательства компенсационного характера. При этом, если природа возмещения реального ущерба компенсационная, данная мера позволяет лицу, чье право нарушено, восстановить его в том же объеме (явно не в большем, а на практике часто даже в меньшем). В отношении же природы упущенной выгоды к такому однозначному ответу прийти нельзя. Упущенная выгода носит превентивно-компенсационный характер, поскольку будущая прибыль или доходность от договора не определены. Поскольку порядок определения упущенной выгоды законодательно не закреплен, процесс ее доказывания и обоснования сложен.

Во-вторых, существуют сложности по доказыванию оснований и условий ответственности, определению мер, принятых кредитором для минимизации убытков, но самое главное — по расчету убытка. Дела по взысканию убытков являются наиболее щепетильными в отношении сбора и представления доказательств, особенно по определению размера таковых³. Сложности, связанные с доказыванием и взысканием убытков, на практике выражаются в том, что причиненные убытки оказываются недокомпенсированными, а имущественное положение стороны, исполнившей договор надлежащим образом, оказывается в худшем состоянии, чем до заключения договора. Иными словами, ограничиться в договоре только общими правилами о возмещении убытков в случае его нарушения явно недостаточно.

Как известно, наличие убытков у лица, чье право нарушено неисполнением или ненадлежащим исполнением договора, является обязательным условием возложения гражданско-правовой ответственности. Это, в свою очередь, влечет наложение дополнительных обременений на лицо, нарушившее договор, в виде возмещения убытков, уплаты неустойки и других последствий, то есть дополнительных санкций. Причем термин «санкция» практически не используется в гражданском законодательстве, за исключением ст. 342.1 ГК РФ. Но в договорной и правоприменительной практике часто используется именно термин «санкция». Так, Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ по одному из дел указывает, что предметом договора уступки права требования являлось, помимо прочего, «право требования

в сфере предпринимательских отношений // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 91–161; Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 212–241; № 5. С. 233–255; № 6. С. 154–193; 2022. № 1. С. 200–229.

³ Демкина А.В. Некоторые новеллы ГК РФ в части ответственности за нарушение обязательств // Юрист. 2016. № 10. С. 14–19.

штрафных санкций»⁴. По другому делу Коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ делает вывод о необходимости оснований «для предъявления требований о применении штрафных санкций»⁵.

О.А. Красавчиков определял санкцию как «установленную законом меру имущественных или иных правовых невыгодных для лица последствий, которая применяется к нему в случае несоблюдения предписаний закона, невыполнения принятых обязательств, причинения вреда или при наличии иных предусмотренных законом оснований»⁶. Полагаем, использование термина «санкции» применительно к гражданско-правовым последствиям нарушения договора, заимствованного из иной отрасли права и иного исторического контекста, вряд ли целесообразно, и в договорах рекомендуется избегать такой терминологии, учитывая частный характер правоотношений контрагентов.

Каковы же договорные возможности установления гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательства? Прежде всего в рамках конкретного гражданско-правового договора стороны вправе использовать возможности, предоставленные ст. 421 ГК РФ, то есть руководствоваться свободой договора. Несмотря на особую значимость условий об ответственности, которые как придают устойчивость конкретному договору, так и стабилизируют гражданский оборот в целом, нет никаких оснований выводить данные условия договора из-под действия принципа свободы договора, следовательно, все правила и ограничения, действующие в отношении реализации принципа свободы договора, применимы и к условиям об ответственности.

Очертим пределы договорной свободы, предоставленные законодателем. Прежде всего диспозитивность ст. 15 ГК РФ, закрепляющей общее правило о полном возмещении убытков, включая реальный ущерб и упущенную выгоду, позволяет сторонам своим соглашением как расширить «рамки» гражданско-правовой ответственности, так и сузить их.

Обобщенно-правовые возможности по уменьшению размера ответственности за нарушение договора можно реализовать через согласование следующих условий:

- а) об ограничении ответственности только реальными убытками, исключив право на взыскание упущенной выгоды (ст. 15 ГК РФ);
- б) о закреплении в договоре предела возмещения убытков по сумме (ст. 400 ГК РФ);

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. № 305-ЭС16-1323 // Судебные и нормативные акты РФ : интернет-портал. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.07.2022).

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 15 марта 2016 г. № 18-КГ15-245 // Судебные и нормативные акты РФ : интернет-портал. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 30.07.2022).

⁶ Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. М. : Статут, 2005. Т. 2. 494 с.

в) о согласовании в договоре применения исключительной неустойки с определением ее разумного размера, исключив взыскание убытков (п. 1 ст. 394 ГК РФ);

г) о закреплении в предпринимательских договорах оснований освобождения от ответственности, в том числе путем закрепления условия об ответственности только за виновные действия (п. 1, 3 ст. 401 ГК РФ).

Увеличить рамку ответственности для конкретных контрагентов можно через установление в договоре неустойки, в особенности штрафной, которая будет выполнять сверхкомпенсационную функцию, усиливая положение добросовестной стороны договора.

При разработке условий договора об ответственности важно помнить, что эти условия традиционно находятся под пристальным контролем суда, которому предоставлено право осуществлять их *post* контроль за справедливостью договорных условий. Зачастую нетипичные условия договора, устанавливающие повышенную или пониженную планку ответственности одной из сторон, трактуются судом в качестве несправедливых условий, которые суд при обнаружении вправе изменить или исключить. Подобный подход вряд ли можно считать верным, так как необходимо толковать условия договора в целом. Непропорциональное распределение ответственности между сторонами может быть компенсировано другими условиями договора (например, дополнительными гарантиями, снижением цены и т.п.). Но при этом сторонам договора при его заключении следует учитывать существующие риски отмены или изменения договорных условий об ответственности, что может свести на нет реализацию принципа свободы договора. Поэтому при формировании условий договора об ответственности сторонам необходимо учитывать ряд ограничений, руководствуясь принципом свободы договора. Во-первых, соблюдать общие принципы добросовестности и разумности; во-вторых, учитывать возможное договорное неравенство сторон и не допускать нарушения интересов «слабой» стороны. В-третьих, учитывать ограничения свободы, уже включенные в законодательную канву в виде права суда снижать размер неустойки по ст. 333 ГК РФ.

Итак, при формировании условий договора об ответственности сторонам необходимо руководствоваться базовыми требованиями добросовестности, разумности, сбалансированности: условия об ответственности и ее распределении между сторонами должны быть справедливыми. Законодатель раскрывает требования, предъявляемые к договорным условиям в общей форме, а также через установление критериев несправедливых договорных условий, например как в п. 2 ст. 428 ГК РФ: 1) условие лишает сторону прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида; 2) условие исключает или ограничивает ответственность одной стороны; 3) условие явно обременительно для присоединяющейся стороны настолько, что она, исходя

из своих разумно понимаемых интересов, не приняла бы его при наличии у нее возможности участвовать в его определении. Ключевой характеристикой в данных требованиях является явная обременительность условия для сторон либо стороны, поэтому необходимо тщательно подходить к «балансировке» условий. При этом условия об ответственности для каждой из сторон не обязательно должны быть исключительно симметричны, но при этом общий баланс выгод и обременений должен быть соблюден.

Кроме того, при оценке несправедливых договорных условий необходимо учитывать проблему «слабой» стороны правоотношений, в чью пользу часто будут трактоваться несправедливые договорные условия, а это значит, что при ведении переговоров и формировании условий необходимо учитывать такого рода риск.

Исходя из давно устоявшегося института несправедливых договорных условий в зарубежной практике, можно выявить своеобразие его применения в российской правовой действительности. Одним из базовых действующих лиц в данном процессе выступает так называемая «слабая сторона» — лицо, которое в процессе переговоров не могло повлиять на содержание заключаемого договора, в результате чего не получило в полной мере того, на что рассчитывало. Именно в таких случаях применяются нормы п. 3 ст. 428 ГК РФ, позволяющие слабой стороне потребовать изменения или расторжения договора, в том числе условий, устанавливающих ответственность по договору.

Существует заблуждение относительно того, что «сильной» стороной преимущественно выступает профессиональный участник рынка либо лицо, занимающее доминирующее положение. Можно предположить, что такое мнение сформировалось в результате принятия Директивы № 93/13/ЕЭС Совета европейских сообществ «О несправедливых условиях в договорах с потребителями», где в ст. 2 в качестве слабой стороны обозначено именно лицо-потребитель, действующее «в целях, лежащих за рамками его торговой, предпринимательской или профессиональной деятельности»⁷. Но, как показывает судебно-арбитражная практика, в предпринимательской среде суды признают несправедливыми условия договора, принимая во внимание не статусы и деятельность истца и ответчика, а особенности договорного процесса, — ключевым фактором является неравенство переговорных возможностей. Но, даже если проект договора был составлен одной стороной и принят другой, наличие возможности корректировать его условия дополнительными соглашениями в процессе исполнения снимает признаки «несправедливости». Например, Верховный Суд РФ в своем Определении

⁷ Директива № 93/13/ЕЭС Совета европейских сообществ «О несправедливых условиях в договорах с потребителями» [рус. (извлечение) англ.] (принята в г. Люксембурге 5 апреля 1993 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=42192&dst=0#GxlQaxSn9WOsx5A> (дата обращения: 16.02.2022).

от 27 декабря 2021 г. № 303-ЭС21-24298 при рассмотрении взаимных кассационных жалоб областного казенного учреждения «Дирекция по реализации программ строительства Сахалинской области» и ООО «Тенза», связанных с ненадлежащим исполнением контракта, выявил недоказанность того факта, что спорное условие было каким-либо образом навязано обществу учреждением. Причиной явилось то, что в ходе исполнения условий контракта решения согласовывались и принимались сторонами совместно⁸. В итоге суд правильно оценил спорные условия по совокупности со всеми условиями договора, что предусмотрено п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

Но есть примеры и радикально противоположных подходов. В решении Арбитражного суда Кемеровской области от 22 марта 2021 г. суд учел, что договор подряда был заключен на торгах. При этом Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» не содержит нормы, устанавливающей возможность для стороны договора отказаться от заключения договора либо направить протокол разногласий. Но, по мнению суда, несмотря на то что заказчик в договоре явно завысил процент неустойки, подрядчик, «будучи введенным в заблуждение авторитетом заказчика, внешней правомерностью требования и невозможностью от него отказаться, мог посчитать себя связанным им и добросовестно действовать вопреки своим интересам»⁹. Поэтому подрядчик был признан слабой стороной договора.

Еще в одном примере ООО «Строитель-П» требовало от контрагента — Правительства Нижегородской области внести изменения в соглашение по инвестиционному проекту строительства жилья в части размера компенсации расходов за социальную, транспортную и инженерную инфраструктуры, аргументируя это тем, что в Нижегородской области установлен обязательный порядок заключения подобных соглашений и общество было лишено реальной возможности заключить его иначе, чем путем присоединения к установленной форме. Суды разных инстанций встали на сторону правительства области, придя к выводу о недоказанности наличия несправедливых договорных условий и указав обществу на то, что соглашение им было подписано без протокола разногласий, на протяжении всего времени исполнялось без замечаний, а также на то, что с момента заключения соглашения общество долгое время не заявляло о наличии обременительных для него условий¹⁰. В этом случае очевидно, что различные статусы сторон не имели никакого значения при оценке содержания соглашения.

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2021 г. № 303-ЭС21-24298. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/ho3gKAXizm5l/> (дата обращения: 16.02.2022).

⁹ Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 22 марта 2021 г. по делу № А27-25454/2020. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/4wTcz4LWSGHK/> (дата обращения: 16.02.2022).

¹⁰ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2019 г. № 301-ЭС19-2340. URL: <http://sudact.ru/vsrf/doc/cWNOMZ90H3o8/> (дата обращения: 16.02.2022).

Но иногда стороны договора осознанно пытаются выставить себя слабой стороной, аргументируя это монопольным положением контрагента. В решении Арбитражного суда города Москвы от 26 мая 2021 г. по делу № А40-244769/2020 суд признал необоснованным довод истца, что ответчик на момент заключения договора обладал активами на сумму 151,6 млрд руб. и являлся «своего рода монополистом в сфере проведения технического обследования и диагностики промышленной безопасности на опасных производственных объектах»¹¹. Суд указал, что истец на тот же момент обладал активами на 8,5 млрд руб., являлся крупным участником предпринимательской деятельности, был способен вполне самостоятельно определять условия заключаемых договоров. К тому же фактически оказалось, что ответчик не являлся монополистом ни в одной из перечисленных сфер, а истец при этом реализовывал различные виды работ во взаимодействии с разными заказчиками, поэтому ответчик не мог навязывать ему невыгодные условия договора.

Можно сделать вывод, что в российской судебной практике признаки слабой стороны действительно фиксируются вне зависимости от их статусов. Суды исходят из поведения контрагентов не только при заключении договора, но и на протяжении всего срока договорного взаимодействия, при этом оцениваются активность и добросовестность действий субъектов, их взаимная заинтересованность в успешном достижении договорного результата и соблюдение требований действующего законодательства.

В то же время необходимо учитывать, что условия договора об ответственности могут быть признаны судом несправедливыми, если это договор присоединения либо если договор заключался при выраженном неравенстве переговорных возможностей, лишившем одну из сторон реальных шансов повлиять на его содержание. Последствием признания условия об ответственности несправедливым является изменение или расторжение договора, что негативно сказывается на стабильности имущественного оборота.

Третьим ограничением договорной свободы в формировании условий договора об ответственности является правило о праве суда снизить размер неустойки (ст. 333 ГК РФ). Применение данной нормы носит массовый характер, который подтверждается и данными судебной статистики арбитражных судов субъектов РФ за последние пять лет, приведенными в таблице 2: общим правилом является снижение размера неустойки в 2–3 раза от заявленных требований. В Постановлении Пленума ВАС РФ от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» были решены вопросы распределения бремени доказывания, основания снижения неустойки, порог снижения не-

¹¹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 26 мая 2021 г. по делу №А40-244769/2020. URL: <http://sudact.ru/arbitral/doc/Qmo9ZXzul65R/> (дата обращения: 16.02.2022).

устойки и др. Но, полагаем, ограничение свободы сторон формировать условия договора об ответственности в виде неустойки допустимо лишь в целях защиты слабой стороны правоотношения при явном неравенстве переговорных возможностей либо чрезвычайной несправедливости такого условия. Так, если участниками договора являются предприниматели, суд вправе снизить неустойку в исключительных случаях (ст. 333 ГК РФ). Как справедливо полагает А.Г. Карапетов, следует толковать эту норму таким образом, чтобы под исключительными случаями понимать либо недобросовестную эксплуатацию неравенства переговорных возможностей сильной стороной, либо случай, когда вопиюще несправедливый размер неустойки, очевидно, свидетельствует в пользу наличия такой эксплуатации или пороков воли¹². Отчасти чрезмерное применение права суда на снижение размера неустойки приостановлено изменениями, внесенными в ст. 333 ГК РФ Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» и правовыми позициями, сформулированными в постановлении Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (до 2015 г. суды снижали размер неустойки в 3–5 раз).

В качестве рекомендаций участникам договорных отношений можно предложить следующее: при формировании условий договора об ответственности сторонам рекомендуется, руководствуясь принципом свободы, более активно использовать возможности как снижения размера ответственности, так и ее увеличения. При этом обязательно стоит учитывать риски судебного изменения или расторжения договора, содержащего несправедливые условия; право суда снизить размер неустойки, а также руководствоваться разумностью, добросовестностью, а также не допускать злоупотреблений правом в виде включения в договор явно несоразмерных и/или непропорциональных условий об ответственности.

Кирилова Н.А.,
заведующая кафедрой административного,
финансового и корпоративного права
Новосибирского государственного университета
экономики и управления,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Новосибирск)

¹² Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. С. 384–385.

Литература

1. Брагинский М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. 4-е изд. Москва : Статут, 2020.
2. Демкина А.В. Некоторые новеллы ГК РФ в части ответственности за нарушение обязательств / А.В. Демкина // Юрист. 2016. № 10.
3. Драгунова Т.В. Конкуренция договорных и деликтных требований в сфере предпринимательских отношений / Т.В. Драгунова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12.
4. Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности / П. Журдэн // Вестник гражданского права. 2021. № 1, 4, 5, 6.
5. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву : из истории цивилистической мысли, гражданские правоотношения, критика теории «хозяйственного права» / О.С. Иоффе. 4-е изд. Москва : Статут, 2020.
6. Карапетов А.В. Экономический анализ права / А.В. Карапетов. Москва : Статут, 2016.
7. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 томах. Т. 2 / О.А. Красавчиков. Москва : Статут, 2005.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства / К.П. Победоносцев. Москва : Статут, 2003.
9. Русское гражданское право. В 2 частях Ч. 1 : по исправленному и дополненному 8-му изданию, 1902 г. / Д.И. Мейер ; редколлегия : В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнев [и др.]. Москва : Статут, 1997.

Актуальные проблемы осуществления иностранных инвестиций в Российской Федерации

На сегодняшний день в России продолжает быть актуальным вопрос привлечения в экономику иностранных инвестиций в целях ее планомерного развития и роста. В то же время наблюдается тенденция к переходу инвестиционной политики от режима наибольшего благоприятствования для иностранных инвестиций к политике установления ограничений для иностранных инвесторов в национальных интересах государства.

В данной связи предлагаем рассмотреть правовые проблемы в сфере осуществления иностранных инвестиций, учитывая особенности, возникающие в условиях санкционного давления, связанного с введением иностранными государствами ограничительных мер в отношении Российской Федерации.

Легальное определение иностранным инвестициям дано в абз. 2 ст. 2 Федерального закона от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»¹: «...иностранная инвестиция — это вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором непосредственно и самостоятельно, в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации». В данном определении появляется и фигурирует термин «иностранный капитал», вкладываемый иностранным инвестором в объекты предпринимательской деятельности, который тут же раскрывается законодателем перечислением объектов гражданских прав, оставляя их перечень открытым с оговоркой, что они должны быть не изъяты/не ограничены в обороте в Российской Федерации.

Таким образом, на территории Российской Федерации (РФ) иностранными инвестициями признается иностранный капитал, вкладываемый иностранным инвестором самостоятельно и непосредственно в объект предпринимательской деятельности. Иностранным капиталом признаются не изъятые и не ограниченные из оборота в РФ объекты гражданских прав.

¹ Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 28. Ст. 3493.

Указанным законом иностранным инвесторам предоставляются основные гарантии их прав на инвестиции и получаемые от них доходы и прибыль, а также условия осуществления предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации. Данный закон был принят в рамках проводимой программы стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в Российской Федерации², направленной на повышение инвестиционной активности. Одним из центральных вопросов улучшения инвестиционного климата признавалось обеспечение гарантий безопасности инвестору при работе на российском рынке (включая личную безопасность и защиту вкладываемых средств от некоммерческих рисков). Законом был заложен в том числе и принцип соответствия российского законодательства международным инвестиционным обязательствам. А также в юридической литературе отмечают, что на начальном этапе формировавшееся законодательство об инвестициях на постсоветском пространстве было подвержено влиянию идеи необходимости создать привлекательные условия в первую очередь для иностранных, а не отечественных инвесторов³.

Не углубляясь в историю становления отечественного инвестиционного законодательства, отметим лишь, что в России было принято множество нормативно-правовых актов, как федеральных, так и региональных, регулирующих инвестиционную деятельность и предоставляющих различные преференции и льготы иностранным инвесторам. Так, 25 февраля 1999 г. принят Федеральный закон № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений»⁴. Также в этом году приняты Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг»⁵ и Федеральный закон от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг»⁶. Указанные законы и составили основу действующей нормативной базы, регулирующей инвестиции и инвестиционную деятельность на территории РФ.

Субъекты РФ в пределах своих компетенций также стремятся создавать благоприятный инвестиционный климат на своей территории, принимая со-

² Постановление от 13 октября 1995 г. № 1016 «О комплексной программе стимулирования отечественных и иностранных инвестиций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 43. Ст. 4069.

³ См.: Семилютина Н.Г. Инвестиции и рынок финансовых услуг: проблемы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2003. № 2. С. 35; Гущин В.В. Инвестиционное право : учебник / В.В. Гущин, А.А. Овчинников. М. : Эксмо, 2006. С. 125.

⁴ Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // СЗ РФ. 1999. № 9. Ст. 1096.

⁵ Федеральный закон от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163.

⁶ Федеральный закон от 23 июня 1999 г. № 117-ФЗ «О защите конкуренции на рынке финансовых услуг» // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3174.

ответствующие нормативные акты на региональном уровне. В основном это локальные нормативные акты, определяющие формы государственной поддержки, детализирующие предлагаемые льготы для инвесторов на территории конкретных регионов⁷.

Так, в настоящее время в России функционирует комплекс мер, развивающих экономику посредством привлечения отечественных и иностранных инвестиций, предоставляя ряд преференций в целях развития регионов и стимулирования высокотехнологичных и направленных на экспорт производств. В частности, на уровне Правительства РФ принимаются различные стратегии и программы по развитию отдельных секторов экономики, и практически в каждом из них уделяется внимание привлечению иностранных инвестиций⁸.

Вместе с тем из общего национального режима изъяты вопросы осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Ключевой закон, установивший специальный правовой режим, был принят в апреле 2008 г. Это Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»⁹, им были установлены ограничения для иностранных инвесторов в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства. Для регистрации сделок по приобретению акций (долей в уставном капитале) хозяйственного общества, осуществляющего деятельность в стратегической отрасли, предусмотрена процедура получения согласования Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации. На сегодняшний же день ввиду произошедших изменений в геополитической ситуации перечень полномочий указанной комиссии расширился ввиду переориентации внешне-торговых и финансовых отношений на дружественные страны.

⁷ См., например: Закон г. Москвы от 7 октября 2015 г. № 54 «Об инвестиционной политике города Москвы и государственной поддержке субъектов инвестиционной деятельности» // Ведомости Московской городской Думы». 2015. № 9. Ст. 237; Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 20 февраля 2019 г. № 118 «Об утверждении Регламента взаимодействия субъектов инвестиционной деятельности по содействию в реализации инвестиционных проектов на территории Республики Татарстан по принципу "одного окна"» // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: <http://pravo.tatarstan.ru>

⁸ См., например: Распоряжение Правительства РФ от 13 июня 2020 г. № 1582-р «Об утверждении Программы развития угольной промышленности России на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 25. Ст. 3963; Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 476.

⁹ Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

Так, Правительство РФ в марте 2022 г. утвердило перечень иностранных государств и территорий, которые совершают в отношении России, российских компаний и граждан недружественные действия¹⁰. Также в марте 2022 г. в России в виде дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации был введен особый разрешительный порядок совершения сделок и операций с иностранными контрагентами и подконтрольными им лицами из государств, которые ввели ограничения в отношении России (Указом Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»)¹¹. Выдача соответствующих разрешений на совершение сделок по получению права собственности на ценные бумаги и имущество, а также выдача займов, кредитов были возложены на Правительственную комиссию по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ. В сентябре 2022 г. соответствующим Указом Президента РФ от 8 сентября 2022 г. № 618 указанный перечень сделок был расширен, в него вошли сделки с долями в уставном капитале российских юридических лиц и некоторые другие операции.

При этом в сентябре 2022 г., согласно данным финансовых аналитиков, на недружественных нерезидентов приходилось около 74% российского рынка акций, и отмечалось, что остальные 26% разделены между резидентами и дружественными нерезидентами¹². Таким образом, потребовалась усиленная трансформация российской экономики.

Разрешительный порядок сделок с иностранными лицами регулируется Правилами выдачи разрешений на сделки с иностранными лицами, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 295¹³ (далее — Правила). Сделки, перечисленные в Правилах, можно разделить на две категории. Для первой разрешение понадобится в любом случае, а для вто-

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1748.

¹¹ Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1466.

¹² См.: Романова Л. Власти готовят стимулы для привлечения инвесторов из дружественных стран на российский фондовый рынок. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/01/10/958417-vlasti-gotovyat-stimuli-dlya-investorov> (дата обращения: 18.08.2023).

¹³ Постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 295 «Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и иных разрешений, предусмотренных отдельными указами Президента Российской Федерации, а также реализации иных полномочий в указанных целях и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1689.

рой оно нужно только в случае, если стороной сделки является иностранное лицо, связанное с недружественными государствами.

Согласно указанным Правилам, резидент должен получать в Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешения на следующие сделки: выдача займа в иностранной валюте нерезиденту РФ; зачисление валюты на счета и вклады резидента, открытые в банках и организациях финансового рынка, расположенных за пределами РФ; перевод денег с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг.

Планируя сделки с иностранными лицами, связанными с недружественными государствами, резидент РФ обязан получить разрешение: на предоставление кредитов и займов в рублях, приобретение ценных бумаг и недвижимости. При этом в Правилах предусмотрено, что разрешение понадобится и при попытке совершить сделку через зарубежного посредника, никак не связанного с недружественными государствами, если посредник приобрел бумаги и недвижимость у недружественных лиц после 22 февраля 2022 г. (подп. «б» п. 1 Правил).

Отдельно скажем об Указе Президента РФ от 5 августа 2022 г. № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций»¹⁴. Указанным документом был введен запрет на совершение сделок (операций), влекущих за собой прямо и (или) косвенно установление, изменение, прекращение или обременение прав владения, пользования и (или) распоряжения ценными бумагами российских юридических лиц, определенных в указе, при условии, что данные ценные бумаги принадлежат иностранным лицам, связанным с иностранными государствами, которые совершают в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия, и лицам, которые находятся под контролем указанных иностранных лиц. Запрет изначально был введен до 31 декабря 2022 г. но срок был продлен до 31 декабря 2023 г. внесением изменений Указом Президента РФ от 5 декабря 2022 г. № 876. Полагаем, что и в текущем году он потребует продления.

Указанный запрет установлен в отношении акций стратегических компаний и их дочерних обществ, пользователей недр, а также российских банков и компаний — участников топливно-энергетического комплекса и из Перечней, утвержденных Президентом РФ.

¹⁴ Указ Президента РФ от 5 августа 2022 г. № 520 «О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СЗ РФ. 2022. № 32. Ст. 5816.

Сделки, заключенные в нарушение указа, являются ничтожными: в качестве отдельного последствия ничтожности указом установлено, что полученные по сделке ценные бумаги не предоставляют их владельцам прав, предусмотренных законодательством РФ.

Таким образом, введен запрет на совершение операций недружественными нерезидентами и лицами, подконтрольными им, с акциями/долями/вкладами стратегических компаний, исключение предусмотрено лишь в случае получения специального разрешения Президента РФ на совершение такой сделки.

Исходя из анализа современного состояния законодательства, регулирующего осуществление инвестиционной деятельности в России, согласимся с мнением, что меняющиеся реалии приводят к росту числа соответствующих нормативно-правовых актов, и отсутствие единого документа затрудняет определение действующего положения иностранных инвесторов¹⁵.

В декабре 2022 г. Правительством РФ принята Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 г.¹⁶, согласно которой ключевой стратегической задачей развития российского финансового рынка на горизонте до 2030 г. станет усиление его роли в финансировании ускоренной трансформации российской экономики с опорой в первую очередь на внутренние источники финансирования инвестиций.

Основными механизмами развития финансового рынка России Правительством были названы разработка законов и законодательных инициатив, которые являются одним из ключевых инструментов реализации принятой Стратегии. Важными направлениями законодательной деятельности при этом являются как совершенствование существующей нормативной базы, так и создание законов, регулирующих принципиально новые сферы и направления деятельности. Наряду с нормотворчеством важным механизмом реализации стратегии развития является установление органами государственного регулирования требований к поднадзорным организациям, применение к ним мягких и косвенных мер регулирования в форме рекомендаций, писем с разъяснениями, стандартов саморегулируемых организаций, кодексов и других форм.

В качестве льгот и преференций предлагаются: создание благоприятных налоговых условий обслуживания нерезидентов брокерскими и управляющими компаниями, упрощенный порядок взаимодействия российских финансовых посредников с иностранными эмитентами и инвесторами, развитие выпуска ценных бумаг в России эмитентами из дружественных юрисдикций.

¹⁵ Полежаева Н.А. Основные изменения в корпоративном управлении в России, вызванные санкциями // Хозяйство и право. 2023. № 1. С. 46–53.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 476.

Важным обстоятельством является тот факт, что перспективы развития инвестиционного законодательства напрямую зависят от происходящих изменений геополитической ситуации и переориентации внешнеторговых и финансовых отношений на дружественные страны. В настоящее время при взаимодействии с дружественными иностранными инвесторами возникает ряд проблем, таких как низкая ликвидность российского рынка, подсанкционность транзакций с рядом отечественных финансовых организаций. Для укрепления экономики просматривается необходимость в привлечении инвестирования в российские компании на длительный срок, в качестве стимулов при этом возможно установление для них дополнительных налоговых льгот, снижение административных барьеров по вводу иностранного капитала и повышение защиты активов иностранных инвесторов, повышение информационной открытости.

Таким образом, из опыта России можно проследить путь развития законодательства, который начался от предоставления преференций и льготных режимов для иностранных инвесторов, затем перешел к установлению для иностранных инвестиций общего национального режима, в итоге — к установлению ограничений для иностранных инвесторов в национальных интересах государств, стремящихся к сохранению экономической и политической независимости.

С учетом данных обстоятельств основной проблемой в сфере законодательного обеспечения иностранных инвестиций в России является его переориентация на создание новых стимулов для привлечения инвесторов из дружественных России стран. В рамках которой стоят новые задачи в сфере развития законодательства, регулирующего российский финансовый рынок, а также необходимость создания новых стимулов и прочих механизмов по повышению инвестиционной привлекательности.

Федянин Ю.М.,

соискатель кафедры предпринимательского и энергетического права
Казанского (Приволжского) федерального университета
(Республика Татарстан, г. Казань)

Литература

1. Гуцин В.В. Инвестиционное право : учебник / В.В. Гуцин, А.А. Овчинников. Москва : Эксмо, 2006.
2. Полежаева Н.А. Основные изменения в корпоративном управлении в России, вызванные санкциями / Н.А. Полежаева // Хозяйство и право. 2023. № 1.
3. Романова Л. Власти готовят стимулы для привлечения инвесторов из дружественных стран на российский финрынок / Л. Романова // Ведомости. 2023. 10 января.
4. Семилютина Н.Г. Инвестиции и рынок финансовых услуг: проблемы законодательного регулирования / Н.Г. Семилютина // Журнал российского права. 2003. № 2.

Проблемы стандартного регулирования коммерческой деятельности в сфере оказания медицинских услуг

В большинстве случаев медицинские услуги оказываются на возмездной основе для пациента, а деятельность по их оказанию регулируется гражданским законодательством и законодательством о защите прав потребителей¹. Исполнители таких возмездных услуг (медицинские организации) признаются субъектами предпринимательской деятельности независимо от их организационно-правовой формы. На медицинские услуги, оказанные по программе обязательного медицинского страхования (далее — ОМС), также распространяются эти нормы. Более того, высшая судебная инстанция еще в 2012 г. сформулировала позицию о том, что все субъекты медицинской деятельности выступают профессионалами² и все виды услуг они оказывают на возмездной основе, поскольку медицинские услуги либо возмещаются за счет средств пациента, либо за счет ФФОМС³. Также в регулировании медицинской деятельности важное значение имеют подзаконные акты Правительства Российской Федерации о возмездных отношениях в сфере медицинской деятельности⁴, а саму медицинскую деятельность регламентируют стандарты и порядки, утвержденные Министерством здравоохранения Российской Федерации⁵.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Российская газета. 1994. 8 декабря; Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Часть вторая // Российская газета. 1996. 6, 7, 8 февраля; О защите прав потребителей : Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Российская газета. 1992. 7 апреля.

² О практике применения судами норм о компенсации морального вреда : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // СПС ГАРАНТ.

³ О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 // Российская газета. 2012. 11 июля.

⁴ Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг : Постановление Правительства Российской Федерации от 11 мая 2023 г. № 736 // Российская газета. 2023. 12 мая.

⁵ О введении в действие отраслевого стандарта «Система стандартизации в здравоохранении. Основные положения» : Приказ Минздрава РФ от 4 июня 2001 г. № 181 // СПС «КонсультантПлюс». 2001. Документ официально опубликован не был; О создании системы медицинских стандартов (нормативов) по оказанию медицинской помощи населению Российской Федерации : Приказ Минздрава РФ от 16 ноября 1992 г. № 277 // Здравоохранение. 1998. № 11; Об организации в Министерстве здравоохранения и социального развития Российской Федерации работы по разработке порядков оказания отдельных видов (по профилям) медицинской помощи и стандартов медицинской помощи : Приказ Минсоцразвития РФ от 11 августа 2008 г. № 410н // Российская газета. 2008. 10 октября.

В соответствии с изменениями в законодательстве об охране здоровья граждан⁶, все стандарты и порядки оказания медицинской помощи в настоящее время разрабатываются на основе клинических рекомендаций. Стандарты должны соответствовать клиническим рекомендациям и дифференцируются по категориям достоверности, последние никак не влияют на обязательность их применения. Все стандарты оказания медицинской помощи являются общеобязательными на всей территории Российской Федерации, а категории их достоверности устанавливаются на основе клинических исследований, проводимых на пациентах, и зависят от их типа. Так, например, отмечается низкий уровень проведения клинических исследований в части детских заболеваний, патологий в акушерстве⁷, и обусловлен естественными причинами данной категории лиц. Было бы антигуманно активно проводить масштабные исследования на детях и беременных женщинах даже на благо медицинской науки⁸. Стоит отметить, что медицинская наука строится в основном на статистике и не располагает точными данными в связи с ограниченностью познания человеческого организма и уникальностью анатомии и физиологии каждого индивида.

На практике далеко не всегда получается реализовать данную схему лечения, поскольку не на все заболевания разработаны стандарты и клинические рекомендации. Анализируя историю развития и становления стандартизации в сфере медицинской деятельности, стоит отметить, что они долгое время оставались необязательными, несмотря на тотальный контроль со стороны Федерального фонда обязательного медицинского страхования (далее — ФФОМС)⁹, — в тексте таких стандартов была регламентирована рекомендательная их природа.

После реформирования законодательства о здравоохранении в России все стандарты оказания медицинской помощи были возведены в ранг общеобязательных на всей территории Российской Федерации. Российская практика применения стандартов оказания медицинской помощи пошла по пути тотально жесткой стандартизации в сфере медицины в отличие от некоторых зарубежных стран, использующих смешанный механизм, где возможно было использование гибкой системы стандартизации медицинской деятельности. С 2013 года в России закреплено правило о том, что обход стандартной схемы

⁶ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Российская газета. 2011. 23 ноября.

⁷ Кулаков В.И., Прилепская В.Н. Клинические исследования лекарственных средств в гинекологии // Казанский медицинский журнал. 2007. № 22. Т. 88. С. 104–107.

⁸ Тополянская С.В. Этические аспекты проведения клинических исследований у детей // Педиатрическая фармакология. 2010. № 3; Планирование и проведение клинических исследований лекарственных средств / под ред. Ю.Б. Белоусова. М. : Изд-во Общества клинических исследователей, 2000. С. 54.

⁹ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ // Российская газета. 2010. 3 декабря.

возможен только по результатам оформления протокола консилиума врачей в интересах пациента при наличии у него индивидуальных противопоказаний по стандартной схеме лечения¹⁰.

Введение общеобязательного использования стандартных схем лечения неблагоприятно отразилось на сфере исполнения возмездных договоров оказания медицинских услуг, поскольку на отдельные виды заболеваний и состояний просто не существует стандартных схем лечения. Большинство практикующих врачей до сих пор выражают негативную позицию с точки зрения негарантированности успеха от лечебного процесса по предлагаемой стандартной схеме, более того, ни один из стандартов не учитывает индивидуальный подход к лечению пациента, а сами стандартные схемы основаны на данных научных исследований и данных медицинской статистики¹¹.

В практике достаточно редко удается обойти такую стандартную схему лечения по результатам заключения консилиума, поскольку для врачей это крайне нежелательно в условиях проверок ФФОМС и дополнительного обоснования такого обхода. Когда речь идет о предоставлении возмездных медицинских услуг, у пациента формируются особые требования к ее исполнителю и получению результата. Как говорится в ст. 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», качество медицинской услуги оценивается через призму трех критериев: правильности, своевременности лечебно-диагностического процесса и степени достижения запланированного результата, что в конечном счете привязано к стандартным схемам¹².

К сожалению, до сих пор не удалось побороть «ригидную систему» стандартизации медицинской помощи, особенно в условиях оказания медицинской помощи в отдаленных районах, в условиях низкого уровня материально-технического обеспечения и невозможности реализации заложенный схемы стандарта, предписанных научным сообществом в сфере медицины.

Клинические рекомендации, которые существуют в России, носят рекомендательный характер — в их тексте об этом прямо упоминается, а значит, они не являются общеобязательными, как стандарты и порядки. Однако на их основе должны готовиться стандарты оказания медицинской помощи, в чем видится проблема: далеко не всегда и не на все виды заболеваний (состояний) существуют такие клинические схемы лечения. С учетом их реко-

¹⁰ Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию застрахованным лицам, а также ее финансового обеспечения : Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19 марта 2021 г. № 231н // СПС ГАРАНТ.

¹¹ Сергеев Ю.Д., Бисюк Ю.В. Стандарты медицинской помощи: роль и значение для следственно-судебной практики // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи : Приказ Министерства здравоохранения РФ от 10 мая 2017 г. № 203н // СПС ГАРАНТ.

мендательной природы сложно себе представить какую-то схему лечения, которая могла быть взята за «образец» во всех случаях для разработки стандартов оказания медицинской помощи, обязательных по своей природе. Также среди актов, регламентирующих медицинскую деятельность, выделяют протоколы лечения и методические рекомендации, которые также не являются общеобязательными, постоянно пересматриваются и переутверждаются, особенно для новых и неизученных заболеваний¹³.

Таким образом, стандартное регулирование коммерческой деятельности в сфере медицинских услуг остается проблемным, а изменения законодательства в этой сфере не разрешают трудности, которые возникают на практике. Стандарты оказания медицинских услуг в настоящее время должны соответствовать клиническим рекомендациям, которые определяются через категории достоверности. Еще раз отметим, что категории достоверности никак не влияют на общеобязательность применения данных стандартов. Клинические рекомендации, методические рекомендации, а также протоколы лечения, с точки зрения правовой природы, носят рекомендательный характер, но должны повлиять на создание стандартов оказания медицинской помощи, обеспечивая их высокое качество, хотя последние не гарантируют успех в лечебно-диагностическом процессе.

Шевчук Е.П.,

старший преподаватель кафедры гражданского права
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Иркутск)

Литература

1. Кулаков В.И. Клинические исследования лекарственных средств в гинекологии / В.И. Кулаков, В.Н. Прилепская // Казанский медицинский журнал. 2007. Т. 88. № 2.
2. Планирование и проведение клинических исследований лекарственных средств / под редакцией Ю.Б. Белоусова. Москва : Издательство Общества клинических исследователей, 2000.
3. Сергеев Ю.Д. Стандарты оказания медицинской помощи: роль и значение для следственно-судебной практики / Ю.Д. Сергеев, Ю.В. Бисюк // Российский судья. 2007. № 4.
4. Тополянская С.В. Этические аспекты проведения клинических исследований у детей / С.В. Тополянская // Педиатрическая фармакология. 2010. № 3.

¹³ Временные методические рекомендации по организации проведения профилактических медицинских осмотров и диспансеризации в условиях сохранения рисков распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). 2020; Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». 2020; Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Версия 10. 2021; Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Версия 11. 2021. URL: <https://base.garant.ru/74343218/>

Актуальные проблемы предоставления ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребенка в России

В этом году исполняется 30 лет со дня принятия Конституции РФ¹, которая провозгласила государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства, установила пособия и иные гарантии социальной защиты (ч. 2 ст. 7), гарантировала социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, определенных законом (ч. 1 ст. 39), защиту материнства, детства, семьи (ч. 1 ст. 38). При этом современное отечественное законодательство так и не закрепило конкретные гарантии уровня социального обеспечения, адресованного семье с детьми и позволяющего достойно их содержать и воспитывать².

Одним из динамично развивающихся видов социального обеспечения является пособие, понятие которого с годами стало «размываться», подменяться и даже исчезать из учебников³. В настоящее время нет общего универсального определения пособия, как нет и единого законодательного акта о нем. Поэтому в литературе имеются разные подходы к формулированию понятия пособия по социальному обеспечению как правовой категории, что, на наш взгляд, является проблемой и законодателей, и правоприменителей.

Трансформация современной отрасли права социального обеспечения, по мнению М.В. Лушниковой и А.М. Лушников⁴, повлекла, с одной стороны, значительное расширение перечня понятий и терминов, применяемых в целях регулирования социально-обеспечительных отношений, с другой — их рассогласованность, многозначность, отсутствие упорядоченного отраслевого единства.

Природа социальных пособий подробно исследована в отечественной науке права социального обеспечения советского периода в рабо-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

² См.: Адриановская Т.Л. Право социального обеспечения. Институт пособий и компенсационных выплат : учебно-практическое пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 455 с.

³ См.: Право социального обеспечения : учебник и практикум для вузов / М.В. Филиппова [и др.] ; под ред. М.В. Филипповой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 451 с.

⁴ Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс права социального обеспечения. 2-е изд., доп. М. : Юстицинформ, 2009.

тах В.С. Андреева, Е.Г. Азаровой, К.С. Батыгина, Р.И. Ивановой⁵, М.И. Полупанова и др.

Впервые термин «социальные пособия» в российской науке права социального обеспечения применили М.Л. Захаров и Э.Г. Тучкова при рассмотрении всех тех видов пособий, которые другие российские ученые рассматривали как «государственные пособия»⁶.

Под социальными пособиями понимаются выплаты, производимые гражданам в установленных законом случаях ежемесячно, периодически или единовременно, с целью возмещения полностью либо частично временно утраченного заработка или оказания материальной поддержки⁷. Похожей позиции придерживались и другие ученые, заменяя «материальную поддержку» на «материальную помощь»⁸.

В.П. Галаганов определял социальные пособия как гарантированные денежные выплаты, предоставляемые гражданам за счет государственных средств в целях их материального обеспечения в связи с утратой заработка (или иного дохода) по причине временной нетрудоспособности, беременности и родов, отсутствием заработка (или иного дохода) вследствие безработицы; оказания единовременной помощи при определенных обстоятельствах; материальной поддержки гражданам, имеющим детей, и в других случаях, указанных в законодательстве⁹.

Согласно другим взглядам, пособия — это денежные выплаты, отличные от пенсий, компенсаций и субсидий, сохраняющие в определенных случаях (для пособий за счет госбюджета) алиментарный характер, ограниченные временными рамками (единовременные, ежемесячные, периодичные), выплачиваемые в установленных случаях с целью поддержания прежнего материального положения лица (возмещение утраченного заработка, дополнительных расходов), назначаемые с учетом участия в той или иной форме занятости за счет средств внебюджетных фондов, госбюджета, муниципальных средств и средств работодателя в размерах, соотносимых с заработком или в твердо установленных суммах¹⁰.

⁵ Иванова Р.И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 7.

⁶ Право социального обеспечения России / отв. ред. К.Н. Гусов. М. : Проспект, 2012. С. 363; Буянова М.О., Кобзева С.И., Кондратьева З.А. Право социального обеспечения. М. : Омега-Л, 2007. С. 115.

⁷ Захаров М.Л., Тучкова Э.Г. Право социального обеспечения России. М. : Волтерс Клуверс, 2004. С. 383.

⁸ Право социального обеспечения России / отв. ред. К.Н. Гусов. С. 363; Буянова М.О., Кобзева С.И., Кондратьева З.А. Указ. соч. С. 115; Миронова Т.К. Право социального обеспечения : учебное пособие. М. : КноРус, 2024. 304 с.

⁹ Галаганов В.П. Право социального обеспечения. 2-е изд., перераб. М. : Академия, 2006. С. 271.

¹⁰ См.: Смирнова Н.Л. Пособия по временной нетрудоспособности как вид страхового обеспечения по праву социального обеспечения современной России : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. С. 65.

Основатель права социального обеспечения, В.С. Андреев, под пособиями по социальному обеспечению понимал все иные денежные выплаты, кроме пенсий, имеющие алиментарный характер, из фондов для нетрудоспособных, представляющие собой помощь гражданам в установленных законом случаях¹¹. Данное определение, по нашему мнению, остается актуальным в современных условиях деления пособий на государственные и страховые.

М.И. Полупанов предложил следующее определение пособиям по социальному обеспечению: это денежные выплаты алиментарного характера, предоставляемые из общественных фондов потребления трудящимся в целях замещения утраченного по уважительным причинам заработка; семье — для содействия в содержании и воспитании подрастающего поколения; гражданам, не имеющим основных источников средств существования, — для оказания помощи, а также всем гражданам — для покрытия некоторых расходов, обеспечение которых социалистическое государство не считает возможным ставить в зависимость от их трудового дохода¹².

И.В. Григорьев формулирует определение понятия *государственных пособий гражданам, имеющим детей*, как денежных выплат, производимых гражданам за счет средств СФР, федерального бюджета, в установленных законом случаях, связанных с рождением или воспитанием ребенка (детей), ежемесячно или единовременно, с целью возмещения полностью либо частично временно утраченного заработка или оказания дополнительной материальной поддержки¹³.

По мнению Е.Е. Мачульской, ежемесячное пособие по уходу за ребенком носит двойственный характер, являясь, с одной стороны, социально-страховой выплатой для лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию, и приравненных к ним граждан, а с другой стороны, социальным пособием в качестве обязательства государства по материальной поддержке иных категорий лиц¹⁴.

М.И. Аверьянова пособия определяет как вид социального обеспечения, предоставляемый в денежной форме гражданину в случае возникновения в его жизни социально значимых обстоятельств — временной нетрудоспособности, семейных обстоятельств (беременности, рождения или приема в семью ребенка, смерти члена семьи), безработицы, *малоимущности* и др., при наступлении которых государство принимает на себя обязательство предо-

¹¹ Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР. М. : Юридическая литература, 1980. С. 254.

¹² Полупанов М.И. Пособия по социальному обеспечению в СССР. М. : РИО ВЮЗИ, 1976. С. 5.

¹³ Григорьев И.В. Право социального обеспечения : учебник и практикум для вузов / И.В. Григорьев, В.Ш. Шайхатдинов. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 432 с.

¹⁴ Право социального обеспечения : учебник для вузов / Е.Е. Мачульская [и др.] ; под редакцией Е.Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 449 с.

ставлять ему поддержку¹⁵. И вот здесь уже как одно из условий получения пособия появляется наличие статуса малоимущего, т.е. чей доход ниже установленного прожиточного минимума.

Р.И. Иванова подчеркивала, что родовое понятие пособия будет иметь теоретическую и практическую ценность только в том случае, если, с одной стороны, оно будет содержать лишь существенные признаки этой формы материального обеспечения, а с другой — не будет ни излишне привязанным к конкретным видам пособий, ни слишком общим¹⁶. На наш взгляд, это позволит абстрагироваться от конкретных видов пособий и вывести универсальное понятие, которое поможет отличать данный вид социального обеспечения от других денежных выплат.

В действующем законодательстве о государственной социальной помощи можно найти легальное закрепление понятия *социального пособия*, принятого с целью поддержки малоимущих граждан: «...безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации»¹⁷. Другие пособия (за исключением пособия на ребенка, предоставляемого в субъектах РФ) до 2023 г. не зависели от дохода семьи.

Как верно отмечала Ю.Б. Корсаненкова, «тенденция усиленного внимания к наиболее уязвимым группам населения прослеживается в социальной политике последних лет в странах ЕС. Семейные пособия все в большей степени выплачиваются на избирательной, а не на универсальной основе»¹⁸.

Такая же тенденция стала проявляться и в нашей стране. Все больше социальных выплат стало зависеть от дохода семьи, даже если они касаются лиц, застрахованных в системе обязательного социального страхования.

С 1 января 2023 г. в России появилось единое (или универсальное) пособие на детей. Оно объединило многие предоставляемые выплаты, право на которые напрямую зависят от дохода граждан, т.е. предоставляются малоимущим семьям со среднедушевым доходом ниже регионального прожиточного минимума. Выплата устанавливается с применением комплексной оценки нуждаемости, начиная с беременности женщины и до достижения ребенком определенного возраста (см. таблицу).

При введении единого пособия с 2023 г. предусмотрен переходный период, т.е. возможность получать выплаты по старым правилам сохраняется

¹⁵ Аверьянова М.И. Право социального обеспечения (с практикумом) : учебное пособие. М. : КноРус, 2024. 303 с.

¹⁶ Иванова Р.И. Понятие и социально-правовая природа пособий как вида социального обеспечения // Труды ВЮЗИ. Социальное обеспечение в СССР за 60 лет (правовые аспекты). М. : РИО ВЮЗИ, 1979. С. 79.

¹⁷ Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/

¹⁸ Корсаненкова Ю. Проблемы совершенствования законодательства о ежемесячных пособиях на ребенка // Трудовое право. 2008. № 3. С. 55–59.

Таблица

Выплаты, объединенные в единое пособие

<i>Пособие до 2023 года</i>	<i>Размер до 2023 года</i>	<i>Кто назначал</i>	<i>Условия до 2023</i>
При постановке на учет до 12 недель беременности	50% прожиточного минимума трудоспособного населения в регионе	ПФР	Доход не более ПМ на душу населения, комплексная оценка нуждаемости
По уходу до полутора лет неработающим	Фиксированная сумма 7677,81 Р	ПФР	Одному из родителей при любом доходе
На первого ребенка до 3 лет	100% прожиточного минимума на детей в регионе	Соцзащита из бюджета	Доход не более двух ПМ для трудоспособного населения в регионе, без комплексной оценки нуждаемости
На второго ребенка до 3 лет	100% прожиточного минимума на детей в регионе	ПФР — из материнского (семейного) капитала	Доход не более двух ПМ для трудоспособного населения в регионе, без комплексной оценки нуждаемости
На третьего или последующего ребенка до 3 лет	100% прожиточного минимума на детей в регионе	Соцзащита из бюджета	В 76 регионах, по их правилам
На детей от 3 до 7 лет	50, 75 или 100% прожиточного минимума на детей в регионе	Соцзащита из бюджета	Доход не более ПМ на душу населения, комплексная оценка нуждаемости
На детей от 8 до 17 лет	50, 75 или 100% прожиточного минимума на детей в регионе	ПФР	Доход не более ПМ на душу населения, комплексная оценка нуждаемости

у семей до истечения срока назначения новой выплаты. Родители детей в возрасте до 3 лет, рожденных до 31 декабря 2022 г., вправе получать выплаты по старым правилам до достижения ребенком 3 лет.

Демографы наблюдают увеличение количества разводов и считают, что это напрямую связано с введением Минтруда России пособий с учетом критериев нуждаемости и адресности. И что для их получения выгоднее находиться вне брака, для того чтобы получить больше денег, при этом бывшие супруги могут продолжать сожительство, но при этом получать поддержку от государства. Особенно заметны последствия новой меры на Северном Кавказе¹⁹. По данным Росстата, с января по апрель 2023 г. чис-

¹⁹ Чем больше детей, тем легче пожертвовать штампом о замужестве. Демограф объяснил, почему на Кавказе разводятся чаще // Фонтанка.ру. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/30/72451745/>; «Главным бракоразводчиком стало правительство». Почему в России

ло браков в стране, по сравнению с тем же периодом 2022 г., уменьшилось на 8,5 тыс. (с 228 332 до 219 860), число разводов выросло на более чем 15 тыс. (с 200 853 до 216 170)²⁰.

Условия предоставления указанного пособия практически совпадают с правилами оказания государственной помощи в виде социального пособия, правила которого устанавливаются в каждом субъекте РФ самостоятельно.

В Краснодарском крае утвержден Порядок²¹ определения размера социального пособия и периода, на который оно назначается, размер социального пособия не может превышать разницу между среднемесячным доходом малоимущей семьи или одиноко проживающего гражданина и прожиточным минимумом семьи или одиноко проживающего гражданина.

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, необходимо разобраться, что это — больше пособие или государственная социальная помощь (ГСП)? Ответ на этот вопрос позволит найти выход и не усугублять складывающуюся ситуацию с разводами и, соответственно, с законностью получения единого пособия.

ГСП, как правило, предоставляется на основании результатов *дополнительной проверки представленных заявителем документов и комиссионного обследования условий его жизни*, которая проводится органом социальной защиты населения.

В советский период государственное пособие одинокой матери устанавливалось при условии, что она не проживает и не ведет совместное хозяйство с отцом ребенка²². Акты проверок составлялись по каждому заявлению инспекторами отделов социального обеспечения и приобщались в личное дело заявительницы.

Учитывая сложившуюся ситуацию, возможно, следует вернуться к практике составления актов о совместном проживании родителей при обращении в СФР за единым пособием? Это позволит приостановить необоснованное предоставление поддержки за счет бюджета. Выборочную проверку проводить силами органов социальной защиты населения (многие семьи уже есть в базах данных получателей государственной помощи), использо-

увеличилось число разводов // Chita.ru. URL: <https://www.chita.ru/text/family/2023/10/03/72768182/>

²⁰ От любви до ненависти. Статистика браков и разводов в России // Информационное агентство «Национальная служба новостей». URL: <https://riamo.ru/article/656860/rossiyane-stalichasche-razvoditsya-v-2022-2023-godah>

²¹ Приказ Департамента социальной защиты населения Краснодарского края от 22 июня 2010 г. № 377 «О Порядке определения размера социального пособия и периода, на который оно назначается». URL: <https://docs.cntd.ru/document/444722342/>

²² Постановление Совета Министров СССР от 12 августа 1970 г. № 659 «Об утверждении Положения о порядке назначения и выплаты пособий беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/5179829/paragraph/10641:0> (Постановлением Правительства России от 3 февраля 2020 г. № 80 настоящий документ признан не действующим на территории России с 21 февраля 2020 г.).

вать ЕГИССО в рамках электронного взаимодействия между государственными органами. Такой порядок необходимо применять, если единое пособие — это больше адресное предоставление помощи, чем государственное пособие.

Если же эта выплата больше пособие, чем государственная помощь, то следует продумать пути разрешения указанной проблемы, подобрав новый порядок его предоставления. 80% семей, воспитывающих детей, при любой занятости не являются богатыми, а имеют иногда небольшое превышение по доходам и не получают пособия от государства. Решая демографические задачи, необходимо сохранить размер выплат, подобрав новый расчет, не приводящий к разводам²³.

Карданова И.В.,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Краснодар)

Литература

1. Аверьянова М.И. Право социального обеспечения (с практикумом) : учебное пособие / М.И. Аверьянова. Москва : КноРус, 2024.
2. Адриановская Т.Л. Право социального обеспечения. Институт пособий и компенсационных выплат : учебно-практическое пособие для студентов вузов / Т.Л. Адриановская, И.В. Карданова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
3. Андреев В.С. Право социального обеспечения в СССР / В.С. Андреев. Москва : Юридическая литература, 1980.
4. Захаров М.Л. Право социального обеспечения России / М.Л. Захаров, Э.Г. Тучкова. Москва : Волтерс Клуверс, 2005.
5. Иванова Р.И. Понятие и социально-правовая природа пособий как вида социального обеспечения / Р.И. Иванова // Труды ВЮЗИ. Социальное обеспечение в СССР за 60 лет (правовые аспекты). Москва : РИО ВЮЗИ, 1979.
6. Иванова Р.И. Правоотношения по социальному обеспечению в СССР / Р.И. Иванова. Москва : Издательство Московского университета, 1986.
7. Корсаненкова Ю. Проблемы совершенствования законодательства о ежемесячных пособиях на ребенка / Ю. Корсаненкова // Трудовое право. 2008. № 3.
8. Лушников М.В. Курс права социального обеспечения / М.В. Лушников, А.М. Лушников. 2-е изд., доп. Москва : Юстицинформ, 2009.
9. Миронова Т.К. Право социального обеспечения : учебное пособие / Т.К. Миронова. Москва : КноРус, 2024.
10. Полупанов М.И. Пособия по социальному обеспечению в СССР / М.И. Полупанов. Москва : РИО ВЮЗИ, 1976.
11. Право социального обеспечения : учебник для вузов / Е.Е. Мачульская [и др.] ; под редакцией Е.Е. Мачульской. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023.
12. Право социального обеспечения : учебник и практикум для вузов / И.В. Григорьев, В.Ш. Шайхатдинов. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023.
13. Право социального обеспечения : учебник и практикум для вузов / М.В. Филиппова [и др.] ; под редакцией М.В. Филипповой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023.
14. Смирнова Н.Л. Пособия по временной нетрудоспособности как вид страхового обеспечения по праву социального обеспечения современной России : диссертация кандидата юридических наук / Н.Л. Смирнова. Владивосток, 2002.

²³ Безусловность поддержки: единое пособие смогут получить больше семей и будущих мам. URL: <https://iz.ru/1561128/dmitrii-alekseev/bezuslovnost-podderzhki-edinoe-posobie-smogut-poluchit-bolshe-semei-i-budushchikh-mam> (дата обращения: 29.10.2023).

Содержание принципа свободы конкуренции в правовом обеспечении экологизации экономики и социальной сферы Республики Беларусь в контексте реализации экологической политики государства

На современном этапе научных исследований не только констатируется негативное влияние сверхнормативного использования природных ресурсов в процессе хозяйственной (экономической) деятельности, но и популяризируются устремления хозяйствующих субъектов к более ответственному осуществлению хозяйственной деятельности по отношению к экологии и состоянию окружающей среды, а также признанию «зеленой повестки» в качестве одного из факторов конкурентоспособности выпускаемой продукции и оказываемых услуг. В правовом регулировании предпринимается попытка установить баланс между ограничительными требованиями по охране окружающей среды и свободой осуществления хозяйственной деятельности, в основе чего заложен принцип свободы конкуренции. Установлению такого баланса способствует четкое уяснение содержания принципа свободы конкуренции, что будет предметом настоящей статьи.

Проведенный нами анализ научной литературы позволяет выделить несколько подходов в понимании содержания принципов права. Первый подход отождествляет содержание принципов права с «правом на» (И.В. Ершова и Г.Д. Отнюкова). Оппоненты такой позиции (например, Е.Н. Кузнецов) обращают внимание, что правовой принцип не следует уравнивать с «правом на», так как это «разноуровневые правовые категории: принцип есть суть, база, фундамент, тогда как право есть лишь возможность», поэтому «принцип предполагает осуществление прав, а не наоборот, когда право предполагает включение в его “правовую ткань” ряда фундаментальных положений, которые фактически по иерархии находятся выше, на ином уровне системы отрасли права»¹.

В рамках второго подхода (например, Т.Н. Прохорко) содержание принципов права отождествляется с формулировкой, изложенной в нормативном правовом акте, что, по нашему мнению, спорно, так как в основе

¹ Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации. М. : Статут, 2022 // СПС «КонсультантПлюс». Россия ; Минск, 2023.

формулировки заложен тот или иной принцип. Третий подход отождествляет содержание принципов права с помощью категорий «требования», «императивы» и «предписания» (Е.П. Губин, С.А. Киракосян, В.Н. Карташов, Н.Л. Бондаренко).

Основательно к определению категории «содержание принципов права» подошел российский доктор юридических наук Н.Н. Вопленко², позиция которого может рассматриваться в качестве четвертого подхода и, по нашему мнению, является наиболее верной, так как отражает комплексность в понимании содержания принципов права. В своих рассуждениях Н.Н. Вопленко отмечает, что для юриста наиболее значимым и наглядным представляется логико-юридическое содержание принципов права, которое предполагает внутреннюю структуру или набор основных элементов, из которых складывается содержание принципа права³. В данном случае содержание принципа права составляют три основных элемента: требование, идеал и знание. Данный подход будет нами использован для раскрытия содержания принципа свободы конкуренции.

Одновременно следует отметить, что при анализе содержания принципа свободы конкуренции важно уяснить, что следует понимать под термином «свобода», которая до сих пор имеет множество определений в научной литературе. Некоторые из них являются взаимоисключающими.

В Республике Беларусь термин «свобода» получил свое закрепление и определение в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196⁴, согласно которой «свобода» определена как основополагающее неотъемлемое право человека на выбор варианта поведения, не влекущего за собой ущемления охраняемых законом интересов, прав и свобод других лиц. Из данного определения следует требование о недопущении действий, ущемляющих охраняемые законом интересы, права и свободы других лиц, которое составляет правовое содержание принципа свободы конкуренции.

Следует отметить, что современный этап общественного развития не только допускает государственное регулирование экономики, но и признает его оправданным. Так, в публикации судьи Конституционного суда Республики Беларусь Л.Г. Козыревой отмечено, что «государственное регулирование рынка сложилось исторически и объективно, поскольку любая власть не допускает и не может допустить нерегулируемой, абсолютной свободы в обще-

² Вопленко Н.Н. О содержании принципов права // Принципы права: проблемы теории и практики. М. : РГУП, 2017. С. 74–81.

³ Там же.

⁴ Указ Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Беларусь» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь (дата обращения: 20.08.2023).

ственных отношениях»⁵. Дискуссионным остается вопрос относительно границ и масштаба государственного регулирования такой свободы. Поэтому содержание принципа свободы не предполагает отсутствие государственного регулирования хозяйственной деятельности.

Свобода конкуренции не имеет прямого текстуального закрепления в законодательстве Республики Беларусь, что, по нашему мнению, объясняется комплексной и многогранной природой такого принципа. Однако принцип свободы конкуренции и его содержание могут быть выведены из положений законодательства. При этом важно обратиться к хозяйственно-правовой доктрине свободы конкуренции, представленной публикациями таких авторов, как Н.Л. Бондаренко, В. К. Сидорчук, С.С. Вабищевич, П.В. Гурщенок.

С учетом анализа научных публикаций, а также норм хозяйственного права автором настоящего исследования под принципом свободы конкуренции понимается основополагающее начало и руководящее положение, характеризующее состояние экономической политики государства, общественных отношений в сфере осуществления хозяйственной деятельности и состояние товарных рынков, определяющее характер и пределы реализации конституционного права на осуществление хозяйственной и иной не запрещенной законом деятельности, оказывающей воздействие на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке, и права собственности (как имущественной основы хозяйственной (экономической) деятельности)⁶.

В предлагаемом нами определении заложена идея о том, что в соответствии с принципом свободы конкуренции при регулировании, организации и осуществлении хозяйственной (экономической) деятельности конкуренции отводится ведущая роль в обеспечении всеобщего блага. Такое значение конкуренции в экономике впервые было установлено А. Смитом и в последующем разделялось другими исследователями конкуренции, в том числе представителями отечественной правовой доктрины. «Общественная идея конкуренции состоит в том, — писал Г.Ф. Шершеневич, — что обеспечение личного существования со стороны каждого хозяйства ведет к лучшему обеспечению интересов общества»⁷.

Из данной идеи следует знание о том, что конкуренция способствует рациональному распределению ресурсов и устранению из экономики неэф-

⁵ Козырева Л.Г. Конституционные основы регулирования экономических отношений // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2018. № 1. С. 102.

⁶ Арушаньянц А.Н. Принцип свободы конкуренции в Республике Беларусь: понятие, содержание и пределы // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Минск : Колорград, 2022. Вып. 17. С. 408.

⁷ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права : в 2 т. М. : Статут, 2003. Т. II: Товар. Торговые сделки. С. 101.

фективного, а также обеспечивает внедрение передовых технологий и производств. «Конкурентное окружение побуждает предпринимателей активно внедрять инновации, совершенствовать технологии и рационально использовать ограниченные ресурсы»⁸. Тем самым вполне обоснованно, что «обеспечение условий для развития конкуренции, создания и эффективного функционирования товарных рынков» закреплено в качестве одной из целей правового регулирования хозяйственных (экономических) отношений в преамбуле Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»⁹ (далее — Закон о противодействии монополистической деятельности).

При этом другой стороной конкуренции является знание о том, что в ходе конкуренции хозяйствующие субъекты, преследующие увеличение размера прибыли, не только стремятся к монополизации рынка, но и тем самым способны превысить «разумные» рамки использования природных ресурсов, что требует принятия мер со стороны государственных органов. Для этого на законодательном уровне принимаются меры по противодействию монополистической деятельности: устанавливается запрет на совершение хозяйствующими субъектами тех или иных действий, являющихся монополистической деятельностью и недобросовестной конкуренцией, и последствия совершения таких действий (ст. 18, 20, 21, 25–31 и др.)¹⁰. Превышение «разумных» рамок использования природных ресурсов предотвращается за счет установления требований, границ и пределов осуществления хозяйственной деятельности, которые направлены на обеспечение рационального использования природных ресурсов. В научной литературе в данном случае ведут речь о «социальной ответственности бизнеса».

Из представленных выше идеи и знаний следует, что государством осуществляются формирование и реализация экономической политики с целью обеспечения всеобщего блага, предполагающей осуществление не запрещенной законом хозяйственной деятельности на основе свободного волеизъявления граждан и организаций, ограниченного их социальной ответственностью (Особенно ярко это проявляется в рамках экологического права. — *Прим.*), и формирование условий функционирования товарных рынков, обеспечивающих баланс интересов государства, общества и личности. Об этом свидетельствуют положения ст. 13 и 21 Конституции

⁸ Писенко К.А., Цинделиани И.А., Бадмаев Б.Г., Казарян К.В. Антимонopolное (конкурентное) право : учебник. М. : РГУП, 2015. С. 23.

⁹ Закон Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь (дата обращения: 12.10.2023).

¹⁰ Там же.

Республики Беларусь, в соответствии с которыми каждому гарантируются равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и устанавливаются пределы такой свободы, которые распространяются на государственные органы и одновременно предъявляют требования к хозяйствующим субъектам. Такими требованиями к государственным органам являются конституционное положение о регулировании экономической деятельности в интересах человека и общества и требование о необходимости направления и координации государственной и частной экономической деятельности в социальных целях (ст. 13). Также установлено, что каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21).

Помимо этого, правовое содержание принципа свободы конкуренции составляет конституционное требование осуществления права собственности без нанесения вреда окружающей среде, ущемления прав и законных интересов других лиц (ст. 44).

Таким образом, конституционные положения о свободе использования способностей и имущества для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности предполагают также ограниченный характер такой свободы.

Ограничения, требования и границы осуществления хозяйственной деятельности и свободы конкуренции в целом определяются в Законе о противодействии монополистической деятельности, а также отраслевым законодательством¹¹, в соответствии с которым требования в области охраны окружающей среды определяются как природоохранные требования, требования экологической безопасности и представляют собой предъявляемые к хозяйственной и иной деятельности обязательные условия, ограничения или их совокупность, установленные законами, иными нормативными правовыми актами, в том числе обязательными для соблюдения техническими нормативными правовыми актами в области охраны окружающей среды, нормативами в области охраны окружающей среды (ст. 1 закона об охране окружающей среды)¹².

При анализе положений отраслевого законодательства правовое содержание принципа свободы конкуренции может быть раскрыто следующим образом. Планируемая хозяйственная и иная деятельность презюмируется как экологически опасная (ст. 4). Поэтому законом об охране окружающей среды устанавливается условие осуществления хозяйственной (экономической)

¹¹ Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь (дата обращения: 12.10.2023).

¹² Там же.

деятельности: такая деятельность должна осуществляться с соблюдением требований в области охраны окружающей среды.

Одновременно отметим следующее. «Содержание каждого принципа определяется не только собственным содержанием, но и местом, занимаемым в целостной системе принципов права»¹³. Место принципа свободы конкуренции было проанализировано нами на предыдущем этапе исследования. Здесь отметим только, что развитие идей устойчивого развития на принципах зеленой экономики и некоторая трансформация понимания роли и значения конкуренции в обеспечении всеобщего блага с учетом требования социальной ответственности при осуществлении хозяйственной и иной экономической деятельности, которая предполагает не только учет социальных интересов граждан, но и обеспечение экологической безопасности осуществляемой деятельности, определяют место свободы конкуренции в системе принципов экологизации экономики и социальной сферы следующим образом: принцип свободы конкуренции способен обеспечить реализацию политики зеленой экономики и экологизации социальной сферы за счет обеспечения производства конкурентоспособных «зеленых» товаров и услуг, «зеленых» инноваций, которые (инновации) присущи содержательной сущности конкуренции.

Таким образом, научно обоснованный подход в понимании содержания принципов права позволил раскрыть содержание принципа свободы конкуренции следующим образом. Главной идеей принципа свободы конкуренции является идея о том, что в соответствии с принципом свободы конкуренции при регулировании, организации и осуществлении хозяйственной (экономической) деятельности конкуренции отводится ведущая роль в обеспечении всеобщего блага. Из данной идеи следует знание о том, что конкуренция способствует рациональному распределению ресурсов и устранению из экономики неэффективного, а также обеспечивает внедрение передовых технологий и производств. Из идеи и знаний следует, что государством осуществляются формирование и реализация экономической политики с целью обеспечения всеобщего блага, предполагающей осуществление не запрещенной законом хозяйственной деятельности на основе свободного волеизъявления граждан и организаций, ограниченного их социальной ответственностью, и формирование условий функционирования товарных рынков, обеспечивающих баланс интересов государства, общества и личности. Требование об учете возможных негативных последствий для окружающей среды в процессе осуществления хозяйственной деятельности и принятия необходимых мер для предотвращения негативного вли-

¹³ Симонова М.М. Содержание и значение принципов права в общественных отношениях // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 31.

яния и устранения причиненного ущерба распространяется на субъектов хозяйствования, так как конституционное требование о социальной ответственности каждого касается и хозяйственной деятельности субъектов хозяйствования.

Арушаньянц А.Н.,

научный сотрудник Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
(Республика Беларусь, г. Минск)

Литература

1. Арушаньянц А.Н. Принцип свободы конкуренции в Республике Беларусь: понятие, содержание и пределы / А.Н. Арушаньянц // Право в современном белорусском обществе : сборник научных статей. Вып. 17 / члены редакционной коллегии : О.А. Бакиновская, С.А. Балашенко, Е.С. Бородулькина ; главный редактор Н.А. Карпович. Минск : Колорград, 2022.
2. Вопленко Н.Н. О содержании принципов права / Н.Н. Вопленко // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI международной научно-практической конференции (г. Москва, 18–22 апреля 2016 г.) : сборник научных статей. В 2 частях. Ч. 1 / члены редакционного совета : В.М. Сырых, В.Н. Власенко. Москва : РГУП, 2017.
3. Козырева Л.Г. Конституционные основы регулирования экономических отношений / Л.Г. Козырева // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2018. № 1.
4. Кузнецов Е.Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации / Е.Н. Кузнецов. Москва : Статут, 2022.
5. Писенко К.А. Антимонопольное (конкурентное) право : учебник / К.А. Писенко, И.А. Цинделиани, Б.Г. Бадмаев, К.В. Казарян. Москва : РГУП, 2015.
6. Симонова М.М. Содержание и значение принципов права в общественных отношениях / М.М. Симонова // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37).
7. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. В 2 томах. Т. 2. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич. Москва : Статут, 2003.

К вопросу о совершенствовании проведения общественной экологической экспертизы

Общественная экологическая экспертиза является одной из форм участия общественности в решении экологически значимых вопросов. О.И. Крассовым справедливо отмечено, что общественная экологическая экспертиза не относится к управленческим функциям и является неотъемлемым элементом экологической правоспособности гражданина и общественных организаций¹.

Несмотря на законодательно установленную возможность реализации своего права, общественность не всегда своевременно имеет возможность воспользоваться данным правом: либо уже после принятия положительного заключения государственной экологической экспертизы, либо в процессе реализации намечаемой хозяйственной деятельности. Подобная ситуация искажает цель и назначение общественной экологической экспертизы. Более того, бесспорными основаниями для отказа в удовлетворении требований при оспаривании результатов государственной экологической экспертизы суды считают нарушение общественными организациями законодательного порядка и условий проведения общественной экологической экспертизы². Это диктует необходимость закрепления в законе положения об обязанности общественной организации реализовать свое право на участие в качестве наблюдателей через своих представителей в заседании экспертной комиссии государственной экологической экспертизы либо обратиться к заказчику с заявлением о предоставлении материалов, прежде чем обратиться в суд о признании незаконным заключения государственной экологической экспертизы. В действующем Законе № 174-ФЗ декларируется только право заявителя.

Закрепляя за гражданами и общественными объединениями право выдвигать предложения о проведении общественной экологической экспертизы хозяйственной и иной деятельности, законодательство устанавливает важное условие — реализация этой деятельности должна затрагивать экологические интересы населения, проживающего на данной территории. С учетом прежде всего превентивной функции экологической экспертизы, которая обуславливается ее главной целью — предупреждением негативных последствий возможной неблагоприятной деятельности, направленно-стью на обеспечение экологических прав и интересов граждан; существен-

¹ Крассов О.И. Экологическое право: учебник. 3-е изд., пересм. М.: Норма; ИНФРА-М, 2014. С. 187.

² Определение Верховного Суда РФ от 9 ноября 2020 г. № 308-ЭС20-16739 по делу № А32-27661/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ное значение имеет нормативное закрепление требования об обязательном проведении общественной экологической экспертизы.

В юридической литературе экологическую экспертизу определяют как правовую меру обеспечения выполнения экологических требований при принятии экологически значимых решений, как инструмент поддержания экологического правопорядка, способного обеспечить реализацию и защиту права каждого на благоприятную окружающую среду³. В связи с этим предлагается ст. 3 Федерального закона «Об экологической экспертизе» дополнить принципом обязательности проведения общественной экологической экспертизы объектов регионального уровня, если при их реализации затрагиваются права и интересы граждан, проживающих на данной территории. При этом закрепление критериев определения таких объектов, а также условий, порядка и субъектов финансирования ее проведения в указанных случаях позволит отграничить общественную экологическую экспертизу от государственной экологической экспертизы.

Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе»⁴ (по тексту — Закон № 174-ФЗ) называет объекты общественной экологической экспертизы, правовой статус субъектов, имеющих право ее инициировать и проводить, общие условия ее проведения, а также правовые последствия заключения общественной экологической экспертизы. Однако практика проведения общественной экологической экспертизы подтверждает наличие целого ряда проблем: правовых, организационных и экономических. Отдельные из них предлагаем рассмотреть с позиции сложившейся правоприменительной практики.

Одним из условий проведения общественной экологической экспертизы в соответствии со ст. 23 Закона № 174-ФЗ является обязательная государственная регистрация заявления общественных организаций (объединений) о ее проведении. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (по тексту — Закон № 131-ФЗ) не называет среди вопросов местного значения и полномочий органов местного самоуправления право регистрации соответствующих заявлений. Более того, в большинстве нормативных правовых актах регионального значения об организации местного самоуправления устанавливается исчерпывающий перечень полномочий указанных органов, не включающий полномочия по регистрации заявлений о проведении общественной экологической экспертизы⁵. Это, как правило,

³ Крассов О.И. Экологическое право : учебник. 3-е изд., пересм. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2014. С. 171. СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

⁵ Например, см.: О местном самоуправлении в Республике Татарстан : Закон Республики Татарстан от 28 июля 2004 г. № 45-ЗРТ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/423979247>; Об организации местного самоуправления в Санкт-Петербурге : Закон Санкт-Петербурга от 23 сентября 2009 г. № 420-79. URL: <https://docs.cntd.ru/document/891818221?section=status>

в большинстве случаев является поводом для отказа в регистрации заявлений. Однако есть положительные примеры утвержденных регламентов предоставления муниципальных услуг по организации общественных экологических экспертиз на территории муниципальных районов⁶.

В этом аспекте необходимо коррелировать положения Закона № 174-ФЗ и Закона № 131-ФЗ, учитывая их равнозначность по юридической силе.

Важно детализировать ст. 23 закона в части «территориальной подведомственности» подачи такого рода заявлений: по месту нахождения общественной организации, иницилирующей либо планирующей проведение общественной экологической экспертизы, либо по месту нахождения непосредственно объекта экспертизы.

Установление органами местного самоуправления сроков проведения общественной экологической экспертизы не обосновано с точки зрения того, что закон вообще не устанавливает конкретных сроков проведения данного вида экспертизы.

Условие о необходимости проведения общественной экологической экспертизы до проведения государственной либо одновременно с ней не коррелирует с имеющимися у «общественности» возможностями и лишает права на участие в принятии экологически значимых решений, что не соответствует основным принципам в сфере охраны окружающей среды, закрепленным в ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Во-первых, в настоящее время не детализируются способы извещения населения о проведении общественной экологической экспертизы, отсутствует реестр планируемых к проведению либо начатых государственных экологических экспертиз. На официальных сайтах территориальных органов Росприроднадзора и отдельных региональных органов представлены реестры уже выданных заключений государственной экологической экспертизы в виде информационных справок⁷. Считаем, что публикация о проведении государственной экологической экспертизы должна

⁶ Об утверждении Административного регламента по предоставлению муниципальной услуги «Государственная регистрация заявлений общественных организаций (объединений) о проведении общественной экологической экспертизы на территории муниципального образования»: Постановление Администрации муниципального образования «Сарапульский район» от 29 июля 2016 г. № 949. URL: <https://base.garant.ru/15761684/>; Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги «Организация по требованию населения общественных экологических экспертиз»: Постановление Администрации Ленинского муниципального района Московской области от 16 августа 2016 г. № 2868. URL: <https://www.gosuslugi.ru/404469/1/info/>; Об утверждении административного регламента предоставления муниципальной услуги по организации по требованию населения общественных экологических экспертиз в муниципальном районе: Постановление Администрации Шимского муниципального района от 13 августа 2018 г. № 1003. URL: <http://шимский.рф/?p=25640>; и др.

⁷ Например, см.: URL: <https://rpn.gov.ru/regions/38/gov-services/gov-eco-exp/>; <https://mep.mosreg.ru/dokumenty/informaciya-i-statistika/>

быть в официальном издании, доступном для ознакомления с этой информацией общественности. Во-вторых, заказчики в добровольном порядке не предоставляют материалы экспертизы для проведения общественной экологической экспертизы, что порождает обращение в суд об истребовании соответствующих документов, притом что оснований для отказа нет, даже если имеется утвержденное заключение государственной экологической экспертизы. В большинстве случаев основанием для такого отказа является реализация объекта, сведения о котором составляют государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну.

Таким образом, ознакомление общественности с материалами, представленными на государственную экологическую экспертизу, чаще всего происходит в судебном порядке, что приводит к затягиванию всего процесса обжалования результатов общественной экологической экспертизы и невозможности ее проведения в соответствии с установленными законом условиями. Многочисленные примеры судебной практики подтверждают разность подходов судей по рассмотрению требований о признании незаконным бездействия, выразившегося в непредставлении материалов проектной документации по объекту, подлежащему государственной экологической экспертизе⁸.

Значимым вопросом является обязательность утверждения заключения общественной экологической экспертизы федеральным органом исполнительной власти в области экологической экспертизы или органом государственной власти субъекта Российской Федерации. Без соответствующего утверждения заключение общественной экологической экспертизы носит лишь рекомендательный характер, что, по мнению М.М. Бринчука, практически на нет сводит процедуру общественной экологической экспертизы, так как для общественной организации, которая была бы в состоянии провести экологическую экспертизу, нереально заранее получить информацию о готовящейся государственной экологической экспертизе, для того чтобы успеть провести свою экспертизу до государственной или одновременно с ней⁹. С одной стороны, законом установлена возможность придания заключению общественной экологической экспертизы юридической силы, с другой — отсутствие установленного законом порядка такого утверждения не позволяет осуществлять это на практике. Суды заняли единую позицию и отказывают в удовлетворении исковых требований общественности к Росприроднадзору о регистрации и утверждении заключений общественной экологической экспертизы, ссылаясь на отсутствие установленного порядка, способа, формата

⁸ Решение Арбитражного суда Московской области от 1 июня 2018 г. по делу № А41-14618/18; Постановление Десятого Арбитражного Апелляционного суда от 2 августа 2018 г. по делу №А41-14618/18; Определение Верховного Суда РФ от 22 апреля 2019 г. № 305-ЭС19-5706. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-22042019-n-305-es19-5706-po-delu-n-a41-146182018/>

⁹ См.: Бринчук М.М. Проблемы методологии экологического права. На правах рукописи. С. 55.

передачи и состава документов, необходимых для утверждения общественной экологической экспертизы, а также отсутствие соответствующих на это полномочий у Росприроднадзора¹⁰.

В отдельных субъектах Российской Федерации разработаны и действуют собственные акты, закрепляющие обязанности по утверждению заключения общественной экологической экспертизы. Так, Министерство экологии и природопользования Московской области предоставляет государственную услугу¹¹ по утверждению заключения общественной экологической экспертизы¹²; аналогичный регламент в отношении объектов экологической экспертизы регионального уровня разработан Комитетом природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области¹³.

В этом аспекте уместен вопрос: какие последствия утвержденного заключения общественной экологической экспертизы? Закон не предусматривает по этому основанию возможность отмены результатов государственной экологической экспертизы, более того, отсутствует возможность признания их незаконными. В доктрине относительно придания «юридической силы» не сложилось однозначного понимания. Видится декларативный подход и законодателя к подобному утверждению заключения общественной экологической экспертизы. Общепринято, что категория «юридическая сила» определяется правовыми последствиями и связана с определенными условиями. В отношении заключения общественной экологической экспертизы таких условий два: проведение ее до дня окончания срока государственной экологической экспертизы и в отношении того же объекта. Если относительно второго условия складывается однозначное понимание, то провести общественную экологическую экспертизу до окончания срока проведения государственной практически не представляется возможным.

Пункт 3 ст. 25 Закона № 174-ФЗ в качестве таких последствий называет только применение мер ответственности к руководителю и членам экспертной комиссии общественной экологической экспертизы. В качестве одно-

¹⁰ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2022 г. № 88А-17079/2022; Апелляционное определение Московского городского суда от 21 декабря 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Официальный интернет-портал государственных услуг. URL: <https://www.gosuslugi.ru/165707/1/info>

¹² Административный регламент предоставления Министерством экологии и природопользования Московской области услуги по утверждению заключений общественной экологической экспертизы : распоряжение Министерства экологии и природопользования Московской области от 26 декабря 2013 г. № 641-ПМ. URL: <https://mep.mosreg.ru/dokumenty/>

¹³ Об утверждении Административного регламента Комитета природных ресурсов, лесного хозяйства и экологии Волгоградской области по предоставлению государственной услуги по утверждению заключения общественной экологической экспертизы объектов регионального уровня : приказ от 11 сентября 2019 г. № 2370. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561543701>

го из последствий признания юридической силы заключения общественной экологической экспертизы нередко предлагается закрепить в законе отказ заказчика от реализации планируемой хозяйственной и иной деятельности, на проект которой получено положительное заключение государственной экологической экспертизы. Однако это противоречит сущности и назначению государственной экологической экспертизы. В этой связи предлагается на законодательном уровне закрепить обязанность как заказчика, так и органа государственной власти, осуществляющего соответствующие полномочия, предоставить материалы для повторного проведения государственной экологической экспертизы. При этом действие положительного заключения государственной экологической экспертизы должно быть приостановлено. Соответственно, в уточнении нуждается п. 8 ст. 14 Закона № 174-ФЗ, закрепляющий возможность повторного проведения государственной экологической экспертизы только на основании решения суда или арбитражного суда.

Не менее спорным является вопрос о возможности проведения общественных слушаний по проектной документации, по которой ранее уже было утверждено отрицательное заключение государственной экологической экспертизы. В этом аспекте необходимо уточнить положения ст. 21 Закона № 174-ФЗ в части включения в перечень объектов общественной экологической экспертизы доработанного (измененного после устранения недостатков) проекта государственной экологической экспертизы.

В практике встречаются случаи, когда объект, на который имеется положительное заключение государственной экологической экспертизы, уже реализован, в то время как процесс оспаривания такого заключения не завершен. Считаем, что на законодательном уровне необходимо закрепить положение о возможном приостановлении реализации объекта государственной экологической экспертизы, на которое имеется положительное заключение, до принятия решения судом (арбитражным судом) в результате обжалования такого заключения. В этом аспекте положительно должно быть оценено ужесточение мер ответственности привлекаемых экспертов, в том числе и возможность привлечения их к ответственности за «последующее» негативное воздействие от реализации того объекта, на который ими было представлено положительное заключение. Это требует внесения изменений в порядок проведения государственной экологической экспертизы в части осуществления контроля за реализацией объекта как необходимой и заключительной стадии всего процесса, а также наделением соответствующими полномочиями федеральных и региональных органов.

В настоящее время Государственной Думой ФС РФ одобрен и принят в первом чтении (24 ноября 2022 г.) законопроект «О внесении изменений в Федеральный закон “Об экологической экспертизе” (в части совершенство-

вания правового регулирования проведения экологической экспертизы»¹⁴. В законопроекте предлагается решение отдельных вопросов относительно аттестации привлекаемых экспертов, субъектов, имеющих право инициировать проведение общественной экологической экспертизы, а также запрета на передачу экспертами документации по проводимой экспертизе третьим лицам. Подобные нововведения, с одной стороны, ограничивают предоставленное законом право на участие общественности в решении экологически значимых вопросов, с другой — в определенной степени позволяют усилить контроль за осуществлением экологической экспертизы. Однако, насколько это будет эффективно для достижения общей цели — реализации права граждан на благоприятную окружающую среду, покажет будущая правоприменительная практика.

Жочкина И.Н.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Научного исследовательского Мордовского государственного университета
имени Н.П. Огарева,
кандидат юридических наук
(Республика Мордовия, г. Саранск)

Литература

1. Бринчук М.М. Проблемы методологии экологического права / М.М. Бринчук. URL: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/Brinchuk_Problemi_metodologii_Ecolog_prava.pdf.
2. Крассов О.И. Экологическое право : учебник / О.И. Крассов. 3-е изд., пересм. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014.

¹⁴ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/196416-8>

О важности частной инициативы в ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде

Несовершенство правового регулирования, контроля и надзора в сфере экологии (в том числе и в ретроспективном аспекте) находит проявление в возникновении объектов накопленного вреда окружающей среде. При этом необходимо согласиться с особой значимостью их ликвидации с целью минимизации негативного воздействия, возникшего в результате складирования отходов прошлой экономической деятельности¹.

Деятельность по выявлению объектов накопленного вреда окружающей среде осуществляется путем проведения работ по инвентаризации территорий и акваторий, на которых²:

- в прошлом осуществлялась экономическая и иная деятельность;
- расположены бесхозные объекты капитального строительства и объекты размещения отходов.

Организацию работ по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде вправе осуществлять органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления. В случаях, установленных Правительством РФ, организацию работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде проводит федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий государственное управление в области охраны окружающей среды³.

Следовательно, действующее отечественное законодательство в качестве единственно возможного правового инструмента, обеспечивающего ликвидацию накопленного вреда окружающей среде, предусматривает государственный (муниципальный) контракт для обеспечения государственных и муниципальных нужд⁴.

¹ Хлуденева Н.И. О правовых особенностях ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2020. № 1. С. 18.

² Правовое регулирование возмещения экологического вреда : науч.-практ. пособие / С.А. Боголюбов, Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук [и др.] ; отв. ред. Н.В. Кичигин. М. : ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022. С. 208.

³ Постановление Правительства РФ от 4 мая 2018 г. № 542 (ред. от 25.12.2019) «Об утверждении Правил организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2836.

⁴ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

Подобная конструкция обеспечивает наиболее эффективный контроль за проводимыми мероприятиями по ликвидации накопленного экологического вреда, однако не позволяет добиться необходимых масштабов приведения в порядок земель, подверженных экологическому вреду прошлой экономической деятельностью.

Необходимо привлечение к выполнению задач общественного значения хозяйствующих субъектов, заинтересованных в ликвидации накопленного вреда окружающей среде. Что требует предоставления особых финансовых гарантий со стороны государства, которые обеспечили бы нужное компенсационное финансирование в рамках отношений государственно-частного партнерства. Однако, к сожалению, подобное сотрудничество на данный момент не представляется возможным в связи с отсутствием его правовой регламентации⁵.

В теории наиболее применимым из существующих механизмов государственно-частного партнерства в вопросах ликвидации накопленного вреда окружающей среде является институт концессий. Данный экономико-правовой механизм в современных рыночных условиях является важнейшим средством вовлечения частной инициативы в решение публичных задач, имеющих особое социальное значение. Концессия является средством привлечения частного капитала в те сферы публичной собственности, приватизация которых невозможна по социально-политическим, стратегическим и иным мотивам⁶. То есть в результате данного сотрудничества должна сохраняться государственная (муниципальная) собственность на земельный участок, на котором были проведены мероприятия по ликвидации накопленного вреда окружающей среде. Интерес у хозяйствующего субъекта должен заключаться в самом процессе осуществления мероприятий по восстановлению первоначального состояния природного объекта, а также в попутном извлечении полезных свойств из самих отходов прошлой экономической деятельности.

Кто на данный момент заинтересован в поиске и дальнейшей переработке «ценных отходов»? Ответ на данный вопрос можно найти в различных «народных» ютуб-каналах⁷. Существует теневой сектор экономики по поиску и продаже различных цветных, черных металлов и т.д. В результате СВО и недружественных санкций западных стран произошел не только существенный рост выпуска военной продукции, но и широкого спектра промышленных товаров в рамках импортозамещения. Все это привело к существенному удоро-

⁵ Актуальные проблемы выявления, учета, категорирования и ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде / Е.А. Пичугин, М.В. Черепанов, Е.В. Симакова, Б.Е. Шенфельд // Проблемы региональной экологии. 2021. № 6. С. 115.

⁶ Кодрян Е.С. Преимущества концессии в сравнении с другими формами государственно-частного партнерства // Сервис+, 2017. № 2. С. 111.

⁷ URL: <https://www.youtube.com/@plastilin3869> (дата обращения: 05.11.2023).

жанию строительных и промышленных ресурсов. Например, цена за чистый алюминий (кабельный без каких-либо посторонних материалов и примесей) составляет 195 000 руб. за тонну⁸. Как следствие, сейчас имеет место тенденция развития еще большей кооперации «отходных промысловиков», доходность бизнеса которых позволяет увеличивать масштабы поиска отходных ресурсов. Однако данная деятельность ограничивается «разработанностью» доступных территорий.

Таким образом, «промысловики» сами заинтересованы в разработке объектов накопленного вреда с целью поиска в отходах необходимых цветных, черных и иных редкоземельных металлов. Объекты накопленного вреда зачастую являются режимными объектами закрытого доступа, что существенно ограничивает возможность осуществления поисковой деятельности отходов прошлой экономической деятельности, имеющих особенную материальную ценность. Благо, за десятилетия советской власти образовалось множество объектов накопленного вреда как памятников бесхозяйственности, оставленных на «прокормление» будущим поколениям.

Особым интересом с точки зрения «отходных промысловиков» характеризуются заброшенные воинские части, свалки твердых бытовых отходов и оставленные промышленные объекты добывающей промышленности. При этом представление о том, что искателей интересует только промышленный чермет, является ошибочным. Гаражная экономика в последнее время перестроилась на извлечение драгоценных металлов из электронных отходов или даже фотоотбросов (в рентгеновских снимках содержится серебро).

Именно поэтому важен переход от монополии публичных органов в сфере ликвидации накопленного вреда окружающей среде к механизму концессионного сотрудничества государства с объединениями «отходных промысловиков».

Данная концепция государственно-частного сотрудничества должна основываться в том числе и на положениях Федерального закона № 115-ФЗ⁹. А именно за основу необходимо взять договорную модель соглашения о концессии. Ее интерпретированная вариация должна основываться на следующем: концессионер вправе осуществлять добычу необходимых ресурсов из отходов при обязанности ликвидации накопленного вреда в объекте концессии, который находится и будет находиться в собственности концедента.

Бюджетным кодексом РФ¹⁰ регулируется порядок предоставления субсидий юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам, а также бюджетных инвестиций в объекты публичной собственности

⁸ Сайт «Сити Лом». URL: <https://citylom.ru/price-list> (дата обращения: 05.11.2023).

⁹ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3126.

¹⁰ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

в соответствии с концессионными соглашениями. При этом концессионные соглашения заключаются в порядке, определенном законодательством РФ о концессионных соглашениях¹¹.

В число обязательных условий концессионного соглашения необходимо включить следующие:

1) обязанность концессионера по обеспечению работ, направленных на ликвидацию объектов накопленного вреда окружающей среде:

- проведение мероприятий (заранее разработанных и утвержденных концедентом) по обследованию территории, проведение необходимых инженерных изысканий;

- выполнение работ в соответствии с проектом по ликвидации накопленного вреда окружающей среде;

- проведение рекультивационных работ;

2) обязанности концедента в лице органов публичной власти:

- проведение мероприятий по обследованию объектов накопленного вреда, а также инженерных изысканий;

- разработка и утверждение плана ликвидации объектов накопленного вреда;

- согласование и утверждение возможных изъятий концессионером отходов, имеющих для него материальную ценность;

- контроль и приемку выполненных работ.

Права и обязанности участников концессионного соглашения о ликвидации объектов накопленного вреда, а также порядок организации данных работ должны быть утверждены отдельным постановлением правительством РФ.

В данном акте необходимо учесть баланс частных и государственных интересов как с точки зрения учета мнения Российского союза промышленников и предпринимателей, так и с точки зрения обязательной разработки проекта постановления Правительства «Об утверждении Порядка организации работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в рамках концессионного соглашения» Министерством природы РФ.

Нормотворческое участие перечисленных выше организаций необходимо для определения правильной последовательности и должного содержания действий в рамках подготовки и проведения работ по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде, полноты оформления и документирования их результатов.

При этом очевидной является необходимость отнесения к обязанностям концедента проведения первичных обследований и инженерных изысканий, которые позволяют получить необходимые данные об объекте накоплен-

¹¹ Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. 2005. № 30 (часть II). Ст. 3126.

ного вреда окружающей среде, без которых невозможна последующая подготовка проекта по ликвидации накопленного вреда. Данный проект должен быть разработан публичными органами, к которым отнесены контрольные полномочия. Более того, важно минимизировать проектные издержки для концессионеров. Сама процедура должна быть открытой, соответствовать возможностям потенциальных «отходных промысловиков», которых могут отпугнуть процедурные барьеры.

При этом участие «отходных промысловиков» в концессионных соглашениях является первостепенным, поскольку только они могут обеспечить вторичное использование отходов, хранящихся на участках объектов накопленного вреда.

К обязанности публичных органов, разрабатывающих проект по ликвидации накопленного вреда, необходимо отнести предоставление следующей информации:

- о нарушенных свойствах компонентов природной среды;
- о фактических значениях физических, химических, биологических показателей состояния компонентов природной среды, фоновых значениях на прилегающей к объекту накопленного вреда территории;
- об объеме нарушений, выявленных в ходе проведения мониторинга, данных о проведенных ранее полевых и лабораторных исследованиях.

Непосредственно сам проект работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде, на основании которого будет осуществляться будущая деятельность концессионера, должен включать:

1. Пояснительную записку, которая должна содержать всю информацию об объекте накопленного вреда окружающей среде (в том числе и все геохимические характеристики); все сведения, выявленные в результате предварительного обследования, — о месторасположении, площади, источнике и характере нарушения окружающей среды.

2. Эколого-экономическое обоснование предлагаемых мероприятий и технических решений по ликвидации накопленного вреда, описание требований к параметрам и качественным характеристикам работ по ликвидации накопленного вреда, обоснование достижения запланированных значений физических, химических, биологических показателей состояния окружающей среды и (или) их совокупности по окончании работ.

3. Содержание, объемы и временной график работ по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде с разбивкой по этапам проведения отдельных видов работ.

4. Сметные расчеты (локальные и сводные) затрат на проведение работ по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде (для каждого этапа работ), финансируемых с привлечением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

5. Мероприятия по обеспечению безопасности производства работ и охране труда. Проекты работ по ликвидации накопленного вреда в рамках концессионных соглашений должны разрабатываться и утверждаться компетентными органами публичной власти. При этом не должно исключаться право концессионера, на которого возлагаются обязанности по выполнению работ по ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде, вносить собственные предложения относительно регламентации правил безопасности и охраны труда.

6. Указание на возможность концессионера производить забор отходов, имеющих для него ценность с целью дальнейшего вторичного использования в своих коммерческих целях.

Важно также установить крайний допустимый срок согласования проектов — не более 30 дней (исчисление должно производиться с даты поступления на согласование конкретных предложений).

Следует закрепить возможность отказа концедентом согласования проектов работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде в рамках концессионного соглашения в случае явного несоответствия этого проекта установленным требованиям. В решении органа власти об отказе в согласовании проектов работ должны приводиться как обоснование отказа, так и рекомендации по доработке таких проектов.

После устранения причин отказа проекты могут представляться на повторное согласование.

Приемка работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде должна считаться согласованной при наличии специального акта о приемке работ, который составляется и подписывается концессионером и концедентом.

К акту о приемке работ должны прилагаться следующие материалы:

1. Пояснительная записка о проведенных работах по ликвидации накопленного вреда.

2. Копии договоров с подрядными и проектными организациями в случае, если работы были выполнены такими организациями полностью или частично, акты приемки выполненных работ по договору.

3. Финансовые документы, подтверждающие проведение работ, закупку материалов, оборудования, материально-технических средств.

4. Данные о фактическом состоянии окружающей среды, в том числе достигнутых значениях физических, химических, биологических и иных показателей на территории объекта накопленного вреда.

5. Иные документы, подтверждающие выполнение работ по ликвидации накопленного вреда.

Таким образом, разработка и последующее внедрение механизма концессионных соглашений в сфере ликвидации накопленного вреда окружа-

ющей среде должно интенсифицировать «освобождение» земельных участков, имеющих особое экономическое и социальное значение, от отходов прошлой антропогенной деятельности. При этом развитие концессионных соглашений в этой сфере будет способствовать «легализации» вторичного использования отходов, имеющих особую экономическую ценность для различных сфер отечественной промышленности.

Копылов В.П.,

аспирант отдела аграрного и экологического права
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
(г. Москва)

Литература

1. Геохимия окружающей среды / Ю.Е. Саэт, Б.А. Ревич, Е.П. Янин [и др.]. Москва : Недра, 1990.
2. Иванова А.Л. Возмещение экологического вреда: сравнительно-правовой анализ европейского, немецкого и российского права : диссертация кандидата юридических наук / А.Л. Иванова. Москва, 2006.
3. Пичугин А.М. Актуальные проблемы выявления, учета, категорирования и ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде / А.М. Пичугин, М.В. Черепанов, Е.В. Симакова // Проблемы региональной экологии. 2021. № 6.
4. Правовое регулирование возмещения экологического вреда : научно-практическое пособие / С.А. Боголюбов, Е.С. Болтанова, М.М. Бринчук [и др.] ; ответственный редактор Н.В. Кичигин. Москва : ИНФРА-М : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2022.

Стратегия сохранения уникальной экологической системы озера Байкал в условиях климатических изменений

Значение водных объектов в поддержании естественных экологических процессов невозможно переоценить, они, как артерии, питают планету, поддерживая состояние обособленных экосистем и видовое разнообразие растительного и животного мира на планете.

Изменение климата является одним из наиболее непредсказуемых и опасных вызовов XXI в., который выходит за рамки научных дискуссий и представляет собой комплексную междисциплинарную проблему, охватывающую экологические, экономические, социальные аспекты, требующую разрешения посредством эффективных правовых механизмов, основанных на научных знаниях. Ожидаемое изменение климата неизбежно отразится на жизни людей, состоянии животного и растительного мира во всех регионах планеты, а в некоторых из них станет ощутимой угрозой благополучию населения и устойчивому развитию. Одним из его последствий является таяние ледников и пересыхание естественных водоемов и, как следствие, сокращение доступных человечеству запасов воды. Результаты экологического мониторинга свидетельствуют о сокращении запасов пресной воды в России на 20% за последние 10 лет. Также быстро ухудшаются доступность и качество воды¹.

Человек, вносящий оценивающий смысл в природу, имеет особенность повышать ее ценность по мере накапливаемых проблем. Обозначенные угрозы обуславливают возрастающую ценность естественных природных объектов, сосредоточивших стратегический запас пресной питьевой воды для населения российского государства и всего человечества.

Благодаря внутриконтинентальному положению и особенностям атмосферных процессов климат вокруг озера Байкал отличается холодной, продолжительной зимой и коротким, но относительно теплым летом. Низкие температуры толщи воды озера формируют атмосферные особенности и своеобразным куполом укрывают прилегающую к нему территорию со всеми ее обитателями, охраняя ее от прогрессирующего развития изменений климата.

Существуют научные гипотезы массовой миграции в условиях поднимающихся температур животных и людей в Сибирские регионы.

¹ Материалы выступления руководителя представительства Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) в России Владимира Мошкало на пресс-конференции ТАСС «Вода для жизни. Вода для продовольствия», посвященной Всемирному дню продовольствия. URL: <http://tass.ru/> (дата обращения: 20.10.2023).

Значение сохранения естественной экологической системы озера Байкал в условиях происходящих изменений на мировой арене приобретает дополнительные смыслы — как основополагающей ценности, стратегически важного ресурса, условия национальной безопасности и экономической обособленности России.

Обозначенные тенденции все больше заставляют задумываться о важности научного наблюдения за колебанием температур вод озера Байкал. В научных трудах неоднократно отмечался рост температуры поверхностного слоя воды. За последние десятилетия средняя температура его поверхностных вод повысилась более чем на один градус. Обостряется проблема современных изменений в уникальной экосистеме озера и реакции водной толщи на глобальное потепление даже при сохранении средних температур глубинных слоев².

Центральная экологическая зона, по границам которой определена территория объекта, включенного в Список объектов всемирного наследия, является индикаторной, где биологические сообщества быстро реагируют на изменения экосистем, в том числе поступление органических веществ. Температура среды является важным физическим фактором, определяющим не только интенсивность развития, но и возможность существования микроорганизмов. В прибрежной зоне происходит постепенное замещение эндемичных видов космополитами, то есть повсеместно распространенными, живущими во многих водоемах.

Ученые отмечают «зеленые приливы» — то есть изменение баланса азота и фосфора в воде. И это способствует массовому цветению водорослей в толще воды Байкала, что способствует замене эндемичной естественной системы очистки вод озера на обычно свойственную озерам экологическую систему³.

Температура окружающей среды является значимым физическим фактором, оказывающим влияние не только на среду, интенсивность развития, воспроизводства, но и вероятность стабильного существования микроорганизмов. Анализ государственных докладов о состоянии озера показывает возрастающий уровень водности озера и положительную динамику температур поверхностных слоев, а также их влияние на ихтиофауну и экосистемные связи озера. Также необходимо отметить многоводный период озера Байкал, не свойственный и не учтенный при проектируемой застройке населенных пунктов, расположенных как на побережье самого озера, так и на реке Ангаре по каскаду ГЭС.

² Намсараев Б.Б. Влияние температуры на активность микробного сообщества озера // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 3. С. 63–66.

³ Материалы интервью кандидата биологических наук, старшего научного сотрудника кафедры общей экологии и гидробиологии биологического факультета МГУ М. Колобова по результатам экологической экспедиции Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Института проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН, Московского физико-технического института. URL: <http://www.irk.ru/news/articles/20230901/baikal/> (дата обращения: 20.10.2023).

В 2021 году средняя годовая температура воздуха в пределах БПТ превысила многолетние значения за счет значительных положительных температурных аномалий, отмечавшихся большую часть года. Наибольшие положительные аномалии наблюдались в осенний и зимний периоды на территории Республики Бурятия. Фиксируется более ранний в сравнении со средними многолетними значениями устойчивый переход средней суточной температуры воздуха через 0 °C в сторону повышения на территории всех субъектов РФ, входящих в БПТ. Также отмечен более поздний переход средней суточной температуры воздуха через 0 °C в сторону понижения в сравнении со средними многолетними значениями. В теплый период года частые смещения циклонов обусловили преобладание теплой, неустойчивой, дождливой погоды, с сильными порывами ветра, что способствовало формированию опасных метеорологических явлений.

Значительному количеству байкальских эндемиков, например, байкальской нерпе, байкальскому омулю, рачку эпишура для выживания важно сохранение низких температур вод озера. При прогреве мелководных заливов они перемещаются в более холодные, глубинные части озера⁴. Необходимо отметить, что озеро обеспечивает и ограничение температурных колебаний воздушных масс на прилегающей территории, защищая их от влияния климатических изменений и обеспечивая условия обитания живых организмов.

Поэтому особое значение имеет сохранение температуры вод как для сохранения уникальности экологической системы озера, так и для поддержания естественного природного защитного барьера окружающей его территории от климатических изменений.

В соответствии с Климатической доктриной Российской Федерации, утвержденной Указом Президента 26 октября 2023 г. № 812, проблемы, связанные с изменением климата, не могут быть разрешены посредством только научных методов. В подобных ситуациях найти баланс возможно лишь в рамках политического процесса⁵.

К основным задачам климатической политики отнесены своевременные выявление и оценка связанных с изменением климата угроз устойчивому развитию и безопасности Российской Федерации, включая угрозы обороноспособности, экономике, окружающей среде, жизни и здоровью граждан.

Предстоит непростая задача достижения баланса между эффективностью экономики, социальной справедливостью и устранением потенциальных конфликтов интересов в связи с экстремальными проявлениями изменения климата. Указанный баланс при изложенной тенденции повышения температур видится недостижимым без правовых ограничений челове-

⁴ Пислегина Е.В. Динамика биомассы фитопланктона, эпишуры и циклопа в годы максимальной численности последних в пелагиали Южного Байкала // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Биология. Экология. 2013. Т. 6. № 3-2. С. 100–104.

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.10.2023).

ской деятельности и природопользования в целях стратегического сохранения наиболее важных объектов. Необходимо отметить, что сохранение экологической системы озера Байкал является стратегической целью правоприменения и правового поведения субъектов общественных отношений, которая обеспечивается обширной и развитой системой юридических прав и обязанностей, а также запретов⁶.

Таким образом, сохранение озера Байкал является целью правового регулирования, которая должна достигаться эффективной системой юридических норм. Разрешение обозначенных проблем почти невозможно без сохранения лесов, выполняющих защитные функции для охраны водных объектов.

В условиях возрастающей интенсивности климатических изменений видится целесообразным включение сохранения озера Байкал в качестве ключевой долгосрочной цели климатической политики. Ценность сохранения экологической системы озера показывает необходимость усиления правового режима охраны озера, особой защиты участков лесов, произрастающих в границах объекта всемирного природного наследия, определенного по границам центральной экологической зоны Байкальской природной территории. В качестве одной из возможных альтернатив предлагается законодательное закрепление обязательности экологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, регулирующих правовой режим озера Байкал и прилегающих в нему территорий.

Мальханова Е.В.,

старший преподаватель кафедры гражданского права

Восточно-Сибирского филиала

Российского государственного университета правосудия,

старший помощник Байкальского межрегионального

природоохранного прокурора по обеспечению участия прокуроров

в гражданском и арбитражном процессе в отставке,

старший советник юстиции

(г. Иркутск)

Литература

1. Намсараев Б.Б. Влияние температуры на активность микробного сообщества озера Байкал / Б.Б. Намсараев, О.П. Дагурова, В.П. Гаранкина // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 3.
2. Пислегина Е.В. Динамика биомассы фитопланктона, эпишуры и циклопа в годы максимальной численности последних в пелагиали Южного Байкала / Е.В. Пислегина // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Биология. Экология. 2013. Т. 6. № 3–2.
3. Цинцадзе Н.С. Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права / Н.С. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (130).

⁶ Цинцадзе Н.С. Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2 (130). С. 189–194.

Российская Конституция и эволюция федеративных отношений в сфере использования природных ресурсов

Важную роль в федеративном правовом государстве выполняет Конституция. Федеральная Конституция, сохраняя характеристики всех унитарных конституций, выступает договором между суверенными субъектами (ч. 3 ст. 11 Конституции РФ). Так, Федеративный договор от 31 марта 1992 г.¹ сыграл огромную роль в укреплении федеративных отношений на территории Российской Федерации на первоначальном этапе их становления. В частности, на основании указанного федеративного договора был заключен Договор Российской Федерации и Республики Татарстан о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан². В этом период законодательство республик (государств) содержало массив нормативных правовых актов, регулирующих земельные отношения³.

Существенным фактором, определяющим функционирование федерализма на практике, является толкование и применение конституционных норм и принципов, к примеру, в сфере законодательной инициативы. Согласно позиции Конституционного Суда России, изложенной в Постановлении от 7 июня 2000 г. № 10-П, «по смыслу статьи 73 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 3, 4, 5, 11, 71, 72 и 76 вся полнота государственной власти республики как субъекта Российской Федерации в указанных пределах не означает, что такую власть она осуществляет в качестве суверенного государства, поскольку соответствующие полномочия и предметы ведения, в сфере которых они реализуются, проистекают

¹ Федеративный договор от 31 марта 1992 г. «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации» // Федеративный договор: Документы. Комментарий. М., 1994.

² Вестник ВАС. 1994. № 6.

³ Постановление ВС РТ от 19 апреля 1991 г. № 839-XIII «О введении в действие Закона РТ «О земельной реформе»»; Указ Президента Республики Татарстан № УП-41 от 26 января 1993 г. «О регулировании арендных отношений и приватизации имущества государственных и коммунальных предприятий, сданного в аренду»; Указ Президента Республики Татарстан от 15 сентября 1993 г. «О дополнительных мерах по урегулированию арендных отношений в РТ»; Республиканская программа проведения земельной реформы на территории ТАССР, утвержденная постановлением КМ РТ от 7 августа 1991 г. № 346; Закон Республики Татарстан от 9 февраля 1994 г. № 2079-XII «Об административной ответственности за нарушение земельного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

не из волеизъявления республик, а из Конституции Российской Федерации как высшего акта суверенной власти всего многонационального народа России»⁴.

Ряд ученых⁵ сходятся во мнении о том, что в целом договоры стали вынужденной уступкой со стороны федерального центра во избежание серьезных конфликтов и сепаратистских тенденций⁶.

Возможно ли применение традиционного представления к федерациям, образованным после распада СССР?

С одной стороны, при обращении к основополагающим принципам в сфере фундаментальных экологических прав граждан Российской Федерации, закрепленных в ст. 42 Конституции РФ, конституционный документ как договор с правительствами субъектов Российской Федерации не выходит на первый план. С другой же стороны, если рассматривать федеральную Конституцию с классических позиций, то в вопросах распределения полномочий и функций между Федерацией и ее составными частями договор приобретает особое значение. Такое распределение не только удобство, но и воплощение теоретического и практического разделения суверенитета, который должен за собой влечь федерализм.

Вместе с тем применение традиционного представления к федерациям, образованным путем разъединения, напрямую невозможно. Поскольку создание республик (государств) с четко определенным Конституцией РФ суверенитетом носит особый характер. И здесь крайне важно соблюдение федерального равновесия или федерального баланса, заложенного Конституцией РФ, в части законодательной компетенции в сфере использования природных ресурсов.

Конституционное разделение властей предполагает предоставление Российской Федерации обширной исключительной компетенции. Так, ст. 36 Конституции установлено, что условия и порядок пользования землей определяются на основе только федерального закона. И в этой связи принятый в 2001 г. Земельный кодекс РФ⁷ по своему назначению схож с рамочным законодательством, где главными целями подобного рода законов являются сокращение самостоятельности субъектов РФ и установление дополнительного контроля над ними.

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

⁵ Хабриева Т.Я. Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации // Право и экономика. 2003. № 9. С. 32–39.

⁶ Чертков А.Н., Кистринова О.В. Договорный аспект разграничения полномочий в Российской Федерации: история и современность // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 19.

⁷ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

Разграничение предметов ведения и полномочий является проблемной сферой, несмотря на то, что ст. 72 Конституции относит вопросы владения, пользования и распоряжения землей к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (подп. «в» ч. 1).

В силу ст. 9 Конституции РФ природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности именно тех народов, которые проживают на соответствующей территории. Яркий пример тому ст. 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса РФ», в силу которой органам местного самоуправления делегировано право распоряжения земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена.

Аналогично, и лесное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции). Конституционный суд в своем Постановлении от 9 января 1998 г. № 1-П⁸ подчеркивает, что лесной фонд как публичное достояние многонационального народа России используется прежде всего в интересах Российской Федерации и ее субъектов.

В этой связи Лесным кодексом (далее — ЛК РФ) в гл. 9 проведено разграничение полномочий между Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями. При этом ст. 83 ЛК РФ закрепила возможность делегирования федеральных полномочий субъектам, которые могут фактически быть не реализованы в достаточной мере, поскольку за субъектами РФ оказался закреплен слишком большой объем расходных обязательств, не обеспеченных надлежащим финансированием. К примеру, ведение государственного лесного реестра в отношении лесов, расположенных в границах территории субъекта РФ. Различие в экономическом развитии субъектов негативным образом сказывается на документировании информации о лесах, а именно информации о границах земель лесного фонда и их состава, о лесничествах и их границах, о зонах с особыми условиями использования территорий. Соответственно, практика передачи федеральных полномочий на уровень субъектов только усугубляет проблемы в исследуемой сфере. В частности, использование инструментов информационно-коммуникативной функции государства в разрешении экологических проблем, предусмотренных Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2021 г. № 2148 (ред. от 12.04.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Национальная система пространственных данных”», негативно скажется на эффективности оборота природных ресурсов.

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/> (дата обращения: 05.10.2023).

Кроме того, Федеральным конституционным законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» внесены изменения в ч. 1 ст. 67, согласно которой на территории Российской Федерации могут быть созданы федеральные территории. Так, в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития территории, повышения ее инвестиционной привлекательности, необходимости сохранения олимпийского спортивного, культурного и природного наследия, создания благоприятных условий для выявления, самореализации и развития талантов, реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации была создана федеральная территория «Сириус»⁹.

При этом земельные отношения в границах такой территории регулируются только вышеуказанным Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ (ст. 21 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса РФ»).

Как следует из приведенных положений, источником создания таких территорий является не суверенность народа, а те специальные задачи развития Российской Федерации, для решения которых она создана. Практическое создание федеральной территории ставит цель создания административно-правовой автономии при фактическом отсутствии территории в ее конституционно-правовом смысле. Тогда как в зарубежных правовых порядках такие территории формируются ввиду экономических, этнических, исторических причин и освобождения народов от колониальной зависимости, которые подчинены федеральным органам власти.

Такое положение федеральных территорий может привести к серьезным конфликтам, спорам о границе федеральной территории, умалению свойств целостности субъекта РФ и предоставлению гарантированных прав гражданам на природные ресурсы.

Представляет интерес процесс разрастания и закрепления в земельном законодательстве за субъектами РФ социальной функции. Так, в ст. 39.19 Земельного кодекса РФ (ЗК РФ) закрепляется право субъектов РФ своими законами определять порядок постановки граждан на учет в качестве лиц, имеющих право на предоставление земельных участков в собственность бесплатно. Статьей 39.36 ЗК РФ предусмотрено право субъектов РФ устанавливать порядок и условия возведения гражданами гаражей, являющихся некапитальными сооружениями, для стоянки технических средств инвалидов вблизи места жительства. А в силу ст. 39.36-1 ЗК РФ определен перечень

⁹ Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус»» // СЗ РФ. 2020. № 52 (часть I). Ст. 8583.

категории граждан, имеющих право на бесплатное использование земель, находящихся в государственной собственности, для возведения гаражей.

Реализация указанных возможностей обусловлена наличием свободных мест и желанием субъектов РФ разрешать социальные проблемы населения.

Нигматуллина Э.Ф.,
профессор кафедры экологического, трудового права
и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета,
доктор юридических наук, доцент
(Республика Татарстан, г. Казань)

Литература

1. Хабриева Т.Я. Разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации / Т.Я. Хабриева // Право и экономика. 2003. № 9.
2. Чертков А.Н. Договорный аспект разграничения полномочий в Российской Федерации: история и современность / А.Н. Чертков, О.В. Кистринова // Журнал российского права. 2012. № 8.

Правовое измерение влияния «зеленого перехода» на суверенные права России на природные ресурсы

Исследование заявленной проблемы требует определиться с отправными понятиями: «зеленый переход», «суверенные права», «природные ресурсы». Понятие суверенных прав применяется прежде всего в конституционном праве преимущественно по отношению к сферам государственного, федеративного устройства для обозначения полномочий государства, субъекта Федерации, осуществляемых ими самостоятельно и независимо от других государств, международных организаций, а также организаций внутри страны. В энциклопедическом словаре указывается, что «суверенными правами можно считать все полномочия, отнесенные к ведению РФ ее Конституцией и федеральными законами, поскольку ни субъекты РФ, ни иностранные государства не могут покушаться на компетенцию РФ, навязывать ей какие-либо варианты их осуществления, а тем более — подменять Российскую Федерацию (РФ) в реализации ее полномочий»¹.

«Зеленый переход» понимается очень часто как стратегия развития, которая нацелена на создание устойчивой и экологически чистой экономики, а также на разрешение глобальных проблем, связанных с изменением климата и истощением природных ресурсов. Он предполагает переход от использования ископаемого топлива и других нестабильных материалов и технологий к использованию возобновляемых источников энергии, эффективных технологий и устойчивых систем производства.

Как связан «зеленый переход» с суверенными правами РФ на природные ресурсы? С одной стороны, «зеленый переход» напрямую не влияет на суверенитет России в отношении своих ресурсов. Он не предполагает ограничений на обладание ресурсами, на их добычу. Одновременно зеленый переход устанавливает ограничения на использование ресурсов как в производстве продукции, так и (прежде всего) в реализации продукции в странах, провозгласивших «зеленый переход». (Прежде всего в странах ЕС. В июле 2021 года Еврокомиссия представила экологический план EU Green Deal, согласно которому к 2030 г. атмосферные выбросы должны снизиться на 55% до уровня 1990 г. Одно из главных требований — введение углеродного налога в виде квот на тонну выбросов CO₂ с 2026 г. За них придется платить тем странам, которые ввозят в ЕС продукцию неэкологичных компаний.)

¹ Конституционное право : энциклопедический словарь / отв. ред. и рук. авт. колл. С.А. Авакьян. М. : Норма : ИНФРА-М, 2000. 675 с.

Но можем ли мы оценивать ограничения возможности распорядиться добытыми и переработанными ресурсами как ограничения суверенных прав на природные ресурсы? Если смотреть на вопрос узко юридически, то, наверное, нет. На законных основаниях добытые из недр минеральные ресурсы, выловленные водные биологические ресурсы, вырубленный лес и др. не признаются уже природными ресурсами. Они приобретают правовое положение имущества, принадлежащего либо государству, либо лицу, которому государство передало право пользования соответствующими природными ресурсами. Вместе с тем само понятие природных ресурсов, в отличие от природного объекта, подразумевает, что ценность ресурса состоит в возможности удовлетворения за счет его потребления (использования) разнообразных потребностей человека, общества и государства. И если волей какого-либо иностранного государства или межгосударственного объединения такая возможность национального государства ограничивается, то, полагаем, речь может идти и об ограничении государственного суверенитета на природные ресурсы.

Косвенным подтверждением такой оценки нашим государством вводимых ограничений на использование природных ресурсов является позиция, изложенная в новой Климатической доктрине², в которой зафиксирована недопустимость «необоснованной дискриминации при принятии мер по борьбе с изменением климата, затрагивающих международную торговлю». По оценкам наших экономистов, «углеродный налог в рамках трансграничного регулирования может привести к дополнительным расходам в нашей стране и снизить конкурентоспособность ее экономики. Уже сейчас есть прогнозы от Минэкономразвития, согласно которым в 2027 г. Россия заплатит Евросоюзу более €1 млрд углеродного налога в год. К 2050 году, когда проект трансграничного регулирования полностью реализуют, эта цифра может вырасти до €24 млрд»³.

Между тем согласие России с принимаемыми международным сообществом и межгосударственными объединениями мерами по ограничению использования ресурсов, с установлением «углеродного налога» легитимизирует такие ограничения. В 2021 году принят Федеральный закон № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов»⁴. Он предусматривает такие меры, как учет объемов выбрасываемых в атмосферу веществ, установление показателей снижения и поглощения парниковых газов. В соответствии

² Климатическая доктрина Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 // СЗ РФ. 2023. № 44. Ст. 7865.

³ Углеродное голодание: как России адаптироваться к налогу ЕС на импорт. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/cmrm/617a91d89a79477d74afe1e0?from=cory> (дата обращения: 22.11.2023).

⁴ Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть I). Ст. 5124.

с законом впервые создан реестр углеродных единиц, который контролируется соответствующим оператором. В 2023 году таким оператором выступает акционерное общество «Контур». Таким образом, в стране налаживается учет выброса парниковых газов.

Кроме того, в 2022 г. на Сахалине запущен пилотный проект по углеродному регулированию. Экономическая суть — в квотировании: компании, работающие в этом субъекте Российской Федерации, должны не только отчитываться об объемах выброса вредных газов в атмосферу, но и платить за произведенный углерод свыше установленной квоты. Цель эксперимента — достигнуть к 2025 г. «углеродной нейтральности» Сахалинской области. А сам проект продлится вплоть до 2028 г. Вслед за Сахалином о своем желании принять участие в эксперименте по углеродному регулированию заявили Башкирия, Хабаровский край, Иркутская и Калининградская области.

Таким образом, сложившаяся ситуация может свидетельствовать:

— либо о том, что политика, государственная власть, правовая теория и практика исходят из того, что суверенные права России на природные ресурсы предполагают подобного рода ограничения;

— либо о том, что в силу международных обязательств Россия соглашается с указанными ограничениями своих суверенных прав на природные ресурсы.

Следует заметить, что коррелируемые с указанными другие ограничения на использование природных ресурсов, направленные на достижение экологических целей, широко внедрены в законодательство нашей страны и практику правового регулирования. К ним можно отнести имеющиеся экологические ограничения на использование природных ресурсов:

- нормирование добычи биологических ресурсов;
- ограничения (запреты) на использование краснокнижных видов растений и животных;
- ограничения (запреты) на использование природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях;
- запреты на перевод в другие категории земель ценных сельхозугодий;
- введение расчетной лесосеки при планировании вырубki лесов;
- запрет на экспорт круглого леса;
- запрет на использование экономически целесообразных, но опасных для озонового слоя атмосферы Земли хладогентов, содержащих хлор, фтор или бром.

Таким образом, право допускает сегодня ограничение использования природных ресурсов в России для достижения экологически значимых целей. При этом открытым и не исследованным на доктринальном уровне остается вопрос квалификации установления иностранными государствами или международными объединениями углеродного налога в виде квот на тонну

выбросов CO₂ как ограничения суверенного права России на природные ресурсы.

Появляются и новые ограничения на использование природных ресурсов национальными государствами, которые устанавливает Европейский союз (ЕС). Так, например, Европарламент в апреле 2023 г. одобрил закон о борьбе с вырубкой лесов, который ставит ЕС на путь сокращения потребления товаров, представляющих опасность для леса. Для борьбы с изменением климата и утратой биоразнообразия новый закон обязывает компании следить за тем, чтобы продукция, продаваемая в ЕС, не приводила к обезлесению и деградации лесов. Хотя ни один товар из перечня не будет запрещен, компаниям будет разрешено продавать эти товары в ЕС только в том случае, если поставщик предоставил информацию, подтверждающую, что его продукция не была выращена на землях, где произошла вырубка лесов после 2020 г. Компании также должны будут представить информацию о том, что их товары соответствуют законодательству страны производства в отношении прав человека. В случае непредставления информации компаниям грозят штрафы на сумму до 4% от оборота в государстве — члене ЕС⁵.

Русин С.Н.,

доцент кафедры экологического и земельного права
Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Конституционное право : энциклопедический словарь / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор С.А. Авакьян. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2000.
2. Кочетова М. Европарламент одобрил закон о борьбе с вырубкой лесов / М. Кочетова // Ведомости. 2023. 20 апреля.
3. Палихова А. Углеродное голодание: как России адаптироваться к налогу ЕС на импорт / А. Палихова // РБК-тренды. 2021. 28 октября.

⁵ Европарламент одобрил закон о борьбе с вырубкой лесов // Ведомости. 2023. 20 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/articles/2023/04/20/971803-evroparlament-odobril-zakon-o-borbe-virubkoi-lesov?ysclid=lp16yjjbl5198940416> (дата обращения: 22.11.2023).

Вхождение в состав Российской Федерации новых субъектов Федерации как фактор развития земельного законодательства*

2022 год был ознаменован вхождением в состав Российской Федерации новых субъектов Федерации: Донецкой¹ и Луганской² Народных Республик, Запорожской³ и Херсонской⁴ областей (в дальнейшем совместно именуемые — «новые субъекты Федерации»). В федеральных конституционных законах о принятии новых субъектов Федерации содержатся нормы об особенностях правового регулирования земельных отношений. В частности, ст. 21, 23 Федерального конституционного закона от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» допускают региональные особенности регулирования земельных отношений, в том числе землеустройства, предоставления земельных участков, перевода земель из одной категории в другую, возмещения убытков землепользователям в связи с ограничением их прав, а также возможность в некоторых случаях предоставления соответствующего земельного участка или его изъятия для государственных (муниципальных) нужд в отсутствие действующих правил землепользования и застройки и др. Аналогичные правила установлены

* Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

¹ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ (ред. от 28.04.2023 № 1-ФКЗ) «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6930.

² Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ (ред. от 28.04.2023 № 1-ФКЗ) «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Луганской Народной Республики» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6931.

³ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ (ред. от 28.04.2023 № 1-ФКЗ) «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6932.

⁴ Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ (ред. от 28.04.2023 № 1-ФКЗ) «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Херсонской области» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6933.

и в иных федеральных конституционных законах о принятии новых субъектов Федерации.

Приведенные выше некоторые особенности правового регулирования земельных отношений, тем не менее, в достаточной степени иллюстрируют значительный объем организационно-правовой работы, которую предстоит выполнить для обеспечения формирования единого правового поля в сфере регулирования земельных отношений. В не меньшей степени показательным является и то обстоятельство, что в Государственном (национальном) докладе о состоянии и использовании земель в Российской Федерации за 2022 г. данные о наличии и распределении земель по субъектам Федерации содержат сведения о составе земель в 85 субъектах без учета состава земель (по целевому назначению, формам собственности и др.) указанных четырех новых субъектов Федерации⁵. И хотя соответствующие кадастровые округа были образованы в связи с вхождением новых субъектов Федерации⁶, отсутствие таких сведений о земельном фонде фактически свидетельствует о том, что земельные ресурсы новых субъектов Федерации не определены в качестве объекта государственного управления.

В настоящее время достижение стратегических целей и выполнение намеченных задач обеспечения эффективного использования земельных ресурсов и комплексного развития сельских территорий, определенных соответствующими нормативно-правовыми актами⁷, в текущих условиях на территории новых субъектов Федерации достигнуто быть не может. Однако такие обстоятельства могут и должны быть использованы для изучения влияния специфических антропогенных факторов на состояние земельных ресурсов и определения основных направлений восстановления земельных ресурсов и комплекса превентивных мер по предотвращению и устранению загрязнений, деградации и уничтожения земель и почв, а также возможных в текущих условиях мероприятий по обеспечению рационального исполь-

⁵ См.: Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2022 г. М. : Росреестр, 2023. URL: https://rosreestr.gov.ru/upload/Doc/16-upr/doc_nation_report_2022.pdf (дата обращения: 27.10.2023).

⁶ См.: Приказ Росреестра от 14 декабря 2022 г. № П/0490 «Об образовании кадастровых округов «Донецкий», «Херсонский», «Луганский», «Запорожский» и внесении изменений в приказ Росреестра от 28 декабря 2015 г. № П/675 «О кадастровом делении территории Российской Федерации на кадастровые округа, кадастровые районы и кадастровые кварталы» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696 (ред. от 31.07.2023 № 1237) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731 (ред. от 31.07.2023 № 1237) «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

зования земель⁸ и, что не менее важно, определения (документального подтверждения) причинения ущерба земельным и иным природным ресурсам сопредельным государством для последующего взыскания⁹.

Принимая во внимание сложившуюся обстановку в новых субъектах Федерации, которая характеризуется в значительной степени военным положением и максимальным уровнем реагирования¹⁰, вполне обоснованными выглядят приведенные выше особенности регулирования земельных отношений на новых территориях, однако, на наш взгляд, такие обстоятельства предопределяют смещение акцента в сфере государственного управления земельными ресурсами с организации использования на задачи осуществления государственного земельного мониторинга и обеспечения охраны земель.

Основополагающий законодательный акт отраслевого законодательства — Земельный кодекс Российской Федерации¹¹ (далее — ЗК РФ) определил охрану земель в качестве одного из важнейших направлений правового регулирования земельных отношений. Специальные требования по охране земель установлены в гл. II ЗК РФ и других законодательных актах¹². Функцию обеспечения исполнения таких требований во многом предопределяет государственный земельный мониторинг, который, будучи составной частью государственного мониторинга окружающей среды, представляет собой систему наблюдений, оценки и прогнозирования, направленных на получение достоверной информации о состоянии земель, об их количественных и качественных характеристиках, и призван обеспечить выявление негативных тенденций в состоянии земель, выработку предложений об устранении последствий такого воздействия, информирование государственных органов о состоянии земель и др. (ст. 67 ЗК РФ).

⁸ См.: Петрова Т.В. Рациональное использование природных ресурсов: понятие, принцип, полномочие, направление государственной экологической политики // Экологическое право. 2016. № 3. С. 29–34.

⁹ Такая практика уже складывается, заслуживает внимания и распространения (применительно к земельным ресурсам, в частности, на основании ст. 13 и 57 ЗК РФ). См.: Винник С. Суд поддержал иск Крыма к Украине по делу о водной блокаде // Российская газета. 2023. 26 октября.

¹⁰ См.: Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. №756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей»; Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2023 № 492-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ (ред. от 13.06.2023 № 244-ФЗ) «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»; Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 04.08.2023 №463-ФЗ) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

В литературе ранее уже отмечалось, что состояние земельных ресурсов должно рассматриваться как обстоятельство, принимаемое во внимание при определении приоритетов в сфере правового регулирования земельных отношений, и как важнейший фактор развития земельного законодательства¹³. Поэтому уже в настоящее время (с учетом текущей обстановки и требований безопасности) необходимо проводить работу по выявлению в новых субъектах Федерации территорий, подвергшихся радиоактивному, химическому и биологическому¹⁴ загрязнению в целях обеспечения исполнения санитарно-эпидемиологического и иного законодательства, формирования всесторонне благоприятной среды жизнедеятельности человека¹⁵. Также такие работы, и прежде всего в рамках ведения государственного земельного мониторинга, призваны определить участки местности, подверженные химическому и радиоактивному¹⁶ загрязнению, в целях применения специальных мер¹⁷ по обеспечению экологической безопасности.

Но не только. В целях обеспечения реализации конституционных прав на благоприятную окружающую среду и экологическое благополучие необходимо выработать и реализовать комплекс организационно-правовых мер, направленных на реализацию требований экологического законодательства по нормированию качества окружающей среды. В этих целях необходимо уже в настоящее время (с соблюдением указанных мер предосторожности) определить места нахождения эталонных земельных и иных участков в новых субъектах Федерации для ведения наблюдений природного фона, для сбора соответствующих данных о состоянии окружа-

¹³ См. подробнее: Харьков В.Н. Состояние земельных ресурсов как фактор развития земельного законодательства // Современное право. 2017. № 9. С. 68–73.

¹⁴ См.: Итоговой доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с созданием американскими специалистами биологических лабораторий на территории Украины. М., 2023. URL: <http://duma.gov.ru/news/57721> (дата обращения: 27.10.2023).

¹⁵ См.: Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 3 (ред. от 14.02.2022 № 6) «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 “Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических(профилактических)мероприятий”»(Зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2021 № 62297) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Общеизвестными являются заявления официальных представителей США о поставках Украине снарядов с обедненным ураном. См.: URL: <https://ria.ru/20230906/paket-1894629238.html?ysclid=lo8gk3i1o863034178> (дата обращения: 27.10.2023).

¹⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2004 г. № 112 «Об использовании земель, подвергшихся радиоактивному и химическому загрязнению, проведении на них мелиоративных и культуртехнических работ, установлении охранных зон и сохранении находящихся на этих землях объектов» // СЗ РФ. 2004. № 10. Ст. 866.

ющей среды (отбора проб, измерений химических, физических и др. показателей) на соответствующем эталонном участке. Это необходимо и в целях внесения таких сведений в единый государственный фонд данных о состоянии окружающей среды, фонд данных государственного экологического мониторинга и иные государственные информационные ресурсы¹⁸. Такой подход призван обеспечить реализацию конституционного права на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии (ст. 42 Конституции РФ) и в целом на доступ к экологической информации¹⁹ не только для жителей новых субъектов Федерации, но и всех граждан России.

С учетом нарастающей угрозы глобального потепления и все более возрастающей в этом контексте проблемы поддержания углеродного баланса²⁰ текущая обстановка на территории новых субъектов Федерации, характеризующаяся активным перемещением группировки войск, боевым применением авиации и ракетного вооружения, представляет собой весьма информативный «фон» для исследования карбоновой проблематики. В связи с этим, нам представляется, создание карбоновых полигонов²¹ и сбор соответствующих данных на новых территориях России позволит не только определить «углеродный след» такой интенсивной антропогенной деятельности, но и выработать необходимые, на наш взгляд, меры компенсаторного характера для ликвидации такого «углеродного дисбаланса».

Данные, собранные в ходе государственного мониторинга окружающей среды, государственного земельного мониторинга, с эталонных участков и карбоновых полигонов, станут информационной базой для разработки региональных программ как социально-экономического, так и экологического развития новых субъектов Федерации²², а также специальных программ

¹⁸ См.: Постановление Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 149 «О разработке, установлении и пересмотре нормативов качества окружающей среды для химических и физических показателей состояния окружающей среды, а также об утверждении нормативных документов в области охраны окружающей среды, устанавливающих технологические показатели наилучших доступных технологий» // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 778.

¹⁹ См.: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 04.08.2023 № 452-ФЗ) «Об охране окружающей среды». Ст. 4.3 и др. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См., к примеру: Приказ Минприроды России от 27 мая 2022 г. №371 «Об утверждении методик количественного определения объемов выбросов парниковых газов и поглощений парниковых газов» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.07.2022 № 69451) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Приказ Минобрнауки России от 5 мая 2021 г. № 74 «О полигонах для разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса» // СПС «КонсультантПлюс».

²² За основу разработки таких программ могли быть взяты как действующие, так и ранее действовавшие федеральные программы. К примеру, см.: Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р (ред. от 11.09.2023 № 2439-р) «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на пе-

восстановления земельных ресурсов (рекультивации, мелиорации, консервации и т.п.).

Конституция России установила, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ч. 1 ст. 9); все обязаны бережно относиться к природным богатствам, сохранять природу и окружающую среду (ст. 58). Как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд РФ²³ и обоснованно отмечалось в теории экологического права²⁴, приведенные конституционные положения надлежит рассматривать в качестве одной из конституционных обязанностей государства по обеспечению экологического благополучия и благоприятной окружающей среды многонационального народа России, что достижимо посредством последовательного проведения государственной экологической политики, главной составляющей которой является приоритетное обеспечение публичных экологических интересов²⁵.

Реализация приведенных выше организационно-правовых мер позволит также на основе объективных сведений о состоянии окружающей среды в целом и о состоянии земельных ресурсов в частности разработать концепцию развития регионального законодательства²⁶, делая акцент на решении

природ до 2024 года и на перспективу до 2035 года»; Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 99 (ред. от 27.12.2012 №1436) «О федеральной целевой программе "Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006–2010 годы и на период до 2013 года"» // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

²³ См. к примеру: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации "Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства" в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью "Заполярье-нефть"»; Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2015 г. №17-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 71 Федерального закона "Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

²⁴ О доктринальном толковании ч. 1 ст. 9 и других положений Конституции РФ, образующих конституционные основы экологического права, см. подробнее: Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве. М.: Изд-во МГУ, 2003. 424 с.; Васильева М.И. Конституционная норма о земле и других природных ресурсах как основе жизни и деятельности народов в правовых позициях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2017. № 10. С. 15–18.

²⁵ Подробнее см.: Харьков В.Н. Приоритетное обеспечение публичных экологических интересов как конституционный принцип охраны окружающей среды и природопользования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10. С. 193–199.

²⁶ О концепции развития регионального земельного законодательства подробнее см.: Харьков В.Н. Земельное законодательство субъектов Российской Федерации: правовые основы региональной земельной политики. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010. С. 330–340.

для каждого нового субъекта Федерации его приоритетных задач и правового обеспечения реализации актуальных направлений регионального социально-экономического и экологического развития.

Харьков В.Н.,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

Института права и управления

Тульского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Тула)

Литература

1. Васильева М.И. Конституционная норма о земле и других природных ресурсах как основе жизни и деятельности народов в правовых позициях Конституционного Суда РФ / М.И. Васильева // Российская юстиция. 2017. № 10.
2. Васильева М.И. Публичные интересы в экологическом праве / М.И. Васильева. Москва : Издательство МГУ, 2003.
3. Винник С. Суд поддержал иск Крыма к Украине по делу о водной блокаде / С. Винник // Российская газета. 2023. 26 октября.
4. Петрова Т.В. Рациональное использование природных ресурсов: понятие, принцип, полномочие, направление государственной экологической политики / Т.В. Петрова // Экологическое право. 2016. № 3.
5. Харьков В.Н. Земельное законодательство субъектов Российской Федерации: правовые основы региональной земельной политики / В.Н. Харьков. Тула : Гриф и К, 2010.
6. Харьков В.Н. Приоритетное обеспечение публичных экологических интересов как конституционный принцип охраны окружающей среды и природопользования / В.Н. Харьков // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10.
7. Харьков В.Н. Состояние земельных ресурсов как фактор развития земельного законодательства / В.Н. Харьков // Современное право. 2017. № 9.

Основные виды договора купли-продажи в исламском праве

Договоры купли-продажи в исламском праве отличаются большим многообразием. В различные периоды развития мусульманского права были предложены различные классификации договоров купли-продажи. Однако наиболее авторитетными и значимыми как с теоретической точки зрения, так и с практической являются две следующие классификации:

- 1) в зависимости от способа определения цены в договоре купли-продажи;
- 2) в зависимости от времени совершения денежного платежа и передачи предмета купли-продажи¹.

Первая классификация договоров купли-продажи базируется на способе раскрытия продавцом изначальной стоимости вещи, которую он передаст покупателю за определенную денежную сумму. Если стороны согласовали цену продажи без опоры на себестоимость товара, то такой договор считается распродажей, то есть продажей по заведомо сниженной цене. Данный тип договора является наиболее распространенным по двум причинам: есть возможность торга и достижения взаимоприемлемого консенсуса. При этом продавец не обязан раскрывать себестоимость товара. Важно понимать, что торг ни в коем случае не является условием договора купли-продажи соответствующего вида. Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Аллах помилует того, кто мягок в продаже, покупке и суде».

Если же цена товара рассчитывается исходя из его себестоимости, то договор считается доверительной продажей. Данный договор был разработан в исламском праве для того, чтобы защитить покупателя, который не обладает достаточными знаниями о приобретаемом товаре. Вследствие недостатка информации о товаре покупатель соглашается купить вещь на основании доверительной продажи, полагаясь на заверения продавца о качестве и цене товара. Важно понимать, что подобное содействие оказывается не безвозмездно — покупатель за информирование обязуется доплатить продавцу заранее оговоренную сумму. Важно понимать, что на продавца в этом отношении возлагается не столько юридическая, сколько морально-этическая обязанность действовать честно и не предоставлять ложную информацию покупателю с целью извлечения большей суммы денежных средств. Тем не менее, если такая ситуация все же имела место, право встает на сторону покупателя и предоставляет ему право одностороннего отказа от договора (которое в мусульманском договорном праве, как и континентальных правопо-

¹ Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business
Author(s): Chibli Mallat // The American Journal of Comparative Law. 2000. Vol. 48. № 1. P. 91–93.

рядках, по общему правилу не допускается) даже в том случае, если не было брака товара.

Договоры доверительной продажи, в свою очередь, могут быть разделены на следующие виды:

- 1) продажа с наценкой (*murabahah*);
- 2) продажа без прибыли (*tawliyah*);
- 3) продажа с убытками (*wadi'ah*).

Другие исследователи на основании принципа формирования делят все исламские финансовые договоры на три самостоятельных вида:

1) основанные на партнерстве (разделении прибыли и убытков) — *mudaraba* (партнерство);

2) основанные на участии в сделках — *ijarah* (узуфрукт), *murabahah* (продажа с наценкой), *istisna* (продажа от производителя), *salam* (отсрочка передачи вещи);

3) основанные на оплате комиссий (тарифов) банка — *wakala* (в традиционном понимании — аккредитив)².

Продажа с наценкой (*murabahah*) относится к договору купли-продажи, в котором товары продаются по своей себестоимости с наценкой, которая оговорена между сторонами. Другими словами, разница в цене представляет собой маржу продавца. Легальное определение данного договора сформулировано шариатом в стандарте № 8³. Надбавка в цене может выражаться как в строго оговоренной сумме, так и в процентном отношении от покупной цены. Целью установления такой надбавки могут быть хранение товара, его перевозка или покрытие услуг на оплату работников.

Продажа без наценки (*tawliyah*) — это купля-продажа, в которой продавец перепродает покупателю товары по цене покупки без извлечения собственной дополнительной прибыли. Отличительная черта данного договора, которая позволяет его разграничить с описанной выше продажей с наценкой, заключается в том, что если в первом виде договора (*murabahah*) существует определенная прибыль сверх стоимости, то в данном виде договора продажа осуществляется по себестоимости без какой бы то ни было прибыли.

Если имеет место продажа с убытками (*wadi'ah*), то товар продается по сниженной цене, которая по общему правилу даже меньше себестоимости и покупной цены. Таким образом, прибегая к данному типу договора, продавец торгует себе в убыток.

² Хаззар М.Э., Михеева И.Е., Алексеева Д.Г. Правовые особенности этического (исламского) банкинга (на примере договора мурабаха) // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 140.

³ Шариатский стандарт № 8 Мурабаха : принят Шариатским Советом на заседании Совета № 4, проведенном с 25 по 27 Сафара (второй месяц мусульманского календаря) 1421 г. по Хиджре, что соответствует концу мая 2000 г. Был издан 4 Раби аль-Аваля 1423 г. по Хиджре, что соответствует 16 мая 2002 г.

Вторая классификация зависит от соотношения момента уплаты денежных средств и момента передачи вещи покупателю. По общему правилу в договорах купли-продажи вещь передается покупателю сразу же, однако платеж может быть совершен либо в момент передачи в полном объеме, либо в рассрочку, либо перенесен на будущее время. Однако следует сразу сделать оговорку о том, что в договорах купли-продажи с отсрочкой передачи (*salam sale*) цена вещи оплачивается сразу, а сама поставка переносится на будущую дату. Другим исключением является пример обмена валюты (*sarf*), когда обе валюты обмениваются сразу же.

Рассмотрение второй классификации договоров купли целесообразно начать с продажи с отсрочкой платежа. Это договор купли-продажи, по которому вещь передается покупателю сразу при подписании договора, но оплата переносится на будущий срок. Важно понимать, что оплата в данном договоре откладывается всегда: либо происходит рассрочка, либо просто момент оплаты переносится на будущий срок. Дозволенность данного договора подтверждается хадисом, переданным Аишей (да будет доволен ею Аллах): «Пророк (мир ему) купил продовольственное зерно у еврея в кредит и заложил свои железные доспехи за него». Сторонами данного договора, как и в классическом варианте купли-продажи, являются продавец и покупатель. Стороны определяют дату оплаты или сумму и периодичность каждого платежа. Предметом обсуждения могут быть активы или товары, которые соответствуют общим требованиям шариата о товаре, которые будут описаны в дальнейшем.

Представители второй точки зрения полагают, что основным принципом, которым регулируется заключение любого договора, является допустимость: в исламском обязательственном праве, как известно, действует принцип о том, что все, что не запрещено, является разрешенным. В отношении коммерческих сделок (*muamalāt*) в связи с этим действует универсальный принцип дозволенности, в то время как ограничительный метод является скорее исключением⁴. В связи с этим отсроченная цена товара может быть выше, чем первоначальная цена, потому что ни Коран, ни Сунна, ни другие источники мусульманского права подобного действия не запрещают. Следует также отметить, что продавец и покупатель обладают свободой в определении цены до тех пор, пока она не является эксплуатацией или явной несправедливостью, которые запрещены общими принципами мусульманского обязательственного права. Многие авторитетные современные исламские правоведы отмечают, что повышение цены в договоре при отсрочке платежа нельзя рассматривать в качестве ростовщичества по той причине, что в ростовщичестве денежные средства обмениваются на большее количество денег, тогда как при отсроченном платеже товар передается лишь по более высокой

⁴ Амиров А.Т. Принципы исламского договорного права // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2019. № 3 (34). С. 52.

цене. Справедливо отмечается, что любая сумма, взимаемая за просрочку платежа, является ростовщичеством (*riba*) только тогда, когда предметом договора являются деньги⁵. Более того, фиксированная цена в договоре купли-продажи касается продаваемой вещи, а не времени.

Отдельно следует остановиться на договоре *tawarruq*, который предполагает процесс приобретения товара по отсроченной цене с помощью торгового наценки и дальнейшей его продажи третьему лицу за наличные деньги или цену, оговоренную сторонами в момент покупки товара. Стороны подобного договора также носят название продавца и покупателя, а предмет договора включает в себя наименование товара и покупную цену. Товар, продаваемый посредством данного договора, должен быть реально существующим и соответствовать требованиям шариата, а также находиться в непосредственном владении продавца. При этом предметом данного договора не могут быть золото, серебро или любой другой тип валюты. Товар должен быть продан стороне, отличной от той, у которой был приобретен на условиях отсрочки платежа. Данный вид договора купли-продажи заключается путем встречи с другой стороной или путем классического обмена офертой и акцептом с помощью средств связи. Однако договор купли-продажи товара между покупателем и продавцом на условиях отсрочки платежа должен быть независимым от договора купли-продажи между покупателем и третьим лицом.

Далее необходимо охарактеризовать такой вид купли-продажи, как продажа будущих товаров (*Bay' al-Salam*, также известный как *Bai-salaf*). *Salam* в переводе с арабского означает предоплату. Данный договор — это сделка купли-продажи, в которой цена за определенное количество товара, поставляемого в будущем, выплачивается сразу при подписании договора. Рассматриваемый договор представляет собой исключение из общего правила о том, что имущество должно немедленно быть передано после того, как стороны заключили соответствующий договор. Данный договор является в исламе действительным, поскольку он был прямо разрешен Пророком (миру ему). Например, покупатель платит 10 000 условных единиц наличными на месте, а продавец обязуется поставить 10 т зерна оговоренного сорта в указанное время и место в будущем. В связи с тем что оплата производится немедленно, то цена договора может быть ниже рыночной. Однако оплата может быть произведена долями в размере и во время, о которых договорились стороны при заключении договора. Практика мусульманских государств свидетельствует, что производители сельскохозяйственной продукции в большинстве случаев не допускают отсрочки платежа, а требуют его внесения одномоментно при заключении договора, так как определенные суммы требуются для выполнения сельскохозяйственных работ.

⁵ Muhammad Taqi Usmani. *An Introduction to Islamic Finance*. Karachi : Maktaba Ma'ariful Qur'an, 2004. P. 115.

На начальном этапе развития мусульманского права в договоре *salam* указывали лишь вид урожая для продажи и поле, на котором его выращивали, без конкретизирующих условий (меры, веса и т.д.). Договор, заключенный в такой форме, содержит элементы неопределенности (*ghagar*), которая в исламском праве является недопустимой, в связи с чем в дальнейшем данная форма договора *salam* была запрещена. По мнению одного из исламских правоведов, Пророк (мир ему) велел тем, кто заранее платит цену товаров (плоды или зерно), которые будут доставлены позднее, платить за определенную величину или вес за конкретный период⁶. В литературе, посвященной данному договору, также высказывается мнение о том, что отсрочка передачи товара разрешена аятом Корана 2:282 по принципу аналогии, который разрешает отсрочку платежа.

Четыре основные исламские канонические школы по-разному трактуют рассматриваемый договор ввиду различных предпринимаемых ими попыток ограничить *рибу* и *гарар*. Однако представители данных школ все же выработали общее согласие относительно основных правил, которые применяются не только к конкретному договору, но и ко всему исламскому праву в целом:

- 1) цена и предмет обмена не могут быть одновременно валютами;
- 2) обмениваемые объекты должны быть свободно обмениваемыми или заменяемыми;
- 3) объект обмена должен быть поддающимся измерению.

Применение данных правил сводит риск неопределенности (*гарара*) и мошенничества к минимуму.

Дав определение договору *salam*, широко применяемому в сельскохозяйственном производстве, нельзя не рассмотреть договор промышленной продажи (*istisna*), который в рамках мусульманских государств является одним из самых распространенных. В переводе с арабского данное слово обозначает «производить, изготавливать что-либо». Договор промышленной продажи (*istisna*) — это договор, по которому продавец обязуется, используя имеющееся у него в наличии сырье, произвести определенный товар и передать его покупателю по заранее установленной цене в конкретную дату. Таким образом, данный договор предназначен для продажи товаров, которых еще не существует в реальной действительности. Представители ханафитской школы мусульманского права утверждали, что договор *istisna* является действительным договором купли-продажи. Они считают промышленную продажу отдельным и самостоятельным договором, имеющим свои специфические особенности.

Ключевое отличие *istisna* от рассмотренного выше договора *salam* заключается в том, что первый предполагает производство товара из наличеству-

⁶ Muhsin Khan M. *Sahih-al-Bukhari. Riyadh* : Darussalam, 1997. Vol. 3. Book 35. № 2240. P. 110.

ющего сырья с применением труда, в то время как второй может быть применим только к готовым товарам, которые, в свою очередь, могут быть только родовыми вещами. Из последнего следует еще одно важное отличие данного договора. Договор промышленной продажи — это контракт, который включает изготовление или производство уникальной вещи, в то время как товар, поставляемый в рамках договора *salam*, является взаимозаменяемым.

Требования к сторонам договора промышленной продажи являются общими, то есть они должны быть право- и дееспособны. Объектом рассматриваемого договора должно быть идентифицированное сырье, которое переработано с применением трудовых усилий. Объектом данного договора не может быть идентифицированный, но уже существующий в реальной действительности актив капитала или товары. Товар по данному договору может быть произведен продавцом с использованием его собственных ресурсов или ресурсов другого производителя или изготовителя, но в соответствии со спецификациями и в течение срока, который согласован с покупателем. Данный договор может быть заключен для развития объектов недвижимости на определенной территории, которая принадлежит обеим сторонам договора или одной из них⁷.

Цена на товары по договору должна быть известна в момент заключения договора. Она может быть выражена в денежной или в иной неденежной материальной форме, а также в форме узуфрукта активов на определенный срок. Оплата товара может быть отложена или произведена в рассрочку в течение определенного периода времени в установленные промежутки. Продавец имеет право требовать предоставления от покупателя гарантии надлежащего исполнения им своего денежного обязательства. В то же время покупатель обладает правом также потребовать от продавца гарантию исполнения обязательства или гарантию авансового платежа, если какая-либо сумма от договора была уплачена заранее.

После поставки товара продавец не несет никакой ответственности за его сохранность.

В рамках анализа видов договоров купли-продажи следует также остановиться на обмене валюты (*al-sarf*), которая определяется как продажа или обмен одной или разных валют, при этом одна стоимость является вознаграждением за другую⁸. Исторически золото и серебро, а также некоторые другие монеты из драгоценных металлов использовались в качестве денег, являясь определенной мерой стоимости товаров. В доисламский период арабы меняли серебро на серебро, золото на золото, зерно на зерно и т.д. Такая сделка была известна как *al-muratala*.

⁷ Syeda Fahmida Habib. *Fundamentals of Islamic Finance and Banking*. Chichester, West Sussex : United Kingdom, 2018. P. 154.

⁸ Ван ден Берг Л.В.Х. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии / Л.В.Х. Ван ден Берг. СПб., 1882. С. 59.

Кроме того, золото и серебро даже после появления динаров и дирхамов использовались для приобретения определенных товаров. Если они обменивались на товар путем подсчета их количества, такой договор назывался al-mubadala.

Договор обмена валюты, который первоначально использовался лишь в отношении золота и серебра, стал постепенно распространять свое действие и на новые бумажные деньги. Как считают мусульманские юристы, основное назначение денег — способствовать адекватному ценообразованию на торговом рынке. Именно по этой причине деньги нельзя рассматривать как самостоятельный вид товара. Развивая данную идею, можно заметить, что если все же к ним относиться как к товару, то они будут иметь собственную цену, которая будет подвержена периодическим, порой довольно существенным колебаниям.

Купля-продажа денег с целью извлечения прибыли изменяет роль денег как средства обмена и ведет к ростовщичеству, которое строго запрещено как религиозными канонами, так и нормами шариата, а колебания цен приводят к тому, что на торговой арене появляется гораздо большее количество недобросовестных агентов. Учитывая это, мусульманское право предусматривало специальный договор купли-продажи для обмена валюты, установив строгие требования к его заключению, для того чтобы впоследствии не возникало проблем с признанием его действительным.

Резюмируя, следует отметить, что исламское договорное право характеризуется большим разнообразием видов договоров купли-продажи, которые классифицируются по различным основаниям и отличаются как по объекту продажи, так и по существенным условиям договора.

Абдуллаев Р.А. оглы,
магистр права, аспирант юридического факультета
Академии труда и социальных отношений
(г. Москва)

Литература

1. Амиров А.Т. Принципы исламского договорного права / А.Т. Амиров // Коммерческое право. Научно-практический журнал. 2019. № 3 (34).
2. Ван ден Берг Л.В.Х. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии / Л.В.Х. Ван ден Берг ; перевод со 2-го просм. изд. проф. В. Гиргас. Санкт-Петербург : Тип. Г. Шахт и К°, 1882.
3. Хаззар М.Э. Правовые особенности этического (исламского) банкинга (на примере договора мурабаха) / М.Э. Хаззар, И.Е. Михеева, Д.Г. Алексеева // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 39.
4. Chibli Mallat. Commercial Law in the Middle East: Between Classical Transactions and Modern Business / Chibli Mallat // The American Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 48. Iss. 1.
5. Muhammad Taqi Usmani, An Introduction to Islamic Finance / Muhammad Taqi Usmani. Karach i: Maktaba Ma'ariful Qur'an, 2004.
6. Muhsin Khan M. Sahih-al-Bukhari. Vol. 3. Book 35 / M. Muhsin Khan. Riyadh : Darussalam, 1997.
7. Syeda Fahmida Habib. Fundamentals of Islamic Finance and Banking / Syeda Fahmida Habib. Chichester, West Sussex : United Kingdom, 2018.

Сущность исламского торгового права

Исламское торговое право охватывает все аспекты человеческого поведения. Оно гораздо шире, чем западное понимание «закона», и управляет образом жизни мусульманина буквально во всех деталях, и, конечно, оно также регулирует коммерческие сделки. Отсюда следует, что исламская концептуальная система совершенно не похожа на христианскую, в которой право является светским. Например, нет христианского закона договора, нет христианского закона собственности, в то время как в шариате — «юридических» стихах Корана и преданиях Пророка существуют своды законов, касающиеся таких вопросов.

Многие исламские правоведы приходят к выводу о том, что в некоторых исламских юрисдикциях шариат явно забыт и заменен западным правом. Правовая вестернизация вынуждает юристов получать образование западного образца, что также угрожает сохранению традиционного исламского правосознания¹. Подобные выводы небезосновательны. Так, в 2001 году Федеральный верховный суд ОАЭ в Абу-Даби, который считается более «консервативным» (в том смысле, что исламские традиции и принципы им соблюдаются в гораздо большей степени), чем его коллега в Дубае², санкционировал как юридически действительную передачу прав в западном (французском) стиле с уведомлением, а не с согласия должника³. Ситуация с передачей прав в исламском торговом праве сложна, но очень кратко ее можно охарактеризовать следующим образом: передача прав в западном стиле обычно не разрешалась, и, хотя трудно сказать наверняка, похоже, что составители Гражданского кодекса ОАЭ (Закон о гражданских сделках Объединенных Арабских Эмиратов, принятый Федеральным законом № 5 1985 г. с поправками, внесенными Законом № 1 1987 г.), в отличие от своих коллег в Египте и Кувейте, намеренно не включили положение, разрешающее их. Все, что они вставили, было эквивалентно правилам шариата, предусматривающим передачу прав в очень ограниченных обстоятельствах.

Наиболее вероятным объяснением постановления, в котором были проигнорированы четкие положения, касающиеся исламской природы передачи права в ОАЭ и правовых аргументов, таких как ст. 1 Гражданского кодекса (обращение к шариату в случае лакуны), ст. 2 (толкование), ст. 3 (публичная политика) и ст. 96 (определенность), по-видимому, является европейский

¹ Амиров А.Т. Шариат в современном мире // Научные труды / Российская академия юридических наук. Вып. 20. М., 2020. С. 82.

² ОАЭ — федеративное государство, в котором в каждом из эмиратов есть свой высший суд, который контролируется высшей судебной инстанцией государства.

³ Federal Supreme Court No 693/21 (2001). URL: http://tamimi.org/catalog/1998_2004/issue139

менталитет судей. Но следует добавить, что неясный характер той части шариата, о которой идет речь, не является серьезным препятствием для такого мышления.

Однако справедливо высказывание Г. Бермана о том, что общество неминуемо движется в будущее, но делает это спиной, а именно глазами, обращенными в прошлое⁴. Историческое сложилось так, что шариат — это термин, данный исламской правовой системе. Шариат выводится из следующих источников в порядке очередности: во-первых, Коран; во-вторых, Сунна или решения и высказывания Пророка Мухаммеда; в-третьих, аналогичные рассуждения исламских ученых на основе принципов, установленных в Коране и Сунне; и, в-четвертых, консенсус юридического сообщества. К X веку н.э. уважение к ранним ученым было настолько сильным, что правовое сообщество решило, что дальнейшее совершенствование их анализа божественного права невозможно. Это событие, известное как «заккрытие двери иджитхада» (независимого рассуждения), остановило эволюцию исламского закона на этом этапе. Поэтому Ишари'аджуджи и ученые ограничены применением закона, установленного ранними писателями, и не могут изменить, модифицировать или расширить этот закон. Результатом является правовая система, которая никогда не имела возможности приспособиться к современному деловому миру. Именно по этой причине ряд важных фигур в исламском мире (в том числе король Саудовской Аравии Фахад) выступили за то, чтобы вновь открыть двери иджитхада. Шариат — это, как и было с самого начала, система, которая больше заботится о моральном поведении, чем о содействии торговле.

Если исламское обязательственное право можно представить как определенный, весьма органичный симбиоз европейских традиций и канонов исламского права, то исламское торговое право воплощает совершенно иной смысл. Авторитетные исламские правоведы и исследователи исламского торгового права указывают на то, что исламское торговое право, исходя из законодательства и материалов судебной практики современных арабских государств, представляет собой полное перевоплощение европейских торговых традиций. Объясняется это в первую очередь тем, что сама исламская цивилизация зародилась и развивалась в неразрывном единстве с торговлей, в связи с чем правовое регулирование торговых отношений носило первоочередной характер с самых истоков исламского права.

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что в исламском правопорядке торговое право практически полностью обособлено от гражданского права. Если в европейских и российском правопорядках до сих пор ведутся дискуссии о необходимости выделения торгового права в самосто-

⁴ Berman H.J. The Religious Sources of General Contract Law: An Historical Perspective and Religion // Journal of Law and Religion. 1986. Vol. 4. Iss. 1. P. 123–124.

тельную отрасль, то в исламских юрисдикциях не остается сомнений в том, что у торгового права должно быть свое, особенное правовое регулирование. Подобные взгляды, в частности, находят большую поддержку в законодательстве ОАЭ, где и представители теории, и практикующие юристы настаивают на необходимости четкого разграничения норм гражданского и торгового права.

Позиция, согласно которой исламское торговое право является самостоятельной отраслью права, представляется верной по следующим основаниям:

1. Исламское торговое право обладает собственным предметом правового регулирования, который составляют торговые отношения. Они в определенной степени подпадают под гражданско-правовое регулирование, но лишь в определенной, формальной степени. В большинстве своем торговые отношения основываются в исламских правовых порядках на неформальных соглашениях сторон между собой, которые становятся более эффективными инструментами в торговом обороте.

2. Исламское торговое право в значительной степени отражает сложившиеся торговые традиции, и действие правового обычая в этой отрасли права занимает гораздо более весомое положение, нежели в гражданском праве, которое более формализованно и в качестве приоритетного источника признает законодательство.

3. Торговое право во многих арабских государствах имеет собственное правовое регулирование — либо в форме отдельного Торгового кодекса (например, Торговый (Коммерческий) кодекс Объединенных Арабских Эмиратов 1993 г.), либо в форме закона.

В литературе, посвященной исламскому торговому праву, сформировалось несколько теорий, которые касаются правовой сущности и сферы использования исламского торгового права. Рассмотрим кратко каждую из них:

1. *Материальная теория*⁵. Представители данного подхода полагают, что исламское торговое право обладает только одной ключевой особенностью, а именно тем, что оно регулирует торговую деятельность. При этом, по их мнению, субъектный состав участников подобной деятельности совершенно не важен, поскольку все зависит от характера действий субъекта: если они связаны с торговлей, следовательно, отношения, связанные с осуществлением подобных действий, подпадают под регулирование исламского торгового права. Эта теория не разделяет профессиональных торговцев (коммерсантов) и непрофессиональных участников товарного рынка, что вызывало существенную критику со стороны представителей личностной теории.

2. *Личностная теория*⁶. Данная теория выделяет два конститутивных признака торгового права:

⁵ Абдулвахид А.Х. Международное общее право. Йемен, 2000. С. 45.

⁶ Атиф А.М. Принципы торгового права. Иордания, 2001. С. 49–55.

- торговое право связано с осуществлением торговой деятельности;
- торговое право регулирует только отношения в сфере торговли, субъектами которой выступают лишь профессиональные торговцы. При этом следует отметить в качестве недостатка данного подхода то, что ее представители не сформулировали четких критериев, в соответствии с которыми лицо признается профессиональным коммерсантом.

Подводя промежуточные итоги, следует сделать следующие выводы.

Во-первых, появление исламского торгового права как отдельной отрасли исламского права было предопределено ранним появлением и стремительным развитием торговых отношений на территории стран, принявших ислам в качестве государственной религии. Самые первые основы исламского торгового права можно обнаружить еще в древние времена, когда государственность была лишь на первоначальной стадии своего формирования, и законодательного оформления правил поведения еще не существовало. Постепенно, с развитием и усложнением общественных и экономических отношений, исламское торговое право стало приобретать и законодательное регулирование. Классический период развития исламского права сопровождался бурным ростом как местных, так и транснациональных торговых связей.

Во-вторых, всеобщая глобализация привела к тому, что нормы исламского торгового права стали проникать не только в арабские юрисдикции, но и в европейские правовые порядки, что приводит к острой необходимости имплементации отдельных положений шариата в торговое законодательство европейских государств.

Алиев Р.Р.,

магистр права, аспирант Юридического факультета
Академии труда и социальных отношений
(г. Москва)

Литература

1. Амиров А.Т. Шариат в современном мире / А.Т. Амиров // Научные труды. Российской академии юридических наук. Вып. 20. Москва : Юрист, 2020.
2. Berman H.J. The Religious Sources of General Contract Law: An Historical Perspective / H.J. Berman // Journal of Law and Religion. 1986. Vol. 4. Iss. 1.
3. Абдулвахид А.Х. Международное общее право / А.Х. Абдулвахид. Йемен, 2000.
4. الأخرس, عاطف. مبادئ القانون التجاري عاطف الأخرس / الأخرس, عاطف. الأردن, 2001.

Общие принципы договоров в исламском праве

Методология шариата в отношении *ибадата* (религиозных действий) и *муамалата* (сделок) несколько разнится по своему характеру. Тщательное изучение Корана и Сунны по этой теме показывает, что *ибадат* рассматривается всесторонне, тогда как *муамалат* — лишь в общих чертах. По-видимому, причина заключается в том, что *ибадат* считаются универсальными истинами, на которые не влияют ни время, ни пространство. Они не подлежат изменению посредством *иджтихада* или каким-либо иным образом. Эти незыблемые заповеди были необходимы, и потому они были предусмотрены. *Муамалат* — это вопросы, касающиеся взаимодействия между отдельными лицами. Разнообразие этого взаимодействия невозможно ни предвидеть, ни контролировать сводом фиксированных правил. Они также меняются вместе со сменой временных эпох и в пределах различных географических образований.

Имам ибн Таймия, объясняя разницу между *ибадатом* и *муамалатом*, писал:

«Поступки и деяния людей бывают двух типов: ибадат (религиозные действия), посредством которых улучшается их религиозность, и муамалат (сделки), связанные с их мирскими делами. Рассмотрение шариатских источников показывает, что религиозные действия санкционируются четкими предписаниями шариата. Таким образом, то, что не указано в заповедях, не может быть сделано обязательным. Что же касается сделок, основным принципом, регулирующим их, является допустимость и отсутствие запретов. Таким образом, ничто не может быть запрещено, если это не запрещено Аллахом и Его Посланником»¹.

Ввиду этого шариатом установлены общие правила, касающиеся *муамалата*, для того чтобы разные люди в разных местах и в разные времена могли обращаться за руководством. Установив общие рамки, законодатель предоставил мусульманским правоведам право устанавливать конкретные правила для *муамалата*, которые могут быть сочтены необходимыми в сложившихся обстоятельствах. Эта методология, предусмотренная шариатом, предоставляет людям разумную степень свободы в их взаимоотношениях, в заключении договоров и совершении сделок.

Принимая во внимание такое отношение к *муамалату* в исламском праве, общие принципы могут быть сформулированы следующим образом.

¹ Ибн Таймия. Аль-Фатава аль-Кубра. Бейрут : Дар аль-Кутуб.

1. Взаимное добровольное согласие.

Взаимное добровольное согласие договаривающихся сторон является необходимым условием действительности договора. Именно это согласие порождает обязательства, вытекающие из договора. Согласие, необходимое для заключения действительного договора, должно являться добровольным. Согласие, полученное с помощью принуждения, обмана, введения в заблуждение или другими незаконными способами, делает договор недействительным в соответствии с шариатом. Аналогичным образом, договор, заключенный в состоянии алкогольного опьянения, в качестве шутки или по ошибке, также недействителен в исламском праве. Это связано с тем, что в таких случаях отсутствуют элементы добровольного согласия и намерения сторон заключить договор и принять на себя связанные с этим обязательства.

2. Запрет на гарар.

Запрет гарара является еще одним принципом, регулирующим все договоры и сделки. Арабское слово «гарар» означает неопределенность, спекуляцию, риск и опасность. Как технический термин, он применяется к неопределенности конечного результата договора, что может привести к спорам и судебным разбирательствам.

Предполагается, что договор подвержен гарару, если он касается:

- а) события, о котором стороны не знают, произойдет оно или нет;
- б) вещи, о характеристиках которой у сторон нет информации;
- в) вещи, о существовании которой неизвестно;
- г) вещи, возможность получения которой вызывает сомнения;
- д) вещи, количество которой неизвестно.

Примерами сделок, основанных на гараре, являются: продажа рыбы в воде, птиц в воздухе, зародыша в утробе и плодов деревьев в начале сезона, когда их качество невозможно установить.

3. Запрет на рибу (ростовщичество).

Еще одним принципом, регулирующим сделки, является запрет на рибу. Рибa определяется как «прирост, не имеющий соответствующего обоснования при обмене одного имущества на другое»².

Правовед-современник Наби́ль Салих определил рибу как «незаконную прибыль, происходящую из количественного неравенства ценностных эквивалентов в любой сделке, направленной на обмен двух или более единиц, которые принадлежат к одному роду и регулируются одними и теми же практическими принципами»³.

Запрет на рибу встречается в большом количестве текстов Корана и Сунны.

² Мухаммад ибн Махмуд аль-Бабарт. Аль-Иная аля аль-Хидая. Каир : Мустафа аль-Баби аль-Халаби, 1970. Т. 7. С. 3.

³ Наби́ль Салих. Незаконная выгода и законная прибыль в исламском праве. Лондон : Kluwer law International, 1992. С. 16.

В Коране сказано:

«Но Аллах дозволил торговлю и запретил лихоимство»⁴.

«О те, которые уверовали! Бойтесь Аллаха и не берите оставшуюся часть лихвы, если только вы являетесь верующими. Но если вы не сделаете этого, то знайте, что Аллах и Его Посланник объявляют вам войну. А если вы раскаетесь, то вам останется ваш первоначальный капитал. Вы не поступите несправедливо, и с вами не поступят несправедливо»⁵.

4. Запрет на кимар и майсир (азартные игры).

Термин «кимар» включает в себя любую форму прибыли или денег, получение которых зависит исключительно от удачи и случая. В отличие от других, имеющих такое же право, человек может получить доход в результате лотереи или удачного розыгрыша. Это также включает получение денег, выгоды или права пользования за счет другой стороны или сторон, имеющих равные права на эти деньги или выгоду⁶.

Майсир буквально означает получение чего-либо слишком легко или получение прибыли без ассоциированного с этим труда. Наиболее знакомой арабам формой азартных игр было бросание жребия с помощью стрел по принципу лотереи. Стрелы были помечены и служили той же цели, что и современный лотерейный билет. Предмет, например туша убитого животного, делился на неравные части. Из мешка вытягивались отмеченные стрелы. Те, кто вытянул стрелу без метки, не получал ничего, тогда как другие стрелы обозначали большой или малый приз. Получал ли человек большую долю, малую или вообще ничего, зависело от чистой удачи. Игра в кости и пари по праву считаются попадающими под определение азартных игр и майсира⁷.

5. Запрет хилабы и гишша (сокрытие сведений и введение в заблуждение).

Коран и Сунна порицают мошенничество, жульничество и обман, в какой бы форме они ни были. В Коране и Сунне для передачи значений мошенничества и обмана используются слова «хилаба», «гишш» и «татфиф». Мошенничество — тактика, практикуемая одной из сторон, с тем чтобы склонить человека к договору, который бы он иначе не заключил. К мошенничеству также относятся сокрытие недостатков и фальсификация товара.

Мошенничество и обман решительно осуждаются в Коране и Сунне. Мошенничество включает в себя ряд практик, таких как предоставление неполной меры и неполного веса (татфиф), ложный торг для повышения цены

⁴ Коран. 2: 275.

⁵ Коран. 2: 278–279.

⁶ Махмуд Ахмад Гази. Финансирование по принципу мударобы: оценка : доклад, представленный на конференции по исламскому корпоративному финансированию «Решения на основе шариата» (Карачи, 21–22 ноября 1998 г.).

⁷ Абдулла Юсуф Али. Священный Коран : перевод и комментарии». Саудовская Аравия : Компания аль-Раджихи, 1983. С. 111.

товара (наджаш), оставление животного без доения в течение длительного времени для создания ложного впечатления у покупателя о его надоях (тасрия), практика встречи жителей деревни на окраине города с целью приобретения их товара до того, как они достигнут рынка (талакки аль-рукбан), ложные клятвы и сокрытие дефектов при продаже.

Некоторые тексты Корана и Сунны, касающиеся этой темы, говорят следующее:

«Горе обвешивающим, которые, когда отмеривают себе у людей, берут полностью, а когда меряют им или вешают, сбавляют! Разве не думают эти, что они будут воскрешены для великого дня — того дня, когда люди встанут пред Господом миров»⁸.

Сообщается, что пророк утверждал: «Если обе стороны говорили правду и описывали недостатки товара, то их сделка будет благословенной. А если они говорили ложь и скрывали что-то, то благословение их сделки будет утрачено»⁹.

6. Запрет на заключение двух взаимно несовместимых договоров или условных договоров.

Это еще один принцип, относящийся к сделкам. Два взаимно несовместимых договора были запрещены пророком в ряде хадисов.

Передается Абу Хурайры, что пророк запретил транзакции, включающие две продажи в рамках одной сделки (бай`атан фи бай)¹⁰. Хадис о двух продажах в одной сделке толкуется различными способами, например:

1. Продажа двух предметов по двум ценам: это происходит, когда один человек говорит другому: «Я продаю тебе этот предмет по этой цене с условием, что ты продашь свой дом по этой цене».

2. Условная продажа: это происходит, когда один договор ставится в зависимость от другого, когда оба договора взаимно несовместимы, например, А говорит Б: «Я продам тебе свой дом, если В продаст мне свой дом». Здесь выполнение первого договора зависит от второго.

3. Продажа одного объекта по двум ценам: этот вид продажи понимается двумя способами. Первый способ: одна из двух цен выплачивается наличными, другая — позже. Например, А говорит Б: «Я продаю тебе этот товар за сто наличными и за сто пятьдесят в кредит». Второй способ: одна из сторон договора говорит: «Я продаю эту одежду за такую-то цену при условии, что я выкуплю ее через некоторое время по другой цене»¹¹.

⁸ Коран, 83: 1–6.

⁹ Мухаммад ибн Исмаил Мухари. Сахих. Бейрут : Дар аль-Китаб аль-Араби, 1323 (исламского календаря). № 2087. С. 410.

¹⁰ Абу Дауд. Сунан. № 3540. Т. 3. С. 769.

¹¹ См.: Найла Комайр-Обейд. Закон о деловых договорах на арабском Ближнем Востоке. Лондон : Kluwer law international, 1996. С. 61.

7. Соответствие договора макасид аш-шария (целям шариата).

Цель шариата в отношении человека состоит из пяти основных аспектов — сохранение его религии, жизни, потомства, интеллекта и материальных благ. Все предписания шариата направлены на достижение пяти целей, известных как макасид аш-шария:

1. Защита религии (дин).
2. Защита жизни (нафс).
3. Защита потомства (насль).
4. Защита разума (акль).
5. Защита имущества (мал).

Любая сделка или договор, которые нарушают или подвергают опасности любую из этих целей, являются недействительными в шариате. Следует отметить, что в исламском праве макасид аш-шария иногда называют «хукук Аллах» (правами Аллаха). Права Аллаха в шариате относятся ко всему, что связано с пользой для общества в целом. Тафтазани определяет «хукук Аллах» следующим образом: «Под правами Аллаха понимается то, что охватывает общественную пользу, не присущую отдельно взятому лицу. Это относится к Богу из-за величия их значения и всеобщей полезности»¹². Таким образом, «хукук Аллах» в этом смысле соответствует общественным правам или общественной политике в современном праве. Цели шариата или «хукук Аллах» подчеркиваются в большом количестве текстов Корана и Сунны.

В хадисе пророк сказал: «Аллах сделал жизнь, имущество и честь каждого из вас священными и неприкосновенными по отношению к другому, как этот день этого месяца на этой территории»¹³. Требование соответствия договора целям шариата аналогично требованию современного права о том, что соглашение не должно противоречить общественному порядку.

8. Принцип ответственности за убытки и права на прибыль.

Еще одним принципом, регулирующим договоры и коммерческие сделки, является принцип ответственности за убытки и права на прибыль. Этот принцип изложен в следующих текстах. Пророк сказал:

1. «Право пользования передается вместе с ответственностью»¹⁴.
2. «Не разрешается сочетание займа и продажи, а также двух условий при продаже, и недопустима прибыль от вещи, за которую вы не несете ответственности, и продажа того, чего у вас нет в наличии»¹⁵.

Этот принцип предусматривает, что лицо имеет право на получение прибыли только тогда, когда оно несет риск убытков. Данный принцип действует в ряде договоров, таких как договор купли-продажи, найма или партнерства.

¹² Масуд ибн Умар ат-Тафтазани. Аль-Талвих. Каир : Мактаба Мухаммад Али Сабих, 1957. Т. 2. С. 151.

¹³ Бухари. Сахих. № 7447. С. 1562; № 7447. С. 1562.

¹⁴ Абу Дауд. Сунан. № 3508. Т. 3. С. 777.

¹⁵ Абу Абд ар-Рахман ибн Шу'айб Наса'и. Сунан. Стамбул : Дар аль-Дава, Китаб аль-Тиджара. № 4625, 4644. Т. 7. С. 33.

Предприниматель имеет право на прибыль и доход в своем бизнесе, поскольку он готов нести убытки. Точно так же хозяин дома имеет право на сдачу своего дома в аренду в договоре найма, потому что он подвергает себя риску его повреждения или разрушения. Этот риск делает его законным владельцем ренты.

9. Допустимость как общее правило.

В сфере сделок и договоров разрешено все, что не запрещено. Это правило подчеркивается в ряде стихов Корана. Вот некоторые из них:

«И Он подчинил вам то, что в небесах, и то, что на земле, — все, исходящее от Него»¹⁶.

Скажи: «В том, что открыто мне, я не нахожу запретным для питающегося то, чем он питается, только если это будет мертвечина, или пролитая кровь, или мясо свиньи, потому что это — скверна, — или нечистое, которое заколото с призыванием не Аллаха». Кто же вынужден, не будучи распутником или преступником, — то Господь твой — прощающ, милосерд!¹⁷

Скажи (о Мухаммад): «Кто запретил украшения Аллаха, которые Он низвел для Своих рабов, и прелести из удела?»¹⁸

Принцип допустимости, упомянутый выше, устанавливает тот факт, что все соглашения и условия, содержащиеся в них, допустимы, пока они не противоречат прямым текстам Корана и Сунны. Этот широкий принцип предоставляет различным сообществам достаточные возможности для разработки законов для себя, чтобы соответствовать новым и меняющимся обстоятельствам.

«И что с вами, что вы не едите того, над чем помянуто имя Аллаха, когда Он уже разъяснил вам, что вам запрещено, если вы к этому не будете приневолены?»¹⁹

Хадисы пророка также подчеркивают дозволенность как общее правило, которого следует придерживаться в сфере муамалата. Пророк говорил: «Мусульманам следует соблюдать свои условия, за исключением тех, которые делают незаконное законным или законное незаконным»²⁰. Этот хадис указывает на то, что любое соглашение в принципе законно, если оно не противоречит какому-либо прямому тексту Корана и Сунны.

Заключение

Коран и Сунна рассматривают ибадат (религиозные действия и вопросы ритуального послушания) в деталях, а муамалат (гражданские сделки) — в общих чертах. Ниже приведены некоторые важные принципы, регулирующие коммерческие контракты и сделки:

¹⁶ Коран. 45: 13.

¹⁷ Коран. 6: 145.

¹⁸ Коран. 7: 32.

¹⁹ Коран. 6: 119.

²⁰ Хайтами. Маджма аз-Заваид. Т. 4. С. 205.

(А) Договор должен быть заключен на основе взаимного добровольного согласия.

(Б) Он должен быть лишен гарара (неясности, неопределенности).

(В) Он должен быть свободен от рыбы (ростовщичества).

(Г) Он не должен содержать элементы кимара и майсира (азартных игр).

(Д) В нем не должно быть хилабы и гишша (мошенничества и обмана).

(Е) Не допускаются два взаимно несовместимых договора.

(Ж) Договор не должен противоречить целям шариата.

(З) Право на прибыль зависит от ответственности за риск.

(И) Разрешено все, что прямо не запрещено. Все соглашения являются допустимыми, если только они не противоречат какому-либо тексту Корана или Сунны или не противоречат целям шариата.

Амиров А.Т.,

доцент кафедры коммерческого права и основ правоведения
Юридического факультета Московского государственного университета
(МГУ) имени М.В. Ломоносова,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Масуд ибн Умар ат-Тафтазани. Аль-Талвих / Умар ат-Тафтазани Масуд ибн. Каир : Мактаба Мухаммад Али Сабих, 1957. Т. 2. С. 151.
2. Абдулла Юсуф Али. Священный Коран : перевод и комментарии» / Али Абдулла Юсуф. Саудовская Аравия : Компания аль-Раджихи, 1983. С. 111.
3. Абу Абд ар-Рахман ибн Шу'айб Наса'и. Сунан / Шу'айб Наса'и Абу Абд ар-Рахман ибн. Стамбул : Дар аль-Дава, Китаб аль-Тиджара. № 4625, 4644. Т. 7. С. 33.
4. Абу Дауд. Сунан / Дауд Абу. № 3508. Т. 3. С. 777.
5. Абу Дауд. Сунан / Дауд Абу. № 3540. Т. 3. С. 769.
6. Бухари. Сахих / Бухари. № 7447. С. 1562; № 7447. С. 1562.
7. Ибн Таймия. Аль-Фатава аль-Кубра / Таймия Ибн. Бейрут : Дар аль-Кутуб.
8. Махмуд Ахмад Гази. Финансирование по принципу мударабы: оценка : доклад, представленный на конференции по исламскому корпоративному финансированию «Решения на основе шариата» (Карачи, 21–22 ноября 1998 г.) / Гази Махмуд Ахмад.
9. Мухаммад ибн Исмаил Мухари. Сахих / Исмаил Мухари Мухаммад ибн. Бейрут : Дар аль-Китаб аль-Араби, 1323 (исламского календаря). № 2087. С. 410.
10. Мухаммад ибн Махмуд аль-Бабарти. Аль-Иная аля аль-Хидая / Махмуд аль-Бабарти Мухаммад ибн. Каир : Мустафа аль-Баби аль-Халаби, 1970. Т. 7. С. 3.
11. Набиль Салих. Незаконная выгода и законная прибыль в исламском праве / Салих Набиль. Лондон : Kluwer law International, 1992. С. 16.
12. Найла Комайр-Обейд. Закон о деловых договорах на арабском Ближнем Востоке / Комайр-Обейд Найла. Лондон : Kluwer law international, 1996. С. 61.
13. Хайтами. Маджма аз-Заваид / Хайтами. Т. 4. С. 205.

Договорные начала в исламском уголовном праве

На первый взгляд может показаться, что уголовное право далеко от торгового, а договорные отношения ему совсем не свойственны. Однако это первоначальное впечатление является неточным. При ближайшем рассмотрении оказывается, что договорные начала составляют неотъемлемую часть исламского уголовного права. Для более подробного анализа необходимо остановиться на исламской классификации преступных деяний.

Традиционное исламское уголовное право делит все преступления на три большие группы. В качестве основания для классификации выступает наказание. Но не стоит полагать, что в данном случае имеется в виду какой-либо вид или размер наказания. Нет, в качестве основания для данной классификации выступает степень определенности наказания в Коране и/или сунне (хадисах).

Итак, к первой группе относятся преступления, за совершение которых в Коране и/или сунне (хадисах) установлено определенное или фиксированное наказание *ху́дуд*. В мусульманском правоведении считается, что эти деяния посягают на «права Аллаха» и установленное наказание *ху́дуд* является богооткровенным. Это означает, что данные преступные деяния упомянуты и криминализированы в самом Коране и/или сунне и там же за их совершение установлено конкретное наказание. Сюда относится крайне ограниченное число преступлений: разбой, кража, употребление спиртных напитков, прелюбодеяние и ложное обвинение в прелюбодеянии. Иногда сюда также относят вероотступничество и бунт. Отличительной чертой преступлений данной категории является то, что за их совершение предусмотрено абсолютно-определенное наказание и, в случае доказанности вины преступника, суд не имеет права назначить другой вид наказания или иной размер того же наказания¹.

Ко второй группе преступлений, выделяемых традиционным исламским уголовным правом, относят посягательства на жизнь и здоровье человека, т.е. убийство и причинение вреда здоровью. Они восходят к доисламскому периоду, и в древности после их совершения у потерпевшей стороны возникало право на кровную месть. Возникнув, исламское уголовное право санкционировало нормы традиционного обычного права, но при этом существенно модифицировало и ограничило их². Например, подверглась запрету

¹ Артемов В.Ю. Преступления категории *кисас* согласно мусульманскому уголовному праву // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 3. С. 133.

² Там же.

и осуждению кровная месть, и был введен принцип строгой личной виновной ответственности преступника только за свои преступления. Кровная месть, тем не менее, продолжала и продолжает существовать в ряде исламских народов в качестве обычая (например, по адатам северокавказских народов)³.

За совершение убийств и нанесение увечий исламским уголовным правом установлено наказание в виде воздаяния равным, которое называется *кисас* и означает для убийства смертную казнь, а для увечий (ранений) — членовредительские наказания по талиону. Воздаяние равным было санкционировано Кораном:

А воздаянием за зло
Есть зло, подобное ему.
Тому же, кто простит и восстановит мир,
Назначена награда у Аллаха, —
Ведь Он не любит преступивших
(Пределы, установленные Им)⁴.
«О вы, кто верует!
Предписано вам право
За смерть (убитых близких) отомстить,
За жизнь свободного — свободный,
И раб — за жизнь раба,
И за жену — жена.
*Но тот, кому собратом будет прощено,
Благодеянием разумным должен возместить»*⁵.
И в ней для них Мы предписали:
Душа — за душу, глаз — за глаз, нос — за нос,
Ухо — за ухо, зуб — за зуб;
За (нанесенье) ран — отмщение (по равной мере).
А кто простит (за свои раны)
И (возмещение за них) на милостыню обратит,
Тому послужит это искуплением (грехов)⁶.

В связи с тем что названные преступления представляют из себя посягательства на частных лиц, применительно к ним предусматривается значительный частно-правовой элемент, сводящийся к тому, что потерпевшая сторона (сам потерпевший или родственники и наследники убитого) может либо настаивать на установленном наказании в виде смертной казни или членовредительских наказаний по талиону, либо согласиться принять уплату возмещения или выкупа (*дийа*), либо вообще простить виновного.

³ Об адатах подроб. см.: Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М. : Изд-во МГУ, 2002.

⁴ Сура 24 «Свет», аят 40. Цит. по: Коран : пер. смыслов и коммент. Иман Валерии Пороховой. 8-е изд. М. : Рипол Классик, 2006. С. 516.

⁵ Сура 2 «Корова», аят 178// Там же. С. 56.

⁶ Сура 5 «Трапеза», аят 45 // Там же. С. 144.

С точки зрения правовых последствий, определенных традиционным правом, смертная казнь и членовредительские наказания по талиону возможны только в качестве наказания за умышленные преступления. За любое неосторожное преступление данной категории уплачивается лишь возмещение.

К третьей же большой группе преступлений относят все иные деяния, за совершение которых установлено назидательное или исправительное наказание *тазир*, не предусмотренное в Коране и/или сунне и применяемое по усмотрению суда. По сути, сюда относятся все остальные преступления, составляющие большинство.

Возмещение (дийа) при убийстве мужчины-мусульманина в классическом праве составляет сто верблюдов в натуре либо их натуральный или денежный эквивалент. За жизнь женщины и немусульманина, согласно традиционному средневековому праву, полагаются меньшие размеры или суммы возмещения. В случае причинения умышленного вреда здоровью полагаются выплаты, равные той или иной части полного возмещения за жизнь.

Выдающийся деятель раннего ислама эпохи становления исламской государственности Абу Юсуф (731–798 гг.), творивший в рамках ханафитского мазхаба (богословской-правовой школы) исламского права, так пишет об этом: «Согласно тому, что сообщается со ссылкой на посланника Аллаха и на имамов из числа его сподвижников, пеня за убийство (дийа) должна составлять 100 верблюдов, или 1000 динаров, или 10 000 дирхамов, или 2000 овец, или 200 одеяний или, наконец, 200 голов крупного рогатого скота»⁷.

Данное положение традиционного мусульманского уголовного права закреплено в современном уголовном законодательстве даже некоторых мусульманских государств. Так, ст. 297 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран 1991 года следующим образом определяет размер возмещения: сто верблюдов, или двести быков и коров, или одна тысяча баранов и овец, или двести комплектов одеяний из ткани йеменской выделки, или одна тысяча золотых монет, или десять тысяч серебряных монет⁸. Согласно же ст. 300 закона, размер возмещения при убийстве женщины-мусульманки равен половине возмещения, полагающегося за убийство мужчины-мусульманина⁹.

В связи с достаточно большим размером выплаты, возмещение должно было быть выплачено не одномоментно, а в течение длительного срока, достигавшего даже нескольких лет. Наказание *кисас* в виде смертной казни (в случае умышленного убийства) или членовредительских наказаний

⁷ Цит. по: Арабский халифат и мусульманское право : учебное пособие. М. : МЮИ МВД России, 1997. С. 41–42.

⁸ Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / науч. ред. А.И. Ахани ; предисл. зам. Председателя Государственной Думы РФ Ю.В. Волкова : пер. с перс. М.С. Пелевина. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 159.

⁹ Там же. С. 160.

(в случае умышленного причинения вреда здоровью) во всех случаях полагается лишь за умышленные деяния. За все неосторожные деяния может быть выплачено лишь причитающееся материальное возмещение.

Договорные начала исламского уголовного права наиболее отчетливо проявляются в том, что в случае совершения преступлений данной категории виновное лицо зависело от воли потерпевшей стороны (самого потерпевшего или его родственников и наследников при умышленном убийстве), которая была наделена правом настаивать на установленном наказании или согласиться принять выплату возмещения дийа либо вообще простить виновного. Если при покушении на умышленное убийство и при умышленном причинении вреда здоровью вопросов не возникает, так как настаивать на наказании или согласиться на принятие возмещения вправе сам потерпевший, то в случаях оконченного умышленного убийства доктринальные школы (мазхаба) исламского права расходятся в своих выводах относительно того, кто именно из наследников и родственников вправе принимать данное решение. Согласно выводам одних мазхабов, данным правом пользуются лишь самые ближайшие родственники, в то время как другие мазхабы наделяют таким правом родственников погибшего потерпевшего по мужской линии¹⁰.

Артемов В.Ю.,

старший научный сотрудник Института законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Арабский халифат и мусульманское право : учебное пособие / составители Д.В. Бондаренко, А.С. Емелин. Москва : МЮИ МВД России, 1997.
2. Артемов В.Ю. Преступления категории кисас согласно мусульманскому уголовному праву / В.Ю. Артемов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 3.
3. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / научный редактор А.И. Ахани ; предисловие Ю.В. Волкова ; перевод с персидского М.С. Пелевина. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2008.
4. Коран / перевод смыслов и комментарии И.В. Пороховой. 8-е изд. Москва : Рипол Классик, 2006.
5. Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе / З.Х. Мисроков. Москва : Издательство МГУ, 2002.
6. Основы мусульманского права / М.И. Садагдар. Москва : [б. и.], 1968.

¹⁰ Основы мусульманского права / М.И. Садагдар ; Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. М., 1968. С. 123.

Влияние Кормчей книги на развитие государственного суверенитета

В любое время в каждом государстве существовала проблема легитимизации государственной власти. Одним из главенствующих способов формирования авторитета государственной власти долгое время являлось приращение ей божественной природы. Так, например, в прологе к своим Законам вавилонский царь Хаммурапи говорит о том, что не он сам создал эти законы, но они были дарованы ему свыше¹.

Стоит отметить, что религиозное обоснование сущности государственной власти присутствовало долгое время и в России. Одним из наиболее важных событий в истории нашей страны (а может, и самое важное) является принятие христианства в 988 г., что во многом и определило вектор дальнейшего развития государства.

После принятия христианства на государственном уровне на территорию Древней Руси вместе с византийским духовенством (преобладание греческого духовенства среди архиереев присутствовало достаточно небольшой период)² были привезены как тексты Священного Писания, так и иные книги, которые содержали разного рода нормы религиозного содержания.

Одной из таких книг стал греческий «Номоканон», который первоначально распространялся в Древней Руси именно на греческом языке. Но, по утверждению некоторых исследователей, перевод греческого текста на церковно-славянский язык был произведен уже в XI в.³ Перевод Номоканона в Российском государстве стал известен под названием «Кормчая книга».

Существуют два основных вида номоканонов. Первый — канонический сборник из 50 титулов, составление которого приписывают Иоанну Схоластику. Но гораздо большее распространение, в том числе и на Руси, получил канонический сборник из 14 титулов, составление которого приписывают уже константинопольскому патриарху Фотию. Однако стоит отметить, что данное авторство может быть правдивым только отчасти, так как при анализе предисловия к данному каноническому сборнику обнаруживается деле-

¹ В тексте Законов Хаммурапи необходимо обратить внимание на следующую формулировку: «Когда Мардук направил меня, чтобы справедливо руководить людьми и дать стране счастье, тогда я вложил в уста страны истину и справедливость и улучшил положение людей». См.: Законы Хаммурапи / сост. и коммент. А.А. Вигасина. М., 1997; Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века / сост.: В.А. Томсинов. М.: Изд-во «Зерцало-М», 2024. С. 10.

² Павлов А. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань: Университетская типография, 1869. С. 6–10.

³ К таким исследователям можно отнести А.С. Павлова и В.Н. Бенешевича.

ние данного предисловия на две части, которые были составлены двумя разными авторами⁴.

Первый из них был первоначальным составителем данного сборника. Второй же, которым как раз и мог быть константинопольский патриарх Фотий, только дополнил первоначальную редакцию сборника, включив в него новые правила церковных соборов, а также ссылки на гражданское (светское) законодательство в первую часть сборника, о чем и говорится во втором предисловии к нему.

Первоначальная редакция канонического сборника из 14 титулов была составлена примерно между 578 и 582 гг., приблизительно в 580 г.⁵. Автор первоначальной редакции остается неизвестным. Редакция канонического сборника, авторство которой приписывается патриарху Фотию, составлена в 883 г. Данная дата указана в тексте второго предисловия к сборнику⁶.

Для определения сущности Кормчей книги необходимо разобраться в названии первоначальной, греческой версии, которая чаще всего обозначается под названием «Номоканон». Однако, если обратиться к исследованиям, изучающим данные памятники, мы с удивлением обнаружим, что единое название на греческом языке для подобных сборников просто отсутствует. Именно поэтому Бенешевич в своих исследованиях «номоканоны» называет «сборниками»⁷. Помимо названия «Номоканон» в литературе можно встретить такие термины, как «синтагма» и «синагога» для обозначения сборника норм церковного права.

Для определения значения указанных терминов необходимо в первую очередь обратиться к оригинальному тексту Номоканона патриарха Фотия в 14 титулах. В тексте первого пролога к сборнику можно встретить употребление слов *συνταγμα*⁸ и *συναγωγή*⁹. Слово *συναγωγή* по древнегреческо-русскому словарю Вейсмана обозначает «собрание, соединение (лиц или предметов)»¹⁰. Употребление данного термина говорит именно об объединении норм церковного права в рамках одного произведения.

⁴ Текст второго предисловия начинается со слов: «(Автор) предлагающего предисловия...». Нарбеков В. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2 : русский перевод с предисловием и примечанием. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1899. С. 13.

⁵ Нарбеков В. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 1 : историко-каноническое исследование. С. 22–23.

⁶ Там же. Ч. 2. С. 15.

⁷ Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб. : Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. С. 113.

⁸ Бенешевич В.Н. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб. : Типография императорской академии наук, 1906. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. Репринт V-го издания 1899 г. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. С. 1187.

Слово же *συντάγμα* по вышеуказанному словарю Вейсмана обозначает нечто собранное вместе, построенное, что может обозначать как некоторое воинское подразделение, так и какое-либо учение¹¹. Таким образом, мы приходим к выводу, что термин *συντάγμα* обозначает не просто соединение норм церковного права, но и построение их в определенном порядке.

Данный порядок заключается в том, что, во-первых, правила Вселенских соборов, Поместных соборов, правила Отцов Церкви были распределены в рамках уже указанных 14 титулов, которые являются первой из трех частей данного сборника; а во-вторых, во второй части канонического сборника церковные правила распределены в хронологическом порядке. Каждый из 14 титулов был поделен на главы, в рамках которых содержались ссылки на конкретные церковные правила. Самыми объемными титулами по количеству глав являются:

1) титул 1 «О богословии, православной вере, церковных правилах и хиротониях», который состоит из 38 глав;

2) титул 9 «О преступлениях и наказаниях епископов и клириков, и об отлучении и извержении, и какие грехи разрешает хиротония», состоящий из 39 глав;

3) титул 13 «О мирянах», который состоит из 41 главы.

Также для обозначения сборника из 14 титулов часто используется термин «номоканон». Слово *νομος* использовалось в греческом языке для обозначения либо какого-то обычая, либо закона¹². Слово *κανων* в данном контексте обозначает некое правило, норму, образец¹³, а именно церковное правило. Таким образом, соединение воедино двух вышеуказанных слов и создает такой термин, как номоканон, что в переводе на русский язык дословно означает «законоправило».

Во время дополнения «Сборника» из 14 титулов в конце IX в. н.э. в саму структуру ссылок на церковные каноны были добавлены извлечения из византийского светского законодательства, изданного по вопросам церковного благочиния. Именно с этого времени такие сборники и стали называть номоканонами, так как они стали содержать в себе не только нормы церковного, но и светского права (законы гражданские).

Вторая часть «Сборника» из 14 титулов состоит из церковных правил, расположенных в хронологическом порядке. В эту часть были включены: 85 Правил Апостольских, правила Вселенских, Поместных соборов, правила Святых Отцов Церкви. В первоначальной версии сборника присутствовала и третья часть, включавшая в себя церковно-гражданские постановления, которые

¹¹ Там же. С. 1208.

¹² Там же. С. 851.

¹³ Там же. С. 660.

заклучались в «постановлениях императоров и в толкованиях мудрых»¹⁴, то есть в Дигестах.

Канонические сборники, о которых идет речь, в первую очередь составлялись для практического применения. Так, например, в первом предисловии автор напрямую говорит о стремлении «составить свод правил, удобный для пользования»¹⁵, и именно поэтому в рамках каждой главы дается не полный текст правил, а только ссылка на них. Такой прием составления сборника позволил сделать его меньшим по объему. Более того, еще одной причиной указанной модели систематизации было нежелание автора «разбивать по необходимости и дробить на много частей одно и то же правило»¹⁶. Данный подход отражает глубокое понимание автора сборника сущности церковных правил. Одной из главных сложностей, с которыми могли столкнуться систематизаторы церковных канонов и правил Святых Отцов Церкви, были частые соединения в рамках одних и тех же правил «многих предметов»¹⁷ регулирования. Более того, одно и то же правило могло быть обращено к лицам, имеющим разный статус в рамках Церкви, как, например, к духовенству и мирянам. Поэтому составителю канонического сборника необходимо было не просто отнести то или иное правило Церкви к конкретному титулу, но выделить из уже принятых церковных канонов, правил Отцов Церкви определенные смысловые значения, которые бы позволили отнести то или иное церковное правило к конкретной главе конкретного титула. Автор Номоканона именно таким образом избегал опасности создания новых норм или изменения смысла существующих церковных правил, о чем также написано в прологе к Номоканону, а именно: он боялся «навлечь на себя справедливое обвинение в неблагоразумной вольности»¹⁸ за дробление канонов.

Первоначальный автор Номоканона обращает отдельное внимание на добавление в свой сборник правил Святых Отцов Церкви, которые содержатся в частных посланиях в форме вопросов и ответов. В прологе также указывается, что в полном виде церковными правилами могут являться только те, «которые не сам по себе кто-нибудь (постановил), а многие святые отцы, собравшись вместе, постановили с общего согласия и по строгом обсуждении»¹⁹. Далее в прологе дается объяснение добавления правил святых отцов: «Таковые (частные) определения учителей или относятся к тому, что уже высказано соборно, и приносят в это нечто во всяком случае полезное для прояснения того, мне думается, что казалось некоторым неудобопонятным (в тех соборных изречениях), или же относятся к каким-нибудь вопросам

¹⁴ Нарбеков В. Указ. соч. Ч. 2. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Там же. С. 10.

совершенно новым, которые никак — ни прямо, ни косвенно не раскрываются в записанных соборных вопросах и решениях; и что лица, на долю которых выпало рассудить о таковых вопросах, и в силу личного их авторитета, и в силу духовного света, который отображается действием Божиим в их решениях, способны высказать суждения не только безупречные, но и весьма похвальные»²⁰. По своей сути многие правила Святых Отцов Церкви действительно в более подробной мере объясняют ту или иную сторону христианской жизни. В самом Номоканоне в 14 титулах можно встретить примерно 229 ссылок на правила Святых Отцов (из примерно 1220 ссылок). Наибольшее количество ссылок содержится в титуле 13 (о мирянах), их число составляет 96 из 219 ссылок в данном титуле. Вышеуказанное вполне может свидетельствовать о том, что правила Отцов Церкви во многом рассматриваются в качестве поучения для христиан.

Как уже было отмечено, наибольшее распространение на территории Древней Руси получил канонический сборник 14 титулов. Большинство дошедших до нас списков данного сборника представляют собой синтагму, то есть сборник, который в первой своей части (14 титулах) содержит только ссылки на церковные правила, без извлечений гражданских постановлений византийских императоров. Стоит отметить, что во второй части Кормчей книги, где приводятся полные тексты церковных канонов, канонических посланий Отцов Церкви, в том числе содержатся компиляции светского законодательства, как, например, выдержки из «Эклоги», «Прохирон», некоторые из новелл императора Юстиниана. Но данный факт, скорее, свидетельствует о том, что практическое применение светского законодательства Византии на территории Российского государства было крайне ограничено, так как для удобства в практическом использовании в первую очередь составлялась именно первая часть канонического сборника, включающая в себя уже упомянутые 14 титулов. Сохранение же светских постановлений во второй части свидетельствует скорее об их использовании в качестве некоторых наставлений и опыта государственного строительства, которые были использованы в XVII в., о чем свидетельствует Соборное Уложение 1649 г.

При составлении Соборного Уложения 1649 г. в него были включено ограниченное количество норм и из византийских светских постановлений. В пример можно привести «Прохирон», или «Градские законы греческих царей»²¹, откуда было взято довольно небольшое количество статей, которые вошли в состав Соборного Уложения. Любопытно, что заимствования носили очень ограниченный характер. Это можно определить по тому факту,

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Данный правовой памятник был в составе множества списков Кормчих книг, что в конечном счете и повлияло на добавление некоторого количества норм в текст Соборного Уложения.

что сам царь Алексей Михайлович наказал брать «в градцких законах греческих царей» только те статьи, которые «пристойны... к государственным и к земским делам»²². Таким образом, составители Соборного Уложения в первую очередь опирались на практическую применимость норм византийского права на территории Российского государства.

Можно предположить, что именно в XVII в. Российское государство завершило трансформацию из частно-правового института в публично-правовой. Принятие Соборного Уложения отражает изменившуюся правовую природу государства. Однако именно принятие христианства в качестве официальной религии в 988 г. дало тот вектор развития России, который привел к принятию Соборного Уложения.

Данный тезис в первую очередь обосновывается тем, что власть великих князей, а затем и царей в христианстве обосновывается ее божественной природой: если князь или царь является наместником Бога на земле, то каждый христианин, проживающий на территории властителя, обязан ему подчиняться. Таким образом, христианская вера придавала легитимность княжеской/царской власти.

Кормчие книги, как уже было указано выше, соединяют в себе произведения разного характера: сами по себе церковные нормы, объяснения сути указанных норм, гражданские (светские) законы. Таким образом, Кормчая книга, как произведение, содержит в себе не только христианское мировоззрение, но и практику его воплощения через государственные институты. Одной из основных идей христианства является жертва своим благом ради своих ближних. Иными словами, данную идею можно выразить как необходимость наличия общего интереса в обществе²³. Подобную идею должно выражать и государство.

Подводя итог, необходимо отметить, что Кормчая книга содержит в себе как мировоззренческую, так и практическую сторону, соединение которых позволило стать данному произведению настоящим пособием для развития государства как воплощения общего интереса, а значит, и для развития идеи государственного суверенитета.

Ерышев В.И.,

аспирант кафедры истории государства и права
Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

²² Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М. : Зерцало, 2011. С. 22.

²³ Любопытно отметить, что даже слово «литургия» (λεϊτουργία) обозначает общее дело.

Литература

1. Бенешевич В.Н. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1 / В.Н. Бенешевич. Санкт-Петербург : Типография Императорской академии наук, 1906.
2. Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. / В.Н. Бенешевич. Санкт-Петербург : Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905.
3. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман. Репринт V-го издания 1899 г. Москва : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006.
4. Нарбеков В. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. В 2 частях. Ч. 1. Историко-каноническое исследование / В. Нарбеков. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1899.
5. Нарбеков В. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. В 2 частях. Ч. 2. Русский перевод с предисловием и примечанием / В. Нарбеков. Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1899.
6. Павлов А. Первоначальный славяно-русский номоканон / А. Павлов. Казань : Университетская типография, 1869.
7. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции / В.А. Томсинов // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / составитель, автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. Москва : Зерцало, 2011.

Духовные аспекты права и библейский взгляд на философию права

Социальный и политический запрос на твердые ценностные основы правосознания общества продиктованы сегодня в том числе глубоким внутренним и внешнеполитическим кризисом, в результате которого рушатся базовые аспекты человеческой жизни. Права человека становятся профанацией: право на жизнь попирается правом на эвтаназию, однополые браки, пропаганда порока в школах и ювенальная юстиция, что выявляет кризис права в результате глубокой девиации правосознания современного человека и общества.

Римская правовая традиция вместе с христианскими идеями лежит в основе европейской правовой системы, формировавшейся несколько столетий. Но соотношение права и религии непостоянно в западных странах, что связано с формированием концепции прав человека. Данный процесс трансформации связан с возрастающим доминированием принципов секуляризации и либерализации публичной жизни и культуры вообще. Провозглашение в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека закрепило тенденцию к обмирщению данной концепции¹.

Сравнивая подходы основных религий к пониманию прав человека, Л.Р. Сюкияйнен приходит к выводу, что юридическому пониманию ближе всего протестантская мысль, дальше всех православный и исламский подходы. Особенно интересно замечание автора о том, что протестантский и православный подходы открыто критикуют друг друга, при этом позиция православия отмечена как резко негативная к оппоненту. Спор ислама с протестантским подходом автор квалифицирует как спор с либеральными идеями².

Данный вопрос различных подходов требуется рассматривать в том числе и в богословском аспекте, непонимание глубины мировоззренческой проблематики ведет к трагедиям и войнам. Протестантизм для православия по своей сути, как заметил в том числе Л.Р. Сюкияйнен, попытка либерализации христианских традиций и ценностей. Соответственно, накопленный в течение двух тысяч лет святоотеческий опыт не позволяет православию принять ту гибкость мировоззрения, которая приводит к разрушению традиционных ценностей. Либеральный по своей сути протестантизм, в свою очередь, крайне легко адаптируется и подстраивается под любые политические и социальные запросы под эгидой христианской религии. В результате такой

¹ Сюкияйнен Л.Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3. С. 179.

² Там же. С. 200.

адаптированности европейская система права лишилась духовного и нравственного начала, поскольку, по словам Ф.М. Достоевского, «если Бога нет, всё дозволено».

Высокий уровень жизни на Западе рассматривается как успешная реализация универсальной концепции прав человека. Глобализирует проблему универсальности прав человека цель англосаксонских государств по распространению демократии. Например, М. Тэтчер пишет, что «установление демократии во всех странах и на всех континентах остается законным и, более того, фундаментальным аспектом разумной внешней политики. Конечно, я имею в виду подлинную демократию, т.е. правовое государство с правительством, имеющим ограниченную власть, где тирания большинства, равно как и меньшинства, находится вне закона... у меня есть глубокие сомнения в практической ценности и законности некоторых инициатив, осуществляемых под лозунгом демократии и соблюдения прав человека. Хотелось бы также предостеречь от превращения лучшего (идеальной демократии) во врага хорошего (несовершенной демократии). Здравый смысл должен всегда сдерживать моральный пыл»³.

Критика к такому подходу расценивается как призыв к тоталитаризму. Несмотря на это, универсальность концепции прав человека все чаще ставится под сомнение. С одной стороны, концепция проста и определяется вопросами: кто является человеком? От кого и кто должен защищать человека?

С другой стороны, как указывает С.А. Калинин, права человека могут возникнуть только в лоне мировоззрения, обладающего такой субъектностью. Таким мировоззрением автор считает христианство, указавшее на статус человека как образа и подобия Бога (Быт. 1, 26). Свидетельствующее абсолютную ценность человека для Бога, равенство всех людей во Христе (Гал. 3, 28), прямо предписавшее любить Бога, ближнего (Мф. 22, 37–39) и врага (Мф. 5, 44). Иные цивилизации других людей равными себе не признают⁴.

Русская православная церковь в историческом контексте неоднозначно относилась к концепции прав человека, в данный момент находится в процессе их переосмысления. Отдельные положения о правах человека и его достоинстве в рамочном формате сформулированы в Основах социальной концепции⁵ и Декларации о правах и достоинстве человека⁶.

³ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина Паблишер, 2003. С. 19.

⁴ Калинин С.А. Идея прав человека в православном понимании // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1. С. 164.

⁵ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>

⁶ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html>

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл отметил, что в комплекс прав человека постепенно интегрируются идеи, противоречащие не только христианским, но и вообще традиционным моральным представлениям о человеке⁷. Набирает обороты тенденция ревизии концепции прав человека с позиций религиозных и традиционных обществ⁸.

Критическое отношение традиционных обществ к идее прав человека не отвергает ее важности и значимости в конституционном строительстве. В то же время подвергается сомнению ее абсолютный статус, направленный на разрушение традиционных ценностей и институтов. В «Основах» декларируется: «права человека не могут быть выше ценностей духовного мира» (III.2). Декларация настаивает на непринятии политики двойных стандартов в области прав человека и попытки использовать права человека для продвижения частных интересов.

Глубокое осмысление концепции прав человека требуется в том числе и в богословском аспекте, через опыт поиска тех идеальных сущностей права и власти, которые бы с библейской позиции в максимальной степени соответствовали их высокому предназначению — быть богоустановленными, организующими началами человека и общества.

Т. Фетисов применяет такое понятие, как богословие права, библейское богословие права, при этом отмечает важность междисциплинарности исследований в данной области, успех которых возможен в двух перспективах: богословской и философско-правовой, в противном случае не избежать интерпретационных ошибок как с одной, так и другой стороны. К редким исключениям автор относит труды А.М. Величко («Христианство и социальный идеал» и др.), сочетающего богословское, церковно-историческое и юридическое образование.

Автор сравнивает теологический подход к праву с нормативной теорией права, понимающей норму в отрыве от нравственного содержания, возникшей как продукт секулярного мышления, исключающей гипотезу божественного происхождения права.

Автор, оценивая эту теорию в аспекте библейской антропологии, приходит к выводу, что «право, основанное на человеческой природе, не может быть объективным и совершенным, так как его источник смертельно отравлен первородным грехом... в состоянии поработченности богоборческой волей разум измышляет лишь то, что способно ложно убедить его в собственной автономии»⁹, и в целом подчеркивает несостоятельность попытки

⁷ Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008. С. 106.

⁸ Например, Всеобщая Исламская декларация прав человека. См.: Ковлер А.И. Антропология права. М.: Норма, 2002. С. 236.

⁹ Фетисов Т. Богословие и право // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38). С. 43.

обосновать право человеческой природой и разумом. Отмечается парадоксальность момента: как только разум был провозглашен мерой всех вещей, он утратил свою абсолютность. В конце концов указанная теория деградировала до признания того, что «естественное право вообще не включает в себе никаких раз и навсегда данных, неизменных юридических норм: оно не есть кодекс вечных заповедей, а совокупность нравственных и вместе с тем правовых требований, различных для каждой нации и эпохи»¹⁰.

Т. Фетисов приходит к выводу, что именно антропоцентричное понимание права ведет к восприятию права как некоего абсолюта, поскольку отрицание Творца ведет к обожествлению твари¹¹, а «место Бога как исходного основания и первоисточника права заняла сначала природа, а затем государство»¹². Попытка Западной Церкви объяснить богословие через право провалилась и привела к протестантской реакции на юридическую сотериологию подобного рода, что привело к секуляризму и полной десакрализации права.

Несмотря на огромное количество книг по теории государства и права, вопрос о праве не только как принудительной норме, но и как ценности, имеющей внутреннюю основу, до настоящего времени не решен.

Все чаще ставится вопрос о потере ценностных ориентиров социума, возникает непонимание того, что же является действительно добрым и справедливым. Серьезность данной проблемы подтверждают слова известного отечественного классика философии права Николая Алексеева, полагавшего, что существенной частью правовой структуры являются предполагаемые и защищаемые каждым правопорядком ценности¹³.

Н.Н. Алексеев справедливую государственность видит в качестве гаранта, обеспечивающего через нравственные обязательства правящего слоя каждому человеку определенный пакет социальных прав, позволяющих ему не проводить всю свою жизнь в зарабатывании прожиточного минимума, а расти духовно и культурно. Но возможны такие гарантии только при достижении совершенного состояния права, при правильном познании ценностей, их взаимных отношений, их порядка, их иерархии. Проблема заключается в том, что «до тех пор, пока мы философским, духовным, нравственным и религиозным опытом не познали, что такое истинно святое и ценное и что в порядке ценного является низшим и высшим, — до тех пор мы не сможем решить вопрос о правильном и справедливом праве»¹⁴.

¹⁰ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С. 67.

¹¹ Фетисов Т. Богословие и право // Там же. С. 44.

¹² Социальная антропология права современного общества / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. С. 28.

¹³ Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 203.

¹⁴ Ватыль Н.В., Ватыль В.Н. Государственный идеал: концептуальная модель Н.Н. Алексеева // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2017. № 2. Т. 13. С. 46.

Однако признание ценности в качестве права культурного кода порождает новую проблему — неопределенность самого содержания ценностного канона, которую иллюстрируют Иосиф Ратцингер, Нэнси Мерфи и Джордж Ф.Р. Эллис¹⁵. По их мнению, для решения поставленной задачи необходимо иметь ответ на вопрос о высшем смысле человеческой жизни, который раскрывается в рамках христианской традиции, основанной на библейском Писании и Предании.

По мнению Т. Фетисова, употребления термина «богословие права» не противоречит самому смыслу понятия «теология», означающего буквально «боговедение», поскольку предметом познания является воля Божья, одним из способов объективации которой, по сути, служит феномен права, содержащий в себе систему нравственных императивов, проецирующих благие свойства Божии в мир человеческого¹⁶.

Исходя из этого, необходимо говорить не просто «богословие права», а, выражаясь точнее, «библейское богословие права». Надо признать, термин «богословие права» не получил широкого распространения ни в западной, ни в отечественной литературе.

Одно из редких его упоминаний мы находим в работе Сергея Аверинцева «Будущее христианства в Европе». Данная область пока еще не стала отдельным разделом теологии и, по сути, представляет собой некую *terra incognita* в христианском богословии. Очевидно, что богословие права — это достаточно молодая междисциплинарная наука, которая возникает на стыке философии права и библейского богословия, и, таким образом, библейское богословие права — широкое понятие, выходящее за пределы библеистики и устремляющееся в сферу общественных наук: политологии и социологии религии. Его содержание представляет собой безусловно отдельный самостоятельный раздел политической теологии, который мы намерены осветить в видеокурсе лекций.

Характеризуя степень научной разработанности вышеназванной проблематики, необходимо отметить, что работ, посвященных философско-теологическому опыту осмысления библейско-теократического и, вообще, религиозного содержания оснований государства и права, в современной богословской науке явно недостаточно. Исследований Моисеева права

¹⁵ Привод. по: Фетисов Т. Богословие и право // Общероссийский круглый стол «Цивилизационные ценности России в развитии мировой системы» (в формате телемоста). 28.04.2022 / Институт государственной службы и управления (ИГСУ) РАНХиГС, Научно-образовательная теологическая ассоциация (НОТА), Сретенский клуб, Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова, Южный федеральный университет и Донская духовная семинария «Цивилизационные ценности России в развитии мировой системы». URL: <https://nota-theology.ru/videos/4424>

¹⁶ Фетисов Т. Лекция 1: Политическая теология или богословие права // Научно-богословский проект «Теологос». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Zg0U9VmW6ZE>

в отечественной литературе нет, также присутствует необходимость изучения библейского богословия, в том числе в части правовых терминов.

Такие понятия, как суд, правда или праведность, грех, милость, наказание и прочее, оставались пустыми терминами, допускающими только простой вербальный перевод их, и не наполнялись богатым идейным своим содержанием, и не характеризовали собой своеобразные особенности ветхозаветного библейского воззрения на взаимоотношения Бога и людей.

Среди определенного количества работ, описывающих правовые установления Библии, большая часть является раввинистической литературой, исследованиями собственно еврейского талмудического права, но, несмотря на важность использования, их наличие не может заменить собственно православных христианских богословских изысканий в области богословия библейского права.

Косвенным образом к теме богословия права прикоснулись также такие представители русской школы философии права, как Иван Александрович Ильин, Николай Николаевич Алексеев, Павел Иванович Новгородцев, Сергей Николаевич Трубецкой, Евгений Васильевич Спекторский, Борис Петрович Вышеславцев, протоиерей Сергей Булгаков, Сергей Алексеев, и особняком уже стоит выдающийся, хотя и спорный труд Владимира Сергеевича Соловьева «История и будущность теократии».

В современной России за последние двадцать лет опубликованы некоторые книги ученых-правоведов, периодически обращающихся к теме религиозных оснований права, однако большинство из этих авторов либо не имеют достаточно богословской компетенции, либо не свободны от собственных политических предпочтений¹⁷.

Среди серьезных фундаментальных исследований можно указать работы таких авторов, как Вячеслав Иванович Иванов, Алексей Михайлович Величко, Геннадий Васильевич Мальцев, Игорь Андреевич Исаев, Виталий Викторович Соколин, Алексей Игоревич Овчинников, Ирина Валерьевна Борщ, Константин Николаевич Костюк. И сюда же можно отнести книгу ректора Греческой академии богословских исследований в городе Волос Пантделиса Калайтзидиса 'Orthodoxy and Political theology WCC publication' и публикацию греческого богослова Василиса Адрахтаса «Политическое измерение эсхатологии» в сборнике статей, изданном той же академией под названием «Церковь и эсхатология».

Сама возможность симфонических отношений церкви и государства греческими авторами ставится при этом под сомнение. Византийская же симфония, по их мнению, становится синонимом деградации первоначального христианского эсхатологического сознания, подвергается резкой критике, термин «теократия» в их оценке получает радикально отрицательное значение.

¹⁷ Там же.

Отечественная наука, несмотря на объективную потребность современного общества в нахождении твердых ценностно-идейных ориентиров в связи с кризисом права и размытием смысла существования государства, до сей поры не имеет в наличии достаточного количества работ, которые были бы посвящены взаимосвязи традиционного права и богословия.

Даже наличие весьма интересных с научной точки зрения публикаций, которые отметились на поле библейско-правовых изысканий, отнюдь не исчерпывает обозначенной проблемы, но лишь намечает исследовательские контуры в заданной области.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на достаточно большое число работ, посвященных тем или иным аспектам христианской философии и теологии государства права, в исследовательской литературе практически отсутствует специальный анализ библейской теократической природы христианского государства и права, что предопределяет многосторонний потенциал данного междисциплинарного направления.

Луганская С.Л.,

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Института права и национальной безопасности
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
(г. Тамбов)

Чапурко Т.М.,

профессор Тамбовского государственного университета
имени Г.Р. Державина,
кандидат юридических наук, доктор политических наук, профессор
(г. Тамбов)

Литература

1. Алексеев Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев ; вступительная статья А.П. Альбова [и др.]. Санкт-Петербург : Юридический институт, 1998.
2. Ватыль Н.В. Государственный идеал: концептуальная модель Н.Н. Алексеева / Н.В. Ватыль, В.Н. Ватыль // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т. 13. № 2.
3. Калинин С.А. Идея прав человека в православном понимании / С.А. Калинин // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 1.
4. Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский. Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности / митрополит Кирилл. Москва : Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2008.
5. Ковлер А.И. Антропология права : учебник для вузов / А.И. Ковлер. Москва : Норма, 2002.

6. Социальная антропология права современного общества : монография / Н.В. Разуваев, Л.А. Харитонов, А.Э. Черноков ; под редакцией И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Знание, ИВЭСЭП, 2006.
7. Сюкияйнен Л.Р. Современные религиозные концепции прав человека: сопоставление теологического и юридического подходов / Л.Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 3.
8. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права / Е.Н. Трубецкой. Москва : [б. и.], 1917.
9. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / М. Тэтчер. Москва : Альпина Паблишер, 2003.
10. Фетисов Т. Богословие и право / Т. Фетисов // Цивилизационные ценности России в развитии мировой системы : общероссийский круглый стол. URL: <https://nota-theology.ru/videos/4424> (дата обращения: 20.09.2023).
11. Фетисов Т. Богословие и право / Т. Фетисов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).
12. Фетисов Т. Политическая теология или богословие права. Лекция № 1 / Т. Фетисов // Научно-богословский проект «Теологос». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Zg0U9VmW6ZE> (дата обращения: 17.10.2023).

Партнерское финансирование как вид исламского банкинга и его правовое регулирование в Российской Федерации

Формирование новых торговых отношений с мусульманскими финансовыми учреждениями Востока ставит вопросы о необходимости внедрения некоторых особенностей гражданско-правовых норм, существующих в их странах, в российскую правовую систему. Правовой подход к функционированию финансово-банковских учреждений в мусульманском мире кардинально отличается от восприятия в англосаксонской и романо-германской системах права, хотя имеются и общие направления развития в части, касающейся общегражданских правовых договоров, таких как: купля-продажа, долевое участие, аренда и т.д., выступающих аналогом запрещенных исламом договорных отношений: сделки с условиями неопределенности, договор вклада и т.д.

Исламский банкинг — это деятельность на финансовом рынке в соответствии с нормами шариата и исламской этикой¹. Понимание исламского банкинга основывается на принципах исламской веры. Все основные принципы исламского финансово-договорного права, регулирующего исламский банкинг и связанные с ним коммерческие сделки, взяты из Корана — главного религиозного текста ислама. Само исламское право предполагает ряд жестких правил, ограничений и запретов, которые регулируются шариатом (начертанным Аллахом пути), среди них: запреты на выплату каких-либо процентов (риба) и инвестиций в определенные отрасли экономики (связанные с производством свинины, игорным и азартным бизнесом и т.д.), условия разделения прибыли и рисков между клиентом и финансирующей стороной, запрет на сделки с условиями неопределенности (гарар) и мн. др.

От банкиров, работающих в учреждениях, придерживающихся исламского банкинга, требуется не отклоняться от фундаментальных принципов Корана во время ведения бизнеса. А в случаях, когда возникают спорные моменты и необходима дополнительная информация или руководство, исламские банкиры обращаются за религиозной консультацией к духовным лицам и ученым в области исламского финансово-договорного права, которые могут разобрать бизнес-ситуацию в свете мусульманских знаний и обычаев шариата.

¹ Котченко К. Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования. URL: <https://quote-rbc-ru.turbopages.org/turbo/quote.rbc/ru/s/news/article/64d61d2a9a7947eb00acb24b> (дата обращения: 30.11.2023).

Основной особенностью исламского банкинга является полное отсутствие такого понятия, как проценты. При этом они являются ограничением как для заемщиков, так и для вкладчиков, поскольку по шариату давать и брать деньги под проценты нельзя (харам). Таким образом, в исламском банкинге денежные средства фактически являются средством обмена или показателем стоимости, а не источником дохода, то есть банки получают прибыль с инвестиций, а не работают на процентах, как все классические банки. Клиенты в исламском банкинге не являются ни заемщиками, ни вкладчиками, а только исключительно партнерами банка в его бизнесе, то есть клиент и банк совместно несут общий риск и доходность сделки.

Необходимо отметить, что для исламского банкинга имеет место ограничение по вопросу, как и куда банку можно вкладывать денежные средства клиентов. Так, в соответствии с нормами шариата банк имеет право вкладывать денежные средства клиентов лишь в разрешенные шариатом (халяльные) проекты (бизнесы), в другие же (например алкогольный бизнес) этого делать нельзя, несмотря ни на какую возможную прибыль. Вместо кредита имеет место рассрочка. Банк покупает лицу товар и продает ему в рассрочку по завышенной цене, то есть фактически становится посредником, получая прибыль за счет более высокой цены. При этом клиент за пользование деньгами банка в любом случае платит дополнительные денежные средства, как их ни называй — переплатой или процентами, и банк всегда получает свою прибыль. Для светского лица это безразлично, но для религиозного человека, исповедующего ислам, вышеуказанные процедуры имеют серьезное значение.

Фактическая разница при сравнении классических банковских договоров и договоров, составленных в исламском банкинге, будет заключаться только в условиях и формулировках в договорных обязательствах.

Основными продуктами в исламском банкинге являются: мурабаха — перепродажа товара с наценкой; мудараба — долевое участие в прибылях и убытках; мушарака — совместный бизнес; иджара — лизинг; иджара тумма аль бай — аренда с правом на выкуп; сукук — исламские ценные бумаги; истисна — фьючерсы (соглашения на срок); хиба — премиальное участие; бай битхаман аджил — сделка с отсроченным платежом; бай уль-ина — продажа с правом выкупа; вакала — агентские услуги; такафул — исламское страхование; вадиа — хранение ценностей в банке; бай саям — авансовый платеж; кард-аль-хасан — ссуда без процентов, которая предоставляется клиенту на определенный срок, при этом при возвращении долга заемщик по собственному желанию может заплатить кредитору некоторую сумму добровольных премиальных (хиба).

В Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению

специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон) с 1 сентября 2023 г. по 1 сентября 2025 г. стартовали испытания с введением исламского банкинга в четырех российских регионах: республиках Башкирии, Дагестане, Татарстане и Чеченской Республике, в которых имеется преимущественно мусульманское население.

Согласно тексту Закона эксперимент по установлению специального регулирования проводится в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию (далее — эксперимент). Его основной целью является определение эффективности специального регулирования для оказания финансовых услуг на предусмотренной Законом территории и оценка целесообразности имплементации специального регулирования в законодательство Российской Федерации.

Принимая указанный Закон, отечественный законодатель учел ситуацию, при которой множество западных компаний ушли из экономики России, а российский бизнес оказался под гнетом западных правовых запретов и санкций. Иностранному инвестору же, даже при наличии заинтересованности, стало весьма непросто вкладывать свои средства в нашу экономику и получать прибыль из России.

Развитие имеющегося ресурсного и производственного потенциала потребовало значительных денежных, инновационных и технологических вливаний, которые сегодня можно осуществить только через страны глобального юга, и особенно через Ближний Восток, население которого в большей степени является мусульманским и в повседневной жизни соблюдает нормы шариата. Таким образом, принятие Закона — это забота об иностранных инвестициях, которые могут прийти в Российскую Федерацию через мусульманские страны.

Тем не менее в законе нет ни одного слова, имеющего корень «ислам» или «шариат», что и понятно — Россия по Конституции является светским государством. Любой отказ клиенту в получении услуг по партнерскому финансированию за счет ущемления прав кого бы то ни было по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности при проведении такого эксперимента в России недопустим и может повлечь за собой привлечение лица к ответственности, в том числе уголовной. Эти требования Конституции Российской Федерации нашли отражение и в Законе, в результате чего любое физическое лицо, вне зависимости от своих религиозных взглядов, может стать клиентом юридического лица, предоставляющего услуги исламского банкинга во время проведения эксперимента.

Заниматься деятельностью по осуществлению партнерского финансирования (исламским банкингом), согласно требованиям Закона, будут исключительно юридические лица, включенные в реестр участников эксперимента. Обязанность вести вышеуказанный реестр возложена на Центральный банк Российской Федерации (далее — Банк России). В настоящее время в реестр участников включены: акционерный коммерческий банк «АК БАРС», ООО Управляющая компания «АК БАРС КАПИТАЛ», публичное акционерное общество «Сбербанк России» и ООО «Домклик»².

Таким образом, распространять особый статус «участника эксперимента» на юридических лиц (включать, отказать во включении и исключать юридические лица из реестра эксперимента) смогут Банк России и судебные органы Российской Федерации в соответствии с требованиями настоящего Закона, действующего законодательства Российской Федерации и нормативных актов Банка России.

К компетенции Банка России Законом отнесено получение в установленном порядке необходимых документов от юридических лиц, претендующих на участие в эксперименте, и принятие решения о включении в реестр участников эксперимента либо об отказе во внесении сведений в реестр участников эксперимента. Отказ во внесении сведений в реестр участников эксперимента может быть осуществлен в соответствии с требованиями, указанными в ст. 6 Закона и действующих нормативных актах Банка России. Кроме того, Законом определено, что право обжаловать указанное решение возможно в судебном порядке. При этом первичный отказ о внесении сведений о юридическом лице в реестр участников эксперимента не является препятствием для повторной подачи в установленном Законом порядке заявления о внесении сведений о юридическом лице в реестр участников эксперимента.

Как уже отмечалось, исключение сведений о юридическом лице из реестра участников эксперимента Законом отнесено к полномочиям Банка России. Сам процесс принятия решения об исключении из реестра участника эксперимента весьма непрост, имеет как обязательные к исполнению для Банка России нормы Закона, так и нормы, отнесенные на усмотрение Банка России. Кроме того, в полномочиях Банка России имеется возможность по отказу, при определенных условиях, в принятии решения об исключении из реестра юридического лица.

Так, Банк России вправе исключить из реестра участников: в случаях различных нарушений, перечисленных в Законе (как правило, неоднократных),

² Реестр участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию URL: https://www.cbr.ru/vfs/registries/admissionfinmarket/list_pf.xlsx (дата обращения: 30.11.2023).

среди которых: неоднократное нарушение участником эксперимента требований настоящего Закона, других федеральных законов и (или) нормативных и иных актов Банка России, неоднократное неисполнение участником эксперимента предписаний Банка России, неоднократное представление участником эксперимента существенно недостоверных отчетных данных, содержащихся в отчетности, нарушений формы, сроков и порядка составления и представления документов, которые устанавливаются в соответствии с Законом, и т.д.; несовершение участником эксперимента в течение 6 месяцев ни одной операции, связанной с деятельностью по партнерскому финансированию; снижение участником эксперимента размера собственных средств (чистых активов) ниже минимального размера собственных средств (чистых активов), установленного Законом, в течение не менее ста восьмидесяти календарных дней; несоответствие единоличного исполнительного органа участника эксперимента, не являющегося кредитной организацией или некредитной финансовой организацией, требованиям, установленным Законом; несоответствие акционера (участника) участника эксперимента или лица, осуществляющего контроль в отношении такого акционера (участника), или лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа такого акционера (участника), требованиям, установленным Законом. Так, за неоднократные нарушения требований Закона решением Банка России от 28 ноября 2023 г. из реестра участников эксперимента был исключен ООО «ГЕТАП»³.

Банк России обязан исключить сведения о юридическом лице из реестра участников эксперимента в случаях: внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о прекращении юридического лица — участника эксперимента (за исключением прекращения в связи с его реорганизацией в форме преобразования); нахождения юридического лица — участника эксперимента, лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа такого юридического лица, и (или) акционера (участника) такого юридического лица в перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму либо которые связаны с распространением оружия массового уничтожения; поступления в Банк России заявления от участника эксперимента об исключении его из реестра в установленном Банком России порядке и сроках.

³ Решение банка России от 28 ноября 2023 г. «Об исключении из реестра участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию сведений об ООО «ГЕТАП»». URL: https://www.cbr.ru/rbr/rbr_fr/doc/?id=37009#highlight=гетап%257Сбанк (дата обращения: 30.11.2023).

Необходимо отметить, что в соответствии с требованиями Закона с момента направления участником эксперимента в Банк России заявления об исключении сведений о нем из реестра участников эксперимента и до принятия Банком России решения по указанному заявлению участник эксперимента при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию не вправе привлекать денежные средства и (или) иное имущество от физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, не являющихся его учредителями (участниками, акционерами), и юридических лиц, не являющихся кредитными организациями.

Как уже отмечалось, Банк России имеет право отказать в исключении сведений о юридическом лице из реестра участников эксперимента при подаче заявления участником эксперимента в случаях, определенных Законом, например: при наличии у участника эксперимента обязательств по сделкам (операциям) участника эксперимента или непредставлении документов и информации, подтверждающих наличие или отсутствие у участника эксперимента обязательств по сделкам (операциям).

Согласно нормам Закона, юридическое лицо считается исключенным из реестра участников эксперимента со дня внесения соответствующей записи в реестр участников эксперимента. Исключение сведений о юридическом лице из реестра участников эксперимента может быть обжаловано в судебном порядке.

После принятия по юридическому лицу положительного решения Банком России и внесения его в реестр, участник эксперимента на срок проведения эксперимента будет наделен определенными дополнительными гражданскими правами и обязанностями на территории четырех субъектов Российской Федерации.

Важным моментом является и то, что по Закону приобрести статус участника эксперимента имеют право как кредитные, так и некредитные финансовые организации, потребительский кооператив, общественно полезный фонд, автономная некоммерческая организация, хозяйственное общество или товарищество, являющиеся резидентами Российской Федерации, если местом нахождения юридического лица и (или) его филиала является территория проведения эксперимента. Данное требование не применяется к кредитной организации, имеющей внутреннее структурное подразделение, открытое в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории проведения эксперимента. Приобретение статуса участника эксперимента происходит со дня внесения сведений о нем Банком России в реестр участников эксперимента, а утрачивается статус участника эксперимента со дня исключения Банком России указанных сведений из этого реестра.

Участникам эксперимента при условии соблюдения ряда требований, указанных в Законе, не запрещается совмещать деятельность по партнерскому финансированию с иными видами деятельности. Закон определяет правила работы участника эксперимента, в том числе в части требований к капиталу, акционерам и органам управления, раздельного бухучета и соблюдения законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма.

Законом определен минимальный вклад собственных средств (чистых активов) для участника эксперимента, не являющегося кредитной или некредитной финансовой организацией. Так, во время проведения эксперимента он обязан составлять с 1 сентября 2023 г. 10 млн руб., с 1 января 2024 г. — 15 млн руб.

Среди разрешенных видов деятельности по партнерскому финансированию Закон выделяет:

1) привлечение денежных средств и (или) иного имущества физических и юридических лиц в форме займа, путем размещения облигаций, приема имущества в доверительное управление и (или) приема вклада (пая) в уставный (складочный, паевой) капитал участника эксперимента;

2) предоставление денежных средств в форме займа физическим и юридическим лицам;

3) финансирование физических и юридических лиц путем купли-продажи товаров (в том числе недвижимого имущества) на условиях рассрочки (отсрочки) оплаты товаров с взиманием вознаграждения за предоставление рассрочки (отсрочки) оплаты товаров;

4) финансирование физических и юридических лиц путем предоставления имущества по договору финансовой аренды (лизинга), внесения вклада (пая) в уставный (складочный, паевой) капитал юридических лиц, осуществления совместной деятельности по договору простого товарищества, инвестиционного товарищества;

5) выдачу поручительств за третьих лиц⁴.

Как видно, в Законе рассматриваются не все виды деятельности, которые имеются в классическом исламском банкинге. Основной упор в Законе сделан на привлечение денежных средств и иного имущества от физических и юридических лиц, а также на финансирование приобретения материальных объектов и проектное финансирование хозяйствующих субъектов

⁴ Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 417 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». П. 1 ст. 2. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308040028?eclid=lpmlg1tqox336934216> (дата обращения: 30.11.2023).

посредством особых инструментов исламского банкинга, то есть вложения в реальный сектор экономики. Все это вполне объяснимо тем, что конкурировать в России с развитым российским банковским сектором западноевропейского типа исламу банкингу будет весьма непросто. И закрепиться, в том числе в правовом поле Российской Федерации, исламский банкинг, может за счет проживающих в России мусульман, придерживающихся в повседневной жизни норм шариата.

Необходимо отметить, что Законом строго запрещаются для участников эксперимента: установление процентной ставки, финансирование любой деятельности, связанной с производством оружия и боеприпасов, табачной и алкогольной продукции, торговлей такими товарами, а также с игорным бизнесом.

Вместе с тем в Законе прямо ничего не говорится о запрете вкладывать денежные средства в свиноводство (которое у всех мусульман запрещено (харам)). Отсутствуют такие понятия, как «халяльные» разрешения (например, производство пищевых продуктов особым порядком, предусмотренным нормами шариата, только мусульманами и т.д.). Отсутствие этих конструкций в принятом Законе объясняется прежде всего светским характером законодательства Российской Федерации, где по Конституции провозглашена свобода вероисповедания и допустимы любые религиозные взгляды, не носящие экстремистского и террористического характера, не запрещенные судом или законодательно. Все эти множества нюансов оставлены за рамками Закона и будут регулироваться на договорной основе, с учетом мнения уполномоченных лиц, среди которых имеются духовные лица мусульманских организаций России, но под надзором Банка России и российской правоохранительной и судебной систем.

Мусульманские духовные лица и ученые выделяют для взаимодействия в рамках исламского банкинга из юридических лиц, как правило, три вида компаний: деятельность первых дозволена шариатом и не оспаривается, вторые запрещены для мусульман — в них вкладывать денежные средства нельзя (харам), третьи — это смешанные компании, которые в основном занимаются разрешенной шариатом деятельностью, но прибегают, например, к некоторым запрещенным и не приветствующимся шариатом инструментам или действиям (ростовщические займы). Зачастую решения по предоставлению партнерского финансирования по третьему виду компаний каждый раз принимаются индивидуально и с учетом мнения мусульманских религиозных организаций или лиц, сложившихся правовых обычаев и практики в мусульманском обществе. Все вышеуказанные вопросы потребуют правового регулирования в ходе проводимого эксперимента.

Еще одной особенностью Закона является то, что в нем допускается установление вознаграждения в виде переменной величины, значение которой может изменяться в зависимости от результатов совершения указанных сделок (операций), что может неоднозначно трактоваться в каждом конкретном случае со стороны шариата.

Законом оговаривается, что финансирование физических и юридических лиц путем купли-продажи товаров (в том числе недвижимого имущества) на условиях рассрочки (отсрочки) оплаты товаров с взиманием вознаграждения за предоставление рассрочки (отсрочки) оплаты товаров участником эксперимента, являющимся кредитной или некредитной финансовой организацией, не может быть нарушением ограничений, действующих в России и установленных в отношении торговой деятельности федеральными законами. Участники эксперимента данным юридическим положением еще раз выделяются в законодательном поле Российской Федерации как субъекты с особым юридическим статусом.

Для улаживания этих и иных спорных и неоднозначных моментов совмещения российского законодательства и норм шариата, которые могут возникнуть в ходе проведения эксперимента, законодателем создан механизм регулирования этих отношений посредством передачи основной части полномочий по контролю, надзору и регулированию деятельности участниками эксперимента при осуществлении ими партнерского финансирования Банку России.

Так, Банк России вправе устанавливать дополнительные требования к деятельности участника эксперимента, в том числе к порядку определения размера собственных средств (чистых активов), предельному размеру вознаграждения участника эксперимента и иных платежей, нормативам, порядку их расчета и их значениям, коэффициентам риска по отдельным видам активов и т.д. Банк России наделен полномочиями: запрашивать и получать информацию как от участников эксперимента, так и органов государственного контроля, статистики и надзора; запрашивать и получать информацию об участнике эксперимента из единого государственного реестра юридических лиц посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия; направлять участнику эксперимента обязательные для исполнения предписания; требовать от органов управления участников эксперимента устранения выявленных нарушений; проводить проверку деятельности участника эксперимента и осуществлять иные функции в соответствии с Законом. Помимо этого, Банк России осуществляет контроль (надзор) в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма и распространения оружия массового

уничтожения в отношении участников эксперимента в установленном им порядке.

На участников эксперимента, являющихся кредитными и некредитными финансовыми организациями, возложена обязанность представлять в Банк России бухгалтерскую (финансовую) отчетность, документы и иную информацию, предусмотренную законодательством Российской Федерации. Иные организации, являющиеся участниками эксперимента, будут представлять в Банк России бухгалтерскую (финансовую) отчетность только в случае, если они освобождены от представления ее обязательного экземпляра в соответствии со ст. 18 Федерального закона от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», а также составлять и представлять документы и иную информацию, предусмотренные настоящим Законом, другими федеральными законами и нормативными актами Банка России. Порядок представления документов, отчетности и иной информации участника эксперимента устанавливается Банком России.

Среди уже действующих нормативно-правовых актов Банка России, регулирующих деятельность участников эксперимента, необходимо отметить: указания Банка России от 11 августа 2023 г. № 6503-У «О ведении Банком России реестра участников эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию», от 14 августа 2023 г. № 6504-У «Об особенностях бухгалтерского учета для участников эксперимента, являющихся некредитными финансовыми организациями, в связи с осуществлением ими деятельности по партнерскому финансированию и порядка составления участниками эксперимента бухгалтерской (финансовой) отчетности при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию для некредитных финансовых организаций»; положения Банка России от 27 декабря 2017 г. № 625-П, регулирующие процесс согласования с Банком России назначения или освобождения на (от) должности в юридическом лице — участнике эксперимента; от 26 декабря 2017 г. № 622-П, регулирующие вопросы раскрытия информации о лицах, под контролем которых либо значительном влиянии которых находится юридическое лицо — участник эксперимента⁵.

Для аналитического, экспертного и научно-методического обеспечения проведения эксперимента, согласно требованиям Закона, при Правительстве Российской Федерации создается экспертный совет. Его деятельность регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации

⁵ Указания Банка России от 11 августа 2023 г. № 6503-У, от 14 августа 2023 г. № 6504-У; Положения Банка России от 27 декабря 2017 г. № 625-П, от 26 декабря 2017 г. № 622-П. URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 30.11.2023).

от 15 ноября 2023 г. № 1921 «Об утверждении Положения об Экспертном совете по проведению эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию при Правительстве Российской Федерации». На данный орган возложены полномочия по разработке рекомендаций в сфере осуществления деятельности по партнерскому финансированию, которыми участники эксперимента обязаны руководствоваться. Экспертный совет может оценивать результативность и эффективность эксперимента, вносить в Правительство Российской Федерации предложения о совершенствовании механизмов эксперимента и о целесообразности внесения изменений в законодательство Российской Федерации, участвовать в обсуждении законопроектов по вопросам регулирования деятельности по партнерскому финансированию в Российской Федерации⁶.

С целью действия в правовом поле Российской Федерации, с введением Закона в действие, одновременно внесены изменения в следующие федеральные законы Российской Федерации: «О банках и банковской деятельности», «О кредитных историях», «О кредитной кооперации», «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В настоящее время исламское финансирование существует в более чем 100 странах мира, в том числе во многих странах Европы и Америки, где для большинства населения ислам не является традиционной религией. Связано это с тем, что данные страны заинтересованы в инвестициях из мусульманских стран. Кроме того, сам по себе шариат консервативен и социально ориентирован, он запрещает любые сложные финансовые инструменты и рискованные инвестиции, в связи с чем исламские банки проще переживают финансовые кризисы. К примеру, в 2008 г. во время краха «ипотечного пузыря» в США они чувствовали себя уверенно, поскольку не вкладывались в рискованные ценные бумаги, в отличие от западных банков, которые гнали за сверхприбылью. Россия в настоящее время укрепляет сотрудничество со странами исламского мира и выводит на свой рынок финансовых услуг исламский банкинг. Процесс этот очень не простой и требует

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2023 г. № 1921 «Об утверждении Положения об Экспертном совете по проведению эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию при Правительстве Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311300011?ysclid=lpmlxathng981849855> (дата обращения: 30.11.2023).

значительного правового регулирования, адаптации существующего в России гражданского законодательства, появления новых норм гражданского и финансового права.

Палагутин А.А.,
военнослужащий Росгвардии, полковник
(г. Москва)

Литература

1. Аль-Аззави А.А. Развитие механизма повышения эффективности исламских финансовых институтов в России : диссертация кандидата экономических наук / А.А. Аль-Аззави. Москва, 2020.
2. Батрова Т.А. Современные тенденции развития торгового права : монография / Т.А. Батрова. Москва : ИЦ РИОР : ИНФРА-М, 2018.
3. Беккин Р.И. Исламские финансовые институты и инструменты в мусульманских и немусульманских странах: особенности и перспективы развития : автореферат диссертации доктора экономических наук. / Р.И. Беккин. Москва, 2009.
4. Журавлев А.Ю. Исламский банкинг : книга / под общей редакцией А.О. Филоник. Садра, 2020.
5. Журавский А.В. Мусульманское право. Фикх и шариат : электронная аудиокнига / А.В. Журавский. Лекторий «Магистерия», 2018.
6. Идрисов Х.М. Исламские инвестиционные продукты: особенности и перспективы развития : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Х.М. Идрисов. Москва, 2020.
7. Идрисов Х.В. Ответственность в мусульманской системе права: теоретические основы и практические аспекты реализации : монография / Х.В. Идрисов, А.Г. Хариханов. 2-е изд., испр. и доп. Грозный : Автор, 2021.
8. Котченко К. Исламский банкинг в России: в чем суть партнерского финансирования / К. Котченко // РБК.ru. 2023. 13 августа.
9. Пашков Р.В. Исламский банкинг : монография / Р.В. Пашков, Ю.Н. Юденков. Москва : Русайнс, 2017.
10. Санаи М. Мусульманское право и политика: история и современность : учебное пособие / М. Санаи. 2-е изд., доп. Москва : Садра, 2017.
11. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право и диалог культур в современном мире : монография / Л.Р. Сюкияйнен. 2-е изд. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2022.

Медиация как эффективный способ разрешения брачно-семейных конфликтов: сравнительно-правовое исследование

Общеизвестно, что одной из основных целей государственной политики Российской Федерации является всесторонняя, постоянная и комплексная поддержка семьи, которая признается одной из фундаментальных составляющих нашего общества: согласно ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации, семья находится под непосредственной защитой государства¹.

Далее, в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р (далее — Концепция), в качестве основных задач названы повышение ценности семейного образа жизни и профилактика семейного неблагополучия. Особенно отметим, что для реализации указанных задач Концепция прямо предлагает активное внедрение института посредничества (медиации) при разрешении семейно-правовых споров, в том числе связанных с расторжением брака между супругами, а в качестве одного из целевых индикаторов эффективности реализации государственной семейной политики называет уменьшение числа разводов².

К сожалению, несмотря на все вышесказанное, медиация в современной России остается некоей юридической «диковинкой», которая не получила ни должного распространения, ни банального понимания на уровне многочисленных субъектов правоотношений, имеющих место в нашем государстве.

Так, исследователи вопроса Н.В. Самсонова и Ю.В. Долгушина справедливо отмечают, что медиация, как один из видов альтернативного урегулирования споров, никак не популяризируется на территории России, в связи с чем граждане банально не осведомлены о существовании подобной процедуры.

Красноречивы и показательны наглядные результаты исследования, проведенного указанными учеными в Калининградской области: среди опрошенных жителей данного региона в феврале 2021 г. от 25 до 40 лет лишь 5% сообщили, что знают о медиации как о способе урегулирования спора,

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2023).

однако никому из опрошенных не известно о возможности решить семейный спор с помощью медиатора и придать соглашению силу исполнительного листа.

В дополнение к уже озвученной выше крайне неутешительной информации Н.В. Самсонова и Ю.В. Долгушина утверждают, что в Калининградской области к нотариусам с целью удостоверения медиативного соглашения с октября 2019 г. по март 2021 г. не обратилось ни одно лицо³.

Кроме сказанного, существенный интерес вызывает обобщение Верховного Суда Российской Федерации, данное в Справке о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 г., утвержденной Президиумом Верховного Суда РФ 22 июня 2016 г. (далее — Справка), которая свидетельствует о том, что граждане, как правило, обращаются к услугам медиатора исключительно в случае, когда суд подробно разъясняет им существо института медиации, а также преимущества урегулирования спора конкретно медиативным путем. Однако, оценивая общее количество дел, в рамках которых стороны прибегли к процедуре медиации, а также однозначный вывод Верховного суда, сделанный относительно обсуждаемого правового института в Справке⁴, мы можем прийти к закономерному выводу о том, что органы государственной власти и местного самоуправления, а также представители судебной системы не имеют должной мотивации или банальной заинтересованности в продвижении альтернативных способов регулирования споров. В подобных обстоятельствах популяризация обсуждаемого института представляется фактически парализованной, так как осуществляется исключительно силами самих немногочисленных медиаторов и буквально единичных общественных организаций: подобный «точечный характер» работы с исследуемым институтом, по нашему мнению, не является достаточным для полноценного развития медиации на территории нашей страны.

Таким образом, несмотря на объективную потребность использования всех доступных средств и методов для реализации государственной политики в сфере всесторонней поддержки института семьи, среди которых законодатель в рамках упомянутой несколько ранее Концепции абсолютно прозрачно выделил важность развития процедуры медиации, указанный альтернативный способ разрешения конфликтов остается в совершенно необоснованном забвении.

³ Самсонова Н.В., Долгушина Ю.В. Проблемы востребованности медиации как основа просветительской деятельности с населением // МНКО. 2021. № 3 (88). С. 296.

⁴ Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.10.2023).

Подобный подход законодателя видится крайне сомнительным и неоднозначным даже не столько в связи с игнорированием собственнически принятых планов, сколько в связи с объективно имеющей место быть законодательной базой, на фундаменте которой можно было бы беспрепятственно развивать медиацию в качестве полноценной правовой процедуры разрешения многочисленных конфликтов в самых разных отраслях общественной жизни, в том числе и в сфере брачно-семейных отношений.

К сожалению, остаются никем не услышанными и многочисленные голоса научной общественности, на протяжении многих лет аргументированно заявляющие о многочисленных преимуществах медиации над судебной процедурой рассмотрения подобной категории дел, предлагающие конкретные способы совершенствования существующего законодательства, относимого к предмету наших рассуждений⁵.

Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу, что сформировавшаяся за долгие годы привычка обсуждать вопросы профилактики и разрешения брачно-семейных конфликтов преимущественно в декларативном ключе не может привести ни к каким конструктивным итогам в стремлении государства на практике реализовать действительно всестороннюю поддержку института семьи, в связи с чем, по нашему мнению, продолжение игнорирования необходимости в качественном обновлении методов и инструментов правовой работы с рядом кризисных явлений в обозначенной области социальных взаимоотношений не является сколь-либо приемлемым выходом.

Представляется, что ключом к разрешению поистине непростой ситуации, сложившейся в контексте развития конкретно российского прочтения правового института медиации, может послужить восприятие релевантного зарубежного предмету исследования опыта, существующего в некоторых других странах.

Внимание авторов настоящего исследования привлек опыт Китайской Народной Республики (далее — КНР), который предлагает интересный и, как кажется, весьма уместный для российских реалий подход к процедуре медиации.

Обращаясь к китайскому опыту примирительных процедур, невозможно не замечать их разнообразие и откровенное контрастирование друг с другом.

В разные временные периоды в правовой системе указанного государства были известны такие процедуры примирения, как примирение присутствия (через содействие судебных органов), примирение кровного рода

⁵ Вирченко Ю.А., Самохвалов Н.А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 4 (13). С. 16–20; Худойкина Т.В., Хальзова Р.В. Перспективные направления развития института семейной медиации // Бюллетень науки и практики. 2020. № 7. С. 307–310.

(при посредничестве старших родственников), народное примирение (при участии народных комитетов) и многие другие (в том числе и сугубо неформальные, должным образом не урегулированные правовыми нормами) процедуры.

Представляется, что подобное положение вещей во многом обусловлено крайне неординарной, сложной и даже отчасти запутанной историей становления государственности и социума Китая, в которой переплетаются самые разнообразные политические и философские предпочтения. Тем не менее, важной особенностью китайской философии права, как отмечают видные зарубежные исследователи вопроса, всегда являлось стремление к гармонии и балансу, которые достигались в том числе путем активнейшей практики применения внесудебных, альтернативных способов разрешения конфликтов⁶.

На данный момент времени в КНР официально и вполне устойчиво выделились лишь три формы примирения: административное посредничество, народное и судебное примирение. Наибольший интерес для целей нашего исследования представляет именно последняя форма примирения, которая подразумевает активную посредническую роль суда в процедуре примирения по отдельным категориям дел, в частности и по матримониальным, причем в трех возможных поступательно связанных друг с другом вариантах:

1) при посредничестве по назначению (委派 调解), в рамках которого суд обязан дать сторонам рекомендацию прибегнуть к процедуре медиации при участии приглашенного медиатора или посреднической организации, напрямую сотрудничающих с судом до возбуждения дела;

2) при посредничестве по поручению (委托 调解), когда суд обязан продолжать рекомендовать медиацию уже в процессе рассмотрения дела фактически на тех же условиях;

3) при посредничестве судей, при котором дело, которое уже активно рассматривается судом, все же вновь рекомендуется к медиации, но проведенной лично судьей или помощником судьи до финальных судебных слушаний⁷.

Хочется особенно подчеркнуть, что ценность правового опыта КНР заключается не столько в его конкретных деталях, сколько в общем подходе, согласно которому именно суд, наиболее авторитетный и квалифицированный орган разрешения юридических споров, одновременно как помогает реализации возможности граждан избирать наиболее удобную и потенци-

⁶ Рақымұлы Айтолды. Медиация в Китайской Народной Республике // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-kitayskoy-narodnoy-respublike> (дата обращения: 06.11.2023).

⁷ Guodong Du 杜国栋, Meng Yu 余萌. Mediation in China: Past and Present // China Justice Observer. 2019. URL: <https://en.chinajusticeobserver.com/a/mediation-in-china-past-and-present> (дата обращения: 06.11.2023).

ально действенную для себя процедуру разрешения отдельных конфликтов, так и способствует популяризации обозначенных альтернативных примирительных процедур.

Учитывая тот факт, что в Российской Федерации суды — это фактически самая популярная и, как было продемонстрировано в рамках настоящей работы ранее, зачастую единственная известная субъектам правоотношений площадка для разрешения собственных конфликтов, китайский опыт активного участия судебных органов в популяризации, организации и даже проведении медиации выступает для наших правовых реалий наиболее релевантным.

Таким образом, по мнению авторов настоящего исследования, отечественному законодателю необходимо обратить самое пристальное внимание на то, как организована система работы судебного примирения в КНР, которая отличается не только своей масштабностью и строгой законодательной обусловленностью, но и высокой степенью детализации и гибкости.

Дополнительным аргументом в пользу подобного вывода может послужить наличие в законодательстве Российской Федерации прочного юридического фундамента (например, как уже было сказано, Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ, а также главы 14.1 «Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2022 г. № 138-ФЗ), который позволяет нам уже сейчас частично или полностью перенять зарекомендовавший себя зарубежный опыт.

Исследование вопроса о том, каким конкретно образом это возможно воплотить в жизнь, будет представлено в наших дальнейших изысканиях.

Емелина Л.А.,

доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Миронов В.А.,

аспирант Высшей школы правоведения
Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Москва)

Литература

1. Агамиров К.В. Правовая культура современной России: актуальные вопросы теории и практики / К.В. Агамиров // Образование и право. 2022. № 7.
2. Вирченко Ю.А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы / Ю.А. Вирченко, Н.А. Самохвалов // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. № 4 (13).
3. Керимов А.А. Проблемы правовой культуры в современной России / А.А. Керимов // Koinon. 2022. Т. 3. № 3–4.
4. Рақымұлы А. Медиация в Китайской Народной Республике / А. Рақымұлы // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 1 (59).
5. Самсонова Н.В. Проблемы востребованности медиации как основа просветительской деятельности с населением / Н.В. Самсонова, Ю.В. Долгушина // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88).
6. Худойкина Т.В. Перспективные направления развития института семейной медиации / Т.В. Худойкина, Р.В. Хальзова // Бюллетень науки и практики. 2020. № 7.
7. Guodong Du [杜国栋]. Mediation in China: Past and Present / Guodong Du [杜国栋], Meng Yu [余萌] // China Justice Observer. 2019. URL: <https://en.chinajusticeobserver.com/a/mediation-in-china-past-and-present> (Accessed: 06.11.2023).

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ как продукт судебного правотворчества

Проблема возможности позиционирования Верховного Суда РФ как субъекта правотворчества становится все более актуальной в современных условиях. Правотворчество предполагает создание, изменение или отмену правовых норм в процессе сознательно-волевой деятельности субъектов. Состав субъектов же зависит от того, признаются ли судебные акты источником права: если да, то суды становятся субъектами правотворчества, если нет, то круг ограничивается законодательными органами государства¹. Но если мы будем буквально придерживаться данного подхода, то попадем в замкнутый круг и не сможем ответить на вопрос, является ли Верховный Суд РФ субъектом правотворчества.

В разных типах правопонимания конкретизируется и подход к правотворчеству. Позитивисты трактуют его как специфическую форму деятельности государства по созданию, изменению и отмене правовых норм с целью удовлетворения объективных социальных потребностей. При этом правотворчество отождествляется с законотворчеством, а источник права — с законом. В социологической юриспруденции, напротив, считали, что настоящее живое право образуется в процессе взаимодействия общественного (обыкновенного) права и государственного (формального) права. Решающее значение при этом принадлежит не закону, а свободному выбору судей. Последним отводится ключевая роль в правотворчестве, поскольку именно судьи в процессе профессиональной деятельности больше других взаимодействуют с живым правом².

Какого же подхода придерживаться нам? Признавая плюрализм мнений, мы не можем утверждать, что одно учение имеет бесспорные преимущества по сравнению с другим, находясь исключительно в теоретической плоскости. Таким образом, мы сталкиваемся с проблемой, требующей разрешения через анализ практических реалий современного правового общества.

Целью настоящей работы является анализ возможности позиционирования разъяснений Пленума Верховного Суда РФ как продукта судебного правотворчества. Объектом данного исследования выступили общественные

¹ Муромцев Г.И. Правотворчество // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : Юрист, 2001. С. 822.

² Петрова Е.А. Феномен правотворчества в основных типах правопонимания // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения : коллективная монография / под ред. И.Л. Честнова. СПб. : Астерион, 2018. С. 164–169.

отношения, связанные с применением разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Предметом является связь между применением разъяснений Пленума Верховного Суда РФ в качестве источника права с результатами разрешения правовых споров.

Результаты и их обсуждение

Анализируя правовую науку Франции, А.Г. Карапетов отмечает, что сама дискуссия о допустимости судебного правотворчества в последнее время утрачивает актуальность. Все более очевидным становится факт, что высшие суды создают стандарты рассмотрения отдельных видов споров, которые нижестоящие суды конвенционально применяют при рассмотрении аналогичных дел. В этом смысле можно считать, что они занимаются правотворчеством, которое получило пусть не формальное, но фактическое признание³.

Л.В. Головки и Б. Матье приводят несколько групп причин, по которым в странах романо-германской правовой семьи (в том числе Франции и России) развивается правотворческая функция судов:

1. Развитие международного права, в рамках которого Европейский суд по правам человека показал, что судебный орган способен достаточно эффективно исполнять функции по толкованию положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод применительно к конкретным ситуациям и выработке понятий, которые прямо в ней не содержатся, но подразумеваются.

2. Усиление роли органов конституционного контроля, что позволило им давать законам толкования, приобретающие обязательное значение.

3. Высокий уровень абстрактности закона, оперирование оценочными и слабо определенными понятиями, что дает возможность судам толковать нормы с целью их уточнения и повышения доступности⁴.

После того как Россия в 2022 г. вышла из Совета Европы и в связи с изменением статуса постановлений ЕСПЧ, актуальность первой причины для российской правовой системы значительно снизилась. Так, в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», постановления этого международного судебного органа, вступившие в законную силу после 15 марта 2022 г., на территории России исполнению не подлежат⁵. Соответственно, опираться на практику толкования им

³ Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М. : Статут, 2011. С. 65.

⁴ Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Матье. М. : Статут, 2018. С. 96–99.

⁵ Федеральный закон Российской Федерации от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 24. Ст. 3943.

положений Конвенции, рассуждая о структуре и принципах функционирования российской правовой системы, мы не можем.

А.В. Курсаев и Л.В. Ханахмедова, анализируя ситуацию с выходом России из ЕСПЧ, обращают внимание на то, что функции правовой защиты прав человека, возлагаемые на наднациональные органы, успешно способны выполняться и внутри государства, что доказывают примеры Верховного суда США и Верховного народного суда КНР. При этом авторы подчеркивают, что в России достаточно развиты функции конституционного и судебного контроля, что исключает необходимость создания нового судебного органа, аналогичного ЕСПЧ⁶. Если судебные органы, реализующие функции конституционного и судебного контроля, способны заменить ЕСПЧ в плане обеспечения защиты прав человека, логично допустить, что и с задачей толкования закона они справляются не менее эффективно. Стоит отметить, что полномочие по толкованию Конституции РФ законодательно закреплено за Конституционным Судом Российской Федерации⁷, тогда как Верховному Суду Российской Федерации отводится полномочие по даче разъяснений по вопросам судебной практики⁸. Как подчеркивает Л.В. Лазарев, толкование норм Конституционным Судом РФ носит казуальный характер, то есть обязательным является только в рамках рассматриваемого дела и, соответственно, для его сторон⁹. Однако нельзя отрицать, что на практике суды при разрешении дел опираются на толкования, данные Конституционным Судом РФ по сходным делам. Поэтому мы принимаем вторую причину, приведенную Л.В. Головки и Б. Матве в пользу развития правотворческой функции судов. Для российской правовой системы, действительно, справедливо утверждение о том, что роль органа конституционного контроля придает его толкованиям обязательный характер.

Не можем мы не согласиться и с третьей причиной, названной авторами. С тем, что в российском праве многие нормы носят абстрактный и общий характер, а потому нуждаются в конкретизации через толкование, соглашется в том числе М.Б. Румянцев. По его мнению, судебное правотворчество становится «завершающим звеном правового регулирования общественных отношений», в том случае, если неясность нормативного правового

⁶ Курсаев А.В., Ханахмедова Л.В. Обеспечение прав и свобод граждан в условиях процедуры выхода Российской Федерации из Европейского суда по правам человека // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 3 (49). С. 24–37.

⁷ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁸ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

⁹ Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М. : Изд. дом «Городец», 2003. С. 75.

акта влечет образование «правового вакуума»¹⁰. Здесь также стоит привести аргументы Л.А. Харитоновой, который положительно отвечает на вопрос, конструируют ли судьи право. Он считает, что не существует законов, не имеющих пробелов: они часто отстают от реальной жизни и не успевают развиваться вслед за возникающими новыми типами общественных отношений. Социальные отношения слишком разнообразны, чтобы их мог полностью урегулировать даже самый совершенный закон. Эту проблему и разрешает судебское правотворчество, которое устраняет пробел между несовершенным формальным правом и жизненными реалиями¹¹. На фоне этого видится вполне логичным, что п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Верховному Суду РФ предоставлено полномочие давать судам разъяснения по вопросам судебной практики. Возможность применения той или иной правовой нормы, закрепленной в законе, в одних обстоятельствах может быть очевидной, тогда как в других вызывать сомнение. По мере появления новых или усложнения имеющихся общественных отношений такая неоднозначность становится все более явным препятствием для справедливого рассмотрения дел, основанных на принципе равенства и баланса интересов сторон. И разъяснения Верховного Суда РФ устраняют эту неоднозначность, тем самым устраняя вышеозначенный пробел между несовершенством закона и потребностями общества, обусловленными реальными общественными отношениями.

Учитывая вышесказанное, уместно также привести классификацию судебного правотворчества, разработанную О.В. Поповым. Он считает, что с содержательной точки зрения оно бывает:

1) конкретизирующим: приближает абстрактно сформулированные нормы к реальным жизненным ситуациям, устраняет неоднозначность восприятия и прочие неопределенности;

2) восполняющим пробелы: выявляет пробелы в праве, применяет аналогии, в результате чего вырабатываются единообразные правила регулирования определенного вида общественных отношений;

3) исправляющим: вносит в норму изменения (заменяет или дополняет), после чего она действует в модифицированном виде¹².

Выяснив, способны ли разъяснения Пленума Верховного Суда РФ конкретизировать, восполнять пробелы и исправлять правовые нормы, мы

¹⁰ Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации : монография / М.Б. Румянцев. Чебоксары : ИД «Среда», 2019. С. 154.

¹¹ Харитонов Л.А. Конструируют ли судьи право? // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах : коллективная монография / под ред. А.А. Дорской. СПб. : Астерион, 2019. С. 76.

¹² Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань, 2004. С. 11–12.

определим, можно ли рассматривать их как продукты судебного правотворчества.

Например, в ст. 151 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) довольно абстрактно сформулировано определение морального вреда. Даже отсылка к ст. 150 ГК РФ, где перечислены некоторые нематериальные блага, не дает исчерпывающего представления обо всех возможных ситуациях причинения гражданину морального вреда. Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» содержит расширенный перечень нематериальных благ, посягательство на которые является основанием для компенсации морального вреда. Верховный Суд привлек внимание к таким нематериальным благам, как тайна переписки (во всех ее формах), «право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения»¹³. На наш взгляд, это очевидный пример конкретизации правовой нормы, предполагающей приближение ее к жизненным реалиям. Касаясь права защиты от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, на наш взгляд, также присутствует устранение неоднозначности правовой нормы. Ведь 17 годами ранее в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъяснялось, что оценочные суждения и мнения не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ¹⁴. Такое разъяснение позволяло судам ставить под сомнение и право гражданина на компенсацию морального вреда в такой ситуации. Новые разъяснения устранили неоднозначность.

Примером применения аналогии закона для выработки единообразных правил регулирования отдельного вида общественных отношений может послужить п. 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», который разъяснил необходимость применения по аналогии положений ч. 1 ст. 445 ГК РФ при рассмотрении судами споров, связанных

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

с предоставлением принудительной лицензии на изобретение, полезную модель или промышленный образец, а также на селекционное достижение¹⁵. До этого имевшийся пробел в праве не позволял определить, какой срок дается патентообладателю на рассмотрение проекта лицензионного договора о предоставлении простой лицензии, а лицу, желающему использовать соответствующий результат интеллектуальной деятельности, — на передачу имеющих разногласий на рассмотрение суда.

Примером исправления правовой нормы может послужить абз. 5 п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»». Он разъяснил, что в период действия моратория не могут быть приостановлены исполнительные производства по ряду категорий имущественных требований: по алиментам, зарплате, а также возмещению вреда жизни и здоровью¹⁶. До этого из п. 4 ч. 3 ст. 9.1 Федерального закона № 127 прямо следовало, что на время моратория приостанавливаются исполнительные производства по любым имущественным требованиям, которые возбуждены в отношении должника, на которого распространяется действие моратория, до введения этого моратория¹⁷. Таким образом, разъяснение Верховного Суда РФ фактически модифицировало данную правовую норму.

Выводы

Опираясь на проведенный анализ, мы привели убедительные доказательства тому, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ действительно конкретизируют нормы права, восполняют пробелы в законе и модифицируют правовые нормы, внося в них обязательные для исполнения изменения. Следовательно, мы можем рассматривать их как продукт судебного правотворчества.

Развитие судебного правотворчества в России со стороны Верховного Суда РФ обусловлено объективными причинами, такими как высокий уровень абстрактности правовых норм и большое количество слабо определенных понятий. Разъяснения Верховного Суда РФ, как продукт судебного правотворчества, решают задачи конкретизации, восполнения пробелов

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 44 «О некоторых вопросах применения положений статьи 9.1 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

и модификации правовых норм. Это, на наш взгляд, является главным аргументом в пользу признания их источником российского права. Однако стоит признать, что из-за неразрывной связи каждого такого разъяснения с той или иной нормой права допустимо считать этот источник права вспомогательным.

Гончарова А.А.,

преподаватель АНО «Международный институт образования и науки»,
кандидат философских наук
(г. Москва)

Литература

1. Карапетов А.Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве / А.Г. Карапетов. Москва : Статут, 2011.
2. Курсаев А.В. Обеспечение прав и свобод граждан в условиях процедуры выхода Российской Федерации из Европейского суда по правам человека / А.В. Курсаев, Л.В. Ханахмедова // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 3 (49).
3. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России / Л.В. Лазарев. Москва : Городец, 2003.
4. Петрова Е.А. Феномен правотворчества в основных типах правопонимания / Е.А. Петрова // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения : коллективная монография / С.В. Волкова, Н.И. Малышева, Е.Ю. Калинина [и др.] ; под редакцией И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Астерион, 2018.
5. Попов О.В. Теоретико-правовые вопросы судебного правотворчества в Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / О.В. Попов. Казань, 2004.
6. Румянцев М.Б. Правотворчество в Российской Федерации : монография / М.Б. Румянцев. Чебоксары : Среда, 2019.
7. Суд и государство / К. Беше-Головко, Л.В. Головко, Ш.-А. Дюбрей [и др.] ; под редакцией Л.В. Головко, Б. Матье. Москва : Статут, 2018.
8. Харитонов Л.А. Конструируют ли судьи право? / Л.А. Харитонов // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах : коллективная монография / И.Л. Честнов, Т.Н. Радько, А.А. Геворгян ; под редакцией А.А. Дорской. Санкт-Петербург : Астерион, 2019.
9. Юридическая энциклопедия / под общей редакцией Б.Н. Топорнина. Москва : Юрист, 2001.

Современные направления расширения натуральных коллекций ЭКП МВД России

Первые натурные коллекции, формируемые и используемые для обеспечения потребностей правоохранительных органов, в которых содержалась оперативная и криминалистически значимая информация, востребованная при решении задач, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, начали формироваться с начала XX в. Целевое предназначение данных фондов предусматривало информирование сотрудников сыскных (оперативных) подразделений о разнообразии инструментов и предметов, примененных при совершении преступлений, а также вариантах следов, формирующихся при их использовании, способах внесения изменений в документы, а также тактическом и методическом обеспечении правоохранительной деятельности в целом¹.

По мере становления и развития частных теорий и учений криминалистики, а также формирования самостоятельных родов судебной экспертизы (особенно таких, как трасология, баллистика, технико-криминалистическое исследование документов, экспертиза веществ, материалов и изделий) неизбежно формировались обширные эмпирические массивы натуральных объектов, составляющих информационные фонды экспертно-криминалистических подразделений. Непосредственное использование объектов данных коллекций как в судебно-экспертной, так и в технико-криминалистической деятельности способствовало повышению оперативности получения потенциальной криминалистически и оперативно значимой информации.

Поступательное развитие в течение XX в. наук «криминалистика» и «судебная экспертология», происходящее одновременно с накоплением методического опыта по формированию натуральных фондов, относящихся к элементам экспертно-криминалистических учетов и справочно-информационных фондов (далее — СИФ), выработка оптимального подхода к структурированию уровней их ведения, оснований систематизации объектов, составляющих фонды, правил, условий и сроков хранения объектов коллекций, порядка обращения и использования² обусловили высокую эффективность

¹ Дронова О.Б., Рыжков И.В. Начальные этапы формирования и использования в работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел системы натуральных коллекций (конец XIX — середина XX века) // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 52. DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10053

² Пахомов А.В. Научные основы, организация и использование натуральных коллекций в раскрытии и расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М., 1998. 49 с.

применения криминалистических натуральных коллекций в качестве одной из приоритетных в учетно-регистрационной деятельности ЭКП.

Рассмотрение текущего состояния организации судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности ЭКП МВД России позволяет констатировать эффективное внедрение программно-аппаратных средств работы с информацией, что, с одной стороны, оказывает положительное воздействие на организацию формирования и использования натуральных коллекций. В частности, внедрение автоматизированных дактилоскопических, баллистических и иных идентификационных систем при формировании, ведении и использовании экспертно-криминалистических учетно-регистрационных массивов значительно повысило оперативность проверки объектов, изъятых в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Однако, с другой стороны, процесс цифровизации объектов натуральных коллекций неизбежно привел к утрате значимости ряда натуральных СИФов. В частности, использование в рамках производства экспертиз веществ, материалов и изделий хромато-масс-спектрометра с библиотекой масс-спектров веществ — объектов исследования, например представленных наркотическими, лекарственными, ядовитыми веществами, пищевыми и парфюмерными натуральными и синтетическими соединениями, практически исключило востребованность в экспертной практике «объектов-свидетелей» и «арбитражных образцов», которые ранее относились к натурным СИФам, что привело к уменьшению их разнообразия.

Однако, несмотря на отдельные негативные тенденции, анализ судебно-экспертной, учетно-регистрационной и информационно-обеспечительной практики ЭКП МВД России позволяет сделать вывод о том, что по-прежнему сохраняется актуальность натурной формы хранения криминалистически значимой информации, а целесообразность применения многоразовых (эталонных) натуральных образцов для производства сравнительных исследований не утрачивается в связи с расширением цифровых фондов³.

Это предусматривает необходимость дальнейшей работы по методическому обеспечению деятельности по организации функционирования натуральных СИФов, которое представляет собой единый процесс последовательных действий, в рамках которых должны быть четко определены цели их создания, содержание, выбраны основания систематизации, установлены критерии условий хранения объектов и, главное, источники их получения.

Каждый из указанных элементов деятельности по организации функционирования натуральных коллекций требует решения организационных, право-

³ Рыжков И.В. Теоретические основы и современные тенденции организации функционирования натуральных коллекций : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Волгоград, 2023. С. 59.

вых и методических вопросов, каждый из которых тесно связан друг с другом.

Первый проблемный вопрос связан с формированием натуральных фондов. В частности, решение вопросов по организации на базе ЭКП МВД России СИФов, в соответствии с действующей нормативной правовой базой, является инициативным действием, которое, тем не менее, осуществляется в соответствии с положениями законодательных и нормативных правовых актов. Анализ практической деятельности ЭКП МВД России с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время свидетельствует о тенденции сокращения натуральных фондов, что, по нашему мнению, коррелирует с инициативным/необязательным характером их ведения, систематическим повышением внимания со стороны головного экспертного подразделения МВД России — ЭКЦ МВД России к четкому соблюдению принципов законности при формировании и ведении инициативных натуральных фондов и отсутствием единых нормативно регламентированных правил и рекомендаций организации и функционирования СИФов.

Исключением являются баллистические натурные фонды огнестрельного оружия и боеприпасов, что обуславливается внедрением в практику работы сотрудников ЭКП приказа МВД России от 4 февраля 2016 г. № 53 «О порядке функционирования криминалистических коллекций оружия и патронов в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (далее — приказ МВД № 53 от 04.02.2016). Несмотря на отсутствие в данном приказе положений, регламентирующих обязательный характер ведения баллистических СИФов территориальными ЭКП МВД России, наличие нормативно закрепленных способов пополнения коллекций натурными образцами, условий хранения, порядка актуализации коллекций и обращения к ним в ходе осуществления судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности активизировало работу по формированию натуральных баллистических фондов. В частности, при взаимодействии с УМВД России по Астраханской области региональным ЭКЦ был разработан приказ УМВД России по Астраханской области от 10 мая 2017 г. № 253 «О создании криминалистической коллекции оружия и патронов», учитывающий функциональные, организационные и штатные особенности данного подразделения, и создана баллистическая коллекция, объекты которой систематически применяются при производстве баллистических экспертиз и исследований.

Полагаем, разработка ЭКЦ МВД России нормативных правовых актов и методических рекомендаций к ним, регламентирующих порядок формирования и ведения иных натуральных СИФов (орудий взлома, материалов письма, печатей, штампов и их оттисков, оригинальных упаковок потребительских

товаров, рукописных записей, выполненных в необычных условиях и т.д.), должна способствовать увеличению количества натуральных коллекций, организованных в территориальных ЭКП МВД России, и повышению общего уровня информационного обеспечения судебно-экспертной и технико-криминалистической деятельности ЭКП МВД России.

Вторым проблемным вопросом, возникающим в ходе формирования СИФов, является выбор легитимных источников пополнения фондов и способов получения натуральных объектов. Важность данного этапа организации функционирования СИФов очевидна, поскольку несоблюдение положений законодательных и нормативных правовых актов, регламентирующих процесс получения объектов для натуральных фондов, потенциально может являться основанием для постановки под сомнение результатов экспертных исследований, в ходе которых использовались многократные сравнительные коллекционные образцы.

На основе положений действующей законодательной и ведомственной нормативной правовой базы нами выделены возможные способы пополнения территориальными ЭКП натуральных СИФов, которые можно условно дифференцировать на инициативные и пассивные. К **инициативным** способам относятся:

1. Получение предметов, являвшихся вещественными доказательствами, на основании ходатайства руководителя государственного судебно-экспертного учреждения (далее — ГСЭУ) перед судом, органом дознания и следствия (ст. 39 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 73 от 31.05.2001)).

2. Получение оружия и патронов, состоящих или снятых с вооружения МВД России, признанных добровольно сданными, предназначенных для уничтожения, а также путем передачи из государственных военизированных подразделений, от юридических лиц и граждан (п. 6 приказа МВД № 53 от 04.02.2016).

3. Приобретение объектов в соответствии с законодательством Российской Федерации о размещении заказов для государственных и муниципальных нужд, в том числе в рамках целевых закупок (п. 86.б наставления, утвержденного приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (далее — Наставление));

4. Получение на безвозмездной основе натуральных объектов от организаций вне зависимости от их организационно-правовых форм собственности по запросу руководителя ГСЭУ (ст. 39 ФЗ № 73 от 31.05.2001).

К пассивному способу пополнения натуральных СИФов относится систематическое направление ЭКЦ МВД России натуральных объектов (в основном

бланков документов, акцизных и федеральных специальных марок на алкогольную и табачную продукцию) в территориальные ЭКП, функционирующие на уровне региона (в соответствии с Уставом ЭКЦ МВД России, утвержденным приказом МВД России от 16 июня 2010 г. № 437 «Об утверждении Устава федерального государственного казенного учреждения “Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации”»).

Согласно изучению практики формирования и ведения натуральных СИФов в районных и региональных ЭКП МВД России, наиболее реализуемыми способами пополнения коллекций являются пассивный и первые два из указанных инициативных способов, что, по нашему мнению, а также согласно результатам проведенного анкетирования сотрудников территориальных ЭКП МВД России не в полной мере обеспечивает все информационные потребности действующих судебных экспертов.

Практика реализации способа получения объектов для натуральных СИФов в соответствии с п. 86.6 Наставления региональными ЭКП МВД России достаточна редка и осуществляется отдельными территориальными подразделениями, например ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области. В частности, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — ФЗ № 44 от 05.04.2013), сотрудниками ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области систематически приобретаются патроны к нарезному и гладкоствольному огнестрельному оружию для пополнения баллистического натурального фонда.

Обращаясь к содержанию п. 4 ч. 1 ст. 93 ФЗ № 44 от 05.04.2013, а также практике осуществления закупок территориальными ЭКП МВД России объектов для баллистического СИФа у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), стоит отметить, что приобретение предметов, представляющих криминалистический интерес, осуществляется с использованием реестра закупок «Закупки не на ЕАТ» Единого агрегатора торговли «Березка» (далее — ЕАТ).

Реализация заключительного способа пополнения натуральных СИФов, предусматривающего получение на безвозмездной основе натуральных объектов, являющихся предметом преступного посягательства и представляющих криминалистический интерес от организаций, осуществляющих производство и реализацию объектов, в настоящее время сведено к минимуму, несмотря на то, что данный механизм направлен на возможность формирования СИФов эталонными многоразовыми образцами, представленными объектами регионального товарооборота.

Полагаем, основной причиной, обуславливающей отсутствие практической реализации указанного способа пополнения СИФов, является не регламентированный и не разъясненный ведомством механизм взаимодействия ГСЭУ с указанными организациями. Кроме того, осложняет процесс осуществления рассматриваемого способа натуральных объектов отсутствие эффективных и практически реализуемых мер административного наказания организаций, отказывающихся ГСЭУ в предоставлении натуральных образцов продукции. В связи с чем считаем целесообразным разработку ЭКЦ МВД России методических рекомендаций, раскрывающих порядок взаимодействия территориальных ЭКП МВД России с организациями, осуществляющими производство и реализацию объектов товарооборота, представляющих криминалистический интерес, а также внесение предложений по ужесточению федерального административного законодательства в части неисполнения ст. 39 ФЗ № 73 от 31.05.2001.

В заключение рассмотрения вопросов организационного, правового и методического характера, возникающих в ходе функционирования СИФов, следует отметить сохранившуюся в отдельных территориальных ЭКП МВД России практику формирования натуральных коллекций предметами и веществами, ранее представленными инициатором экспертного исследования в качестве сравнительных образцов и полученных в соответствии с ч. 1–3 ст. 202 либо ст. 183 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), например образцов почерка лиц, страдающих заболеваниями опорно-двигательного аппарата, эталонных образцов продукции, производимой на конкретном предприятии, и т.п. Между тем ни законодательной, ни ведомственной нормативной правовой базой указанный способ пополнения СИФов не регламентирован, что обуславливает нелегитимность дальнейшего использования объектов из натуральных коллекций в судебно-экспертной деятельности.

В то же время, принимая во внимание несомненность происхождения полученных в соответствии с УПК РФ натуральных сравнительных образцов, а также их репрезентативность и сопоставимость, установленные в рамках ранее проведенного экспертного исследования, считаем возможным расширение подходов к пополнению натуральных СИФов рассматриваемым способом. В связи с чем представляется целесообразной разработка ЭКЦ МВД России соответствующего дополнения в ст. 39 ФЗ № 73 от 31.05.2001.

В целом, рассмотренные проблемы, возникающие в ходе функционирования натуральных СИФов в ЭКП МВД России, свидетельствуют о необходимости модернизации правовых, организационных и методических подходов формирования и ведения коллекций объектов, представленных в натурной

форме, которые, несмотря на цифровизацию многих направлений деятельности правоохранительных органов, остаются актуальными и обеспечивают потребность сотрудников ЭКП МВД России в изучении источников первичной криминалистически значимой информации.

Дронова О.Б.,

профессор кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент
(г. Волгоград)

Рыжков И.В.,

старший преподаватель кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Волгоград)

Литература

1. Дронова О.Б. Начальные этапы формирования и использования в работе экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел системы натуральных коллекций (конец XIX — середина XX века) / О.Б. Дронова, И.В. Рыжков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15).
2. Пахомов А.В. Научные основы, организация и использование натуральных коллекций в раскрытии и расследовании преступлений : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.12 / А.В. Пахомов. Москва, 1998.
3. Рыжков И.В. Теоретические основы и современные тенденции организации функционирования натуральных коллекций : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 5.1.4 / И.В. Рыжков. Волгоград, 2023.

Проблемы назначения судебных экспертиз с целью обнаружения и проверки криминалистически значимой информации о личности на современном этапе

Судебная экспертиза является одним из способов обнаружения и проверки криминалистически значимой информации о личности. На современном этапе правоприменители сталкиваются с рядом проблем, возникающих при назначении судебных экспертиз.

В ходе проведенного анализа удалось выявить, что основными из них являются следующие:

- недостаточное обеспечение подлинности объектов судебной экспертизы;
- неправильное представление объектов исследования эксперту;
- нарушение последовательности назначения судебных экспертиз;
- назначение комплексной судебной экспертизы вместо совокупности судебных экспертиз;
- несоответствие наименования судебной экспертизы и вопросов, поставленных перед экспертом, специальным знаниям эксперта;
- неточное наименование судебной экспертизы, а также несоответствие наименования судебной экспертизы содержанию поставленных перед экспертом вопросов.

Проблема недостаточного обеспечения подлинности объектов судебной экспертизы.

В настоящее время подлинность объектов, представляемых на экспертизу, не обеспечивается. Это очень серьезная проблема, поскольку достоверность и объективность заключения эксперта зависят не только от эксперта, но и от действий лиц, представляющих объекты для производства судебной экспертизы.

Кроме того, нередко случаи фальсификации объектов исследования. Фальсификация объектов исследования не только обесценивает работу эксперта и лишает смысла судебную экспертизу в целом, но и нарушает права физических и юридических лиц, поскольку заключение эксперта может быть принято за подлинное доказательство и положено в основу судебного решения.

Однако в некоторых случаях удается выявить фальсификацию объектов судебной экспертизы, в результате чего заключение эксперта признается недопустимым доказательством. Так, в приговоре Индустриального районного суда г. Перми от 2 ноября 2016 г. установлено, что в связи

с фальсификацией протокола обыска от 9 января 2016 г. подлежат признанию недопустимыми доказательствами изъятые в ходе обыска предметы и объекты, признанные вещественными доказательствами, а также следы пальцев рук и заключения экспертов по результатам проведения дактилоскопической и химической экспертиз и протокол осмотра предметов.

Судебный эксперт проводит экспертизу только в отношении тех объектов, которые ему представлены лицом, ее назначившим. При этом у эксперта отсутствуют гарантии их подлинности, поэтому он исходит из презумпции достоверности информации, представленной следователем или судом.

Эксперт, проверяя упаковку и сам объект, анализирует их соответствие описанию в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы. Однако это не всегда является обеспечением подлинности, поскольку по описанию нельзя идентифицировать ни объект, ни упаковку, а также не представляется возможным определить, не изменялась ли упаковка, поскольку эксперт видит ее впервые.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в заключении эксперта должны быть отражены в том числе объекты исследований. Анализ заключений эксперта показал, что в 37,4% случаев эксперты придерживаются формального подхода к отражению в тексте заключения объектов исследования. В то время как в заключении эксперта описание объекта следует приводить подробно, не ограничиваться ссылкой на постановление или определение о назначении судебной экспертизы, в которых содержится их описание.

Описание упакованных объектов в заключении эксперта должно позволять однозначно их идентифицировать. Приведем распространенный пример описания, по которому невозможно идентифицировать упакованный объект: *«Кредитный договор № 1763/2019к от 17.05.2019 поступил на исследование в бумажном белом конверте, на котором имеется пояснительная надпись, оттиск печати [указываются ее реквизиты], подпись. Следы вскрытия упаковки отсутствуют».*

Однако даже если бы в заключениях имелось подробное описание и фотографии объектов, то в отсутствие таких фотографий, сделанных следователем, невозможно установить подлинность объектов.

Для обеспечения подлинности объектов судебной экспертизы можно предложить следователю: описать особенности объекта при его изъятии в протоколе осмотра или ином следственном действии, сфотографировать объект; обеспечить упаковку, исключающую возможность вскрытия; сделать пояснительную надпись с подписями лиц, участвующих в следственном действии; сфотографировать уже упакованный объект.

Еще одной проблемой, связанной с объектами экспертного исследования, является их непредставление или неправильное представление эксперту.

С целью определения и представления необходимых объектов для экспертного исследования следователю особенно важно учитывать практику проведения аналогичных экспертиз, обращаться к более опытным коллегам, получать консультации специалистов, изучать дополнительную литературу. В случае поступления от эксперта обоснованного ходатайства о предоставлении дополнительных материалов в кратчайший срок обеспечивать направление запрошенных материалов эксперту.

Так, например, в связи с непредставлением судьей объектов эксперт обратился с ходатайством об их представлении. Разрешая поступившее ходатайство, судья уведомил эксперта о том, что одна из сторон дела направит эксперту документы, указанные в ходатайстве. Однако такое разрешение ситуации судьей нарушает установленный законом запрет эксперту вступать в какие-либо контакты с участниками процесса, а также может быть расценено как самостоятельный сбор экспертом материалов для экспертного исследования.

Проблема нарушения последовательности назначения судебных экспертиз

Субъект, готовящийся к назначению судебной экспертизы, находится в ситуации информационной неопределенности. Следователи сталкиваются с ситуациями неправильного определения порядка исследования объектов, что приводит к их утрате/повреждению при производстве первой экспертизы и, следовательно, невозможности дачи заключения при производстве последующей экспертизы. Например, когда один и тот же документ необходимо направить на технико-криминалистическую экспертизу установления давности его реквизитов (А) и почерковедческую экспертизу (Б), то целесообразно первоначально назначить экспертизу Б, затем А. Такая последовательность объясняется тем, что при определении давности выполнения реквизитов используется разрушающий метод исследования — метод газожидкостной хроматографии, в результате которого объект будет частично или полностью утрачен. Именно поэтому для получения всего объема криминалистически значимой информации сначала следует провести почерковедческую экспертизу.

Проблема назначения комплексной судебной экспертизы вместо совокупности судебных экспертиз

В ходе изучения материалов уголовных дел встречались постановления о назначении комплексной почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов, комплексной почерковедческой и лингвистической судебной экспертизы. В указанных документах речь идет о простой совокупности экспертиз, поскольку при назначении, например, «комплексной почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов» почерковедческой экспертизой будут решаться одни задачи, а технико-

криминалистической — другие, то есть отсутствует критерий комплексности знаний. В ходе комплексной судебной экспертизы должна решаться общая экспертная задача комплексом знаний. Классическим примером комплексной экспертизы является психолого-психиатрическая экспертиза.

Ученые-криминалисты также отмечают, что важным качеством комплексной экспертизы является логическая связность выводов¹.

Еще в 1985 г. учеными поднимались вопросы представления знаний для практических работников в части создания и опубликования перечня комбинаций нескольких специалистов для производства комплексных экспертиз². Однако вышеизложенное подтверждает, что следователи и судьи до сих пор нуждаются в предоставлении таких знаний. Поэтому в качестве криминалистической рекомендации можно предложить освещение в доступной форме наиболее типичных комбинаций и последовательностей назначения судебных экспертиз, а также комплексных судебных экспертиз с указанием их отличия от совокупности экспертиз в виде методических пособий или памяток.

Проблема несоответствия наименования судебной экспертизы и вопросов, поставленных перед экспертом, специальным знаниям эксперта

Анализ материалов уголовных дел показал, несмотря на то что в большинстве случаев специальность эксперта соответствует поставленным перед ним вопросам, все-таки встречаются случаи, когда вопросы, поставленные перед экспертом, выходят за рамки его компетенции.

Ситуацию можно проиллюстрировать следующим примером. Судом назначена экспертиза (наименование отсутствует) для решения вопросов, касающихся технических характеристик и качества товара. При этом судом для производства экспертизы из предложенных сторонами кандидатур выбран судебный эксперт по специальности «Электронные вычислительные машины, инженер-системотехник». Судебная экспертиза по делу была проведена данным экспертом. Сведения о наличии у кандидатуры дополнительного образования по экспертной специальности отсутствовали.

Представляется, что в данном случае судебная экспертиза проведена не компетентным по поставленным вопросам экспертом, если исходить из его специальности.

Кроме того, следователи, судьи, а также адвокаты в рамках подготовки ходатайства о назначении судебной экспертизы сталкиваются со сложностью выбора компетентного эксперта.

¹ См.: Усов А.И., Эджузов Л.Г., Карпухина Е.С., Хатунцев Н.А. Роль компьютерно-технической экспертизы при решении комплексных задач // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 31–34.

² Проблема организации и проведения комплексных экспертных исследований : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. (Рига, 5–6 дек. 1984 г.) / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М. : ВНИИСЭ, 1985.

*Проблема неточного наименования судебной экспертизы,
а также несоответствия наименования судебной экспертизы содержанию
поставленных перед экспертом вопросов*

Например, по конкретному уголовному делу была назначена фоноскопическая экспертиза, однако экспертом в заключении данная экспертиза была поименована как фонографическая. Адвокат на этом основании ходатайствовал о признании заключения эксперта недопустимым доказательством³. Несмотря на то что оно таковым признано не было, поскольку эксперт ответил на все поставленные вопросы и провел исследование в отношении представленного объекта, это является экспертной ошибкой, из-за которой может быть нарушен срок предварительного расследования.

Довод адвоката о незаконности заключения фонографической экспертизы от 7 июня 2018 г. с аргументацией, что по делу была назначена фоноскопическая экспертиза, не может служить основанием для признания указанного доказательства недопустимым, поскольку экспертом проведено исследование именно того объекта, который был представлен на исследование, с ответами на вопросы, сформулированные следователем, так как названия данной экспертизы, указанные в постановлении следователя и в заключении эксперта, являются синонимами, используемыми для обозначения экспертизы зафиксированных звуков путем их записей (фонограмм).

Анализ материалов уголовных дел показал, что несоответствие наименования судебной экспертизы содержанию поставленных перед экспертом вопросов часто встречается при назначении судебных экономических экспертиз. Вместо судебно-бухгалтерской назначается судебная финансово-экономическая экспертиза с вопросом, отражен ли в бухгалтерской отчетности ООО «Империал» факт оказания услуги ООО «Строй-сервис». Вместо судебной финансово-экономической назначается судебно-бухгалтерская экспертиза, и перед экспертом ставится, например, вопрос: «Определить рыночную стоимость одной обыкновенной и одной привилегированной акции АО «Нефтехим» по состоянию на 31.12.2019».

Причины ошибок кроются, во-первых, в недостаточной квалификации субъекта назначения экспертизы в части вопросов судебно-экспертной деятельности. Во-вторых, в отсутствии единообразия в ведомственных приказах⁴ в части наименования судебных экспертиз, направленных на решение одной и той же экспертной задачи.

³ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12 октября 2017 г. № 201-АПУ17-37 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Перечни судебных экспертиз содержатся в приказе Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учрежде-

Решение двух последних проанализированных проблем видится, например, в разработке общего электронного справочника, в котором бы содержалась сводная информация о наименовании, задачах, вопросах, государственном судебно-экспертном учреждении. Представляется, что частные экспертные организации на добровольной основе путем заявки могли бы также передавать в данный справочник информацию о спектре проводимых ими экспертиз. В качестве глобальной задачи, что отмечается многими учеными, целесообразно решать вопрос унификации наименований судебных экспертиз на межведомственном уровне.

Следует также отметить, что в исследовании материалов уголовных дел выявлены ошибки определения вида судебной экспертизы, порядка ее назначения. В частности, вместо дополнительной назначалась повторная экспертиза; вместо повторной — дополнительная; встречалась также ошибка проведения допроса вместо назначения дополнительной экспертизы.

Таким образом, еще на стадии назначения судебной экспертизы следователю или суду необходимо тщательно к ней подойти, придерживаться разработанных рекомендаций во избежание ошибок, которые могут привести к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством и нарушению прав личности.

Колесникова Н.С.,

начальник отдела структурирования и сопровождения сделок
кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Проблема организации и проведения комплексных экспертных исследований : материалы Всесоюзной научно-практической конференции (г. Рига, 5–6 декабря 1984 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор Ю.Г. Корухов. Москва : ВНИИСЭ, 1985.
2. Усов А.И. Роль компьютерно-технической экспертизы при решении комплексных задач / А.И. Усов, Л.Г. Эджубов, Е.С. Карпухина, Н.А. Хатунцев // Эксперт-криминалист. 2011. № 4.

ниях Минюста России» (Российская газета. 2013. № 24), приказе МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (Российская газета. 2005. № 191), приказе ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 40).

Криминалистическая алгоритмизация деятельности следователя при установлении лица, совершившего преступление

Криминалистическая методика как система знаний и раздел науки криминалистики имеет широкий спектр научных и практических рекомендаций для расследования преступлений. Развитие научных положений криминалистической методики расследования преступлений и возникновение новых следственных ситуаций требуют совершенствования процесса расследования преступлений. Указанные обстоятельства диктуют оптимизацию деятельности следователя при расследовании преступлений.

Для того чтобы криминалистическая методика могла быть эффективной и адаптивной к миру преступности, выделенные ею рекомендации можно представить в более совершенном виде — алгоритмов. Анализ научной литературы указывает на возникающие тенденции к развитию учения о криминалистической алгоритмизации.

В 1977 году профессор Р.С. Белкин указал на необходимость совершенствования криминалистических методик путем создания алгоритмов расследования отдельных видов преступлений¹.

Позднее Р.С. Белкиным выделены тенденции к формализации и алгоритмизации данных кибернетики и электронно-вычислительной техники с целью оперативного выбора наилучшей методики расследования в конкретной следственной ситуации².

Применение алгоритмизированного подхода вполне обоснованно: большое количество методического материала, представленного в виде оптимальных последовательных действий следователя на определенных этапах расследования дела, сложно воспринимается практиками. Это объясняется сложностью изложения и большой нагрузкой следователя.

В настоящее время рекомендации поэтапных действий следователя могут быть представлены в систематизированном виде в соответствии с конкретным видом преступления.

Значимую работу, касающуюся криминалистической алгоритмизации, в 1978 г. проделал прокурор-криминалист Л.Г. Видонов, исследовав взаимосвязи между отдельными структурными элементами личности потерпевшего

¹ Белкин Р.С. Курс советской криминалистики : в 3 т. Т. 1: Общая теория советской криминалистики. М., 1977. С. 234.

² Белкин Р.С. Следственные ситуации и этапы расследования // Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 133.

и личности преступника, а также способом и обстановкой совершения преступления³.

Н.С. Полевой в 1982 г. в своих работах затрагивал вопросы кодирования криминалистической информации, а также алгоритмизации и программирования информационных процессов как методологического решения криминалистических задач⁴.

В.К. Гавло в 1985 г. в своей работе о методике расследования отдельных видов преступлений сформировал понятие криминалистического алгоритма и определил его как научно обоснованное точное изложение последовательности следственных действий применительно к складывающимся следственным ситуациям, выполнение которых обеспечивает решение поставленных задач по раскрытию и расследованию преступлений⁵.

Профессор Л.Я. Драпкин в разные периоды в своих работах затрагивал вопросы криминалистической алгоритмизации, разрабатывая теорию следственной ситуации⁶, классифицируя следственные ситуации, указывая на использование следователем версионного механизма мышления⁷, а в отдельных публикациях выдвигал концепцию, базирующуюся на положениях математического программирования, согласно которым алгоритм рассматривается как четкая и строгая последовательность операций⁸.

В начале XXI в. криминалистическая алгоритмизация формируется как законченное учение, защищена докторская диссертация А.С. Шаталова «Проблемы алгоритмизации расследования преступлений»⁹.

В своем диссертационном исследовании автор обозначил актуальные проблемы алгоритмизации расследования преступлений, выделив понятие криминалистической алгоритмизации, обозначив ее как закономерность деятельности, непосредственно связанной с раскрытием и расследованием преступлений, которая состоит в разработке криминалистических алгоритмов, приводящих к решению конкретных задач расследования.

³ Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийство. Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1978. С. 3.

⁴ Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика (Теория информационных процессов и систем в криминалистике) : учебное пособие. М., 1982.

⁵ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985. С. 217.

⁶ Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций : дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1987. 440 с.

⁷ Драпкин Л.Я. Теория раскрытия преступлений: ретроспективный анализ и вероятностный прогноз // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства. Екатеринбург : Чароид, 2003. С. 123–133.

⁸ Драпкин Л.Я., Долинин В.Н., Шуклин А.Е. Проблемы алгоритмизации в криминалистике и следственной деятельности // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-algoritmizatsii-v-kriminalistike-i-sledstvennoy-deyatelnosti> (дата обращения: 18.03.2023).

⁹ Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.

Кроме указанного, автор выделил прикладные аспекты криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений.

Позднее Е.П. Ищенко и Н.Б. Водянова в совместной монографии исследовали теоретические, методические и прикладные аспекты алгоритмизации первоначального этапа расследования¹⁰.

К.О. Сливинский посвятил свое диссертационное исследование теоретическим вопросам алгоритмизации деятельности следователя и формированию новых подходов к алгоритмизации такой деятельности¹¹.

О.М. Соловьева исследовала в своей диссертации теоретические основы алгоритмизации следственных действий, сущность криминалистического алгоритма следственного действия, а также алгоритмизацию производства следственных действий¹².

М.В. Баранов и А.Ю. Головин провели массовое интервьюирование следователей для освещения вопроса об использовании ими криминалистического алгоритма¹³.

В настоящее время алгоритмы используются при обработке данных в экономике, информатике, математике, а также в криминалистике. Алгоритмы позволяют оптимизировать принимаемые в процессе раскрытия и расследования преступлений решения. Использование алгоритма в криминалистике может служить примером межотраслевого «заимствования» и успешного внедрения в криминалистику для разрешения проблем организации расследования преступлений. Разработка криминалистических алгоритмов вызывается специфичной деятельностью следователя: ему приходится осуществлять широкий комплекс действий, направленных на сбор, систематизацию, хранение и анализ криминалистически значимой информации в целях разрешения различных следственных ситуаций и принятия оптимальных тактических решений.

Исходя из вышеперечисленных определений, криминалистическую алгоритмизацию следователя можно представить как рекомендуемый перечень следственных действий оперативно-разыскных мероприятий, комбинаций, с учетом следственных ситуаций, предназначенный для творческого применения следователем по конкретному уголовному делу.

Деятельность следователя по выявлению и расследованию преступлений предполагает творческие усилия по поиску известных ранее способов

¹⁰ Ищенко Е.П., Водянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности. М., 2010.

¹¹ Сливинский К.О. Алгоритмизация деятельности следователя : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

¹² Соловьева О.М. Криминалистическая алгоритмизация следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

¹³ Головин А.Ю., Баранов М.В. Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения // Российский следователь. 2013. № 11. С. 42–44.

установления преступника. При наличии известных способов следователю приходится выбирать подходящий способ решения криминалистических задач и соотносить их с типовыми ситуациями. Следовательно, современная деятельность следователя совместима с алгоритмизацией расследования.

К тому же криминалистика зарождалась как отрасль прикладных знаний и развивалась вместе с достижениями технических и гуманитарных наук. Использование математических знаний в виде алгоритмов упорядочивает многочисленные действия следователя.

Так, созданные криминалистические алгоритмы и программы могут выступать в качестве носителей криминалистических рекомендаций, при этом такие рекомендации должны быть практико-ориентированны.

Нельзя не согласиться с В.Я. Колдиным, который писал, что «криминалистическая теория вытекает из криминалистической практики и не имеет иных целей, кроме обслуживания этой практики»¹⁴. Именно криминалистическая алгоритмизация как частная криминалистическая методика наиболее приближена к практике, так как она создана на основе анализа закономерностей, встречающихся в действиях следователя.

В современное время следственная практика нуждается в научных знаниях из области общих и частных проблем криминалистики и требует алгоритмизации целостных циклов расследования. При этом положительной чертой использования учения о криминалистической алгоритмизации в деятельности следователя будет максимальный учет всех особенностей следственной ситуации.

Отметим, что в юридической литературе имеются подробные исследования о расследовании отдельных видов преступлений, разработаны криминалистические алгоритмы расследования конкретных преступлений, этапов расследования, следственных действий, но не алгоритмы для установления лица, совершившего преступление. Несмотря на то что законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе РФ несколько раз в ст. 208, 209, 210 декларирует требование об установлении «лица, совершившего преступления», в специализированной научной литературе не содержится криминалистических методик по установлению такого лица.

Установление лица, совершившего преступление, осуществляется разнообразными способами: по внешнему облику преступника, по его субъективным особенностям, по следам и предметам, оставленным на месте преступления, по поведению преступника, по похищенным предметам, по его биометрическим характеристикам и персональным данным.

Способы установления лица, совершившего преступление, перечислены с той целью, чтобы показать большой объем криминалистически значи-

¹⁴ Колдин В.Я. Служебная роль криминалистики // Криминалистика. XXI век : материалы научно-практической конференции : сб. науч. ст. : в 2 т. (г. Москва, 26–28 февраля 2001 г.) / главн. ред. И.П. Карлин. М., 2001. Т. 1. С. 5.

мой информации, которая может подлежать обработке при формировании криминалистической методики и составлении криминалистического алгоритма.

Кулаевский А.В.,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Юридического института
Алтайского государственного университета
(Алтайский край, г. Барнаул)

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 томах. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р.С. Белкин. Москва : Академия МВД СССР, 1997.
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. В 3 томах. Т. 1. Общая теория советской криминалистики / Р.С. Белкин. Москва : Академия МВД СССР, 1977.
3. Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и система типовых версий о лицах, совершивших убийство / Л.Г. Видонов. Горький : Издательство ГВШ МВД СССР, 1978.
4. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений : монография / В.К. Гавло ; под редакцией А.Н. Васильева. Томск : Издательство Томского университета, 1985.
5. Головин А.Ю. Алгоритмы расследования в структуре частных криминалистических методик: проблемы разработки и практического применения / А.Ю. Головин, М.В. Баранов // Российский следователь. 2013. № 11.
6. Драпкин Л.Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций : диссертация доктора юридических наук / Л.Я. Драпкин. Свердловск, 1987.
7. Драпкин Л.Я. Проблемы алгоритмизации в криминалистике и следственной деятельности / Л.Я. Драпкин, В.Н. Долинин, А.Е. Шуклин // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108).
8. Драпкин Л.Я. Теория раскрытия преступлений: ретроспективный анализ и вероятностный прогноз / Л.Я. Драпкин // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовно-процессуального законодательства : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора, доктора юридических наук, заслуженного юриста РФ И.Ф. Герасимова (г. Екатеринбург, 6–7 февраля 2003 г.) : сборник научных статей. Екатеринбург : Чароид, 2003.
9. Ищенко Е.П. Алгоритмизация следственной деятельности : монография / Е.П. Ищенко, Н.Б. Водянова ; под редакцией Е.П. Ищенко. Москва : Юрлитинформ, 2010.
10. Ищенко Е.П. Создание следственных алгоритмов — перспективный путь развития криминалистики / Е.П. Ищенко // Перспективы развития криминалистики : межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1991.
11. Колдин В.Я. Служебная роль криминалистики / В.Я. Колдин // Криминалистика. XXI век : материалы научно-практической конференции (г. Москва, 26–28 февраля 2001 г.) : сборник научных статей. В 2 томах. Т. 1 / главный редактор И.П. Карлин. Москва : ГУ ЭКЦ МВД России, 2001.
12. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика: теория информационных процессов и систем в криминалистике : учебное пособие / Н.С. Полевой. Москва : Издательство МГУ, 1982.
13. Сливинский К.О. Алгоритмизация деятельности следователя : диссертация кандидата юридических наук / К.О. Сливинский. Москва, 2004.
14. Соловьева О.М. Криминалистическая алгоритмизация следственных действий : диссертация кандидата юридических наук / О.М. Соловьева. Санкт-Петербург, 2001.
15. Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений : диссертация доктора юридических наук / А.С. Шаталов. Москва, 2000.

Основы учения о географии преступности в трудах профессоров Московского университета (М.Н. Гернета, А.Н. Трайнина, Н.Ф. Кузнецовой)

География преступности представляет собой самостоятельное направление криминологических исследований, занимающееся проблемами пространственно-временного распределения преступности в зависимости от конкретной территории. В.В. Лунеев географию преступности определял как «пространственно-временное распределение уголовно наказуемых деяний (по уровню, структуре, динамике), связанное со спецификой различных регионов мира, разных стран или административно-территориальных единиц одной страны, с численностью, структурой и расселением населения на изучаемых территориях, со своеобразными формами организации жизни людей, условиями их труда, быта, отдыха, культуры, национальных традиций и иных особенностей»¹. В нашей стране термины «география преступности» и «территориальные различия преступности» употребляются в качестве синонимов. В литературе современного периода предлагаются и другие варианты (геокриминология, геокриминография и т.п.).

Основной задачей данного направления является изучение состояния преступности в различных регионах путем сопоставления количественных показателей преступности (преимущественно относительных — рассчитанных на единицу населения) в статике и динамике, производство расчета аналогичных показателей виктимности, что должно способствовать выявлению территориальной дифференциации уровня преступности, анализу криминогенных и антикриминогенных факторов, действующих в регионе. Доктор юридических наук Д.В. Бахарев совершенно справедливо полагал, что «основное назначение географии преступности — это *выяснение причин преступности посредством изучения специфики формирования комплекса социальных противоречий в территориальном разрезе...*» (Курсив автора. — Прим.)². Правда, при этом лишал данное направление самостоятельности, рассматривая его в рамках теорий причинности.

Изучение географии преступности возникло одновременно с появлением двух основных криминологических школ — антропологической и социологической. Особое значение представляла фигура А.Ж. Кетле — бельгий-

¹ География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999 г.) // Государство и право. 2000. № 11. С. 23–24.

² Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности. СПб., 2016. С. 143.

ского профессора математики и астрономии, одного из основоположников уголовной статистики, представителя социологического направления в криминологии, основателя Международного статистического комитета, внесшего в 1853 г. предложение о проведении сравнительных международных обзоров преступности. Идея была реализована более чем через 100 лет под эгидой Организации Объединенных Наций. Результаты первого международного сравнительного обзора преступности были опубликованы в 1975 г. и охватывали предшествующий пятилетний период (1970–1975 гг.). До 1990-х годов соблюдался пятилетний срок, с 90-х гг. XX столетия ООН перешла на двухлетний итог.

Географию преступности принято рассматривать в следующих основных разрезах: преступность разных стран (это направление часто именуют сравнительной криминологией); преступность отдельных регионов внутри страны; различия между городской и сельской преступностью и т.п.

Для нашей страны как дореволюционного, советского, так и современного периода изучение географии преступности имеет важное значение. Региональные различия между субъектами Федерации в стране касаются всех аспектов жизнедеятельности: природно-климатических, включая наличие ценных природных ресурсов, государственных и природных границ, национального и демографического состава населения с учетом интенсивности миграции, социально-экономического развития, преобладающих форм расселения, религиозных и культурных особенностей, численности и качественного состава правоохранительных органов и т.п. В весьма короткую бытность Председателем Правительства РФ выдающийся российский государственный деятель Е.М. Примаков в качестве приоритетной задачи внутреннего развития страны обозначал сглаживание диспропорций между социально-экономическим развитием субъектов Федерации, которые за постсоветский период значительно усугубились.

В России было три основных этапа научного обращения к географии преступности. Ранний период характеризуется работами дореволюционных исследователей, использующих преимущественно статистический метод. Наиболее известными здесь являются работы Е.Н. Тарновского³, Е.Н. Анучина⁴, С.В. Максимова⁵ и других авторов. В этот период появляются и работы будущих профессоров Московского университета — А.Н. Трайнина и М.Н. Гернета. В 1907 году в Московском университете Арон Наумович Трай-

³ Тарновский Е.Н. Движение главнейших видов преступности в двенадцати естественных районах Европейской России // Журнал Министерства юстиции. 1902. Т. 4. С. 43–81; Он же: Движение преступности по окружным судам Европейской России // Журнал Министерства юстиции. 1905. Т. 10. С. 1–27; и др.

⁴ Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1946 годов: материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873.

⁵ Максимов С.В. Ссылные и тюрьмы. СПб., 1862.

нин публикует небольшую работу (фактически научную статью) «Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг.». В ней анализу ученого подвергается соотношение между показателями преступности, смертности и материальными условиями жизни общества. Между ними автор выявляет прямую связь. В качестве наиболее репрезентативного экономического показателя того периода рассматриваются цены на хлеб, которые резко подскочили в наиболее тяжелый, 1885 г. Этот же период характеризуется резким повышением показателей преступности и смертности. Проанализировав состояние и динамику показателей преступности в Московской губернии, автор делает следующие выводы: «Важнейшим выводом произведенного анализа является установление исключительного значения для колебания преступности Московской губернии урожайных и неурожайных лет. Высокий или низкий урожай, обуславливающие благополучие или нищету подмосковной деревни, являются и главнейшими регуляторами преступности края». В связи с таким выводом автор заключает, что в настоящее время «для борьбы с преступностью искусственное орошение является гораздо более действительным средством, чем тюрьмы и арестантские отделения»⁶. Позднее научные интересы А.Н. Трайнина коснутся и других криминологических вопросов и проблем. Например, известны такие его исследования, как «Преступность столиц и городов», «Преступность города и деревни», «Преступность женщин».

Примечательно, что в своих работах и А.Н. Трайнин, и М.Н. Гернет придерживались довольно крайних социологических, даже социалистических взглядов, возводя социально-экономические условия в разряд первостепенных факторов, определяющих состояние преступности той или иной территории. Тогда как в более объемных и основательных работах Е.Н. Тарновского, Е.Н. Анучина, С.В. Максимова звучат идеи о том, что, наряду с преобладающим характером производства (сельскохозяйственного или промышленного), социально-экономическими показателями (средний уровень достатка), интенсивностью и характером миграционных процессов и т.п., главными являются не благосостояние территории, а «племенные особенности», под которыми понимается преобладание в населении определенного темперамента, обычаев и традиций — того, что в современном языке лаконично именуется менталитетом.

Большое значение для становления такого направления, как изучение городской преступности, в разделе криминологии, как территориальные различия преступности, имеют работы М.Н. Гернета. Именно он одним из первых выделил специфические черты городской (столичной) преступности и провел первое комплексное криминологическое исследование преступности в Москве.

⁶ Трайнин А.Н. Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг. // Право. 1907. № 1. С. 1589–1597.

Второй этап научного интереса к территориальным различиям (географии) преступности относится к советскому периоду. После революции в России, в 1918 г. в ЦСУ РСФСР создается отдел моральной статистики, который возглавил Михаил Николаевич Гернет и оставался его руководителем до 1930 г. В 1923 году по инициативе административного отдела Президиума Моссовета М.Н. Гернет силами Московского криминологического кабинета совместно со студентами Московского университета организует изучение преступности в Москве. Обследованию подверглось население 9 арестных домов Москвы. М.Н. Гернетом была разработана и продумана программа индивидуального обследования заключенных путем интервьюирования по составленной анкете. На базе арбатского арестного дома была создана научная лаборатория, куда доставлялись наиболее интересные преступные типы. Анкета содержала данные о совершенном преступлении, биографию и обширный раздел, посвященный антропометрическим и психофизиологическим свойствам преступника. В исследовании приняло участие более 150 студентов-юристов факультета общественных наук Московского университета.

Для исследования были взяты отдельные категории преступников. К ним относились лица, совершившие убийства, разбои, грабежи, кражи, мошенничества. Исследовались преступность несовершеннолетних и рецидивная преступность (было изучено 1778 анкет, содержащих характеристику преступников). Отдельно изучалась женская преступность, а также преступность психопатов (здесь инициатором выступил известный советский психиатр Е.К. Краснушкин). По итогам исследования в 1924 г. свет увидел сборник статей под редакцией М.Н. Гернета «Преступный мир Москвы». По замечаниям М.Н. Гернета и С.В. Познышева, меньше всего удалась антропологическая часть обследования, а также психологическая. Антропологическая часть анкеты была составлена под влиянием весьма популярной в то время концепции конституционной предрасположенности немецкого психиатра Э. Кречмера. Для проведения качественных исследований психологии преступников требовались апробированные методики исследования личности (путем тестирования), которые в советской России того периода отсутствовали. Тестирование было заменено опросами, тогда как замена оказалась неравноценной. Сказалась и элементарная нехватка профессиональных психологов. Вместе с тем изучение основных видов преступности столицы того периода состоялось и стало первым комплексным исследованием городской и столичной преступности в России и СССР. Особый интерес представляет предисловие М.Н. Гернета, в котором сформулирована характеристика столичной преступности. «Столицы и большие города — главное русло течения преступности страны... Выпуклые формы, в которые она выливается здесь, отмеченный нами ее мишурный блеск позволяют нам скорее, легче и полнее увидеть ее и, изучив ее, принять надлежащие меры для борьбы с нею...

Столицы нередко бывают ареною, где впервые дебютируют новые преступления или новые способы их совершения, чтобы затем перебраться и в другие места страны»⁷. И в других мировых столицах та же картина. «Такие города являются очагами преступности. В них более всего воруют, мошенничают, насилуют, в них чаще всего совершают посягательства на государственный строй, общественный порядок»⁸. Интересно отметить, что преступность Москвы и Петербурга (Петрограда, Ленинграда) на протяжении всего дореволюционного и советского периодов имеет существенные различия. Преступность в Москве (даже когда юридически она была «второй» столицей) более походила на преступность других мировых столиц, тогда как преступность Санкт-Петербурга обладала ярко выраженными чертами сельской преступности. В словах М.Н. Гернета явно прослеживается существенное влияние представителя французского криминологического направления социологического толка Г. Тарда (Сравнительная преступность, 1886 г.), что неудивительно. Концепция подражания Г. Тарда, в соответствии с которой провинции заимствуют у столиц не только покрой платьев или иные модные тенденции, но и преступные проявления, которые выходят на авансцену в столичном регионе, была достаточно популярна у криминалистов той эпохи. Равно как и труды выдающегося французского мыслителя, литератора и юриста Г. Тарда высоко ценились не только на его родине.

Подводя итог проведенного в период 1921–1923 гг. исследования преступного мира столицы, М.Н. Гернет высказывает желание повторения одного через десятки лет. И такое повторение осуществляет ученица А.Н. Трайнина Нинель Федоровна Кузнецова, организовав новое исследование преступности Москвы с активным привлечением студентов Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Исследовательский временной срез охватывал период 1968–1969 гг. и имел целью сравнительный, сопоставительный анализ с результатами исследования под руководством М.Н. Гернета. Это определило те же самые виды преступности, что подверглись анализу в 1921–1923 гг. (за исключением самоубийства). Основным научным методом был метод сплошного анкетирования 200 осужденных по всем народным судам столицы и Мосгорсуда. Главные выводы касались не столько изменений в показателях преступности (они в основном затронули рецидивную и профессиональную преступность), сколько личности московского преступника. Результаты нашли свое отражение в сборнике «Сравнительное криминологическое исследование преступности в Москве в 1923 г. и 1968–1969 гг.»⁹.

⁷ Преступный мир Москвы / под ред. проф. М.Н. Гернета. М., 1924. С. 5.

⁸ Там же.

⁹ Сравнительное криминологическое исследование преступности в Москве в 1923 г. и 1968–1969 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Третий период изучения географии преступности касается постсоветской России и характеризуется определенным интересом к изучению географии преступности как внутри страны, так и в мире.

Кафедрой уголовного права и криминологии МГУ имени М.В. Ломоносова в 2023 г. предпринята попытка проведения изучения преступности в столице в XXI в. С привлечением студентов факультета Научно-образовательного центра криминологических исследований была разработана методика изучения статистической информации, опубликованных приговоров судов г. Москвы и иных решений, иной значимой информации для исследования основных современных проявлений преступности. В частности, изучались приговоры и иные материалы по убийствам, грабежам и разбоям, а также экономическая, женская преступность, коррупция, преступность, связанная с незаконным оборотом наркотических веществ, и иные виды. В настоящее время результаты исследования дополнительно обрабатываются, и материал готовится к публикации.

Матвеева А.А.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1946 годов. Материалы для уголовной статистики России / Е.Н. Анучин. Санкт-Петербург : Тип. Майкова, 1873.
2. Бахарев Д.В. Пространственный анализ причинного комплекса преступности : монография / Д.В. Бахарев ; под редакцией И.Я. Козаченко. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2016.
3. Лунеев В.В. География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999 гг.) / В.В. Лунеев // Государство и право. 2000. № 11.
4. Максимова С.В. Ссылные и тюрьмы. Т. 1 / С.В. Максимова. Санкт-Петербург : Тип. Морского министерства, 1862.
5. Преступный мир Москвы : сборник статей: А.М. Ароновича, Н.Н. Гедеонова, М.Н. Гернета [и др.] / под редакцией и с предисловием М.Н. Гернета. Москва : Право и жизнь, 1924.
6. Тарновский Е.Н. Движение главнейших видов преступности в двенадцати естественных районах Европейской России / Е.Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. 1902. Т. 4.
7. Тарновский Е.Н. Движение преступности по окружным судам Европейской России / Е.Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. 1905. Т. 10.
8. Трайнин А.Н. Движение преступности в Московской губернии за период 1884–1897 гг. / А.Н. Трайнин // Право. 1907. № 1.

Криминалистическое исследование признаков внешнего облика человека, зафиксированных на цифровых носителях

Ранее, в экспертной практике по портретной идентификации объектами исследования, как правило, выступали только фотоизображения проверяемых лиц, на которых в положении анфас, профиль фиксировались анатомические элементы внешнего облика, подлежащие экспертному исследованию на предмет установления тождества признаков с разыскиваемым лицом. На современном же этапе, с учетом такого массового распространения цифровых камер видеонаблюдения объектами исследования, в подавляющем большинстве случаев выступают только видеокadres (цифровые видеозаписи), на которых фиксируются как анатомические (статические) признаки внешности, анализ которых осуществляется в положении стоп-кадра видеозаписи, так и функциональные (динамические), позволяющие исследовать ряд иных, не доступных по фотоизображениям идентификационных признаков внешности, свойственных особенностям походки проверяемого лица в целом, особенностям положения головы, например, во время ходьбы, остановки, приседания и проч.; особенностям, связанным с поднятием рук, ног в момент движения; особенностям жестикуляции, артикуляции и множествам иных признаков, обусловленных динамикой тела и возникшей ситуацией. Такие признаки, как анатомические, обладают высокой идентификационной значимостью, поскольку в динамике они также устойчивы, существенны, индивидуальны (при производстве судебных экспертиз и исследований видеозаписей, на которых запечатлена динамика проверяемых лиц, эксперты ни разу не сталкивались со случаями, когда они осуществляли бы абсолютно идентичные движения элементами тела), и именно по этой причине идентификационные экспертизы, объектами которых являются отдельные кадры видеозаписей (или непрерывный продолжительный ряд видеозаписей), запечатлевших лицо, совершившее преступление, получили такое массовое распространение в экспертной, следственной и судебной практике.

При осуществлении следственных действий по возбужденному уголовному делу наиболее часто распространено изъятие видеозаписей с камер наружного наблюдения различных городских систем безопасности (например, система видеонаблюдения «Безопасный город» города Москвы), с зафиксированным маршрутом следования потерпевшего и лица, обвиняе-

мого в совершении преступления, а в качестве материалов сравнения по уже назначенным судебным экспертизам используются видеозаписи, полученные с тех же камер, но в условиях производства следственного эксперимента, на которых фиксируется уже известное органам следствия проверяемое лицо. В последующем, уже в рамках назначенной экспертизы, видеокадры, содержащие фиксацию неизвестного лица, совершившего преступление, сравниваются с видеокадрами проверяемого лица, полученными в результате следственного эксперимента, в рамках решения идентификационного вопроса: одно и то же или разные лица зафиксированы на видеоизображениях? В следственной же практике возникают ситуации, когда такой вопрос конструктивно изменяется следователем под влиянием мнения специалиста в этой области на иной, лексически с ним схожий: имеют ли сходства признаки внешности 2 (3 или более) лиц, изображенных на представленных видеокадрах?

В чем же разница между этими лексически схожими экспертными вопросами и какое влияние они оказывают на последующее формирование доказательственной базы в рамках расследуемого события преступления?

В первом случае вопрос является идентификационным, направленным на установление факта того, что на видеокадрах, полученных с места преступления, и на видеокадрах, полученных в результате проведения следственного эксперимента с задержанным, изображено одно и то же лицо. Указанный вывод обосновывается в исследовательской части заключения эксперта и в дальнейшем процессуально оформляется как доказательство по делу.

Во втором случае вопрос является диагностическим. По мнению должностных лиц органов следствия и суда, назначающих идентификационные экспертизы видеозаписей, последняя редакция вопроса ошибочно понимается как связанная именно с установлением тождества личности конкретного подозреваемого лица с личностью, совершившей преступление. В действительности же в смысловом значении вопроса допускается, что сходство внешности есть схожесть двух разных лиц, в том числе и по одному признаку внешности. Например, внешность двух разных лиц может быть схожа по типу и овалу лица, по форме глаз, по длине бровей, по высоте спинки носа и проч. (или сходство возможно только лишь по одному признаку), однако при этом свидетельствовать о том, что такая схожесть означает идентичность всего комплекса признаков внешности, указывающего на конкретную личность, разумеется, нельзя. Между тем содержащаяся в выводах установленная экспертом подобная «схожесть признаков неизвестного лица, совершившего преступление и конкретного подозреваемого» может оцениваться и ложно интерпретироваться следствием и судом именно

в качестве доказательства причастности этого лица к совершению преступлений.

Из материалов уголовного дела: «В ходе проведенных следственных действий по уголовному делу изъяты видеозаписи с камер наружного наблюдения по маршруту следования потерпевшей Ивановой И.И. и лица, обвиняемого в совершении данного преступления, а также видеозапись с камеры наружного наблюдения системы “Безопасный город”, расположенной по адресу: ..., полученной в ходе следственного эксперимента, на которой изображен Петров П.П. В настоящее время возникла необходимость в производстве экспертного исследования представленных видеозаписей и постановке перед экспертом следующих вопросов:

1. Пригодны ли представленные видеозаписи для повышения качества визуального восприятия признаков внешности мужчины, запечатленного на них, представляющего интерес для следствия? Если да, то провести криминалистическое улучшение изображений.

2. Имеются ли признаки сходства по внешнему облику мужчин, запечатленных на видеозаписи, изъятых в день убийства, и видеозаписи, полученной в ходе эксперимента?»

По данному делу была назначена идентификационная портретная экспертиза, выводы которой были сформулированы следующим образом:

«1. Представленные на исследование видеозаписи пригодны для криминалистического улучшения изображений с целью повышения качества визуального восприятия признаков внешности запечатленного мужчины, представляющего интерес для следствия. Проведено криминалистическое улучшение указанных изображений.

2. На представленных видеозаписях (как изъятых с места происшествия, так и представленных в качестве сравнительных образцов) запечатлен мужчина, признаки внешности которого (как статичные, так и функционально-динамические) схожи между собой».

Экспертом было установлено совпадение по следующим анатомическим признакам внешности:

— совпадение по «комплексии тела» (фактически же комплекцию тела (тип телосложения) установить по анализируемым видеокадрам невозможно, поскольку исследуемые субъекты были одеты в куртки объемной формы);

— совпадение по «контуру лица» (ракурс, качество съемки, степень освещенности, значительная удаленность лиц на видеозаписях фактически исключает возможность объективной оценки указанного элемента внешности);

— совпадение по «полноте лица» (признак визуальным способом не может быть оценен объективно, поскольку вид головного убора на сравниваемых субъектах исключает возможность такой оценки);

— совпадение «физиологических особенностей конечностей» (в тексте заключения эксперта не указывается, что именно подразумевается под такими особенностями: травмы или какие-то генетические отклонения от нормы, наличие татуировок или, возможно, что-то иное); — а также совпадение функциональных (динамических) признаков внешности:

— совпадение «постановки и разворота стопы» (экспертом не указываются признаки, характеризующие особенности «постановки и разворота стопы»; в условиях наличия значительного снежного покрова, а также общей удаленности внешности исследуемого субъекта от объектива камеры возможность объективного исследования указанных признаков исключается);

— совпадение «поступи» (неизвестно, какое содержание вкладывается в это понятие экспертом и как «поступь» может характеризоваться для обоснования вывода о совпадении двух разных лиц);

— совпадение «длины и ширины шага, высоты подъема ноги в свободном и контролируемом состоянии» (опять же, неизвестно, каким образом осуществлялось такое измерение относительно кадров видеозаписи и какое средство измерения при этом использовалось экспертом; кроме того, неизвестно, что понимается «под свободным и контролируемым состоянием», как экспертом определялось и дифференцировалось такое состояние при производстве судебной экспертизы).

Выявление экспертом особенностей анатомических и динамических (функциональных) элементов внешности исследуемых лиц, зафиксированных на кадрах видеозаписи, фактически невозможно (признаки, свойственные этим элементам, в тексте исследовательской части не описываются в полном объеме), по причине, очевидно, низкого качества представленных видеок кадров, значительной удаленности анализируемых лиц от видеокамеры и проч., объективных и субъективных факторов. Каким образом анализируемые признаки элементов внешности устанавливались экспертом на практике — неизвестно. Следовательно, обоснованность выбора элементов внешности для экспертного анализа, а также правильность оценки признаков вызывают объективные сомнения.

По мнению автора статьи, при решении рассматриваемого экспертного вопроса «о сходстве лиц по признакам внешности» экспертом фактически применялся только лишь один вспомогательный метод исследования — «вероятно-статистический»¹, из 12 (двенадцати) возможных, установленных методикой производства идентификационных экспертиз и исследований. Указанный метод дает весьма субъективную оценку иденти-

¹ Кирсанов З.И. Экспертное отождествление человека по фотопортретам с применением математических методов исследования. М., 1968.

кационной значимости выявленных совпадающих признаков внешности (как анатомических, так и динамических) при отождествлении каждого из сравниваемых лиц. Кроме того, вероятностно-статистический метод предполагает проверку выводов путем моделирования ракурса съемки и других факторов, влияющих на отображение признаков внешности на видеоизображениях. Если существует необходимость проверить, как влияют те или иные факторы на отображение признаков элементов внешности (освещение, ракурс, дистанция, оптические искажения и др.), то моделирование, в случае применения данного метода, является приоритетным направлением. Так, если на исследуемом видеоизображении не просматривается определенный признак внешности (или визуально искажается), например вызванный факторами дисторсии объектива видеокамеры, то эксперт может проверить достоверность этого признака путем видеофиксации другого человека со схожим типом телосложения и проч. (или если есть возможность, то непосредственно само проверяемое лицо) для подтверждения того, что выявленные различия могут объясняться оптическими искажениями. Однако в исследовательской части анализируемой экспертизы моделирование экспертом по неизвестным причинам не осуществлялось.

В судебном заседании, в порядке осуществления судом допроса по проведенной идентификационной экспертизе видеозаписи, эксперт дает следующее пояснение о характере своего вывода: «Мой вывод о том, что на видеозаписях было зафиксировано одно и то же лицо, равен примерно 79%. Если вывод был бы вероятный положительный, то мной указывалось процентное соотношение — от 50 до 75%. Если в признаках набирается больше 75%, то я формулирую вывод в категорической форме. Если 50%, то мой вывод будет нейтральным».

В действительности же в практической экспертной деятельности, направленной на производство идентификационных экспертиз и исследований внешнего облика человека, какая-либо корреляционная зависимость качества/количества выявленных признаков внешности лиц и формулирование на основе их исследования выводов в процентном отношении недопустимы. В частности, «вывод формулируется не на результатах вычисления какого-либо процентного отношения количества и/или качества признаков внешности проверяемых лиц, а в результате идентификационной значимости, определяемой с помощью комплекса методов, изложенных в Руководстве по портретной экспертизе»². Сходство же предполагает фактическое установление группы лиц, которым свойственны описанные признаки, т.е. установление какой-то одной идентификационной группы, а не конкретного человека.

² Зинин А.М. Руководство по портретной экспертизе. М.: Эксмо, 2006. С. 116.

Следовательно, в подобного рода выводах речь может идти о «группе лиц, объединенной схожестью признака(-ов) внешности», в которую входит как лицо, совершившее преступление, так и лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления. Следовательно, если указанные лица входят в эту «одну идентификационную группу», то не исключен факт того, что это может быть одно и то же лицо.

Пичугин С.А.,

доцент кафедры судебно-экспертной
и оперативно-розыскной деятельности

Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

имени А.Я. Сухарева,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Москва)

Литература

1. Зинин А.М. Руководство по портретной экспертизе : учебное пособие для студентов вузов / А.М. Зинин. Москва : Эксмо, 2006.
2. Кирсанов З.И. Экспертное отождествление человека по фотопортретам с применением математических методов исследования / З.И. Кирсанов ; под редакцией В.П. Колмакова. Москва : Высшая Краснознаменная школа Комитета государственной безопасности при Совете Министров, 1968.
3. Криминалистическая идентификация человека по признакам внешности : учебное пособие для вузов / А.М. Зинин, С.А. Пичугин [и др.] ; под редакцией А.М. Зинина. 2-е изд. Москва : Юрайт, 2023.
4. Криминалистическая техника : учебник для вузов / К.Е. Демин, С.А. Пичугин [и др.] ; ответственный редактор К.Е. Демин. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2023.

Некоторые аспекты применения в административно-деликтном и уголовном праве временных актов

Вопросы надлежащего правового обеспечения суверенитета нашей страны возникли еще до СВО — в период распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 (2020–2022 гг.). Именно в то время государство и общество столкнулись с необходимостью, с одной стороны, эффективно включиться в координировавшуюся на международном уровне борьбу с заболеванием, а с другой — сохранить в процессе безусловный приоритет Конституции и национального законодательства, гарантировать соблюдение интересов России и ее жителей.

Многие возникшие тогда вопросы сохраняются и поныне.

Продолжается пересмотр части актов, которые были вынесены в пандемический период, включая те, что имели место по делам об административных правонарушениях и по уголовным делам. А дело в прекращении действия временных актов, которыми устанавливались многие противоковидные ограничения.

Напомним, что все правовые акты делятся на временные акты и акты неопределенно длительного действия. По общему правилу любой акт, если в нем не указано иное, действует бессрочно до тех пор, пока его действие не будет прекращено другим нормативным правовым актом такой же или большей юридической силы с точным указанием актов, которые прекращают свое действие (см., например, ч. 3 ст. 11 Модельного закона «О нормативных правовых актах», принятого Постановлением № 50-7 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ).

Временным актом является акт, рассчитанный на конкретно установленный срок, определяемый датой или наступлением того или иного события¹. Ключевой целью его принятия является заполнение возникающих в законодательстве пробелов²; при этом отдельные правоведы акцентируют внимание на том, что и само оно пестрит актами с наименованиями «*временный порядок*», «*временная инструкция*», «*временная методика*» и т.п.³.

¹ Комментарий к Закону РФ от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» / А.Н. Жеребцов, С.В. Ротко, К.Д. Рыдченко, Э.Л. Страунинг, Н.Ю. Чернусь, А.А. Елаев, С.А. Котухов, Д.А. Тимошенко, А.А. Томтосов // СПС «КонсультантПлюс». 2021 (дата обращения: 29.10.2023).

² Дмитрик Н.А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64–72.

³ Ноздрачев А.Ф. Современная правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти: анализ практики, оценка правовых форм, предложения и рекомендации // Законодательство и экономика. 2014. № 10. С. 7–47; № 11. С. 7–36.

Как обоснованно заметила К.В. Коптева, временные акты могут приниматься при введении чрезвычайного положения на определенной территории и на определенный срок⁴.

Применительно к российской исторической действительности Конституционный Суд РФ когда-то делал выводы о том, что временные акты требуются на «*переходный период*» (Постановление Конституционного Суда РФ от 30 апреля 1997 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1996 г. № 315 “О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации”, Закона Пермской области от 21 февраля 1996 г. “О проведении выборов депутатов Законодательного Собрания Пермской области” и части 2 статьи 5 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 г. “О порядке ротации состава депутатов Законодательного Собрания Вологодской области” (в редакции от 9 ноября 1995 года)»).

Нет, сами Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовный кодекс РФ (УК РФ) не являются актами временного действия.

Однако специальные части обоих кодексов полны бланкетных норм, отсылающих к иному, позитивному законодательству. А то изобилует временными актами, и их становится все больше.

Для убедительности приведем крайне любопытный, хоть и не пандемийный пример: временным стал один из наиболее применяемых актов законодательства — Правила дорожного движения (утверждены Постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090), срок действия которых теперь ограничен 1 марта 2029 г., причем указание на это появилось спустя почти тридцать лет после их издания — в изменениях, внесенных Постановлением Правительства РФ от 6 октября 2022 г. № 1769.

А уж в санитарно-эпидемиологическом законодательстве, к которому отсылают ставшие противокоронавирусными ст. 6.3 КоАП РФ «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» и ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», временных актов всегда было много. Более того, в пандемию многие образующие это законодательство правила и нормативы изначально задумывались как временные — на период массового распространения заболевания.

Основным средством борьбы с коронавирусом стала ст. 6.3 КоАП РФ.

В соответствии с ч. 1 приведенной нормы ответственность влечет нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологи-

⁴ Коптева К.В. Временные рамки действия нормативно-правовых актов в Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vremennyye-ramki-deystviya-normativno-pravovyh-aktov-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 29.10.2023).

ческого благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий.

В рассматриваемый период главным образом применялась ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, где говорится о тех же действиях (бездействии), совершенных в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнении в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Со всей очевидностью ст. 6.3 КоАП РФ адресует к иному законодательству: Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих», но в основном, конечно, к санитарным правилам и гигиеническим нормативам.

Эти правила, а также нормативы повсеместно временные.

Например, срок действия СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15, устанавливался до 1 января 2021 г. (позднее продлен до 1 января 2024 г.).

Часть принимавшихся в пандемию актов даже именовалась соответствующим образом, взять хотя бы письмо Роспотребнадзора от 21 января 2020 г. № 02/706-2020-27 «О направлении временных рекомендаций по организации лабораторной диагностики новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV)».

Временными были и принимавшиеся в работу рекомендации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): письмо Роспотребнадзора от 23 ноября 2009 г. № 01/17622-9-32 «О направлении временных рекомендаций ВОЗ», временное руководство ВОЗ от 19 марта 2020 г. «Оперативные рекомендации по ведению случаев COVID-19 в медицинских учреждениях и обществе», временное руководство ВОЗ от 17 марта 2020 г. «Уход на дому за пациентами с COVID-19 с легкими симптомами и мониторинг контактных лиц».

Безусловно, ограниченным по времени действием характеризовались ненормативные акты (предписания, распоряжения и проч.), которые

в большом количестве выносились главными санитарными врачами субъектов РФ (*«невыполнение санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий»*, *«невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий»*).

После ожидаемого прекращения действия значительной части этих актов высшая судебная инстанция, а вслед за ней и иные суды стали прекращать дела об административных правонарушениях там, где административное наказание не было исполнено (Постановление Верховного Суда РФ от 20 октября 2022 г. № 18-АД22-14-К4, Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июня 2022 г. № 16-4582/2022 и др.), исходя из того, что согласно ч. 1 ст. 1.7 КоАП РФ закон, отменяющий ответственность за административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу.

Обратим внимание на то, что, в отличие от УК РФ, КоАП РФ имеет специальную норму, устанавливающую основание для прекращения производства по делу в этом случае, — п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ: признание утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное.

Тождественная (Постановление Верховного Суда РФ от 2 декабря 2022 г. № 37-АД22-6-К1 и др.) и даже более многочисленная практика сформировалась в делах о другом *«пандемическом»* административном правонарушении — предусмотренном ст. 20.6.1 КоАП РФ, которая устанавливает ответственность за невыполнение правил поведения при введении режима повышенной готовности на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации.

Упомянутые режимы вводились во всех субъектах РФ, а правила поведения во многом дублировали требования санитарных правил и нормативов (ношение масок, обеззараживание, пропускной режим, наполняемость помещений и т.п.), что породило споры о конкуренции ст. 6.3 и 20.6.1 КоАП РФ. Подобных споров успел коснуться Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 3, где был дан ответ на вопрос, возможна ли переквалификация действий (бездействия) лица, привлекаемого к ответственности по ч. 2 ст. 6.3 КоАП РФ, на ч. 1 ст. 20.6.1 данного кодекса.

Однако с прекращением не согласился Конституционный Суд РФ.

Разбирая вышеописанную ситуацию со ст. 20.6.1 КоАП РФ, он высказался в пользу того, что нормативным актам, которыми признаны утратившими силу ранее действовавшие положения административного законодательства (в рассмотренном судом случае — обязывавшие граждан не покидать места проживания), ни даже возможной в последующем полной отмене решения о введении режима повышенной готовности не может быть придано значение закона, отменяющего административную ответственность за это административное правонарушение. В противном случае установление административной ответственности в условиях специальных (временных) режимов может утратить свое правовое значение, поскольку будет предполагать освобождение от публично-правовой ответственности лиц, нарушающих специальные требования и ограничения, после отмены таких режимов, притом что соответствующая публично-правовая ответственность изначально устанавливается для обеспечения соблюдения специально вводимых временных ограничений (Определение от 11 ноября 2021 г. № 2355-О «По запросу Костромского областного суда о проверке конституционности части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»).

Данное определение впоследствии было избрано в число наиболее важных для включения в Обзор практики Суда за IV квартал 2021 г.

Вместе с тем практика судов общей юрисдикции необъяснимо остается прежней (Постановления Верховного Суда РФ от 14 сентября 2023 г. № 71-АД23-8-КЗ, от 6 марта 2023 г. № 46-АД23-2-К6, от 1 декабря 2022 г. № 19-АД22-14-К5).

Изложенная проблематика в полной мере относится к уголовно-правовой сфере, поскольку ст. 236 УК РФ является калькой ст. 6.3 КоАП РФ, карающая в основном составе (ч. 1) аналогичное нарушение санитарно-эпидемиологических правил, но повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий.

В свое время, определяясь с конституционно-правовым смыслом ст. 10 УК РФ, тот же Конституционный Суд РФ заключил, что декриминализация деяния может осуществляться не только путем внесения изменений в уголовное законодательство, но и путем отмены предписаний иной отраслевой принадлежности, к которым отсылают бланкетные нормы УК РФ (Определение от 10 июля 2003 г. № 270-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»). Таким образом, конструкции бланкетных

норм уголовного закона позволяют декриминализовать определенные деяния посредством так называемого делегированного нормотворчества (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 30 марта 2021 г. № 77-914/2021).

Исходя из этого, должны ли будут соответствующие уголовные дела прекращаться производством, а Уголовно-процессуальный кодекс РФ предполагает, что при декриминализации основанием послужит отсутствие состава? Является ли вообще прекращение действия временного акта декриминализацией в подлинном смысле (в административно-деликтном праве в ходу другой термин — деделиктолизация) — с учетом того, что в разряд менее опасных правонарушений или тем более правомерных фактически запрещавшееся им деяние не переводилось?

Ответов на указанные вопросы пока нет, но они ждут своего поиска, в том числе в рамках живой научной дискуссии.

Смоляков П.Н.,

судья Забайкальского краевого суда, кандидат юридических наук
(г. Чита)

Рудакова А.И.,

помощник судьи Забайкальского краевого суда
(г. Чита)

Литература

1. Дмитрик Н.А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект / Н.А. Дмитрик // Закон. 2020. № 6.
2. Коптева К.В. Временные рамки действия нормативно-правовых актов в Российской Федерации / К.В. Коптева // Огарев-Online. 2018. № 2 (107).
3. Ноздрачев А.Ф. Современная правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти: анализ практики, оценка правовых форм, предложения и рекомендации / А.Ф. Ноздрачев // Законодательство и экономика. 2014. № 10.
4. Ноздрачев А.Ф. Современная правотворческая деятельность федеральных органов исполнительной власти: анализ практики, оценка правовых форм, предложения и рекомендации / А.Ф. Ноздрачев // Законодательство и экономика. 2014. № 11.

Квалификация преступлений против здоровья населения, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий: некоторые проблемы теории и практики

Жизнь современного человека практически невозможна без использования информационно-коммуникационных технологий, которые пронизывают все сферы жизнедеятельности, управляют транспортными, производственными, логистическими и т.п. процессами в обществе. К сожалению, развитие научно-технического прогресса не только способствует удовлетворению потребностей современного человека, повышению уровня его благосостояния, качества жизни, но и используется преступниками для достижения совершенно противоположных целей — причинения вреда личности, обществу, государству, облегчения совершения преступлений. Поэтому нередко использование виновным достижений современного научно-технического прогресса детерминирует содеянное, повышает его общественную опасность, вследствие чего влечет увеличение его наказуемости.

Согласно данным официальной полицейской статистики, по результатам 2022 г. было зарегистрировано 522,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился на 0,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹.

Более половины из этих преступлений (52,1%) относятся к категориям тяжких и особо тяжких². С использованием высоких технологий совершается каждое четвертое преступление. И если количество краж, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий сократилось на 27,6 мошенничеств с использованием электронных средств платежа — на 29% в сфере компьютерной информации — на 22,5%, то число зарегистрированных случаев незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ, совершенных с применением информационно-коммуникационных технологий, наоборот, возросло, причем существенно (на 20,9%)³.

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. С. 4. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> (дата обращения: 10.11.2023).

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 30.

Из 35 преступлений, описанных законодателем в гл. 25 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», на долю преступлений против здоровья населения⁴ приходится абсолютное большинство — 22 (ст. 228–228.4, 229, 229.1, 230–230.2, 233–234.1, 235–239 УК РФ), что составляет почти 63 % всех преступлений, расположенных в этой главе.

Однако применительно к указанным составам преступлений, законодатель лишь в трех случаях (п. «б» ч. 2 ст. 228.1, п. «д» ч. 2 ст. 230, ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ) повышает уголовную ответственность за совершение преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Очевидно, что выделение соответствующих квалифицирующих признаков в указанных статьях обусловлено особенностями самих преступлений⁵. При этом, применительно к незаконному обороту наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228.1 УК РФ), законодатель криминализует использование виновным информационно-коммуникационных технологий лишь в отношении одной из форм этого преступления — сбыта. В отношении же иных преступлений против здоровья населения (ст. 230, 238.1 УК РФ) данный признак применим ко всем формам указанных деяний.

Если сбыт наркотических средств или психотропных веществ (ст. 228.1 УК РФ), а также обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238.1 УК РФ) повышают уголовную ответственность при использовании средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), то склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов — лишь при использовании информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

В соответствии с п. 13 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», под незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, следует понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию (продажа, дарение, обмен, уплата долга, дача взаймы и т.д.) другому лицу (далее — приобретателю). При этом сама передача лицом реализуемых средств, веществ,

⁴ Подробнее о понятии преступлений против здоровья, их системе см.: Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. СПб., 2003; Майоров А., Малинин В.Б. Наркотики: преступность и преступление. СПб., 2002.

⁵ Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М., 2015. С. 508.

растений приобретателю может быть осуществлена любыми способами, в том числе непосредственно, путем сообщения о месте их хранения приобретателю, проведения закладки в обусловленном с ним месте, введения инъекции⁶.

Во всех случаях указанный квалифицирующий признак изменяет категорию совершенного преступления на одну ступень, переводя сбыт, предусмотренный ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, из категории преступлений тяжких в категорию преступлений особо тяжких (п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ), а преступления, предусмотренные ст. 230 и 238.1 УК РФ, трансформируются из категории средней тяжести (ч. 1) в тяжкие (п. «д» ч. 2 ст. 230, ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ).

Таким образом, в зависимости от конкретного преступления законодатель связывает повышение уголовной ответственности за их совершение при использовании: а) средств массовой информации (п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ); б) информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (п. «б» ч. 2 ст. 228.1, п. «д» ч. 2 ст. 230, ч. 1.1 ст. 238.1 УК РФ).

В соответствии со ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации», под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)⁷.

К числу периодических печатных изданий закон относит газеты, журналы, альманахи, бюллетени, иные издания, имеющие постоянное наименование (название), текущий номер и выходящие в свет не реже одного раза в год.

При этом не имеет значения, является ли указанное средство массовой информации зарегистрированным или нет, например заводская и вузовская малотиражка, издаваемая тиражом до 1 тыс. экземпляров.

Как правило, в печатных или электронных средствах массовой информации трудно представить возможность открытой рекламы, предложений приобрести наркотические средства или психотропные вещества. Размещение же в них какой-то зашифрованной, непонятной для непосвященных информации о реализации указанных предметов, местах их расположения (закладках) и т.п. вряд ли может рассматриваться как квалифицирующий признак данного состава преступления.

Если же виновный, получив несанкционированный доступ к сайту средства массовой информации, размещает на нем баннеры, предлагающие приобретение наркотических средств или психотропных веществ, то такие действия могли бы образовывать приготовление к сбыту, предусмотренному п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, и соответствующее компьютерное преступление.

⁶ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (действ. ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (действ. ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

Однако против такого решения свидетельствует анализ диспозиции и применения к ст. 230 УК РФ, ведь склонение, равно как и подстрекательство, должно иметь место как в отношении определенного преступления, так и определенного (персонифицированного) лица. Иначе как тогда объяснить отсутствие в п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ указания на склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ с использованием средств массовой информации.

По официальным данным МВД РФ, в 522 065 преступлениях, зарегистрированных в 2022 г., совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, применены пластиковые карты (127 149); компьютерная техника (29 140); программные средства (7 649); фиктивные электронные платежи (1325); сеть Интернет (381 112); средства мобильной связи 212 963⁸. Из этих данных следует, что на долю использования сети Интернет при незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ приходится практически $\frac{3}{4}$ (73%) совершаемых преступлений, что свидетельствует о целесообразности и обоснованности выделения законодателем соответствующего квалифицирующего признака.

Безусловно, расчеты пластиковыми картами сегодня являются одним из самых универсальных и оперативных средств, в большинстве случаев для их обслуживания используется сеть Интернет, однако вряд ли это обстоятельство имеет какое-либо значение для увеличения общественной опасности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, независимо от того, используется карта для расчетов традиционным способом (через терминал), например при оплате бестоварной операции в торговой точке, в том числе и бесконтактным способом, либо путем перечисления с карты на карту, на электронный кошелек, использования системы быстрых платежей, перевода на банковский счет по реквизитам, пополнения баланса телефонного номера операторов связи, позволяющих вывод денежных средств, и т.п. Использование карты в таких случаях лишь делает расчеты между сторонами незаконной сделки более оперативными, но не превращает их в массовые, а потому не обладает детерминирующими признаками. Если же виновный использует для расчета чужую карту без ведома ее обладателя, то и в этом случае оснований для квалификации содеянного по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ не имеется, содеянное будет квалифицировано по совокупности как соответствующая форма хищения.

Аналогично следует сделать вывод о том, что незаконное приобретение наркотических средств или психотропных веществ путем использования фиктивных электронных платежей, например отправка поддельного чека, подтверждающего оплату, должно квалифицироваться в зависимости от обстоятельств дела — по ч. 1 ст. 228 или ч. 1 ст. 228.1 УК РФ — как незаконное

⁸ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2022 г. С. 30. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677> (дата обращения: 10.11.2023).

приобретение наркотических средств или психотропных веществ. Кроме того, действия должны квалифицироваться как соответствующая форма хищения (мошенничество) в части неуплаченных денежных средств. Квалифицировать подобные действия непосредственно по ст. 229 УК РФ нельзя, поскольку, на наш взгляд, для ее применения требуется, чтобы похищаемые или вымогаемые наркотические средства или психотропные вещества находились в законном владении потерпевшего.

По этой же причине не могут, на наш взгляд, квалифицироваться как более тяжкие преступления случаи использования при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, компьютерной техники, программных средств, мобильной связи.

Компьютерная техника, а сегодня практически любой телефон, автомобиль имеют в своем составе мини-компьютер, обслуживание и работоспособность которого обеспечивается соответствующим программным устройством. Говорить о повышенной общественной опасности содеянного, а следовательно, и о повышении уголовной ответственности в таких случаях можно лишь при создании и использовании виновным для сбыта наркотических средств или психотропных веществ, например, специализированного сайта интернет-магазина.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники⁹.

Согласно Постановлению Правительства РФ «Об утверждении правил оказания телематических услуг связи»¹⁰, телематическое электронное сообщение — одно или несколько сообщений электросвязи, содержащих информацию, структурированную в соответствии с протоколом обмена, поддерживаемым взаимодействующими информационной системой и абонентским терминалом. Поэтому электронной или информационно-телекоммуникационной является сеть, предназначенная для передачи и получения информации посредством проводных и сотовых телефонов, радиостанций, компьютеров и электронных терминалов перевода денежных средств.

В этой связи С. Мальков и В. Винокуров обоснованно полагают, что если информация о возможности приобретения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов была размещена на сайте, передана посредством электронного сообщения, а также место встречи для их передачи было оговорено посредством проводного, сотового телефона или радио-

⁹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (действ. ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Об утверждении правил оказания телематических услуг связи : Постановление от 10 сентября 2007 г. № 575 (действ. ред.) // СПС «КонсультантПлюс».

станции, электронной почты, а их передача осуществлялась при непосредственном контакте сбытчика и приобретателя, то такой квалифицирующий признак, как сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), отсутствует¹¹. Использование сети Интернет в таких случаях, а равно любых видов связи, включая мобильную, проводную, беспроводную, применение алгоритмов шифрования или иной защиты соединений, сообщений, переписки и т.п. нисколько не отличается от традиционных способов коммуникаций, разве что лишь более оперативно или защищенно.

Если же компьютер, телефон, мессенджеры, специализированное программное обеспечение (например, чат-боты и т.п.) используются для организации сбыта, координации действий закладчиков, передачи полученной от них информации о местах нахождения наркотических средств и психотропных веществ, автоматизации управления и т.п., то такие действия образуют данный квалифицирующий признак.

Безусловно, автор отдает себе отчет в том, что не все высказанное им является бесспорным, поэтому представляется, что в качестве своеобразного временного решения можно предложить обновление действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ за счет включения в него разъяснений о том, что же следует судам понимать под использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Феокистов М.В.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
заслуженный юрист Кубани,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / В.Н. Курченко. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003.
2. Майоров А. Наркотики: преступность и преступление / А. Майоров, В.Б. Малинин. Санкт-Петербург, 2002.
3. Мальков С. Квалификация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей / С. Мальков, В. Винокуров // Уголовное право. 2014. № 4.
4. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов : для студентов высших учебных заведений / под редакцией В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. Москва : Контракт, 2015.

¹¹ Мальков С., Винокуров В. Квалификация сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовное право. 2014. № 4. С. 45.

Установление условий осуществления деятельности религиозных служителей в России и зарубежных странах в целях обеспечения суверенитета государства: между свободой вероисповедания и национальными интересами*

Многие экстремистские организации в современном мире используют религиозный фактор для привлечения в свои ряды новых членов, разжигания и обострения¹ межнациональных и межконфессиональных конфликтов, которые создают угрозу территориальной целостности Российской Федерации, как следствие, суверенитету государства. С подобными проблемами сталкиваются и многие зарубежные страны, во многом этому способствуют миграционные процессы, которые меняют привычную религиозную картину мира². В этой связи усиливаются роль и значение религиозных служителей, их влияние на группы верующих.

В одной из предыдущих своих работ автор анализировал подходы³ некоторых стран, в том числе Российской Федерации, в части законодательных новелл, направленных на противодействие распространению религиозными служителями религиозно-экстремистской идеологии. Но спектр потенциального государственного воздействия по нормативному регулированию деятельности религиозного персонала значительно шире, чем снижение уровня религиозного экстремизма.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01013 «Правовой статус религиозных служителей в России и зарубежных странах: метаморфозы государственного регулирования и вызовы современности». URL: <https://rscf.ru/project/23-78-01013/>

¹ Рыбаков О.Ю., Рыбакова О.С. Социальная безопасность в контексте национальной безопасности Российской Федерации // В сб. : Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики / под ред. Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. 2020. С. 20–24.

² Например, 28 октября 2023 г. в связи с конфликтом Израиля и Сектора Газа в Лондоне тысячи мусульман вышли на демонстрацию в поддержку Палестины. URL: <https://rg.ru/2023/10/28/den-protesta-v-londone-policejskij-v-bolnice-sidiachaia-zabastovka-v-vaterloo.html>

³ Пибав И.А. Аккредитация деятельности священнослужителей как механизм противодействия религиозно-экстремистской идеологии: свои среди чужих или чужие среди своих? // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1 (146). С. 108–135. DOI: 10.21128/1812-7126-2022-1-108-135

В рамках проводимого исследования нами проанализировано законодательство 56 стран⁴. По заявленному тематическому горизонту мы выделили и использовали следующий критерий: наличие в законодательстве требований о наличии гражданства для руководителей, религиозных служителей религиозных объединений (или, наоборот, установление в качестве основания приобретения гражданства избрание (назначение) руководителем религиозного объединения).

Рассмотрим в рамках данного критерия варианты государственного регулирования отдельных аспектов правового статуса религиозных служителей.

Согласно авторскому подходу, под «цензом гражданства» понимается установленное законом требование о наличии у религиозного служителя гражданства государства для замещения должности руководителя, ответственного лица религиозного объединения. Отсутствие гражданства рассматривается как пространственное условие осуществления приглашенными религиозными служителями-иностранцами деятельности в пределах религиозного объединения.

В соответствии со ст. 13 Закона Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (ред. от 22.12.2011 № 328-3)⁵ руководителем религиозной организации может быть только гражданин Республики Беларусь.

В соответствии со ст. 21 Закона Азербайджанской Республики от 20 августа 1992 г. № 281 (ред. от 16.05.2017) «О свободе вероисповедания»⁶ введены условия деятельности для исламского духовенства — проведение обрядов и церемоний, относящихся к исламской религии, может осуществляться только гражданами Азербайджанской Республики. Также в целом существует запрет на распространение религиозных убеждений всеми лицами (получается в том числе и религиозными служителями), имеющими иностранное гражданство или являющимися апатридами, за исключением священнослужителей, приглашенных религиозным центром в Азербайджане.

⁴ Австралия, Австрия, Азербайджан, Аргентина, Армения, Беларусь, Болгария, Боливия, Босния и Герцеговина, Великобритания, Венгрия, Вьетнам, Греция, Грузия, Дания, Израиль, Индия, Испания, Италия, Канада, Колумбия, Латвия, Литва, Люксембург, Мексика, Монако, Нидерланды, Никарагуа, Новая Зеландия, Норвегия, Парагвай, Перу, Польша, Португалия, Румыния, Северная Македония, Сербия, Сингапур, Словакия, Таджикистан, Турция, Словения, США, Украина, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Чили, Швейцария, Швеция, Эквадор, Эстония, Япония, ЮАР.

⁵ Закон Республики Беларусь от 17 декабря 1992 г. № 2054-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (ред. 22.12.2011 г. № 328-3). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1854

⁶ Закон Азербайджанской Республики от 20 августа 1992 г. № 281 (ред. от 16.05.2017; акт. ред. от 20.12.2022) «О свободе вероисповедания» [=Dini etiqad azadlığı haqqında Azərbaycan Respublikasının qanunu]. URL: <https://scwra.gov.az/az/view/pages/112>; актуальная редакция от 20.12.2022 есть в ограниченном доступе: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31117455&pos=6;-106#pos=6;-106

В Греции для занятия должности муфтия Фракии, кроме гражданства Греции, нужно быть представителем мусульманского меньшинства во Фракии и постоянно проживать в одной из региональных единиц — Эвросе, Родопи и Ксанти (Закон от 17 ноября 2022 г. № 4964/2022 «О модернизации муфтиятов во Фракии» (ст. 137–162))⁷.

Закон от 3 декабря 2008 г. «О Латвийской православной церкви» (ред. от 10.09.2022)⁸ в 2019 г. предусмотрел норму, что «Главой Церкви, митрополитами, архиепископами, епископами и кандидатами на эти должности могут быть только церковные клирики и граждане Латвии, постоянное место жительства которых находится в Латвии не менее 10 последних лет».

Соглашение от 19 июля 1980 г. между Святым Престолом и Республикой Перу⁹ предусматривает, что архиепископы и епископы Римско-католической церкви, проживающие в стране, должны быть гражданами Перу (ст. 7).

Статья 19 Закона Португалии от 22 июня 2001 г. № 16/2001 (ред. от 30.12.2015) «О религиозной свободе»¹⁰ установила: «Служитель культа должен иметь португальское гражданство или, будучи иностранцем, не являющимся гражданином государства — члена Европейского союза, иметь временный или постоянный вид на жительство в Португалии».

Закон Сингапура от 1990 г. «О поддержании религиозной гармонии» (с изм. от 07.10.2019 года, вступил в силу с 01.11.2022)¹¹ в ст. 16D определил ограничения по гражданству ответственных должностных лиц религиозных групп. Так, п. 2 устанавливает обязанность религиозной группы в Сингапуре не назначать ответственным должностным лицом религиозной группы лицо, которое не является гражданином и постоянным жителем Сингапура.

В Законе Австрии для юридически признанных конфессий и церквей от 20 мая 1874 г. «Об официальном признании религиозных обществ» (с изм.¹² предусмотрена возможность быть пастором религиозной общины толь-

⁷ Law 4964/2022 Articles 137-162 PART C Modernization of the Muftiates in Thrace // Official Government Gazette of the Hellenic Republic Issue A' 150/30.07.2022. URL: https://www.minedu.gov.gr/publications/docs2020/Law_4964-2022_on_Muftiates_Art._137-162_ENG.pdf

⁸ Закон от 3 декабря 2008 г. «О Латвийской Православной Церкви» (ред. от 10.09.2022 № 2022/175A.1) // Latvijas Vēstnesis. 03.12.2008. 188. URL: <https://likumi.lv/ta/id/184626-latvijas-pareizticigas-bazniskas-likums>

⁹ Соглашение от 19 июля 1980 г. между Святым Престолом и Республикой Перу [=Acuerdo entre la Santa Sede y la Republica del Peru, el día diecinueve de julio de mil novecientos ochenta] // Decreto Ley. de 24 de Julio de 1980. № 23211. URL: <http://textos.pucp.edu.pe/pdf/1019.pdf>

¹⁰ Закон Португалии от 22 июня 2001 г. № 16/2001 «О религиозной свободе» (ред. от 31.12.2012) [=Lei № 16/2001, de 22 de Junho de 2001 — Lei da Liberdade Religiosa (alterações — Lei № 66-B/2012, de 31.12.2012)]. URL: <https://dre.pt/dre/legislacao-consolidada/lei/2001-34483475>

¹¹ Закон Сингапура «О поддержании религиозной гармонии» [=Maintenance of Religious Harmony Act 1990]. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/MRHA1990?ProvlDs=P11-#pr2->

¹² Закон об официальном признании религиозных обществ от 20 мая 1874 г. № 68/1874 (текст по сост. на 02.10.2023, изменения не указаны) [=Gesetz vom 20. Mai 1874, betreffend

ко для граждан Австрии (§ 10)). Утрата гражданства в соответствии с § 12 влечет за собой требования правительства Австрии об отстранении его от должности.

По закону Украины от 23 апреля 1991 г. № 987-XII «О свободе совести и религиозных организациях» (в ред. от 03.03.2022)¹³ (ч. 4 ст. 24) священнослужители, религиозные проповедники, наставники, другие представители зарубежных организаций, которые являются иностранными гражданами и временно находятся в Украине, могут заниматься проповедью религиозных вероучений, выполнением религиозных обрядов или другой канонической деятельностью лишь в тех религиозных организациях, по приглашению которых они прибыли, и по официальному согласованию с государственным органом, осуществившим регистрацию устава (положения) соответствующей религиозной организации.

Противоположный подход (установление в качестве оснований приобретения гражданства избрание (назначение) руководителем религиозного объединения) закрепляется в законодательстве Республики Армения в отношении руководителя Армянской апостольской церкви. Положение ст. 22 Закона Республики Армения от 17 июня 1991 г. «О свободе совести и религиозных организациях» (ред. от 14.04.2011)¹⁴ гласит: «Лицо, избранное Католикосом всех армян, обретает гражданство Республики Армения».

Анализ приведенных подходов позволяет выделить причины закрепления изложенных норм. По нашему мнению, их можно сгруппировать следующим образом: 1) стремление избежать негативного иностранного влияния, прежде всего оградить своих граждан от влияния носителей экстремистской идеологии, крайних форм религиозных воззрений (Азербайджан); 2) политическая напряженность между странами, разногласия по международным вопросам, как следствие, желание глав государств иметь собственные «национальные» и автокефальные церкви (Латвия, Украина); 3) исторические причины, связанные с прежними конфликтами между представителями разных религий — христианами и мусульманами (Греция); 4) необходимость повышения уровня доверия паствы к религиозным служителям (желание иметь священнослужителей одной национальности или исключительно граждан страны (Армения, Беларусь, Перу, Португалия, Сингапур)).

die gesetzliche Anerkennung von Religionsgesellschaften]. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10009173>

¹³ Закон України від 23 квітня 1991 року № 987-XII «Про свободу совісті та релігійні організації» // Ведомости Верховной Рады УССР. 1991. № 25. Ст. 283. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/987-12#Text>

¹⁴ Закон Республики Армения от 17 июня 1991 г. (ред. от 22.04.2011) «О свободе совести и религиозных организациях» [=Հայաստանի Հանրապետության Օրենքը Խղճի Ազատության Եվ Կրոնական Կազմակերպությունների Մասին, 17.06.1991]. URL: [http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2041&lang=arm\\$\\$](http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2041&lang=arm$$); <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=4132&lang=arm>

Именно особенности исторического развития государства, характер отношений между государством и религиозными организациями, степень гарантированности религиозной свободы определяют подходы государств в установлении «ценза гражданства» для религиозных служителей.

Пибаев И.А.,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Волго-Вятского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент
(г. Киров)

Литература

1. Пибаев И.А. Аккредитация деятельности священнослужителей как механизм противодействия религиозно-экстремистской идеологии: свои среди чужих или чужие среди своих? / И.А. Пибаев // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1 (146). DOI: 10.21128/1812-7126-2022-1-108-135
2. Рыбаков О.Ю. Социальная безопасность в контексте национальной безопасности Российской Федерации / О.Ю. Рыбаков, О.С. Рыбакова // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Казань, 6–7 февраля 2020 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : С.М. Аламова, Я.В. Солдатов ; под редакцией Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2020.

К вопросу о производстве судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве

Производство судебной экспертизы представляет собой процессуальное действие и одновременно структурный элемент познавательной деятельности эксперта или специалиста. Совокупность действий и операций, осуществляемых носителем специальных знаний и действий, направленных на получение информации, интересующей заказчика, следует рассматривать в единстве процессуальной, познавательной и профессиональной составляющих.

Отличие судебной экспертизы от следственных действий состоит в особом процессуальном доказательстве, формируемом посредством ее проведения. Согласно ч. 1 ст. 80 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) заключение эксперта представляет собой письменное содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. А результаты следственных действий, включая показания участника процесса, фиксируются в протоколе следственного действия, соответствующего требованиям уголовно-процессуального закона (ст. 83 УПК РФ).

Судебная экспертиза отличается от следственного действия тем, что законодатель установил обязанность предварительного ознакомления с постановлением о назначении экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника (п. 3 ст. 195 УПК РФ). Права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве судебной экспертизы обозначены в ст. 198 УПК РФ: знакомиться с постановлением о назначении и заключением эксперта, заявлять ходатайства о внесении дополнительных вопросов, предлагать конкретных экспертов или экспертное учреждение, присутствовать при производстве судебной экспертизы, давать пояснения специалисту.

Нам представляется, что на сегодняшний день законодатель рассматривает судебную экспертизу как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, решение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Законодательное определение судебной экспертизы как процессуального действия послужило основанием для формирования мнений в научной среде о том, что судебная экспертиза по своей правовой природе — не следственное действие¹.

¹ Россинский С.Б. Уголовный процесс : учебник. М., 2009. С. 415, 416.

Данная точка зрения обусловлена тем, что следователь не проводит исследование, он уполномочен собирать доказательства, а не создавать их. Именно поэтому порядок проведения исследования нормами УПК РФ не регламентируется. В то же время следователь назначает судебную экспертизу и в ходе исследования обеспечивает реализацию обширного комплекса уголовно-процессуальных правоотношений, участниками которых является он сам, а также эксперт и иные участники уголовного судопроизводства — подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший и свидетель.

Например, по уголовному делу следователем в процессе расследования были назначены экспертизы, которые позволили суду воспроизвести картину произошедшего преступного события и принять окончательное решение по уголовному делу с назначением справедливого наказания. В частности, согласно заключению эксперта, было установлено, что колото-резаная рана на левой боковой поверхности передней брюшной стенки могла возникнуть от однократного воздействия колюще-режущего предмета в срок, указанный в постановлении следователя. Местом приложения силы явилась анатомическая область (левая боковая поверхность передней брюшной стенки), в которой имелось повреждение (рана). По мнению эксперта, такая рана потерпевшего была отнесена к вреду здоровья, опасному для жизни человека, что составило тяжкий вред².

Процедурные правила назначения и производства судебной экспертизы содержатся в гл. 27 УПК РФ. Процессуальная форма судебной экспертизы охватывает не только содержание заключения эксперта, но и постановления следователя о назначении судебной экспертизы, протоколов ознакомления заинтересованных участников с указанным решением, постановления и протоколов получения образцов для сравнительного исследования, протоколов допроса эксперта.

Кроме того, следует иметь в виду, что определение в ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебной экспертизы как процессуального действия соответствует предписаниям п. 32 ст. 5 УПК РФ, где следственное действие включено в состав процессуального действия, как одна из его разновидностей. Это означает, что понятие «процессуальное действие» является общим по отношению к термину «следственное действие», которое прочно закрепилось в научных исследованиях, законодательной деятельности и правоприменительной практике.

На наш взгляд, правильное понимание сущности следственного действия связано с определением тех признаков, критериев, которым должна соответствовать эта разновидность процессуальных действий. Прежде всего следственные действия — наиболее распространенный способ собирания и проверки доказательств. Своей целью они ставят установление фактических

² Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Ярославского областного суда г. Ярославль от 23 мая 2022 г. по делу № 22-1022/2022 // Архив Ярославского областного суда.

обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Общее требование для следственных действий — обеспеченность их принуждением, что служит повышению эффективности их производства, создает благоприятные условия для наиболее полного, всестороннего и объективного осуществления уголовного преследования. Наличие детальной процедуры производства, предусмотренной законом, является еще одним критерием, характеризующим следственные действия. Именно данный фактор выступает как гарантия от произвольного ограничения прав личности, способствует достоверности полученных результатов.

Вышеуказанных критериев достаточно для причисления судебной экспертизы к числу следственных действий, хотя при этом необходимо отметить, что имеются отдельные признаки, отличающие ее от других следственных действий.

В частности, в своей деятельности эксперт независим, что предполагает невмешательство кого бы то ни было в его деятельность, а также такой порядок организации судебно-экспертной деятельности, при которой эксперт не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу. Кроме того, методику экспертного исследования в каждом конкретном случае определяет сам эксперт на основе соответствующих научных разработок.

Например, согласно заключению комплексной судебно-медицинской и судебно-баллистической экспертизы № 02-К, у гр-на Л. обнаружено одно слепое огнестрельное пулевое ранение груди, которое образовалось от одного выстрела из огнестрельного оружия пулей в период времени с 20 час. до 22 час. 5 мин. Данное телесное повреждение оценивается как тяжкий вред здоровью человека по признаку опасности для жизни. В момент получения огнестрельного ранения гр-н Л. был обращен к гр-ну А. правой переднебоковой поверхностью груди. В кассационном определении судебная коллегия обратила внимание на то, что заключение экспертов в указанной части является ясным, непротиворечивым и научно обоснованным³.

В этой связи полагаем, что судебная экспертиза позволяет наиболее полно использовать достижения научно-технического прогресса в целях всестороннего и полного изучения всех материалов, подлежащих доказыванию при помощи решения специальных вопросов, требующих специальных знаний.

Востребованность и эффективность судебной экспертизы в уголовном процессе бесспорна. Проблема состоит лишь в том, что в практике уголовного судопроизводства отсутствует единство мнений о правовой природе, месте и роли судебной экспертизы, о правилах и процедурах ее назначения и производства.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 7 июля 2022 г. № 57-УД 22-9-А1. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-07072022-n-57-ud22-9-a1/?ysclid=ltfwo2a3fk14486388>

Представление об объекте и предмете судебной экспертизы как процессуальном действии и непосредственно экспертном исследовании имеет свои особенности.

Согласно ст. 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», к объекту экспертизы относятся вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела. Все это позволяет указать на наличие преимущественно материальных объектов для сравнительного исследования по материалам уголовного дела, по которому производится судебная экспертиза. Следует также отметить, что объекты (носители следов) как вещественные доказательства образуются в результате события преступления. Следовательно, содержат информацию об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Объектами познания могут быть любые материальные объекты, используемые в ходе экспертного исследования. Материальные носители, являясь непосредственными объектами экспертных исследований, должны быть признаны вспомогательными объектами по отношению к экспертизе в целом. Основными же объектами экспертизы признаются объективно существующие явления, на установление которых направлена экспертиза. Однако явления, процессы не могут быть представлены эксперту непосредственно, а исследуются им посредством материальных объектов (вещественной обстановки или ее элементов), заранее представленных в распоряжение эксперта.

Изложенное позволяет сделать вывод, что судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве означает комплексное действие, состоящее в поручении лицу, которое обладает специальными познаниями в науке, технике, искусстве или ремесле (эксперту), произвести исследование выявленных при проверке сообщения о преступлении, производстве предварительного расследования или судебного разбирательства уголовного дела материалов и дать заключение по вопросам, имеющим значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Романова Г.В.,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Казанского института (филиала) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук
(Республика Татарстан, г. Казань)

Литература

1. Россинский С.Б. Уголовный процесс : учебник для студентов высших учебных заведений / С.Б. Россинский. Москва : Эксмо, 2009.

Атрибуты генерации как инструмент достижения углеродной нейтральности

Общие положения. В энергетическом законодательстве России закреплено новое юридически значимое понятие — атрибуты генерации. Его появлению в отечественном юридическом лексиконе мы обязаны Федеральному закону «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электроэнергетике”», который был принят Государственной Думой 20 июля 2023 г. и должен вступить в силу по истечении ста восьмидесяти дней с даты его официального опубликования¹. Понятием «атрибуты генерации» законодатель обозначает права, связанные с характеристиками процесса производства электрической энергии на квалифицированном генерирующем объекте и со сведениями о таком генерирующем объекте и выработке им электрической энергии, позволяющие обладателю этих прав совершать действия, предусмотренные ст. 41.1 Федерального закона «Об электроэнергетике»² (далее — Закон об электроэнергетике) в отношении определенного количества электрической энергии. С помощью названных прав планируется осуществить интенсификацию производства электроэнергии на так называемых низкоуглеродных генерирующих объектах, в том числе атомных электростанциях. Атрибуты генерации планируется использовать в качестве одного из национальных правовых инструментов достижения углеродной нейтральности, применяемых на рынках зеленой электроэнергии в практике промышленно развитых стран. Сами по себе атрибуты генерации, как совокупность юридически обеспеченных возможностей их обладателей, должны опосредованно способствовать позитивному влиянию на окружающую среду благодаря искусственному формированию тенденции на преимущественное применение возобновляемых источников энергии, которые, как правило, не основаны на физических процессах горения ископаемого топлива.

Возможных обладателей атрибутов генерации можно условно разделить на две категории: первоначальные обладатели атрибутов и их правопреемники. В роли первоначального обладателя выступает владелец квалифицированного генерирующего объекта той либо иной квалификационной категории, который функционирует на основе использования возобновляемых источников энергии. *Первоначальный обладатель атрибутов генерации* становится их владельцем на основании факта производства на своем квалифицированном объекте установленного в административном порядке количества электроэнергии. *Правопреемником* первоначального обладателя

¹ Российская газета. 2023. 10 августа.

² СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

атрибутов генерации может являться покупатель электрической энергии по двустороннему договору купли-продажи электроэнергии, а также потребитель электрической энергии, в интересах которого покупатель осуществил ее приобретение. Кроме того, правопреемником может считаться владелец сертификата происхождения электрической энергии, а равно лицо, получившее атрибуты генерации иными способами, которые отличны от двустороннего договора купли-продажи электроэнергии или передачи сертификата происхождения, удостоверяющего соответствующие атрибуты.

Согласно п. 2 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике атрибуты генерации являются объектом гражданских прав. Как известно, закрытый перечень объектов гражданских прав установлен ст. 128 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), которая относит к таковым различные нематериальные и материальные блага, часть которых может участвовать в имущественном обороте в качестве товара. Законодатель, именуя атрибуты генерации объектом гражданских прав, не уточняет его разновидность и не указывает на принадлежность к конкретному материальному или нематериальному благу. Как представляется, атрибуты генерации могут быть отнесены в разряд иного имущества, и прежде всего имущественных прав, способных участвовать в гражданском обороте. В то же время следует указать на условность такого отнесения, поскольку право совершать определенные действия, указанные в п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике, например предоставлять и распространять информацию, вряд ли обладает реальным экономическим свойством товара. Тем более что это право не носит абсолютный характер. На наш взгляд, атрибуты генерации тяготеют к одной из разновидностей так называемых секундарных прав³, которые характеризуются возможностью реализации интереса управомоченного лица — владельца атрибута генерации без противостоящей ему обязанности третьих лиц.

Еще одним юридическим сюжетом, характеризующим атрибуты генерации в облике прав, связанных с характеристиками процесса производства, является ответ на вопрос о моменте и основаниях возникновения этих прав у их обладателей. *Момент возникновения атрибутов генерации* у владельца квалифицированного генерирующего объекта законодатель, по смыслу нормы, закрепленной в п. 2 ст. 41.1, приурочил к факту производства электроэнергии на квалифицированном генерирующем объекте в отношении ее количества, определяемого в порядке, установленном Правительством РФ. Таким образом, моментом возникновения соответствующих прав будет являться момент достижения в процессе производства на квалифицированном генерирующем объекте определенного в нормативном порядке количества электроэнергии. Отмеченное позволяет сделать вывод о том, что *первоначаль-*

³ О месте секундарных прав в системе цивилистических институтов и их классификации см.: Бабаев А.Б. Очерк 19: Секундарные права // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2007. С. 759–806.

чальным основанием возникновения атрибутов является достижение владельцем квалифицированного генерирующего объекта установленного количества электроэнергии в процессе ее производства.

Производными основаниями возникновения атрибутов генерации будут признаваться те основания, которые предполагают правопреемство в отношениях между первоначальным и новым владельцем соответствующих атрибутов, например двусторонний договор купли-продажи электрической энергии.

Содержание атрибутов генерации, как меры возможного поведения их владельца, определено правилами, закрепленными в п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике. Согласно указанным правилам, лицо, обладающее атрибутами генерации, вправе совершать следующие действия:

— предоставлять и распространять информацию, в том числе рекламу, о том, что потребление (покупка) данным лицом электрической энергии в количестве, соответствующем объему атрибутов генерации, обеспечено производством электроэнергии на квалифицированных генерирующих объектах⁴, относящихся к соответствующей квалификационной категории (категориям);

— предоставлять и распространять информацию о том, что данное лицо, и (или) осуществляемая им деятельность, и (или) ее результаты (производимые либо реализуемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги), и (или) применяемые при осуществлении такой деятельности технологии связаны с позитивными экологическими эффектами, сопровождавшими производство электрической энергии в количестве, соответствующем объему атрибутов генерации, на определенном квалифицированном генерирующем объекте, выраженными в том числе в снижении уровня негативного антропогенного воздействия на окружающую среду и здоровье человека, повышении качества жизни населения;

— использовать при количественном определении объемов выбросов парниковых газов сведения о производстве электрической энергии на квалифицированных генерирующих объектах в количестве, соответствующем объему атрибутов генерации, наряду с применением иных, предусмотренных законодательством Российской Федерации в области ограничения выбросов парниковых газов.

Важным параметром, характеризующим атрибуты генерации, является их объем. Термин «объем прав» весьма активно применяется в российском

⁴ Квалифицированный генерирующий объект представляет собой электростанцию или отдельную энергоустановку по производству электрической энергии, в отношении которого по итогам его квалификации установлено, что такой генерирующий объект функционирует на основе использования возобновляемых источников энергии и (или) является низкоуглеродным генерирующим объектом, соответствует иным критериям квалификации, а также осуществлено отнесение его к возобновляемой генерации и (или) низкоуглеродной генерации и к одной или нескольким квалификационным категориям. Правила квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии, утверждены Постановлением Правительства РФ от 3 июня 2008 г. № 426 (с изм. на 30.12.2022) // СЗ РФ. 2008. № 23. Ст. 2716.

законодательстве, в частности в ГК РФ. Так, по смыслу п. 1 ст. 384 ГК РФ право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. Согласно п. 2 ст. 1354 ГК РФ охрана интеллектуальных прав на изобретение или полезную модель предоставляется на основании патента в объеме, определяемом содержащейся в патенте формулой изобретения или соответственно полезной модели. Анализ содержания ст. 41.1 и 41.2 Закона об электроэнергетике показывает, что законодатель часто использует термин «объем атрибутов генерации», не отвечая в явном виде на вопрос: чем же этот объем определяется? Ответ на него, как представляется, содержится во втором предложении абз. 2 п. 2 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике, в соответствии с которым количество электрической энергии, в отношении которого владелец атрибутов генерации вправе совершать действия, указанные в п. 1 настоящей статьи, соответствует объему атрибутов генерации, в отношении которых в реестр атрибутов генерации внесена запись о возникновении у него таких прав. По смыслу приведенной формулировки количество электроэнергии, произведенной на квалифицированном генерирующем объекте, соответствует объему прав, связанных с характеристиками процесса производства этого количества, измеряемого киловатт-часами. Говоря иначе, осуществлять действия, перечень которых установлен в п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике, можно только в отношении количества электроэнергии, произведенной на квалифицированном генерирующем объекте, а не в отношении всей электроэнергии, производимой владельцем атрибутов генерации.

Атрибуты генерации подлежат учету, который осуществляет организация коммерческой инфраструктуры (ассоциация «НП Совет рынка») посредством ведения их реестра в порядке, установленном ст. 41.3 Закона об электроэнергетике. В реестр атрибутов генерации вносится запись о возникновении у их владельца прав на фактическое совершение действий, предусмотренных п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике. Указанная запись играет роль правоудостоверяющей поскольку сама по себе не порождает право на совершение соответствующих действий. Роль правообразующего факта выполняет производство определенного количества электроэнергии на квалифицированном генерирующем объекте. При этом возможны ситуации, при которых атрибуты генерации возникли на основании факта производства установленного количества электроэнергии, но их обладатель по каким-либо причинам не принял мер по внесению соответствующей записи в реестр атрибутов. В этом случае он не вправе фактически совершать действия, указанные в п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике. Таким образом, до внесения соответствующей записи атрибуты можно условно считать «лежачими», поскольку право на совершение определенных действий со стороны их обладателя оказывается парализованным.

Внесение записей в реестр атрибутов, равно как и предоставление сведений, содержащихся в реестре, осуществляется за плату, размер которой устанавливается советом рынка.

Способы передачи атрибутов генерации. Атрибуты генерации как объекты гражданских прав могут участвовать в имущественном обороте посредством их передачи способами, указанными в п. 5–7 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике. Условием такой передачи является их учет в реестре атрибутов, а равно выполнение иных, установленных законом требований. Законодатель выделяет следующие способы передачи атрибутов генерации:

- по двустороннему договору купли-продажи электроэнергии;
- посредством передачи сертификата происхождения электроэнергии;
- иными способами.

Двусторонний договор купли-продажи электрической энергии представляет собой соглашение, в соответствии с которым поставщик обязуется поставить покупателю электроэнергию, соответствующую обязательным требованиям, в определенном количестве и определенного качества, а покупатель обязуется принять и оплатить электроэнергию на условиях заключенного в соответствии с правилами оптового рынка и основными положениями функционирования розничных рынков договора. К таковым условиям относятся условия договора о присоединении к торговой системе оптового рынка, стандартная форма которого утверждается решением Наблюдательного совета ассоциации «НП Совет рынка»⁵, и условия, предусмотренные разделом III Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442⁶.

Предмет двустороннего договора купли-продажи, как существенное его условие, в случае передачи атрибутов генерации, будет носить комплексный характер, поскольку передаче будет подлежать не только собственно электроэнергия, но и права, связанные с характеристиками процесса ее производства. Говоря иначе, в структуре предмета договора будет иметь место интеграция разнопорядковых благ или, если угодно, сущностей разного порядка. Очевидно, что при определении предмета двустороннего договора купли-продажи может возникнуть вопрос о количественном соотношении в поставляемом по договору объеме электроэнергии его частей, отличающихся особенностями их производства: электроэнергии, произведенной на неквалифицированном и квалифицированном генерирующих объектах. Законодатель не дает внятного ответа на этот вопрос, полагая, что весь объем поставляемой по указанному договору энергии должен быть произведен на квалифицированном по той либо иной категории энергетическом объекте.

⁵ URL: <https://wwwnp-sr.ru>

⁶ СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

Такой вывод можно сделать, анализируя абз. 1 п. 5 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике, в соответствии с которым атрибуты генерации могут быть переданы владельцем квалифицированного генерирующего объекта по двустороннему договору купли-продажи электрической энергии, по факту производства которой передаваемые атрибуты генерации возникли. Обращаясь к качественным характеристикам электроэнергии, произведенной на квалифицированном генерирующем объекте, следует подчеркнуть, что они должны соответствовать совокупности установленных нормированных показателей в определенной точке электрической сети. Указанные показатели качества электроэнергии должны соблюдаться вне зависимости от принадлежности генерирующего объекта к разряду квалифицированных либо неквалифицированных.

Сертификатом происхождения электрической энергии считается электронный документ, удостоверяющий атрибуты генерации, который соответствует требованиям, установленным законодательством России об электроэнергетике. Сертификат предоставляется владельцу квалифицированного генерирующего объекта и подтверждает факт производства электроэнергии на нем в соответствии с квалификационной категорией объекта в количестве и в течение периода времени, указанных в этом документе. Сертификат происхождения — это российский аналог известного и распространенного в мировой практике инструмента учета и подтверждения происхождения различного рода энергетических ресурсов, получившего название «зеленого сертификата» (Green Certificate), также именуемого «гарантией происхождения» (Guarantee of Origin, GO)⁷. Как известно, от продажи сертификатов третьим лицам у производителя электроэнергии возникает прибыль, которая направляется на поддержку и развитие генерации, функционирующей на основе использования возобновляемых источников энергии.

Причисляя сертификат происхождения к объектам гражданских прав, законодатель не указывает на принадлежность сертификата к определенной категории благ и не уточняет его статутных свойств. Представляется, что сертификат происхождения надлежит относить к особой разновидности имущества, в природе и правовом режиме которого до формирования соответствующей практики правоприменения еще много неясного. По своей экономической сущности сертификат происхождения тяготеет к ценной бумаге, хотя юридически таковой не является, и к нему не применяется законодательство России о ценных бумагах. Как сертификат, так и ценная бумага представляют собой документ, отвечающий установленным требованиям и удостоверяющий некую совокупность прав, с помощью которого происходит их передача и осуществление. Это, так сказать, нормативные, обязатель-

⁷ См.: Зеленые сертификаты: мировой опыт и планы России // Энергетический бюллетень. 2020. Вып. 80. С. 14–18.

ные признаки, которые присущи и сертификатам, и ценным бумагам. Еще одним параметром, сближающим сертификат происхождения и ценную бумагу, является их способность к участию в гражданском обороте, т.е. способность быть предметом различных гражданско-правовых сделок, например договоров купли-продажи, залога, хранения, дарения. Определенные сомнения (до формирования правоприменительной практики и рынка сертификатов) вызывает положительный ответ на вопрос о наличии свойства ликвидности у сертификата происхождения как его способности превращаться в денежные средства путем продажи, которая присуща ценным бумагам.

Сертификат происхождения по общему правилу предоставляется организацией коммерческой инфраструктуры, осуществляющей ведение реестра атрибутов генерации, на основании добровольного заявления владельца квалифицированного генерирующего объекта. Предоставление сертификата происходит посредством внесения записи по лицевому счету владельца квалифицированного генерирующего объекта. Из легального понятия сертификата происхождения, сформулированного в ст. 3 Закона об электроэнергетике, следует, что его первоначальным обладателем становится владелец квалифицированного генерирующего объекта, на котором производится выработка энергии в количестве, соответствующем объему атрибутов генерации, которыми располагает указанный владелец.

Юридический механизм передачи атрибутов третьим лицам посредством передачи не самих атрибутов, а удостоверяющего их сертификата происхождения сконструирован в гл. 7.1 Закона об электроэнергетике без должной степени правовой определенности, что, на наш взгляд, приведет к дополнительным трудностям в практике такой передачи. Согласно п. 2 ст. 41.2 Закона об электроэнергетике сертификат происхождения является объектом гражданских прав и может до погашения или истечения срока его действия отчуждаться и переходить от одного лица к другому в порядке и способами, которые предусмотрены гражданским законодательством. При этом сертификат может передаваться независимо от продажи электроэнергии, по факту производства которой он был предоставлен.

Важным правовым последствием отчуждения сертификата происхождения, сформулированным в абз. 1 п. 3 ст. 41.2 Закона об электроэнергетике, является переход в полном объеме атрибутов генерации, удостоверенных этим сертификатом, к его приобретателю. Означает ли это, что атрибуты генерации, удостоверенные сертификатом, обладают приоритетом по сравнению с атрибутами генерации, приобретенными по иным основаниям, в том числе по двустороннему договору купли-продажи электроэнергии. Ответ на этот вопрос содержится в абз. 2 п. 7 ст. 41.2 Закона об электроэнергетике, в соответствии с которым не допускается предоставление сертификата происхождения в случае, если атрибуты генерации, возникшие при производстве соответствующего количества электроэнергии, были ранее переданы

и их передача учтена в реестре атрибутов. Таким образом, действует принцип «старшинства» ранее учтенных атрибутов, означающий отсутствие приоритета атрибутов, удостоверенных сертификатом происхождения.

Ситуацию с реализацией прав, удостоверенных сертификатом происхождения, в известной степени усложняет правило, закрепленное в п. 6 ст. 41.2 Закона об электроэнергетике, согласно которому лицо, владеющее атрибутами генерации, удостоверенными сертификатом происхождения, вправе совершать действия, указанные в п. 1 ст. 41.1 (действия, определяющие содержание атрибутов как прав, связанных с характеристиками процесса производства электроэнергии. — О.Г.), только после погашения сертификата происхождения. Говоря иначе, реализовать права, которыми наделяется владелец атрибутов, невозможно до погашения сертификата, который эти права и удостоверяет. Представляется, что формула, содержащаяся в п. 6 ст. 41.2 Закона об электроэнергетике, страдает какой-то недоговоренностью, которая при ближайшем рассмотрении обнаруживается как противоречие, не наблюдаемое в зарубежных правовых порядках. В юридической литературе, посвященной анализу инструментов учета производства и потребления электроэнергии на основе возобновляемых источников по правилам Международной ассоциации RECS, отмечается, в частности, что «в схеме системы поддержки ВИЭ на основе квот сертификаты поступают на торговые площадки, где их покупают компании, которым необходимо подтвердить выполнение возложенных на них обязательных квот потребления энергии на основе ВИЭ. При этом сертификаты гасятся, чтобы избежать двойного счета и мошенничества»⁸. По смыслу абз. 2 п. 6 ст. 41.2 Закона об электроэнергетике погашение сертификата осуществляется не по факту выполнения его владельцем нормативно установленных требований. Такое погашение как бы реанимирует атрибуты генерации и, что логично, прекращает их оборот, а заодно и оборот самих сертификатов. Указанный оборот прекращает также фактическое истечение срока действия сертификата и удостоверенных им атрибутов генерации.

Таким образом, общая схема оборота сертификатов происхождения, реализованная в гл. 7.1 Закона об электроэнергетике, выглядит следующим образом. Российский участник гражданского оборота, осуществляющий, например, производство товаров, приобретает на возмездной основе сертификат происхождения, финансово поддерживая тем самым владельца генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии. Запись о приобретении сертификата вносится в реестр атрибутов генерации. После приобретения сертификата указанный участник не вправе совершать действия, предусмотренные в п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике, например не вправе распространять

⁸ Энергетическое право России и Германии : сравнительно-правовое исследование / под ред. П.Г. Лахно, Ф.Ю. Зеккера М., 2011. С. 921 (автор параграфа — А.Е. Копылов).

информацию о том, что производимые им товары связаны с позитивными экологическими эффектами, выраженными в снижении уровня негативного антропогенного воздействия на здоровье человека. Вместе с тем приобретатель сертификата происхождения вправе произвести дальнейшее его отчуждение, которое должно сопровождаться соответствующей записью в реестре. После погашения сертификата его приобретатель обретает возможность совершать все действия, указанные в п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике и составляющие содержание прав, предоставленных лицу, владеющему атрибутами генерации.

Иные способы передачи атрибутов генерации законодателем не поименованы, но очерчены формулой, закрепленной в абз. 1 п. 2 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике, в соответствии с которой атрибуты являются объектом гражданских прав и могут отчуждаться, переходить от одного лица к другому в порядке, предусмотренном настоящим законом. Указанная формула перекликается с нормами, содержащимися в ст. 129 ГК РФ, посвященными оборотоспособности объектов гражданских прав. Так, согласно п. 1 названной статьи, объекты гражданских прав могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом, если они не ограничены в обороте.

Отчуждение атрибутов генерации означает передачу владельцем всех принадлежащих ему прав на совершение действий, предусмотренных п. 1 ст. 41 Закона об электроэнергетике другому лицу. При этом отчуждение предполагает передачу прав в полном объеме и на все время их существования. Основным гражданско-правовым средством такой передачи будет являться договор купли-продажи в его модификациях, реализуемых на оптовом и розничных рынках электрической энергии и мощности.

Переход атрибутов генерации означает передачу владельцем всех принадлежащих ему прав на совершение действий, предусмотренных п. 1 ст. 41 Закона об электроэнергетике, другому лицу на определенное время. Права передаются также в полном объеме, поскольку их раздельная передача по смыслу действующего законодательства об электроэнергетике не допускается.

Иные способы передачи атрибутов генерации могут быть реализованы при соблюдении ряда формальных условий, предусмотренных в п. 7 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике.

Первым будет являться условие об удостоверении (фиксации) атрибутов генерации владельцем квалифицированного генерирующего объекта в информационной системе, именуемой иной информационной системой, в которой осуществляется учет операций в отношении атрибутов генерации. Иная информационная система должна функционировать наряду с информационной системой, используемой для ведения реестра атрибутов генерации, которые, предположительно, могут передаваться посредством двусторон-

него договора купли-продажи электроэнергии или сертификата происхождения.

Вторым условием является наличие соглашения об информационном взаимодействии, заключенного оператором иной информационной системы с организацией коммерческой инфраструктуры, осуществляющей ведение реестра атрибутов генерации. Соглашение об информационном взаимодействии заключается в соответствии с правилами ведения реестра атрибутов генерации, предоставления, обращения и погашения сертификатов происхождения.

Третьим условием выступает передача владельцем квалифицированного генерирующего объекта в организацию коммерческой инфраструктуры, осуществляющую ведение реестра атрибутов генерации, информации об удостоверении атрибутов генерации в иной информационной системе, а равно иной информации, определенной правилами ведения реестра атрибутов.

В случае передачи атрибутов генерации непоименованными способами фактическое совершение действий, предусмотренных в п. 1 ст. 41.1 Закона об электроэнергетике, допускается только при наличии в реестре атрибутов записи о возникновении у лица, владеющего соответствующими атрибутами, прав на совершение указанных действий.

Краткое рассмотрение новелл Закона об электроэнергетике, посвященных атрибутам генерации, выявило ряд проблемных аспектов, касающихся как самой их юридической конструкции, так и особенностей участия в имущественном обороте. На эти аспекты, как представляется, следует обратить внимание специалистам юридического профиля, занятым в энергетическом секторе экономики. Такое внимание необходимо, поскольку атрибуты генерации в облике объектов гражданских прав представляют собой не элементарную, а весьма сложную конструкцию, подлежащую детальной правовой интерпретации, в том числе с позиций оценки их роли в достижении углеродной нейтральности.

Городов О.А.,

профессор кафедры коммерческого права
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор юридических наук
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общей редакцией В.А. Белова. Москва : Юрайт, 2007.
2. Зеленые сертификаты: мировой опыт и планы России : энергетический бюллетень. Вып. 80 / В. Гимади, А. Курдин, А. Кутузова [и др.] ; введение : Л. Григорьев. Москва : Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2020.
3. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / под редакцией П.Г. Лохно, Ф.Ю. Зеккера. Москва : Юрист, 2011.

Технологический суверенитет и энергетическая безопасность

С начала XXI в. традиционное понимание энергетической безопасности претерпело существенные изменения. Само понятие «энергетическая безопасность» в странах — импортерах энергоресурсов стало все чаще связываться не столько с политикой всесторонней защиты национальной экономики от возможных перебоев в поставках топлива и энергии, сколько с гарантиями получения их из зарубежных источников в обмен на предоставление экспортерам доступа на свои энергетические рынки. Иными словами, усилилось понимание того, что разрешение проблемы энергетической безопасности находится на путях экономического сотрудничества.

Как отмечалось в докладе Всемирного экономического форума «О глобальных рисках 2020»¹, мощные экономические, демографические и технологические процессы в мире формируют новый баланс сил, результатом чего является неурегулированный геополитический ландшафт, в котором государства все чаще рассматривают возможности и вызовы через односторонние интересы. Эти факторы формируют новую архитектуру глобальных рисков в условиях геополитической и геоэкономической неопределенности.

В этой связи имеет большое значение обеспечение энергетической безопасности, т.е. обеспечение надежного предоставления энергетических услуг потребителям по цене, которую они могут себе позволить, и способом, который не наносит ущерб окружающей среде.

Энергетическая безопасность государства означает баланс интересов стран — импортеров и экспортеров. Интересы государств-импортеров энергии состоят в безопасности поставок и доступности по цене. Государства — экспортеры энергоносителей, как правило, подчеркивают безопасность спроса. Они хотят гарантированно получать справедливую цену за свой экспорт энергии и чтобы в будущем был достаточный спрос, с тем чтобы оправдать инвестиции в дорогостоящие энергетические проекты. Как правило, факторы энергетической безопасности формируются из следующих элементов: (а) доступность энергоресурсов по их цене; (в) стабильность и долгосрочность поставок энергоресурсов; (с) диверсификация источников поставок и их надежность, включая защищенность от террористических атак; (д) достаточность поставок для удовлетворения спроса на энергоресурсы.

Существующая Концепция энергетической безопасности связана с так называемой «энергетической трилеммой», т.е. концепцией, описывающей три основных элемента энергетической политики и стратегии — безопасность,

¹ The Global risks report 2020 // WEF. 2020. P. 6–10. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-risks-report-2020>

экономическая эффективность и экологическая устойчивость². Основная задача в разрешении этой трилеммы заключается в достижении оптимального баланса между этими тремя элементами. Под безопасностью в концепции понимается надежность и стабильность энергетической системы, включая защиту от внешних угроз, таких как терроризм или атаки, а также обеспечение доступности энергии для населения и промышленности. Экономическая эффективность означает, что энергетическая система должна быть экономически рациональной, с минимизированными затратами на производство, транспортировку и использование энергии. Это также включает в себя содействие инновациям и развитию новых технологий, которые могут снизить затраты на энергетику. Экологическая устойчивость предполагает сокращение влияния энергетической деятельности на окружающую среду и климат, включая снижение выбросов парниковых газов и использование возобновляемых источников энергии. Энергетическая трилемма подчеркивает трудность достижения баланса между этими тремя аспектами энергетической политики.

Концептуально энергетическая безопасность преследует главную цель — одновременное повышение доступности, эффективности и рационального использования энергетических услуг для конечных пользователей. Доступность предполагает диверсификацию видов топлива и технологий в производстве энергии и минимизацию зависимости от импорта. Доступность по цене означает обеспечение электроэнергией и топливом в пределах доходов большинства потребителей. Эффективность означает повышение производительности оборудования и снижение спроса на энергию, а также повышение энергоэффективности оборудования, производственных процессов и потребления энергии. В этой связи важной является минимизация политических, социальных и экологических рисков и угроз, связанных с производством и потреблением энергии.

Энергобезопасность, вместе с тем, служит основой для устойчивого развития в рамках принципов ООН — как стратегический подход к экономическому, социальному и экологическому развитию, который направлен на удовлетворение потребностей настоящего поколения без ущерба для возможности удовлетворения потребностей будущих поколений³.

² Grigoryev L., Medzhidova D. Global energy trilemma // Russian Journal of Economics. 2020. № 6. P. 437–462; Wyman O. Trilemma Index 2022. The World Energy Council, 2022. URL: https://www.marshmcclennan.com/content/dam/mmc-web/insights/publications/2022/december/World_Energy_Trilemma_Index_2022.pdf; Trilemma Index 2021. The World Energy Council, 2022. URL: https://www.worldenergy.org/assets/downloads/WETrilemma_Index_2021_-_Executive_Summary_-_Russian.pdf; Tol Richard S.J. Navigating the energy trilemma during geopolitical and environmental crises // Working Paper. 2023. January. URL: <https://arxiv.org/pdf/2301.07671.pdf>; Мастепанов А., Чигарев Б. The Energy Trilemma Index как оценка энергетической безопасности // Энергетическая политика. 2020. № 8. URL: http://energypolicy.info/images/articles/8150_2020.pdf; Карцхия А.А. Корпоративное управление в условиях глобальных изменений климата // Гражданское право. 2022. № 2. С. 16–20.

³ Карцхия А.А. Право и безопасность в условиях глобальных климатических изменений // Юрист. 2022. № 9. С. 28–33; Henrik S. Sætra. Key Concepts: Technology and Sustainable Development <https://www.researchgate.net/publication/369727402>

В соответствии с основным стратегическим документом в сфере энергобезопасности — Доктриной энергетической безопасности Российской Федерации⁴, энергетическая безопасность определяется как состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливно-и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации. При этом совокупность условий и факторов, создающих возможность нанесения ущерба энергетике страны, рассматривается как угроза энергетической безопасности. Совокупность условий и факторов, создающих новые стимулы для развития мировой энергетики или новые направления ее развития, но также способных привести к возникновению угрозы энергетической безопасности, является вызовом энергетической безопасности страны.

Как отмечается в Доктрине энергетической безопасности, Россия входит в число мировых лидеров по запасам углеводородного сырья, объемам производства и экспорта энергоресурсов, а также по развитию, использованию и экспорту технологий атомной энергетики. Российская энергетическая инфраструктура, основу которой составляют Единая энергетическая система России, Единая система газоснабжения, система магистральных трубопроводов для транспортировки нефти и нефтепродуктов, является одной из самых протяженных в мире и функционирует в различных природно-климатических условиях: от арктической до субтропической зоны.

Одним из приоритетов государственной энергетической политики Российской Федерации, которые определены в Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 г.⁵ (далее — Стратегия), является в том числе гарантированное обеспечение энергетической безопасности страны в целом и на уровне субъектов Российской Федерации, в особенности расположенных на геостратегических территориях. С учетом основных положений Доктрины энергетической безопасности, указанных в ней вызовов, угроз и рисков в Стратегии отмечается принципиальная связь развития энергетики страны и обеспечения национальной безопасности, прежде всего энергетической безопасности.

Современная ситуация в мире, рост конфронтации создают новые условия для понимания энергетической безопасности.

Возрастающее влияние политических факторов на правовые и экономические процессы, а также применение отдельными государствами экономических методов, инструментов финансовой, торговой, инвестиционной

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3847.

и технологической политики для решения своих геополитических задач, как отмечается в утвержденной в 2021 г. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁶, ослабляют устойчивость системы международных экономических отношений. В наши дни со всей очевидностью получили подтверждение эти оценки Стратегии, которая указала на перспективы негативного воздействия на экономическую безопасность посредством введенных против Российской Федерации ограничительных экономических мер, а также иные угрозы, включая глобальные и региональные экономические кризисы, усиление недобросовестной конкуренции, неправомерное использование юридических средств.

В этих условиях особое значение приобретает независимость, суверенитет государства, его технологический суверенитет. Ключевым ответом на происходящие системные изменения, как указывает Концепция технологического развития на период до 2030 г. (далее — Концепция)⁷, является применение новых, прежде всего сквозных, технологий, в том числе искусственного интеллекта, что позволяет существенно увеличить скорость адаптации отечественных компаний и корпораций и российской экономики в целом к глобальным трендам, *повысить энергетическую эффективность*, справиться с возникающим дефицитом ресурсов, что, в свою очередь, создает возможность развивать сквозные технологии, производить инновационную продукцию на их основе.

Технологический суверенитет, как указано в Концепции, представляет собой наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственных национальных целей развития и реализовывать национальные интересы. Приоритетом технологической политики, как определено в Концепции, становится достижение *технологического суверенитета*. При этом достижение поставленных Концепцией целей технологического развития требует комплексного, системного подхода к организации полного инновационного цикла создания и внедрения новых передовых технологий, развертывания и поддержки приоритетных проектов технологического суверенитета в ключевых отраслях экономики.

Технологический суверенитет, с точки зрения концептуального подхода, означает, что государство обладает полным контролем над технологиями, разрабатываемыми и используемыми в его пределах. Это означает, что государство может регулировать, контролировать и определять использование

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁷ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

технологий в интересах национальной безопасности, экономики и социального развития.

Методологически концепция технологического суверенитета базируется в значительной степени на одном из наиболее известных подходов к концепции технологического развития — концепции смены технологических укладов, в соответствии с которой экономический прогресс происходит через смену технических режимов, каждый из которых характеризуется определенными типами технологий и структурой производства⁸.

Технологический суверенитет может включать в себя различные аспекты, такие как контроль над ключевыми технологиями, включая генеративный искусственный интеллект, биотехнологии, нанотехнологии и космические технологии, а также контроль над инфраструктурой цифрового общества, в том числе Интернет, сети связи и криптография.

Технологический суверенитет может быть важным фактором для обеспечения национальной безопасности, экономической конкурентоспособности и социального развития. Однако он также может вызывать определенные вопросы и ограничения, связанные с глобализацией и международным сотрудничеством в области технологий.

В этих условиях особо значимо определение приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации по развитию инвестиционной деятельности в Российской Федерации и привлечению внебюджетных средств в проекты, связанные с достижением технологического суверенитета и структурной адаптацией экономики Российской Федерации⁹, среди которых, помимо указания критически важных для технологического суверенитета страны технологий во всех отраслях промышленности, установлены критерии проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации (таксономия проектов структурной адаптации экономики), в том числе применительно к транспортной инфраструктуре (морские порты, трубопроводный и железнодорожный транспорт, газотранспортная инфраструктура и др.).

Доктрина энергетической безопасности и технологический суверенитет являются важными аспектами национальной безопасности и развития

⁸ Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2008. 864 с.; Гринберг Р.С., Сухарев О.С. Эволюционная экономика Н.Д. Кондратьева (Кондратьевские волны: аспекты и перспективы : ежегодник / отв. ред. : А.А. Акаев, Р.С. Гринберг, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков). Волгоград : Учитель, 2012. С. 12–36.

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 17. Ст. 3141.

экономики. Энергетическая безопасность означает способность страны обеспечивать непрерывную и надежную поставку энергии для населения и экономики. Технологический суверенитет обеспечивает способность страны контролировать и разрабатывать ключевые технологии, вне зависимости от других стран. Доктрина энергетической безопасности предполагает разнообразие источников энергии, надежность и безопасность поставок, развитие национальной инфраструктуры и стратегических резервов, а также сотрудничество с другими странами и международными организациями для обеспечения стабильности и безопасности энергетического рынка.

Технологический суверенитет связан с развитием национальной промышленности, научно-исследовательских учреждений и центров, эффективной защитой прав интеллектуальной собственности и обучением специалистов в области высоких технологий. Это позволяет стране контролировать и определять развитие технологий, соответствующих ее национальным интересам и условиям.

В целом, концепция технологического развития позволяет лучше понять влияние технологий на экономику и общество, а также предсказывать будущие изменения, связанные с развитием новых технологий.

Карцхия А.А.,

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского государственного университета нефти и газа (НИУ)
имени И.М. Губкина, доктор юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Гринберг Р.С. Эволюционная экономика Н.Д. Кондратьева / Р.С. Гринберг, О.С. Сухарев // Кондратьевские волны : альманах : ежегодник. Вып. 1. Аспекты и перспективы / ответственные редакторы А.А. Акаев, Р.С. Гринберг, Л.Е. Гринин [и др.]. Волгоград : Учитель, 2012.
2. Карцхия А.А. Корпоративное управление в условиях глобальных изменений климата / А.А. Карцхия // Гражданское право. 2022. № 2.
3. Карцхия А.А. Право и безопасность в условиях глобальных климатических изменений / А.А. Карцхия // Юрист. 2022. № 9.
4. Мастепанов А. The Energy Trilemma Index как оценка энергетической безопасности / А. Мастепанов, Б. Чигарев // Энергетическая политика. 2020. № 8 (150).
5. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. Москва : Эксмо, 2008.
6. Grigoryev L. Global energy trilemma / L. Grigoryev, D. Medzhidova // Russian Journal of Economics. 2020. № 6.
7. Sætra H.S. Key Concepts: Technology and Sustainable Development / H.S. Sætra // Technology and Sustainable Development. The Promise and Pitfalls of Techno-Solutionism / ed. by H.S. Sætra. Routledge, 2023.
8. Tol R.S.J. Navigating the energy trilemma during geopolitical and environmental crises / R.S.J. Tol // Papers. 2301.07671. arXiv.org. URL: <https://arxiv.org/pdf/2301.07671.pdf>
9. Wyman O. Trilemma index 2022 / O. Wyman. The World Energy Council, 2022.

Правовое регулирование технологического присоединения к электрическим сетям

Договор технологического присоединения к объектам электросетевого хозяйства (далее — договор ТП) — относительно молодой институт российского законодательства. Правовое регулирование технологического присоединения связано с выходом Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее — Закон об электроэнергетике). С момента своего появления данный договор привлекает значительное внимание ученых и практикующих юристов¹. При этом перечень мнений в отношении его природы крайне широк (организационный, смешанный, непоименованный, совместная деятельность, подряд и услуги), и, что немаловажно, общепризнанный взгляд на его природу до настоящего времени отсутствует. Судебная практика поддерживает далеко не все перечисленные модели договора ТП, однако также весьма противоречива и изменчива: ранее она определяла его то как непоименованный², то как смешанный³. В настоящий момент в судах господствует позиция, что договор ТП является договором оказания услуг⁴.

Цель настоящей статьи — проанализировать наиболее распространенные модели договора ТП (непоименованный, смешанный, услуги), выявить их соответствие или несоответствие с содержанием и целями ТП и предложить свое видение природы данного договора.

Последователи договора ТП как непоименованного договора (*sui generis*) утверждают, что договор ТП урегулирован специальным энергетическим

¹ См.: Свирков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии : монография. М. : Статут, 2013; Он же : Договорные обязательства в электроэнергетике. М. : Статут 2006; Городов О.А. Договоры в сфере электроэнергетики. М. : Волтерс Клувер, 2007; Семенович К.С. Договор технологического присоединения к электрическим сетям : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017; Хамидуллин М.Т. Договор технологического присоединения к системе теплоснабжения : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021; Он же : Модель договора технологического присоединения к сетям энергоснабжения по российскому законодательству // Энергетическое право: модели и тенденции развития : сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Белгород, 2021. С. 200–203; Хмелевская И.Г. К вопросу о правовой природе договора об осуществлении технологического присоединения к объектам электросетевого хозяйства : сборник материалов II Международной научно-практической конференции. Белгород, 2021. С. 204–207.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/10 // СПС ГАРАНТ.

³ См., напр.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 сентября 2017 г. по делу № А41-81848/16 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018). П. 23 : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 марта 2018 г. // СПС ГАРАНТ.

законодательством, обладает самостоятельной правовой природой, а нормы Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) могут применяться к нему только по аналогии закона⁵. Так, К.С. Семенович определяет его предмет как «действия сетевой организации и заявителя по фактическому присоединению энергопринимающих устройств заявителя к объектам электросетевого хозяйства с целью подготовки электрической сети к возможности оказывать услуги по передаче приобретаемой потребителем электроэнергии»⁶.

До 2018 года такое мнение поддерживалось и судебной практикой⁷, хотя и не всегда. Отнесение договора ТП к непоименованной сделке означало, что обязательства сетевой компании будут считаться исполненными в случае выполнения мероприятий по технологическому присоединению⁸, заказчик ТП имел право отказаться от договора не во всякое время, а только в случае нарушения сетевой организацией срока технологического присоединения⁹.

Нетрудно заметить, что, определяя содержание договора ТП как *sui generis*, сторонники данной концепции опираются прежде всего на действующее законодательство о технологическом присоединении. Однако за рамками исследования остается существо договорных отношений, а также определение предмета договора в целом. Это не позволяет расширить сферу применимого законодательства и предложить обоснованные подходы в разрешении спорных ситуаций.

Действующая судебная практика отказалась от квалификации договора ТП как самостоятельной сделки. Верховный суд считает, что «...договор о технологическом присоединении по всем (подчеркнуто нами. — О.М.) своим существенным условиям соответствует договору о возмездном оказании услуг; к правоотношениям сторон по договору технологического присоединения применяются помимо специальных норм положения гл. 39 ГК РФ, а также общие положения об обязательствах и о договоре (раздел III ГК РФ)»¹⁰.

⁵ Семенович К.С. Указ. соч. С. 137–138.

⁶ Там же. С. 138.

⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/10; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 февраля 2016 г. по делу № А44-8596/2015; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2016 г. по делу № А52-3892/2015; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 апреля 2016 г. по делу № А13-16248/14; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 сентября 2016 г. № 09АП-43155/2016 по делу № А40-30301/16; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 11 ноября 2016 г. № 10АП-12894/2016 по делу № А41-26607/16; Постановление АС Восточно-Сибирского округа от 2 декабря 2016 г. по делу № А78-599/2016; Постановление АС Уральского округа от 26 декабря 2016 г. № Ф09-10058/16 по делу № 60-11257/2016; Постановление АС Поволжского округа от 21 августа 2017 г. № Ф06-23116/2017 по делу № А57-29478/2016 // СПС ГАРАНТ.

⁸ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 апреля 2016 г. по делу № А13-16248/14 // СПС ГАРАНТ.

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июля 2012 г. № 2551/12 по делу № А56-66569/10 // СПС ГАРАНТ.

¹⁰ Пункт 23 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018)...

Нельзя не признать, что позиция высшего судебного органа в отношении природы договора ТП и применимого законодательства выражена предельно ясно. Суд как бы говорит — не ищите в договоре ТП ничего, кроме услуг. Ничего другого здесь нет.

Сторонники смешанного договора полагают, что он содержит признаки договора оказания услуг и подряда¹¹ либо услуг, подряда и совместной деятельности¹². Ранее и суды при разрешении споров из договора ТП считали его смешанным¹³. При этом, однако, как и в случае с непоименованным договором, остается открытым вопрос об определении предмета договора ТП в целом: как деятельность или как результат; и если результат, то какого рода. Это обстоятельство является определяющим при определении момента исполнения сетевой организацией своих обязательств, если последняя их исполнила, а присоединения не произошло, например из-за невыполнения заказчиком ТП своей части мероприятий по ТП.

Вопрос не является сугубо теоретическим. Так, апелляционная инстанция, отменяя решение Арбитражного суда Московской области от 2 июля 2015 г. по делу № А41-73646/14, сделала вывод, что акт сдачи-приемки услуги, которым подтверждалось оказание сетевой организацией услуг, не может быть признан доказательством исполнения ею своих обязательств. Это может быть только акт ТП¹⁴. В другом деле, где сложилась аналогичная ситуация, суд сделал противоположный вывод: акт сдачи-приемки услуг при отсутствии ТП может подтверждать исполнение обязательств сетевой организацией¹⁵. Вышестоящие суды оставили оба вышеуказанных судебных акта в силе.

В настоящее время все большее и большее распространение получает мнение, что договор ТП является подвидом сделки оказания услуг¹⁶. В упомянутом Обзоре судебной практики Верховного Суда России договор ТП по всем своим существенным условиям соответствует договору о возмездном оказании услуг. То есть обязанности заказчика ТП, в силу природы услуг, не относятся к существенным условиям названного договора и могут признаваться только как условие оказания услуги. Однако подобное толкование обязательства по ТП противоречит правилам ТП: мероприятия, выполняе-

¹¹ Городов О.А. Договоры в сфере электроэнергетики. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 134.

¹² Свирков С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 330–331.

¹³ Решение Арбитражного суда Московской области от 19 мая 2016 г. по делу № А41-89833/15; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 сентября 2017 г. по делу № А41-81848/16 // СПС ГАРАНТ.

¹⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 28 сентября 2015 г. по делу № А41-3646/14 // СПС ГАРАНТ.

¹⁵ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10 февраля 2017 г. по делу № А40-192196/16 // СПС ГАРАНТ.

¹⁶ Васев А.А. Определение понятия договора технологического присоединения к электрическим сетям в российском гражданском праве // Ex jure. 2021. № 1. С. 77.

мые заказчиком ТП и сетевой организацией, имеют один и тот же статус существенных условий договора. Данное противоречие вызывает колебания и нынешней судебной практики, когда суды то признают действия сетевой организации при отсутствии ТП надлежащим исполнением, основываясь при этом на природе договорного обязательства услуг и факте проведения сетевой организацией мероприятий по ТП со своей стороны¹⁷, то отказываются это делать, ссылаясь на нормы правил ТП¹⁸, а именно — отсутствие технологического присоединения и соответствующего ему документа — акта ТП¹⁹.

Невольно приходишь к выводу, что предложенные модели договора ТП (подряд, услуги) и даже их сочетания противоречат либо правилам ТП либо природе соответствующего обязательства, либо (непоименованный договор) не позволяют определить его существо. Непонятно, как в этом случае квалифицировать данные отношения, как определить их природу.

При изучении правовой природы договора ТП определяющее значение имеют цели участников данного обязательства и их имущественный интерес²⁰. Но мероприятия, действия, процедуры отражают лишь техническую роль договора ТП, его внешние черты. Эти действия как таковые, вне результата, никакого имущественного интереса для заказчика ТП не представляют. Он не может «потреблять» их как услугу при ее оказании. С другой стороны, результат ТП не может быть отождествлен с передачей заказчику ТП определенной вещи, как в договоре подряда. Какой же должен быть этот результат?

Процесс производства и доведения электрической энергии неразрывен во временном интервале, составляя тем самым единый технологический процесс, а в основе электроэнергетики лежит важнейший организационно-экономический принцип технологического единства электроэнергетики²¹. Это означает, что заказчик ТП, который получил доступ к электрическим сетям, становится частью единого технологического комплекса по производству, передаче и получению электроэнергии. Получение им электроэнергии

¹⁷ Решение Арбитражного суда города Москвы от 29 июня 2021 г. по делу № А40-51463/21 // СПС ГАРАНТ.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // СПС ГАРАНТ.

¹⁹ Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 августа 2021 г. по делу № 40-4646/21// СПС ГАРАНТ.

²⁰ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М., 1950. С. 73.

²¹ Елисеев В.С. Влияние технологического единства на формирование структуры договорных связей в электроэнергетике России // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2020. № 3 (67). С. 96–104.

обусловлено необходимостью для субъектов по производству электрической энергии произвести ее необходимое количество, а для сетевых организаций — доставить конечному потребителю. Без этого присоединение к электрическим сетям для заказчика ТП вообще теряет какой-либо смысл. Поэтому сводить цель мероприятий по ТП только к физическому присоединению и только в контексте взаимоотношений «сетевая организация — заказчик ТП» нельзя. Данная цель шире. Она обусловлена потребностью заказчика ТП в получении или передаче необходимых энергоресурсов и может быть удовлетворена только при прямом или косвенном участии иных субъектов рынка электроэнергетики, а не только сетевой организации. Исходя из этого, цель технологического присоединения — доступ к передаче или получению электроэнергии, иными словами — *возможность* заказчика ТП в результате мероприятий по ТП передавать или получать электроэнергию, а иных субъектов электроэнергетики — обеспечить ему такую возможность. Это и является фактической целью технологического присоединения, в этом проявляется экономическая направленность договора ТП.

Субъективное гражданское право, содержание которого составляют правомочия на собственные действия, правомочия требования, а также правомочия на судебную защиту²², защищает имущественный интерес заказчика ТП, а именно: право на доступ к электроэнергии, право требовать от третьих лиц обеспечения такого доступа и судебную защиту данного права. То есть здесь речь идет уже о *праве* доступа к электроэнергии, то есть юридическом результате присоединения.

Этот вывод порождает очевидные вопросы: что такое имущественное право доступа к электроэнергии, откуда оно возникло и как его можно рассматривать в системе гражданских прав? Ведь договор ТП ничего о праве доступа не говорит. Поэтому данное право, хотя и подразумевает понятные последствия, это достаточно общее, абстрактное понятие, которое описывает лишь природу встречного предоставления со стороны сетевой организации. Вопрос же о конкретном имущественном предоставлении в пользу заказчика ТП остается открытым. Где и как его можно обнаружить?

Большинство авторов, исследующих договор ТП, используют несколько односторонний подход к его изучению: акцент делается прежде всего на мероприятиях по ТП. В этих действиях ищется ответ на вопрос о том, чем является поименованный договор, какова его юридическая природа. При этом без внимания остается денежное обязательство по оплате ТП. Следует, однако, учесть, что данное обязательство носит встречный характер и является денежным эквивалентом имущественного предоставления в пользу заказчика ТП. А если это так, то можно предположить, что заказчик ТП приобретает

²² Российское гражданское право : в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права : учебник. 2-е изд., стер. / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Статут, 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

по договору ТП именно то, за что он платит. Иначе мы приходим к положению, когда заказчик ТП платит за одно, а приобретает что-то другое, неизвестное нам. Именно денежное обязательство может являться объективным отражением конкретного имущественного интереса стороны договора и определять содержание договорного обязательства по ТП в целом.

Статья 23 Закона об электроэнергетике установила государственное регулирование цен (тарифов) в электроэнергетике. Анализ содержания нормативных актов об установлении цены на технологическое присоединение, структура цены на ТП позволяет прийти к выводу, что размер платы по договору ТП зависит от объема приобретенной заказчиком ТП электрической мощности²³.

Электрическая мощность как физическая величина характеризует скорость передачи или преобразования электрической энергии²⁴. Из этого определения следует, что мощность — неотъемлемый параметр последней, определяющий количество передаваемой (преобразуемой) энергии в момент времени. Электрическая энергия не может существовать вне мощности, как и электрическая мощность — вне электрической энергии. Это означает, что обладание мощностью по существу означает доступ к электроэнергии и определяет объем ее получения или передачи в единицу времени.

Энергопринимающие устройства потребителя не могут функционировать при недостаточном объеме мощности. Поэтому потребитель заинтересован в том, чтобы иметь ее необходимый объем для удовлетворения своих производственных, коммерческих, личных или иных потребностей. То есть

²³ См., напр.: Постановление РЭК Москвы от 22 декабря 2008 г. № 121; Постановление РЭК Москвы от 26 февраля 2010 г. № 9 «Об установлении размеров платы за технологическое присоединение потребителей к распределительным электрическим сетям ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» на территории города Москвы»; Постановление РЭК Москвы от 28 декабря 2010 г. № 270 «Об установлении размеров платы за технологическое присоединение потребителей к распределительным электрическим сетям ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» на территории города Москвы»; Постановление РЭК Москвы от 27 декабря 2012 г. № 421 «Об установлении стандартизированных тарифных ставок и ставок за 1 кВт максимальной мощности на уровне напряжения ниже 35 кВТ и присоединяемой мощностью менее 8900 кВт для определения платы за технологическое присоединение к электрическим сетям ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» на территории г. Москвы на 2013 год»; Постановление РЭК Москвы от 27 декабря 2013 г. № 460-тпз «Об установлении стандартизированных тарифных ставок и ставок за 1 кВт максимальной мощности на уровне напряжения ниже 35 кВТ и присоединяемой мощностью менее 8900 кВт для определения платы за технологическое присоединение к электрическим сетям ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» на территории г. Москвы на 2014 год»; Постановление РЭК Москвы от 25 декабря 2014 г. № 542-тпз «Об установлении стандартизированных тарифных ставок и ставок за 1 кВт максимальной мощности на уровне напряжения ниже 35 кВТ и присоединяемой мощностью менее 8900 кВт для определения платы за технологическое присоединение к электрическим сетям ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» на территории города Москвы на 2015 год»; Приказ Департамента экономической политики и развития г. Москвы от 23 декабря 2020 г. № 417-ТР // СПС ГАРАНТ.

²⁴ Электрическая мощность // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Электрическая_мощность/

мощность имеет для него определенную имущественную ценность. С другой стороны, получение объема необходимой ему мощности обусловлено, во-первых, наличием соответствующего количества источников производства электрической энергии, а во-вторых, возможностью ее передачи для дальнейшего потребления. Иными словами, предоставление потребителю мощности сопряжено с издержками в связи с ее предоставлением. В таком виде электрическая мощность может рассматриваться как материальное благо и объект гражданских прав.

Правовой статус мощности определен Законом об электроэнергетике. Статьей 3 данного закона установлены потребители мощности — лица, приобретающие мощность, в том числе для собственных бытовых и (или) производственных нужд и (или) для последующей продажи. Согласно п. 2 ст. 5 закона основой функционирования электроэнергетики является система отношений, связанных с производством и оборотом электрической энергии и мощности на оптовом и розничных рынках. В пункте 1 ст. 30 закона мощность поименована особым товаром. На основании вышеуказанных норм можно сделать вывод, что электрическая мощность по своей природе — это имущественное право, товар и в этом качестве она может являться объектом оборота, в том числе и объектом договора купли-продажи.

Обладание электрической мощностью подразумевает доступ к электрической энергии через присоединенную сеть, о котором мы говорили выше. То есть мощность в договоре ТП служит формой предоставления заказчику ТП права доступа к передаче или получению электроэнергии через присоединенную сеть. Таким образом, доступ заказчика ТП к получению или передаче электроэнергии реализуется им в виде возмездного приобретения у сетевой организации согласованного объема электрической мощности.

Электрическая мощность как объект гражданских прав имеет свои особенности. Данные особенности заключаются в том, что, будучи по своей природе правом, защищающим имущественные интересы заказчика ТП на его доступ к передаче или получению электроэнергии, мощность не может быть передана другому лицу без соответствующих технических мероприятий, связанных с ее передачей, в отличие, скажем, от уступки денежного требования. Мероприятия по технологическому присоединению выступают в этом случае условием передачи заказчику ТП необходимого объема мощности. Показательно в этой связи, что документ, который определяет перечень мероприятий по ТП, поименован в правилах ТП как «технические условия». Это именно технические (не имущественные, не правовые) и именно условия (не причина, не основание) договора ТП. Поэтому сводить цель договора ТП исключительно к выполнению мероприятий по ТП, даже если внешне это и выглядит только как выполнение данных мероприятий, нельзя. Мероприятия по технологическому присоединению являются *conditio sine qua non* передачи мощности, но не *causa* договора.

Вопрос о мощности при выполнении мероприятий по ТП не является новым ни в науке, ни в правоприменительной практике. Так М.Т. Хамидуллин делает вывод, что «...предмет договора технологического присоединения составляют действия исполнителя по созданию (реконструкции) объектов теплоснабжения с передачей заявителю результата, не имеющего материальной формы в виде имущественного требования. В таком виде договор о подключении соответствует договору возмездного оказания услуг»²⁵. И далее: «Таким образом, целью договора о подключении является создание (реконструкция) объектов теплоснабжения и передача заявителю права требования с возникновением обязательственного правоотношения по поддержанию генерирующего и сетевого оборудования в состоянии постоянной готовности к производству и транспортировке энергии до потребителя. Данное гражданско-правовое обязательство именуется в законодательстве мощностью»²⁶. Помимо этого, М.Т. Хамидуллин указывает, что законодатель считает мощность товаром и допускает ее оборот на рынке²⁷. Обращает на себя внимание, что автор одной из целей договора ТП видит мощность, которая им определяется как нематериальное, имущественное требование. Вместе с тем, делая такой вывод, М.Т. Хамидуллин квалифицирует договор ТП как услугу. Это вызывает вопрос: если потребитель приобретает по договору ТП мощность, которая является товаром, то и оплачивать он должен именно ее, а не услугу?

Суды считают мощность самостоятельным материальным благом при технологическом присоединении²⁸.

Складывается парадоксальная ситуация: передача мощности признается целью договора ТП, законодательство относит ее к особому товару²⁹, а судебная практика — к самостоятельному материальному благу. Однако общий вывод из данных обстоятельств не делается.

С учетом изложенного, этот вывод сводится к тому, что имущественный интерес заказчика ТП по договору ТП направлен на обеспечение его доступа к получению или передаче электроэнергии. Данный интерес реализуется им в возмездном приобретении у сетевой организации определенного объема электрической мощности. Мощность является ключевым элементом

²⁵ Хамидуллин М.Т. Договор технологического присоединения к системе теплоснабжения : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2021. С. 43.

²⁶ Там же. С. 44–45.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 февраля 2019 г. № Ф04-2371/2017 по делу № А45-8901/2016; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 июня 2017 г. № Ф04-1549/2017 по делу № А67-8999/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 января 2020 г. № Ф07-16637/2019 по делу № А56-135194/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 июля 2020 г. № Ф08-4381/2020 по делу № А32-2494/2019 // СПС ГАРАНТ.

²⁹ Статьи 3, 30 Закона об электроэнергетике.

договорного обязательства по ТП и определяет его природу. В таком виде договор ТП является договором купли-продажи права (электрической мощности).

Мельников О.О.,

руководитель проекта ПАО «Россети Московский регион»,
соискатель сектора гражданского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института государства и права Российской академии наук
(г. Москва)

Литература

1. Васев А.А. Определение понятия договора технологического присоединения к электрическим сетям в российском гражданском праве / А.А. Васев // Ex Jure. 2021. № 1.
2. Городов О.А. Договоры в сфере электроэнергетики / О.А. Городов. Москва : Волтерс Клувер, 2007.
3. Елисеев В.С. Влияние технологического единства на формирование структуры договорных связей в электроэнергетике России / В.С. Елисеев // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2020. № 3 (67).
4. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательствах / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1950.
5. Российское гражданское право : учебник. В 2 томах. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / ответственный редактор Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. Москва : Статут, 2011.
6. Свишков С.А. Гражданско-правовое регулирование в сфере энергоснабжения : диссертация доктора юридических наук / С.А. Свишков. Москва, 2019.
7. Свишков С.А. Договорные обязательства в электроэнергетике / С.А. Свишков. Москва : Статут 2006.
8. Свишков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии : монография / С.А. Свишков. Москва : Статут, 2013.
9. Семенович К.С. Договор технологического присоединения к электрическим сетям : диссертация кандидата юридических наук / К.С. Семенович. Санкт-Петербург, 2017.
10. Хамидуллин М.Т. Договор технологического присоединения к системе теплоснабжения : диссертация кандидата юридических наук / М.Т. Хамидуллин. Казань, 2021.
11. Хамидуллин М.Т. Модель договора технологического присоединения к сетям энергоснабжения по российскому законодательству / М.Т. Хамидуллин // Энергетическое право: модели и тенденции развития : материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 12–13 ноября 2020 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : Е.Е. Тонков, Р.Н. Шалайкин ; ответственный редактор А.В. Габов. Белгород : Белгород, 2021.
12. Хмелевская И.Г. К вопросу о правовой природе договора об осуществлении технологического присоединения к объектам электросетевого хозяйства / И.Г. Хмелевская // Энергетическое право: модели и тенденции развития : материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 12–13 ноября 2020 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : Е.Е. Тонков, Р.Н. Шалайкин ; ответственный редактор А.В. Габов. Белгород : Белгород, 2021.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 24

ISBN 978-5-94103-523-6

9 785941 035236 >

Макет подготовлен ООО «Издательская группа «Юрист»